КРИС ОГДЕН

Маргарет Тэтчер

ЖЕНЩИНА У ВЛАСТИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге американского журналиста, долгое время проработавшего в Великобритании, сочетаются элементы биографии, политического портрета и летописания. В центре ее — личность Маргарет Тэтчер и объективный анализ периода 1979–1990 годов, на которые приходится ее пребывание в должности английского премьера. Политическая технология глубоких, далеко идущих перемен в устоявшемся, самодовольном и размагниченном обществе — вот что рождает аналогии и ассоциации, сравнения и противопоставления «консервативной революции» Тэтчер в Великобритании и революционной перестройки в нашей стране.

- Крис Огден
  -
  - ВВЕДЕНИЕ
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Глава двадцать первая
  - Глава двадцать вторая
    -
    - О семье
    - О своем доме
    - О роли женщин

- О главах государств — мужчинах
- О внешнем виде
- О правительстве и управлении
- О своих личных качествах
- О богатстве и предприимчивости
- О приватизации
- О лейбористской партии
- Об обороне
- О том. пойдет ли она на использование ядерного оружия
- Об отношениях с Соединенными Штатами
- Об отношениях с Советским Союзом
- О социализме
- О национальной гордости британцев
- О законности и правопорядке
- О Северной Ирландии
- О профсоюзах
- Об иммиграции
- О тех. кто ее критикует
- О том, кто придет ей на смену

○ БИБЛИОГРАФИЯ

• notes
  ○ 1
  ○ 2
  ○ 3
  ○ 4
  ○ 5
  ○ 6
  ○ 7
  ○ 8
  ○ 9
  ○ 10
  ○ 11
  ○ 12
  ○ 13
  ○ 14
  ○ 15
  ○ 16
  ○ 17
  ○ 18
  ○ 19
  ○ 20
  ○ 21
  ○ 22

- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30

Крис Огден
МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР, ЖЕНЩИНА У ВЛАСТИ

ВВЕДЕНИЕ

Идея написать эту книгу родилась у меня в 1987 году, когда я наблюдал, как Маргарет Тэтчер стремительно идет к своей третьей победе. Наперекор всем представлениям о том, как должен действовать британский премьер-министр консерватор, она начала свою предвыборную кампанию в Кремле, встретившись лицом к лицу с Михаилом Горбачевым. Три дня ломали они копья в упорном поединке интеллектов. Она вышла из единоборства сияющая. Затем, по возвращении в Англию, она воспользовалась ростом своей популярности и объявила о проведении всеобщих выборов на очередной пятилетний срок. Чуть ли не каждое утро в продолжение той месячной политической кампании я посещал ее ежедневные пресс-конференции в штаб-квартире консервативной партии. По обе стороны от Тэтчер сидели члены ее кабинета, но они почти не открывали рта и подчас вздрагивали, если она к ним обращалась. Она давала ответ на любые вопросы; похоже, не было такой вещи, которой бы она не знала.

Когда в июне она одержала убедительную победу на выборах, получив преимущество в 101 голос в палате общин, ей было обеспечено место в истории как премьер-министру, впервые после 20-х годов XIX века избранному на три срока подряд. Более того, эта победа означала, что осуществляемая ею революция продолжится и в следующем десятилетии. Ее власть и могущество достигли апогея. Во внутренней политике она доминировала над оппозицией и диктовала повестку дня. Во внешней она сегодня протягивала руку помощи Рональду Рейгану, завтра вершила дела с Горбачевым, изо дня в день определяя роль Англии в Европе, в западном сообществе, в мире. По сравнению с ней другие лидеры казались карликами. В ту пору она, безусловно, была самой могущественной, самой влиятельной женщиной на свете. Благодаря ей, Тэтчер, Англия вновь обрела свое место на политической карте мира. Этот поразительный поворот сумела совершить она, Маргарет Тэтчер.

А ведь в 1975 году, когда Тэтчер прибрала к рукам консервативную партию, страна находилась на грани банкротства. Обеспокоенный Международный банк подозрительно косился на английский. Эдуард Хит, лидер консерваторов и бывший премьер-министр, в прошлом году дважды потерпел поражение на выборах от социалистической лейбористской партии. Самые важные, самые влиятельные

деятели партии консерваторов заседали в своих клубах на Пэлл-Мэлл, куда допускались только мужчины, и за ленчем с бордо и портвейном, ломая в отчаянии руки, вопрошали: что делать? Делать что-то было необходимо. Но, о горе, что? Европа и Азия грозили все более жесткой промышленной конкуренцией. Налогообложение, вытряхивающее кошельки, и избалованные профсоюзами рабочие, предпочитающие работе мазохистские забастовки, отпугивали инвесторов, чьи капиталы уплывали в другие страны. Происходила и «утечка мозгов»: лучшие умы Англии потоком устремлялись за границу, привлеченные перспективами более интересной и высокооплачиваемой работы.

Англия была «больным человеком Европы», мишенью для насмешек политических памфлетистов. Забастовки звались «английской болезнью». Страна, приверженная «большому правительству», катилась под уклон, деградировала. В отличие от Соединенных Штатов, Франции и коммунистических гигантов — СССР и Китая — Англия не прошла через революционные преобразования современной эпохи. Да, традиционалисты-консерваторы меньше всего хотели подлинной революции; социалисты же были твердо намерены не допустить уменьшения государственного контроля. Ни те ни другие не шли дальше устранения мелких недостатков, в то время как страна опускалась на дно.

Тэтчер была среди консерваторов фигурой нетипичной, настоящей белой вороной среди тяжеловесных зануд — тори. Консерваторы, в свое время партия привилегированных слоев, партия помещиков и солидных буржуазных дельцов, так и оставались в конечном счете кружком самоуверенных бывших однокашников, связанным узами приятельства и взаимной выручки. Тэтчер вышла из самого нижнего слоя среднего класса страны, в которой классовая принадлежность имеет большое значение, особенно в коридорах власти. Пробиться в верхушку консервативной партии во многих отношениях было трудней, чем стать премьер-министром.

Она была женщиной в обществе, в котором все еще безраздельно господствовали мужчины. Она была также фанатично прилежным работником в культурной среде, которая никогда не считала предметом гордости изнурительный труд, особенно на руководящем посту, и сокрушительницей институтов в стране, которая дорожит ритуалами и традициями и печально известна своим неприятием перемен.

Ее карьера — политический эквивалент головокружительного взлета литературного героя Хорейшио Алджера[1], поднявшегося от нищеты к богатству, только произошло это не в воображении

писателя, а в реальной жизни. Не в пример Индире Ганди, Беназир Бхутто или Корасон Акино, эта женщина пробилась наверх, не имея для этого никаких семейных связей. Разве что в биографии Голды Меир, премьер-министра молодого государства Израиль, имелось нечто общее с упорным подъемом Тэтчер, дочери бакалейщика в «самом скучном из английских городов», к положению самой влиятельной политической фигуры в Англии мирного времени за все нынешнее столетие.

Она добилась этого, придя в дом номер 10 на Даунинг-стрит с мечтой и с твердой решимостью увидеть ее воплощенной. Мечтой Тэтчер была Англия без социализма, Англия, в которой процветает свободное предпринимательство и которая снова может гордиться собой. С рвением миссионерки-евангелистки взялась она за осуществление поставленных целей. Современный политик со средневековым менталитетом, Тэтчер ищет решения проблем в том же настрое духа, в каком рыцари-крестоносцы искали чашу Грааля. Для нее политические битвы — это битвы принципов, битвы между силами света и тьма, добра и зла, личностями и государством. Неверными были в ее глазах коммунисты и социалисты, эти враги трудолюбия и предприимчивости, угрожающие свободе. Силы, поднятые ею на бой, обратят всех неверных в бегство.

Никому не было пощады в этом крестовом походе, ознаменовавшемся нескончаемыми сражениями — порой со значительно превосходящими силами. Войну за океаном она провела с такой непоколебимой решительностью, что министр обороны назвал ее «самым стойким воином, который у нас только был». Внутри страны она после жесткой распри, длившейся целый год, обуздала самый непокорный профсоюз, заставив его повиноваться. У себя в кабинете она расправилась со слабыми или недостаточно преданными министрами и обезоружила соперников, чтобы выйти из этих перипетий преобразившейся из рабочей пчелы в пчелиную матку. И на каждом этапе этого пути она сражалась с глубоко укоренившейся национальной инерцией.

К моменту, когда Тэтчер одержала свою третью победу, я уже два года писал о ней в печати. Я следовал за ней в ее поездках по Англии и за границу, интервьюировал ее, наблюдал, как она ведет дела с главами государств, как выступает в палате общин. Ее превосходство было поразительным. Какой захватывающий материал для книги! Но о ней уже было написано немало книг, в том числе довольно хороших; однако, просмотрев их, я обнаружил, что почти все они написаны авторами-англичанами преимущественно для читателей-англичан.

Но ведь влияние Тэтчер распространилось далеко за пределы

Англии. Это личность огромного, поистине мирового масштаба, единственный крупный лидер, продержавшийся у власти все десятилетие восьмидесятых годов. Ее бескомпромиссное отношение к Европе побуждало европейских лидеров уделять Англии такое же внимание, какое де Голль заставлял уделять Франции. Расположения Тэтчер искали Москва и Пекин. Черная Африка сперва клеймила ее, а затем начала уважать. Арабский мир стремился вовлечь ее в миротворческий процесс на Ближнем Востоке. Содружество наций сражалось с ней из-за Южной Африки. Аргентина воевала с ней из-за Фолклендских островов, благодаря чему о Тэтчер заговорила вся Южная Америка, а сама она доказала, что прозвище «железная леди» дано ей отнюдь не случайно.

Ее влияние на Соединенные Штаты и влияние Штатов на нее — явление уникальное. Тэтчер не просто интеллектуальная сторонница политики тесного сотрудничества с США в рамках Североатлантического союза. С юности, пришедшейся на годы второй мировой войны, и вплоть до встреч с Джорджем Бушем в Кэмп-Дэвиде Тэтчер восхищалась в Соединенных Штатах почти всем, за исключением бюджетного дефицита. Ее отождествление себя с американцами — важная составная часть ее духовного облика. Подобно большинству приверженцев «Малой Англии», она питает недоверие к европейцам. Ее приводит в восторг упрямая решительность американцев. Ей нравится энергично-деловитый дух людей, обязанных всем самим себе. А американцам нравится она. Во время последней кампании по выборам президента в Америке кандидаты всячески афишировали свое «знакомство» с Тэтчер в надежде нажить на этом кое-какой политический капитал.

Тэтчер сформировала в себе те ценности, которыми руководствуется большинство американцев: уверенность в себе, упорный труд, простота и практичность в финансовых делах. Она верна этим ценностям и по сей день. Высоко оценив консерватизм Рональда Рейгана и его способность сплотить Соединенные Штаты, которые, как она считала, находились в состоянии разброда, Тэтчер создала один из самых замечательных политических тандемов нашего столетия. В течение большей части 80-х годов Рейган был администратором Запада, а Тэтчер была его правой рукой в оперативной деятельности. Она не давала президенту свернуть с правильного пути и заботилась об укреплении Атлантического союза. До появления на политической арене Горбачева никакой другой руководитель иностранной державы не оказывал в 80-е годы на Соединенные Штаты влияния, сопоставимого с влиянием Тэтчер.

И несмотря на все это, несмотря на все значение ее отношений с четырьмя последними президентами США, несмотря на огромную ее популярность в Соединенных Штатах, несмотря на ее открытую приверженность американским идеалам, ни один американец за долгие годы не написал книги, посвященной феномену Тэтчер. Ни один американец, свободный от комплекса переживаний, связанных с классовыми различиями, не попытался разобраться в том, что же такое произошло в Англии, благодаря чему Мэгги стала не только самой влиятельной женщиной в мире, но и одним из самых влиятельных государственных деятелей своего времени. Автор этих строк — американский журналист, бывший корреспондент в Москве и при Белом доме — решил попытаться восполнить этот пробел, тем более что ему помогали кое-какие английские впечатления, полученные до этой последней командировки 1985–1989 годов.

Ребенком я провел в Англии большую часть 1952 года. Мой отец, газетный редактор, взявший годичный творческий отпуск, водил меня на Даунинг-стрит помахать ручкой премьер-министру Уинстону Черчиллю. Собственно тогда все остальное в стране к приветствиям и не располагало. Сохранялось послевоенное нормирование продуктов. Топлива не хватало; в квартире, которую мы снимали, всегда было холодно. На каждом шагу виднелись следы бомбежек. Из-за вспышки ящура молоко можно было пить только в кипяченом виде. Законов, запрещающих загрязнять воздух, не существовало, и Лондон то и дело окутывала густая, промозглая пелена клубящегося тумана, смешанного с удушливым дымом. Тэтчер в ту пору было двадцать семь лет, и жила она по соседству со мной. Тогда я этого не знал, а если бы и знал, то что толку. Больше всего меня, семилетнего, поразила мрачная атмосфера Англии. «В Англии воняло», — объявил я родителям по приезде во Францию в том же году. Тэтчер в эти суровые, мрачные годы взрослела, и запомнившаяся мне атмосфера, наверное, способствовала формированию ее решимости.

С 1970 по 1972 год судьба опять занесла меня в Англию — на сей раз я приехал как корреспондент агентства Юнайтед Пресс Интернэшнл. Вскоре после моего приезда лейбористское правительство, возглавляемое премьер-министром Гарольдом Вильсоном, пало, к власти пришли тори во главе с Хитом, и Маргарет Тэтчер была официально введена в должность министра образования. Очень скоро ее пригвоздили к позорному столбу как «Тэтчер — воровку молока у детей», как самую подлую женщину в Англии. Для Англии это были тоже нелегкие годы. Правительство не владело ситуацией. Всю Северную Ирландию раздирало

насилие. Страной правили профсоюзы. Нормирование продуктов ушло в прошлое, но жизнь отравляли охватившие страну забастовки. Когда прекращалась подача электроэнергии и Лондон погружался во тьму, мы работали в офисе ЮПИ рядом с Флит-стрит при свечах. В газетах печатались советы, как согреться в неотапливаемой квартире. Положение настолько ухудшилось, что Хит был вынужден перевести работников сферы обслуживания на трехдневную рабочую неделю. В казначействе не было денег на оплату полной рабочей недели. Экономика прямо катилась к катастрофе.

Когда я вновь приехал в 1985 году, Англия после шести лет крестового похода, возглавляемого Тэтчер, стала неузнаваемой — преуспевающей, гордой, с высокой производительностью труда. Путь к успеху не был безоблачным. Экономический подъем, связанный с именем Тэтчер, поднял с мели далеко не все британские суда. Общественные учреждения, система образования и беднейшие слои общества пострадали в результате ее жесткого, ориентированного на самопомощь подхода к государственному управлению. Многие британцы справедливо считают Тэтчер виновной в том, что произведенная ею революция потребовала слишком больших жертв. Она непопулярна среди интеллигентов, которым ненавистна ее неуступчивость, ее целеустремленное рвение и ее назидательность. Ее критики не преминут отметить, что все достигнутое — не только ее заслуга. Ей помогало то, что почти все 80-е годы были временем подъема в мировой экономике. Широкая программа приватизации — бывший премьер-министр Гарольд Макмиллан назвал ее «распродажей фамильных драгоценностей» — и доходы от разработки месторождений нефти в Северном море обеспечили английской экономике искусственное процветание. Все верно. Эти факторы помогли ей. Они сыграли роль хирургических инструментов, которыми Тэтчер проводила операцию на своем больном.

Верно и то, что в начале 90-х годов пора расцвета Тэтчер, вероятно, останется позади. В стремительно меняющемся мире с обновленным составом главных действующих лиц перед ней встают большие и серьезные проблемы. Если Тэтчер не сможет проявить достаточную гибкость, чтобы приспособиться к новым политическим условиям, ее «фирменная» твердость, когда-то величайшее ее достоинство, возможно, обернется парализующим недостатком.

С обозначившимся мировым экономическим спадом английская экономика вновь стала неустойчивой. К тому же Тэтчер подорвала свое положение внутри страны, вступив в более

острое, чем обычно, противоборство со своими товарищами по партии — консерваторами. Главный ее конкурент, лейбористская партия, похоже, начинает организовываться после многолетнего внутреннего раскола. Крах центристской партии альянса означает, что отныне ей больше не противостоит расколотая оппозиция.

Друг Тэтчер Рональд Рейган уступил свое место Джорджу Бушу, который чувствует себя гораздо более уверенно, чем Рейган, имея дело непосредственно с Франсуа Миттераном, Гельмутом Колем да и с Михаилом Горбачевым, и меньше нуждается в ее помощи. Ее предостережения и призывы не ослаблять бдительности НАТО, несмотря на развал советского блока, звучат при всей их актуальности немного старомодно. Нежелание Тэтчер продвигать дело политической и экономической интеграции Европы изолировало ее от союзников; поэтому она выглядит обструкционисткой, этаким тормозом, не позволяющим набрать высокие обороты машине европейского объединения.

Таковы главные проблемы, стоящие перед Тэтчер, — они носят более глубокий, более трудный, более стратегический характер, чем многие из тех, что она уже решила. Ей приходилось попадать в крутые политические передряги: перессориться со всеми, взбесить друзей, отстать от политических противников по рейтингу, да так, что разрыв в проценте сторонников составлял двузначную цифру, а потом взять да и возвратить себе утраченные позиции. В 1981 году казалось, что ей не под силу выбраться из кризиса, но благодаря Фолклендам она сделала это; через пять лет она снова оказалась на волоске от поражения, но посрамила скептиков. Однако на сей раз Тэтчер ожидают более серьезные неприятности. Опасность сменить репутацию женщины завтрашнего дня на репутацию женщины дня вчерашнего — это самое большое испытание, которое ей выпадало. Мало кто сомневается в ее способности выйти из трудного положения, но если Тэтчер не переменится, она, возможно, не одержит победу на выборах в 1991 или 1992 году и не станет премьером на четвертый срок[2].

Победит она или нет, конечно, существенно для нее, но в длительной перспективе это почти не имеет значения. Дело в том, что Тэтчер — неважно, миновала ее пора расцвета или она все еще остается лучшим современным государственным деятелем — уже преобразила Англию. Она устроила славной старушке Англии грандиозную встряску, в которой та нуждалась. Она открыла англичанам новые альтернативы. В том числе и психологически дискомфортное понимание, что самые серьезные

препятствия к успеху — в них самих. Она возродила национальную гордость и указала путь к процветанию — немалое достижение в стране, долго считавшей создание богатства чем-то слишком материалистичным, слишком безвкусным, слишком американским. Тэтчер поняла, что неспособность создавать богатство, неспособность стимулировать производительный труд, капиталовложения и талант гибельны для Англии.

И перспектива гибели представлялась вполне реальной. Англия была смертельно больна. Но в лице Тэтчер страна обрела именно то, в чем она нуждалась: подходящего человека в нужный момент с точным рецептом. До нее пытались лечить Англию перевязками и таблетками. Тэтчер знала, что шанс на спасение дает только оперативное вмешательство. Ко времени ее прихода к власти в Англии уже начались процессы гниения и распада.

Глава первая
НАСЛЕДИЕ

Может быть, «Битва за Англию» в 1940 году и была, по словам Черчилля, «лучшим часом» нации, зато все остальные годы XX столетия вплоть до появления на авансцене Маргарет Тэтчер были временем длительного скольжения вниз по наклонной плоскости. Когда в 1979 году Тэтчер пришла к власти, страна могла похвастать лучшими актерами из всех актеров мира, говорящих по-английски, лучшим теннисным турниром и самыми зелеными газонами на свете. Все другое оставляло желать лучшего. В 60-е годы произошел кратковременный всплеск новых веяний, поднявших настроение англичан и помешавших осознанию того, как далеко зашел процесс разложения. Однако к 70-м годам корона властительницы вкусов в поп-музыке вернулась к Америке, а законодательницами мод вновь стали Франция и Италия. Призы за дизайн уплывали в Японию. Экономическое лидерство все больше переходило к Германии.

Даже королевская семья казалась безжизненной, пока принцесса Диана не стала предметом постоянного внимания средств массовой информации.

Сравните мрачные послевоенные годы с последними годами XIX века, когда Британская империя, в расцвете своего могущества, владычествовала над 20 процентами поверхности суши. Ко времени шестидесятилетнего юбилея царствования королевы Виктории, который отмечался в 1897 году (а всего она процарствовала шестьдесят три года), под ее скипетром находилось 450 миллионов подданных — четвертая часть населения земли, больше чем в Российской, Французской, Германской и Португальской империях, вместе взятых {1}. Англия, вся площадь которой уступает площади штата Орегон, контролировала территорию в 11 миллионов квадратных миль, более чем втрое превышающую размеры Римской империи поры наивысшего расцвета. Военно-морские силы Великобритании, насчитывавшие 61 линейный корабль (а всего 330 кораблей и около 100000 моряков), господствовали на море, а сотни торговых судов, перевозивших 45 процентов мировых грузов, доставляли природные богатства из всех уголков империи, чтобы работали с полной нагрузкой фабрики центральных графств Англии, где брала разбег первая промышленная революция.

Экономическая мощь Британии была под стать ее

политическому могуществу. К началу нашего века Англия контролировала пятую часть всей мировой торговли, которая велась на основе фунта стерлингов; три четверти мировых капиталовложений осуществлялись через Сити, финансовый район Лондона.

Британия (тогда действительно Великобритания!) казалась всесильной, ее могущество — незыблемым, но ее господствующее положение делало ее и объектом козней завистливых соперников. На море германский кайзер Вильгельм стремился подорвать превосходство ее военно-морских сил. В Северной Африке Франция подкапывалась под английское колониальное могущество. На юге Африки британцы сражались с бурами, потомками немецких и голландских колонистов. Россия угрожала британским рубежам в Персии и Афганистане. По ту сторону Атлантики была в полном разгаре промышленная революция в Соединенных Штатах, которая началась позже, чем в Англии, но дала мощный подъем американской экономике. Железнодорожный бум резко увеличил темпы роста в угольной промышленности и черной металлургии Соединенных Штатов. Одновременно разработка методов массового производства, таких, как конвейер Генри Форда, стремительно наращивала промышленную мощь Америки. Изобретение беспроволочного телеграфа и телефона привело к расширению рынков и усилило давление на Англию со стороны конкурентов.

На протяжении многих лет спорили о том, не приведут ли перенапряжение в экономике и действия рыночных сил сами по себе к развалу империи. Некоторые экономисты доказывали, что огромные капиталовложения Англии за границей (к 1914 году 43 процента всех заграничных инвестиций в мире были английскими) оборачивались нехваткой капитала в метрополии, меньшими внутренними капиталовложениями, недостаточно высокой эффективностью экономики. Другие, напротив, полагали, что в условиях нарастающей диверсификации Англия вполне сумеет приспособиться и удержать свое господствующее положение, если только сохранится мир.

Однако выстрел, прозвучавший на Балканах в 1914 году, изменил все, и в особенности мировую экономику, а следовательно, и былое влияние на нее Англии. Четыре года спустя, когда кончилась первая мировая война, Англия была совершенно разорена. Империя потеряла три миллиона своих подданных, среди них 962 661 гражданина одной только Англии. Два миллиона человек были ранены, причем некоторые так тяжело, что до конца своих дней оставались на попечении государства {2}. Островное королевство потеряло более 15

процентов своих ресурсов. Оно задолжало 11 миллиардов долларов европейским союзникам и 5 миллиардов — Соединенным Штатам, которые из войны вышли ведущей экономической державой. Вместе с «прекрасной эпохой» ушел в прошлое и старый международный экономический порядок.

Впрочем, Англия все-таки кое-что выиграла. Франция перенесла оккупацию, и жертвы ее были вдвое больше. Германия была опустошена и разоружена, ее военно-морской флот пущен ко дну. Австро-Венгерская империя распалась на мелкие государства. Российская империя потеряла большие территории на западе, позже пережила революцию и гражданскую войну. Соединенные Штаты — вот кто вышел из войны подлинным победителем. Соединенные Штаты, вступив в войну позже, в 1917 году потеряли 116000 убитыми, не понеся никакого материального ущерба. В 1913 году США были государством-должником с задолженностью порядка 4 миллиардов долларов; к 1919 году они стали крупным кредитором с положительным сальдо почти такой же величины. Япония за годы войны тоже значительно укрепила свои позиции в Азии, сильно подорвав экономическое господство Англии. Пока Англия воевала, Япония спешила наводнить своими товарами Китай, Ост-Индию и Индию — традиционные рынки сбыта Британской империи. По мере того как повышался спрос на новые виды топлива, газ и нефть, падал спрос на английский уголь. Превосходство Англии в области торгового судоходства тоже оказалось подорванным: война создала избыток судов. В этой прибыльной сфере с высокой степенью конкуренции Англия тоже утрачивала свое лидирующее положение.

Возвратить утраченное было трудно. За годы войны Англия лишилась заграничных капиталовложений. Ей предстояло выплачивать военные долги, казна была пуста, традиционного активного сальдо торгового баланса больше не было. Англии следовало бы потуже затянуть пояс. Но слишком приверженная ностальгии, слишком легкомысленно надеявшаяся на восстановление довоенного положения, Англия не пошла на самоограничение. Она мечтала о возврате старого доброго времени, когда Лондон был признанным главным банкиром мира. В начале 20-х годов, когда в Европу потекли миллиарды американских инвестиций, Англия без всякого на то основания вновь обрела уверенность в себе. В 1925 году, том самом году, когда родилась Маргарет Тэтчер, новый министр финансов Уинстон Черчилль снова ввел в стране золотой стандарт, в соответствии с которым фунт стерлингов оценивался в 4,85 доллара. У Черчилля имелись некоторые сомнения в

оправданности этого шага, но впоследствии он говорил, что, не предприми его, мир ввел бы золотой стандарт на основе долларового, а не стерлингового курса. Решение было принято скорее по эмоциональным, чем по рациональным соображениям. Фунт был оценен слишком высоко, особенно по сравнению с долларом и французским франком, которые имели более прочное золотое обеспечение. Англия пыталась руководить миром так, как она делала это до войны, но теперь — без надежных резервов.

Это решение наглядно иллюстрировало одну серьезную проблему. В период между мировыми войнами Англия нуждалась в твердом, решительном руководстве. Вместо этого восторжествовала ностальгия по прошлому. Маятник общественного поведения, откачнувшись в ужасе от жестокости войны, вернулся в положение мягкой покорности. После кошмара военных лет государственная жизнь Англии 20-х и 30-х годов отличалась благонравием и упорядоченностью. Процветал романтический идеализм. Энергия и неистовое рвение — качества, которые некогда символизировали фигуры Нельсона и Веллингтона и которые Маргарет Тэтчер попытается вновь привить нации полвека спустя, — не поощрялись. «Долг и благородство превыше честолюбия и карьеризма», — поясняло учебное руководство министерства по делам колоний, выпущенное в тот период {3}. Вкус и воспитание значили больше, чем способность выдерживать конкуренцию. К несчастью для Англии, остальной цивилизованный мир думал иначе. Соперники заметили мягкотелость Англии и повели себя соответствующим образом. «Проявляя такие качества, как мягкость, доверчивость, альтруизм и строгое соблюдение нравственных норм поведения в сфере человеческой деятельности, где все еще царили вероломство, цинизм, беспринципность, обман и сила, поставленные на службу национальной корысти, англичане двадцатого века оказались обезоруженными и ослепленными своими же собственными достоинствами», — писал Коррелли Барнетт в «Крушении британского могущества» {4}.

Самой типичной фигурой того времени, наиболее полно воплотившей его дух, являлся Стэнли Болдуин — консерватор, занимавший к моменту рождения Маргарет Тэтчер пост премьер-министра.

Мягкосердечный, терпеливый, старомодно добродетельный, Болдуин не выносил даже малейшего намека на конфронтацию. Больше всего он любил «настроение покоя и ностальгии на закате, когда британская нация, словно пожилая чета на отдыхе, наслаждающаяся мирным окончанием дня, задумчиво созерцает открывающийся взору английский пейзаж и прислушивается к

далекому колокольному звону» {5}. Болдуин считал, что жизнью следует наслаждаться, смаковать каждый ее миг, — чудесное мироощущение середины 20-х годов, когда казалось, что мировая экономика возвращается в довольно спокойное русло. Но видимость была обманчива. После биржевого краха на Уолл-стрит в октябре 1929 года стало совсем не до созерцания пейзажей. Кризис, начавшийся в Америке, дал о себе знать во всех уголках мира.

В 1929 году Болдуина сменил Джеймс Рамсей Макдональд, который еще в 1924 году стал первым английским лейбористом на посту премьер-министра, правда тогда ненадолго. Пацифист, мечтавший избавить мир от оружия, Макдональд был сбит с толку кризисом 1929–1930 годов. Он попытался свести к минимуму отрицательные последствия кризиса для британцев, сохраняя низкие ставки процента и высокие расходы на социальное обслуживание. Эта комбинация мер опустошила казну и привела к колоссальному по тем временам бюджетному дефициту в полмиллиарда долларов. Деловое доверие было торпедировано, и когда Англия попыталась заручиться помощью американских банков, те дали понять, что предоставление займов будет зависеть от способности Макдональда навести порядок в национальном финансовом хозяйстве. Сокращение дефицита означало снижение бюджетных расходов — нож острый для лейбористского правительства. И ко времени, когда наконец Макдональд решился на это, было уже поздно. В 1931 году Англия отказалась от золотого стандарта и поспешно ввела высокие протекционистские тарифы; экономическая система рушилась {6}.

На протяжении всех 30-х годов нарастала и международная напряженность. В 1931 году Япония вторглась в Маньчжурию. Двумя годами позже Гитлер начал перевооружать Германию. В 1935 году итальянский диктатор Бенито Муссолини напал на Эфиопию. В Испании вспыхнула гражданская война. Соединенные Штаты, надежно защищенные 3000-мильным простором Атлантики, впали в изоляционизм и приняли в 1935 году закон о нейтралитете, дабы избежать обязательств, которые способствовали вовлечению их в первую мировую войну. Англия тоже хотела бы остаться в стороне, но, будучи отделена от Европейского материка лишь Ла-Маншем шириною в 21 милю, не могла позволить себе роскошь оставаться безучастной в силу географической удаленности.

Терзаемая воспоминаниями о страданиях, перенесенных в годы первой мировой войны, Англия хотела удержать то, что имела, без кровопролития. «И левые и правые одинаково

стремились к спокойной жизни», — писал в начале 30-х годов постоянный заместитель министра иностранных дел сэр Роберт Ванситтарт {7}. Высшие чиновники министерства иностранных дел и государственной гражданской службы образца 30-х годов, возможно, будучи в большей степени буржуа, чем их предшественники, были не меньшими идеалистами и романтиками.

В довикторианскую эпоху ведущие политики Англии были жесткими стратегами, недоверчивыми и подозрительными, готовыми ринуться в бой со шпагами и пистолетами, а то и с голыми руками. Когда один член парламента в разговоре с Черчиллем заметил, что Макдональду или Болдуину следовало бы последовать примеру Франклина Рузвельта, который сплачивал американцев своими радиобеседами «у камелька», Черчилль презрительно фыркнул: «От их тягомотины в камельке погас бы огонь» {8}.

Английские лидеры того поколения, будучи сторонниками политики консенсуса и людьми с глубокими религиозными чувствами, полагали, что власть Британии преуспевала, в частности, потому, что она основана на высокой морали. Их стратегия в период между мировыми войнами (заметное исключение составлял только Черчилль), похоже, основывалась на идее, что лучшим выходом чуть ли не из каждого трудного положения является компромисс. Этой благожелательной, но неверной посылкой Англия руководствовалась в своих отношениях с другими ведущими державами мира. Как отмечал Коррелли Барнетт, в ту пору «подход англичан к дипломатии весьма напоминал их подход к сексу, романтически отдаленный от огорчительно грубой биологической реальности».

За два с лишним столетия до этого Томас Гоббс верно подметил, что «договоры, не подкрепленные мечом, суть пустые слова». Однако после жестокой бойни первой мировой войны концепция применения силы стала восприниматься в Англии как нечто непопулярное, почти безнравственное. Англия не хотела перевооружаться, даже если бы это было ей по средствам. К 1935 году, когда Тэтчер минуло десять лет, военная мощь страны растаяла. Королевский военно-морской флот был слишком слаб, чтобы защищать английские интересы, все еще сохранявшиеся в разных уголках мира. Ограниченность военных возможностей в сочетании с национальным желанием сохранить мир и избежать кризиса побуждала Англию прибегать к политике умиротворения, откупаясь от потенциальных противников заключением пактов о ненападении вместо того, чтобы прибегнуть к силе.

Самым рьяным приверженцем политики умиротворения был

Невилл Чемберлен, ставший премьер-министром в 1937 году. Последствия этой политики оказались губительными. Недооценив далеко идущие планы Гитлера и надеясь нейтрализовать его, столкнув на Востоке со Сталиным, Чемберлен думал, что сумеет договориться с нацистским руководителем, но жестоко просчитался. После присоединения Гитлером Австрии в 1938 году Чемберлен полетел в Мюнхен, чтобы подписать соглашение, по которому Германия получала половину Чехословакии в обмен на обещание, что на этом нацисты остановятся. Английский аристократ, возглавлявший все еще огромную империю, униженно просил бывшего маляра и экс-капрала, чья страна была разгромлена каких-то двадцать лет назад, позволить Англии сохранять свое безмятежное спокойствие. Гитлер с ухмылкой заключил эту сделку, а Чемберлен, вернувшись домой, провозгласил: «По-моему, на наш век мир обеспечен». Это оказалось трагическим просчетом. Собравшаяся перед домом 10 на Даунинг-стрит толпа восторженно распевала: «Потому что он славный малый». Вскоре после этого Гитлер захватил оставшуюся часть Чехословакии и вторгся в Польшу. Заключенный Чемберленом договор оказался разорванным в клочья, и 3 сентября 1939 года Англия объявила Германии войну.

Маргарет Тэтчер была тогда школьницей, ей шел четырнадцатый год. По вечерам она засиживалась после уроков в бакалейной лавке отца на первом этаже, под квартирой, где жила их семья, слушая разговоры покупателей о войне. Постоянно строились догадки о том, когда вступит в войну Америка. Во время первой мировой войны Вудро Вильсон искренне старался сохранить нейтралитет. Но у Франклина Рузвельта, переизбранного в 1936 году значительным большинством голосов, не были связаны руки. Когда Англия отказалась от официальной правительственной политики умиротворения, Франклин Делано Рузвельт приветствовал этот шаг решительней всех.

После оккупации Нидерландов и Франции в 1940 году Чемберлен ушел в отставку, его сменил на посту премьера Уинстон Черчилль. Поддерживаемый горсткой парламентариев, Черчилль с самого начала противился политике умиротворения. Не в пример другим влиятельным англичанам, которые толпами устремлялись в середине 30-х годов в Берлин, чтобы познакомиться с Гитлером и с похвалой отозваться о нем (среди них были и Эдуард VIII, и бывший премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж), Черчилль один предостерегал страну от опасности многомиллиардной нацистской программы перевооружения. Но нет пророка в своем отечестве, и Черчилля заклеймили в ту пору

как поджигателя войны. Он пророчески назвал акт одобрения парламентом Мюнхенского соглашения «полным и абсолютным поражением». Что до Чемберлена, то о нем Черчилль сказал: «В глубине этой высохшей души нет ничего, кроме жалкой капитуляции».

Но Черчилль превосходил своего предшественника не только в политической проницательности. Наделенный, быть может, большей личной харизмой, чем любой другой лидер в нашем столетии, Черчилль сплотил Британию, воспользовавшись своим исключительным даром красноречия. Принимая бразды правления в качестве лидера консерваторов и премьер-министра, он дал воодушевляющее обещание: «Я могу предложить вам только кровь, труд, слезы и пот. Какова, спрашиваете вы, наша политика? Я отвечу: воевать… изо всех сил, которые нам дал Бог. Вот какова наша политика».

Черчилль, кроме того, понимал, что войну невозможно выиграть без помощи Соединенных Штатов. Чемберлен, памятуя об экономическом вызове, брошенном Америкой Англии в 20-е годы, и о ее политическом изоляционизме 30-х годов, скептически относился к намерениям США и их союзническим обязательствам. «Во всех случаях будет лучше и безопасней, — сказал он однажды, — не ожидать от американцев ничего, кроме одних слов» {9}. Черчилль, напротив, был связан с Соединенными Штатами тесными личными узами. Он часто ездил в Америку, его мать, Дженни, была американкой. Личные отношения с Рузвельтом — несмотря на то, что между ними часто вспыхивали споры — стали примером теснейших связей между двумя главами правительств, связей, сыгравших чрезвычайно важную роль в истории. По сведениям, приведенным Дэвидом Димблби, в период с 1940 по 1945 год Черчилль писал Рузвельту в среднем раз в полтора дня. «Ни один возлюбленный, — говорил Черчилль впоследствии, — не изучил капризы своей любимой так как изучил я капризы президента Рузвельта» {10}.

«Особые отношения» с Америкой получили дальнейшее развитие, когда Соединенные Штаты вступили в войну, и крепли вплоть до капитуляции Германии в мае 1945 года, через месяц после кончины Рузвельта, которого Черчилль называл «самым большим другом, который у нас только был». Тогда, как и теперь, «особые отношения» были улицей с двусторонним движением, имели взаимовыгодный характер. Как и сегодня, сильная Англия способствовала усилению Америки.

Хотя Англия с исключительной доблестью сражалась на поле брани и вновь — с помощью Соединенных Штатов — «одержала победу» в войне, за радостью победы скрывалась горькая

действительность. Англия так сильно пострадала, что ее послевоенные перспективы были не лучше, чем у побежденных. За победу пришлось заплатить еще более дорогую цену, чем в первой мировой войне: страна была практически разорена. Во второй раз за тридцать лет экономику Англии разрушила война. Массированные бомбардировки немецкой авиации превратили английские города в развалины. За шесть лет войны государственный долг утроился. Чтобы финансировать военные усилия, страна продавала свои самые выгодные довоенные инвестиции, брала во все возрастающем объеме краткосрочные займы за границей и стремительно «проедала» отечественный капитал. В общей сложности война стоила Англии четверти ее национального богатства {11}. Бомбежки прекратились, но в остальном мирное время, похоже, мало чем отличалось от военного. Победа не принесла трофеев. Даже то немногое, что производилось в стране, предназначалось главным образом на экспорт — для пополнения опустошенной казны. Несбывшиеся надежды порождали страх и горький цинизм.

Мрачным унынием веяло от национального пейзажа. К штатской жизни вернулись четыре миллиона человек, что превратило проблемы жилья и устройства на работу в сущий кошмар. Семьи теснились в темных, едва отапливаемых жилищах, тысячи людей самовольно поселялись в чужих домах. Топили углем, и над городами пеленой висел черный дым. Предметы первой необходимости, в том числе продукты питания и одежду, было трудно найти, страна ощущала нехватку всего. Не хватало бензина, поездки на автомобиле и валютный обмен жестко ограничивались, и это означало невозможность поохать в отпуск за границу. Восстановление экономики, если только оно когда-нибудь произойдет, займет долгое время, это было ясно каждому. И действительно, карточная система — по карточкам распределялись мясо, яйца, сахар, чулочно-носочные изделия — сохранялась фактически еще целое десятилетие.

В те трудные годы формировалось мировоззрение Тэтчер. Это время оказало на нее не теоретическое, а вполне практическое воздействие. Ее несокрушимая вера в свободу выбора, этот основополагающий принцип произведенной ею революции, уходила корнями в военное время. Слишком реальным было отсутствие выбора, когда люди стояли в очередях на улице перед входом в магазин, «становились на учет в мясной лавке», чтобы получить продукты. Выросшая с продовольственными карточками в руке, Тэтчер признавалась в позднейший период жизни, что она хранит дома запас консервированных продуктов первой необходимости. «В кредит не продаем» было неизменной

политикой бакалейной лавки ее отца, и правило не брать в долг ни в худые, ни в добрые времена она сделает нормой государственного управления. Усвоила она и другой урок войны: экономическая и военная слабость Англии после первой мировой войны усугубила агрессивность Германии и прямым путем привела ко второй. Тэтчер обсуждала эту идею дома, изучала ее в школе и пришла к убеждению, что только сила, а отнюдь не слабость способна сдержать агрессию.

После первой мировой войны победоносный премьер-министр Ллойд Джордж был избран на новый срок. Но после второй мировой войны Черчилля, олицетворявшего Британию и неукротимую волю к победе, провалили избиратели, считавшие, что лидер лейбористской партии Клемент Эттли обеспечит им лучшую жизнь. Черчилль был ошеломлен. Его жена Клементина пыталась облегчить боль. «Может, это окажется скрытым благом», утешала она его. «Слишком уж тщательно оно скрыто»12, — буркнул он.

Весь остальной мир был изумлен, но в самой Англии уже появлялись признаки того, что успех на выборах Черчиллю не обеспечен. В 1944 году, когда Тэтчер училась в Оксфорде, Оксфордский союз — дискуссионное общество Оксфордского университета — провел диспут на тему «это собрание удовлетворено предложениями консервативного черчиллевского правительства о мерах по предотвращению безработицы и нужды», и консерваторы потерпели на нем поражение. На другом диспуте, проведенном в том же году на тему «общество заинтересовано в том, чтобы после войны монополии находились в общественной собственности и под общественным контролем», эта программная установка лейбористской партии была одобрена 213 голосами против 95.

Победа лейбористов на выборах с огромным перевесом голосов была обусловлена куда более важными факторами, чем личность Черчилля или Эттли. В 1918 году Англия оглядывалась назад — на ту действительность, которую она знала до войны. В 1945 году пути назад не было. Отвоевавшись, солдаты возвращались домой с более широким кругозором. Война оказалась самым большим социальным уравнителем в современной истории. Классовые перегородки рушились на поле боя и продолжали рушиться дома, затрагивая все и вся, начиная от жилищных условий и кончая образованием и налогами Старомодные идеологические стереотипы консерваторов повсеместно изживали себя. Социализм обрел новую притягательность. Социалистическое учение имело в Англии более чем столетнюю историю: в 30-е годы прошлого века его

выдвинул просвещенный фабрикант Роберт Оуэн, оно развивалось на протяжении всего XIX столетия по мере рост индустриализма и далее в XX веке на фоне двух разрушительных войн.

Социалисты, апеллируя к массам с почти религиозным жаром, утверждали, что они осуществят подлинную демократизацию и смогут обеспечить торжество справедливости в обществе, развращенном высшими классами богачей и собственников. Они убеждали, что просвещенное социалистическое государство перестроит общество на более справедливых для граждан началах. Публика созрела для того, чтобы встретить подобное обещание сочувственно. Наступление промышленной эры и несправедливость капитализма усугубляли общественную напряженность и весьма способствовали тому, что мир оказался ввергнутым в войну. Массовая безработица 30-х годов, порожденная кризисом, в сочетании с губительной инфляцией, особенно в Германии, обострили и без того сильное чувство классовой ненависти. Одной из извращенных форм социализма был нацизм, другой — сталинский коммунизм. Идеалистическое представление, что государство на уравнительной основе позаботится об удовлетворении потребностей народа, установив контроль над собственностью и распределением дохода, обладало немалой привлекательностью. Коммунизм стал интеллектуальной модой 30-х годов. У. Х. Оден, Кристофер Ишервуд и Стивен Спендер, являлись членами коммунистической партии Великобритании. Триста студентов Оксфорда входили в Оксфордский клуб Октября, организацию коммунистов; сотнями записывались в коммунистический клуб и студенты Кембриджа. Хватало простаков и в Соединенных Штатах. Эдмунд Уилсон называл Советский Союз «моральной вершиной мира, где вечно сияет свет». Линкольн Стеффене по возвращении из России заявил: «Я побывал в будущем, и она работает» {13}.

Победа Сталина в 1945 году способствовала росту доверия к коммунизму. К концу войны Центральная и Восточная Европа были во власти коммунистов. В Азии коммунисты Мао Цзэдуна одержали в 1949 году победу над правыми силами Чан Кайши. «Даже в высокоразвитых демократических обществах, — писал Збигнев Бжезинский, — идея государственного действия как лучшего средства обеспечить экономическое благосостояние и социальную справедливость стала господствующим воззрением» {14}.

Из-за войны выборы в Англии не проводились с 1935 года, и поэтому не было надежного способа выявить внутриполитическое

настроение в стране. Ключ к его пониманию дала комиссия Бевериджа 1942 года, призвавшая к созданию системы социального обеспечения. В докладе сэра Уильяма Бевериджа «О социальном страховании и связанных с ним видах обслуживания» говорилось о необходимости защиты государством всех граждан «от колыбели до могилы» и установления «национального минимума» гарантированного дохода {15}. Доклад содержал основополагающие идеи, и даже некоторые видные тори признали, что реформа назрела и партии следует осовременить свои социальные воззрения. Однако парламент лишь «приветствовал» выводы комиссии, а не утвердил их. Данные опросов общественного мнения говорили о том, что страна желает проведения данной программы в жизнь, но Черчилль не имел возможности осуществить какие-либо из этих предложений во время войны и откладывал рассмотрение доклада до ее окончания, несмотря на требования лейбористской партии действовать безотлагательно.

Эттли, занимавший пост лидера палаты общин в коалиционном правительстве Черчилля, сохранял в военные годы организационную цельность лейбористской партии и напоминал избирателям, что после войны у них будет альтернатива. В 1941 году партия опубликовала список своих социальных законопроектов военного времени; в следующем году Эттли выпустил брошюру «Старый мир и новое общество» — совокупность предложений на послевоенный период, которым консерваторы даже не попытались ничего противопоставить.

Лидер лейбористской партии поставил во главу угла своей предвыборной кампании обещание превратить Англию, это неустойчивое капиталистическое государство, в «социалистическое содружество». Его программа на будущее была не только обоснована теоретически, но опробована — в одном из вариантов — Советским Союзом на практике и, судя по всему, работала. Эттли не был ни революционером-бомбометателем, ни даже выходцем из лейбористской рабочей среды. Сын богатого адвоката, выпускник Оксфордского университета, он был кабинетным буржуазным политиком с превосходным интеллектом, одним из самых образованных членов своей партии. Подобно многим интеллигентам, принадлежавшим к средним и высшим классам, Эттли обратился к социализму уже будучи взрослым; до первой мировой войны он исповедовал консерватизм, но отошел от него после того, как несколько лет проработал в благотворительном учреждении, оказывая социальные услуги беднякам Степни — унылого, неблагополучного района лондонского Ист-Энда, где многое

оставалось как во времена Диккенса.

Эттли был законченным социалистом, но в его намерения не входило полностью менять старый строй. Он хотел разумно реформировать его. Не собирался конфисковывать личную частную собственность. Ему нравились условия жизни среднего класса, к которому принадлежал он сам, и он хотел, чтобы в таких условиях жили все. Общество надлежало не разрушать до основания, а, наоборот, поднимать до достойного уровня. В послевоенные годы, по мысли Эттли, каждому следовало дать самое необходимое: прожиточный минимум, защиту от безработицы, бесплатное медицинское обслуживание. Правительство обеспечивало все это военнослужащим. Так разве должно правительство, вопрошал он, относиться к своим гражданам по-другому, когда они не сражаются на войне? Чтобы провести в жизнь свой план, Эттли принялся создавать «государство всеобщего благосостояния», осуществляющее контроль над ресурсами и производством посредством национализации предприятий общественного пользования и ряда отраслей промышленности.

В его предложениях предусматривалось то, чего действительно добивались англичане, но для страны, почти не имеющей финансовых ресурсов, весь этот идеалистический план был чрезвычайно рискованным. Всего лишь пять лет прошло после того, как речь Черчилля со словами «это был их лучший час» заставила сильней биться от гордости сердца британцев, и лишь два месяца после празднования победы над Германией, но к моменту прихода Эттли к власти в июле 1945 года это празднование уже стало древней историей. Теперь во весь рост вставала задача пережить послевоенный период.

Не прошло и недели после капитуляции Японии, как американский президент Гарри Трумэн аннулировал программу ленд-лиза, по которой Англия получала поставки и торговые суда для их перевозки. Для выплаты Англией долга назначались весьма щадящие — по американским меркам — условия, но поспешность, с которой было принято это решение, и незамедлительно выдвинутое требование об уплате процентов буквально ошеломили страну и вызвали широкое возмущение. Потрясенная этой перспективой дополнительных расходов при уже опустошенной казне, Англия была вынуждена пересмотреть свое положение.

По Бреттон-Вудскому соглашению 1944 года доллар, обмениваемый на золото, стал официальным стандартом мировой торговли и, следовательно, господствующей валютой мира. Год спустя лейбористская партия встала у кормила

правления, завоевав рекордное после войны большинство в парламенте, и приступила к осуществлению выдвинутой Эттли программы национализации. В 1946 году был установлен государственный контроль над Английским банком, угольной промышленностью, телеграфом и телефоном, гражданской авиацией. В следующие два года под крылом государства очутились энергетика, поезда, самолеты, каналы, шоссе, газ, железо и сталь. Национализация явилась выполнением предвыборного обещания, зато законы о социальном обеспечении, принятые в 1946 году и основанные на новаторских предложениях Бевериджа, сделанных четырьмя годами ранее, оказались более выдающейся исторической инициативой.

Всеобъемлющее законодательство в области социального обеспечения, совершившее в Англии настоящую революцию, предусматривало предоставление каждому англичанину бесплатного медицинского обслуживания, страхования по безработице и прожиточного минимума. После войны существовала почти полная занятость, но еще свежи были воспоминания о безработице 30-х годов. До войны программы по борьбе с безработицей не охватывали работников целых секторов экономики. У тех, кто был застрахован, сроки пособия быстро истекали. Когда это происходило, семья подвергалась ненавистной «проверке нуждаемости»: домой к безработному являлись инспектора, чтобы придирчиво изучить семейный бюджет. Горемыки, не выдержавшие проверки или не застрахованные по безработице, кончали — нищие, с растоптанным достоинством — работным домом, этим пережитком викторианской эпохи. Эффективного страхования по болезни не существовало вовсе. На случай страховали только работников с отменным здоровьем. На иждивенцев страхование не распространялось. В больницах за медицинское обслуживание не давали никаких скидок, а больным со скромными средствами ограничивали лечение. Пенсии по старости существовали, но давались они далеко не всем; многим платили жалкие гроши. Ни пособий матерям, ни пособий по случаю смерти не было и в помине.

Создание Государственной службы здравоохранения вызвало в стране дружный вздох облегчения. «Это произвело настоящий переворот в сознании менее обеспеченных, — заметил писатель Алан Силлитоу. — Пожалуй, никакой другой отдельно взятый фактор в нынешнем столетии не способствовал в такой степени рождению нового чувства гордости у английских трудящихся» {16}.

Жилищный вопрос требовал к себе самого неотложного

внимания. В годы войны около полумиллиона домов было разрушено, еще три с половиной миллиона — повреждено. Положение усугублялось тем, что до войны жилищные условия были из рук вон плохи. Жизнь в трущобах порождала в стране настроение горькой безысходности. Ходили мрачные шутки на тему о том, что немецкие бомбежки сослужили полезную службу, сровняв с землей целые городские районы — жаль только, что вместе с жителями. За время пребывания Эттли у власти было построено более миллиона жилищ — немалое достижение при нехватке материалов и рабочих рук {17}. Жилье, построенное из материала, который имелся в наличии и продавался по доступной цене, имело непрезентабельный вид дешевых времянок.

Большие надежды возлагались на то, что радикальные реформы будут также проведены и в области образования. Эттли с его уравнительским подходом, наверное, лучше, чем любой другой руководитель, сумел бы реформировать систему; столь же несправедливую, как «раздельные, но равноценные» школы для негров на расистском Юге в Америке. Время было как нельзя более подходящим для того, чтобы обрушиться на элитарность системы и сломать классовые барьеры, объединив государственные школы с частными. Но Эттли, будучи сам продуктом частных школ, оставил систему образования в неприкосновенности.

Во внешнем мире происходил распад союзнической коалиции военного времени. Рузвельт умер, Черчилль лишился власти, Сталин ставил перед собой новые цели. По мере того как американские войска массами возвращались на родину — с 1945 по 1947 год Европу покинуло три миллиона американских солдат, — советский руководитель беспрепятственно укреплял свою власть в Восточной Европе. В феврале 1945 года Рузвельт, Черчилль и Сталин встретились в Ялте, чтобы разработать планы послевоенного устройства. Однако их соглашение на деле лишь санкционировало установление советского господства над Восточной Европой, так как оно не могло заставить Сталина вывести оттуда оккупационную Красную Армию. Ялтинское соглашение, попираемое Советским Союзом, который, воспользовавшись замешательством Запада, насадил марионеточные правительства в Болгарии, Польше и Румынии, превратилось в клочок бумаги.

Соединенные Штаты не имели намерения возвращаться в Европу, чтобы противостоять Советам; Англия же была слишком слаба. Подобно тому как десятилетие назад он поднял свой одинокий голос протеста против политики умиротворения, Черчилль, отстраненный от власти, счел своим долгом привлечь

внимание к советскому экспансионизму. Во время совместной частной поездки с президентом Гарри Трумэном в Фултон, штат Миссури, в марте 1946 года Черчилль забил тревогу. «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике поперек Европы опустился железный занавес», — заявил он, выступая в Вестминстер-колледже. Трумэн был согласен с ним, но большинство американцев потеряли интерес к европейским делам. Несмотря на советскую угрозу, перспектива возвращения на баррикады не вызывала энтузиазма.

В Италии и во Франции набирали силу коммунистические партии. Правительство Эттли, озабоченное серьезными экономическими проблемами, затрагивавшими элементарные жизненные потребности, являлось доступным объектом для коммунистического проникновения. Коммунисты распространяли свое влияние через государственную службу и профсоюзное движение, что в конце концов приводило к чисткам. Ко времени, когда в 1950 году началась война в Корее, антикоммунистические страхи завладели сознанием многих. «Холодная война» еще более посуровела.

С 1939 по 1945 год промышленное развитие в Англии фактически замерло, и теперь страна производила продукцию на старых заводах, на старом оборудовании. Недостаток рабочей силы в промышленности принял угрожающие размеры. Многие из самых молодых и самых сильных рабочих были мобилизованы в 1940 году, и демобилизация шла постепенно. Особенно остро страдала от недостатка рабочей силы угольная промышленность. В январе 1947 года разрыв между потреблением и производством угля составлял 300 000 тонн в неделю {18}. Угольный кризис, как нарочно, совпал с самой суровой зимой за столетие. Метели и минусовые температуры замучили страну. Потребление электроэнергии лимитировалось. Быстрой помощи ждать было неоткуда, и нормирование становилось все более жестким. В ноябре 1948 года норма выдачи ветчины была сокращена вдвое — до одной унции в неделю. В 1949 году, через четыре года после окончания войны, потребление продуктов питания на душу населения было все еще ниже, чем десятилетие назад {19}. В том же году сильно пошатнулся фунт стерлингов. В сентябре фунт был девальвирован на 30 процентов — с 4,03 до 2,80 доллара. Англии, самые основы жизни которой заколебались, а перспективы на будущее выглядели мрачно, приходилось экономить и все больше сокращать свои расходы за границей.

Маргарет Тэтчер, которая в ту пору, чтобы не замерзнуть, не снимала пальто в помещении, не понаслышке знала об экономических трудностях. На полках бакалейной лавки ее отца

было хоть шаром покати. Гордая патриотка, она страдала, видя, до какого положения дошла ее родина.

Палестина была отдана. От финансовой помощи Греции и Турции, необходимой для противодействия посягательствам коммунизма, пришлось отказаться. Индии, жемчужине английской короны, плюс Пакистану, Цейлону и Бирме — всем им была предоставлена независимость в 1947 году или в начале 1948 года.

Конец 40-х годов был чрезвычайно трудным временем, и эти годы наложили на Эттли неизгладимый отпечаток. Трумэн однажды назвал лидера лейбористской партии и премьер-министра «скромным человеком», что побудило Черчилля ядовито заметить: «Ему есть от чего быть скромным». На сей раз Черчилль был несправедлив. Достижения этого щуплого человечка со щеточкой усов носили скорее радикальный, чем скромный характер. Эттли в значительной мере деколонизировал империю, осуществил структурную перестройку промышленности и создал систему социального обеспечения, которая на некоторое время станет образцом для Европы, если не для всего мира. Он положил начало новой политике в области обороны, предоставив Соединенным Штатам право размещать ядерное оружие на британской земле, что рассеяло любые остающиеся сомнения насчет способности Британии обороняться без помощи Соединенных Штатов. Благодаря ему лейбористская партия впервые стала полноценной политической альтернативой консерваторам, занимавшим, иногда в коалиции с либералами, господствующее положение у кормила власти на протяжении первой половины столетия.

Эттли удовлетворил сильно ощущавшуюся после войны потребность в том, чтобы государство взяло на себя беспрецедентно большой круг обязанностей в областях, всегда находившихся в компетенции индивидов. Однако при этом он едва не искоренил в Англии дух корпоративной и личной инициативы. Чувство ответственности оказалось размытым. Стимулы к труду исчезли. Содержание огромной государственной надстройки и субсидирование непроизводительной работы означало, что меньше средств поступало на промышленное развитие. Эта нехватка средств увеличивала трудности восстановления экономического потенциала Англии начиная с 50-х и вплоть до конца 70-х годов. Поддержание фикции, будто Англия остается европейской военной державой, также отвлекало средства, которые могли бы быть с большей пользой потрачены на обучение специалистов, переоснащение производства и реконструкцию заводов.

В тот же период начали также выдвигать все новые требования профсоюзы, вынуждая плохо обученный управленческий персонал заключать с ними соглашения, гарантировавшие низкую производительность труда. Во всем мире наступал послевоенный экономический подъем, но только не в Англии. Повсюду — во Франции, Германии, Италии, Японии и Австрии — экономика развивалась высокими темпами. К 1948–1950 годам мировое промышленное производство ежегодно возрастало на 13 процентов, втрое быстрее, чем в Англии {20}, где темпы работы давно уже отличались неторопливостью. Семена послевоенного упадка Англии были посеяны еще до войны. Однако социализм Эттли, в основном сохранявшийся его преемниками вплоть до прихода к власти Тэтчер, усугублял серьезность проблемы, за решение которой в конце концов возьмется Мэгги.

Консерваторы не опустили руки после провала на выборах 1945 года, первого крупного поражения партии за сорок лет. Требовались решительные меры к исправлению положения, и Черчилль это знал. Видя, что избирателей устраивает сочетание капитализма с социализмом, тори направились на поиски общих подходов. Черчилль попросил Р. Э. Батлера возглавить работу по пересмотру политики в качестве основы для реконструкции партии. Батлер, впоследствии министр финансов, представил широковещательные и расплывчатые — чтобы оставить Черчиллю пространство для маневра — программы по промышленности, сельскому хозяйству, делам империи, роли женщин. Его целью, говорил Батлер, являлся «безболезненный, но необратимый «косметический ремонт» партии» {21}. Тори обещали правление на основе «более гуманного капитализма» и «предпринимательства без своекорыстия».

К 1950 году социально-демографические процессы в стране меняли картину в пользу консерваторов. Прежний рабочий класс сокращался, а средний класс увеличивался. Промышленность переживала резкий спад, но мелкие предприятия, управляемые более консервативно настроенными бизнесменами, возникали в Англии повсеместно. Война, помимо прочего, разрушила институт домашней прислуги. Лишившись помощи в городах, представители среднего класса потянулись из городов в новые, политически более центристские пригороды {22}.

Председателем партии тори Черчилль сделал лорда Вултона, министра продовольствия в военное время, легендарного организатора и большого мастера убеждать людей. Как и Батлер, он получил указания модернизировать партию, так чтобы она смогла воспользоваться новой демографической ситуацией.

Одной из ближайших задач Вултона было расширить представительство консерваторов в парламенте. Укрепление местных организаций в избирательных округах, повышение платы местным партийным представителям и снижение роли личного богатства кандидатов — все пошло на пользу. До этого важным фактором при выборе кандидата являлось его обещание оплатить предвыборные расходы из собственного кармана. Прежний процесс отбора, по замечанию Вултона, ограничивал сферу выбора партией кандидатов «половиной процента населения страны» {23}. К тому же почти все парламентарии-тори являлись выпускниками привилегированных частных школ.

Эти перемены шли дальше технической стороны дела. Для того чтобы партия, как и сама Англия, смогла выжить, тори должны были приспосабливаться и апеллировать не только к средним и высшим классам, но также к рабочим, к «рядовому человеку», переставшему ощущать себя пешкой, к мелким предпринимателям новой формации. Еще одним успехом Вултона стало укрепление движения Молодых консерваторов. Тори давно уже приобрели репутацию партии стариков, сборища престарелых политиков-аристократов, правивших страной с сознанием своего данного Богом права. Вултон повел согласованную кампанию по расширению социальной базы партии и по омоложению ее состава. В числе первых ее новобранцев был Норман Тоббит, пятнадцатилетний зеленый юнец, как небо от земли отличавшийся от консерватора традиционных представлений, — сорок лет спустя он станет председателем партии тори.

Эти меры откроют доступ в партию для новой генерации тори, в том числе и для Маргарет Тэтчер. Руководитель экстраординарных качеств, она была не отклонением от нормы, а продуктом своей среды, детищем мрачного исторического наследия, как и все ее поколение. Рожденная и выросшая в обстановке аскетизма, она познала трудности и лишения кризиса 1929-го—1930-х годов, тревоги военных лет, тяжелые последствия войны. Воспитанная отцом, страстно увлеченным политикой, и сама ставшая политиком новой эпохи, она хорошо понимала, каким образом такой лидер, как Черчилль, мог изменить ход истории благодаря своей готовности занять непопулярную позицию. Тэтчер — националистка, патриотка, которой ненавистна самая мысль о развале Британии. Не обремененная ни комплексом вины, ни смущенно-сентиментальными чувствами по отношению к консенсусу, ни сомнениями, одолевавшими ее политических предшественников, Тэтчер является также олицетворенным возвратом к формации политиков с убеждениями. Воодушевленные сознанием своей особой миссии

участников крестового похода, они строили Великобританию. Ей выпала задача перестраивать ее.

Глава вторая
ДОЧКА БАКАЛЕЙЩИКА

Она любит говорить, что живет в квартире «над этой лавочкой» на Даунинг-стрит, 10. В конце концов, с квартиры над лавочкой все и начиналось.

Теперешняя ее квартира на верхнем этаже официальной резиденции премьер-министра очень невелика, во много раз меньше жилых помещений Белого дома. Вся она могла бы поместиться внутри тронного зала королевы Елизаветы в Букингемском дворце. Большую часть дома № 10 — кирпичного особняка в георгианском стиле, построенного 250 лет назад и находящегося в каких-то 400 ярдах от здания парламента, — занимают служебные кабинеты и приемные, заново отделанные в изысканном вкусе в 1988 году. Но квартирка на верхнем этаже, в том числе и крохотная кухня, где, как известно, Тэтчер на скорую руку готовит обеды для заработавшихся допоздна высокопоставленных помощников, скромно отделана за собственный счет Тэтчер.

Однако при всей ее скромности нынешняя квартира — это верх роскоши по сравнению со спартанской обстановкой комнаты над бакалейной лавкой в доме № 1 по Норт-Парейд-роуд в Грантеме. В квартире, где в 9 часов утра 13 октября 1925 года появилась на свет Маргарет Хилда Робертс, не было не только горячей воды, но и вообще водопровода. горячей водой мылись раз в неделю — ею наполняли кадку на задворках лавки. В каждой из двух спален квартиры имелся умывальник с тазом и кувшином. В ту пору, на которую, пришлись детские годы Маргарет, в доме отсутствовали и другие удобства — туалет находился во дворе. В столовую ходили через спальню. Снаружи не было ни садика, ни лужайки. Места в доме не хватало, и потому детям не разрешали завести четвероногого друга.

Дом Робертсов, как и весь Грантем, отличали простота, основательность, строгость. В течение столетий Грантем являл собою тихий городок с еженедельным базаром; редко он был конечным пунктом назначения, почти всегда — короткой остановкой на пути куда-то еще. В 20-е годы по Норт-Парейд пролегала главная дорога в Шотландию — оживленная транспортная магистраль. В трехэтажный угловой дом проникал шум уличного движения: визг шин, гудки автомобилей, цоканье копыт по мостовой. Со стороны железнодорожной сортировочной

станции, расположенной в четырех кварталах от дома, доносилось пыхтение маневровых паровозов. На улице возвышалось несколько величественных зданий, но дом Робертсов не принадлежал к их числу.

Теперь, как и тогда, город этот непригляден и ничем не радует глаз. Затерявшийся между Ноттингемскими угольными копями и пасторальными красотами охотничьих угодий «Долина Бивор», Грантем окружен холмистыми полями и деревеньками с домами из желтовато-серого камня. В облике города нет своеобразия. Его жители (среди них высок процент пожилых) — люди по большей части замкнутые и непредприимчивые. Лондон находится в сотне миль к югу отсюда, а взгляды и вкусы грантемцев отстают от столичных, по их собственному признанию, лет на сорок. Чуть ли не каждый уроженец города, желающий чего-то достичь в жизни, спешит уехать отсюда и редко возвращается. Не была исключением и Маргарет Тэтчер.

В Грантеме учился в школе Исаак Ньютон. Оливер Кромвель, отбив городу роялистов, начал отсюда свой победный поход по Англии. После этих бурных дней первой половины XVII века жизнь в Грантеме словно остановилась. В 30-е годы, когда Маргарет Робертс росла, Грантем старел. В течение последних ста лет, с тех пор как с середины минувшего века начали уходить в прошлое дилижансы, жизнедеятельность города мало-помалу ослабевала. В детские годы Маргарет Робертс Грантем представлял собой компактную консервативную общину, терявшую свое былое значение. Делами города, насчитывавшего около 25 000 постоянных жителей, заправляла кучка деловых людей с развитым чувством гражданского долга.

Алфред Робертс был в их числе. Старший из семерых детей в семье, Робертс, выросший в Нортгемптоншире, скорее всего стал бы потомственным сапожником в четвертом поколении, если бы этому не помешало плохое зрение. Долго раздумывать над выбором другой профессии не приходилось. Вынужденный в двенадцать лет бросить школу и пойти работать, чтобы помогать содержать семью, он перебрался в Грантем, где ему обещали место ученика в бакалейной лавке. Прошло девять лет. Англия вступила в первую мировую войну, и Алф пошел вместе с приятелем записываться добровольцем в армию. Приятеля взяли, а Алфа снова подвело плохое зрение: его забраковал окулист на медицинской комиссии.

Огорченный тем, что ему не дано отличиться на войне, он вернулся в бакалейную лавку. Но не такой он был человек, чтобы зря предаваться унынию или пасовать перед трудностями. Усердный и целеустремленный, Алф преисполнился решимости

выбиться в люди. Он «с головой ушел в дела» — поступать так наперекор разочарованию научил он и свою дочь. Алф с удвоенной энергией взялся за работу, подолгу задерживаясь в бакалейной лавке. Кроме того, он записался в городскую библиотеку и жадно набросился на книги. Будь у него побольше образования, с сожалением говаривал Алф, он предпочел бы стать учителем или директором школы.

Человек донельзя серьезный, этот помощник бакалейщика, любил одиночество и книжную премудрость. У него так и не развилось чувство юмора, не разовьется оно и у его дочери. Некоторые утверждали, будто выкладываться на работе побуждало его ущемленное самолюбие недоучки, но не надо забывать, что составной частью его образования было воспитание в лоне методистской церкви. В свободные от работы и чтения часы Алф Робертс шел в церковь; в молодости он каждое воскресенье по два раза посещал богослужение в храме методистов-уэслианцев в южной части Грантема. Там во время службы он и познакомился с белошвейкой Беатрис Стивенсон. Ее родители, Даньел и Фибе, занимали еще более скромное общественное положение, чем Алф, и их финансовые перспективы представлялись еще более туманными. Впрочем, они отнюдь не были ни лентяями, ни бездельниками. Даньел, гардеробщик, обслуживал бюро находок на железнодорожном вокзале. Фибе работала до замужества швеей на фабрике.

Их дочь Беатрис, простоватая и невзрачная, причесывала волосы гладко назад, собирая в пучок на затылке. Она походила на фермерскую дочку с картины Гранта Вуда «Американская готика». Алф, напротив, был молодым человеком завидной внешности. Рослый, статный, узкий в кости, с копной белокурых волос и ярко-синими глазами за толстыми стеклами очков, он имел импозантный вид и выглядел по сравнению с Беатрис настоящим красавцем. Кое кто из грантемских старожилов утверждает, что с годами Алф стал находить удовольствие в заигрывании с покупательницами. Но у нас нет никаких доказательств того, что его знаки внимания являлись чем-то большим, чем приемом искусного коммерсанта. Много лет спустя его дочь тоже будет находить невинное удовольствие в кокетливом обмене любезностями.

И Беатрис, и Алф отличались исключительным трудолюбием и фанатичной бережливостью. Экономя на всем и добросовестно складывая сбережения в общую копилку, они решили к 1917 году, что скопили достаточно. Теперь они смогут пожениться и купить маленькую бакалейную лавку, примыкающую к почтовому отделению на углу Норт-Парейд. Эту покупку они продумывали в

мельчайших деталях. В квартире над лавкой хватит места для двух детей, но с детьми придется подождать, сейчас им это не по средствам. Те небольшие деньги, что остались после приобретения лавки и товаров, пошли на покупку с аукциона мебели темного красного дерева. Если бы Беатрис зачала вскоре после свадьбы, все их планы на будущее пошли бы прахом. Будучи прагматиками до мозга костей и людьми высокой самодисциплины, они позаботились о том, чтобы этого не случилось.

Прошло четыре года, прежде чем на свет появилась Мюриел, а еще через четыре года запланированного благоразумия, в 1925 году, родилась Маргарет. Девочки никогда не были близки, даже в раннем детстве. Мюриел пошла в мать; спокойная и замкнутая домоседка, она не была снедаема неодолимой страстью к самосовершенствованию. Ей суждено будет впоследствии выйти замуж за фермера, которому откажет Маргарет.

Маргарет, наоборот, пошла в отца, который души в ней не чаял и, почувствовав, что она наделена энергией и умом, исполнился решимости сформировать ее как личность. Пусть она получит хорошее образование, которое не дали получить ему, притом учиться она пойдет отнюдь не в англиканскую приходскую школу позади его бакалейной лавки. Нет уж, дочка Алфа Робертса не станет заниматься в англиканской школе! Поэтому в 1930 году Маргарет поступила в общеобразовательную школу графства в пригороде Хантинг-Тауэр, на удивление современную и хорошо оборудованную. Школа в Хантинг-Тауэр находилась за железной дорогой в миле пути от дома Робертсов, но это не стало препятствием ни для Алфа, ни для Маргарет. В любую погоду пятилетняя Маргарет Робертс совершала вместе со своей девятилетней сестрой длинный поход четыре раза в день: в перерыве приходилось возвращаться домой на обед.

«Даже в пять лет она была сообразительной, прилежной и серьезной», — рассказывал Джон Фостер, сидевший за соседней партой {1}. Учителя этой семиклассной школы тоже заметили это и перевели ее в следующий класс, где учились ребята на год старше. Другой малыш мог бы и растеряться от оказанной чести, но только не Маргарет, которой, похоже, была неведома детская неуверенность. Как безукоризненно дисциплинированной ученице, ей позволили сидеть на задней парте — к сильной досаде некоторых девочек, считавших ее благонравие притворным. Она быстро приобрела репутацию всезнайки и постоянно поднимала руку, готовая ответить на любой вопрос. В старательности она не уступала взрослому и занималась усердно, не тратя времени попусту. Пяти лет Маргарет начали учить

играть на фортепьяно. Добросовестно упражняясь, она в конце концов достигла таких успехов, что стала аккомпаниатором в церкви. Старшая сестра не могла угнаться за ней. «Она была на четыре года моложе, но всегда обгоняла меня учебника на три», — со вздохом признавалась Мюриел {2}.

С малых лет Маргарет отличалась большой самоуверенностью. Девяти лет от роду она вышла победительницей на конкурсе чтения стихов. Помощница директрисы Уинифред Райт поздравила ее:

— Тебе повезло, Маргарет.

— Почему же повезло? — отрезала Маргарет. — Я победила заслуженно! {3}

Дома было не до забав. Наступил кризис, времена были тяжелые. Родители изматывали себя изнурительным трудом, работая по двенадцать часов ежедневно, шесть дней в неделю. Выучив уроки, девочки спускались помочь в бакалейную лавку: фасовали сахар, чай, масло. Они учились также раскладывать товары на полках и обслуживать покупателей. По субботам Маргарет обходила с отцом округу, принимая и доставляя заказы.

Алф внушал девочкам, что в свободные от занятий часы они должны стараться развивать себя. По четвергам, когда бакалейная лавка закрывалась раньше, чем в другие дни, отец брал их с собой на лекции о текущих делах, которые читались на вечерних курсах при университете. Если он задерживался, Маргарет должна была идти без него. Она записывала лекцию и пересказывала отцу. Каждую субботу она шла в библиотеку и брала домой книги: что-нибудь о текущих событиях или биографическое для отца, роман для матери и по крайней мере одну книгу для себя, зачастую Киплинга, ее любимого писателя. Всякий раз, как в Грантем приезжала какая-нибудь известная личность, способная чему-то их научить, Робертсы были тут как тут.

Те викторианские добродетели, что станут служить Маргарет Тэтчер ориентиром в политической жизни, были взлелеяны в доме на Норт-Парейд-роуд. «Мой отец держался убеждения, что жизнь — вещь серьезная. Нельзя сидеть без дела — таков был его главный девиз, — пояснила однажды Маргарет. — Жизнь он понимал как притчу о десяти талантах. Раз у вас есть способности, то зарывать их в землю — ужасный грех. Ваш долг — улучшать свою участь, прилагая максимум собственных усилий, соревнуясь с другими» {4}.

Разговоры за обеденным столом превращались в мини-семинары: причины кризиса, правительство Стэнли Болдуина, возвышение Гитлера и Муссолини, ход военных действий. Маргарет, единственная во всей школе, знала, какие районы

подвергают бомбардировке военно-воздушные силы Великобритании. Будучи спрошена, откуда это ей известно, Маргарет объяснила: «Всякий раз, когда по радио объявляют о налете наших бомбардировщиков, мы достаем атлас и отмечаем то место» {5}. Алф, похоже, знал все. «Однажды я спросила его: что такое «фидуциарная эмиссия»? Он знал. А «золотой стандарт»? Он знал», — вспоминала она. Он знал ответы на все ее вопросы. Она боготворила его {6}.

Ее мать была сделана из другого теста, и Маргарет не очень много общалась с ней. Беатрис, положительная мать семейства образца 30-х годов, не гналась за образованием. Талантливая портниха, до замужества она была профессиональной швеей. Она сама обшивала девочек и учила их шитью и всякому рукоделию. Дважды в неделю, по четвергам и субботам, она выпекала разные сладости, и девочки разносили оставшиеся пироги, кексы и булочки престарелым, бедным или больным соседям. Обучала их Беатрис и другим полезным навыкам, необходимым в домашнем хозяйстве. Сорок лет спустя, будучи лидером консервативной партии, Маргарет все еще могла покрасить или оклеить обоями комнату — и даже получить от этого удовольствие.

Однако Маргарет никогда не была домоседкой.

Она сызмальства не проявляла никакого интереса к стряпне, хлопотам по дому да и к обязанностям матери семейства тоже. У нее, как она понимала, было мало общего с Беатрис; она не столько стеснялась необразованности матери, сколько была разочарована отсутствием у нее интереса к самообразованию и к другим важным вещам, таким, как политика. Беатрис никогда не принимала участия в политических разговорах мужчин, собиравшихся по вечерам внизу, в лавке, где частенько засиживалась Маргарет, ловившая каждое слово. «Она, наверно, сидела наверху и что-нибудь шила для нас, — вспоминала ее дочь полвека спустя. — Делала домашние дела» {7}. Тэтчер охарактеризовала мать так: «Она была скорее Марфа, чем Мария», имея в виду двух сестер Лазаря, упомянутых в Новом завете (Евангелие от Луки, гл. 10, Евангелие от Иоанна, гл. 11). Марфа была заботливой хозяйкой дома, Мария — вдумчивой слушательницей.

«Я нежно любила мать, — призналась однажды Тэтчер, — но после того, как мне исполнилось пятнадцать лет, нам было больше нечего сказать друг другу» {8}. Со временем выяснилось, что Тэтчер не только нечего сказать матери, но и нечего сказать о ней. До 1975 года, когда она стала лидером консервативной партии, Тэтчер не включала в сведения для биографического справочника «Кто есть кто» ни Алфа, ни Беатрис. С 1976 года она

начала сообщать о себе как о дочери Алфреда Робертса, чье влияние на себя она постоянно подчеркивает. Мать она упоминает редко и не включает ее имя в свои биографические данные.

Отношения Маргарет с матерью (или отсутствие таковых) дали английским биографам Тэтчер повод для бесконечных домыслов. Один биограф даже пришел к выводу, что Маргарет ненавидела мать. По этой концепции выходило, что ее жесткость в качестве премьер-министра обусловлена столкновениями с матерью в раннем возрасте {9}. Свидетельств, подкрепляющих подобный вывод, не существует, но утверждения такого рода побудили-таки Мюриел, которая избегает говорить о своей сестре, высказаться на этот счет. «Спору нет, самое большое влияние оказывал отец, — пояснила она. — Он был главой семьи, а это в то время значило многое. Но моя мать не была у него в полном подчинении. Мать занималась домашними делами, отец — всем остальным. Хозяйство она вела отменно» {10}.

Пока девочки жили дома, в их жизни, помимо учебы в школе и работы в лавке, большое место занимала методистская церковь на Финкин-стрит, где Алф был проповедником-мирянином. Его приверженность методистской вере не оставалась за порогом церкви. Годами он держал на столике у изголовья постели «Подражание Христу» Фомы Кемпийского и пытался следовать строгим церковным принципам во всех областях своей жизни и деятельности. В бытность свою членом городского совета он настаивал на том, чтобы по воскресеньям парки, плавательный бассейн и теннисные корты Грантема были закрыты. Свои настойчивые требования он смягчил лишь под давлением общественности в годы второй мировой войны, когда другие члены совета убедили его в том, что даже если его собственной семье не требуется отдых, о нем мечтают многочисленные военнослужащие с соседней авиабазы.

Воскресные дни семьи были посвящены беспрерывной религиозной деятельности. К десяти часам девочки уже были в воскресной школе, в одиннадцать приходили вместе с родителями в церковь на богослужение, в половине третьего посещали дневные занятия в воскресной школе, где Маргарет играла на фортепьяно, а с шести часов стояли вечерню. Алф так строго блюл церковные предписания, что даже не позволял приносить в дом воскресные газеты. Единственной работой, которая разрешалась по воскресеньям, была готовка да приведение в порядок счетов, так как в будни на эту бухгалтерию не хватало времени. Кино, карты, любые игры были в воскресенье под запретом.

Суровый образ жизни семейства Робертсов был нелегким испытанием для ребенка, даже для довоенной девочки из довоенного города в довоенную эпоху, но заведенный в доме распорядок, похоже, ничуть не угнетал младшую дочь Алфа. Многие в классе подшучивали над Маргарет, которая держалась так строго и серьезно, что выглядела много старше своего возраста. Чуждая соблазнам легкомысленности, она оказалась в гордом одиночестве. Сверстники считали, что у нее слишком трудный, непокладистый характер. Она была со всеми знакома, но почти не имела друзей, которых могла бы позвать к себе домой после занятий, и она была не из тех, кто дает списать менее усердным соученикам.

Алф прилично зарабатывал. Бакалейный магазин Робертсов стал одним из самых дорогих в Грантеме. Но они по-прежнему экономили на всем. Только в 1935 году, когда Маргарет было десять лет, в доме впервые появился радиоприемник. В день, когда его привезли, она бегом примчалась из школы и целый вечер просидела перед ним. Следующего волнующего новшества пришлось ждать долго: только после войны, когда Маргарет кончала университет, Робертсы купили машину, подержанный «фордик». Деньги предназначались не для трат, а для накоплений. «Никогда не берите в долг!» — постоянно твердил Алф Робертс.

В детстве Маргарет выдавали на карманные расходы два пенса в неделю; по мере того как она подрастала, эта сумма понемногу увеличивалась, пока не достигла шести пенсов. Всякие дополнительные деньги — подарок ко дню рождения или награда за хорошие отметки — клались на счет в банке. Тратить деньги на такие пустяки, как кино или газировка, считалось предосудительным. Ей нравилось бывать где-нибудь, но случалось это редко. Десятилетия спустя она с фотографической точностью припомнила семейную поездку автобусом на весь день в Ноттингем посмотреть фильм с участием Джинджер Роджерс и Фреда Астэра; припомнила даже, как звали органистку — Сэнди Макферсон, — которая играла в кинотеатре. «Я была в восторге от каждой минуты того дня», — вспоминала Тэтчер.

Когда ей шел десятый год, Маргарет, сделав уроки, торопливо спускалась вниз и, присев за прилавком возле ножа для резки окорока, вслушивалась в разговоры о политике. Чаще всего разговор вращался вокруг выборов, которые должны были состояться в том году и в результате которых на Даунинг-стрит вернулся Стэнли Болдуин. Робертсы, разумеется, принимали активное участие в предвыборной кампании в Грантеме, агитируя за консервативного кандидата Виктора Уоррендера, который,

одержав легкую победу, прошел в парламент. Выполняя обязанности связной, Маргарет носилась из комитета на избирательный участок и обратно, отмечала галочкой фамилии избирателей. После того как Уоррендер пришел поблагодарить добровольных помощников, она была на седьмом небе и несколько дней не могла говорить ни о чем другом. Еще тогда она поняла: «политика у меня в крови».

На следующий год Маргарет перевели из общеобразовательной школы в Хантинг-Тауэр в Кестевенскую частную школу для девочек, платное учебное заведение, готовившее выпускниц к поступлению в университет. Плата за обучение составляла примерно 65 долларов в год. Алфу она была вполне по карману, но он настоял на том, чтобы Мэгги держала экзамен на право получать стипендию — на тот случай, если он умрет и она будет нуждаться в финансовой помощи.

Училась она превосходно и закончила год первой в классе из тридцати двух учениц. Вообще за время учебы в Кестевенской школе она заканчивала каждый учебный год первой в классе и лишь последний закончила второй. Занималась она упорно, зубрила, но ей помогала исключительная способность сосредоточиться. Однажды после экзамена, во время которого разразилась сильная гроза, девочки принялись вспоминать, как яростно она бушевала. «Какая гроза?» — спросила Маргарет. По словам соклассниц, она часто говорила властным тоном, но сама Маргарет, похоже, этого не замечала. Она изо всех сил старалась ладить с подружками и, пообедав дома, всегда возвращалась в школу с каким-нибудь угощением для них.

Отличалась она и в спорте. Одиннадцатилетняя Маргарет была самой младшей девочкой в кестевенской команде по хоккею на траве. Но удовольствие ей доставлял не столько процесс игры, сколько дух соперничества, азартное стремление к победе. Впоследствии, обнаружив, что политическая борьба не меньше волнует кровь, она полностью охладела к спорту. Несколько поездок с детьми и мужем на зимние лыжные курорты — не в счет.

Рано проснулся в ней и интерес к публичным выступлениям. «Она гораздо раньше своих школьных подружек научилась излагать свои мысли, верно выбирая слова», — свидетельствует Маргарет Гудрич, дружившая с нею с детства. Маргарет Робертс вступила в Кестевенский дискуссионный клуб и брала внеклассные уроки дикции и ораторского искусства. «Человек просто обязан говорить правильно», — сказала она отцу, обратясь к нему с просьбой об оплате уроков. Он согласился, но как только соученицы заметили ее новый выговор, они прозвали ее

«задавакой Робертс».

С раннего детства, когда она начала исполнять роли в церковных постановках на библейские темы, Тэтчер увлекалась лицедейством. В Кестевенской школе она вступила в театральное общество и играла во многих спектаклях; ее пленял романтический ореол сцены (чего так не хватало ей дома), но больше всего она любила ощущать себя в центре действия, в фокусе внимания. Некоторое время она даже подумывала о том, чтобы стать актрисой, но потом отбросила эту мысль как совершенно непрактичную. Ей давно была понятна сила театральности при исполнении ролей. В качестве премьер-министра она не проявила себя ярким оратором, но не раз демонстрировала большое умение подать себя. Она тщательно вникает во все постановочные подробности: где должны быть точки съемки, что послужит задником, даже как выглядит стул, на котором ей предстоит сидеть, заменяя все, что найдет неподходящим. Она умеет тонко уловить нужный момент и обладает природным чувством сцены. На встречах она частенько манипулирует людьми наподобие режиссера, разводящего актеров в мизансцене.

В раннем детстве она даже свою игру на фортепьяно превращала в грандиозное театральное представление, сопровождая ее уморительной жестикуляцией. Она то низко опускала голову, чуть не кладя ее на клавиатуру, то резко откидывалась назад, то драматическим жестом закидывала руку за голову {11}. Другие дети гримасничали и хихикали; эта соученица раздражала их своей серьезностью. Когда матери спрашивали у дочерей: «Почему вы не берете пример с Маргарет Робертс?» — девочки заливались смехом {12}.

После того как в сентябре 1939 года Англия оказалась ввергнутой во вторую мировую войну, стало не до смеха. Когда война началась, Маргарет была тринадцатилетним ребенком; когда война кончилась, она была уже взрослой, почти двадцатилетней девушкой. Война наложила на нее глубокий отпечаток, как и на всех британцев, переживших Дюнкерк, затемнения, налеты, «Битву за Англию», рейды немецких подлодок у британских берегов и страшную угрозу массированного вторжения нацистов. Для довольно малоизвестного провинциального городка Грантем подвергся мощным ударам немецкой бомбардировочной авиации. В годы первой мировой войны в Грантеме развивалась танкостроительная промышленность. В промежутке между двумя мировыми войнами танкостроение захирело, но когда грянула вторая мировая, Грантем вернулся к производству оружия. Это

обстоятельство, наряду с соседством нескольких баз военно-воздушных сил Великобритании и стратегическим положением города на главных железнодорожных и автотранспортных магистралях, соединяющих южные и северные районы страны, делало Грантем важным объектом бомбежек. В течение какого-то времени на Грантем падало больше бомб, в расчете на одного жителя, чем на любой другой английский город {13}.

В ожидании массированных налетов люфтваффе из Лондона было эвакуировано более миллиона женщин и детей, которые нашли приют в домах англичан, живущих в сельской местности. Одно время группа из девяти эвакуированных жила у Черчиллей в Чартуэлле, загородном особняке Уинстона в графстве Кент {14}. Семейство Робертсов тоже приняло гостью: родители девочки, с которой Мюриел дружила по переписке, прислали письмо с просьбой приютить ее. Семнадцатилетняя Эдит, еврейка по национальности, жила в Вене, куда Мюриел и писала ей, выполняя школьное задание. Когда в 1938 году к столице Австрии с грохотом катились танки гитлеровского вермахта, осуществляя аншлюс, родители Эдит обратились к Робертсам с просьбой принять их дочь. Алф немедленно дал согласие. Эдит приехала и рассказала немало историй о зверствах нацистов. Маргарет часами просиживала с ней, завороженно слушая и ужасаясь. Встреча с Эдит помогла ей гораздо глубже своих сверстников понять, что такое война и чем она чревата.

В октябре 1939 года, когда Маргарет исполнилось четырнадцать лет и Грантем еще не подвергся массированным бомбардировкам, в помещении Кестевенской школы начали заниматься ученицы Камденской женской школы, эвакуированной из Лондона. Маргарет и ее соученицы учились в утреннюю смену, а девочки из Камденской школы — в вечернюю После того как Грантем начали бомбить, учениц Камденской школы перевели в Аппингем. Во время одного налета бомба едва не разнесла здание школы. Немецкий бомбардировщик, уходя от огня зениток, снизился и при подлете к школе сбросил несколько фугасок, которые цепочкой легли на спортивную площадку; последняя из бомб взорвалась прямо перед стеной главного корпуса. В августе 1940 года, когда началась трехмесячная «Битва за Англию», Германия бросила около 1400 бомбардировщиков и 1000 «мессершмиттов» против менее чем 900 английских «спитфайров» и «харрикейнов». Победа английских военно-воздушных сил дала Черчиллю основание сказать: «Никогда еще в истории военных конфликтов столь многие не были стольким обязаны столь немногим». Блиц (массированные ночные налеты на Лондон), начавшийся в сентябре и продлившийся до весны 1941 года, унес

жизни 30 000 лондонцев, но Англия ни на миг не дрогнула.

Вступили в силу правила затемнения, жителям раздали противогазы. На школьном дворе появились два бомбоубежища; ученицы Кестевенской школы принялись за работу: проводили сбор средств, набивали мешки песком, помогали собирать урожай, смотрели учебно-пропагандистские фильмы. В доме Робертсов не было подвального этажа, поэтому при звуках сирен воздушной тревоги члены семейства залезали под обеденный стол. Прежде чем нырнуть под стол, Маргарет обычно хватала учебники и тетради {15}. Алф читал все, что мог достать, о войне, Германии, державах оси «Берлин — Рим», государствах-союзниках, намерениях США и выкладывал то, что почерпнул, в застольных разговорах. Собравшись вокруг радио, Робертсы и Эдит затаив дыхание внимали словам Черчилля.

Ошеломленные, потрясенные, слушали они в конце мая 1940 года сообщения, об эвакуации под огнем из Дюнкерка, где на сотнях судов удалось вывезти из Франции 350 000 солдат и офицеров — некоторые добирались до шлюпок по шею в воде, в то время как гитлеровская авиация бомбила и поливала огнем из пулеметов эвакуировавшиеся войска. А 4 июня, в день завершения эвакуации, Маргарет с дрожью волнения слушала речь Черчилля, сплотившую его соотечественников. «Мы будем стоять до конца, — поклялся он. — Мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и океанах. Мы будем защищать наш остров любой ценой; мы будем сражаться на побережьях; мы будем сражаться на аэродромах; мы будем сражаться в полях и на улицах; мы будем сражаться в горах. Мы не сдадимся никогда». После того как через десять дней пал Париж, британцы стоически приготовились к худшему.

Алф, ставший в 1936 году самым молодым членом городского совета Грантема, был назначен уполномоченным по продовольствию и осуществлял надзор за рационированием в городе продуктов питания. В разгар войны, в 1943 году, он стал мэром, и это еще больше вовлекло семейство Робертсов в деятельность во имя победы. Роль, которую довелось играть Алфу, волнующие речи Черчилля и рассказы Эдит начали превращать и без того патриотически настроенную Маргарет в законченную ура-патриотку.

В отроческие годы мальчики не занимали никакого места в жизни Маргарет. Грантем был наводнен солдатами с соседних авиабаз, но встречаться с ними категорически запрещалось. Раз уж кестевенским школьницам не разрешалось ходить из школы домой в компании учеников местной частной приготовительной школы, Королевской школы имени Исаака Ньютона, то что уж тут

говорить о солдатах! Маргарет не имела причины расстраиваться из-за подобных ограничений, но в глубине души мальчики интересовали ее больше, чем она показывала. Вечно занятая уроками или помогающая в лавке, она никогда не ходила на танцы в школу или в кино с мальчиками, хотя некоторые ее одноклассницы назначали свидания и субботними вечерами бегали на танцульки. «Это выглядело очень заманчиво, и мне бы хотелось пойти, — с легким сожалением призналась она, — но мы с сестрой не умели танцевать» {16}. Для Маргарет целым событием было пойти в кафе «Кэтлинс» и съесть порцию пломбира с сиропом, но и там она бывала без мальчиков. Развитая не по годам во многих отношениях, Маргарет отставала от сверстниц в том, что касалось отношений с противоположным полом.

Мюриел уехала из дома учиться на физиотерапевта, и с приближением дня окончания Кестевенской школы Маргарет принялась строить свои собственные планы на будущее. Под влиянием Киплинга она склонялась к тому, чтобы поступить на государственную гражданскую службу и поехать работать куда-нибудь в Индию, но директриса Кестевенской школы Дороти Гиллис постаралась отговорить ее: на государственную службу принимают немногих женщин, да и служить в Индии чрезвычайно трудно. «Тем более стоило бы попытаться», — отвечала Маргарет, но все же решила поступать на естественнонаучное отделение университета. Ее интерес к науке объяснялся несколькими причинами. Ей хорошо давались биология и математика, а одной из любимых ее учительниц была преподавательница химии Кейти Кей. Другой причиной явилось то, что, по ее словам, «мы тогда считали, что нет таких проблем, которых не могла бы решить наука». Впрочем, ее выбор определялся и соображениями более прагматического свойства. В Англии военных лет были еще слишком свежи воспоминания о кризисе, а научная специальность, как твердо знала Маргарет, всегда гарантирует ей работу. Наконец, изучать химию стремились немногие абитуриентки по сравнению с желающими изучать гуманитарные науки. Естественнонаучная специализация значительно повышала ее шансы быть принятой в один из лучших университетов.

И почти сразу она засомневалась в правильности своего решения — что ей несвойственно. В шестнадцатилетнем возрасте, когда у нее свежи были воспоминания о предвыборной кампании Уоррендера, она приняла участие в еще одной кампании. На этот раз ее кандидат, сэр Артур Лонгмор, потерпел поражение, но это вновь подогрело ее интерес к политике.

Алф, который был не только членом муниципалитета, но и

мировым судьей, поощрял этот ее интерес. Он брал с собою Маргарет, раз уж у него не было сына, в Грантемский городской суд, где ее завораживали все эти формализованные аргументы, юридические резюме и сама театральная обстановка зала суда. Однажды за ленчем в обществе отца и юриста Нормана Уиннинга она посетовала, что дала маху, решив учиться на химика. Теперь она хотела бы стать юристом, но слишком далеко зашла, специализируясь в области науки. Она совершила ужасную ошибку и чувствует, что угодила в ловушку.

Чепуха, возразил Уиннинг, сам окончивший физический факультет. Научная подготовка вам не повредит, наоборот, поможет. Продолжайте штудировать химию, посоветовал он, получите научную степень, а затем пойдете учиться на юриста. Благодаря такому сочетанию дисциплин вы по-настоящему натренируете свой ум и облегчите себе доступ в такие заповедные области, как патентное право, где работа специалистов высоко оплачивается. Этот совет снял у нее камень с сердца. Много лет спустя она скажет: «Тот разговор с мистером Уиннингом стал для меня воистину решающим» {17}.

После того как в 1941 году в Оксфорд приняли ее подругу Маргарет Гудрич, шестнадцатилетняя Маргарет решила как только можно скорей последовать ее примеру {18}. Директриса мисс Гиллис пыталась переубедить ее; ей казалось, что Маргарет слишком уж торопится. Подождите поступать годик-другой, посоветовала мисс Гиллис. Маргарет это взбесило. Выскочив из кабинета директрисы с пунцовым от гнева лицом, она заявила своей подруге Гудрич, что Гиллис «пытается помешать мне осуществить мою мечту». Ничего подобного у директрисы и в мыслях не было. Она признавала, что Маргарет Робертс — одна из лучших учениц Кестевенской школы, но считала, что ей следует поучиться еще какое-то время в средней школе, чтобы отшлифовать свои манеры и избавиться от школярской назидательности. Гиллис была убеждена в том, что Маргарет — чрезмерно честолюбивая, чрезмерно поощряемая в своем честолюбии отцом — слишком молода для поступления в университет. Все это так и было.

Но Маргарет приняла решение и взялась за подготовку. В Кестевенской школе не преподавали латынь, экзамен по которой требовалось сдавать при поступлении в Оксфорд, так что ей пришлось, занимаясь частным образом с репетитором, за год одолеть курс обучения латыни, рассчитанный на четыре года. В семнадцать лет она выдержала вступительные экзамены в Оксфорд и получила высшие оценки по латыни, что очень ее порадовало. Но радость радостью, а недоброе чувство к мисс

Гиллис Маргарет затаила на долгие годы. В 1960 году, почти через двадцать лет, она, уже будучи членом парламента, приехала в Кестевенскую школу в качестве почетной гостьи на сбор бывших учениц. Мисс Гиллис, вышедшая на пенсию и постаревшая, обратилась к собравшимся с речью, в которой неправильно употребила какое-то латинское выражение. Следом на трибуну поднялась Тэтчер и подчеркнуто поправила свою старую директрису. Ее однокашницы были неприятно поражены {19}. Вообще, при всех своих успехах она так и не сумела до конца преодолеть в себе эту черту — злопамятность.

Сдав латынь, Маргарет подала заявление о приеме в Самервилл-колледж, один из старейших женских колледжей Оксфорда, а заодно в государственный Ноттингемский университет и в Бедфорд-колледж, женский колледж Лондонского университета. В оба последние, служившие подстраховочным вариантом, ее приняли, а вот Самервилл обернулся горьким разочарованием: ее внесли в список кандидатов, поставленных на очередь. Впервые она не получила того, чего добивалась.

Маргарет решила вернуться в Кестевенскую школу; делала она это с тяжелым сердцем: мисс Гиллис оказалась-таки права, она и впрямь брала на себя слишком много. Однако уже на шестой день после начала учебного года, сразу после того как ее назначили старшим префектом — это высший знак почета в школе, — ее вызвала директриса. В Самервилле нашлось для нее место. Маргарет, не долго думая, собрала вещи и с двумя сумками поспешила на вокзал. Ей повезло. Постановлением военного времени, принятым ранее в том же году, предусматривалось, что только абитуриентам, не достигшим к 1 ноября восемнадцатилетнего возраста, предоставлено право на четырехлетнее обучение. Тем же, кому уже исполнилось восемнадцать, обучение предоставлялось только на двухгодичный срок. Маргарет, у которой день рождения был 13 октября, получала, благодаря тому что родилась за полмесяца до 1 ноября, право учиться полных четыре года {20}.

Если бы Маргарет Робертс не приняли в Оксфорд, все равно она почти наверняка стала бы политиком. Она была дочерью своего отца, и политика была у нее в крови. Но в этом случае путь к должности премьер-министра оказался бы для нее куда более крутым. Дело в том, что в течение вот уже семисот лет дорога к власти и влиянию в Англии начиналась в лекционных залах, семинарских аудиториях и четырехугольных дворах колледжей Оксфордского и Кембриджского университетов. Два эти древних университета известны под общим собирательным названием Оксбридж. Это больше чем просто учебные заведения: посещение

любого из университетов означает беспримерный уровень социальной и интеллектуальной избранности. В Англии из поколения в поколение велось, что человеку, который не учился в Оксфорде или Кембридже, было почти невозможно попасть в ряды элиты. В Соединенных Штатах эквивалентом Оксбриджа были бы Йельский, Гарвардский, Стэнфордский и Чикагский университеты, взятые вместе. Со всего света стекались в Оксбридж лучшие и талантливейшие, чтобы по возвращении на родину возглавить важные министерства, корпорации, а то и государства.

Оба университета служили питомником для выращивания политиков. Из сорока семи английских премьер-министров двадцать три получили образование в одном из них; тринадцать премьеров были выпускниками аристократического Крайст-Черч — одного из тридцати четырех колледжей Оксфорда Если не считать Индиры Ганди, учившейся в Самервилле восемью годами раньше, Оксбридж воспитывал почти исключительно политиков-мужчин — вплоть до появления Маргарет Робертс, да и та подумывала о бегстве. На первых порах она невзлюбила Оксфорд. В отличие от Кембриджа, который находится неподалеку от Грантема и может похвастать идиллическими лесопарками за «Задами» — задней стороной колледжей, обращенной к реке Кем, Оксфорд является оживленным торговым центром. Для наивной провинциальной девушки, которой не было и восемнадцати лет, Оксфорд представлялся чужим и неведомым, как обратная сторона Луны.

В Самервилле учились 75 первокурсниц. Маргарет была одной из 803 студенток и 1813 студентов Оксфорда; после начала войны число учащихся-мужчин сократилось до 1000. Она очень скучала по дому. «Когда живешь дома, — сказала она однажды, вспоминая то время, — даже понятия не имеешь, что такое одиночество». Она стала болезненно застенчивой, особенно когда передразнивали ее резкий линкольнширский акцент. (Бесконечные уроки дикции не помешали критиканам сделать объектом насмешек ее голос: мол, он звучит так, «будто она собирается сообщить вам о смерти вашего любимого песика».)

В отличие от многих однокашников — выпускников привилегированных престижных школ, готовящих пополнение для Оксбриджа, Маргарет почти никого не знала и держалась особняком. Трудно сходящаяся с людьми, неловкая и теряющаяся в обществе мужчин, она стала мишенью для насмешек сокурсниц. Ее упоминания о «папочке-мэре» не помогали делу. Равно как и ее откровенные признания, что она намерена многого достигнуть в жизни. Честолюбие ее было безгранично; ее откровенность —

наивна. Акклиматизироваться в Оксфорде помогло ей участие в мероприятиях военного времени. Война, занявшая центральное место в жизни нации, отбрасывала постоянную тень и на Оксфорд. Шесть членов оксфордской восьмерки, участвовавшей в «Гребных гонках» 1939 года — традиционном соревновании по гребле между Оксфордским и Кембриджским университетами, — погибли на войне. Ни одной бомбы не упало на Оксфорд. Некоторые историки объясняют это тем, что Гитлер планировал разместить в городе свою оккупационную штаб-квартиру и предназначаемый под его ставку университет якобы должен был находиться в готовности принять его в любое время. Самервилл преобразился. Вокруг главных входов колледжа соорудили защитные стены от взрывной волны. Установили две огромные цистерны с водой для тушения пожаров. Участвуя в кампании «Копать ради победы», студентки вскопали под посадки газон четырехугольного двора. Маргарет дежурила на сторожевом посту пожарной команды и работала в местной солдатской столовой-клубе, разнося по столам кофе и печенье. Оксфорд, как и вся страна, терпел в годы войны тяготы и лишения. Не хватало денег на поддержание физических сил, но куда хуже было то, что не хватало учебников. По утрам к дверям читальных залов, открывавшихся в девять утра, выстраивались длинные очереди; через пять минут после открытия все места внутри уже бывали заняты. Потрепанные старые учебники нечем было заменить, а новые если и появлялись, их моментально расхватывали. Когда вступили в действие меры по экономии топлива и топить почти перестали, студенты сидели на лекциях в пальто.

В отличие от большинства других студенток Самервилла, изучавших гуманитарные науки, Маргарет больше занималась самостоятельно, особенно химией. Занятия начинались только в девять утра, но она приучила себя вставать в половине седьмого — привычку эту она сохранила и на Даунинг-стрит. Утренние и дневные часы она по большей части проводила, запершись в лаборатории; с пяти до семи вечера слушала лекции; домой возвращалась после наступления темноты и в одиночестве ужинала, зачастую лишь ломтиком хлеба или яйцом.

Постепенно чувство одиночества стало ослабевать: жизнь Самервилла предъявляла известные требования, и колледж начал оказывать на дочку бакалейщика свое влияние. Основанный в 1879 году, Самервилл был, по меркам Оксфорда, новым колледжем. Это означало, что в нем отсутствовали некоторые архаичные традиции других колледжей, старейший из которых был основан в 1249 году. Имело значение и то, что в Самервилл принимали учиться всех, независимо от религиозной

принадлежности. Из этого следовало, писал историк Самервилла, «что при приеме в колледж преимуществом не пользовались никакие особые группы, вероисповедания, классы или слои общества». Поскольку Маргарет принадлежала по своему социальному происхождению к нижней половине классовой системы, такой порядок был ей на пользу.

Самервилл — колледж с серьезной репутацией, но подчас он проявляет неумеренную скромность. В последнем ежегоднике колледжа только отмечается, что некоторые выпускницы Самервилла «отличились в научной и общественной жизни» и что из их числа вышли два премьер-министра. Имена не названы[3]

Рекордов академической успеваемости Маргарет не поставила. «Она не подавала особых надежд», — сказала Джанет Вон, выдающийся ученый и тогдашний ректор Самервилла {21}. «Она была отличным химиком средней руки. Никому из нас в голову не приходило, что ома далеко пойдет» {22}. Научный руководитель Маргарет Дороти Ходжкин, блестящий кристаллограф, лауреат Нобелевской премии 1964 года в области химии и первая женщина после Флоренс Найтингейл, награжденная орденом «За заслуги», почетной наградой, присуждаемой лично монархом максимум двадцати четырем достойнейшим подданным, согласилась с мнением Вон. «Всегда можно было рассчитывать, что она подготовит продуманный, хорошо написанный научный доклад, но ей не хватало чего-то такого, что было у некоторых других, — отметила Ходжкин. — По-моему, она не питала глубокого интереса к химии» {23}.

К чему она действительно питала глубокий интерес, так это к политике, притом интерес этот становился всепоглощающим. По счастью для нее, в Самервилле с его вольнодумной левой политической традицией сторонница консерваторов мисс Робертс просто не могла остаться незамеченной. Она выделялась среди множества сторонниц лейбористской партии. Но при этом Маргарет оставалась докучливой спорщицей, этаким непримиримым идеологом, воинствующим и не признающим ничего, кроме политики. Даже в возрасте восемнадцати-девятнадцати лет она предпочитала в политическом споре не диалог, а сокрушительный монолог. Ее целью всегда было уничтожить политического противника. Джанет Вон старалась избегать общества Маргарет. «Если у меня гостили занятные, интересные люди, — рассказывала она, — я, честно говоря, никогда и не думала приглашать Маргарет Робертс, потому что она была малоинтересной собеседницей. Нам случалось спорить о политике, но она была такая твердокаменная!» {24}

Нюансы политических идей не интересовали Маргарет.

Упорство, решительность, целеустремленность с самого начала характеризовали ее подход к делу. Критиков консерватизма выводило из себя ее упрямое нежелание признать состоятельным любой их довод. Она брала воинственный, мессианский тон и вещала с таким рвением, которому позавидовал бы современный телевизионный проповедник-евангелист. Когда она садилась на своего конька, даже подругам становилось невтерпеж от ее однобокости. Политика и учеба сделались единственными темами ее разговоров. Ее речи начали звучать как заезженная пластинка. «Слишком уж зацикливалась она на двух вещах», — со вздохом посетовала Маргарет Гудрич {25}.

Ей следовало бы смягчать резкость своих высказываний улыбкой и к месту вставленной шуткой, но Маргарет была просто неспособна к этому. Улыбки и шуточки не являлись естественной наследственной чертой семейства Робертсов. В последующие годы самые горячие ее сторонники станут постоянно уговаривать ее смягчиться, стать веселей. Ей это представлялось делом трудным, почти невозможным. Маргарет не умела рассказывать анекдоты (странный изъян для столь популярного политика!) и не понимала либо не находила смешными большинство из них. Фельдмаршал лорд Брамалл, начальник ее генерального штаба, однажды заметил, что, если в программу брифинга входила шутка, «мы предупреждали ее, что сейчас последует шутка, и объясняли, в чем ее смысл». Обычной реакцией был озадаченный взгляд и удивленное «О!» {26} Как-то раз в начале 70-х она приехала в Оксфорд, будучи приглашена выступить на ежегодной встрече бывших выпускниц — веселой вечеринке, на которой произносятся шутливые речи. Она не веселилась сама и не пыталась веселить других. «Привет, самервиллианки и налогоплательщицы», — начала она, после чего прочла длинную лекцию о налоговом праве. Слушательницы ерзали на стульях; некоторые ушли {27}.

Она вступила в Консервативную ассоциацию Оксфордского университета, потому что не могла вступить в прославленный Оксфордский союз, центр студенческих дискуссионных обществ. В том, что ее не приняли туда, ее вины не было. Основанный в 1823 году, этот дискуссионный клуб открыл свои двери женщинам лишь в 1963 году. (Беназир Бхутто, впоследствии премьер-министр Пакистана, была избрана президентом Оксфордского союза в 1967 году.) В 1944 году, когда Маргарет училась на втором курсе, Оксфордский союз отклонил резолюцию о допуске женщин 127 голосами против 24. Что и говорить, дискриминация женщин имела в Оксфорде глубокие корни. Так, еще в 20-х годах требовалось, чтобы девушки сдавали экзамены,

сидя на особых местах, отгороженных и скрытых за специальными ширмами. До 1945 года ни одной женщине не было присвоено полного профессорского звания.

В Оксфорде военных лет господствующими были левые политические симпатии, что отражало сдвиг влево в настроениях всей страны. Но это ничуть не смущало Маргарет. Алф постоянно внушал ей, что не следует ни к кому подлаживаться, и Маргарет никогда не боялась плыть против течения. Она любила соперничество и верила в консерватизм. Впрочем, она отлично знала, что делает, — в ее поступках проглядывал холодный расчет, и это не всегда удавалось ей скрыть. Нина Боден, член соперничающего клуба лейбористской партии, помнит Робертс «пухленькой, опрятной, серьезной девицей лет девятнадцати» и припоминает, как отреагировала будущий премьер-министр на ее выступление в защиту лейбористов. «Маргарет улыбнулась своей улыбочкой миловидной фарфоровой куколки. Что и говорить, признала она, лейбористский клуб сейчас более «модный» — убийственное словцо, которое сразу перечеркнуло мои доводы, но как раз это и входило в ее планы, — рассказывала Боден. — В отличие от меня она не «играла в политику». Она всерьез собиралась попасть в парламент, и у нее было больше шансов, что ее «заметят» в клубе консерваторов, хотя бы только потому, что большинство его членов — люди скучные и тяжеловесные» {28}.

Впрочем, не все заслуживали такой характеристики. К концу второго года в Оксфорде Маргарет влюбилась в сына графа. Это был ее первый роман, и она без устали говорила о своем возлюбленном, несмотря на поддразнивания других девиц. Они, конечно, завидовали, а некоторые к тому же считали, что Маргарет, и без того неуживчивая, станет просто невыносима, если подцепит лорда. Их опасениям не суждено было оправдаться. Молодой человек пригласил ее домой, чтобы познакомить со своими родителями, но мать не одобрила его выбор — дочку бакалейщика. Вскоре после этого кавалер ее бросил {29}.

Когда в 1945 году кончилась война, Маргарет уже прошла половину курса обучения в Оксфорде. Она жадно ловила все новости о начале высадки англо-американских войск в Нормандии в июне 1944 года и с воодушевлением следила за сообщениями о прибытии в Европу десятков и десятков тысяч американских солдат. К концу войны армия и флот США втрое превосходили по численности военные силы Британии. Сводка военных новостей быстро превращалась в американское шоу, и поэтому Маргарет горячо сочувствовала решимости Черчилля участвовать в переговорах о мире на равных с Америкой и

Советами {30}. Сорок лет спустя, будучи премьер-министром, она тоже добивалась того, чтобы Англия играла роль в переговорах между сверхдержавами.

Недолгим было в Англии ликование по поводу окончания войны: англичане вскоре убедились в том, что скорого улучшения жизни не произойдет. А пока что положение все ухудшалось. Уже в мирное время ввели хлебные карточки, тогда как во время войны потребление хлеба не ограничивалось. Лекарств и витаминов остро не хватало; участились вспышки заболевания фурункулезом и цингой. Если до войны средний вес гребца оксфордской восьмерки составлял 180 фунтов, то участники первых послевоенных гонок, включая загребного, который провел три года в немецком лагере для военнопленных, весили в среднем 154 фунта. С осени 1945 года в Оксфордский университет начали возвращаться студенты, повзрослевшие и понюхавшие пороха. Возобновила действие приостановленная в 1939 году программа предоставления стипендий Родса, причем к тридцати двум обычным стипендиям были добавлены еще тридцать две для участников войны. Жизнь в университете набирала темп — набирала темп и деятельность самой Маргарет.

Почти сразу же по окончании войны Уинстон Черчилль объявил о проведении первых за минувшее десятилетие выборов, призванных определить, какое правительство придет на смену преимущественно консерваторскому коалиционному правительству военного времени. Маргарет, действуя через Консервативную ассоциацию Оксфордского университета (КАОУ), приняла самое активное участие в предвыборной кампании. В ту пору Оксфорд посылал в Вестминстер трех членов парламента, двоих — от университета и одного — от горожан. Выборы в университете не заинтересовали Маргарет. Здесь, по ее мнению, и не пахло «настоящей» политикой. Ее привлекла предвыборная борьба за место в парламенте от жителей Оксфорда, традиционно являвшегося оплотом консерваторов.

Борьба велась между аристократом Квентином Хоггом, консерватором, и интеллектуалом Фрэнком Пакнемом, лейбористом. Победу одержит Хогг, который станет потом одним из самых выдающихся политиков послевоенной Англии и займет в кабинете Тэтчер пост лорда-канцлера, высшего судебного должностного лица Англии. Пакнем, восхитительно эксцентричный человек, впоследствии унаследовал титул пэра и имя лорд Лонгфорд. Убежденный противник Тэтчер, он стал впоследствии больше известен как участник кампаний против порнографии и в защиту прав заключенных, а также как патриарх литературного клана Пакнемов и Лонгфордов, первого семейства

в английской литературе, среди членов которого имеются такие крупные писатели, как его жена Элизабет Лонгфорд, биограф; дочери Антония Фрейзер и романистка Речел Биллингтон; сын Томас Пакнем и зять драматург Гарольд Пинтер.

Маргарет агитировала за Хогга, с утра до вечера стучась в дома избирателей, раздавая предвыборную литературу и произнося — с наслаждением — свои первые политические речи. Казалось, все складывалось в пользу победы тори на выборах 1945 года. Они шли на выборы, имея подавляющее большинство в парламенте — 432 места из 615 — и такого партийного лидера, как Черчилль, под чьим руководством страна только что одержала победу над Германией.

Как известно, дело кончилось одним из крупнейших неожиданных провалов в современной политической истории. Черчилль и консерваторы не просто проиграли. Они потерпели сокрушительное поражение, потеряв более половины мест в парламенте. В парламенте нового созыва, состав которого был увеличен до 640 мест с учетом возросшего народонаселения, тори получили всего 213 мест по сравнению с 393 местами, полученными лейбористской партией Клемента Эттли. Тори не уловили настроения страны, которая хотела, чтобы ее правительство было более прогрессивным и проявляло больше готовности заботиться о благосостоянии своих граждан.

Если студентов Оксфорда, придерживающихся левых взглядов, не обескуражил подобный поворот событий, то Маргарет была прямо-таки ошеломлена. «Всех нас это страшно потрясло, — признавалась она. — Я просто поверить не могла, что страна может отвергнуть Уинстона после всего, что он сделал! Это было нечто фантастическое, невероятное» {31}.

Маргарет Тэтчер посвятит потом свою политическую карьеру демонтажу построенного Эттли «государства всеобщего благосостояния», но Маргарет Робертс воспользовалась одним из первых законодательных актов Эттли — его решением повысить оклады членам парламента с 600 до 1000 фунтов в год, что обеспечивало прожиточный минимум тем, у кого не было других источников дохода. «Вот тогда-то, — рассказывала она, — и появилась возможность подумать о политической карьере» {32}. Как-то вскоре она, задержавшись на вечеринке, чтобы выпить кофе и помочь вымыть посуду, яростно спорила с одним молодым человеком, как вдруг кто-то, вмешавшись в разговор, спросил: «Ведь вы, Маргарет, конечно, займетесь политикой, правда?» «Я замолчала, не закончив фразы. Вдруг решение окончательно выкристаллизовалось у меня в голове. Теперь я знала точно». Она уже и раньше задумывалась об этом и потому ответила почти без

колебания. «Да, — подтвердила она, а затем добавила, еще более воодушевляясь: — Мне нужно стать членом парламента» {33}.

Но сперва ей предстояло закончить колледж, получить работу и занять определенное место в жизни.

После войны атмосфера в Оксфорде заметно политизировалась. По иронии судьбы победа лейбористов способствовала возрождению в университете интереса к консерватизму. Ряды сторонников консерваторов росли как благодаря притоку студентов, отслуживших в армии, так и вследствие осознания необходимости реформировать консерватизм. В 1945 году КАОУ приняла в свои ряды тысячного члена. Через год численность Ассоциации возросла до 1750 человек, и она могла похвастать новым лидером: впервые президентом Ассоциации стала женщина — Маргарет Робертс. Ее победа ни для кого не явилась неожиданностью. Никто так много не работал на пользу консервативной партии и Ассоциации. То, что она была единственной женщиной в правлении, состоявшем сплошь из мужчин, нисколько ее не беспокоило. Ей без труда удавалось подчинять своей воле мужчин в Ассоциации, подобно тому как она будет подчинять членов своего кабинета в качестве премьер-министра.

Она в соавторстве с другими членами КАОУ сочинила документ, содержавший официальную оценку этой организацией причин поражения тори. «Консервативная политика стала означать в глазах общественности немногим больше, чем серию административных решений по конкретным проблемам, соотнесенных в определенных областях с некоторыми неразумными предрассудками и эгоистическими интересами состоятельных классов. Для того чтобы опровергнуть это чрезвычайно вредоносное мнение, необходимо показать связь между общей политической линией и различными решениями и очистить эти последние от малейшего подозрения в том, что они явились плодом компромисса между национальными и групповыми интересами».

Видно, что писательского дара у нее не обнаружилось, но в этом документе важен тон, решительный и целеустремленный. Ее оценка, пускай написанная неопытной рукой, явилась первой попыткой Маргарет сформулировать свои политические воззрения. Радикалкой она не была. Большинство коллег по КАОУ помнят Тэтчер в годы президентства в Ассоциации как консервативного лидера центристского толка. Впрочем, она расширяла свой круг чтения и интеллектуальный кругозор. В 1945 году она жадно прочла «Путь к рабству» — апокалипсический трактат австрийца Фридриха фон Хайека,

профессора Лондонской школы экономики, который доказывал, что всякое расширение социалистической государственной власти с неизбежностью ведет к тирании, в том числе и нацистского образца.

Она также записалась в семинар по методизму, но нашла оксфордскую разновидность этого вероисповедания «гораздо более формальной, чем все, к чему я привыкла» {34}. Она перестала заниматься методизмом и начала посещать богослужения в англиканском храме Сент-Мэри. Скептики выражали впоследствии сомнение в мотивах ее перехода в англиканство. Ведь англиканской церкви отдают явное предпочтение высокопоставленные консерваторы, и то, что ее называют партией тори на молитве, является шуткой лишь отчасти. Но Маргарет решительно отрицала всякие предположения, будто она поменяла веру из соображений политической выгоды, утверждая, что якобы «церковная принадлежность не играет ни малейшей роли» в английской политической жизни {35}, что совсем не соответствовало действительности.

Работа в КАОУ с ее собраниями, речами и вечерами в честь высоких гостей — консервативных политиков — забирала у Маргарет львиную долю времени, а она и так уже жила по распорядку, сводившему отдых до минимума: ложилась часа в два-три ночи, вставала в половине седьмого. От этого страдали учебные занятия. «Она никогда не вкладывала в них сердца», — констатировала наставница Вон. Ее дипломная работа на тему рентгенокристаллографии получила одобрение, но экзамен прошел не вполне гладко, и она была выпущена со степенью бакалавра наук второго класса в области химии. Экзамен она сдала вполне удовлетворительно, но без отличия. Впрочем, занимайся она более усердно, это, возможно, ничего бы не изменило. Чтобы получить степень бакалавра с отличием в Оксфорде, нужно показать действительно блестящие результаты. Маргарет Робертс имела прочные знания и хорошо училась, но без интеллектуального блеска. Таких результатов, с какими окончила Оксфорд она, стыдиться не приходилось, но она все же стыдилась. Чуть-чуть. Хотя виновата в этом только она сама, признавалась Маргарет. Слишком много времени тратила она на политику.

В 1947 году, по окончании университета, Маргарет не раз возвращалась в памяти к разговору с отцом и Норманом Уиннингом о том, чтобы получить потом юридическое образование. Она не передумала. Химия не приведет ее к желанной цели, говорила она сокурсницам. Но пока что химия

могла дать ей средства к существованию. Простившись с Оксфордом, Маргарет, ныне дипломированный химик, поступила в одну из старейших в стране фирм по изготовлению пластмасс — «Бритиш Зайлонайт пластике», или «Би-Экс». Она сразу же приступила к работе. Две другие выпускницы Оксфорда, нанятые «Би-Экс», сняли вместе квартиру, но Маргарет совместное житье не устраивало. Она не только предпочитала жить отдельно, но и хотела, по практическим соображениям, избавить себя от готовки. Поэтому она сняла комнату с пансионом в доме недавно овдовевшей женщины, Энид Маколи, и ездила на фабрику автобусом.

С самого начала было видно, что она здесь чужая. Служебные обязанности — Маргарет участвовала в разработке нового клейкого материала — зачастую требовали, чтобы она из тишины лаборатории спускалась в цеха, где безраздельно господствовали мужчины. Выпускница женского колледжа, не имеющая опыта работы с мужчинами, тем более с грубоватыми работягами, не сумела найти с ними общий язык. Они привыкли, чтобы их называли по имени. Она не смогла заставить себя делать это и упорно называла их по фамилии да еще с присовокуплением церемонного «мистер». Их раздражал ее подчеркнуто правильный «аристократический» выговор и натянуто-официальный тон. Ее прозвали Герцогиней. На вечеринках, устраиваемых администрацией, две другие «новенькие» принимали участие в общем веселье, Маргарет же сидела в гордом одиночестве и рано уходила. Если она вообще говорила о чем-нибудь кроме работы, то только о политике, причем непререкаемым тоном. За спиной Герцогини мужчины показывали ей кукиш. Маргарет возненавидела свою работу. Она с нетерпением ждала конца недели, когда она натянет на себя единственное черное платье и отправится на партийное собрание консерваторов Колчестера {36}.

На следующую ступеньку ее возвела случайная встреча в 1948 году. Той осенью она была приглашена представлять Консервативную ассоциацию выпускников Оксфорда на ежегодной партийной конференции, этом важнейшем событии в политическом календаре. Проводимые каждой политической партией Англии в течение четырех-пяти дней где-то между началом сентября и серединой октября, эти конференции являют собой как бы смотр сил каждой партии в ходе подготовки к национальным выборам. Эти конференции дают возможность старшим должностным лицам партии покрасоваться, поважничать, прозондировать политическую линию и тематику, пообщаться друг с другом. Существенной стороной работы

конференции является поиск талантов. Молодым активистам предоставляют возможность выступить, чтобы руководство партии могло отобрать подающих надежды кандидатов для низовой работы, а то и для баллотировки в палату общин.

Конференция, на которую пригласили Маргарет, проходила в Лландидно, курорте на продуваемом морскими ветрами северном побережье Уэльса. В числе собравшихся правоверных тори там были Джон Г рант, директор «Блэкуэллза», большого книжного магазина в Оксфорде, хорошо знавший Маргарет, и Джон Миллер, председатель отделения консервативной партии в Дартфорде, промышленном восточном пригороде Лондона и прочном оплоте лейбористской партии. Во время перерыва Маргарет и эти двое вышли из прокуренного зала и отправились пройтись по молу и подышать свежим воздухом.

— Я слыхал, вы ищете кандидата, — обратился Грант к Миллеру. Шеф местного отделения партии и впрямь подыскивал «пушечное мясо» для предвыборного сражения — подходящего человека для выдвижения кандидатом от консерваторов в Дартфорде на предстоящих выборах. В 1945 году тори потерпели в этом избирательном округе сокрушительное поражение. Были все основания полагать, что такой же разгром ждет их снова. Но претендента необходимо было найти.

— Да, нам нужен очень способный молодой человек, — ответил Миллер. — Округ у нас трудный.

— А способная молодая женщина вам не подойдет? — спросил Г рант.

— Нет, нет, — без колебания сказал Миллер. — Совершенно не подойдет. Не такой у нас район. Дартфорд — город индустриальный.

— Не отвергайте ее с ходу, — продолжал настаивать Грант. — По крайней мере познакомьтесь с ней. Она молода, ей всего двадцать три года. А для трудного округа вроде Дартфорда женщина — это, может быть, как раз то, что надо. Так подумаете о ее кандидатуре?

Миллер помолчал.

— Ну что ж, пусть подает заявление.

Кивнув головой в сторону Маргарет, Грант сказал, что это ее он имел в виду. Миллер подозвал председательницу женской организации дартфордских консерваторов, которая, только взглянув на Маргарет, повторила его совет:

— Подавайте заявление.

«Я до того времени всерьез и не помышляла о выдвижении своей кандидатуры где бы то ни было, — рассказывала Маргарет. — Но вот так получилось, что я подала заявление»

{37}.

Помимо нее еще двадцать шесть человек претендовали на право быть выдвинутыми кандидатом, которого почти наверняка ждало поражение на выборах. Все двадцать шесть были мужчины, ни один не был жителем Дартфорда. Выдвинуть свою кандидатуру предлагали четырем местным бизнесменам, но все они отказались. Зато Маргарет заведомая напрасность борьбы за парламентское место, обеспеченное лейбористам, ничуть не пугала. Ее возбуждала и воодушевляла перспектива участия в предвыборной кампании. Обходить дома, собирая голоса избирателей, было для нее удовольствием; расхваливая перед избирателями консерваторов, она чувствовала себя более в своей тарелке, чем среди соучениц в колледже. В обстановке политической кампании она была как рыба в воде. На комитет по отбору кандидатов она произвела благоприятное впечатление.

«Сразу было видно, что соображает она великолепно, — рассказывала Маргарет Филлимор, член Дартфордской ассоциации консерваторов. — Держалась она очень уверенно и хладнокровно для двадцатитрехлетней девушки, но при этом сохраняла сердечность, была милой и приятной собеседницей». Реймонд Вулкотт, тоже заседавший в комитете по отбору претендентов, придя домой, в восторженных выражениях поведал жене о кандидатке, которая была «красива, хорошо одета и говорила с большим знанием дела» {38}. Он высказал мнение, что хорошо бы выставить ее кандидатуру против Нормана Доддса, популярного лейбориста, члена парламента от Дартфордского избирательного округа. Остальные члены комитета согласились с ним. И вот в феврале 1949 года комитет одобрил кандидатуру Маргарет, ставшей самым молодым в Англии претендентом на место в парламенте; выборы, точный срок которых не был известен, должны были состояться не позже июля 1950 года.

А 28 февраля ее кандидатура была представлена на официальное утверждение собранию избирателей-консерваторов Дартфорда. Маргарет пришла на собрание с отцом и произнесла речь на тему, близкую его и ее сердцу, тему, к которой она всегда будет возвращаться: о необходимости снижения налогов для поощрения инициативы. Алф аплодировал. В комитете ее кандидатура была одобрена двадцатью голосами против одного. Сбор средств на проведение предвыборной кампании составил 37 фунтов 13 шиллингов. Она выступила в путь.

Но сначала надо было отметить это событие: вслед за собранием, утвердившим ее кандидатуру, состоялся прием. Маргарет непринужденно общалась с приглашенными, но,

подобно Золушке на балу, озабоченно поглядывала на часы. В ее сознании деловой женщины занозой сидел один практический вопрос. Прием затягивался, было уже поздно, и она, виновница торжества, не могла сбежать. Но как же ей попасть обратно в Колчестер, до которого добрых сорок пять миль пути, чтобы не опоздать утром на работу в «Би-Экс»? После того как она поведала о своем затруднении Джону Миллеру, председатель консерваторов переговорил кое с кем и вернулся с готовым решением. Один из гостей едет на своей машине в Лондон. Он с удовольствием подвезет ее к железнодорожному вокзалу на Ливерпуль-стрит неподалеку от Трафальгарской площади, так что она успеет на последний поезд до Колчестера. Звали гостя Дэнис Тэтчер.

Рослый, элегантный, похожий, несмотря на очки, на спортсмена, Дэнис был управляющим семейной фирмой по производству красок. Он и сам однажды баллотировался на выборах от сельского округа в графстве Кент на юго-востоке Англии, но потерпел неудачу. Раньше он служил в армии, дослужился до майора, воевал во Франции и Италии, даже получил орден Британской империи, награду весьма почетную. Тридцатитрехлетний холостяк, на десять лет старше Маргарет, Дэнис любил, рисуясь, полихачить. Свой «ягуар» он гонял на сумасшедшей скорости и с ветерком покатил в тот вечер, возвращаясь в Лондон {39}. Маргарет пришлось попросить его сбавить скорость. Впрочем, разговаривать с ним ей понравилось. Он со спокойной прямотой рассуждал о политике, проявляя особую осведомленность в вопросах деловой жизни и экономики. Выяснилось даже, что у них совпадают вкусы в области джазовой музыки. Однако никакой романтической искры между ними не пробежало. Когда ее спросили впоследствии, не полюбили ли они в тот раз друг друга с первого взгляда, она воскликнула: «Нет, конечно!» {40}

Участие в выборах послужило долгожданным поводом для того, чтобы уйти наконец из «Бритиш Зайлонайт пластике». Но надо было подыскать себе новое место. В Дартфорде ничего подходящего для нее не было, но она нашла работу в Хаммерсмите — западном районе Лондона (все-таки это поближе к Дартфорду, чем Колчестер) в многопрофильной пищевой корпорации «Дж. Лайонз», где она проверяла качество бисквитных пирожных и разрабатывала искусственное сливочное мороженое. Горя желанием поскорее начать выборную кампанию, Маргарет переехала в Дартфорд, снова устроившись в комнате с пансионом. Для нее не имело значения, где жить. Она редко бывала дома.

Каждое утро она ездила в Лондон поездом 7.10, добросовестно прочитывая в дороге «Таймс» или «Дейли телеграф», газету настолько консервативную, что ее обычно называли «Дейли ториграф». Из Лондона она возвращалась поездом 18.08, забегала домой наспех перекусить и к восьми вечера опять выходила на улицу, чтобы выступать на собраниях и обходить дом за домом, собирая голоса избирателей. У нее не было ни своей машины, ни денег на такси, а местный общественный транспорт почти отсутствовал. И все же она принимала каждое приглашение, и добровольные помощники по очереди возили ее по городу из конца в конец.

Часто подвозил ее и Рей Вулкотт, один из первых ее сторонников и председатель городского округа. Однажды поздно вечером он проводил ее домой, и она, показав на баночку консервированных сардин на столе, сказала: «Вот мой обед». Вернувшись к себе, он описал эту сцену своей жене Люси. «Я была поражена, — рассказывала Люси. — Это надо же, она приходит домой после шестнадцатичасового рабочего дня, и ее ждет лишь несколько сардин!» Они решили пригласить Маргарет пожить у них. В доме имелось три спальни, но детей не было, и две спальни пустовали. Маргарет прожила у них полтора года, и, как сказала Люси, «она была, конечно же, идеальной гостьей» {41}.

После встречи с избирателями Маргарет обычно возвращалась домой часам к одиннадцати вечера, выпивала чашку кофе, садилась в кабинете за стол напротив камина и писала письма и просматривала газеты до часа или двух ночи. Вставала она всегда не позже шести утра и в половине седьмого выходила из дому, чтобы успеть на поезд. Такой распорядок дня выматывал ее. Она сама признавалась, что слишком переутомляется. Чаще всего она просто старалась не думать об усталости и продолжала работать наперекор всему, и эта самодисциплина стала ее постоянной чертой. «Порой нагрузка бывала чрезмерной, но большой секрет жизни состоит в том, чтобы на 90 процентов сделать это привычкой, — говорила она. — Таким манером превращаешь перегрузку в обычную рутину».

В иные дни Маргарет задерживалась после полуночи на кухне, нагревала допотопный утюг и гладила черное бархатное вечернее платье, чтобы надеть его завтра вечером перед встречей с избирателями. Она тщательно следила за своим весьма скудным гардеробом. Начав время от времени ходить на свидания, она стала все больше заботиться о своей внешности. Лицо у нее было розовое, но немного пухлощекое. Она мало ела, много работала, но, как и многие англичане послевоенных лет, любила

полакомиться дефицитными сладостями и не могла устоять перед шоколадным печеньем, которое пекла Люси Вулкотт.

В ту пору, когда Маргарет переехала в Дартфорд, мужчины все еще не играли никакой роли в ее жизни. Всю страсть души она отдавала политике. У нее не было времени для романов, да и потребности в них — тоже. Она не знала интимной жизни и не жалела об этом. Ее не страшила перспектива остаться старой девой. От случая к случаю ее видели на людях с каким-нибудь спутником. Один знакомый посылал ей орхидеи. Вилли Каллен, шотландец-фермер, с которым она познакомилась на танцах, несколько раз приглашал ее куда-нибудь и в конце концов предложил ей руку и сердце. Она ему отказала. Вскоре после этого он начал встречаться с ее сестрой Мюриел и сделал ей предложение. Мюриел согласилась, и, поженившись, они поселились на ферме в Кенте.

Дэнис Тэтчер время от времени подбрасывал Маргарет на своем «ягуаре» то на собрание, то на официальный обед. Но это и отдаленно не напоминало полноценный роман. Тиканье предвыборных часов — вот единственное, что занимало сейчас Маргарет. В июле 1950 года истекал пятилетний парламентский срок, и Эттли предстояло назначить новые выборы не позже этой даты, хотя на практике он мог назначить их в любое более раннее время, когда бы счел свои шансы на победу наилучшими.

Это, наконец, и произошло в феврале 1950 года. Маргарет к тому времени уже год вела в Дартфорде организационную подготовку к выборам. Ее собственные перспективы оставались малообещающими, но результаты дополнительных выборов в отдельных округах свидетельствовали о сдвиге избирательских симпатий по всей стране в сторону тори. Поэтому, несмотря на то что Дартфорд традиционно голосовал за лейбористскую партию, Маргарет с оптимизмом смотрела в будущее. «Кто не был оптимистом в молодости, — говорила она, — тот никогда и не станет им» {42}.

Общим стратегическим планом консерваторов предусматривалось обрушиться на Эттли с критикой за развал экономики страны. «Освободить народ из-под ига социализма!» — рявкал Черчилль, развертывая кампанию за возвращение на Даунинг-стрит. Выборы были назначены на 23 февраля 1950 года, и в зимнюю непогоду Маргарет шла на улицы, энергично выступая перед избирателями на тему, которая станет доминирующей в ее политической биографии. Выборы — это выбор между двумя разными образами жизни. «Один с неизбежностью ведет к рабству, другой — к свободе, — поучала она. — Птичка в клетке имеет социальное обеспечение. Она сыта

и живет в тепле. Но какой во всем этом прок, если она не может вылететь и зажить своей собственной жизнью?» {43}

Маргарет, самая молодая среди кандидатов, привлекала в Дартфорд толпы журналистов, приезжавших посмотреть, как она проводит избирательную кампанию в этом сугубо индустриальном округе. Она обладала природным, поистине врожденным чутьем на паблисити и с первых шагов умела подать себя фотографам и журналистам. Ее не надо было упрашивать попозировать в белом лабораторном халате среди мензурок и пробирок. Она предлагала это сама. Она не отклоняла ни одного приглашения, если только ради этого не требовалось раньше времени закончить работу или опоздать к ее началу. Ни того ни другого она не допускала.

Она стояла у заводских ворот, когда кончала работу одна смена и заступала другая, заходила в каждый магазин, выступала при каждой возможности на встречах деловых людей. По оценке журналистов, она была неутомима и решительна, но кроме того производила впечатление чрезвычайно воинственной особы. По словам репортера Роберта Маллера, «на митингах она выступала бесстрашно и приветливо, но с людьми держалась холодно и отличалась зашоренностью, целеустремленностью, честолюбием».

При всей своей воинственности она установила на удивление хорошие отношения со своим соперником — лейбористом Норманом Доддсом. Она старательно избегала метить в него лично, приберегая критические стрелы для его партии. Маргарет посылала молодых добровольцев записывать его выступления перед избирателями, чтобы иметь возможность быстро реагировать на сказанное им. В противоположность ей, Доддс, с большим перевесом победивший в 1945 году, был уверен в своей победе и не слишком усердствовал, ведя предвыборную кампанию. К Маргарет он относился с благосклонностью старшего родственника. Сердечно улыбаясь, он пообещал сводить ее позавтракать в парламент после выборов, что он и сделал.

Тори потерпели поражение, но они сократили парламентское большинство Эттли со 146 голосов до 5. Прилив симпатий к консерваторам помог Маргарет, но она и сама не подкачала: сократила большинство голосов, поданных за Доддса, примерно на треть — с 19000 до 13000, отчасти благодаря тому, что вдвое увеличила явку на выборы дартфордских тори.

Городская ассоциация консерваторов пришла в восторг от достигнутого ею результата. Было очевидно, что не за горами новые выборы: с таким незначительным большинством в палате общин правительство Эттли долго не продержится. Дартфордские избиратели-консерваторы без промедления вновь утвердили

Маргарет своим кандидатом и в знак признания ее заслуг подарили ей брошь. Ее успех не остался незамеченным общенациональным руководством консервативной партии. На собрании женщин-консерваторов, состоявшемся летом того года в знаменитом лондонском Алберт-холле, ее попросили представить Уинстона Черчилля, и она на все сто процентов использовала их короткую встречу. Она встречалась с ним всего-то считанные разы, но годы спустя, сама водворившись на Даунинг-стрит, она станет постоянно упоминать в своих речах «Уинстона». Важные персоны партии тори будут пожимать плечами и пояснять, что это слишком большая фамильярность с ее стороны. «Наверное, он в гробу переворачивается, слыша, как она пытается выдать себя за ближайшего его друга», — сердито фыркнул один из них. Но ее это не останавливало. Она ссылалась на него при каждом удобном случае, и тори новой формации, верные ей тори, подхватывали имя Черчилля и приветственно выкрикивали его до хрипоты.

Правительство Эттли продержалось еще только полтора года, до октября 1951-го, когда состоялись новые всеобщие выборы. За это время Маргарет перебралась от Вулкоттов в свою собственную квартирку в Пимлико — центральном районе Лондона рядом с Темзой.

Дэнис Тэтчер по-прежнему приглашал Маргарет пойти куда-нибудь развлечься. Впрочем, начало 50-х годов не располагало к развлечениям: лишних денег у людей не было, продукты питания, одежда, бензин все еще продавались по карточкам. Городские центры, особенно Лондон, где топили по большей части торфяными брикетами, задыхались в густом едком смоге. «Пора стояла довольно-таки мрачная, веселья вокруг было маловато», — вспоминала Маргарет {44}. Маловато было и страсти в ее отношении к Дэнису, который проявлял к ней больше интереса, чем она к нему. Но постепенно между ними росло взаимопонимание, да они и впрямь имели друг с другом достаточно общего, чтобы Маргарет оценила их отношения если не романтически, то логически и аналитически.

«Он занимался производством красок и химических продуктов, а я была химиком», — прозаично констатировала она. Не вполне ясно, в какой степени присутствовала в их отношениях иная химия, «Он хорошо разбирался в финансах, я интересовалась экономикой. У нас было много общего» {45}. Дзнис мог предложить больше. Он был влюблен. Он ободрял ее после февральского поражения и помогал ей готовиться к новой попытке в октябре 1951 года.

Эту предвыборную кампанию она проводила менее

целеустремленно. Она последовала так скоро, что ни Маргарет, ни избиратели не смогли проникнуться достаточным энтузиазмом. Вновь Маргарет обходила дома Дартфорда, собирая голоса, но все это было уже не то. Теперь она не жила здесь. Приезжать каждый день было трудно. Кроме того, она слишком хорошо знала, что у нее нет ни малейшего шанса обойти Доддса с его преимуществом в 13000 голосов, тем более что за полтора года после предыдущих выборов он не допустил ни единой ошибки.

К тому же она, впервые со времен Оксфорда, была в душевном смятении. Дэнис, вернувшись в сентябре из деловой поездки во Францию, сделал ей предложение, и она ответила согласием. Они поспешили согласовать свой дальнейший образ действий с председателем дартфордских консерваторов Миллером: объявить ли им о своей помолвке или подождать до окончания выборов? Миллер посоветовал подождать. Когда кандидатку, которой в ходе избирательной кампании исполнилось двадцать шесть лет, спрашивали, не собирается ли она замуж, она отвечала: «Для замужества у меня нет времени», что соответствовало истине, пускай лишь на тот момент.

После подсчета голосов выяснилось, что Маргарет отобрала у своего соперника еще тысячу голосов — ничего выдающегося, но и ничего зазорного. Однако на сей раз консерваторы одержали верх. Эттли ушел, и в особняк на Даунинг-стрит, 10, вернулся семидесятисемилетний ворчливый и раздражительный Черчилль. Пришло время торжествовать. В Дартфорде, после того как Маргарет поблагодарила своих помощников, которые собрались отпраздновать национальную победу, пусть даже Маргарет и потерпела поражение, была оглашена еще одна новость. Поднявшись на трибуну, Дэнис объявил, что он женится на их кандидатке.

Глава третья
ЖЕНА И МАТЬ

В двадцать шесть лет Маргарет Робертс была готова связать себя узами брака; созрел для брака и Дэнис Тэтчер, несмотря на свою обманчивую внешность легкомысленного холостяка, который, не зная забот, гоняет себе в шикарном «ягуаре». И не раз еще потом внешний облик Дэниса будет вступать в противоречие с его внутренней сущностью. Дэнис Тэтчер всегда был более глубок, чем это позволял предположить его сложившийся «имидж». В продолжение всей политической жизни Маргарет Дэниса изображали в Англии этаким милым шутом, злоупотребляющим джином. Он и впрямь мил, действительно питает пристрастие к джину, бывает и чрезмерное, но он никак уж не шут. Больше того, есть все основания полагать, что без поддержки Дэниса Тэтчера Маргарет Робертс при всей ее одаренности, силе и энергии не стала бы премьер-министром. По мнению старых друзей и сотрудников, Дэнис — самая большая удача Маргарет. «Без него она никогда не добилась бы этого, — заметила одна подруга, которая, восторгаясь ею, судит о ней критически. — Он подстраховывал ее в финансовом отношении, а главное, облагораживал, делал более человечной. Без Дэниса она была бы невыносима». Он для нее идеальный супруг.

Относительно богатый бизнесмен, делавший все, чтобы обеспечить и поддержать жену, Дэнис Тэтчер служил для Маргарет опорой — финансовой и эмоциональной — на каждом шагу ее пути. Он сыграл роль катализатора, ускорившего разрыв Маргарет с Грантемом и с ее прошлым. С его помощью она получила возможность учиться на юриста. Он оплачивал няню и привилегированную школу-интернат для детей, что давало ей еще больше свободы. Он предоставлял ей необходимые финансовые средства, с тем чтобы она могла заняться политикой и продолжать политическую карьеру, ни на что не отвлекаясь. «Свой путь я начала благодаря деньгам Дэниса», — признается она, не думая оправдываться {1}. Как главный ее личный «болельщик» и вдохновитель, он опекал ее и дальше. Маргарет знает, чем она обязана Дэнису, и ценит его. Он всегда наготове, чтобы заехать за ней или оплатить счета. Он смахивает с нее пылинки и позволяет поступать как ей заблагорассудится. Она относится к нему без лишней сентиментальности. Их женитьба основывалась «на общности интересов», замечает она, добавляя

практическую сентенцию: «Начинать лучше с этого, тогда брак получается прочнее». Но впоследствии, присовокупляет она, смягчаясь, их отношения переросли в «замечательную историю любви», стали той «золотой нитью», что сделала возможными остальные ее успехи.

Дэнис — он на десять лет старше жены — обеспечил ей прочное положение. Во многих отношениях, включая его консерватизм бизнесмена, он был для нее как бы продолжением отца, которого она боготворила. Не страдая ни одним из комплексов, которые подчас бывают у мужчин, женатых на знаменитых женщинах, Дэнис стал для нее ближайшим другом и надежнейшей поддержкой; он гордился ею и вместе с тем был вполне доволен собой. Она знает, что он пожертвовал ради нее покоем частного лица, свободой и всем, что хотя бы отдаленно напоминало семейную жизнь. Пока он здоров, она не дает ему поблажки. Единственное обстоятельство заставило бы ее по собственной инициативе рано покинуть свой рабочий кабинет — это беспомощность заболевшего Дэниса. «Ради него она отказалась бы от всего, — сказал коллега-политик, знакомый с нею тридцать лет. — Ведь она знает, от чего отказался он ради нее».

Перед алтарем Дэнис и Маргарет предстали через два года после первой своей встречи. Он признается, что сразу потерял голову, пусть даже с нею этого и не случилось. «Меня привлекли те же качества, которые привлекают и сейчас, — сказал он четверть века спустя, когда Маргарет стала лидером консервативной партии. — Она была красива, очень добра и умна. Кто бы мог, познакомившись с Маргарет, не быть сраженным ее личным обаянием и интеллектуальным блеском?» {2} Сегодня, по прошествии почти сорока лет после женитьбы, он остается таким же восторженным ее поклонником. Дэнис лучше, чем кто-либо, понимает Маргарет. Он отлично дополняет ее и знает, когда лучше всего оставить ее одну. Он успокаивает ее, когда у нее расходятся нервы, что бывает не так уж редко. «В раздерганном состоянии, — признавалась она вскоре после того, как стала премьер-министром, — я ищу утешения у Дэниса. Он обнимет меня и скажет: «Дорогая, ты рассуждаешь в точности как Гарольд Вильсон». И мы всякий раз смеемся» {3}.

Исполненный чувства долга, но старающийся держаться в тени партнер в общественной жизни («На шаг позади нее, старина», — поясняет он с улыбкой), Дэнис играет более традиционную роль в жизни частной. Он проявляет себя умелым хозяином, когда они принимают личных гостей. Гости, недостаточно хорошо знающие его, но привыкшие к тому, что тон

задает она, изумляются, видя, что разговором за столом управляет Дэнис, а премьер-министр молча слушает. Если спор в гостях принимает щекотливый оборот, он спешит ей на выручку: «Дорогая, пора идти». Он единственный человек, который может командовать ею. Однажды поздно ночью, заметив, что она засиделась в кабинете с помощниками, толкуя за виски о политике, он ворвался туда в халате и схватил ее со словами: «Пошли, жена. Сейчас половина третьего, а в шесть, сама знаешь, ты уже будешь на ногах». Она встала и кротко последовала за ним. В других же случаях он, как известно, поднимается после обеда из-за стола вместе с женщинами и переходит в их обществе в другую комнату, тогда как Маргарет остается с мужчинами за столом.

А бывают случаи — скажем, если Дэнис выпьет лишнего на официальном приеме, — когда Маргарет нервничает и сердится на него. Тогда она старается не показывать своего раздражения и вместо этого игнорирует мужа, держась от него на почтительном расстоянии в противоположном конце комнаты, так что не всегда и заметно, что она избегает его. В менее официальных обстоятельствах она бывает снисходительна к нему, когда он является домой, «нетвердо держась на ногах», по ее собственному выражению. В один прекрасный день она позвала в Чекерс, загородную резиденцию премьер-министра, нескольких друзей на праздничный воскресный обед по случаю дня рождения Дэниса. Сам же он об этом забыл, задержался в гольф-клубе и домой вернулся навеселе. Маргарет невозмутимо усадила его за стол, скормила ему три порции пудинга и отправила спать.

Они так хорошо ладят друг с другом, потому что каждый поглощен своими интересами. К тому же их роднит общий для обоих бескомпромиссный политический консерватизм. Дэнис разделяет основные ее убеждения, но его взгляды еще правее. «Я добросовестный правый консерватор и ни за кого другого себя не выдаю», — признался он однажды {4}. Ему так нравится Южная Африка, его излюбленное место для игры в гольф, что его восторженные публичные высказывания о стране апартеида приходится всячески смягчать. Столь же громки и его высказывания о социализме, который он ненавидит во всех формах и проявлениях. Дэнис решительно поддерживает предпринимателей против тред-юнионистов, которых называет «луддитами», и редко упускает случай во всеуслышание объявить, что Би-би-си отдана в руки большевиков. К иностранцам он выказывает едва ли не презрение. Когда его однажды спросили, был ли он в таком месте за пределами Англии, где бы ему понравилось, он, поразмыслив с минуту, сказал: «В Далласе».

«Мне иногда приходится проявлять чуть больше такта, чем мог бы проявить он, — призналась как-то раз премьер-министр. — Но если время от времени он высказывает взгляды, которые расходятся с моими, — что из того? Они привносят в жизнь дополнительную остроту. По-моему, люди его обожают, и я тоже». Фактически же, хотя Дэнис всегда без колебания излагает свои правые воззрения жене, он старается помалкивать на людях, хотя порой это требует от него почти сверхчеловеческих усилий. Несмотря на природную прямоту и откровенность, он являет собой, когда нужно, образец благоразумия и ни разу не поставил премьер-министра в по-настоящему неловкое положение. С тех пор как его жену избрали в 1975 году лидером консервативной партии, Дэнис давал интервью только Кэрол, их дочери-журналистке. «Пока я по возможности держу язык за зубами, ничего не пишу и не высказываю, мне удается избежать неприятностей», — усмехается он.

В личном плане супруги Тэтчер — люди очень разные. Она называет его в частной жизни «Ди» или «Ди-Ти», а на людях — Дэнисом. Он же называет ее на разные лады, начиная от «Маргарет» в компаниях и кончая «жена», «Тэтчер», «золотце», «босс». У них почти нет общих друзей. Она уделяет мало времени его приятелям — любителям гольфа, он мало интересуется ее политическим окружением. Известно, что в Чекерсе нередка такая картина: он упражняется с мячом для гольфа на лужайке у дома, где она проводит заседание своего кабинета. Он любит время отпусков. Всякий раз, когда появляется возможность, он катит на своем автомобиле в аэропорт и улетает отдыхать без нее. Она же терпеть не может отпусков и старается под любым предлогом избежать их или пораньше вернуться к работе. Он чувствует себя в доме N 10 стесненным — она предпочитает этот дом любому другому месту на свете. Дэнис курит — она не любит, чтобы вокруг курили. Дэнис увлекается спортом — на нее спорт навевает скуку.

Дэнис, фигура мировой величины среди приверженцев дискриминации женщин, связан узами брака с женщиной, являющейся высшим символом женского равноправия. Она смела, иной раз чрезмерно. Дэнис смел или во всяком случае прямодушно резок в личных разговорах, но как представитель предпринимательской корпорации он по природе своей более осторожен. В неофициальной обстановке они порой беззлобно пререкаются: «Может быть, Маргарет, ты скажешь, что я неправ, но…» — «Ты не прав, Дэнис», — вдруг перебивает она. Разница в возрасте никогда не была для нее помехой. Еще со школьных лет она привыкла чувствовать себя более уверенно в обществе людей

постарше.

Ввиду того что Маргарет так занята, Дэнис, ведя самостоятельный образ жизни, нередко бывает в отъезде. В годы, когда он работал, чтобы обеспечить семью, ему приходилось много разъезжать по делам фирмы. «Мне часто говорят: «Вы столько делаете для Маргарет в области политики». Это прекрасная теория, но в действительности все обстоит совсем не так, — пояснял он. — Я ведь должен содержать жену и двоих детей, и моя работа стоит у меня на первом месте» {5}. Теперь он уезжает либо по делам, либо — чаще — развлечься. В его отсутствие она начинает скучать. «Когда я остаюсь одна, я могу это перенести, но иной раз бывает как-то пусто», — признавалась она {6}.

В 1975 году, в том самом году, когда Маргарет стала лидером консерваторов, Дэнис ушел в отставку, получив в виде прощального подарка «роллс-ройс», но сохранил за собой место члена правления в ряде корпораций. В отличие от замкнутой Маргарет Дэнис очень общителен. Человек компанейский, он любит бывать на людях, носить галстуки цветов своего полка или клуба, потягивать с друзьями джин в спортивных клубах, таких, как «Лордз тавернерз» или «Далидж энд Сиднем голф-клаб». Когда его однажды спросили в подвыпившей мужской компании, чем он занимался весь день, Дэнис шутливо ответил: «Если я не мертвецки пьян, я обычно играю в гольф». Левша, он играет так хорошо, что охотно дает сопернику фору {7}. Он старается выбираться на площадку для игры в гольф не реже двух раз в неделю, иногда с Вилли Уайтлоу, но чаще с Биллом Дидсом, бывшим редактором «Дейли телеграф» и старым его другом.

Но когда дела в стране идут не слишком гладко, Дэнис считает своим долгом оставаться дома и всегда быть рядом, чтобы поддержать жену или сочувственно ее выслушать. Например, во время Фолклендской войны, когда гибли британские солдаты и премьер-министр была полна тревоги и огорчения, Дэнис практически неотлучно находился при ней. Он знал, что она нуждается в поддержке, и готов был сидеть с нею до глубокой ночи, в то время как она не находила себе места, беспокоясь за «наших парней». Точно так же помогает ей Дэнис и во время избирательных кампаний. Непременный их участник, он зазывает слушателей, кивает по ходу речи, аплодирует и всегда в нужный момент восклицает: «Правильно! Правильно!» Но он уклонится от официальной церемонии, если будет иметь такую возможность. Он ненавидит скоропалительные рабочие визиты и почти никогда не сопровождает премьер-министра в таких поездках. Отказывается он от участия и в более длительных

вояжах в места, ему малосимпатичные. Так, он не пожелал совершить с ней один из самых знаменитых визитов — в Москву на встречу с Михаилом Горбачевым в 1987 году — и в течение пяти дней быть гостем догматичной Раисы. «Красные, — говорит он друзьям, — это не моя компания».

В частной жизни он может отпустить крепкое словцо, но в обществе его речь чаще засоряют словечки старого армейского жаргона. «Лучше обратитесь с этим вопросом к старшему по званию» означает на его языке: «Спросите у премьер-министра». Любимое его выражение: «Одна нога здесь, другая там». «Опять бардак!» — прокомментировал он срыв запланированного срока встречи африканских стран. «Черт побери, Маргарет, кто бы еще сумел толкнуть такую речь! — воскликнул он на завтраке в честь премьер-министра Греции Андреаса Папандреу, после того как миссис Тэтчер в лаконичной форме тоста охватила несколько тысячелетий греческой истории. — Ах, простите, — добавил он, заметив сидевшую рядом жену архиепископа Кентерберийского. — Я забыл, что вы здесь» {8}. В другой раз, будучи спрошен, отдельные ли у него и премьер-министра банковские счета, он рявкнул: «Да, черт возьми, и кровати тоже!»

Готовый объект карикатуры, Дэнис стал героем популярной на Уэст-энде пьесы «Кого-нибудь для Дэниса», основанной на веселой пародии, которую до сих пор печатает из номера в номер двухнедельный сатирический журнал «Прайвит ай» в форме переписки между Дэнисом и его приятелем по гольфу. В этих юмористических письмах к «дорогому Биллу» он обрисован заурядным состоятельным англичанином с архиконсервативными взглядами, этаким изрекающим глупости бурбоном-майором, если не законченным полковником Блимпом[4].

Сей сатирический портрет верен, но неполон. Ведь Дэнис также и тактичный супруг, который ухитрялся и ухитряется оказывать жене твердую поддержку, не вмешиваясь не в свои дела, но и сохраняя полную самостоятельность. Лично он понимает: лучше пусть уж тебя считают глупым ослом, чем сующим всюду свой нос закулисным советником. Благодаря увековеченному не без его помощи комическому персонажу он, в отличие от Нэнси Рейган и Розалин Картер, имел возможность влиять на свою половину, не навлекая на себя осуждения общественности.

Он не оказывал на Маргарет Тэтчер такого большого влияния, как обе эти волевые супруги президентов, но все же оно было больше, чем это признают. Премьер-министр доверяет его суждениям о событиях и его инстинктивной оценке людей. Свое мнение он высказывает, не пытаясь подсластить пилюлю. Дэнис

гораздо проницательнее, чем она, судит о людях, особенно о мужчинах из ее окружения. Мэгги частенько принимает обаяние за талант; Дэниса провести куда труднее. «Иногда ей не нравится то, что он говорит, но она знает, что он полностью на ее стороне», — заметил Уайтлоу, бывший заместитель премьер-министра, знавший супругов Тэтчер много лет {9}.

Деловой опыт Дэниса помог несколько осовременить сугубо монетаристские понятия, которые Маргарет усвоила в бакалейной лавке Алфа. У нее была инстинктивная предубежденность против любых долгов, вплоть до покупки в кредит. Дэнис не возражал против того, чтобы она расплачивалась за свои покупки наличными, но внушал ей, что долг — иногда необходимая вещь для экономического роста компании и страны. Неослабный энтузиазм, с которым он относится к частному сектору, равно как и его ненависть к вмешательству государства во все и вся, служат отражением ее собственных чувств. Критики утверждают, что со своим «имперским менталитетом» он разжигает внешнеполитические предубеждения премьер-министра. Он замолвил-таки словечко за Южную Африку, но у нее были свои собственные резоны для отказа наложить санкции (убежденность в их неэффективности), и в подсказке Дэниса она не нуждалась. Дэнис никогда не был силен во внешней политике. Однажды в разговоре с американцем он заметил, как крупно тому повезло с вице-президентом: случись что-нибудь с Рональдом Рейганом, его заменит Джордж Буш. «Вы только подумайте, если бы укокошили этого ужасного Картера, президентом бы у вас стал отпетый мошенник Спиро Агню!» — воскликнул Дэнис, смешав разные президентства {10}.

Хотя брак их оказался безусловно удачным, в 1951 году, узнав о помолвке, некоторые подруги Маргарет были очень удивлены. Никто поверить не мог, что у нее есть серьезный поклонник. Она никогда не говорила, что с кем-то встречается. «Дэнис явился для нас полной неожиданностью, — рассказывает Маргарет Филлимор. — Она была так занята политикой и своей работой, что на поклонника у нее, казалось, совсем не было времени». Как бы то ни было, через полтора месяца после объявления помолвки они поженились. В промежутке она возила его в Грантем познакомить со своими родителями, а Дэнис приглашал ее домой и знакомил со своей матерью и сестрой. Оба визита проходили в натянутой обстановке. Мать Дэниса спросила, не собирается ли Маргарет, потерпев второе поражение в Дартфорде, отказаться от политической карьеры. Ни в коем случае, ответила та. У обеих старших представительниц семьи Тэтчер, и без того обеспокоенных женитьбой их любимца на дочке

лавочника, еще больше вытянулись лица. В Грантеме возникла другая щекотливая ситуация: Дэнис принадлежал к англиканской церкви и, хуже того, был разведен, что являлось немалым препятствием в глазах семейства, державшегося строгих методистских правил. Хотя в Оксфорде Маргарет ходила в англиканскую церковь, она никогда не афишировала свой отход от методизма, особенно в обществе Алфа, тем более что формально она и не порывала с методистской церковью.

Дэнис происходил из более зажиточной буржуазной среды, чем Маргарет. Родился он в Лондоне в 1915 году и рос в обстановке комфорта, проводя летние каникулы на южном побережье и играя в гольф с отцом. Восьми лет, как и все английские мальчики его возраста из состоятельных и богатых семей, он был в соответствии с традицией послан учиться в приготовительную частную школу-интернат. Его школа, Милл-хилл, была второразрядным привилегированным учебным заведением. В университете он не учился, а сразу поступил в артиллерийские войска английской армии. В годы войны Дэнис воевал во Франции и на Сицилии, дослужился до майорского чина, был отмечен и награжден. Когда кончилась война, он не хотел уходить из армии. Любитель мужской компании, Дэнис наслаждался духом товарищества и сотрудничества, развитым у военных. Но он был вынужден подать в отставку, когда вскоре после войны умер его отец и ему пришлось возглавить семейную фирму «Атлас призерватив». Его дед, фермер, изобрел и пустил в продажу раствор для купания овец и средство для уничтожения сорняков, а отец Дэниса расширил дело и начал производство химикатов и красок. Дэнис занял в фирме прочное положение управляющего заводом.

Он выглядел человеком беззаботным, хотя в личной жизни его постигла неудача. В 1942 году он женился, и тоже на женщине по имени Маргарет. «Это был типичный роман военного времени, — рассказывал он впоследствии. — Мы знали друг друга всего несколько месяцев, а потом меня послали в Европу, и я пробыл там до конца войны. Жить вместе нам так и не пришлось. Все кончилось, потому что я отсутствовал, и винить ее я не могу». В 1946 году они мирно развелись. Детей у них не было, и через пару лет первая Маргарет Тэтчер снова вышла замуж. Она не видится с Дэнисом, и обе Маргарет никогда не встречались.

Предыдущий брак Дэниса поставил вторую миссис Тэтчер перед трудной задачей. Она находила этот факт мучительно неловким и, поломав голову над тем, как с ним быть, решила сделать вид, будто его вовсе не было. Ей понадобилось четверть

века, чтобы публично признать, что Дэнис был раньше женат. И сделала она это только под нажимом журналистов, начавших рыться в прошлом, после того как ее выбрали лидером партии. Ее двадцатитрехлетние дети впервые услышали тогда об этом и были ошеломлены сногсшибательной новостью. Представителям прессы она дала уклончивое объяснение. «Никто не делал тайны из того, что раньше он был женат, — сказала она с натянутым лукавством. — Просто об этом не говорили». В дальнейшем от расспросов на эту тему она уклонялась {11}.

Венчались они пронизывающе холодным туманным днем 13 декабря 1951 года в церкви уэслианцев-методистов в лондонском Ист-энде. Всего пятьдесят гостей были приглашены посмотреть на то, как Алф выдает замуж свое сокровище — любимую дочь. В первом ряду сидели Беатрис, Мюриел и ее муж Уильям Каллен. Рядом, через проход, занимали места вдовая мать Дэниса и его сестра Джой, похожая на брата душевным складом и прямотой. Обе они считали, что Дэнис мог бы найти себе жену получше. Никто, кроме Алфа, не сомневался в том, что Маргарет выходит замуж за человека, занимающего более высокое положение в обществе, но Маргарет ставила на место всякого, кто смел намекнуть на это социальное неравенство.

Для музыкального сопровождения она выбрала «Музыку на воде» Генделя, «Импровизацию для трубы» Кларка и «Иисусе, радость желания человеческого» Баха. Из-за того, что Дэнис уже был ранее женат, Маргарет, к удивлению некоторых приглашенных, не посвященных в подоплеку дела, явилась к венцу не в белом подвенечном уборе. Вместо этого она сделала заявку на введение новой моды, первую из многих, которые станут вехами на ее пути наверх, — от полного пренебрежения модой к репутации одной из наиболее элегантных женщин в мире. Ее свадебное платье, длинное, из бархата яркого оттенка, нарочито театральное, представляло собой точную копию наряда герцогини Девонширской со знаменитой картины сэра Джошуа Рейнолдса, художника-портретиста XVIII века. Светло синее, как сапфир, с подобранной к нему в тон шляпкой со страусовым пером (она любит носить шляпки), это платье не случайно имело цвет, признанный официальным символом консервативной партии. Всегда отличавшаяся практичностью, она превратила его после свадьбы в платье для званых обедов и «еще долго его потом носила» {12}. Медовый месяц новобрачные провели в Португалии, на Мадейре и в Париже, сочетая приятное с полезным — Дэнис попутно занимался делами. Это была ее первая поездка за границу.

Вернувшись в Лондон после трехнедельного свадебного

путешествия, которое до сих пор остается самым долгим их совместным отдыхом, они поселились в маленькой квартирке на шестом этаже, которую Дэнис снимал на Флад-стрит в Челси. В этих краях они в основном и обитали в продолжение двадцати восьми лет до переезда на Даунинг-стрит. Теперь, выйдя замуж, Маргарет была избавлена от необходимости зарабатывать на жизнь, поэтому она уволилась с работы, отошла от политической деятельности и поступила на юридический факультет учиться на адвоката. По завершении двухгодичного курса обучения и после сдачи двух экзаменов ей предстояло получить звание барристера. После этого она должна была проработать третий год практикантом у старшего барристера, как это полагалось всем будущим адвокатам, помогая ему подготавливать дела к слушанию и сопровождая его, в парике и мантии, в зал суда.

В разгар учебы, через год после свадьбы, Маргарет поняла, что она беременна. Она отлично сознавала, что с появлением ребенка изменится жизнь, но не хотела, чтобы его рождение отлучило ее от политики. У нее пока не было ни малейшего понятия о том, как можно исхитриться быть матерью, оставаясь женой и политиком, но с недавних пор ее не покидала мысль, что женщины не должны ограничивать себя какой-нибудь одной жизненной ролью. Всего несколькими месяцами раньше умер король Георг VI и престол заняла его дочь Елизавета, которая была на полгода моложе Маргарет. Убежденную монархистку Маргарет окрыляла перспектива видеть на троне женщину. Елизавета стала первым монархом женского пола после 1901 года, когда закончилось царствование королевы Виктории. Маргарет настолько заинтересовалась тем, что может означать эта перемена для положения женщин в общественной жизни, что даже написала статью под заглавием «Проснитесь, женщины» для выходившей тогда газеты «Санди график».

«Женщины могут — и должны — играть ведущую роль в созидании славной елизаветинской эпохи», — писала она. Женщины, которые отказываются от карьеры ради воспитания детей, недооценивают и себя и свою семью, доказывала она. Женщины могут, не разрываясь, трудиться и дома и вне дома. «Представление, будто от этого страдает семья, на мой взгляд, в корне ошибочно». На женщин нельзя накладывать ограничения, особенно в политике, каково бы ни было их семейное положение. «Коли появится женщина, которой задача окажется по плечу, она должна иметь равную с мужчинами возможность претендовать на важнейшие посты в кабинете. Почему бы женщине не стать министром финансов — или министром иностранных дел?» {13} «Премьер-министром» она не сказала, и на то были веские

основания. Ей казалось, что предположить такую возможность при ее жизни было бы нереалистично. Алфа ее статья привела в восторг: не он ли учил ее думать и поступать независимо, преодолевать ограниченность, и вот теперь учеба приносит плоды. О том, как отнеслась Беатрис к этому по сути дела формальному отрицанию ее понятий о материнстве, история умалчивает.

Беременность не сделала Маргарет менее деятельной. Вдобавок к занятиям юриспруденцией она впервые в жизни стала вести все домашнее хозяйство, стряпать, убирать и отделывать квартиру. Встав в шесть утра, она на скорую руку жарила Дэнису яичницу с беконом и провожала его на работу. Вечером она готовила плотную английскую еду: жаркое и отбивные, нечто обильное, сытное и отнимающее не слишком много времени у хозяйки. Красить стены и клеить обои было ее любимым отдыхом. Как только она уставала от юридических книг, она влезала в халат маляра, напоминающий шатер, и принималась обдирать и зачищать стены. Это была своего рода терапия, перемена темпа, но за дело она бралась всерьез. Она всегда старалась делать все как надо. Дилетантски ляпать краску было не в ее манере. Когда в 1988 году шел ремонт помещений на Даунинг-стрит, Маргарет Тэтчер остановилась перекинуться несколькими словами с Карлой Пауэлл, своей приятельницей, женой ее личного секретаря Чарлза Пауэлла, которая в тот момент подкрашивала стену.

— Смотрите, чтобы не подтекло! — предупредила Тэтчер.

— Вы управляйте страной, а я как-нибудь управлюсь с окраской, — ответила Карла. Тэтчер рассмеялась.

Маргарет сдала свой первый экзамен на звание адвоката в мае 1953 года, на пятом месяце беременности. А в августе, на семь недель раньше срока, она разрешилась в больнице принцессы Беатрисы в Челси двойней. Рождение двойни явилось полнейшей неожиданностью. Современных методов обследования тогда не существовало, и она понятия не имела, что носит двоих. Роды были долгими и трудными, и в конце концов врачи решили прибегнуть к кесареву сечению. Сначала появился на свет мальчик, а еще через две минуты — девочка. Каждый из новорожденных весил всего четыре фунта. Родители не выбрали имен заранее и решили не называть детей в честь кого бы то ни было. Они дали им в конце концов имена Марк и Кэрол. «Мы лишь хотели, чтобы имена у них были простые, которые невозможно сократить, — пояснила она. — Нам не нравились все эти уменьшительные клички» {14}.

В ту субботу Дэнис ушел из дома и как сквозь землю

провалился. Роды ожидались только в октябре, и он отправился на международный матч по крикету между командами Англии и Австралии. А после матча зашел с друзьями в паб отпраздновать победу: Англия выиграла кубок — знаменитую «Урну с прахом». Когда у Маргарет начались схватки, связаться с ним не удалось. Она самостоятельно добралась до больницы и в одиночестве переносила родовые муки. «Еще бы мне не помнить! — комментировала она впоследствии. — Моего муженька невозможно было нигде найти. Он улизнул и где-то слонялся» {15}. В словах ее звучал шутливый гнев, но угадывался в них и слабый отголосок настоящей обиды. Было бы лучше, если бы он проводил ее в больницу и дожидался там, пусть даже и не присутствуя в палате при родах. Но его вообще не было рядом, и тем не менее она справилась сама. Это не убавило ее любви к Дэнису, но укрепило ее в мысли, что едва ли не все на свете она смогла бы сделать самостоятельно.

Две недели, проведенные в больнице, стали для Маргарет временем раздумий о том, как быть дальше. Одно дело — рассуждать о сочетании карьеры с материнством, и совсем другое — осуществить это на практике, особенно при двух младенцах. Она понимала, что для большинства женщин растить малышей-двойняшек было бы всепоглощающей и утомительной работой. Но ее тревожила мысль, что она растеряет знания и способности, если не продолжит свою карьеру. Перед ее мысленным взором вставал образ ее собственной матери Беатрис, нянчившейся с ней и Мюриел. «Меня пугало, что с двумя детьми на руках я могу поддаться искушению тратить все свое время на домашнее хозяйство и уход за ними, забросив учебу и поставив крест на своем уме и опыте. Я чувствовала, что должна найти применение и остальным сторонам моей личности» {16}.

«Помню, лежу я там и думаю: если прямо теперь, в больнице, я не напишу заявление о допуске к выпускному экзамену, я, может, никогда больше к этому не вернусь. Зато если я напишу его сейчас, гордость не позволит мне пойти на попятную. И я его написала. Усилием воли заставила себя сделать это» {17}. Четыре месяца спустя она пошла на выпускной экзамен и сдала его. Больше всех гордился Дэнис: «Промежуточный экзамен на адвоката в мае, двойня в августе и выпускные экзамены на адвоката в декабре. Хотел бы я посмотреть на женщину, которая смогла бы повторить этот рекорд!» {18} Она проявила верх эффективности, родив сразу и мальчика и девочку. «Она получила все с первой попытки, — с восхищением говорит ее приятельница. — Ей больше не приходилось задумываться над тем, чтобы снова прервать свою карьеру». Все это так, но надо ли

удивляться тому, что при любом упоминании об «эффективности», с которой она произвела на свет своих детей, миссис Тэтчер мечет грозные взгляды. Впрочем, рожать еще раз никогда не входило в ее планы.

Маргарет решила больше не баллотироваться в парламент, пока не подрастут малыши. Адвокатская практика — это другое дело. Заниматься адвокатурой — значит работать в одно и то же время дня, исподволь продолжая полезные приготовления к неизбежному возвращению на политическое поприще — после того как близнецы поступят в частную школу-интернат. Пока же преждевременно родившиеся двойняшки, как подчеркивала она, «были маленькие и нуждались в заботе и уходе». Как и всякая молодая мать, она поначалу страшно боялась за них. «Я жила в постоянной тревоге. Конечно, 90 процентов времени тревожишься напрасно, но все равно ведь тревожишься». Предвыборные кампании с их ночными бдениями никогда не изматывали ее так, как изматывали близнецы. «Мне уж стало казаться, что я никогда больше не высплюсь», — сетовала она, вторя жалобам матерей всего света. Она никогда не кормила их грудью, но давала им утром и вечером бутылочку. Когда малыши стали старше, она всегда укладывала их при свете ночника. «Нет смысла пытаться приучить их к темноте, — говорила она. — Ведь почти все дети боятся темноты» {19}.

Квартира, еще меньшего размера, чем в Грантеме, была тесной, но подпадала под действие закона о регулировании квартирной платы и стоила всего 18 долларов в неделю. Уезжать из нее супруги Тэтчер, насколько это зависело от них, не хотели. Какое-то время все четверо ютились в одной комнате, пока не вмешался счастливый случай: освободилась соседняя квартира. Дэнис снял и ее, пробил стену, вделал дверь и водворил близнецов с нянькой в соседнюю комнату, которую Маргарет отделала в розово-голубых тонах. Одевала она близнецов безупречно, чаще всего в одинаковые костюмчики и пальтишки, скроенные и сшитые их бабушкой Беатрис, которая с Алфом приезжала в Лондон навестить внуков. Алф, чья манера держаться с годами смягчалась, играл с ними, без церемоний растянувшись на полу. Маргарет и Дэнис редко наносили ответные визиты в Грантем; городок наводил на нее скуку и напоминал ей о трудном детстве и отрочестве почти без друзей. С родными Дэниса они виделись тоже не часто: Маргарет было с ними не слишком уютно.

Дэнис хорошо зарабатывал в «Атласе», но был почти так же экономен, как Алф. В бережливом семействе ничто не пропадало зря. Когда в конце концов малыши перебрались в соседнюю

комнату, Маргарет пустила занавески, отгораживавшие их «детскую», на подкладку для зимнего пальто {20}. Поначалу дети поглощали у матери все время, все силы, но Маргарет Тэтчер была полна желания вернуться к работе. «Они и впрямь становятся центром жизни, — говорила она о малышах. — И все же я сознавала, что могу дать что-то еще» {21}.

Обладая прекрасной памятью на подробности, еще более обостренной занятиями химией, она решила специализироваться на налоговом праве, этой исключительно мужской области в и без того сугубо мужской профессии. Начало было для нее весьма неблагоприятным. К ее собственному и общему удивлению, барристер, у которого она проходила практическое обучение, отказался взять ее к себе на службу после шестимесячного испытательного срока. Этот отказ привел Маргарет в смятение. Пусть у нее не было блестящих способностей, но ведь она упорно работала. Трудясь над изучением систем налоговых скидок и иностранного налогового законодательства, она то и дело приносила домой груды отчетов с цифрами налоговых поступлений, так что Дэнис, лучше нее разбиравшийся в отчетной цифири, мог помочь ей. Коллеги объясняли увольнение Маргарет прихотью их непредсказуемого босса, а отнюдь не изъянами в ее работе. С нею поступили бесчестно, заключила Тэтчер. Она была уязвлена, но не стала тратить время на упреки и обвинения. Вместо этого она быстро нашла себе другую работу и на протяжении следующих пяти лет трудилась полный рабочий день в качестве барристера — специалиста по налоговым вопросам.

Политика по-прежнему занимала ее мысли. Она неотступно думала над тем, как лучше вернуться на политическую арену, ясно сознавая, что она расстанется с налоговым правом, как только подвернется подходящая вакансия. Хотя первоначально Маргарет планировала не баллотироваться в парламент, пока близнецы не поступят в школу, она вскоре отступила от этого плана. Она упорно подыскивала такой избирательный округ, где можно было бы выставить свою кандидатуру на дополнительных выборах, проводимых для замещения члена парламента, умершего или ушедшего в отставку в промежутке между всеобщими выборами. Она искала такую возможность по всему Лондону и вокруг него, полная решимости найти избирательный округ, куда она могла бы ездить и возвращаться в тот же день, чтобы меньше бывать вдали от детей.

Близнецам едва исполнился год, когда она предложила свою кандидатуру в округе Орпингтон в Северном Кенте. Тут ее кандидатуру отклонили, но едва не приняли в Бекнеме; далее, она предлагала себя кандидатом в Ашфорде, Мейдстоне и Хемел-

Хемпстеде. Оксфорд тоже отклонил ее кандидатуру. В комитетах по отбору кандидатов ей говорили, что ее подготовленность и ум произвели благоприятное впечатление, но выражали мнение, что молодой жене с малыми детьми лучше бы оставаться дома. Это приводило ее в ярость.

Ее попытки пройти в кандидаты осложнялись еще и проблемой жилья. В 1958 году, как предусматривалось, плата на снимаемую ими квартиру в Челси должна была подскочить, и Тэтчерам предстояло решить, то ли оставаться и платить высокую квартплату, то ли купить собственный дом в другом месте. Но покупать не имело смысла, покуда Маргарет не утвердят где-нибудь кандидатом. Что ее могут не избрать кандидатом или что она прекратит поиски перспективного округа — такой мысли она не допускала.

В конце концов постановление правительства о сокращении контроля над квартплатой заставило Тэтчеров решиться. Они купили дом с четырьмя спальнями на участке земли величиною почти в акр в графстве Кент, к югу от Лондона, и переехали в него из Челси. Едва только они подписали купчую, как открылась вакансия на место кандидата консерваторов в парламент от округа Финчли, к северу от Лондона. В Финчли, не в пример некоторым другим округам, придавалось значение тому, чтобы кандидат жил по крайней мере где-то поблизости от округа. Потенциальный преемник уходящего в отставку парламентария-тори, который сохранял за собой это место двадцать с лишним лет, обязательно должен был быть моложе сорока и жить не далее, чем в сорока милях, от Финчли. Маргарет было тридцать три, а ее дом в Фарнборо находился в тридцати пяти милях от Финчли. К тому времени Тэтчер стала прямо-таки профессиональной соискательницей на конкурсах претендентов при выдвижении кандидатов от консерваторов. На заседания отборочных комитетов она шла, как актриса на пробу, хладнокровно исполняя свой отработанный номер.

Привлекательность Финчли состояла и в том, что отсюда было рукой подать до Вестминстера (где находится здание парламента), и в том, что победа на выборах была обеспечена кандидату консерваторов. На прошлых выборах кандидат тори победил тут кандидата лейбористов с перевесом более чем в 12 000 голосов. Одна беда: на это место претендовало около двухсот человек. Письменный экзамен свел количество претендентов к двадцати двум. Устная презентация Тэтчер вывела ее в число четырех финалистов, среди которых она была единственной женщиной. Судя по репортажу, помещенному в «Финчли пресс», ее выступление произвело сильное впечатление. «Говорившая без

бумажки и подчеркивавшая смысл сказанного выразительными жестами, миссис Тэтчер гладко перешла к ясной оценке положения на Ближнем Востоке (после Суэца), ловко, как умелая хозяйка, отмеряющая ингредиенты по знакомому рецепту, взвесила пропагандистские маневры России, прихлопнула Насера, как муху, севшую на кухонный стол, стремительно переключилась на внутренние проблемы Англии (показав себя тонким знатоком проблематики оплаты труда и тред-юнионов), а затем уверенно развернула перед затаившими дыхание слушателями ослепительную картину будущего консервативной партии» {22}.

Консерваторы Финчли нуждались в кандидате, наделенном кипучей энергией. Члены отборочного комитета были обеспокоены ростом у избирателей в округе симпатий к либеральной партии и подыскивали динамичного кандидата, способного противоборствовать этой тенденции. На вопрос, что она предпримет, Тэтчер ответила: «Я объясню людям, что такое консерватизм, и поведу войска в бой». Как раз это и хотели услышать консерваторы Финчли. Она была избрана кандидатом. «Может быть, вам покажется, что это придумано задним числом, — сказал член муниципального совета Джон Типлейди, — но, правда же, на собеседованиях с кандидатами мы спрашивали себя: «Не будущий ли это премьер-министр?» Маргарет явно была таковой, и это пришло в голову каждому».

Дэнис узнал, что его жена возвращается к политической деятельности, только задним числом, пару дней спустя. Уехав по делам фирмы в Южную Африку, он прочел в лондонской газете, что кандидатура Маргарет выставляется избирательным округом, где место в парламенте обеспечено консерваторам; после назначения срока следующих всеобщих выборов она станет кандидатом-фаворитом, имеющим все шансы на победу. Хотя она вот уже четыре года упорно добивалась, чтобы ее избрали кандидатом для баллотирования в парламент, фактически, пусть даже и ненамеренно, Маргарет сдержала свое обещание не становиться профессиональным политиком, пока близнецы не выйдут из младенческого возраста. В 1958 году, когда им пришлось все чаще разлучаться с матерью, им только минуло пять.

И раньше-то, когда им не было пяти, они мало бывали с матерью, а уж после избрания в парламент они ее почти не видели. Пока близнецы были совсем несмышленышами, она, занятой юрист, по будним дням с утра до вечера пропадала на работе. Живя в Фарнборо, она ежедневно ездила в Лондон и обратно или поездом, вместе с мужчинами-соседями, или в стареньком разбитом «воксхолле». Дэнис ездил на работу в

противоположном направлении в служебном автомобиле фирмы с престижным номерным знаком DT1.

Жизнь близнецов постоянно протекала на глазах у соседей: они то гуляли с няней по улице, то резвились с другими детьми. Зато Маргарет видели редко. Утром она готовила детям завтрак и исчезала на весь день; в половине шестого она пулей вылетала из дверей конторы, чтобы поспеть домой, прежде чем малыши лягут спать. Но после того, как в 1959 году ее избрали в парламент, застать ее дома можно было только рано утром. «Не то чтобы жизнь била ключом в этот час, — говорил Марк, — но по крайней мере все мы узнавали, какие у кого планы на день». Регулярно в шесть вечера Маргарет звонила из палаты общин домой, чтобы сказать малышам «спокойной ночи», но, по признанию коллег, редко говорила о них на службе.

Вплоть до отъезда близнецов в школу-интернат их воспитывала главным образом няня, ласковая и добродушная пожилая женщина по имени Эбби, которая была им больше матерью, чем Маргарет. Малыши получали от нее любовь, тепло и ласку, которые лишь изредка давали им родители. Роль, которую играла Эбби, не была чем-то из ряда вон выходящим. Няньки растили детей состоятельных британцев с середины прошлого века, когда промышленная революция увеличила число богатых людей и создала новый обслуживающий класс из бывших работников на фермах. Эта традиция продолжала существовать и в послевоенное время, хотя и далеко не в прежнем масштабе.

Из ласковых объятий няни близнецов — в соответствии с другим обыкновением британцев, принадлежащих к среднему и высшему классу общества и в совершенстве разработавших концепцию отделения детей от родителей задолго до достижения возраста половой зрелости, — отослали в школы-интернаты, мужскую и женскую. Раздельное воспитание мальчиков и девочек является исторической традицией во многих странах. Однако в Англии детей отправляют из дома в школы-интернаты значительно раньше, каких-нибудь семи или восьми лет от роду. Социологи объясняют практику препоручать воспитание детей нянюшкам да школам-интернатам множеством причин, начиная от распространенного в викторианскую эпоху убеждения в том, что дети — это «маленькие неполноценные взрослые, погрязшие в первородном грехе», от которого их следует избавлять строгими наказаниями {23}. и кончая обыкновением оставлять детей в школах-интернатах метрополии, вместо того чтобы брать их с собой на дальние рубежи империи, где образование не на высоте. Но имеется и еще одно, ненаучное, объяснение: англичане в большинстве своем от природы холодны к детям. В других

странах Европы детей редко отрывают от родителей в таком раннем возрасте. На Европейском континенте только Австрия, в прошлом тоже метрополия в центре империи, предпочитает любоваться своими детьми на расстоянии, так, чтобы они не путались под ногами.

При том, что, фактически занимая позицию невмешательства в дело воспитания собственных детей, Тэтчеры не слишком отличались от многих других зажиточных английских семей, были также и другие причины, по которым они так мало времени проводили с близнецами. Тридцативосьмилетний Дэнис уже давно оставил позади средний возраст, когда мужчина впервые становится отцом. Он много лет судил матчи по регби, любил спорт и иногда гонял с Марком мяч для крикета или регби на заднем дворе. И тем не менее возня с детьми не принадлежала к числу любимых занятий Дэниса. Равно как и Маргарет. Она быстро повзрослела в детстве, и с нею всегда обращались как со взрослой, к чему поощряло взрослых и ее собственное поведение. Постоянно окруженная людьми старше ее, она никогда не чувствовала себя вполне свободно со своими сверстниками. Вряд ли она знала, что такое быть ребенком, к которому и относятся как к ребенку. Ну а теперь она предпочитала работать. У нее не было ни малейшего намерения запираться дома, как ее мать Беатрис.

Добродушие Эбби составляло резкий контраст с характерами Дэниса и Маргарет. Дэнис любит весело проводить время, но он вспыльчив и может держаться чрезвычайно надменно. У Маргарет тоже вспыльчивый характер, и она может сорвать на ком-нибудь свое раздражение, как о том свидетельствуют министры кабинета, которым доставалось от ее беспощадного язычка. По большей части, однако, она не ослабляет контроля над своими эмоциями и редко дает волю своим чувствам с детьми. Даже в проявлении теплых чувств она весьма сдержанна. А уж если холодна, то холодна как лед. Ее отец, тоже не воплощенное добродушие, назвал ледяную сдержанность единственным ее серьезным недостатком. «Маргарет на 99,5 процента само совершенство, — поведал он как-то раз в годы ее первых предвыборных кампаний. — Что до остающихся 0,5 процента, то она могла бы быть чуточку сердечней» {24}. Тэтчер смеется, когда ей напоминают эти слова, комментирующие ее «совершенство», но признает, что всегда держала чувства в узде. «Уметь владеть собой — этому нас учили с детства, — говорит она. — Мы не были особо экспансивным семейством» {25}.

В домашней обстановке Тэтчер была чем угодно, но только не ослабившей самоконтроль и спокойно отдыхающей матерью

семейства. Детей она называла по имени или же «дорогой», «дорогая». Она твердо держалась своего намерения никогда не называть их уменьшительными именами и никогда не допускала с ними нежностей и сюсюканья. По примеру своего собственного детства она запрещала близнецам держать в доме четвероногих друзей. Она не играла с ними в детские игры, не устраивала веселую возню, но, подобно Алфу, делала упор на культурном развитии, заботилась о том, чтобы они учились музыке. Поскольку саму Маргарет не выучили в детстве танцевать, она проследила за тем, чтобы ее дети брали уроки танцев. Родители считали своим долгом показывать им Лондон, водить их в драматический театр и в оперу. Из-за того, что посещение в детстве кинотеатра запечатлелось в памяти их матери как радостное событие, они часто ходили в кино. Но при всем том у близнецов — в отличие от Маргарет — были родители, плохо выполнявшие свои родительские обязанности.

Будучи воспитана сама в строгости и в духе жестокого прагматизма, Маргарет принуждала себя — неудачно — быть заботливой матерью. Однажды в отсутствие близнецов — их отослали в школу — она, движимая чувством материнского долга, взялась за разборку их ящиков с игрушками, исполнясь решимости выбросить все лишнее. В мусор полетели груды старых любимых игрушек просто потому, что она была убеждена, что детям они надоели и они больше в них не играют. Ей ни на миг не пришло в голову, что сперва следовало бы спросить у них, не будут ли они против. Не пришло ей в голову и попросить их разобрать свои сокровища самим. Нет, она видела только дело, которое должно быть сделано, и пыталась помочь. Этот эпизод типичен для нее: она приняла решение и выполнила его, действуя с усердием, самостоятельно, но без учета всех последствий. Когда близнецы вернулись из школы и увидели, что она натворила, их огорчение не знало границ {26}.

Выдавались и светлые деньки. В августе они всей семьей проводили три недели на пляже острова Уайт. Марку и Кэрол нравилась пляжная жизнь с пикниками на песке и прогулками по морю в прыгающем на волнах быстроходном катере, который Дэнис, любитель быстрой езды не только по суше, но и по воде, брал напрокат. Однако для Маргарет отдых на пляже был испытанием. Она терпеть не могла загорать. «Я обгораю, и у меня начинает лупиться кожа, — жаловалась она. — За всю жизнь у меня ни разу не загорели ноги, как я ни старалась» {27}. Но мириться со своим жалким положением она не собиралась. Она помогала устраивать конкурсы маскарадных костюмов среди ребятни. Одно ее произведение, египетская мумия, для создания

которой потребовалось обмотать ребенка десятками метров бинта, с легкостью одержало победу на конкурсе. Когда близнецам было семь лет, Марк заболел ветрянкой, и поездку на остров Уайт пришлось отменить, а вместо нее провести двухнедельный рождественский отпуск на лыжном курорте в Швейцарии. Вся семья замечательно провела там время, так что они продолжали ездить туда отдыхать каждый год в течение следующих пяти лет. Семейные фотографии той поры запечатлели Маргарет Тэтчер в темных очках и модном черно-белом вязаном свитере храбро улыбающейся на вершине склона Ленцерхайде.

Своих детей она воспитывала без той требовательности, с какой воспитывал ее и Мюриел Алф. Она никогда не держала их в большой строгости — может быть, потому, что видела урывками. В парламенте она слыла сторонницей порки непослушных детей в школе. Но дома она никогда пальцем не тронула собственных детей, хотя с Марком, по мнению многих, следовало бы быть и построже. Непоседливый, шаловливый, он постоянно попадал в переделки. «Нас воспитывали не слишком строго, — говорил Марк годы спустя. — Если я делал то, что она от меня хотела, и вел себя достаточно благовоспитанно, все шло довольно гладко. Если же я вел себя плохо или делал какую-нибудь глупость, то она, как и всякая мама, задавала мне жару» {28}. Она никогда не задаривала близнецов игрушками, не покупала им дорогой одежды, не давала лишних денег на карманные расходы. При этом она щедро помогает нуждающимся, чаще делами, но и деньгами тоже, когда считает это необходимым. Как член парламента она не раз анонимно посылала избирателям деньги или продукты питания. Однако в общем и целом она, так же как ее родители и Дэнис, по характеру экономна.

В детстве у нее дома редко бывали другие дети. На то имелось несколько причин. Одна из них состояла в том, что она любила командовать и не очень умела веселиться; друзей у нее поэтому было мало. Другой причиной являлась бережливость ее отца. Из-за того, что он наводил в доме строгую экономию, у нее никогда не было возможности предложить своим гостям что-нибудь привлекательное по части игр, развлечений или угощений. И несмотря на его ироническое замечание о холодности Маргарет, Алф тоже имел репутацию человека, довольно холодно относившегося к детям. Все, что превращало дом на Норт-Парейд в излюбленное место политических дискуссий, как нарочно препятствовало тому, чтобы он стал любимым местом сборищ детворы. Тэтчер с пониманием относилась к потребности своих собственных детей иметь больше

товарищей детских игр, чем было у нее. Она поощряла их приглашать домой друзей, и особенно ребят из семей, где неблагополучно складывались отношения между родителями. Подобная ненавязчивая, сдержанная доброта является одним из лучших качеств Тэтчер. Ее гуманность проявляется и в политической жизни, но это редко становится известно широкой публике.

Через какое-то время Дэнис решительно объявил, что Марка пора отдавать в школу-интернат. Маргарет, которая до поступления в Оксфорд жила дома, в глубине души не хотела так рано отсылать близнецов. Но она понимала, что они с Дэнисом слишком мало времени проводят дома. К тому же для отправки Марка в школу была и другая причина: близнецы плохо ладили между собой. Маргарет однажды назвала их «смертельными врагами». «Они очень, очень разные», — говорила она. Марк, старший из близнецов, имел трудный характер. Кэрол была мягче, добрей и более замкнута. Школа-интернат, полагали их родители, даст каждому постоянный круг друзей, регулярный распорядок занятий и возможность побыть вдали друг от друга. Восьми лет — в том же возрасте, в каком покинул родной дом его отец, — Марк был послан учиться в Белмонт, приготовительную школу, готовившую своих учеников к поступлению в Милл-хилл, частную среднюю школу, где учился Дэнис. Впрочем, в Милл-хилл Дэнис Марка не отдал, а вместо этого определил его в Харроу, одну из самых старых в Англии и наиболее престижных привилегированных школ, основанную в 1571 году. Через два года, в возрасте десяти лет, Кэрол была отправлена в Куиндзвуд, школу менее престижную, чем Харроу, хотя училась Кэрол не в пример лучше.

Марк никогда не был усердным школяром. В Харроу он занимался спустя рукава и учиться в университет не пошел. Поступив на работу в бухгалтерско-аудиторскую фирму, он несколько раз безуспешно пытался сдать квалификационный экзамен на звание дипломированного бухгалтера, потом, плывя по течению, поменял несколько мест работы, связанных с автомобильными гонками, где, как и в бухгалтерии, не преуспел и терпел аварию за аварией.

Неудивительно, что и Марк и Кэрол, вынужденные жить в тени своей знаменитой матери и приспосабливаться к ее известности, сталкивались с проблемами, которые они разрешали каждый по-своему. Марк издавна считался материнским любимчиком. Красивый, стройный, с иголочки одетый, в свое время немного повеса, он обвораживает мать, которая всегда души в нем не чаяла, своей элегантностью. «Я пошел скорее в

мать», — утверждает он. Те, кто знает его, с этим не согласны. Они говорят, что он больше похож на отца — такой же любитель развлечений, спорта, быстрой езды, — но не так обаятелен, как Дэнис. «Это весьма избалованный и самонадеянный юнец, который использует в своих целях положение матери», — сказал один из ближайших сотрудников Тэтчер. А другой, личный друг семьи, глубоко уважающий обоих родителей, добавляет: «Сказать по правде, Марк — болван. Он всегда спекулировал на добром имени своей семьи. Он придает огромное значение деньгам, модным тряпкам, шикарным машинам. А если ты ничего не можешь для него сделать, он тебя в упор не видит!» «Этот одиозный сынок» — так аттестует Марка еще один человек из близкого окружения Маргарет Тэтчер.

В 1982 году Марк, участвовавший в авторалли через Сахару, исчез и пропадал шесть дней. Тэтчер была вне себя от тревоги. Боясь, что он погиб, она часто плакала, в том числе и перед телевизионной камерой. Дэнис был откомандирован в Марокко, чтобы лично принять участие в поисках. Когда Марк объявился, ведя за собой молодую особу женского пола, премьер-министр возрадовалась. Дэнис тоже радовался, что Марк цел и невредим, но его взбесила невнимательность и безответственность сына, неспособного понять, сколько беспокойства причинила его эскапада: достаточно сказать, что на его поиски были брошены вооруженные силы нескольких стран, поднятые по боевой тревоге. Он устроил сыну хорошую головомойку. Во второй половине 80-х Марк перебрался в Соединенные Штаты и обосновался в Техасе. В Америке он постоянно изводил английское посольство и государственный департамент мелочными требованиями и жалобами. Время от времени он возвращался в Англию и в 1987 году спросил у Бернарда Ингема, пресс-секретаря Тэтчер, что бы он мог сделать, чтобы помочь проведению ее третьей избирательной кампании. «Уехать из страны», — ответил прямодушный Ингем. Марк последовал его совету. В том же году он женился на хорошенькой блондинке — дочери торговца автомобилями из Далласа, и в 1989 году они сделали премьер-министра бабушкой.

Когда дело касается Марка, Тэтчер упорно не замечает его недостатков и винит за его проступки себя. Дэнис, напротив, не строит в отношении сына иллюзий и несколько лет держался с ним холодно. «Он был так строг со своим сыном, как был бы строг всякий отец с сынком вроде Марка», — пояснил один близкий друг Дэниса. Однако, когда в средствах информации была поднята кампания против них обоих и ставились щекотливые вопросы об их деловых связях, Дэнис, сделав жест солидарности

перед лицом «этих рептилий» — прессы, снова взял Марка под отцовское крылышко. С этого момента Дэнис решил поддерживать своего сына, прав тот или нет.

В то время как Марк использовал в личных целях имя своей матери, Кэрол, женщина с дружелюбными манерами и чувством юмора, годами изо всех сил старалась жить независимо и не прибегать к семейным связям. Она специально просила мать не пускать в ход свое влияние, когда начала изучать право — по совету матери. Политическая известность Тэтчер сделала Кэрол объектом всеобщего внимания в школе, и она отчаянно пыталась спрятаться в тень, особенно когда пресса принялась копаться в ее любовных переживаниях. Желая оградить неприкосновенность своей частной жизни, Кэрол уехала (после того как Тэтчер стала лидером консервативной партии) как можно дальше от Лондона, в Австралию, где сперва работала подручной на овечьем пастбище, репортером в газете и, наконец, ведущей ток-шоу на телевидении. «Если Кэрол увидит тайную пружину, на которую можно нажать, она скорее убежит за целую милю, чем нажмет на нее», — с гордостью заметила ее мать {29}.

Кэрол вернулась в Англию, чтобы помочь матери в избирательной кампании 1983 года, и осталась на родине. Ее решимость не прибегать к связям дала временный сбой, когда ее взяли на работу в «Дейли телеграф», редактором которой был тогда Билл Дидз, партнер по гольфу и приятель ее отца. Трудилась она с полной отдачей и, хотя в звезды первой величины не вышла, другим в работе не уступала. Мало кто из коллег считал, что своим положением она обязана громкой фамилии. Когда в 1986 году «Дейли телеграф» была продана, пришел новый редактор и Кэрол уволили. «Премьер-министр взорвалась, как термоядерная бомба» — так описал ее гнев один из помощников. Верная читательница «Дейли телеграф» с сорокалетним стажем, Тэтчер переключилась на «Индепендент».

Хотя, по словам Маргарет Тэтчер, она гордится своей дочерью Кэрол, одного лишь факта, что это славная, милая женщина, которая старается — куда усердней, чем Марк, — чего-то достичь в жизни, для ее матери недостаточно. Ведь в глазах Тэтчер главное — успех, а ее дочь оказалась скорее неудачницей в некоторых областях, которым мать придает важное значение. Кэрол закончила университет, сдала экзамены на юриста, но никогда не занималась юриспруденцией. Сейчас, в зрелом возрасте, она всего лишь нештатная журналистка. Не повезло Кэрол и в любви. Какое-то время она встречалась с Джонатаном Эйткеном, членом парламента — консерватором, но он с ней порвал, весьма демонстративно, и нового большого романа,

похоже, не предвидится. «Кэрол страдает из-за того, что она дочь своей матери, — поясняет один из друзей семьи, — тогда как Марк существует за счет того, что он сын своей матери». Тэтчер беспокоится за судьбу дочери. Ее тревожит, что Кэрол, при всех стараниях угодить матери, просто-напросто не сумела устроить свою собственную жизнь. Ей бы хотелось видеть дочь похудевшей, более модной и современной, рядом с преуспевающим приятелем или мужем.

Мало кому из детей знаменитых родителей выдавалась легкая жизнь. Это наблюдение справедливо и в отношении отпрысков многих английских политических семейств, в том числе Болдуинов, Черчиллей и Макмилланов. Не миновала чаша сия и Марка с Кэрол. Друзья семьи по большей части возлагают всю вину за жизненные неудачи детей на плотный политический график Маргарет Тэтчер, подрывавший нормальную домашнюю жизнь семьи, но это объяснение представляется излишне упрощенным и несправедливым. Дэнис виноват не меньше ее. Мало того, что его не было дома, когда близнецам пришла пора появиться на свет, его частенько не бывало дома в их детские годы. И то, что Маргарет пропадала на работе, не побудило Дэниса заменять ее дома. Даже когда он не был в отъезде, Дэнис сплошь и рядом приезжал домой из «Атласа» часов в восемь-девять, после того как Эбби укладывала детей спать. Ко времени, когда дети, отосланные в школу, вступили в отроческий возраст, Дэнису перевалило за пятьдесят. Если не считать того, что он научил Марка играть в гольф, Дэнис мало заботился о воспитании детей, не больше, чем премьер-министр, у которой дел было выше головы. В центре его внимания и забот, по свидетельству большинства друзей, всегда была жена, а не дети.

Для Тэтчер работа значила все, и чуть ли не с первых дней жизни близнецов она тоже либо отсутствовала, либо сидела за работой дома. Она как умела старалась поддерживать с ними контакт, но, сама почти не знавшая детства, никогда не понимала детей. Впоследствии она ездила, хотя и нечасто, в Техас повидаться с Марком и, случалось, выходила среди ночи из дому, чтобы встретить Кэрол на вокзале и потом до рассвета разговаривать с ней, не ложась спать. О том, какие чувства она питает к своим детям, не может быть двух мнений. Мать, готовая яростно защищать своих чад, она нежно их любит и на людях всегда говорит о них с большой гордостью. В глубине души, как утверждают те, кто знает ее ближе, она не перестает винить себя в том, что не была рядом с близнецами, когда они в ней нуждались. Она ни на что не променяла бы поздние вечерние часы, отданные работе в палате общин, или уик-энды, проведенные в

избирательном округе, но ее и впрямь грызет сожаление, что она не сделала больше для Марка и Кэрол. При всей своей жесткости она очень чутка и отлично сознает, что жизненные трудности ее детей — это часть цены, которую пришлось уплатить за одержимость работой и политический успех. «Она добилась невероятного успеха как политик, — говорит одна из ее ближайших приятельниц, — но потерпела неудачу как мать, и ей это известно».

Глава четвертая
В ПАРЛАМЕНТ

Когда премьер-министр Гарольд Макмиллан объявил о проведении в 1959 году выборов, ни один политик, наверное, не ждал их с таким нетерпением, как Маргарет Тэтчер. Как только был дан сигнал к началу предвыборной борьбы, она с головой окунулась в свою третью избирательную кампанию и первую, в которой у нее были шансы победить. Каждый день в восемь утра приезжала она в свой избирательный округ площадью в пять с половиной квадратных миль и, обходя его, агитировала до наступления темноты. Ее метод был прост: поговорить с каждым избирателем, не упустить ни одной мелочи. Она заходила домой к престарелым горожанам, посещала магазины, учреждения и конторы, школы и даже приходские работные дома, куда заглядывали, как правило, только политики-лейбористы.

Ее напористость, деловитость и знания произвели сильное впечатление на большинство избирателей в Финчли. К тому же она расположила их к себе своим обаянием, которое поражает всех, кто с ней впервые встречается. Четверть века спустя она употребит все это обаяние и толику кокетства, чтобы покорить такие противоположные личности, как Рональд Рейган и Михаил Горбачев. Во времена предвыборной кампании 1959 года она умела, заглянув в какой-нибудь дом на десяток минут и проглотив чашку чая, оставить хозяев при убеждении, что она никуда не спешила и полдня просидела у них в гостях. С владельцами продовольственных магазинов она могла бойко потолковать о ценах на продукты и — дочь бакалейщика — со знанием дела обсудить их насущные проблемы. Они никогда не забывали ее чуткости. Она всегда помнила, кого как зовут, у кого какие заботы. Ее всегда отличала исключительная даже для политика память на личные подробности. Хотя это была ее первая предвыборная кампания в Финчли, она работала в своем округе уже около года — с момента избрания ее кандидатом от консервативной партии. Она не только знала избирателей по имени, но и не забывала спросить у одного — как чувствует себя его двоюродный брат, сломавший ногу в автомобильной катастрофе, а у другого — как поживает его внучка, родившаяся во Флориде.

Финчли как будто специально был создан для Тэтчер. Здешний контингент избирателей, люди среднего и преклонного

возраста, состоял по большей части из домовладельцев, обязанных всем самим себе и обитавших на идеально чистых пригородных улицах. Жили они опрятно и комфортно, но не роскошно. Многие главы семейств занимались различным мелким бизнесом. Во времена, когда Тэтчер впервые баллотировалась в Финчли, среди 67 000 постоянных жителей этого избирательного округа почти не было черных, выходцев из Азии, цветных и иммигрантов. Однако там была многочисленная еврейская община, составлявшая около четвертой части населения округа, и у Тэтчер установилась самая тесная связь с избирателями-евреями. Она разделяла многие их ценности, такие, как вера в самообразование, самоусовершенствование, упорный труд и достойное вознаграждение. Впоследствии члены парламента еврейской национальности станут влиятельнейшими ее советниками. Пятеро войдут в состав ее кабинета — больше, чем у любого другого премьер-министра. (В день ее шестидесятилетия Общество друзей Израиля из Финчли в ее честь посадит шестьдесят деревьев на Голанских высотах.) {1}

Ко дню выборов, 8 октября 1959 года, Тэтчер провела среди избирателей Финчли более тщательную работу, чем кто бы то ни было, — и все самостоятельно. Поскольку получить место в парламенте от Финчли консерваторы считали легким делом, партийная организация особой помощи ей не оказывала. Но, когда дело дошло до подсчета голосов, даже члены местной партийной организации были поражены достигнутым ею результатом. В голосовании приняли участие 81 процент избирателей — весьма высокий процент, — и даже ведя борьбу с двумя другими кандидатами, Тэтчер собрала более половины поданных голосов и победила с огромным преимуществом в 16 260 голосов — это на 3500 голосов больше, чем удалось собрать ее предшественнику. Еще не раз потом Тэтчер будет одерживать убедительные победы благодаря расколу в лагере оппозиции. За пять дней до своего тридцатичетырехлетия она стала самым молодым членом парламента. Но, прежде чем отправиться в Вестминстер заседать в палате общин, ей предстояло еще одно дело. Выборы проходили, как обычно, в четверг. К следующему понедельнику все 700 активистов партии получили написанные ее рукой записки с выражением благодарности — впоследствии это вошло у нее в традицию.

В масштабе всей страны консерваторы одержали крупную победу, третью подряд, и увеличили свое большинство в палате общин с 58 до 100 мест. Пятидесятые годы прошли под знаком правления тори, но победа 1959 года, как бы увенчавшая все десятилетие, была обманчива. За кажущейся политической

стабильностью скрывалось разложение. Видимость стабильности в какой-то степени создавал Черчилль. Победив Эттли на выборах 1951 года, Черчилль в 1955 году ушел наконец от дел в возрасте восьмидесяти одного года. Пребывание старого льва у власти ограничилось тремя с половиной годами, из которых он большую часть времени болел.

Возвращение Черчилля и последующие события десятилетия делали как бы невидимым тот факт, что страна продолжала катиться вниз по наклонной плоскости. В 1952 году Англия взорвала свою первую атомную бомбу; в том же году авиакомпания «Бритиш оверсиз эруэйз корпорейшн» ввела в эксплуатацию первый в мире коммерческий реактивный лайнер. В 1953 году Эдмунд Хиллари первым поднялся на вершину Эвереста, самой высокой горы в мире. Вообще-то, Хиллари — новозеландец, но его скоро начали считать в Англии своим: как-никак это был гражданин страны Содружества, связанной с Англией прочными узами. В том же, 1953 году на трон взошла королева Елизавета, Черчилль получил Нобелевскую премию в области литературы; в 1954 году Роджер Баннистер первым пробежал дистанцию в одну милю менее чем за четыре минуты {2}. Все эти радостные и волнующие события позволили англичанам сохранить иллюзорное представление об Англии как стране исключительной, призванной и впредь играть особую, глобальную роль. Но они заблуждались, ибо их вера держалась на внешнем блеске и на горделивом самообмане.

Суэцкое фиаско 1956 года, сорвав покровы с сути вещей, обнажило глубокие трещины в основании. Британия была унижена, когда попыталась вернуть канал, который она построила и которым владела вместе с Францией с момента открытия в 1869 году до июля 1956 года, когда его национализировал Гамаль Абдель Насер. Почти немедленно преемник Черчилля Энтони Иден решил вернуть канал силой с помощью Франции и Израиля. Однако октябрьское вторжение вызвало возмущение во всем мире, в том числе и у президента Дуайта Эйзенхауэра, который расценил этот поступок Идена как безрассудный. Англии пришлось ретироваться, потерпев одно из самых унизительных поражений в своей истории, а англичанам — пережить потрясение, осознав, что хваленое всесилие их страны было обманом. Войска, которые несли караульную службу на рубежах империи и одержали победу во второй мировой войне, не смогли нанести точный удар по слабо вооруженному Египту.

Эта катастрофа вызвала финансовый катаклизм и наплыв требований к стерлинговым счетам, что выявило всю шаткость британской экономики и продемонстрировало зависимость

страны от кредиторов. Дипломатия не могла оправиться от шока. Англия, гордившаяся своей высокой нравственностью в международных делах и щепетильным, рассудительным подходом к решению проблем, была поймана за руку как нарушитель норм международного права. Меньше чем за месяц страна утратила свое былое величие, и ее окончательный закат как мировой державы стал очевиден.

Иден, плохо себе чувствующий после неудачно сделанной операции желчного пузыря, подал в отставку через несколько недель после вывода войск, и в январе 1957 года премьер-министром стал Гарольд Макмиллан, возглавивший консервативную партию. В том, что выбор пал на Макмиллана, была ирония судьбы. Он являлся одним из главных сторонников суэцкой интервенции. Но, будучи министром финансов в кабинете Идена, Макмиллан одним из первых понял, какими разорительными финансовыми последствиями чреват этот опрометчивый шаг. Видя, что экономика трещит по всем швам, а международная общественность возмущена, он сделал резкий поворот на 180 градусов и выступил за немедленный уход, с тем чтобы страна смогла сократить свои финансовые расходы. Партия предпочла Макмиллана его сопернику Р. Э. Батлеру, в прошлом тоже министру финансов и претенденту на лидерство, которого сочли слишком осторожным для того, чтобы доверить ему руководство партией, пытающейся совладать с процессом социальных перемен.

Когда Макмиллан сменил Идена, то оказалось, что он совсем не тот человек, который мог бы осуществить новый подход. Он скорее напоминал выходца из другого века. Питер Дженкинс, один из выдающихся английских политических обозревателей, вспоминая о нем, назвал его «комичной фигурой». В своем первом публичном обращении при вступлении на пост премьер-министра всего через несколько недель после суэцкого унижения Макмиллан заявил: «… хватит этой пораженческой болтовни о второразрядных державах и всяческих грядущих ужасах. Британия была великой державой, является великой державой и останется великой державой — при том условии, что мы сплотим наши ряды и как следует возьмемся за дело». «Мы покатывались со смеху, слушая это, — рассказывал Дженкинс. — Нас потешали как смехотворная нелепость его высказываний, так и аристократическая медлительная манера говорить, растягивая слова» {3}.

Макмиллан был необычным политиком. Человек сложного характера и переменчивых настроений, он то мучился сомнениями, сосредоточившись на своих внутренних

переживаниях, то лучился энтузиазмом. Современный политик и одновременно реликт эдуардианского прошлого, он самим складом своей личности отражал состояние нации, раздираемой между двумя эпохами. Родился Макмиллан в 1894 году в семье, принадлежавшей к высшему слою среднего класса: его отец был книгоиздателем; издательство и по сей день носит имя Макмиллана. Образование он получил в самых элитарных из привилегированных учебных заведений Англии — Итоне и Бейллиал-колледже Оксфорда. По окончании Оксфорда он мог выбирать любую карьеру. Присвоение офицерского звания капитана Гренадерского гвардейского полка обеспечило ему доступ в любую аристократическую гостиную, а четыре ранения, полученные в годы первой мировой войны, создавали ему героический ореол. Несмотря на раны, Макмиллан любил военную службу и питал презрение к коллегам, которые не были ветеранами войны. Откомандированный после войны в Канаду, он служил адъютантом у генерал-губернатора, герцога Девонширского, и влюбился в его дочь Дороти, на которой и женился в 1920 году. Богатое семейство с широкими родственными связями в свете ввело его в высший аристократический круг, в мир загородных имений, охотничьих выездов и первых балов. Очень скоро он и сам стал законченным аристократом.

Для партии, стремившейся расширить свое влияние и апеллировать не только к аристократам и прочим богатым избирателям, выбор Макмиллана в качестве преемника Черчилля и Идена был поистине странным. Это был светский человек, завсегдатай клубов, проводивший время в обществе единомышленников — умеренных консерваторов — в обшитых панелями библиотечных и обеденных залах известных лондонских клубов на Пэлл-Мэлл и Сент-Джеймс, куда допускались только мужчины. Связанный — через жену — узами родства с шестнадцатью членами парламента {4}. он «расширял влияние» партии в своем собственном семейном кругу. Так, в 1958 году было подсчитано, что из восьмидесяти пяти членов его правительства тридцать пять, в том числе семеро из девятнадцати министров кабинета, приходились ему родственниками. Родственником Макмиллана оказался даже президент Джон Кеннеди, чья сестра Кетлин была замужем за племянником Дороти, жены Макмиллана.

В противоположность его велеречивым оптимистичным высказываниям на публику, частные высказывания Макмиллана отдавали мрачным пессимизмом. «По-моему, Европе крышка, — сказал он как-то раз лидеру лейбористской партии Хью

Далтону. — Она идет ко дну» {5}. И добавил: «Будь я помоложе, я бы эмигрировал из Европы в Соединенные Штаты», — откуда, кстати, была родом его мать, как и мать Черчилля. Его воинственная позиция в суэцком кризисе явилась, по словам Макмиллана, попыткой остановить дальнейший упадок Англии. Неспособность противостоять египетскому руководителю Гамалю Абделю Насеру, заметил он, означала бы превращение Великобритании в «еще одни Нидерланды».

Мрачные прогнозы Макмиллана отнюдь не были безосновательными. Многое вокруг внушало мрачные мысли. Несмотря на начавшийся бум в жилищном строительстве и поверхностные улучшения в экономике, основы ее все больше подтачивала злокачественная болезнь. Положение в промышленности оставалось шатким. Кадры управляющих были плохо обучены и слишком часто занимали места благодаря семейным связям. Немногие рабочие от станка проявляли достаточную социальную мобильность и энергию, чтобы пробиться в управленцы. Слишком часто их поведение обусловливал диктат классовых норм, осуждавших стремление подняться выше занимаемого положения.

В конце 50-х годов женщины — при том, что новая королева была безусловно умна — не играли практически никакой роли в государственно-политической жизни страны. Если у Черчилля имелась в кабинете одна женщина, Флоренс Хорсбру, то у Макмиллана не было ни одной. Он никогда не понимал женщин. Почти открытый роман его жены с Робертом Будби, тоже членом парламента и консерватором, продлился без малого четыре десятка лет, и, как считали многие, соперник премьер-министра был отцом его четвертого ребенка. Макмиллан прятал свои чувства, отдавая все свое внимание работе и окружавшей его свите из выпускников приготовительных школ. «В кабинете Эттли было трое бывших итонцев, — заметил Макмиллан в 1959 году. — У меня же их шесть. При консерваторах, следовательно, дела пошли вдвое лучше».

Таково было политическое положение в 1959 году, когда Тэтчер заняла место в палате общин. Старомодные ревнители консервативных традиций и старые однокашники, тори хотели, чтобы все оставалось по-старому, и никогда не предполагали, что женщина — особенно эта женщина — займет важный пост. Все складывалось против нее. Однако Тэтчер это не испугало. Новичок в палате общин, она не была неофитом в политике. Некоторых парламентариев-консерваторов она знала еще по Оксфорду, сама же она одолела после Оксфорда трудную науку побеждать в процессе отбора кандидатов в запутанной обстановке

избирательных округов. Ей были известны многие, если не все, политические уловки, в том числе и то, как обратить на себя внимание. В свой самый первый день она заранее известила фоторепортеров о том, когда самый молодой член парламента впервые придет заседать в Вестминстер. На следующий день в газетах появилось фото, на котором она была запечатлена рядом с полисменом, охраняющим вход для парламентариев.

Проблем с оборудованием служебного кабинета она не имела, поскольку не имела и самого кабинета. Кабинетов не было ни у кого из рядовых парламентариев. Для личных вещей двадцати пяти женщин — членов тогдашней палаты общин, насчитывавшей 630 мест, предназначалась комната женщин-парламентариев. Тэтчер решительно вселилась в нее со своим имуществом. Лейбористка Барбара Касл, парламентский ветеран, была ошеломлена, обнаружив чуть ли не на следующий день после появления Тэтчер длинный ряд вешалок с ее одеждой, а под вешалками — восемь пар обуви. Теперь Тэтчер могла быстро переодеться в перерыве между заседаниями. Работала она на краешке стола, который принадлежал секретарю, закрепленному за ней и еще за одним членом палаты общин, в комнатенке, где впритык сидели еще три секретаря. Теснота, сутолока, адский шум — полная противоположность роскоши личных кабинетов американских конгрессменов. Персональных телефонов у парламентариев не было, и они пользовались телефонами, установленными в будках. Когда кому-то звонили, его громко звали, и парламентарий бежал к телефону. Фактически вся работа делалась на людях. Рабочая обстановка — сущий кошмар, но она была одинаковой для всех, кроме руководства. К тому же для Тэтчер она обернулась и неожиданным преимуществом: очень скоро все воочию увидели, какой невероятной энергией обладает этот новый член парламента от округа Финчли.

Палата общин, находящаяся в недрах великолепных зданий парламента, возведенных в XVI веке[5], невелика по размеру, что очень удивляет приезжих посетителей, ожидающих, что «прародительница парламентов» будет выглядеть шикарней и просторней. На самом же деле палата представляет собой прямоугольник длиной в шестьдесят восемь футов, разделенный центральным проходом. У начала прохода находятся кресло спикера и курьерские ящики[6], стоя возле которых выступают лидеры правительства и оппозиции. По обе стороны прохода располагаются друг против друга скамьи парламентариев, обтянутые зеленой кожей. На двух передних скамьях, отстоящих одна от другой всего на три ярда, сидят лицом друг к другу лидеры правящей партии и члены правительства и «теневой

кабинет» из ведущих деятелей оппозиции. Члены парламента, не занимающие министерских постов ни в правительстве, ни в «теневом кабинете», сидят сзади и именуются «заднескамеечниками».

Временами атмосфера в палате накаляется сверх всякой меры. Ведь палата общин — это отнюдь не респектабельный форум для спокойных, уравновешенных дебатов, а арена жарких схваток, где оружием служат ораторское искусство, остроумие, оскорбительный сарказм, отточенное умение набирать политические очки и способность одним ударом сразить противника. Спикер то и дело взывает: «К порядку! К порядку!» — тщетно пытаясь унять истошные крики, шиканье и град взаимных оскорблений, летящих туда и обратно через проход, и придать этой какофонии сколько-нибудь упорядоченную форму дебатов. Среди невообразимого гама слышатся благовоспитанные голоса, напоминающие зрителям, что они не на футбольном матче. По традиции члены палаты общин обращаются друг к другу с преувеличенной вежливостью: «мой почтенный собрат» или «мой достопочтенный собрат», если тот, к кому адресуются, является — или был раньше — министром в правительстве. За приветственными обращениями сплошь и рядом следуют словесные оскорбления. Так, например, левый лейборист Кен Ливингстон был на пять дней исключен из палаты общин за то, что назвал «своего достопочтенного собрата» генерального прокурора «соучастником убийства».

Тэтчер была вполне готова включиться в эту беспорядочную потасовку, но сначала ей предстояло произнести свою первую речь. Ведь от того, как примут первую речь члена парламента, часто зависит, удачно или неудачно начнется его парламентская карьера, ожидает его скорое признание или столь же скорое забвение. В начале работы каждого вновь избранного парламента заднескамеечникам предоставляют возможность выступить и внести на рассмотрение палаты какой-нибудь бесспорный законопроект, если правительство сочтет это целесообразным и если не перегружен список рассматриваемых законопроектов. Парламентарии-новички тянут жребий, устанавливая очередность своих выступлений. Кому-то приходится бесконечно долго ждать. Тэтчер, впрочем, повезло.

Среди десятков и десятков новых имен ее имя оказалось вторым; ей определенно предстояло выступить где-то в начале новой сессии. Времени на поиски темы было у нее в обрез, но, посоветовавшись с руководством, она остановила свой выбор на законопроекте, предоставляющем журналистам право присутствовать на заседаниях советов местного самоуправления.

До того времени каждый отдельный совет имел право решать, допускать или нет на свои заседания репортеров, — и это несмотря на тот факт, что все эти органы существовали на средства общественности. Нельзя сказать, чтобы выбор Тэтчер был продиктован особо большой любовью к прессе, но в нем нашло-таки отражение любопытное сочетание основных принципов, исследовательского подхода и точного политического расчета. Идею ей подсказала забастовка газетчиков, в ходе которой некоторые советы, где большинство имели лейбористы, отказывали — из соображений солидарности — в доступе на свои заседания репортерам-штрейкбрехерам. Для Тэтчер с ее антипатией к лейбористским профсоюзам это сыграло роль красной тряпки. Обосновывая законопроект в своей первой речи, она сделает на этом особый акцент. Но у нее имелся еще один мотив, красноречиво говоривший о том, насколько хорошо она уже усвоила тонкости политической игры: она понимала, что законопроект и речь, способствующие расширению свободы печати, должны получить широкий и положительный отклик в прессе.

Тэтчер произнесла первую свою речь в пятницу во второй половине дня — время, на которое назначается рассмотрение многих частных законопроектов, поскольку большинство членов парламента к этому часу обычно разъезжается на уик-энд. В ту пятницу, когда она встала, чтобы сказать свое слово, на нее обратились взоры примерно сотни парламентариев — внушительная аудитория, собрать которую ей удалось благодаря заранее сделанным объявлениям. Она не стала ходить вокруг да около и сразу взяла быка за рога. «Я знаю, что избиратели Финчли, которых я имею честь представлять, хотели бы, чтобы я без всяких околичностей перешла к делу», — начала она с характерной для нее деловитостью. Затем, ни разу не заглянув в бумажку, она дала тщательно продуманное и методичное обоснование выдвигаемого ею законопроекта. В продолжение двадцатисемиминутной речи она без малейшей нервозности (хотя произносить речи она боится больше всего на свете) изложила свои аргументы, подкрепив их множеством неопровержимых фактов, — метод, который будет ее отличительной чертой. Благодаря этому законопроекту, поясняла она, представители прессы смогут присутствовать на заседаниях по праву, а не с милостивого позволения, и это гарантирует репортерам доступ к информации общего характера, необходимой для проведения профессионального публичного расследования. «Надо надеяться, — заключила она, — члены парламента согласятся с тем, что первейший долг этой палаты состоит в том, чтобы

обеспечивать гражданские свободы, а не ставить на первое место в праве соображения административного удобства». {6}

Речь Тэтчер удостоилась высоких похвал. «Очень впечатляющая речь», — вспоминал Билл Дидс, бывший редактор «Дейли телеграф», тридцать лет спустя. А в ту пору он охарактеризовал ее выступление как имеющее «переднескамеечное качество» и заметил, что оно свидетельствует о наличии у оратора «необыкновенно развитого чутья на настроение палаты, которое некоторые парламентарии приобретают многолетней практикой, а многие не приобретают никогда». Сам же законопроект понравился далеко не всем, в том числе и председателю местного совета Финчли, в котором безраздельно властвовали консерваторы. Заседания его комитета, заявил он, будут, вне всякого сомнения, закрыты для репортеров. Совет уклонился от принятия резолюции с поздравлением Тэтчер как инициатора законопроекта, который в конечном счете был принят с поправками.

Этот дебют явился для Тэтчер важным событием, хотя дело не обошлось без небольшого разочарования. Дэнис, который мог бы слушать ее с галереи для посторонней публики, как называют здесь гостевые места, снова отсутствовал. На сей раз он уехал в деловую поездку на Ближний Восток. Младший персонал, видя, что она днюет и ночует на работе, которой отдает все свое внимание, сплетничал, что если Дэнис не укатил с другой женщиной, то очень скоро сделает это. Но ничто не указывало на то, чтобы их брак когда-либо подвергался угрозе. Тэтчеры понимали друг друга, и оба были полны решимости продолжать каждый свою карьеру. Между ними никогда не вставал третий. Вместе им было хорошо и покойно. Ни тот ни другой из супругов, по их собственному признанию, не требовал к себе повышенной заботы и внимания, поэтому их брак всегда был прочным.

Ее бьющая в глаза энергия и то внимание, которое ей удалось привлечь к законопроекту о печати, побудили Флит-стрит, тогдашнюю штаб-квартиру крупнейших английских газет, начать отмечать ее успехи и всячески поддерживать ее. Самая молодая женщина в парламенте, фотогеничная и поощряемая как многообещающая дебютантка, Маргарет Тэтчер с самого начала пользовалась вниманием, которого не удостаивалась никакая другая женщина. В октябре 1960 года одна лондонская благотворительная организация назвала ее в числе шести «женщин года», и на официальном завтраке в ознаменование этого события она отвечала на вопросы 600 участниц. Кем бы она хотела быть, если бы уже не была Маргарет Тэтчер? Анной Леноуэнс, английской гувернанткой в «Анне и сиамском короле»,

последовал ответ. У Анны «была целеустремленность и упорство в достижении своей цели. Она отправилась в Сиам, поставив перед собой цель, и благодаря ей рабство было отменено». На самом деле это была чрезвычайно романтизированная версия того, что произошло в действительности, когда эта английская учительница приехала в страну, ставшую нынешним Таиландом. В упомянутой Тэтчер версии вымысла было не меньше, чем правды, но это ее не смущало. Ведь урок был поучителен {7}.

В первые свои годы в парламенте Тэтчер трудилась с неимоверным усердием, сама делая всю подготовительную исследовательскую работу и долгими часами просиживая над книгами в библиотеке палаты общин. Однажды она упала в обморок — редкое проявление слабости с ее стороны! — и была отправлена домой отдохнуть. Наутро она снова была в Вестминстере. Ее отличительной, «фирменной» чертой стало быстрое и тщательное изучение материала. Она не была ни гением, ни мыслителем, но обладала блестящими способностями. То, что Тэтчер недобирала в чистой силе интеллекта (а с ее научными степенями в области химии и права она имела-таки достаточно развитый интеллект), она восполняла усердной работой. Другие могли превосходить ее блеском ума, глубиной познаний, опытностью, но в умении изучить вопрос и подготовиться к его обсуждению она не знала себе равных. Годы изучения налогового права послужили ей хорошей практикой по части сосредоточенного просматривания толстенных томов ради извлечения золотых песчинок нужных сведений.

Собрав весь необходимый материал, Тэтчер писала свои речи от руки, вносила в них исправления, затем переписывала их заново на маленьких листочках, которые удобно было держать в руке. Листочки эти служили для подстраховки. К тому времени, когда она переписывала на них текст речи, он уже запечатлевался у нее в памяти, и в свои записи она заглядывала лишь изредка, когда ей требовалось привести длинный ряд цифр. Мелкие подробности легко слетали с ее языка, создавая впечатление, что в запасе у нее целый арсенал фактов. Критики, подготовившиеся менее основательно, не рвались вступить с нею в бой. В те первые годы Тэтчер была способна усыпить членов парламента своими статистическими выкладками, но умела и разбудить их, подчас неумышленно. Как-то раз посреди усыпляющего цифрового пассажа в речи о пенсиях помощник передал ей какие-то свежие статистические сведения. «Джентльмены, обратите внимание, у меня очень красноречивые данные», — начала она, и тут зал оживился, загикал, засвистал, а она, смутившись, покраснела до корней волос {8}.

Укрепляя свое положение в палате общин, Тэтчер выказывала твердые консервативные убеждения и верность партии тори, но отнюдь не заискивала перед ее лидерами. «Она никогда не робела перед ними», — отмечал сэр Клайв Боссом, один из ее первых личных секретарей {9}. С самого начала она занимала более радикально-правые позиции, чем правительство консерваторов, и никогда не боялась указать, что в том-то и том-то расходится с ним. Вместе с тем она и никогда не заходила так далеко, чтобы это поставило под сомнение ее лояльность. Свои взгляды она выражала в осторожной форме — в противном случае она обрекла бы себя на изоляцию и повредила бы своей будущей карьере. В парламентских фракциях партий не жалуют бунтарей. Диссиденты не обретают в палате общин ни власти, ни влияния.

Одной из областей, где она высказывала несогласие, являлся подход правительства Макмиллана к расходованию государственных средств. Она выражала убеждение, что казначейство слишком снисходительно относится к неэкономной трате национальных средств. «Сейчас, после полуторагодового пребывания в парламенте, меня по-прежнему больше всего тревожит вещь, лежащая в основе всего, — контроль за правительственными расходами. Мы гонимся за сотнями и тысячами, но упускаем миллионы». Она призывала к введению более строгой отчетности. «Государство должно представлять свои счета парламенту, как компания — акционерам». Не сделать этого — значит допустить новые излишние траты и отсрочку снижения ставок подоходного налога, которое является ближайшей и настоятельной целью. Пока это не будет сделано, «окажется чрезвычайно затруднительным сократить и поставить под контроль правительственные расходы, а следовательно, и значительно понизить уровень налогообложения» {10}.

Заострять внимание на налоговых делах было естественно для юриста, специализирующегося на налогах. Но мало того, что она собаку съела на налоговом праве, Тэтчер еще унаследовала от бережливого Алфа навязчивую идею, что ничего не должно пропадать зря. (Годы спустя она, одержимая все той же навязчивой идеей, приносила домой остатки с официальных обедов, ставила их в холодильник, а потом разогревала на ужин себе и Дэнису, если он был дома.)

В ходе все более углубленного изучения бюджета она сформулировала еще одно свое основное убеждение: вкладчики капитала в производство предпочтительней биржевых спекулянтов. Она выступала за повышение налогов на спекулятивную прибыль, но не на прибыль, полученную фирмами, действительно что-то производящими. «Мы хотим

добраться до биржевиков — спекулянтов акциями, — говорила она, — до человека, который занимается покупкой и продажей акций не ради того, чтобы держать их на пользу своей собственности, приносящей доход, а ради того, чтобы жить на доходы, получаемые им от этих сделок» {11}.

Когда в 1961 году правительство внесло на рассмотрение законопроект об уголовной юстиции, Тэтчер воспользовалась этим, чтобы сделать свои убеждения достоянием гласности, и присовокупила к ним кое-какие подробности своих политических воззрений. Так, она самым энергичным образом высказалась за принятие законоположений, санкционирующих телесные наказания, в частности за предложение, предоставляющее судам право назначить порку лозой правонарушителя вплоть до семнадцатилетнего возраста и порку березовыми розгами — правонарушителям от семнадцати лет до двадцати одного года. «В своем стремлении к гуманному исправлению правонарушителей мы упускаем из виду назначение уголовных судов и цели наказания, — подчеркнула она. — Я не согласна с тем, что нарушители закона, виновные в самых жестоких преступлениях, все являются душевнобольными». Правительство выступило против принятия поправки о телесных наказаниях, но поднятый Тэтчер бунт — она повела за собой группу из шестидесяти семи восставших парламентариев-тори — не повредил ее карьере. Прошло полгода. В один прекрасный день, когда она — редкий случай — завтракала со своей сестрой Мюриел, явился посыльный: ее вызывали на Даунинг-стрит для разговора с Макмилланом.

Парламент, распущенный на летние каникулы, еще не приступал к работе, но официальное открытие сессии с традиционной тронной речью королевы должно было состояться через две недели. Тэтчер решила, что Макмиллан собирается предложить ей войти в число авторов тронной речи, которая составляется правительством и лишь зачитывается монархом. Но премьер-министр преподнес сюрприз. Он предложил ей пост в министерстве по делам пенсий и государственного страхования. Это был младший министерский пост, но ведь ее парламентский стаж — каких-то два года. А вдруг она станет «членом правительства» при официальной должности?! С Даунинг-стрит она поспешила домой — поделиться новостью с сестрой. Конечно, она не рассчитывала, что ей предложат пост в правительстве так скоро. Близняшкам всего восемь, и теперь, когда ее закрутит водоворот министерских дел, она станет проводить с ними еще меньше времени. Но она ни минуты не колебалась. Выбирать не приходится, сказала она сестре. «Когда тебе предлагают

должность, ты или берешь ее, или выходишь из игры». Она вошла в правительство. Алф был на седьмом небе, но Беатрис не дожила до этого. Она умерла от рака в декабре 1960 года, через год после избрания Маргарет в парламент. И на сей раз Дэниса не оказалось дома. Он уехал в Японию. Тэтчер тотчас же написала ему о своем назначении, но еще до того, как пришло письмо, он услышал эту новость по «Зарубежному вещанию Би-би-си».

Глава пятая
ТЭТЧЕР — МИЛК СНЭТЧЕР [7]

Неудивительно, что в 1961 году, когда Тэтчер впервые переступила порог министерства по делам пенсий и государственного страхования, ее появление было встречено со смешанными чувствами. Впрочем, Джона Бойд-Карпентера, министра, возглавлявшего это ведомство, приход Тэтчер нисколько не обеспокоил. Сам будучи политиком, он точно знал, зачем это понадобилось Макмиллану. «Она была очень молода, поэтому ее назначение являлось чем-то из ряда вон выходящим, наводило на мысль о политическом трюке, — комментировал он. — Похоже, премьер-министр, пробывший несколько лет у власти, пытался, назначив на пост в правительстве хорошенькую женщину, подкрасить свой собственный имидж» {1}.

Сэра Эрика Боуйера, старшего гражданского служащего министерства, это назначение, напротив, привело в ярость. Подумать только, сам Макмиллан четырнадцать лет просидел на задних скамьях парламента, прежде чем получил место в правительстве! Тэтчер же не пробыла в парламенте и двух лет. Мало того, она мать двоих детей, живет за городом, муж ей по дому не помощник — вечно в отъезде. Ей ни за что не справиться со служебными обязанностями. «Нет, это не работница, — ворчал Боуйер. — Мы с ней еще наплачемся». Очень скоро оба они увидели, какая это работница. Как признался Бойд-Карпентер, «мы были как никогда далеки от истины». Ведь они не подозревали о ее привычном распорядке дня: четыре часа в сутки — на сон, остальные двадцать — на работу.

Через четыре месяца после прихода в министерство ей было предложено выступить в парламенте с разъяснением, почему консерваторы не повышают пенсии. Впервые ей предстояло обратиться к парламенту в своем новом качестве члена правительства. Она с головой ушла в подготовку, а потом изложила свои аргументы с таким пылом, что палата общин, ошеломленная, притихла. Выходе сорокачетырехминутной речи она, совершив экскурс на шестнадцать лет назад, привела статистические данные за 1946 год, обрисовала различия в положении британских и скандинавских пенсионеров по состоянию на 1953 год, сопоставила размеры британских и западногерманских пенсий в 1959 году, сравнила прожиточный минимум курящей и некурящей семьи в 1951 году. Это

напоминало давнишние разговоры за обеденным столом в Грантеме, когда она пыталась озадачить Алфа вопросом, на который тот не знал бы ответа. Когда она отчитывалась, блистая эрудицией, ученицы Кестевенской школы узнали бы манеру своей однокашницы.

Ей и правительству в ее лице противостоял министр по делам пенсий «теневого кабинета» Ричард Кроссмен, самый острый интеллект среди лейбористов-переднескамеечников. Тэтчер положила его на обе лопатки. «Кроссмену крепко досталось, и наблюдать это было очень занятно, — вспоминал Бойд-Карпентер. — Бросалось в глаза, что она хорошо подготовилась, а он — нет». Она постоянно поправляла его по части фактов и подробностей. Как и прежде, никто не мог превзойти ее в знании деталей дела или подготовиться лучше ее.

Столько же усердия проявляла она и делая черновую работу, которая ложится на всякого начинающего младшего члена правительства. Ей приходилось просматривать тысячи писем с вопросами о пенсионных правах, сортировать их, давать ответы. В один прекрасный вечер по окончании долгих дебатов она вернулась в свой министерский кабинет, чтобы заняться почтой, и принялась рвать стандартные ответы, написанные подчиненными ей государственными служащими и ожидавшие ее подписи. «Распорядитесь переделать их», — приказала она своему личному секретарю сэру Клайву Боссому. «Эта чертова баба! — возопил их автор. — Ее дело подписывать их, а не читать». Боссом не может удержаться от улыбки, вспоминая об этом. «Она не подписывала ни одной бумаги, не изучив ее тщательно, — рассказывает он. — Если ей что-нибудь не нравилось, бумага возвращалась на переделку» {3}. Может быть, безвестный составитель писем первым назвал ее с досады «этой чертовой бабой», но он не был последним; впоследствии ее частенько именовали за глаза «ЭЧБ», и все понимали, что это значит.

Работа в министерстве по делам пенсий шла без гонки, свойственной главным министерствам, и у Тэтчер было время приглядеться к внутренней кухне правительственной деятельности. Ей сразу же бросилась в глаза одна вещь: гражданские служащие, консультируя министра, подлаживают свои советы под его вкус, то есть говорят ему то, что он, по их мнению, хочет услышать, вместо того чтобы предлагать ему на выбор ряд вариантов решения. Это открытие подкрепило глубоко укоренившееся недоверие Тэтчер к большинству бюрократов, которые, по ее убеждению, только разводят волокиту и канцелярский формализм. В 80-е годы Джонатан Линн и Энтони Джей спародировали эту тенденцию бюрократии в популярном

сатирическом телесериале «Слушаюсь, министр» и его продолжении «Слушаюсь, премьер-министр». Тэтчер (шутки на политические темы она понимает) с удовольствием смотрела их телевизионные шоу, которые подчас так походили на реальные прения в кабинете, что это наводило на мысль об утечке информации.

Пока Тэтчер упорно занималась делами, Макмиллан рисковал остаться не у дел. После Суэца основы империи начали быстро разрушаться, вынуждая его демонтировать надстройку. Макмиллан признал это в речи, которую он произнес в Кейптауне в 1960 году и которая навсегда свяжется с его именем. «В двадцатом столетии мы стали свидетелями пробуждения национального самосознания у народов, которые веками жили в зависимости от других держав. Пятнадцать лет назад это движение распространилось по Азии… сегодня то же самое происходит в Африке, — сказал он. — На этом континенте дует ветер перемен, и, нравится нам или нет, все мы должны признавать это и учитывать в своей национальной политике».

Речь о «ветре перемен» ознаменовала собой начало следующего и фактически финального этапа в сокращении сферы британской имперской политики. В течение следующих двух лет Макмиллан энергично осуществлял деколонизацию. На тысячах флагштоков повсюду в мире — в Малайе, Кении, Пакистане, Адене, Нигерии, на Кипре и на Ямайке — были спущены государственные флаги Великобритании. Изо всех этих стран хлынул в метрополию, матушку Англию, поток эмигрантов, предпочитавших своих прежних имперских правителей неясному будущему под властью новых национальных лидеров. Обосновавшись в Англии, стране с белым населением, они непоправимо нарушили демографическое равновесие, которое столетиями оставалось практически неизменным, породив последствия, все еще ощутимые и в период премьерства Тэтчер.

С разрушением империи рушилась и вера в будущее Великобритании. Предвыборную кампанию 1959 года Макмиллан проводил под лозунгом «Вам никогда не жилось так хорошо», пытаясь нажить политический капитал на мини-подъеме в экономике и на иллюзорном убеждении англичан, что их страна по-прежнему остается мировой державой. Но если в 1960 году, по данным выборочного опроса, 79 процентов англичан одобряли деятельность правительства Макмиллана, то через пару лет от этого рейтинга остались лишь воспоминания. К этому времени кризис платежного баланса привел к массовому изъятию вкладов в фунтах, резкому росту безработицы и замораживанию заработной платы. Рейтинг Макмиллана упал до самого низкого

уровня, который только имел английский премьер-министр за последнюю четверть века — со времени капитуляции Чемберлена перед Гитлером. Вся серьезность проблемы обнаружилась после того, как тори потерпели сокрушительное поражение на дополнительных выборах в Орпингтоне, избирательном округе близ Лондона, где победа консерваторов не вызывала сомнений.

Поначалу Макмиллан попытался выйти из затруднительного положения, увеличив расходы, — способ испытанный и чисто политический. Когда же министр финансов Селвин Ллойд воспротивился, Макмиллан вывел его и еще шестерых министров кабинета из состава правительства, устроив крупное политическое кровопускание — «ночь длинных ножей», как тотчас же окрестили его акцию. Тэтчер развеяла мнение Ллойда. Недаром в бакалейной лавке Алфа висело объявление «В кредит не продаем» — финансовый консерватизм Тэтчер зижделся на двух отцовских принципах: «Никогда не делай долгов» и «Никогда не трать больше, чем получаешь». В глазах Тэтчер новые расходы были проклятием, но она смолчала, когда Ллойда критиковали, понимая, что с ним все кончено. Обладая сильно развитым чувством самосохранения, она не собиралась ставить себя под удар из-за заведомо проигранного дела. Тэтчер была достаточно прагматична, чтобы не рисковать своей едва начавшейся карьерой. Макмиллан упорно осуществлял свои планы, игнорируя ради стимулирования роста экономической активности нормативы заработной платы, но никакие меры не помогали, и экономический спад продолжался. Экономическое неравенство все еще оставалось огромным. Богачи, составлявшие лишь 1 процент населения, по-прежнему владели 25 процентами всего национального богатства Англии {4}.

Два удара в корпус послали правительство в нокдаун. Первый имел отношение к попыткам Англии вступить в Общий рынок, образованный в 1957 году шестью европейскими странами: Францией, Западной Германией, Италией, Нидерландами, Люксембургом и Бельгией. До Суэцкого кризиса 1956 года Англия держалась в стороне от Европы, предпочитая сохранять свои основные экономические связи со странами Содружества наций, а не завязывать новые с Европейским сообществом. Это было крупным стратегическим просчетом. В обоснование такой позиции утверждалось, что страны Содружества уже производят все сырье, необходимое для работы послевоенной английской промышленности. Британия проморгала ускорение темпов экономического развития на Европейском континенте, в частности быстрое восстановление народного хозяйства Германии и Франции. Но трудности на пути объединения с Европой имели

гораздо более глубокие корни.

Для большинства англичан понятие «Европа» означало континентальную Европу и не включало в себя Англию. «Мы с Европой, но мы не часть Европы, — заявил Уинстон Черчилль в 1930 году. — Мы заинтересованы, тесно связаны, но отнюдь не поглощены». За этими словами Черчилля скрывались чувства, сформированные столетиями войн, соперничества, династических браков и разводов, языковыми и культурными различиями и врожденным сознанием британского превосходства. Однажды эти чувства наглядно проявились в заголовке на страницах одной популярной иллюстрированной газеты: «Английский канал[8] окутан туманом; континент отрезан».

После второй мировой войны стали все больше поговаривать о расширении сотрудничества, но не об интеграции. Англия отклонила приглашение вступить в созданное после войны Европейское объединение угля и стали, не желая поступиться даже частицей суверенитета. Столь же пренебрежительно была отклонена идея создания европейской армии. «Это им нужно создавать ее, а не нам», — фыркнул Черчилль {5}. В 1952 году тогдашний министр иностранных дел Иден сказал; «По нашему глубочайшему убеждению, мы не можем» присоединиться к Европе, потому что «история Британии и ее интересы находятся далеко за пределами Европейского континента» {6}. Когда та же шестерка членов Европейского объединения угля и стали собралась в 1955 году для создания более широкого рынка, Англия присутствовала только в качестве наблюдателя. Не проявила она никакой заинтересованности в сотрудничестве с объединенным проектом по атомной энергии. Англия уже обладала ядерным оружием и полагала, что, предложив свои технические познания, она окажется скорее в проигрыше, чем в выигрыше.

Опыт Суэца побудил Англию выйти из высокомерной самоизоляции. Резкое осуждение английского вторжения Америкой нанесло удар по «особым отношениям» обеих стран. Идея установления каких-то связей с Европой внезапно обрела новую привлекательность. Макмиллан счел экономически целесообразным вступить в Общий рынок, хотя он и разделял политические и психологические сомнения на этот счет, имевшиеся у его коллег-консерваторов, которые были против передачи каких-либо властных полномочий европейской наднациональной организации. И не у одних только консерваторов имелись сомнения. Многим англичанам казалось, что связать свою судьбу с европейцами будет ошибкой. Хью Гейтскелл, сменивший Клемента Эттли на посту лидера

лейбористской партии, тоже решительно возражал против присоединения, утверждая, что членство в Общем рынке означало бы «конец Англии как независимого государства». Тем не менее летом 1962 года в свете того, что Содружество наций оказалось расчлененным на мелкие части, а европейцы предлагали хоть какую-то надежду на улучшение экономических перспектив, Макмиллан официально обратился с просьбой о принятии в члены Общего рынка. Тэтчер поддержала его.

Макмиллан, впрочем, не забывал о своих друзьях и кровных родственниках американцах и был полон решимости поддерживать атлантические связи. В декабре 1962 года на встрече с Макмилланом в Нассау Джон Кеннеди согласился предоставить в распоряжение Англии ракеты «Полярис», базирующиеся на подводных лодках, обеспечивая тем самым сохранение за ней статуса ядерной державы. Это решение подкрепило «особые отношения», но привело в ярость Шарля де Голля. Французский президент все еще гневался на Англию за то, что она спасовала перед Америкой, потребовавшей ухода из Суэца, и с давних пор таил злобу на британский атлантизм, несмотря на то что Англия гостеприимно приютила его, эмигранта, во время войны. Де Голль ревниво относился к близкой дружбе Рузвельта и Черчилля и чувствовал, что его отстраняют. Как-то раз Черчилль в споре с главой комитета Свободной Франции выпалил: «Всякий раз, когда нам придется выбирать между Европой и открытым морем, мы выберем открытое море. Всякий раз, когда мне придется выбирать между вами и Рузвельтом, я выберу Рузвельта» {7}.

Черчилль и Рузвельт ушли в прошлое, но у де Голля была длинная память. Через три недели после того, как Вашингтон и Лондон объявили о передаче «Полярисов», де Голль наложил вето на поданную Великобританией просьбу о приеме в члены Европейского экономического сообщества (ЕЭС). «В один прекрасный день, — насмешливо заметил он, — Англия, возможно, и будет допущена в Европу — после того как она порвет узы, связывающие ее с Содружеством и Соединенными Штатами». Макмиллан был ошеломлен. «Вся наша политика, внешняя и внутренняя, — записал он в дневнике, — лежит в развалинах» {8}.

На этом неприятности не кончились. Следующим летом на Макмиллана обрушился новый удар. Разразился скандал вокруг имени Профьюмо, его военного министра, который был уличен в любовной связи с молодой проституткой Кристин Килер. А она, как выяснилось, была также любовницей советского военно-морского атташе. Поначалу Джон Профьюмо, ободренный

поддержкой своего премьер министра, отрицал эти обвинения перед палатой общин. Но всего через несколько дней, после того как получили огласку в печати новые подробности, Профьюмо признался, что солгал парламенту, и подал в отставку. Макмиллан попал в дурацкое положение. Правительство пошатнулось. Отвечая на град требований его отставки, Макмиллан лег в больницу по поводу болезни простаты и впоследствии подал в отставку.

Отставка Макмиллана повергла партию в хаос.

Во весь рост встал вопрос о преемнике. Некоторые считали, что место Макмиллана займет заместитель лидера партии Рэб Батлер, но Макмиллан пожелал увидеть в качестве своего преемника министра иностранных дел графа Хьюма, который в бытность свою членом палаты общин слыл на редкость малоактивным парламентарием. Это решение изумило почти всех, в том числе и Хьюма, и в свете его неожиданного возвышения напрашивался важный вопрос: какого рода партией собираются быть консерваторы — безобидными патерналистами, опять обращающими взоры назад, а не вперед, или же более напористыми приверженцами свободного предпринимательства?

Если вопрос этот считать своего рода испытанием, то консерваторы не выдержали его по двум пунктам: во-первых, выбрав лидером Хьюма; во-вторых, произведя этот выбор тайным и недемократическим способом — в кружке важных персон, бывших однокашников итонцев, которые и составляли костяк руководства партии. Человек глубоко порядочный, Хьюм являл собой живое воплощение патерналиста-тори старого образца, типичного для периода между двумя мировыми войнами. Он явно не был создан для современных перепалок. Выбор Хьюма выглядел анахронизмом и свидетельствовал о том, что тори все еще не оставляют попыток вернуть прошлое.

Хьюм отказался от своего графского титула, поскольку пэры не могут заседать в палате общин, и стал сэром Алеком Дуглас-Хьюмом. Понимая, что у него нет мандата избирателей, он назначил на октябрь 1964 года новые выборы, меньше чем через год после того, как встал во главе партии. По сравнению с 1959 годом, когда Макмиллан нанес на выборах сокрушительное поражение лейбористам, получив на сто парламентских мест больше, политический пейзаж драматически изменился. Экономика теперь явно хромала на обе ноги, страна сдавала свои позиции за рубежом, а у лейбористской партии появился новый энергичный руководитель — Гарольд Вильсон.

Вильсон по праву принадлежал к новой генерации политиков. Молодой сорокавосьмилетний лидер, он был не столько

твердокаменным социалистом, сколько блестящим политическим борцом, который умел сразить противника, выступая в парламенте. Он обещал обеспечить Британии современное руководство, способное ввести ее в технологический век, и превратил предвыборную баталию в первую в истории страны избирательную кампанию, построенную на созданном имидже: он подавал себя как энергичного, дерзкого молодого технократа, вступившего в трудное единоборство со старомодным занудой пэром, шестидесятилетним ископаемым из давних времен. «После полувекового прогресса демократии весь процесс со скрипом остановился из-за графа, вышедшего из четырнадцатого столетия», — иронизировал Вильсон {9}.

Когда были подсчитаны голоса избирателей, выяснилось, что от большинства в сто мест, полученного консерваторами на выборах 1959 года, не осталось и следа. В округе Финчли Тэтчер довольно уверенно прошла в парламент, хотя ее собственное преимущество в голосах и сократилось вдвое. Вильсон, победивший с ничтожным перевесом, стал новым премьер-министром. Обладая большинством всего в четыре места, он едва ли мог долго продержаться у власти без новых выборов. Консерваторы больше не хотели связывать судьбу партии с Дуглас-Хьюмом, который отлично это понял. Через восемь месяцев знатный аристократ оставил свой пост лидера партии и в конце концов предпочел пожизненное пэрство и возвращение в палату лордов, на удобных, обтянутых красной кожей скамьях которой он чувствовал себя больше на месте.

Однако прежде чем уйти, он совершил один акт, который, возможно, останется самым прочным его наследием. Огорченный кривотолками, сопровождавшими его собственное тайное избрание лидером партии, сэр Алек пересмотрел правила преемственности на этом посту, с тем чтобы сделать процесс избрания лидера более открытым и демократичным. Он разработал двухступенчатую систему голосования, в соответствии с которой для победы претенденту требуется набрать как минимум на 15 процентов голосов больше своего ближайшего соперника. При отсутствии 15-процентного разрыва проводится второй тур голосования, в котором могут принять участие и другие конкуренты, а затем, если необходимо, третий и так далее, пока кто-нибудь не победит с отрывом в 15 процентов голосов. Десять лет спустя благодаря этому новому процессу Тэтчер, самая темная из темных лошадок, выбросит из седла лидера, который не имел ни малейшего намерения выходить в отставку.

В результате первых выборов лидера по более открытой

процедуре Дуглас-Хьюма сменил на этом посту Эдвард Хит, бывший министр труда и человек, которому в 1961 году было поручено обратиться от имени Великобритании с просьбой о приеме в члены Общего рынка. Тэтчер голосовала за Хита. Не то чтобы она числила его среди близких друзей, но они имели немало общего. Ни она, ни он не входили в партийную верхушку. Если Дуглас-Хьюм, Макмиллан и Черчилль являлись аристократами, то Хит был сыном строителя, принадлежавшего к нижнему слою среднего класса, что по идее должно было сближать его с дочерью бакалейщика. И Тэтчер и Хит вышли из среды, где считалось, что личный успех достигается упорным трудом; обоих отличала пуританская строгость взглядов и привычек. Оба учились в частных классических школах, оба окончили Оксфорд. Музыкально одаренный Хит учился в оксфордском Бейллиол-колледже, получая стипендию органиста. Будучи на девять лет старше Тэтчер, Хит в свое время тоже был президентом Консервативной ассоциации Оксфордского университета.

В стране, где произношение является смертоносным оружием или роковой мишенью в классовой борьбе, символическим кодом происхождения и образования, способным предрешить жизненный успех или обречь на неудачу, и Хита и Тэтчер высмеивали за их претенциозное, несветское произношение и за их безуспешные попытки приукрасить свою речь. Несмотря на тонкий музыкальный слух и четыре года, проведенные среди студентов и профессоров Бейллиола с их «классическим» произношением, все старания Хита очистить свой прононс от сдавленных гласных уроженца юго-восточных графств окончились полной неудачей. Джордж Бернард Шоу, который в пьесе «Пигмалион», впоследствии положенной в основу мюзикла «Моя прекрасная леди», заострил внимание на одержимости акцентом, этой навязчивой идее англичан, мог бы обратить к ним обоим свои слова, написанные в 1912 году: «Англичанину невозможно открыть рот без того, чтобы вызвать к себе ненависть или презрение другого англичанина» {10}. Критики Хита и Тэтчер вполне отвечали этому наблюдению.

Оба они — люди замкнутые. Ни он, ни она не имеют — и никогда не имели — широкого круга друзей. У Хита, правда, было больше политических друзей-приятелей, когда он находился у власти, но во всех прочих случаях он оставался нелюдимом. Необщительный холостяк, он чрезвычайно скованно держится в обществе женщин: из-за болезненной стеснительности он почти физически неспособен разговаривать с ними — факт, который будет потом окрашивать его отношения с Тэтчер. Жены его

коллег в один голос рассказывают, какой это ужас — неофициальное общение с ним. Хит никогда не забудет заботливо осведомиться у Уильяма Уайтлоу, влиятельного тори и своего старого политического коллеги, как поживает его супруга, но ни словом не перемолвится с ней при встрече в каком-нибудь общественном месте. Однажды, когда он приехал провести уик-энд в резиденции английского посла в одной из европейских стран, дипломата вызвали в Англию, и Хит остался в резиденции в обществе жены посла. За три дня, что он пробыл в гостях, Хит ни разу не заговорил с ней. Даже ее приветливое «с добрым утром» он оставлял без ответа.

С мужчинами Хит разговаривать способен, но даже в беседе с ними он может быть в высшей степени колким и заносчивым. Те, кто к нему близок и входит в его личное окружение, утверждают, что он может быть сердечен и обаятелен, но таких единицы. Что и говорить, для преуспевающего политика Эдвард Хит был большим оригиналом. Но Англия издавна благоволит к чудакам и оригиналам, включая принца Чарлза. Не блистал Хит и как оратор.

Годы спустя после ухода с должности он собирал в палате общин более многочисленную аудиторию, чем в бытность свою премьер-министром. Парламентарии заполняли места на скамьях, чтобы послушать, как ядовито критикует он свою преемницу — миссис Тэтчер.

Хотя впоследствии Хит и Тэтчер сделаются лютыми врагами, он стал ее наставником, после того как его впервые выбрали лидером консервативной партии, Впрочем, поддержка, оказанная Тэтчер Хитом, носила не вполне бескорыстный характер. Из-за того, что он был холостяком, ему обязательно следовало иметь в правительстве министра-женщину. «Кого именно, роли не играло, — вспоминал один из его министров, — лишь бы в составе кабинета имелась женщина». Поначалу подходящих кандидаток не находилось, и Хит принялся обзванивать влиятельных тори, спрашивая, нет ли у них кого на примете. «У нас тут возникли трудности относительно того, кто должен стать той женщиной», — сказал Хит Джеймсу Прайору.

Прайор предложил кандидатуру Тэтчер, но Хит уже имел разговор о ней с Уайтлоу. «Вилли считает, что если мы пригласим Маргарет, нам от нее никогда уже не избавиться», — ответил он {11}. Уайтлоу порекомендовал другую кандидатуру — Мервин Пайк, и Хит, который не знал ни одной из одиннадцати женщин — членов палаты общин от консервативной партии, послушался его совета и назначил Пайк министром социального обеспечения в своем теневом кабинете. Впрочем, он поочередно назначал

Тэтчер на ряд младших должностей, за что она выражала ему свою признательность.

Они терпели друг друга. Хит относился к Тэтчер почти с полным безразличием, поначалу игнорируя ее при встречах. Она, напротив, понимала, что, какой бы трудный ни был у Хита характер, он — партийный босс и ее будущее находится у него в руках. Поэтому она исполняла порученную работу, стараясь поддерживать с ним хорошие профессиональные отношения и избегая потенциально затруднительных ситуаций. По счастью, работы для нее хватало. Немногим политикам выпадала возможность приобрести такой богатый опыт за столь короткое время. Хит позволил ей оставаться главным оратором оппозиции по вопросам пенсий, но в 1965 году также назначил ее на аналогичный пост в теневом министерстве жилищного строительства и земель. Так как консерваторы находились в оппозиции, никакой действительной власти у нее не было, зато она набиралась знаний и опыта. Ее задача, как и задача всех министров в оппозиции, состояла в том, чтобы критиковать и дискредитировать правительство, всячески подрывая к нему доверие. Она научилась владеть всеми инструментами, предназначенными для достижения этой цели: скальпелем, топором и кувалдой.

В середине 60-х годов Британия переживала подъем, хотя коснулся он лишь внешних сторон жизни. Победа команды Англии на чемпионате мира по футболу 1966 года, «Битлзы», «Роллинг стоунз», Мэри Куонт. микролитражки «мини», магазины модной молодежной одежды на Карнаби-стрит в «веселящемся Лондоне» — все это порождало чувство, что в стране происходит культурное возрождение. Гарольд Вильсон, который казался живым воплощением этих свежих веяний, тоже пользовался успехом. Почувствовав, что он на гребне волны, Вильсон срочно назначил всеобщие выборы на март 1966 года, чтобы увеличить свое незначительное большинство. Партийный лозунг «Вы знаете: лейборизм работает» работал на Вильсона. Он одержал полную победу на выборах и вернулся к власти с внушительным большинством в девяносто семь мест — достаточная гарантия, что его в течение нескольких лет не заставят уйти в отставку.

В то время как Вильсон укреплял свои позиции, Тэтчер продолжала энергично трудиться в тени, попеременно занимая все более важные посты и набирая политический вес. После поражения 1966 года Хит перевел ее на вторую по значению должность в теневом министерстве финансов. Этому перемещению она была особенно рада; благодаря нему она избавлялась от заточения в «социально-политическом»

министерстве, заточения, частенько становившегося уделом женщины-парламентария, и оказывалась в центре сектора, где преобладает разношерстная университетская публика. Тэтчер не сомневалась, что сумеет извлечь пользу для себя из этого нового назначения Она отлично знала, что бюджеты лежат в самой основе государственного управления, поэтому опыт работы с финансами просто неоценим. Ей также были по душе те трудные задачи, которые вставали перед ней в связи с усвоением всяческих бюджетных тонкостей. Она была довольна своими успехами в этом деле. Выступая с речью перед 5000 членов Национальной ассоциации горожанок в Алберт-холле она под громкие крики одобрения заявила: «В политике так: если вам нужно что-то высказать, попросите мужчину; если же вам нужно что-то сделать, попросите женщину» {12}.

Свой новый высокий пост в теневом министерстве финансов Тэтчер использовала как ступеньку, чтобы занять еще более видное положение; когда министр финансов Джеймс Каллаган представил на рассмотрение палаты самый последний лейбористский бюджет, она обрушилась на него с уничтожающей критикой. Как и во время дебатов о пенсиях, она тщательно подготовилась. Ее заявление о том, что она располагает информацией за предшествующие двадцать лет, вызвало у парламентариев возгласы недоверия. Затем она принялась громить план налогообложения, предложенный Каллаганом, который готов был испепелить ее взглядом. Его законопроект, отметила она, содержит дискриминационные положения, направленные против работающих матерей, которые, подобно ей, вынуждены нанимать нянек, но на которых не распространяется налоговая скидка. «Жаль, Гилберт и Салливан[9] не дожили до наших дней! Это совершенно смехотворная нелепость, — протестовала она. — Министру финансов надо бы пригласить в советники женщину».

Ее энергия, явное бесстрашие и ум привлекли к ней внимание. «Она выделяется среди других, — заметил Иэн Маклеод, теневой министр финансов и, следовательно, ее начальник. — У нее исключительные способности и первоклассный ум» {13}. Он сказал Хиту и его коллегам, что она определенно являет собой подходящий исходный материал для того, чтобы стать министром кабинета, после чего взял ее под свое личное покровительство. Ему оставалось жить совсем недолго, но перед смертью он успел дать ей неоценимое политическое образование.

«Иэн всегда правильно понимал политическую сторону любой проблемы, — говорила Тэтчер. — Он инстинктивно угадывал, как

будет реагировать на те или иные ситуации либо предложения обыкновенный человек. К рассмотрению бюджета он подходил прежде всего с политической точки зрения и устанавливал, какие последствия будет иметь определенный образ действий. Он был убежден, что природа человека обязательно должна приниматься в расчет. Если не построить бюджет правильно политически, неправильной окажется и экономическая сторона» {14}. Маклеод также втолковывал, как важно иметь под рукой компетентных специалистов. «Пускай они полностью изложат свои аргументы — тогда удаляйтесь и принимайте решение», — внушал он ей. Тэтчер взяла на вооружение этот порядок, подобно тому как она с легкостью усвоила и другие уроки Маклеода по части тактики и искусства ведения дел в палате общин. В частности, она приобрела бесценный навык правильно рассчитывать время при голосовании трудных вопросов. «Координировать во времени постатейное обсуждение — это целое искусство, — поясняла Тэтчер {15}. — Сколько раз бывало: я подготовлю двадцатиминутную речь с освещением сложных финансовых хитросплетений, а Иэн в самый последний момент, когда я уже встаю, скажет: «У вас всего три минуты и ни секундой больше». Боже ты мой, как тут было не научиться выбирать самое главное и сразу переходить к делу».

С каждым днем работа в теневом казначействе нравилась ей все больше и больше. Пределом ее стремлений, решила она, будет управление финансами в качестве канцлера казначейства, как называют в Англии министра финансов, но в ту пору она сомневалась, что это станет возможным при ее жизни. «Партия тори никогда не допустит женщину на пост канцлера казначейства», — говорила она коллеге {16}.

Не пробыла она в казначействе и двух лет, как Хит опять назначил ее на новое место — в министерство топлива и энергетики. Назначение состоялось в удачное для нее время. Лейбористское правительство приступило к осуществлению широкой программы национализации крупных отраслей промышленности. Первой из-под контроля частного сектора намечалось вывести металлургию, затем наступала очередь электроэнергии и газа. Кроме того, на своем новом посту Тэтчер получила возможность вплотную заняться еще одним важным вопросом. Методами сейсмической разведки на дне Северного моря были обнаружены большие месторождения нефти и газа — месторождения, которые окажут огромное воздействие на британскую экономику в следующие два десятилетия. Она взялась за серьезное изучение обоих вопросов, но в октябре 1967 года Хит опять передвинул ее на новый пост. Мервин Пайк ушла в

отставку, и Питер Уокер, организатор выборной кампании Хита, порекомендовал, чтобы ее место в теневом кабинете, на передней скамье, заняла Тэтчер. Хит согласился и ввел ее в кабинет, назначив теневым министром энергетики. Через год она вступила в обязанности теневого министра транспорта, а в 1969 году была назначена министром образования. Хит, сам того не сознавая, сеял семена собственной гибели. Тэтчер накапливала опыт и становилась опасной.

На протяжении своих перемещений из министерства в министерство Тэтчер неизменно голосовала в палате общин вместе с представителями правого крыла своей партии. Она подавала голос против законопроектов, разрешающих аборты, и против любых попыток внести послабления в законы о преследовании извращенцев. В столь же непреклонном духе выступила она против резолюции о равноправии на конференции консервативной партии 1968 года. Занятая ею позиция привела в негодование активисток движения за права женщин, которые считали ее живым олицетворением всего того, за что они ратовали.

Однако Тэтчер отвергала всякую мысль о том, что пол может иметь какое-либо отношение к жизненным возможностям и успеху. Придерживаться такого мнения в Англии, считала она, было нелепо и тем более неуместно в мужской по существу консервативной партии. Если бы она подавала себя как женщину-парламентария, вместо того чтобы представать в ипостаси члена парламента, которому случилось родиться женщиной, то честолюбивым планам и надеждам Тэтчер почти наверняка не довелось бы осуществиться. Но в этом вопросе она не просто подыгрывала руководству тори. Отец обращался с ней не как с дочерью, а как с одаренным ребенком. «Ты делаешь успехи, потому что у тебя есть к этому способности», — внушал он ей. Поэтому успех, в понимании Тэтчер, никак не был связан с принадлежностью к тому или другому полу. Феминистки, на ее взгляд, хотели, чтобы им дали нечто такое, чего они не желают обрести упорным трудом. «Я абсолютно убеждена в том, что путем изменения законов ничего больше нельзя сделать для упразднения дискриминации, — заявила она на конференции консерваторов 1968 года. — По-моему, никакой такой особой дискриминации в отношении женщин не было уже много лет» {17}.

Во время той же конференции она прочла ежегодную лекцию в Консервативном политическом центре — прочесть лекцию обычно приглашали одну из самых ярких звезд партии тори. Она выбрала тему «Что случилось с политикой?» и несколько недель

трудилась над текстом. Лекция не получила широкого отклика в прессе, но Тэтчер изложила в ней основы своих политических взглядов. Через два десятка лет она по-прежнему верит во все, что тогда высказала, — это красноречиво говорит о ней как о политике с твердыми убеждениями и постоянным кредо.

«По-моему, большой ошибкой последних нескольких лет являлось стремление правительства взять на себя или законодательно отрегулировать почти все и вся, — сказала она, формулируя первый принцип будущего «тэтчеризма». — Теперь нам нужны гораздо большая степень личной ответственности и самостоятельности решений, гораздо большая независимость от правительства и сокращение — сравнительно с нынешней — роли правительства». Чрезмерная опора на правительство сдерживает личную инициативу — таков был второй тезис «тэтчеризма». Консерваторы добивались снижения налогов по причине своего «искреннего убеждения в том, что вмешательство и контроль правительства приводят к умалению роли и значения человеческой личности, ослабляют желательность того, чтобы человек прежде всего сам заботился о своем будущем» {18}.

Выступив против политики, проводимой Гарольдом Вильсоном в области доходов и заработной платы, она выразила свою уверенность в том, что правительство не имеет ни малейшего права решать, какие виды зарплаты должны повышаться, а какие оставаться неизменными. «Нет ничего зазорного в том, что люди желают увеличить свои доходы, — утверждала она. — Когда мужчины и женщины стремятся повысить жизненный уровень своих семей и дать своим детям больше возможностей в жизни, чем имели они сами, они, надо полагать, преследуют достойную цель. Хорошо бы, чтобы к этому стремилось больше людей. Тогда оставалось бы меньше таких, что твердят: "Об этом должно позаботиться государство"».

Тэтчер понимала, что ее обвинят в приверженности доктрине алчного корыстолюбия, — обвинение это станет преследовать ее, как преследовало оно едва ли не всех политических сторонников свободы предпринимательства, включая Рональда Рейгана и Джорджа Буша. Она отметала подобную критику. «Дело в том, что даже добрый самаритянин должен был иметь деньги, чтобы помочь ближнему, — иначе ему тоже пришлось бы пройти мимо» {19}. Она защищала рынок как естественный форум для конкуренции и с энтузиазмом объявила себя сторонницей монетаризма, выступив за то, чтобы правительство контролировало не величину доходов, а количество денег в обращении. Монетаристские воззрения она переняла у Алфа Робертса, но Дэнис способствовал их упрочению. По вечерам он

частенько рассказывал ей о борьбе компаний за долю на рынке и о вреде, причиняемом чрезмерным вмешательством со стороны государства. Тэтчер была убеждена, что ее монетаристский подход абсолютно разумен, но проповедовать его в 60-е годы было все равно что проповедовать революцию, становиться в полную оппозицию к послевоенной правительственной политике как социалистической лейбористской, так и патерналистской консервативной партии. Целое десятилетие пройдет, прежде чем она сможет всерьез штурмовать социалистические твердыни; для этого прежде всего надо было, чтобы консерваторы вернулись к власти.

Шансы на это улучшались. К 1967 году Вильсон, заявивший некогда, что «в политике неделя — это долгий срок», попал в трудное положение. Из-за растущих государственных расходов и вялой торговли, этих двух зол послевоенного периода, экономическая ситуация продолжала ухудшаться. Вильсон пытался сократить расходы и заморозить на полгода заработную плату и цены — именно этого он обещал избирателям не делать. На него напустились со всех сторон: тори критиковали его, потому что его позиция выглядела уязвимой для критики, а левые из его собственной партии — потому что не могли простить ему замораживания заработной платы. Вильсон предостерегал левых, чтобы они не слишком увлекались в своем бунте: «Если собака укусит один раз, ее простят, если же она кусает снова и снова, к ней отнесутся по-другому» {20}. Гигантский профцентр Британский конгресс тред-юнионов английский эквивалент американского профсоюзного объединения АФТ — КПП и крупнейший совокупный избиратель, голосующий за лейбористскую партию, — присоединился к нападкам на свое правительство.

Вильсон в ответ разработал антипрофсоюзный законопроект, что почиталось поступком предосудительным, если не прямо предательским, для члена партии, созданной как политическое оружие профсоюзного движения. Левые лейбористы объявили, что будут голосовать против. Они не стремились свалить правительство, но хотели запротоколировать свое недовольство. В разгар открытой борьбы в собственном правительстве униженный Вильсон пошел на попятную и снял свои предложения. Эта битва послужила предзнаменованием титанических схваток с профсоюзами, лидеры которых считались самыми могущественными людьми в стране.

В 1968 и 1969 году Вильсон удерживался у власти, преодолевая трудности и борясь с забастовками и последствиями девальвации фунта стерлингов. Одним из последствий

«отощания» фунта стал вывод на родину британских войск из районов «к востоку от Суэца» Англии стало не по средствам содержать войска за морем. К 1970 году подешевевший фунт стимулировал рост английской торговли, и, по данным опросов общественного мнения, лейбористам удалось сократить свое отставание от тори с 19 до 4 процентов. Вдохновленный кажущимся улучшением экономического климата и возобновившейся поддержкой со стороны его партии, после того как он повысил заработную плату государственным служащим, Вильсон почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы назначить выборы, уже свои третьи выборы, на июнь 1970 года.

Выборы прошли в духе старой басни о зайце и черепахе. Вильсон, самоуверенный заяц, вырвался вперед и, решив, что обеспечил себе прочное лидерство, свернул свою избирательную кампанию. Хит был весьма невыигрышной фигурой для предвыборной борьбы. Он не обладал лукавым обаянием Вильсона. Человек, державшийся холодно и отчужденно даже со своими коллегами, он производил впечатление еще большей холодности и отчужденности на избирателей. Он казался каким-то ненастоящим. Вызывала недоумение сексуальная сторона его личности. Британцы спрашивали себя: не «голубой» ли он, ведет ли он вообще какую-то сексуальную жизнь? Похоже, в обоих случаях ответом было «нет». Консультанты по проведению кампании, стремясь смягчить имидж Хита, подавали его как меломана — ценителя классической музыки, подчеркивали его любовь к морю. Хита, интересовавшегося парусным спортом, но особых способностей в нем не проявившего, изображали этаким суровым морским волком, настоящим мужчиной.

Исход выборов оставался сомнительным до самого последнего момента, когда выяснилось, что большинство англичан озабочено не столько личностью своего будущего лидера, сколько экономическим положением страны и влиянием профсоюзов. Хит победил Вильсона, набрав 46 процентов голосов против 43, и въехал, вместе с роялем, в дом на Даунинг-стрит. А в палате общин, находившейся в двух кварталах от его резиденции, новоиспеченный премьер-министр получил приличное, хотя и не абсолютно надежное большинство в тридцать мест. Тэтчер из оратора оппозиции по вопросам образования превратилась в министра образования. Она стала не просто членом правительства, но и вошла в кабинет министров. Но что самое лучшее, после одиннадцати лет в парламенте у нее наконец-то был собственный кабинет — просторное угловое помещение на Керзон-стрит неподалеку от живописной площади Баркли в самом центре фешенебельного района Мейфэр. Был у нее теперь и

автомобиль с шофером, в котором она разъезжала туда и сюда по делам службы. Но вместо того, чтобы облегчить Тэтчер работу, все эти организационные удобства вдохновили ее на еще более упорный и напряженный труд.

«В течение первых десяти минут по прибытии она продемонстрировала нам две вещи: во-первых, свою инстинктивную недоверчивость по отношению к государственной гражданской службе, вполне возможно, даже подозрительность, а во-вторых, листок из тетради с перечислением восемнадцати дел, которые она хотела видеть сделанными в тот же день», — рассказывал сэр Уильям Пайл, постоянный заместитель министра образования и, следовательно, ее главный гражданский служащий. «Надо сказать, что ничем подобным ее предшественники нас не озадачивали. Потом-то мы поймем, что это было только начало постижения характера, к которому нам предстояло привыкать и который нам был в новинку» {21}.

Тэтчер возглавила министерство образования в неспокойную пору перемен для учащихся и учителей. В США развернулось студенческое движение протеста, направленное на прекращение войны во Вьетнаме и достигшее кульминации в захвате студентами Колумбийского университета в Нью-Йорке. Во Франции сотни тысяч учащихся вышли в 1968 году на улицы, требуя революционных общественных преобразований. В Китае шла культурная революция, по ходу которой миллионы школьников и студентов были оторваны от учебы и вовлечены в уличные события. В Англии, где на школьный конвейер поступило многочисленное поколение детей, рожденных в период подъема рождаемости, кипели яростные споры по таким вопросам, как снижающееся качество образования, будущность системы просвещения и взаимосвязь между обучением и сохранением классового строя. Интерес общественности нашел отражение в резком увеличении расходов на образование. В 1954 году Англия расходовала на образование 3,2 процента своего валового национального продукта. К 1970 году доля расходов на образование удвоилась и составила 6,5 процента. Впервые страна тратила больше денег на школы, чем на оборону {22}.

В центре споров находилась школьная реформа, предусматривавшая преобразование традиционной системы грамматических и средних школ плюс платных «публичных» (что на самом деле означает «частных») школ в сеть более крупных единых средних школ. Ее общая цель состояла в том, чтобы содействовать разрушению классовых барьеров, укрепляемых школьной системой с ее сегрегацией учащихся по признаку пола, по способностям и по классовой принадлежности, барьеров,

наличие которых, по мнению многих, усугубляло развал страны. Школьников, начиная с отроческого возраста, из поколения в поколение обучали в раздельных, мужских и женских, школах. Когда каждый из восьми миллионов учеников государственных школ достигал одиннадцатилетнего возраста, он должен был держать экзамены «элевен-плас» (для одиннадцатилетних и старше), по результатам которых определялся тип средней школы, где ему было суждено учиться дальше. Сплошь и рядом эти экзамены оказывались роковыми для бесчисленных детей с поздним развитием. Лучшие — 20 процентов, показавшие наивысшие результаты, — продолжали образование в классических «грамматических школах». Менее развитые 80 процентов шли учиться в «средние современные школы». Школы были разные, но далеко не равноценные. Да и вся сущность элитарного образования сводилась к сегрегации по способностям, а косвенно — по классовой принадлежности. Лучшие ученики получали великолепное образование, но менее образованным школа давала мало.

Единые средние школы были созданы в конце 50-х — начале 60-х годов политиками и должностными лицами системы образования, решившими сделать эту систему более справедливой. На ее изменении настаивали родители, которые убеждались в том, что дети, не отличившиеся на экзаменах «элевен-плас», лишались всякой возможности получить высшее образование. В единых средних школах преподавались самые разнообразные предметы, начиная от плотничьего дела и кончая латынью, — это имело целью постараться стереть различие между ремесленной школой и школой, готовящей учеников к поступлению в университет. Гарольд Вильсон обещал отменить экзамены для одиннадцатилетних и реорганизовать среднее образование по единому плану. Но его реформа была слишком уж внезапной и плохо подготовленной; во многих случаях она оказалась катастрофически неудачным экспериментом. Единые средние школы были «государственными», но управлялись местными властями, которые создавали такое же большое неравенство в уровнях образования, как и в традиционных грамматических школах. Вдобавок ко всему многие из впервые созданных единых школ были слишком велики, а классы в них — чрезмерно многолюдны и трудноуправляемы. Армия учителей, этих новых социальных инженеров, разрасталась. Кое-кто из них не обладал достаточной квалификацией, но в середине 60-х годов, на фоне возраставшей силы профсоюзов. Национальный союз учителей имел возможность помешать их увольнению. Единство прежней школьной системы было поколеблено, а новая

система оказалась неэффективной.

В первый же день, как она стала министром, Тэтчер сдала на слом лейбористскую политику превращения всех школ в единые средние, зачастую против их желания. Ее распоряжение об этом значилось первым в числе восемнадцати пунктов рукописного перечня дел, который она вручила Пайлу. К концу дня на ее стол лег проект приказа об отмене. «Она сказала «подготовить сегодня же», и проект лег к ней на стол, — поведал Пайл. — Мы выработали его без лишних споров». Она исходила из того, что должно все-таки оставаться место и для доступных немногим школ с преподаванием высшего качества. «Порой мне кажется, что кое-кого из крайних приверженцев равенства порадовало бы, если бы все дети учились в плохих школах, лишь бы они были одинаково плохи», — сказала она. Кроме того, никто ведь не настаивает, чтобы все жили в одинаковых домах, «так зачем же запрещать родителям покупать своим детям разное образование?».

Ей была ненавистна сама величина единых средних школ, которые раз в десять превосходили размерами традиционную школу. Она всегда питала неприязнь ко всему большому: к большим бюрократическим аппаратам, большим зданиям, большим свитам. «Величина сама по себе внушала ей опаску, потому что большие организации живут своей собственной жизнью, — пояснял Пайл {23}. — В сущности, она не могла контролировать их с такой же легкостью, как малые организации». Помимо всего прочего, она считала, что многие из предметов, преподаваемых в единых средних школах, совершенно не нужны. Держаться основных дисциплин и преподавать их хорошо — таков был ее девиз. Но ее нелюбовь к единым средним школам имела и еще одну, более личную причину. Сама будучи детищем системы грамматических школ, она ценила ее, в частности, за внимание, которое уделялось учащимся в маленьких классах. Поэтому она не собиралась сложа руки наблюдать за тем, как ликвидируется система, которая открыла перед ней путь наверх.

Там, где школьная администрация, родители и члены местных советов стояли за единые средние школы, она соглашалась и не шла против течения. Какой бы противницей этих школ ни была она в принципе, она утвердила 95 процентов из поданных ей 2765 просьб о переходе к таким школам. Но если против перехода возражали родители, к их пожеланиям она прислушивалась в первую очередь. И такие ее решения привлекали больше внимания. Ее обвиняли в элитаризме, называли замшелой реакционеркой и ретроградкой,

вознамерившейся не допустить бедняков в хорошие школы. Когда она принялась защищать свою линию, выступая перед членами крайне политизированного Национального союза учителей, сотни слушателей в знак протеста покинули зал. Это ее не обескуражило. Она никогда не скрывала своей антипатии к профсоюзам. Ведь профсоюзы, по твердому ее убеждению, подавляют человеческую личность. На возрастающие гневные протесты общественности она реагировала так, как всегда реагировала на превратности судьбы: упрямо наклоняла голову и продолжала гнуть свое.

Спор вокруг единых средних школ, выплеснувшийся на страницы газет и журналов, в конце концов отошел на задний план, после того как Тэтчер вновь поставила себя под удар критики и дала повод для новой перепалки. Хит пришел к власти, пообещав избирателям сократить государственные расходы, и запланировал урезать свой первый бюджет на 700 миллионов долларов. И Тэтчер ничего не оставалось, как соответственно сокращать расходы министерства образования. Она отклонила несколько предложений о сокращении бюджетных расходов, и в частности предложение о введении платы за пользование библиотеками Ее отец считал публичную библиотеку своим университетом. Помешать кому либо пользоваться библиотекой, как и он, бесплатно она не желала, но от каких-то расходов необходимо было отказаться. Тэтчер решила сэкономить 19 миллионов долларов, отменив программу бесплатного питания молоком учеников начальных школ в возрасте от семи до одиннадцати лет. Поскольку для детей малоимущих родителей делалось исключение, то у Тэтчер было разумное объяснение этой акции:

«Я исходила из того, что большинство родителей способно заплатить за молоко для своих детей и что задача государства состоит в предоставлении таких вещей, за которые они заплатить не могут, — скажем, новых начальных школ». Лейбористское правительство Вильсона, указывала она, отменило бесплатное питание молоком учащихся средних школ, что почти не встретило противодействия. «Важно было защитить само образование — как раз это мы и сделали», — заявила она.

Объяснение мало ей помогло. Общественность пришла в негодование. Противники этой меры утверждали, что она приведет к троекратному увеличению количества детей с недостатком кальция, и начали обдумывать способы обойти ее. После того как некоторые администраторы объявили о своем намерении оплачивать покупку молока за счет налогов на недвижимость, правительство поспешно приняло закон о

недопустимости таких шагов. Мертир-Тидвил, шахтерский город в Уэльсе, продолжал раздачу бесплатного молока всем учащимся, ссылаясь на то, что горожане и без того слишком хорошо знакомы с недоеданием и рахитом. Бунт утих после того, как правительство, проявив несговорчивость, заявило, что по счету за молоко в размере 5000 долларов за каждый учебный триместр придется платить из своего кармана самим членам городского совета.

По всей Англии на улицы вышли демонстранты, они выкрикивали: «Тэтчер — милк снэтчер!» В парламенте и в печати ее клеймили как мать, отнимающую молоко у младенцев. Тот факт, что эту политическую меру осуществляла женщина, как видно, еще больше разжигал страсти. Тэтчер не давали говорить на общественных собраниях, заглушая ее слова громкими криками. В одной школе учащиеся отказались принять из ее рук награды. В Ливерпуле слушатели забросали ее строительным мусором, заставив сойти с трибуны. Она укрылась в доме одного парламентария-ливерпульца. Жена парламентария спросила, как прошло ее выступление.

— Очень неспокойно, — ответила Тэтчер, оттягивая блузку; пониже ключицы, куда ей угодил камень, прямо на глазах вспухал огромный синяк. Пораженная жена парламентария ахнула.

— Больно было?

— Безумно больно, — подтвердила Тэтчер.

— И что же вы сделали? — ужасаясь, спросила хозяйка дома.

— Продолжала говорить. Что же мне оставалось делать?

Когда женщина предложила вызвать врача, Тэтчер отказалась.

— У меня встречи еще в двух местах, — сказала она. — Угостите-ка меня лучше чашечкой горячего крепкого чая {24}.

Молоко не было единственным пунктом в программе Тэтчер. Она, кроме того, повысила плату за школьные завтраки, не менявшуюся годами, и отклонила предложение о реконструировании школ в районах трущоб, утверждая, что лучше потратить деньги на новые школы. Субсидия в размере 5 миллионов долларов, предоставляемая частным школам для того, чтобы они могли уменьшить плату за обучение, еще больше разъярила критиков Тэтчер, число которых быстро росло. Теперь, когда она вставала, чтобы обратиться с речью к парламенту, лейбористы-заднескамеечники начинали вполголоса скандировать: «Прочь, сукина дочь».

Левые, сделав Тэтчер главной мишенью своих нападок, изображали ее расчетливой ограниченной мещанкой, амбициозной, жестокой и бессердечной, которая с ее

консервативными шляпками и нитками жемчуга способна разве что украшать собой приемы в саду. Тэтчер обзывали чадоненавистницей и публично упрекали ее в палате общин в том, что она родила обоих детей сразу ради удобства собственной карьеры. Близнецов дразнили в школе. Доставалось ей не только от левых. Газета «Санди экспресс», известная своим стойко проконсервативным направлением, назвала ее «Женщиной, которую никто не любит». Крупнейшая английская ежедневная газета «Сан» в статье, броско озаглавленной «Самая непопулярная женщина в Англии», писала: «В пору, когда правительство Хита отчаянно старается найти для себя имидж, который говорил бы о сочувствии и заботе, миссис Тэтчер стремительно становится помехой этому».

Не пользовалась она популярностью и внутри кабинета. Возглавляя второстепенное министерство, она так или иначе не входила в узкий правящий круг, но ее периферийным положением в кабинете не объяснить ту степень антипатии, которую она внушала. Министр внутренних дел Реджиналд Модлинг терпеть не мог Тэтчер и неоднократно называл ее за глаза «этой чертовой бабой». Мало того, что она не принадлежала к их тесному мужскому кругу, она — в этом он был убежден наряду с многими другими — чинила их дружеской компании неприятности. Их ужасала ее прямолинейная целеустремленность и тревожила политическая цена, которую партия будет вынуждена платить за все это. На заседаниях кабинета, где присутствовали и некоторые ее критики, Тэтчер больше помалкивала. Когда же она подавала голос, ее коллеги-мужчины нередко слышали малоприятные для себя вещи. Однажды, когда Хит проводил короткое совещание кабинета у себя на Даунинг-стрит, 10 по вопросу о назначении нового директора Би-би-си, Джеффри Хау предложил одного кандидата на этот пост.

— Слишком уж он высокого мнения о себе, — заметил, отклоняя кандидатуру, Хит.

— Но помилуйте, премьер-министр, это можно сказать о большинстве мужчин! — вставила свое слово Тэтчер. Мужчины переглянулись и хихикнули {25}.

Женщины чувствовали себя с Тэтчер столь же неуютно. Они не представляли для нее интереса, если не обладали властью, а обладающих властью среди них не было. Многие министерские жены, чаще всего принадлежавшие к верхам общества, жили в загородных особняках и были воспитаны в привилегированных школах. Они не имели ничего общего с этой одержимой Тэтчер и питали к ней только враждебность. На одном званом обеде на Даунинг-стрит во время паузы в разговоре именитый гость громко

спросил, «есть ли хоть капля правды в слухе, будто миссис Тэтчер — женщина?». Тэтчер, сидевшая почти рядом, услыхала эту саркастическую реплику, но сделала вид, что ничего не слышала. Некоторые из бывших там министров не могли решить, то ли им переживать за коллегу, то ли рассмеяться. Кое-кто сделал то и другое {26}.

Несмотря на то что с Хитом у нее были сугубо официальные отношения, премьер-министр, надо отдать ему должное, противился многочисленным предложениям избавиться от нее. Чем более настойчиво советовали ему «уйти» ее, тем более твердой становилась решимость Хита сохранить Тэтчер, чьих способностей он не мог не заметить.

У себя в министерстве образования она никогда не показывала, что ее задевает вздымающаяся волна критики. «Это ее ранило, но она скрывала боль и никогда не выдавала себя на людях», — свидетельствовал Пейл. Другое дело дома. Она возвращалась по вечерам бледная и измотанная. За стаканом виски с Дэнисом она говорила, как на нее давят. Особенно расстраивало ее, что терпеть обиды приходится Марку и Кэрол. Иногда она не выдерживала и плакала. «Критики злорадствовали, — вспоминала она впоследствии. — Нужно заковать себя в броню, чтобы выдержать такое».

В канун Рождества 1970 года, перед полуночью, она сидела с Дэнисом возле украшенной елки. Под елкой лежали подарки близнецам — строго поровну. Для нее это был самый тяжелый период худшего полугодия за всю ее жизнь. В этом году умер Алф, чуть-чуть не дожив до того дня, когда она вошла в правительство, и ей ужасно его недоставало. Дэнис утешал жену.

— Почему бы тебе не послать все к черту? — спросил он. — Ты же не обязана терпеть все это. Плюнь, уйди.

Тэтчер подняла голову. По щекам ее катились слезы.

— И не подумаю, — ответила она. — Меня никогда не заставят поступать против моего желания {27}.

Случай с молоком закалил ее, сделал толстокожей. Теперь у нее был прочный защитный панцирь, который еще не раз ей пригодится. Годы спустя она признается, что неправильно действовала в той ситуации. Она забыла золотое правило Иэна Маклеода: разрабатывать прежде всего политическую сторону каждого мероприятия. Отмена субсидии на молоко была разумной и своевременной мерой, считает она, но ей, вероятно, следовало осуществить ее поэтапно. Впрочем, история эта стала для нее переломным моментом. «Великий молочный бунт послужил ей отличным наглядным уроком в том, что касается соразмерности политического решения, — прокомментировал

один министр кабинета, много лет служивший и вместе с ней и под ее началом {28}. — Она на собственном горьком опыте познала важную истину: прежде чем начинать политическую битву, нужно сперва удостовериться, что это и впрямь великая битва, а не то поискать способы действовать в обход. Молочная битва не заслуживала фронтального наступления, но зато научила ее важности фланговых маневров».

Спор о молоке немало поспособствовал тому, что в сознании общественности утвердилось в корне неверное представление о Тэтчер как о министре, лишь сокращавшем бюджет. Как раз наоборот. В годы своего руководства министерством образования она превзошла своих предшественников по части крупных затрат. Впоследствии ее более проницательные критики станут указывать на это ироническое несоответствие как на доказательство ее хладнокровного практицизма. Мол, сокращения она проводила по приказу, но, как всякий честолюбивый политик, очень скоро поняла, что, уменьшая свой департамент, внимания к себе не привлечешь. Ибо внимание привлекает рост. Когда она возглавила министерство, расходы на образование были высоки, как никогда. Несмотря на экономию на молоке, она подняла уровень расходов еще выше. Около 350 миллионов долларов пошли на перестройку и замену 460 начальных школ, из которых многие были построены еще в викторианские времена. Она боролась за дополнительное ассигнование 525 миллионов долларов на трехлетнюю программу усовершенствования технических и ремесленных школ и увеличения числа детских садов, особенно в отдаленных районах. Она добивалась денег на повышение минимального возраста выпускника средней школы с пятнадцати до шестнадцати лет. Еще одна развернутая ею кампания обеспечила сбор средств на «Университет для всех», организующий курс лекций по радио и телевидению и обеспечивающий заочное обучение тысячам англичан с выдачей соответствующего диплома.

Простое, ясное, открытое образование — вроде того обучения, которое получила она сама, — являлось ее целью. Однажды во время посещения ею начальной школы директор прокрутил на экране лакировочный фильм: дети на занятиях в классе, дети играют, школьные удобства и оборудование. Закончив демонстрацию, он с лучезарной улыбкой попросил задавать вопросы. У Тэтчер был один вопрос: «Все это интересно, но как вы устанавливаете в конце недели, какие успехи сделал каждый из учеников?» Директор побледнел.

На протяжении трех с половиной лет пребывания в должности министра образования (единственный пост, который

она когда-либо занимала в кабинете министров) ее стиль и темп работы оставались неизменными: полное напряжение сил, никаких поблажек себе. Сэр Алек Дуглас-Хьюм, бывший в ту пору министром иностранных дел в правительстве Хита, в один прекрасный день, придя с работы, сказал жене: «Знаешь, она умна как все мы, вместе взятые, так что нам бы лучше глядеть в оба».

Тэтчер всячески старалась совмещать служебные обязанности с семейными. Как-то раз у нее в министерстве, во время совещания, посвященного подготовке предложения о сокращении бюджета на целых 50 миллионов долларов, которое на следующий день выносилось на рассмотрение кабинета министров, она заметила, что за окном темнеет.

— Сколько сейчас времени? — спросила она.

— Без десяти пять, — ответили ей.

— О, мне надо сбегать за ветчиной. — Отвечая на недоуменные вопросы участников совещания, Тэтчер объяснила, что она должна купить ветчины на завтрак Дэнису.

— Что, если отправить за ветчиной кого-нибудь из секретарей? — заботливым тоном предложил ее помощник, нервно перелистывая бюджетную документацию.

— Нет, нет, они не знают, какую ветчину он любит, — возразила она, отодвигая стул, надевая пальто и вылетая из комнаты. Через четверть часа она вернулась с покупкой.

— Итак, на чем мы остановились? — спросила она у ошарашенных гражданских служащих, прежде чем на долгие часы погрузиться с ними в изучение колонок цифр {29}.

Для Хита, обосновавшегося в особняке на Даунинг-стрит, срок правления начался весьма удачно. Еще раньше ему в значительной мере удалось обновить имидж консервативной партии. Сам он сделал политическую карьеру явно не как богатый собственник, а как человек, выдвинувшийся благодаря своим способностям и склонный к патернализму, столь характерному для умеренных консерваторов. После проигрыша Вильсону в 1966 году он несколько поправел. Тот Хит, что встал у кормила власти в 1970 году, был консерватором новой формации Как это ни странно в свете позднейшего их разрыва, Хит был логическим предтечей Тэтчер. Его лозунг «Стоять на собственных ногах!» вполне мог бы служить девизом и самой Мэгги.

Умелый администратор, Хит сумел провести Англию в Общий рынок, чего не удалось сделать Макмиллану. Однако на третьем году его правления, после того как высоко взлетевшие цены ОПЕК на нефть сорвали его жесткие планы сокращения расходов, экономика пошла вразнос. Начала раскручиваться инфляционная спираль; выйдя из-под контроля, инфляция

возросла с 5 до 16 и более процентов. В 1973 году торговый дефицит страны подскочил до 5,3 миллиарда долларов.

Хит пришел к власти, пообещав провести денационализацию основных отраслей промышленности, национализированных лейбористами, и никогда не вводить контроль над величиной зарплаты и ценами. Но в 1972 году вновь заявили о себе его инстинкты умеренного. Встревоженный растущей безработицей, Хит совершил беспринципный крутой поворот обратно к политике регулирования доходов и удержания на плаву слабых фирм с помощью массированного вливания капитала. Правые консерваторы сочли это возвращение к государственному контролю над рынком и промышленностью прямой изменой.

В ту пору Тэтчер не присоединилась к тем, кто критиковал Хита за перемену позиции на диаметрально противоположную. У себя в министерстве образования она расходовала деньги с максимально доступной ей быстротой. Никто из ее коллег по кабинету не припомнит, чтобы она выражала какое-либо несогласие с произведенным Хитом поворотом на 180 градусов. А ведь впоследствии это отступление Хита станут называть судьбоносным поворотным пунктом, главной точкой опоры, которая позволила Тэтчер начать свою революцию. Однако в тот момент она не рвалась на баррикады. Она продолжала работать как ни в чем не бывало.

Неурядицы множились. Нарастала стачечная волна. Забастовали машиностроители; закрывались заводы, электростанции, доки, газеты. Благотворительные общества выпускали брошюрки для престарелых с советами, что делать, чтобы не замерзнуть в неотапливаемых квартирах. Когда следом за машиностроителями забастовали шахтеры, требуя повышения зарплаты на 31 процент, это вызвало лавину забастовок. Правительство объявило чрезвычайное положение и ввело в действие программу «Выключите что-нибудь!». Потухли электрические вывески, и центры городов погрузились во тьму. После того как машинисты поездов объявили запрет на сверхурочную работу и работу в воскресные дни, Хит перевел страну на трехдневную рабочую неделю. Полмиллиона рабочих было уволено перед самым Рождеством. К концу января в Англии насчитывалось 2,2 миллиона безработных — больше, чем когда-либо со времен кризиса 1929-го—1930-х годов.

Лейбористская партия обратилась к арбитражу, который разрешил бы зашедший в тупик спор между правительством и профсоюзами. Но Хит не уступал ни на йоту. После того как переговоры прервались, он понял, что ему нужен новый мандат от избирателей, и назначил выборы на февраль 1974 года. Хит

рассматривал эти выборы как прямой референдум по вопросу о власти профсоюзов. Правительство выдвинуло лозунг «Кто правит страной?». Ответом было «Только не Хит». Упорная борьба на выборах окончилась вничью: ни одна из главных партий не набрала абсолютного большинства. Хит попытался было сколотить коалиционное правительство вместе с лидером либеральной партии Джереми Торпом, но потерпел неудачу и вскоре подал в отставку.

Вильсон вновь занял пост премьер-министра, сделал более щедрое предложение о повышении зарплаты, приемлемое для бастующих членов профсоюзов, и восстановил полную рабочую неделю. Примечательно, что первопричина трудностей так и не была устранена — только прикрыта. До поры до времени. Тэтчер вернулась на скамьи «лояльной оппозиции Ее Величества», лишившись кабинета, персонала сотрудников, личного шофера и министерского портфеля. Впрочем, в результате перестановки, последовавшей после выборов, она получила пост министра по вопросам охраны окружающей среды в теневом кабинете. Так ее колчан пополнила еще одна стрела.

Глава шестая
ПЕРЕВОРОТ

Гарольд Вильсон снова был премьер-министром, но как глава первого за последние сорок с лишним лет правительства меньшинства в Англии он почти не мог править. Лейбористы имели в палате общин крохотный перевес над консерваторами в четыре места, но получили в общенациональном масштабе меньше голосов, чем консерваторы. Выборы создали тупиковую ситуацию. В июне и июле тори двадцать девять раз объединяли силы с либералами, чтобы провалить законопроекты о профсоюзах, внесенные лейбористами. К сентябрю Вильсон совершенно отчаялся и попросил королеву распустить парламент, просуществовавший семь месяцев, — самый недолговечный в двадцатом столетии.

Как уверял Вильсон, он получил в наследство от Хита страну в состоянии хаоса — неосвещенные улицы, массовое прекращение работы — и добился ее возвращения к нормальной жизни. В чем-то это и впрямь было так: некоторого прогресса Вильсон достиг. Он пошел на соглашение об изменении уровня зарплаты, удовлетворив требования профсоюзов в достаточной мере, чтобы положить конец разорявшим страну забастовкам, что обошлось казне в 300 миллионов долларов. Однако консерваторы утверждали — и небезосновательно, — что расточительные траты лейбористов явились лишь временным решением, которое подготовило почву для возникновения куда более трудных экономических проблем.

Вторые в 1974 году выборы состоялись 10 октября и дали лейбористской партии преимущество над консерваторами в сорок три места. С учетом мест, полученных партиями поменьше, лейбористы имели теперь абсолютное большинство в три места. За консерваторов было подано 35,8 процента голосов — меньше, чем когда бы то ни было. Всюду, кроме богатых графств юга Англии, традиционного оплота тори, количество голосовавших за партию консерваторов резко снизилось. Тори потеряли голоса в центральных графствах и на севере, в Шотландии и Уэльсе. Результаты выборов подтвердили необходимость коренной реорганизации партии, ну а непосредственные последствия не заставили себя ждать.

Похоже было, что после девятилетнего пребывания во главе партии Теду Хиту придется покинуть пост партийного лидера. Он

потерпел поражение на двух выборах подряд, а всего — на трех выборах из четырех, что едва ли служило рекомендацией для продолжения карьеры лидера. Но неспособность привлечь избирателей была не единственной его проблемой. Он наделал ошибок и внутри партии. Одну из них он совершил в последние дни избирательной кампании, когда заявил, не согласовав своего заявления с другими старейшинами партии, о своем намерении, если его изберут, сформировать «правительство национального единства», в котором приняли бы участие и неконсерваторы. Его соратники-тори в восторг от этого не пришли, и, попав в трудное положение, он не мог рассчитывать на широкую поддержку. «Даже в лучшие времена он был, мягко выражаясь, не подарок», — заметил один из его ближайших сотрудников по кабинету {1}.

Хита уважали, но никогда не любили. Он и при благоприятных-то обстоятельствах не вызывал у людей чувства личной преданности к себе. Он не смог — да и не пытался — сменить свой имидж этакого уверенного в собственной правоте школьного директора, который автократически правит партией, почти ни с кем не советуясь. Консерваторов-заднескамеечников в палате общин это раздражало. Многие из них считали, что их таланты остаются невостребованными, их опыт и знания игнорируются. Хит сплошь и рядом высокомерно третировал их; впрочем, он нередко бывал оскорбительно надменен и с коллегами-переднескамеечниками. Хит не имел обыкновения награждать людей за верную службу орденами и почестями вроде дворянского звания, на что верные сторонники обычно рассчитывают. У него почти не было поддержки в правом крыле партии, которое так и не могло простить ему поворота 1972 года. Теперь, когда консерваторам предстояло еще пять лет оставаться не у дел, Хиту не на что было надеяться. Вокруг него уже кружились акулы.

У консерваторов сложилась традиция скорой расправы над проигравшими, и в партии возобладало мнение, что Хита пора менять. Однако ее высшее руководство, тесная компания ветеранов-центристов, не находило другой подходящей кандидатуры даже в собственном кругу. Несколько высокопоставленных тори посоветовали Хиту подать в отставку, с тем чтобы его переизбрала потом парламентская фракция партии. Они исходили из того, что обновленный мандат мог бы понадобиться ему, чтобы противостоять усиливающимся нападкам со стороны партийных низов и заднескамеечников. В случае неудачи этого плана предполагалось, что те, кто делал ставку на него, поддержат Уильяма Уайтлоу, популярного

центриста. Самое важное, как подчеркивали все, было действовать быстро, пока не возник серьезный идеологический кризис.

Хит, гордый и упрямый, подавать в отставку отказался. Через месяц после выборов он поставил в известность «Комитет 1922», организацию заднескамеечников, что отнюдь не собирается уходить со своего поста, а, напротив, намерен баллотироваться вновь. Он был убежден, что на двух последних выборах он стоял на правильных позициях и предлагал верную политику. Как только уляжется послевыборная истерия, полагал он, это поймут и все остальные члены партии, В сущности, его анализ ситуации был не так уж далек от истины. Большинство умеренных консерваторов, противников всякого риска, в начале 70-х годов не только было согласно с совершенным им поворотом и с подразумеваемым этим поворотом стремлением к консенсусу, но и считало его политику в вопросе заработной платы и цен справедливой.

Маргарет Тэтчер не принадлежала к их числу. Но в отличие от таких радикалов в стане консерваторов, как Инок Пауэлл, Николас Ридли и Джон Биффен, она не высказывала своего мнения. Никто из ее коллег по кабинету не припомнит, чтобы она выражала беспокойство, пускай лишь в личном разговоре, хотя сама она утверждает, что была глубоко встревожена. Ее молчание, надо полагать, являлось проявлением политики практической целесообразности, еще одним примером ее прагматизма и усердной заботы о прикрытии своих флангов. Ведь как руководитель второстепенного министерства, не входящий во «внутренний кабинет», где вершатся важнейшие дела, Тэтчер мало чего достигла бы, попытайся она выступить против своего лидера в 1972 году. Она бы только навредила себе и погубила свои будущие шансы. Тэтчер голосовала за Хита как лидера партии. Она восхищалась его твердостью и, как правило, его политическим курсом, но ее глубоко разочаровали его поступки. Когда он отказался сделать то, что, по ее мнению, было единственно правильным, — уйти в отставку, Тэтчер почувствовала себя оскорбленной {2}.

Но в данный момент не было бесспорного кандидата, готового бросить вызов Хиту. Уайтлоу и не собирался вступать в соперничество с лидером, он был слишком лоялен для этого; кроме того, он считал, что после того, как партия сплотится, Хит сумеет победить еще раз. Но правые не были расположены терпеть Хита ни минутой дольше. Они прилагали отчаянные старания, чтобы найти хоть какого-нибудь конкурента Хиту, и наконец решили, что наилучшая кандидатура — это Кит Джозеф,

бывший министр социального обслуживания.

Джозеф, изящный и впечатлительный интеллектуал, больше напоминает оксфордского профессора, чем крутого политика. Но он страстно привержен идейной борьбе и как экономический мыслитель тверд в своих убеждениях. Перед выборами он критиковал Хита за деление первоочередного внимания полной занятости ценой отказа от борьбы с растущей инфляцией. Джозеф оставался при убеждении, что у Англии нет более серьезной проблемы, чем инфляция. С ней просто необходимо было справиться. В речи, произнесенной в Престоне, Джозеф изложил суть своих расхождений с Хитом и тем самым заявил о себе как о потенциальном лидере. Однако чуть ли не каждому, в том числе и ему, было ясно, что он — неподходящая фигура для должности лидера партии. Его стиль отличался излишним педантизмом. Его еврейское происхождение тоже привело бы к потере голосов. Вдобавок ко всему он находился на грани развода, и один его ребенок был серьезно болен. Самый тот факт, что его вообще рассматривали как потенциального кандидата, свидетельствовал о степени отчаяния диссидентов.

Впрочем, для его выхода на авансцену имелись кое-какие основания. Летом 1974 года, в промежутке между двумя выборами, Джозеф основал новый партийный исследовательский орган, получивший название Центр политических исследований. Центр имел двойное назначение: изучение способов борьбы с инфляцией (в том числе и тех, с помощью которых Германия пыталась справиться с гиперинфляцией в 20-х годах) и анализ лучших методов минимизации государственного вмешательства в деятельность рынка. Но Джозеф не пытался скрыть истинной причины создания этого органа: он был создан потому, что «партия пошла не тем путем» {3}.

Хит потерял последнее доверие деловых кругов. Бизнес в целом находился в отчаянном положении. Налоги на предпринимательскую прибыль составляли 97 процентов. Предприниматели потянулись из Англии, как стаи уток, бегущих от зимних холодов. После поворота 1972 года Хит заговорил о «неприятном лице капитализма», чем напрочь исключил для себя всякую возможность восстановить оптимизм деморализованных бизнесменов.

В отличие от многих влиятельных сторонников тори среди капиталистов Хит не одобрял создания Джозефом нового исследовательского центра, но не мог помешать этому. Центр создавался не на партийные средства. Джозеф сам собрал необходимые деньги, обратившись к двадцати бизнесменам с просьбой обещать выплачивать 1000 фунтов в год. Все, кроме

двоих, ответили согласием. А один был так удручен перспективами партии, что отвалил 15 тысяч. Как только вопрос с фондами был улажен, Джозеф назначил Тэтчер заместителем председателя.

У Джозефа имелась организационная основа, чтобы вступить в соперничество с Хитом, но он не годился для этой роли. «Более неподходящего кандидата в партийные лидеры трудно себе представить, — заявил один из самых высокопоставленных тори. — Когда было названо имя Кита, все мы покатились со смеху. Если это тот человек, который собирается бросить вызов Теду, то нам ничего не грозит» {4}.

В борьбу Джозеф так и не вступил. Хотя его преторианская речь была хорошо принята, второй своей речью он лишил себя даже тех эфемерных шансов, которые у него могли быть. Выступая в Бастионе, под Бирмингемом, Джозеф высказался за регулирование рождаемости социальных низов, наименее способных, по его словам, позаботиться о своем потомстве. Это вызвало взрыв негодования, дело дошло до обвинений в том, что Джозеф проповедует политику «расы господ». Он вышел из игры. «Это никогда не было разумной идеей. Чистая иллюзия, — говорил он впоследствии. — Я решил баллотироваться от отчаяния. Меня тешила эта мысль, и я увлекся ею. Но со мной это была шутка, полезная шутка» {5}.

Уход Джозефа заставил диссидентов пораскинуть умом. Тэтчер, к которой уже обращались, зондируя почву, несколько заднескамеечников, но которая до последнего поддерживала Джозефа, решила больше не оставаться в тени. Кто-то должен был выступить в поддержку нового подхода, но никто не вызывался сделать это. «Мы просто не можем допустить такого, — говорила она в дружеской беседе {6}. — Как партия мы обязаны что-то предпринять». Ведь оставлять лидером Хита, заведомого неудачника с его дискредитировавшей себя политикой, означало бы еще больше ухудшать будущие шансы консерваторов. «Отрицать, что мы не оправдали ожиданий народа, бесполезно и самонадеянно, — заявила она. — Правительства, успешно справляющиеся со своими обязанностями, побеждают на выборах. Равно как и партии, проводящие приемлемую для широких масс политику. Мы же потерпели поражение».

Никто не считал Тэтчер возможной победительницей. «По-моему, никому тогда и в голову не приходило, что Маргарет может составить серьезную конкуренцию», — признался Джеймс Прайор, входивший в кабинет Хита как лидер палаты общин {7}. Однако она возглавляла борьбу оппозиции против лейбористского законопроекта о государственном бюджете и

делала это блистательно. Благодаря знанию всех тонкостей законопроекта и всей цифири она играла первую скрипку в парламентских дебатах. Этого было бы еще недостаточно для того, чтобы сделать ее кандидатом в лидеры. Чашу весов склонило то, что она оказалась единственным консерватором, готовым бросить вызов Хиту.

О выдвижении своей кандидатуры подумывал Эдуард дю Канкан, председатель «Комитета 1922», представляющего заднескамеечников. Но его отговаривала жена, притом выплыли вопросы о некоторых его сомнительных деловых связях. Поэтому он отказался от участия в борьбе, так по-настоящему и не вступив в нее. До баллотировки в лидеры партии оставалось три недели, списки кандидатов не сегодня-завтра закрывались, и всего лишь два парламентария-тори из 276, имеющих право голоса, поддерживали Тэтчер, которая даже не выдвинула свою кандидатуру. Хита могла бы спасти неявка соперников.

Перспектива безнадежной, судя по всему, борьбы не вызывала у Тэтчер никакого энтузиазма. Она по-прежнему мечтала стать министром финансов и считала, что ей повезет, если она получит этот пост. За полгода до этого она сказала в интервью корреспонденту одной ливерпульской газеты, что женщине, на ее взгляд, невозможно достигнуть вершины власти. «Пройдут годы и годы, прежде чем женщина либо возглавит партию, либо станет премьер-министром. Непохоже, чтобы это произошло на моем веку».

У нее имелись веские основания думать так. За те пятнадцать лет, что она пробыла членом парламента, в положении женщин мало что изменилось. Вот уже четверть века на троне сидела женщина, королева, но в общественной жизни Англии по-прежнему безраздельно господствовали мужчины. Политические и деловые решения принимались в курительных комнатах таких исключительно мужских клубов, как «Уайтс» и «Карлтон» — собственный оазис тори. Ни одна крупная компания не возглавлялась женщиной. Только женщины с семейными связями заседали в правлениях крупных корпораций. Консервативная партия выделялась среди всех общественно-политических институтов крайним засильем мужчин.

«Рыцари своих графств», «голубая кровь», аристократы, стрелявшие в осенний сезон куропаток и фазанов в поместьях, раскинувшихся на тысячах акров, — вот кто были тори. Военные с загнутыми султанами и серебряными шпорами — вот кто были консерваторы. Предприниматели, воюющие с профсоюзными боссами, — все это были консерваторы. В правительстве женщин и близко не подпускали к центру власти. В 1959 году, когда

Тэтчер была избрана в парламент, среди его членов имелось всего 25 женщин. Теперь, полтора десятилетия спустя, в парламенте насчитывалось 27 женщин, и лишь семь из них были тори. Исторически сложилось так, что рассматриваемые кандидаты в лидеры партии в прошлом занимали один-два «больших поста» — министра иностранных дел, министра финансов или министра внутренних дел. Тэтчер не занимала ни одного из них. Как и никакая другая женщина.

В самой партии Тэтчер подвергалась энергичной критике. Ее не любили, ни теперь, ни когда-либо раньше. А как насчет лояльности? Если она сейчас такая противница Хита и его курса, то почему она не высказывалась против раньше и не подавала в отставку по принципиальным соображениям, как ей подобало бы поступить? Свидетели того, с каким размахом тратила она государственные средства в министерстве образования, недоумевали, откуда взялась у нее вся эта страсть к урезыванию бюджета. Да и после давней «молочной» истории оставался прокислый запашок. Коллеги считали ее бесспорно хорошим работником, но никак уж не рыцарем на белом коне, явившимся спасти Англию.

Тэтчер была почти никем на шкале национального самосознания. Она ничего не смыслила во внешней политике и обороне. Иэн Гау, правый консерватор, который впоследствии станет одним из ближайших ее советников, рассказал, что в отношении кандидатуры Тэтчер существовали глубокие сомнения. «Партийным патрициям не нравился ее напористый популистский подход, бросающий вызов старым ортодоксиям. Они (и не только они) сомневались, возможно ли, чтобы в обстановке усугубления «холодной войны» страну представляла на международной арене женщина и занималась вопросами обороны и внешней политики, которые считались сферой компетенции мужчин» {8}.

Решение оспаривать лидерство у Хита Тэтчер приняла самостоятельно. Она обсудила его с Дэнисом, но не с детьми, которым было тогда по двадцать два года. Взвесила последствия этого шага. Проигрыш сказался бы на ее карьере в ближайшие годы; как сказал Ралф Уолдо Эмерсон Оливеру Уэнделлу Холмсу, «когда наносишь удар королю, его необходимо убить». И все же она была намерена рискнуть и нанести удар. Решившись, она направилась прямо к Хиту, чтобы поставить его в известность. Разговор произошел в кабинете лидера оппозиции в палате общин. Недостаточно сердечный, он был зато очень краток. Беседа, не продлившаяся и полутора минут, носила недружелюбный характер, даже если сделать скидку на обычную

неприветливость Хита. Хозяин кабинета не предложил Тэтчер сесть, не поблагодарил ее за то, что она любезно сообщила ему о своем намерении. Вместо этого он не терпящим возражений тоном закончил аудиенцию, отнесясь к брошенному вызову не более серьезно, чем партийные тузы — к вызову Джозефа. Не приняли ее намерения всерьез и все остальные. «Я был председателем партии, — сказал Уайтлоу, — и не верил, что выдвижение кандидатуры состоится. Никто из нас не верил» {9}.

Объясняя, почему она решила оспаривать лидерство, Тэтчер не стала утруждать себя демонстрацией ложной скромности. «Я видела, что партия тори слишком далеко сдвигается влево, и, похоже, кроме меня, некому было высказать те мысли и идеи, которые у меня имелись, — говорила она. — Как видно, для страны было абсолютной необходимостью, чтобы я подняла свой голос». «Абсолютной необходимостью». Вопросом жизни и смерти. Она страстно верила в свои идеи и преподносила их с большой убежденностью. С ее стороны это было не просто политическим вызовом, а началом крестового похода. И все же ее шансы сместить лидера-ветерана были ничтожны. Букмекеры в Англии оценивали их как один против пятидесяти. А затем одно поразительное событие изменило карьеру Тэтчер и весь ход английской истории. Ее взял под свое попечение Эйри Нив.

Нив был малоизвестным, но уважаемым заднескамеечником. Невысокий мужчина с красноватым лицом и широкой улыбкой, он был героем войны, признанным и награжденным. Занимаясь в годы войны подготовкой разведчиц, он проникся большим уважением к женщинам и их храбрости. Нацисты взяли его в плен, но он стал первым военнопленным, которому удалось бежать из немецкой тюрьмы в Кольдице, побег откуда считался невозможным. Позднее Нив, вызвавшись вернуться на вражескую территорию, организовал легендарный подпольный маршрут для бегства других военнопленных. В качестве младшего барристера он участвовал в Нюрнбергском трибунале и предъявлял ордер на арест приспешникам Гитлера Рудольфу Гессу и Альберту Шпееру. После войны он описал свои военные приключения в серии книг, хорошо принятых публикой. Слава героя войны помогла ему пройти в 1950 году в парламент — в том самом году, когда Тэтчер впервые попыталась завоевать на свою сторону избирателей Дартфорда. Он был настоящий герой и под негероической внешностью скрывал железную хватку. Даже зная о его прошлом, все недооценивали его.

Нив не любил Теда Хита. В 1959 году, когда он был младшим министром в правительстве Макмиллана, у него случился сердечный приступ. Он сообщил о своей болезни Хиту,

тогдашнему главному правительственному организатору консервативной партии, и тот без лишних слов заявил ему: «Ну что ж, это конец вашей политической карьеры» {10}.

На самом деле ее лучшая часть только начиналась. Нив поправился, но Хит так ни разу и не предложил ему пост в своем правительстве, и антипатия Нива к лидеру партии росла. Опытный разведчик, Нив был в курсе всего происходящего в парламенте. Как член-основатель альянса «Кто угодно, кроме Хита» Нив с самого начала поддержал Кита Джозефа. После того как Джозеф сошел с дорожки, Нив сделал ставку на дю Канна и сколотил группу поддержки его кандидатуры в составе двадцати пяти парламентариев. Позже он даже предложил свою помощь Уайтлоу, если тот выдвинет свою кандидатуру, но председатель партии, чувствуя себя обязанным Хиту, отклонил это предложение.

Нив работал вместе с Тэтчер, когда они стажировались на барристера в лондонской «Линкольнз инн»[10], и с ней у него не возникло никаких проблем. Уговорив пятнадцать из двадцати пяти заднескамеечников-диссидентов оказать ей поддержку, Нив стал официальным организатором ее выборной кампании. У него было в отношении нее предвидение, уверял он впоследствии. Называя ее «одновременно политиком и мыслителем», Нив говорил, что она — «первый за долгое время настоящий политик с идеалами» {11}.

Предвидение Нива не могло помочь избранию Тэтчер, зато его великолепный организаторский талант еще как мог. Нив с утра до вечера таскал ее по зданию палаты общин, представлял ее группам парламентариев в баре и кафе-кондитерской. Пока Хит неловко агитировал за себя на богатых приемах с подачей коктейлей и званых обедах, Тэтчер вела партизанскую войну, работая изо всех сил в чужом кабинете, где она временно расположилась, чтобы отвечать на вопросы интересующихся за скромным бокалом бордо.

Нив посоветовал ей избегать категорических политических заявлений, внимательно слушать и делать упор на общем вопросе лидерства. Тэтчер быстро училась и следовала его советам. Она заняла двойственную позицию в спорном вопросе о вступлении Великобритании в Общий рынок, против которого возражали некоторые консерваторы. Поскольку было известно, что по таким социальным вопросам, как аборты и смертная казнь, Тэтчер держится крайне правых взглядов, она старалась подробно на них не останавливаться. Всячески смягчая любые жесткие идеологические суждения, она подчеркивала вместо этого свою готовность прислушиваться — в случае ее избрания — к мнениям

заднескамеечников, чего Хит никогда не делал.

По мере того как акции Тэтчер повышались, усиливалась критика в ее адрес. Так, большой шум вызвал ее совет пожилым людям, собирающимся выйти на пенсию, запасаться впрок хорошо сохраняющимися продуктами, что оградит их от инфляции и послужит прибавкой к пенсии. Она и сама, призналась Тэтчер, держит у себя запас съестного на черный день: девять фунтов сахара, шесть банок джема, шесть — мармелада, шесть — меда, четыре консервных коробки ветчины, две — языка, одну — макрели, четыре — сардин, двадцать банок разных консервированных овощей и фруктов. Кроме того, у нее хранятся про запас простыни, полотенца и прочие вещи, которые «понадобятся мне, наверное, не раньше чем через десять — пятнадцать лет». Критики громко обвиняли ее в скопидомстве. Она отмела их шумные обвинения. «Они сломили Кита, — сказала она, имея в виду выход из борьбы Джозефа после того, как раскритиковали его речь. — Но меня им не сломить».

Если что-нибудь и могло сломить ее, то только бешеный темп работы. В дополнение к тому, что она вела кампанию за избрание ее лидером партии, Тэтчер была вторым человеком в теневом министерстве финансов, специалистом по финансовому законодательству. Сейчас, когда правительство Вильсона должно было представить свой законопроект о государственном бюджете, у нее появлялась мишень для критики, благодаря которой она окажется в центре внимания. Назначив Тэтчер в министерство финансов, Хит неосторожно предоставил ей ту стартовую площадку, с которой она могла уничтожить его. И отсчет времени уже начался.

Работа по проведению бюджетно-финансовых законопроектов лейбористского правительства через парламент входила в компетенцию министра финансов Дэниса Хили, одного из самых впечатляющих политиков-лейбористов послевоенного времени. Сын директора средней школы, окончивший Оксфорд со степенью бакалавра классической литературы с отличием первого класса, он был вместе с тем ветераном армии, не утратившим казарменной приземленности. Блестящий политический деятель, в дальнейшем — министр обороны, Хили обладал театрально ярким, разящим, как удар рапиры, остроумием. Но он также отлично владел палашом, оружием тяжелым и грубым, и имел репутацию самого грозного дуэлянта-полемиста в лейбористской партии. Годы спустя он назовет Тэтчер «Тедом Хитом в юбке», но когда она, во всеоружии своих познаний в области статистики и налогового права, вступила в поединок с ним лицом к лицу, стоя по ту сторону прохода в палате общин, ему было не до сарказма.

Во время декабрьских дебатов 1974 года Тэтчер обрушилась на него так яростно, что тори-заднескамеечники разразились криками одобрения, а журналисты принялись записывать каждое ее слово. У Тэтчер, писала «Дейли телеграф», «ямочки на щеках — из железа».

В середине января, сразу после рождественских парламентских каникул и всего за пару недель до первого баллотирования на должность лидера консервативной партии, Тэтчер и Хили продолжали сражаться на равных в ходе жарких дебатов, которые до сих пор вспоминают в Вестминстере. Отвечая на какой-то его выпад, Тэтчер гневно отчитала министра финансов за вводимый им налог на операции по трансферту капитала, которым станут облагаться дары, в том числе и благотворительные пожертвования, и за предложенное повышение налоговых ставок на наследуемое имущество. «Судя по всему, вы понятия не имеете о том, как скажется ваш налог на жизни отдельных людей, на экономике или даже на свободном обществе в целом», — заявила она.

Хили, любитель острых перепалок, перестал церемониться. «Миссис Тэтчер проявила себя в ходе этих прений Пассионарней привилегированных, — сказал он, уподобляя ее Долорес Ибаррури — испанской коммунистке, прославившейся как пламенный оратор в годы гражданской войны. — Она продемонстрировала свою решимость закрепить за своей партией репутацию партии кучки богачей, и, думается, как ей, так и ее партии придется пожалеть об этом».

Кто-нибудь другой, возможно, и отступил бы перед его натиском. На это Хили и рассчитывал. Но Тэтчер спокойно встала и решительно направилась к курьерскому ящику во главе парламентского стола. Хили, насупив свои широкие, кустистые брови, сверлил ее взглядом, ожидая контрвыпада. Она хотела сказать, начала Тэтчер, что реплики Хили недостойны его, но, к сожалению, это не так. Ее вступление, содержавшее саркастический намек на имеющее воспоследовать оскорбление, было рассчитано на то, чтобы вызвать у парламентариев (тех, кто слушал) предвкушение словесной расправы, и расчет этот оправдался. «Некоторые министры финансов — специалисты по микроэкономике. Другие — знатоки фискальных дел. Этот же — элементарно некомпетентен, — насмешливо продолжала она. — Мы по эту сторону прохода в палате общин диву даемся, как мог стать министром финансов человек, так мало знающий о существующих налогах и так слабо осведомленный о предложениях, внесенных на обсуждение парламента. Если уж министром финансов может быть нынешний министр, значит, им

может быть любой в палате общин. Я надеялась, что сей достопочтенный джентльмен многому научился в ходе этих прений. Теперь ясно, что он не научился ничему. Он мог бы, по крайней мере, обратиться к рассмотрению практических последствий, потому что они затронут каждого, в том числе и людей, которые, подобно мне, не имели при рождении абсолютно никаких привилегий». Палата огласилась аплодисментами, насмешливыми восклицаниями, криками «Верно! Правильно!». Тэтчер одержала верх. Она приняла вызов первого драчуна, грозы округи, и, будучи «всего лишь женщиной», разделала его под орех. Никогда еще никто не побивал Дэниса Хили.

Пресса была в восторге от этого побоища. «Дейли телеграф» еще раз высказала свое мнение о Тэтчер: «Даже рискуя навлечь на себя гнев данной леди тем, что вроде как бы ставлю под сомнение ее бесспорную женственность, — писал постоянный обозреватель газеты Фрэнк Джонсон, — я все же должен сказать, что партии тори нужно иметь побольше таких мужчин, как она». У партии неожиданно объявился претендент в лидеры.

Телевизионный продюсер Гордон Рис вызвался помочь ей по части контактов со средствами массовой информации. Вместе с Нивом он спешно организовал серию встреч за ленчем с журналистской элитой Флит-стрит. Женственное очарование, которое Тэтчер весьма эффективно — стоит ей захотеть — пускает в ход, помогло смягчить прямолинейность и простоту пояснений ее популистского взгляда на вещи и меритократических политических воззрений. Вскоре на ее сторону начали переходить «новообращенные». В подписанном заявлении, напечатанном на странице писем в «Дейли телеграф», она разъясняла: «Консервативная партия, какой я ее вижу, не станет делать тайны из того, что она верит в свободу личности и индивидуальное преуспевание, в поддержание законности и порядка, в широкое распределение частной собственности, в вознаграждение энергии, умения и бережливости, в разнообразие выбора, в сохранение местных прав за местными сообществами».

Продолжалась обработка членов парламента. Нив и Рис, импровизируя по ходу дела, позаимствовали американскую стратегию ведения избирательной кампании и кое-какие телевизионные приемы. Ей нужно было получить голоса 51 процента парламентариев-консерваторов, но вместо того, чтобы ориентироваться на этот минимум, эти трое решили агитировать всю парламентскую фракцию партии. Избранная стратегия носила революционный характер: ведь за исключением парламентских партийных организаторов — так называемых «кнутов», обеспечивающих присутствие членов партии на

голосовании законопроектов, — никто до этого не обрабатывал систематически весь членский состав консервативной фракции.

По данным частичного подсчета, произведенного Нивом за десять дней до баллотировки, Тэтчер имела 64 голоса, Хит — 35 голосов, а Хью Фрейзер, влиятельный заднескамеечник, представлявший тех, кто не хотел поддерживать ни Тэтчер, ни Хита, — 9 голосов. Более полный подсчет, произведенный два дня спустя, показал, что Тэтчер поддерживают девяносто пять человек, Хита — шестьдесят четыре, а Фрейзера — шесть. Сорок три человека еще не определились, но Нив полагал, что двадцать из них отдадут свои голоса Тэтчер. Она шла к заветной цели и была исполнена решимости устранить любые препятствия на своем пути.

За четыре дня до голосования Тэтчер отправилась в Финчли и произнесла там страстную речь в защиту своего образа мыслей, в которой ответила на обвинения в том, что она-де собирается отстаивать интересы богатых и привилегированных. «Забудьте все эти вздорные рассуждения о «защите привилегированных» — в детстве и юности я знать не знала никаких привилегий! — и утверждения, будто меня поддерживают только правые реакционеры. Дело идет не о конфронтации левых и правых».

Ответила она и на критику, исходившую из партийных рядов: она, мол, «безнадежно буржуазна» для того, чтобы возглавить великую партию тори. «Если «буржуазные идеалы» включают в себя поощрение разнообразия и индивидуального выбора, предоставление честных стимулов и справедливого вознаграждения за квалифицированный и усердный труд, поддержание барьеров, эффективно ограждающих от чрезмерной власти государства, и веру в широкое распространение индивидуальной частной собственности, то я, безусловно, стараюсь их отстаивать». Это была одна из самых сильных ее речей. Она получила хорошие отзывы в печати. К тому времени борьба за лидерство в партии тори оказалась в центре внимания журналистов, и момент для произнесения речи был выбран с идеальной точностью.

Тэтчер, которая держалась перед телевизионной камерой гораздо лучше, чем Хит, дала согласие выступить накануне баллотировки в еженедельной телепрограмме «Мир в действии» — идею этого выступления выдвинул и помог осуществить Рис. В тот вечер парламентарии-тори толпились вокруг телевизоров в здании палаты общин, чтобы посмотреть захватывающий спектакль. В одном из эпизодов она беседовала с мусорщиками на свалке, и один из них замялся, отвечая на вопрос, что ему приходится убирать. «Отбросы?» — подсказала Тэтчер, пытаясь

помочь. «И мертвые тела», — добавил в заключение он. Тэтчер не упустила возможности подать эффектную реплику: «Кому-то приходится заниматься этим — для такой работы требуются люди со спокойным достоинством». Пресса благоприятно отозвалась о ее телевизионном выступлении. «Дейли телеграф», и на этот раз не поскупившаяся на похвалы, восторженно писала, что Тэтчер «была полна жизни, как никогда раньше» {12}.

Она добилась ошеломляющего успеха. За день до голосования Нив сообщил ей, что, по его подсчетам, у нее 120 сторонников против 84 у Хита. Но согласно опросам, проведенным газетами, до 63 процентов членов партии переизбрание Хита предпочитали замене его на Тэтчер. За исключением Кита Джозефа — сторонника Тэтчер, весь теневой кабинет поддерживал Хита.

Поэтому, когда в день принятия решения в комнату № 14 палаты общин начали заходить члены парламента — консерваторы, Хит имел все основания считать, что он сохранит свой контроль над партией. Питер Уокер, организатор его избирательной кампании, заверил Хита, что он может рассчитывать на 138–144 голоса из 276, то есть на такое большинство, которое сделает ненужным второй тур голосования.

Тэтчер проголосовала в полдень, ушла перекусить, вернулась и, нервничая, дожидалась в кабинете Эйри Нива окончания процедуры голосования. Голосование закончилось в половине четвертого, а в четыре часа из комнаты № 14 вышел Эдуард дю Канн и объявил сногсшибательный результат. Тэтчер набрала 130 голосов, Хит — 119, Фрейзер — 16, и 11 человек воздержались. Нив поспешил к себе в кабинет. «Хорошие новости, — выпалил он. — Вы впереди. Будет второй тур». Она была изумлена. Впрочем, трудно сказать, кто был поражен сильнее, Тэтчер или Хит. «Мы просчитались», — сказал ошеломленный Хит своим помощникам по избирательной кампании. Он тотчас же объявил о своем уходе в отставку. Тэтчер недобрала всего девять голосов до абсолютного большинства, и он решил избавить себя от дальнейших унижений.

В сердце Тэтчер не нашлось места для сочувствия человеку, благодаря которому она столькому научилась. «Я всегда буду любить славного Теда, но в политике сочувствия нет», — сказала она после его ухода, и эти мягкие слова были пропитаны смертельным ядом.

После того как Хит вышел из игры, те претенденты, которые не выставляли свои кандидатуры в первом раунде из лояльности, поспешили сделать это сейчас, чтобы померяться силами с Тэтчер во втором раунде неделю спустя. Сильнейшим из ее соперников

был пятидесятишестилетний Уайтлоу. Бывший министр по делам Северной Ирландии, веселый, общительный Уайтлоу, известный всем как просто Вилли, был богатым помещиком, любителем пострелять дичь и сыграть в гольф. Он представлял собой концентрированное воплощение консерватора старой школы с большими связями во влиятельных консервативных кругах. Впрочем, Уайтлоу отнюдь не являлся этаким твидовым костюмом, внутри которого — пустота. Он занимал пост председателя партии и зарекомендовал себя за двадцать лет пребывания в парламенте исключительно способным парламентским деятелем. Его сила состояла в умении примирять спорящие стороны, великолепном владении всеми видами закулисной политической деятельности и твердой поддержке, которая ему оказывалась в самых широких слоях партии. Имелись у него и слабости: чрезмерная склонность к компромиссам, плохое знание экономики и отсутствие ораторского дара. В целом же он занимал слишком центристскую идеологическую позицию и, по мнению некоторых, слишком близко ассоциировался с Хитом.

Другими кандидатами были Джеффри Хау, державшийся умеренных взглядов и занимавший в прошлом должность генерального стряпчего[11], и парламентские деятели Джеймс Прайор и Джон Пейтон, из которых ни один не рассчитывал на многое. Свои кандидатуры они выдвинули, чтобы отнять голоса у Тэтчер. Если бы это произошло и раунд тоже не дал окончательного результата, ожидалось, что в третьем раунде они все вместе поддержат Уайтлоу.

Задолго до того, как стать соперниками в борьбе за лидерство, Тэтчер и Уайтлоу дали согласие выступить на собрании «Молодых консерваторов» в Истберне, на южном побережье Англии. Тэтчер дальновидно договорилась с ними, что они не станут использовать этот форум для ведения избирательной кампании и будут придерживаться первоначального плана выступлений. Для Уайтлоу это означало проведение собеседования по вопросам регионального развития — сама тема служила гарантией того, что он усыпит своих слушателей; зато у Тэтчер руки не были связаны. Планом предусматривалось, что она обратится к участникам с речью. И она так горячо выступила в защиту основных идеалов консерватизма, что слушатели повскакали с мест и бурно ей аплодировали. На следующий день ее речь широко освещалась в печати. Когда главная программа Би-би-си попросила ее принять участие в обсуждении общественных вопросов вместе с другими кандидатами, она ответила отказом. Она оторвалась от общей группы и возглавила гонку.

В день второго тура голосования в комнату № 14 потянулись цепочкой 276 парламентариев-консерваторов. Тэтчер опять нервничала. На ней был строгий костюм, элегантность которого подчеркивал бело-розовый тюльпан. Большую часть дня она просидела одна в маленьком, без окон кабинете Эйри Нива. Наконец в 4 часа дня в кабинет вошел Нив. «Все в порядке, — просто сказал он. — Вы — лидер оппозиции». Она набрала 146 голосов, на 7 голосов больше, чем было достаточно, чтобы стать лидером; Уайтлоу получил 79 голосов, а Хау и Прайор — по 19 каждый.

Ее глаза наполнились слезами. Затем, тотчас взяв себя в руки, она перешла к делу. «Слава Богу, что с этим все кончено, — оживленно сказала она. — У нас уйма дел. Надо немедленно приступать к работе».

Глава седьмая
В ПРЕДДВЕРИИ

Никакого празднования не было. В кабинете Нива не хлопали в тот вечер пробки, не лилось шампанское. Зато без умолку звонили телефоны. Одним из первых позвонил Дэнис. Как обычно, он был далеко и услышал новость по радио. Тэтчер первым делом набросала записку Вилли Уайтлоу. «Представляю, каково у Вас, наверное, на душе, — писала она, сознавая, что нуждается в нем и в старейших деятелях парламентской фракции консерваторов. — Мне нужно с Вами поговорить. Самое главное сейчас — это партия».

Уайтлоу должен был немедленно решать, протянуть ли в ответ руку. «Некоторые советовали мне разыграть неуступчивость и повременить несколько дней, прежде чем дать согласие служить под началом Маргарет», — рассказывал Уайтлоу. Но это было не в его духе. «Я буду служить ей, — тотчас же решил он, — в любом качестве, в каком она пожелает, безраздельно отдам ей свою преданность как лидеру партии и стану изо всех сил стараться сотрудничать с ней» {1}. Его решение имело важные последствия. В течение следующих полутора десятилетий никто не служил Тэтчер так умело, как Уайтлоу, являвшийся соединительным звеном между нею и умеренными и талантливым советником, который умел сдерживать ее импульсы.

Позднее в тот же день Тэтчер предстала перед журналистами на своей первой пресс-конференции в качестве лидера партии. Победа на выборах, как вскоре стало очевидно, не сгладила острых углов в ее характере. В ответ на просьбу репортера поподробней ответить на какой-то ничего не значащий вопрос она отрезала: «Это не нуждается в пояснении. Не любите вы, ребята, прямых ответов. Мужчинам нравятся многословные, бессвязные, неуверенные ответы». Попытается ли она вступить в клуб «Карлтон», этот оплот знаменитостей консервативной партии, в члены которого принимают только мужчин? На сей раз от прямого ответа она уклонилась. «У меня много более важных дел, которые требуют немедленного рассмотрения», — насмешливо отпарировала она. («Карлтон», понимая, чего он может лишиться, поспешил отменить запрет, закрывавший доступ женщинам, и просил ее вступить в члены клуба.)

Вечером того же дня Тэтчер вернулась в парламент, чтобы вновь присоединиться к дебатам по предложенному

лейбористской партией плану выравнивания богатств. Когда она заняла новое свое место во главе команды переднескамеечников, члены парламента, сидевшие по обе стороны от прохода, дружно поднялись и стоя устроили ей овацию. Она сияла. Ей к лицу власть. Она выглядела великолепно, о чем и сообщили ей ее приверженцы. «Если вы и дальше будете выглядеть так же очаровательно, как сегодня, — сказал ей главный секретарь министерства финансов Джоул Барнетт, — это принесет большую пользу». Комплимент был импровизированный, но имел политический резонанс. Тэтчер никогда не забывала об этом. Она давно уже придавала важное значение своей внешности, но теперь, когда она оказалась в центре внимания, ее внешность приобретала еще большее значение. Она хотела хорошо выглядеть. Искусство пользоваться своей женственностью станет важным и надежным оружием в ее стратегическом арсенале.

Домой она добиралась уже за полночь. Чем ближе к дому, тем больше толпилось на улицах людей. Улица напротив ее подъезда была заполнена журналистами и любопытствующей публикой; темнота ночи осветилась яркими фотовспышками. Она заглянула в спальню Кэрол пожелать ей спокойной ночи.

Как прекрасно выглядит ее мать, подумала Кэрол. Счастлива. Нервного напряжения как не бывало. Глаза сияют. Кожа светится. На лице ни морщинки. Она поставила на кон свое будущее и выиграла. Сорокадевятилетняя Маргарет Тэтчер, полжизни занимавшаяся политикой и имевшая шестнадцатилетний опыт парламентской деятельности, не сомневалась в себе. Она знала, что заняла место, которое по праву принадлежит ей.

Наутро она нанесла визит Хиту, навестив перед этим больную соседку. Само собой разумелось, что он останется в парламенте. В Англии политики, потерявшие или добровольно оставившие высокий пост, как правило, продолжают заниматься парламентской деятельностью. Она обещала ему, как и всем прочим кандидатам в лидеры, должность в теневом кабинете в случае ее победы, но какую именно — не уточнила. Ему наверняка не предназначалась должность теневого министра финансов. Ведь несогласие Тэтчер с его экономической политикой явилось едва ли не главной причиной, побудившей ее бросить ему вызов. Предсказывали, что она предложит ему высший внешнеполитический пост, благо тут имелся конкретный прецедент: бывший премьер-министр сэр Алек Дуглас-Хьюм вернулся в правительство и стал министром иностранных дел в кабинете того же Хита. Кроме того, Хит имел все данные для такой работы. Он вел переговоры о вступлении Англии в Общий рынок и имел дело с руководителями других стран на

протяжении четырех лет своего пребывания у власти. Тэтчер безусловно пригодился бы толковый помощник в области внешней политики. У нее не было никакого опыта в международных делах. Когда ее спросили во время ее первой пресс-конференции, что она думает о внешнеполитических делах и оборонительной политике, Тэтчер ответила: «Я за это, целиком и полностью».

Хит еще не успел отказаться от служебной машины с шофером, поэтому к дому бывшего лидера в Челси ее подвезла приятельница на старенькой малолитражке «Остин-мини». Она не жаждала иметь Хита в своем кабинете, но никогда не нарушала своих обещаний. Теперь, разговаривая с ним у него дома, Тэтчер не могла не вспоминать их последний колкий разговор, когда она пришла сообщить ему о своем намерении оспаривать его лидерство. Поскольку оба они терпеть не могут легких светских бесед и владеют этим искусством хуже, чем любые другие политики мирового класса, Тэтчер, не снизойдя до обмена фальшивыми любезностями, перешла прямо к делу.

— Я публично объявила, что попрошу вас войти в теневой кабинет. Вы войдете? — Хит все еще не мог прийти в себя от потрясения вынужденной отставки. Он никак не мог поверить, что его могла сместить женщина, и был взбешен ее вопиющей нелояльностью. Не дожидаясь, когда она предложит что-нибудь конкретное, он ответил отказом.

Тэтчер предвидела его реакцию и поэтому продолжала:

— Тогда что вы намерены теперь делать?

— Оставаться в палате и вернуться на задние скамьи.

— А как насчет референдума о членстве в Общем рынке, — поинтересовалась она. Референдум был его детищем. Дело в том, что Англия, после того как ее наконец-то приняли в ЕЭС, не вполне ловко пыталась решить, желает ли она там оставаться. Он, разумеется, будет ратовать за него, ответил Хит.

— Не лучше ли заниматься этим с передней скамьи? — спросила Тэтчер.

— Нет, я предпочитаю не связывать себе руки организационно, — ответил он. — Я предпочитаю действовать впереди как участник кампании.

Она не поверила ему. Ей хотелось бы иметь его внутри своего лагеря, где он смог бы причинить меньше вреда. Сторонником аналогичной стратегии выказал себя однажды Линдон Джонсон, когда его спросили, почему он не увольняет директора ФБР Дж. Эдгара Гувера. «По мне, пускай лучше он остается внутри палатки и мочится наружу, чем выйдет вон и станет мочиться внутрь», — простецки изрек президент. Тэтчер придерживалась того же

мнения. Ведь Хит отказался войти в теневой кабинет отчасти из желания сохранить свободу выбора и возможность претендовать на пост лидера, если она оступится. Теперь все было сказано, а дальнейший разговор становился излишним. Они условились не делать никакого заявления и буквально через несколько мучительно неловких мгновений Тэтчер откланялась.

На первых порах она пыталась быть любезной с ним. Через пару месяцев они должны были вместе выступать на собрании в ходе кампании за Европейское экономическое сообщество. Тэтчер, подчеркнуто скромная в своей новой «форменной одежде» — черном платье с двойной ниткой жемчуга, которая станет ее отличительным знаком, — нервничала перед выступлением. «Ученице нужно быть безрассудно смелой, чтобы держать речь перед своим учителем, — учтиво сказала она. — Ведь вы знаете об Общем рынке больше, чем кто бы то ни было». Хит ничего не ответил ни тогда, ни позже, когда она с похвалой отозвалась в парламенте о его преданности идее ЕЭС. И во второй раз он промолчал, глядя в пространство перед собой. У Тэтчер его реакция вызвала сочувствие. Но многих тори его поведение возмутило. Когда в дальнейшем Хит, встав на путь вендетты, превратился в язвительного ее критика, уже его, а не Тэтчер упрекали в нелояльности.

Хотя с годами вражда становилась все более ожесточенной, она носила в основном односторонний характер. Тэтчер обычно просто не обращала на Хита внимания, тогда как он демонстративно с ней не разговаривал, годами не упоминал ее имени («эта женщина» — только так он ее называл) и старательно избегал встречаться с ней. Сидя в палате общин в каких-нибудь пятнадцати футах от нее, он даже не смотрел в ее сторону. Поначалу его антипатия причиняла ей беспокойство, но в конце концов она преодолела это чувство. Постепенно утверждаясь, Тэтчер стала говорить о Хите как о «человеке вчерашнего дня». И таких, по ее мнению, было вокруг немало. Во время первого своего политического радиообращения от имени партии она не без язвительности подчеркнула это: «Мужчины вчерашнего дня, вас приветствует женщина дня завтрашнего» {2}.

Ей предстояло подобрать себе теневой кабинет — заполнить двадцать две должности — и заняться партией, которая нуждалась в реорганизации. Через несколько дней после своего избрания она отправилась в Северную Англию и Шотландию, сосредоточив внимание на городских центрах и промышленных районах, где тори были непопулярны. Толпы людей, движимые скорее любопытством, чем энтузиазмом, собирались посмотреть на новоявленную диковину — лидера оппозиции — женщину.

Тэтчер понимала, что ей предстоит обратить в свою веру нацию. Перед ней встала задача убедить избирателей в том, что старые буржуазные ценности ее отца лучше отвечают интересам Британии, чем «государство всеобщего благоденствия» лейбористской партии с его «дефицитным финансированием» и контролем над доходами. Они не просто лучше — «им нет другой альтернативы», постоянно твердила она наставительным тоном школьной учительницы. Страна должна усвоить, что, по любимому выражению ее отца, нельзя тратить больше, чем имеешь в кассе. Люди должны хорошо работать, а не рассчитывать на пособие по безработице. «Мы поддерживаем тружеников, а не трутней, — повторяла она своим слушателям. — Нам нужны люди, которые намерены экономить деньги, которые намерены сами заботиться о себе».

Она без промедления принялась упрочивать свою репутацию, действуя как публично, так и в частном порядке. Государственный секретарь США Генри Киссинджер встретился с ней в отеле «Клариджес» и отозвался о ней с похвалой: «молодец женщина». А в парламенте она в первый раз сразилась с Гарольдом Вильсоном, который только что вернулся в Англию после встречи в Кремле с Генеральным секретарем Леонидом Брежневым. Вильсон сиял, довольный собой, и ей хотелось развенчать его, а заодно еще раз предъявить свои антисоветские верительные грамоты. Переговоры с Советами хороши, покуда они «не усыпляют бдительность нашей палаты и нашей страны, создавая обманчивое чувство безопасности», заявила она. Прицелившись прямо в трещину, имевшуюся в ее новехоньких доспехах, Вильсон пустил ответную стрелу, напитанную ядом снисходительности: «Некоторые из нас имеют большой опыт в этих делах».

Гордон Рис считал важным, чтобы Тэтчер производила впечатление не только компетентного, но и сердечного человека. После того как она, вступив в свою новую должность, в скором времени «вырубила» из состава теневого кабинета шестерых людей Хита, Рис предложил ей выступить не в серьезной программе телевизионных новостей, а в шоу с непринужденно беседующим ведущим. Когда кто-то из зрителей спросил по телефону, будет ли она хорошим «мясником», если ее изберут премьер-министром, из ее ответа следовало, что «рубила» бы она с сочувствием в душе, но «рубила» бы все равно. «Не знаю, хороший ли я мясник, — сказала она. — Вынужденный. У меня был ужасный день, когда мне пришлось объявлять людям о своих решениях и видеть огорчение, которое было написано у них на лицах».

Произведенная ею «обрезка» кабинета носила, конечно, более мягкий характер, чем можно было бы заключить из громадного заголовка в пролейбористской «Дейли миррор»: «Резня», которую учинила «царица консервативных джунглей». Будучи лояльным членом партии тори и практичным политиком, она оставила в кабинете немало сторонников Хита. Ведь в большинстве своем они отличались лояльностью и станут поддерживать партию, если она, Тэтчер, не даст им повода отказать ей в своей поддержке. В отношении некоторых из них она имела оговорки, но она нуждалась в них, и это соображение брало верх над непосредственной потребностью в абсолютно верных сподвижниках.

Самые старшие должности достались трем деятелям, поддерживавшим Хита. Сэр Джеффри Хау, центрист и ее соперник во втором туре голосования, стал теневым министром финансов. Иэн Гилмор, еще один центрист, был назначен теневым министром внутренних дел, ведающим полицией, вопросами иммиграции и поддержания порядка внутри страны. Заманчивый пост теневого министра иностранных дел перешел к бывшему министру внутренних дел Реджиналду Модлингу, который недолюбливал Тэтчер, но хотел получить эту должность. Главный ее соперник Уайтлоу стал заместителем лидера. Он обещал быть лояльным и доказал это потом делом, но при всем том полагал, что его новый босс занимает слишком радикально правые позиции и не проявляет достаточного сострадания. Члены узкого внутреннего кружка Тэтчер не слишком доверяли ему. «Эйри и его друзья относились ко мне очень подозрительно, — говорил Уайтлоу. — Они думали, что я троянский конь. И далеко не сразу они убедились, что это не так и что я действительно желаю ей успеха, коль скоро она — лидер партии. Некоторым было очень трудно в это поверить» {3}.

Верные сторонники Тэтчер тоже не были забыты. Она подумывала о том, чтобы отдать пост теневого министра финансов Киту Джозефу, но, даже будучи согласна с его взглядами, она сознавала, что предоставлять главный экономический пост человеку столь крайних убеждений политически рискованно. Другие тори подтвердили ее догадку, что поставить Джозефа во главе министерства финансов было бы неверно политически. Сэр Кит впоследствии признал, что они были правы, хотя неправильно истолковал их побудительные причины. «Я им не подошел, — сказал он. — У меня нет никакого чутья» {4}. Не было чутья и у Хау, который получил эту должность, зато у него была «надежная пара рук», что англичане умеют ценить.

Организатор кампании Эйри Нив взял на себя ответственность за политику в Северной Ирландии и начал комплектовать персонал личных сотрудников Тэтчер и реорганизовывать штаб-квартиру партии на Смит-сквер, неподалеку от парламента. Здесь, в прямую противоположность осторожным переменам, произведенным ею в теневом кабинете, Тэтчер санкционировала массовые увольнения всех без разбора. Полетели председатель, помощник председателя, четыре заместителя председателя, казначей и руководитель службы исследований. Газета «Таймс», отнюдь не враг премьерам-консерваторам, назвала эту бойню «совершенно дурацким поступком». Влиятельные консервативные круги громко негодовали, но общественность не разделяла их негодования: опрос Гэллапа, проведенный сразу после ее нашумевших увольнений, показал, что тори вырвались вперед и опережают в популярности лейбористов на 4 процента, тогда как еще за месяц до этого лейбористы шли с опережением в 15 процентов.

Следующая задача, вставшая перед потенциальным премьер-министром, состояла в создании известного запаса международного доверия — одна мысль об этом внушала ей беспокойство. Ведь для нее фактически все иностранное являлось неизведанной областью. Она почти не бывала за границей. До замужества она никогда не покидала пределов Англии. В качестве члена парламента она совершила пятинедельное путешествие поездом и автобусом по Соединенным Штатам по гостевой программе, организованной правительством США, побывала в Ленинграде и на Багамах, где принимала участие в парламентской конференции, — и это все. Она никогда не служила — хотя бы на младшей должности — в министерстве иностранных дел, даже теневом.

Многие из ее политических помощников (почти все они учились в привилегированных частных школах, где изучение языка было обязательным) говорили на одном, двух, а то и на нескольких европейских языках. Тэтчер не говорила ни на одном. Если не считать нескольких французских фраз, выученных с пластинок, она не знала ни слова ни на каком другом языке. Сказать, что она не питала особого интереса ко всему, что лежало за пределами Великобритании, значит сказать слишком мало. За исключением поездок на партийные конференции, она практически безвыездно жила на юге Англии. В сущности, Шотландия и Северная Ирландия были ей так же незнакомы, как Греция или Египет. В глубине души она оставалась сторонницей «Малой Англии» с чрезвычайно узким кругозором. Эти пробелы в ее познаниях требовалось восполнить. В первый год она

совершила десяток поездок по Англии и несколько за границу, побывав во Франции, Западной Германии, Люксембурге, Румынии, Канаде и Соединенных Штатах. Она столько ездила, что Гарольд Макмиллан сердито ворчал: «Было бы куда лучше, если бы она сидела себе дома в своем садике».

Самым важным ее вояжем стала поездка в Америку. Тогда, осенью 1975 года, женщины были там самой животрепещущей, самой модной темой: в тот год в Соединенных Штатах достигло пика своей популярности феминистское движение за освобождение женщин. Журнал «Тайм», традиционно посвящавший специальный заключительный выпуск «Мужчине года», на сей раз посвятил его «Женщинам года». Засыпаемая вопросами о ее отношении к феминизму, Тэтчер и не пыталась скрывать своих чувств.

В Чикаго ее спросили, обязана ли она хотя бы частично своим успехом современному феминистскому движению. «Кое-кто из нас занимался этим задолго до того, как было придумано это движение», — огрызнулась она. «Мне никогда не вредит и не мешает то обстоятельство, что я женщина», — заявляла Тэтчер, укрываясь за крепкой броней своих доспехов. Все политические лидеры, с которыми она пока встречалась, сообщила она слушателям, «воспринимали меня просто как политика и сразу переходили к делу». Но женщины, смотревшие и слушавшие ее выступление, не собирались дать ей так легко отделаться. Какое обращение она предпочитает — Mrs или Ms?[12] «Я не уверена в том, что поняла смысл вашего вопроса, — ответила она. — Я просто Маргарет Тэтчер. Принимайте меня такой, какая я есть» {5}.

Она отбросила всякие претензии на беспристрастность, эту личину, которую носит большинство политиков в заграничных поездках. С высоких кафедр Нью-Йорка, Вашингтона и Чикаго она яростно громила политику премьер-министра Гарольда Вильсона. Она внушала всем своим слушателям, что лейбористское правительство в своем «беспощадном стремлении к равенству» уничтожает в Англии демократию. Утверждая, что ко всем должно быть одинаковое отношение, лейбористы насаждают неравенство. Кредо Тэтчер было ближе к американскому: если вы лучше работаете, вы должны лучше жить. Государство не должно пытаться стричь всех под одну гребенку. Консенсус — это утеха слюнтяев. Джеймс Каллаган, министр иностранных дел Вильсона, прочитав газетные отчеты о ее визите, вознегодовал. «Находясь за границей, все мы поступаемся нашей собственной партийной политикой в интересах родной страны», — прочел он ей нотацию через просторы Атлантики. Вздор, ответила Мэгги, как называли

ее все в Америке. «В мои обязанности не входит пропагандировать социалистическое общество».

Тэтчер была принята президентом Фордом в Овальном кабинете Белого дома, снова встретилась с Киссинджером и беседовала с рядом конгрессменов. Поездка удалась на славу. «Я чувствую, что меня признали как лидера в международной области — той области, в которой, как утверждалось, я никогда не буду признана», — заявила она по возвращении. Похоже, англичане соглашались с ней. По данным самых последних опросов, 48 процентов населения страны ожидало, что она станет следующим премьер-министром, тогда как победу Вильсону прочил только 31 процент.

Многим сторонним наблюдателям в разных странах мира начало нравиться то, что они видели в Тэтчер, но она все еще не убедила свою собственную партию. Прекрасная возможность исправить положение представлялась ей на ежегодной конференции, которая проводилась в этом году в Блэкпуле, расположенном на бесплодном западном побережье, на второразрядном курорте, где полно дешевых увеселительных заведений, меблирашек, игротек и забегаловок, специализирующихся на рыбе с жареным картофелем. Тэтчер приехала на конференцию в состоянии внутренней напряженности и беспокойства и, по мере того как с каждым днем недели близился момент ее речи на заключительном заседании — речи лидера партии, которая будет передаваться по национальному телевидению, — она все больше волновалась и нервничала.

Присутствие на конференции Хита тоже не улучшало ее настроения. После того как его встретили с почестями как героя в конференц-центре «Зимние сады» — сооружении в стиле викторианской эпохи, — он не остановился перед тем, чтобы подвергнуть пристрастному обсуждению новое руководство партии. В неофициальной беседе с группой журналистов Хит резко раскритиковал Тэтчер и Кита Джозефа. Это не тори, утверждал он. Это фанатики, чьи безумные правые взгляды погубят партию и страну. Как он и рассчитывал, назавтра его высказывания попали в заголовки газет. Он опубликовал неубедительное опровержение. Вся эта шумиха усилила давление на Тэтчер.

К пятнице она была в полном изнеможении, хотя отказывалась признать это. Мотаясь с закрытого совещания в узком составе на собрание фракции крайних, оттуда — на прием, с приема — в свой номер работать над речью, она со вторника спала каких-нибудь несколько часов. Когда Тэтчер нервничает,

она готова рвать и метать. Так произошло и теперь. Она была ужасно недовольна первыми вариантами своей речи. «Это никуда не годится, — твердила она. — Все неправильно». В отчаянии она послала за Рональдом Милларом, драматургом, писавшим речи для Хита.

Миллар был для Тэтчер новым человеком, как и почти все ее старшие помощники, но он играл — и станет играть впредь — важную роль. Она познакомилась с ним сразу же после того, как свалила Хита, когда ей неожиданно пришлось выступить от имени партии с давно запланированным радиообращением. В продолжении всей своей политической карьеры (если не считать периода работы в министерстве образования, где у нее были «речевики») Тэтчер сама писала — подробно и от руки — все тексты своих выступлений. И она отнюдь не была исключением. Если в Соединенных Штатах редкий конгрессмен пишет свои речи сам, то для английского парламентария, наоборот, не писать текстов своих выступлений самому — дело неслыханное. Однако как лидер партии она нуждалась в квалифицированном помощнике и не без опасений дала себя уговорить попробовать на эту роль Миллара. Набросав текст пятиминутной речи по радио в перерывах между прогонами сцен своей пьесы, которую он репетировал, Миллар долго ломал голову над концовкой, пока не нашел удачное высказывание, издавна приписываемое Аврааму Линкольну: «Нельзя сделать слабого сильней, ослабляя сильного; нельзя помочь бедным, уничтожив богатых; нельзя постоянно помогать людям, делая за них то, что они могут и должны делать сами».

Он прочел ей речь вслух, как привык читать свои пьесы в театре. Когда он закончил, она не сказала ни слова и только пристально смотрела на него. Он тоже молча глядел на нее, уверенный, что провалил пробу. Затем она открыла свою объемистую дамскую сумочку, извлекла оттуда большой кошелек с защелкивающимся запором, вынула из кошелька бумажник и принялась рыться в нем. Через пару бесконечно долгих минут она вытащила маленький пожелтевший листок бумаги, встала со стула и направилась к Миллару, который уже подумывал, не повредилась ли она в уме. На мятом, разлезающемся листочке было записано то же изречение. «Я всегда ношу это с собой», — сказала она с улыбкой. «Меня словно током дернуло, — рассказывал впоследствии Миллар. — Я вдруг понял, что жизненный путь этой женщины каким-то образом переплетется с моим» {6}.

Миллар и Тэтчер продолжили сотрудничество на Блэкпулской конференции. Миллар всю ночь напролет писал

речь. К утру весь номер был завален исписанными листами. Тэтчер, поспавшая несколько часов, явилась в новом костюме — синего цвета, который является символом консервативной партии, — поддернула юбку и опустилась на колени на пол рядом с ним, призывая его поторапливаться. «Я не могу сесть: платье сомнется, в чем я тогда буду выступать?» — сказала она и нетерпеливо добавила: «Давайте, давайте, пишите» {7}. Прочитав кусок речи вслух, она покачала головой.

— Это не я, — посетовала она. — Я не актриса.

— Вы должны ею стать, — ответил он. — Вы же теперь исполнительница главной роли.

Они принялись торопливо складывать страницы. Пригладив напоследок волосы, Тэтчер двинулась в конференц-зал, но не успела она выйти, как зазвонил телефон. Заседание затягивается, сообщили ей. Не могла бы она подождать еще несколько минут? «Ну нет! — взорвалась она. — Ни минуты больше не останусь в этом проклятом гостиничном номере — я тут на стенку от нервов лезу». Нервы ее успокоились только тогда, когда она оказалась в зале и пожилая женщина вручила ей метелку из перьев — символ чистки партии, осуществляемой ею. После того как она была официально представлена аудитории, Тэтчер, повинуясь порыву вдохновения, махнула метелкой по кафедре и по носу председателя партии Питера Томаса. Публика рассмеялась. Напряжение спало. Тэтчер почувствовала себя раскованно и легко начала говорить {8}.

Она с похвалой отозвалась о своих предшественниках, Черчилле и Хите, который к этому времени уехал из Блэкпула, чтобы не слушать ее речь, и заявила, что видит свою задачу в том, чтобы «преодолеть экономические и финансовые трудности, которые испытывает страна, и вернуть нашу веру в Англию и в самих себя». Тэтчер объяснила, почему создалось впечатление, будто за океаном она резко критиковала Англию. «Я критиковала не Англию. Я критиковала социализм. И буду критиковать впредь, потому что он пагубен для Англии. Англия и социализм — это не одно и то же, и пока у меня есть силы и здоровье, между ними никогда не будет стоять знак равенства.

Позвольте мне изложить вам мой взгляд на вещи, — продолжала она. — Право человека работать самостоятельно, тратить заработанное, владеть собственностью, иметь в лице государства слугу, а не господина — вот в чем состоит английское наследие». Публика встала, дружно аплодируя. Позже, когда в зале потух свет, а Тэтчер потягивала виски в своем номере, она обернулась к Эйри Ниву и сказала: «Вот теперь я лидер».

На первых порах лидеру явно недоставало уверенности в себе. В парламентских дебатах она пасовала перед Гарольдом Вильсоном. Ловкий полемист, Вильсон постоянно уклонялся от прямолинейных, резких и сокрушительных ударов Тэтчер, снова и снова побеждая ее в споре. Однажды, когда ей предстояло открывать дебаты, она заупрямилась. Ей надоело оставаться в дураках. Если дебаты откроет кто-нибудь другой, она смогла бы лучше разобраться в стратегии Вильсона. Нив отозвал ее в сторонку и разъяснил ей суровую правду жизни: «Маргарет, когда вы станете премьер-министром, вам придется то и дело открывать дебаты». Она вздохнула, кивнула и открыла прения {9}.

Высокомерие, которое проявлял Вильсон во время дебатов по внешнеполитическим вопросам, и в особенности по вопросам отношений с Советским Союзом, так возмущало Тэтчер, что она поставила себе целью подковаться в этой области. К 1975 году Соединенные Штаты наконец ушли из Вьетнама, и отношения между Востоком и Западом в первый ее год на посту лидера консерваторов занимали центральное место в сообщениях средств массовой информации. Соединенные Штаты и Советский Союз осуществили совместный полет космических экипажей, а главы тридцати пяти государств собрались в Финляндии, чтобы подписать Хельсинкские соглашения, ознаменовавшие собой вершину разрядки — короткого периода ослабления международной напряженности после подписания Никсоном и Брежневым в Москве в 1972 году договора ОСВ-1 об ограничении стратегических ядерных вооружений. Несмотря на доброжелательное отношение к разрядке, вокруг нее велись ожесточенные споры, особенно жаркие в вопросе о том, не был ли Запад обманут Советами. Для того чтобы участвовать в этих спорах, она решила изучить все, что только возможно, начиная с обороны. Опыт участия Британии во второй мировой войне убеждал ее в необходимости сильной обороны, и она принялась углублять свои познания. Процесс освоения материала потребовал — излюбленное ее занятие — запоминания мельчайших подробностей: виды вооружений, количество боевых кораблей и самолетов, численный уровень вооруженных сил и резервных войск. Не обошла она своим вниманием эмиграционную политику СССР и отношение Советов к диссидентам.

Она уже относилась к Советскому Союзу с большой настороженностью, порожденной ее верой в свободу личности и абсолютной преданностью праву человека полностью раскрывать свои способности без вмешательства — сковывающего или опекающего — со стороны государства. Социализм, и особенно

коммунизм, являлся в ее глазах полной противоположностью этому принципу. Когда же в ходе своих изысканий она увидела, какое массированное наращивание вооруженных сил происходит в Советском Союзе при Брежневе, ее инстинктивное неприятие сменилось весьма конкретной озабоченностью.

Ее первая речь на тему отношений между Востоком и Западом, произнесенная за несколько недель до подписания Хельсинкских соглашений в 1975 году, когда разрядка переживала пору весеннего цветения, представляла собой риторический эквивалент снежного вихря. «Слово «разрядка» звучит хорошо, и в той мере, в какой имеет место действительное ослабление международной напряженности, разрядка — вещь хорошая, — сказала она на собрании Ассоциации консерваторов Челси. — Но факт остается фактом: в продолжение этого десятилетия разрядки вооруженные силы Советского Союза увеличивались, увеличиваются, и нет ни малейшего намека на их сокращение в будущем». В январе 1976 года, еще глубже изучив вопрос, она возобновила свои нападки, которые не оставляли сомнения в том, какую позицию занимает она по отношению к Москве. Лейбористское правительство Вильсона, заявила она, «ликвидирует нашу оборону в момент, когда стратегическая угроза Британии и нашим союзникам со стороны экспансионистской державы приобрела более серьезный характер, чем в какое-либо время после окончания последней мировой войны». Советским Союзом «правит диктатура упорных, предусмотрительных людей, которые быстро превращают свою страну в самую передовую военно-морскую и военную державу мира. И делают они это не только ради самообороны». Русские, заявила она, «стремятся к мировому господству». Если Запад не пробудится, то «нам будет суждено, по их собственным словам, кончить на мусорной свалке истории».

Вильсон осудил эту речь как эмоциональную болтовню. Других откликов на нее в Англии не было, и, незамеченная, она тихо канула бы в Лету, если бы не одно обстоятельство. В Советском Союзе речь вызвала взрыв ярости. Агентство новостей — ТАСС заклеймило Тэтчер как «поджигательницу холодной войны». В сатирическом журнале «Крокодил» появились карикатуры, на которых она была изображена как «злая ведьма Запада» верхом на помеле над зданием парламента. Но самый лучший эпитет придумала газета Советской Армии «Красная звезда»: она назвала Тэтчер «железной леди». Получить подобный эпитет было для нее лучшим подарком. Ярлык «железная леди» окажется бесценным приобретением с точки зрения победы на выборах. («Русские прозвали меня «железной леди», — станет

говорить она, выступая перед избирателями в ходе предвыборной кампании 1979 года. — Они правы. Англии нужна железная леди».) Тэтчер при каждом удачном случае хвастала своей репутацией «железной леди», резко критикуя Советы за «вопиющее нарушение» духа Хельсинки. После своего прихода к власти она обещала повысить расходы на оборону. Китай был так доволен ее наскоками на медведя, что ее незамедлительно пригласили нанести визит в Пекин, что она и не преминула сделать в 1977 году.

В то время как Тэтчер развивала наступление на внешнеполитическом фронте, ход событий внутри страны изменился, и это стало началом конца для Гарольда Вильсона. Безработица достигла самого высокого после войны уровня, государственные расходы вышли из-под контроля. Инфляция достигла 27 процентов. В довершение всего Вильсон — точь-в-точь так же, как до него Хит, — совершил в середине своего срока правления поворот на 180 градусов и объявил о крупном сокращении государственных расходов. Но Вильсон, которому только что исполнилось шестьдесят лет, на этом не остановился и объявил о своем уходе в отставку, чем поверг в смятение свою партию. Многоопытный премьер-министр, дважды занимавший этот пост, отказывался от попытки занять его в третий раз, несмотря на то что чувствовал себя, по его собственным словам, «как нельзя лучше». «Уж если я ухожу, то ухожу, — заявил он, повторяя фразу Стэнли Болдуина, обращенную к его преемнику Невиллу Чемберлену. — Я не собираюсь заговаривать с человеком, стоящим на капитанском мостике, и я не собираюсь плевать на палубу».

Через три часа после того, как прозвучало это ошеломляющее заявление, наступило время запросов, и Вильсон предстал перед палатой общин, чтобы ответить на вопросы ее членов, Тэтчер, сидевшая напротив, знала, что по такому случаю требуется сказать прочувствованно-доброжелательное похвальное слово, но ей было трудно заставить себя тепло говорить о противнике, который снова и снова побеждал ее в поединке у курьерского ящика. Она попыталась, но без особого старания. Тенденциозная в своих партийных пристрастиях, видящая в дебатах палаты общин что-то вроде настоящей войны, Тэтчер лучше играет первые роли, чем вспомогательные. Изображать притворное сочувствие она не умеет. «Несмотря на наши личные столкновения, мы желаем вам лично удачи в вашей отставке», — наконец выдавила она из себя. Вильсон с улыбкой поклонился.

В то время тори, согласно опросам общественного мнения, имели явное преимущество и почти наверняка победили бы на

выборах, если бы выборы были назначены. Однако условия, необходимого для проведения в данном случае выборов, не существовало. Вильсон оставлял свой пост добровольно, и его партия, по-прежнему сохранявшая незначительное большинство, предпочла избрать нового партийного лидера, которому и предстояло стать премьер-министром. Тэтчер, чьи надежды были обмануты, потребовала новых выборов, но ничего не добилась.

Через неделю министр иностранных дел Джеймс Каллаган, признанный фаворит, победив пятерых соперников, получил пост лидера лейбористской партии, а с ним и резиденцию на Даунинг-стрит, 10. Шестидесятичетырехлетний Каллаган отличался от Вильсона большим центризмом и меньшей политической ловкостью; на людях он держался с отеческой заботливостью, но частенько выказывал себя яростным противником в закулисной борьбе. У него была идеальная биография для того, чтобы привлечь максимум избирателей. Сын старшины военно-морских сил, он пятнадцати лет от роду бросил школу, чтобы прокормить овдовевшую мать. Придя в политику через участие в профсоюзных выборах, он поочередно занимал все три «главные государственные должности»: министра финансов, министра внутренних дел и министра иностранных дел. По сравнению с Тэтчер он обладал гигантским опытом.

Впрочем, будучи премьером, Каллаган так и не смог доказать, что пребывание на этих высоких постах многому его научило. Несмотря на весь опыт Каллагана, его правление не отличалось изобретательностью. Он не сумел ни продолжить политику Вильсона, ни приняться за лечение таких глубоко укоренившихся экономических недугов, как высокая инфляция, все возрастающие требования повышения заработной платы и ослабление позиций фунта. Зато он умел увиливать и лавировать в парламенте. Когда Тэтчер нападала на него, Каллаган парировал ее нападки с пренебрежительной снисходительностью. «Ну ну, лапонька, — самодовольно изводил он ее, глядя поверх курьерского ящика, как лицо ее заливается краской. — Не верьте вы всему тому вздору, что пишут в газетах о кризисе и переворотах и конце нашей цивилизации. Ей-богу, нельзя этому верить!» Она чуть не лопалась от злости. Каллаган нашел, чем можно ее пронять — язвительной снисходительностью, и постоянно прибегал к этому средству. Наделенная от природы инстинктом соперничества, она испытывала искушение ответить ему тем же, но сознавала, какой опасностью это чревато. «Если я стану поступать так же, то, боюсь, в устах лидера-женщины это прозвучит сварливо», — пояснила она, сославшись — редкий случай — на свой пол {10}. Сидеть там и молча сносить издевки было для нее непереносимо.

То ли дело обычная шумная парламентская перепалка!

После того как валютный кризис неоднократно приводил к подрыву позиций фунта, а дефицит торгового баланса продолжал расти, правительство было вынуждено принять решительные меры. Министр финансов Дэнис Хили отменил запланированную поездку в Азию, чтобы заручиться срочной помощью со стороны Международного валютного фонда (МВФ) — обычно к помощи такого рода прибегают страны-должники третьего мира. Резервный заем МВФ в размере 3,9 миллиарда долларов, предоставленный в результате Англии, исчерпал ее лимит прав заимствования в МВФ и явился уже четвертым гигантским кредитом, полученным Англией за границей меньше чем за год. Всего за четыре месяца до этого Англия запросила и получила 5,3 миллиарда долларов на международных рынках кредита. Теперь МВФ просил правительство Каллагана осуществить жесткие меры по наведению суровой экономии и сократить расходную часть следующего бюджета на 3–5 миллиардов долларов. Страна была на грани банкротства.

Положение лейбористской партии стало неустойчивым, но Каллаган укрепил свое пошатнувшееся правительство, заключив союз с либералами. Потерпев вновь неудачу, Тэтчер уложила вещи и пустилась в путь. Китай принял ее с почестями, обычно оказываемыми главам государств, прибывающим с официальным визитом, а в Соединенных Штатах американский президент Джимми Картер отменил введенное им же правило, оказав ей тем самым совершенно особое внимание. Дело в том, что Картер с присущим ему стремлением к методичности ввел недальновидное правило, что он станет встречаться только с главами правительств, наносящими официальный визит. А со всеми лидерами оппозиции будет встречаться его вице-президент Уолтер Мондейл. Два ведущих европейских руководителя — лидер французских социалистов Франсуа Миттеран и лидер немецких христианских демократов Гельмут Коль — искали встречи с Картером и получили отказ. Оба государственных деятеля, впоследствии возглавившие свои страны, отменили свою поездку в Соединенные Штаты.

Каллаган был лучшим иностранным другом Картера. Когда премьер-министр сшил костюм в тонкую полоску из ткани, каждая полоска которой была образована буковками JC — инициалами Картера, — он послал отрез этого материала на костюм президенту. Но Картер был решительным сторонником женского равноправия, и его прельщала перспектива встречи с лидером тори. И вот когда английский посол в Вашингтоне Питер Джей, кстати, зять Каллагана, стал уговаривать Картера

встретиться с лидером оппозиции, президент нарушил свое собственное правило. Он пригласил Тэтчер в Овальный кабинет на получасовую беседу — и пожалел об этом.

Тыча в президента пальцем, она прочла Картеру лекцию о своих отношениях с профсоюзами и с ходу отвергла высказанное им твердое убеждение, что неотъемлемой частью внешней политики должна быть нравственность. Вздор, отрезала она. «Внешняя политика — это просто-напросто выражение национального своекорыстия». Картер вспыхнул. Впоследствии он говорил, какое впечатление произвела на него Тэтчер: «жесткая, чрезвычайно самоуверенная, упрямая и неспособная признать, что она чего-то не знает» {11}. Картер тоже не произвел на нее большого впечатления. Она нашла, что он «слащаво-сентиментальный» и «сырой», что на школьном жаргоне означало «бесхребетный». Теперь она понимает, сказала она, почему американцы называют Картера «тряпкой». И она с ними согласна {12}.

Поездка в США чрезвычайно укрепила ее уверенность в себе. Ей понравились толпы встречающих, американский энтузиазм и долгие, несмолкающие аплодисменты. Она ощутила приток адреналина в крови. «Вопрос не в том, победим ли мы, консерваторы, на выборах, — заявила она, выступая перед толпой в Нью Йорке, — а в том, как велико будет наше большинство». Слушатели орали, приветствуя ее агрессивность, и она сияла от радости.

Домой она вернулась с ощущением личного триумфа, но и у Каллагана дела пошли лучше. Премьер-министр и министр финансов Хили вынужденно перешли в фискальных вопросах на позиции правых и начали сокращать объем заимствования. Ограничения на рост заработной платы и доходы от эксплуатации нефтяных месторождений на дне Северного моря позволили уменьшить инфляцию с 30 процентов — уровня, характерного для Латинской Америки, — до более терпимых 13 процентов, что способствовало, впервые после трех кошмарных лет, новому притоку иностранного капитала. Тэтчер была убеждена в том, что Каллаган просто-напросто замазывает трудные экономические проблемы. Но она была слишком хорошим политиком, чтобы не понимать, что бить в набат, когда положение внешне улучшается, значило бы только вредить себе. Ей нужен был новый спорный вопрос.

В начале 1978 года она подняла вопрос, затрагивать который не было принято, — расовый. Большинство политиков старалось держаться от него подальше как от абсолютно проигрышного. До нее только правый диссидент член парламента Инок Пауэлл да

стоящий на крайне расистских и фашистских позициях «Национальный фронт» осмеливались возбуждать страхи почти трех миллионов черных, индийцев и пакистанцев среди пятидесятичетырехмиллионного населения Англии. Страна гордится своей, как она сама считает, врожденной, инстинктивной расовой терпимостью. Ведь в конце концов, Британия в основном благожелательно правила своей империей и по сей день возглавляет многорасовое Содружество наций. В Англии никогда не существовало той узаконенной расовой дискриминации, которая насквозь пропитывала движение за гражданские права в Соединенных Штатах.

Тем не менее в Англии существовали — и существуют поныне — глубокие очаги расизма, и не в последнюю очередь в парламенте, который приветствовал в своих стенах первых черных парламентариев только в 1987 году. Лондонская полиция тоже славится своей расовой нетерпимостью. Элитарные гвардейские части, несущие охрану королевской семьи, оставались сегрегированными вплоть до 1988 года, когда расовый барьер сломал один молодой черный солдат, принятый по прямому распоряжению принца Чарлза.

Конец империи привел к изменению расового состава населения Англии. Гарольд Макмиллан энергично поощрял иммиграцию, чтобы удовлетворить потребность страны в неквалифицированной рабочей силе, и иммиграция из стран Содружества стремительно росла. За период с 1959 по 1961 год приток иммигрантов увеличился почти в семь раз, с 21 000 до примерно 137 000 человек. Вскоре после этого правительство ввело законодательные ограничения: въезд разрешался только тем, у кого кто-нибудь из родителей или дедушек с бабушками родился в Англии, иными словами, — белым.

В 1972 году, после того как Иди Амин изгнал из Уганды — страны, входящей в Содружество, — всех постоянно проживавших там выходцев из Азии, Хит провел закон, разрешавший въезд в Англию жителям Уганды независимо от их происхождения. К середине 70-х годов ежегодное число иммигрантов составляло около 45 000. Под сенью соборов возводились мечети; в некоторых ресторанах и пабах блюда, приправленные острой индийской приправой карри, вытеснили традиционные пироги с мясом и почками, и даже в самой отдаленной сельской глубинке можно было встретить женщин в сари и мужчин в тюрбанах.

Безработица, сокращение бюджетных расходов, рост преступности — все эти факторы одновременно привлекли внимание к иммигрантской общине. Все чаще происходили стычки между белыми и цветными. По данным опроса Гэллапа, 59

процентов британской общественности полагало, что иммигранты представляют собой «весьма серьезную проблему», а 49 процентов призывало правительство дать иммигрантам денег на отъезд из страны.

Когда в 1978 году Тэтчер высказалась по этому вопросу, она затронула тему, имевшую безусловную актуальность для рабочих, озабоченных угрозой конкуренции со стороны приезжих, и для всех тех, кто опасался за целостность своей однородной культуры. Тэтчер подняла расовый вопрос в телевизионном интервью после беспорядков, произошедших в выходные дни в Вулвергемптоне, где две сотни молодых негров, спровоцированные толпой белых, в отместку принялись крушить витрины магазинов и бросать камни в полицейских. Призывая «полностью покончить с иммиграцией», Тэтчер утверждала: «англичане и в самом деле не на шутку обеспокоены тем, что их страна будет затоплена людьми другой культуры». Предсказав, что к концу столетия численность черного и цветного населения Англии удвоится и достигнет 4 миллионов человек (на начало 1990 года она составляла 3,1 миллиона), Тэтчер отметила, что людей это пугает. «Мы, политики, существуем не для того, чтобы игнорировать людские страхи, — заявила она. — Мы, политики, призваны устранять их причину».

Ее высказывания в телевизионной программе «Мир в действии» вызвали целую бурю. Парламентарии-лейбористы называли ее расисткой. Министр внутренних дел Мерлин Рис обвинил ее в попытке «придать респектабельность расовой ненависти». Поношения раздавались со всех сторон. Дэвид Янг, епископ Рипонский, предостерегал ее: «Разжигая страсти и предрассудки, страхи и ненависть, которые не могут не сказаться губительным образом на нашем обществе, вы ведете опасную игру». С ним были согласны многие из ее собственного консервативного лагеря. Некоторые считали, что Тэтчер, пусть даже сама и не расистка, занимает опасно правые позиции и ни перед чем не останавливается в своем отчаянном стремлении стать премьер-министром. Она твердо стояла на своем. Обвинения в расизме она отмела как «абсолютно вздорные». Не обсуждать вопрос об иммиграции было бы, по ее словам, «совершенно нелепо» и безответственно. Она, конечно, оседлала тигра, но уверенно держалась в седле. Через две недели после интервью опрос общественного мнения показал, что популярность тори подскочила на 11 процентов: если раньше они отставали от лейбористов на 2 процента, то теперь обогнали их и вели с разрывом в 9 процентов.

Для Тэтчер самым поучительным в этом скандале было

воочию увидеть, как члены ее партии попрятались в кусты, когда атмосфера накалилась. Слишком многим, убедилась она, не хватает смелости отстаивать вещи, которые, по ее мнению, необходимо было высказать и сделать. Тот факт, что они не соглашались с ней, не имел в ее глазах значения. Главное, они проявили себя «сырыми», то бишь мягкотелыми, и поэтому она перестала с ними церемониться. Притом расовый вопрос был только верхушкой айсберга. Иэн Гилмор, теневой министр внутренних дел, не согласился с ее призывом снова ввести смертную казнь. Он тотчас лишился своего поста и был переведен на менее престижную должность министра обороны. Уинстон Черчилль, внук лидера военных лет, не согласился с ней в вопросе о продолжении экономических санкций против Родезии. Он в мгновение ока вылетел вон. Орудуя ножом мясника, она все больше отстранялась от теневой бюрократии и собирала вокруг себя тесный внутренний кружок советников, в чьей личной преданности не сомневалась. Эта узкая группа, ее первый «кухонный кабинет», куда входили специалисты из лондонских финансовых кругов и профессионалы-менеджеры, стала составной частью ее политической организации. Большинство ее членов, как и сама Тэтчер, были целеустремленными людьми, сделавшими карьеру самостоятельно, без помощи семейных связей, доставшегося по наследству богатства или аристократического произношения.

Члены внутреннего кружка с благословения своей руководительницы любили действовать, отбрасывая бюрократические формальности и волокиту и минуя умеренных членов ее собственного теневого кабинета. Внутренний кружок производил предварительную обработку политических рекомендаций и формулировал отобранные варианты в соответствии с предпочтениями самой Тэтчер, прежде чем они поступали на рассмотрение более широкой группы руководителей. Внутренняя оппозиция чаще всего с легкостью подавлялась. «Сырому», впервые услышавшему политическое предложение Тэтчер, было трудно, если не невозможно, подыскать аргументацию, чтобы воспрепятствовать его принятию или добиться его изменения: «кухонный кабинет», состоящий из «сухих», или правоверных, уже предусмотрел потенциальные контрдоводы и подготовил ответы.

Структура внутреннего кружка давала столь ценимую Тэтчер эффективность, но ценой глубокого раскола между идеологами и традиционными консерваторами. Это не беспокоило Тэтчер. Она была готова платить эту цену. Вместе с единомышленниками «сухими» она отшлифовывала свою стратегию. Они решили, что

сдвигу Каллагана в сторону политического центра лучше всего противопоставить демонстративный, вызывающий экстремизм.

В начале лета 1978 года казалось, что вот-вот будут назначены всеобщие выборы. Пятилетний мандат лейбористской партии на управление страной истекал только в октябре 1979 года, но процент опрошенных, одобряющих политику Тэтчер, начал падать. Преимуществом Каллагана была сердечная, успокаивающая, располагающая манера его публичных выступлений. Тэтчер действовала людям на нервы. Она говорила слишком резко, слишком агрессивно, без тени смягчающего юмора. Даже ее прическа, сооружение в виде пчелиного улья, покрытое лаком и похожее на скульптуру, открыто высмеивалась как символ ее жесткой непреклонности. Гордон Рис в свете приближающихся выборов порекомендовал консерваторам нанять самое популярное в Англии рекламное агентство, «Саатчи энд Саатчи», с тем чтобы оно подработало имидж партии и подготовилось к проведению предвыборной кампании. Директор-распорядитель агентства Тим Белл, энергичный и талантливый специалист по рекламе, наделенный природным политическим чутьем на высокое и низкое в политике, решил лично заняться этим заказом, что явилось судьбоносным решением для Тэтчер и для агентства.

Тэтчер знала о рекламе только одно, что она в ней нуждается Она предупредила Белла, с которым сразу же нашла общий язык, что он не должен изображать ее кем-то, кем она не является. «Если вы нарисуете портрет, который на меня не похож, и меня изберут, то тогда я не смогу делать то, что хочу, так как люди будут ждать от меня чего-то другого», — сказала она ему. Сама она могла предложить всего один конкретный совет. Во время своей первой избирательной кампании в Дартфорде четверть века назад она усвоила практический урок. Надпись на плакатах ее соперника Нормана Доддса гласила: «Доддс вновь будет представлять Дартфорд», но молодые тори приписывали на плакатах еще два слова: «Вряд ли Доддс вновь будет представлять Дартфорд». «Не делайте таких плакатов, на которых люди смогут что-то приписать», — посоветовала она Беллу с улыбкой и задорным блеском в глазах {13}.

Когда Каллаган принял решение не проводить, вопреки всеобщим ожиданиям, выборы осенью 1978 года, он фактически отложил все до весны. Психологически зима — неподходящее время для назначения выборов в Англии, особенно если она не за горами. Ведь правителей, в чьи обязанности входит назвать дату выборов, судят более строго в промозглую, холодную пору. Зима 1978/79 года оказалась для правительства сущим бедствием:

Англия вступила в один из самых тяжелых периодов промышленных неурядиц, усугубляемых нараставшими крещендо забастовками, увольнениями, перебоями и закрытиями. В самой большой забастовке после всеобщей стачки 1926 года принимали участие водители грузовиков, железнодорожники, работники общественного обслуживания, шоферы машин «скорой помощи».

Антиинфляционная политика Каллагана в области заработной платы потерпела крах, после того как профсоюзы потребовали прибавок к зарплате, которые в два — пять раз превышали 5-процентный предел, установленный правительством. Пролейбористская «Дейли миррор» охарактеризовала ситуацию как вышедшую из-под контроля» и писала, что «пикеты забастовщиков душат нашу промышленную жизнь». Закрывались больницы и школы. Могильщики отложили свои кирки и лопаты. В моргах штабелями лежали покойники. На тротуарах росли горы мусора, загораживавшие проход, среди мусора шныряли крысы. Тэтчер метала громы и молнии в парламенте, но Каллаган, не имея готового решения, пытался переждать бурю. Не в буквальном смысле слова. В середине зимы он, спасаясь от уныния депрессии, уже получившей название «зимы тревоги нашей», улетел на восхитительно тропический остров Гваделупу, где состоялась экономическая встреча на высшем уровне. По его возвращении газета «Сан» язвительно вынесла в заголовок слова, которых Каллаган не говорил, но подразумевал: «Кризис? Какой кризис?» Каллаган вспылил. «У нас и раньше бывали забастовки, — огрызнулся он. — Мы и раньше бывали на грани». Многим англичанам не понравилась его позиция. Ведь большинству из них не удалось развеяться в тропиках. «Премьер-министр — идиот», — заявила без обиняков супермодель Твигги.

В марте балансированию Каллагана пришел конец: шотландские националисты и либералы, поддерживавшие правительство, отказали ему в поддержке. После ожесточенной перепалки, в которой многие дали волю своему раздражению, Тэтчер внесла предложение о вынесении вотума недоверия. «Никогда еще наша репутация в мире не падала так низко, — выкрикнула она в лицо Каллагану. — Англия теперь — страна на обочине». Когда через семь часов это предложение было поставлено на голосование, палата общин отказала правительству в доверии. Чашу весов склонил один-единственный голос: предложение Тэтчер было принято 311 голосами против 310. Каллаган потерпел поражение — впервые за пятьдесят пять лет правительство пало, не получив вотума доверия. После объявления итогов голосования в палате поднялся

невообразимый шум и гам. Парламентарии-консерваторы кричали, размахивали бумагами и ликовали, но Тэтчер, воплощенное самообладание, не выражала никаких эмоций. Дома она выпила с Дэнисом бокал шампанского. Здесь, в домашней обстановке, она призналась, что ее возбуждает перспектива предвыборной борьбы. «Такой вечер, как сегодня, выпадает раз в жизни», — сказала она. Еще до того, как было допито шампанское, она созвала совещание теневого кабинета для разработки стратегического плана. «Мои войска готовы, — заметила она. — И готовы уже давно».

Утром следующего дня, когда Каллаган поехал в Букингемский дворец просить королеву распустить парламент, Тэтчер позволила себе удовольствие подольше выспаться, а затем — неслыханное дело — позавтракать в постели. В отличие от немилосердно растянутых кампаний по выборам президента в Америке, английские кампании, предшествующие всеобщим выборам, коротки, но интенсивны. После того как назначается дата выборов, около недели обычно уходит на доделывание оставшихся неотложных дел в парламенте. Сама избирательная кампания продолжается около четырех недель, причем выборы всегда происходят в четверг. Если правящий премьер-министр терпит поражение, передача власти осуществляется безотлагательно. К дому на Даунинг-стрит подкатывает мебельный фургон, и готово дело — назавтра помещение свободно. Победивший соперник немедленно приступает к исполнению своих обязанностей, а министры теневого кабинета водворяются в предназначенных им министерствах. Преемственность обеспечивают остающиеся на своих местах государственные гражданские служащие, и государственный аппарат продолжает работу без лишних проволочек. Тэтчер знала, что теперь ей не видать ни минуты отдыха до самого дня выборов, назначенных на 3 мая, до которого оставалось всего пять недель. До этого дня она должна будет работать на пределе сил: если Хиту позволительно терпеть поражение на трех всеобщих выборах из четырех, то женщине, потерпевшей поражение, партия, конечно, никогда не даст второго такого шанса. «Мне дадут возможность провалиться на выборах только один раз», — заявила она {14}.

Хотя на телевидении запрещена политическая реклама, правилами допускается ограниченное количество бесплатных партийных выступлений. Каллаган начал избирательную кампанию одним из таких телевизионных обращений. Он охарактеризовал лейбористскую партию как партию стабильности, а консерваторов — как партию сторонников

радикальных перемен. Эта характеристика переворачивала с ног на голову традиционные представления об обеих партиях, но Каллаган был прав. Лейбористы стремились сохранить существующее положение; Тэтчер с ее новоявленными тори-радикалами были революционерами. Тэтчер собиралась открыть кампанию на следующий день своим собственным телевизионным выступлением. Перед тем как ехать на студию, она заглянула в Финчли поговорить со своими избирателями. Когда она находилась там, ей позвонили из Лондона. В здании палаты общин взорвалась бомба. На выезде из подземного гаража для членов парламента горит машина. В сознании Тэтчер мелькнуло: «Боже, только бы не Эйри!»

Это был он. Шестидесятитрехлетний Эйри Нив, министр по делам Ольстера в теневом кабинете и потенциальный министр по делам Северной Ирландии в правительстве Тэтчер, стал жертвой покушения. Впервые после убийства премьер-министра Спенсера Персевала в 1812 году член парламента был убит в самом парламенте. Ответственность за его убийство взяла на себя объявленная вне закона Ирландская республиканская армия. Террористы прикрепили бомбу к нижней стороне его синего «воксхолла». Гибель Нива явилась для Тэтчер страшным ударом. Он был ее наставником, ее доверенным политическим советником. Он сделал ее лидером партии, умело организовав победу над Хитом. Без него она так и осталась бы заднескамеечницей, возможно, навсегда. Мало того, это был ее лучший друг. Он не принадлежал к категории придворных кавалеров, мнимых влюбленных и дамских угодников. Как и Тэтчер, он был политиком до мозга костей, но не вынашивал честолюбивых планов занять более высокий пост самому. С Эйри она могла не беспокоиться за свои тылы. Он всегда был начеку. Она могла засиживаться с ним допоздна, разрабатывая стратегию или с улыбкой обсуждая последнюю парламентскую сплетню. Помимо Дэниса, которого не интересовали подробности политической кухни, у нее не было другого такого друга. А теперь он погиб, став жертвой ее назначения на злополучную должность. Потрясенная, не в силах сдерживать рыдания, она отложила свое телевизионное выступление и спешно вернулась к себе в кабинет лидера оппозиции в палате общин. Тут она взяла себя в руки, села за свой рабочий стол и написала текст слова, посвященного памяти умершего. Через двадцать минут она вызвала составителя речей Миллара и отдала ему черновик со словами: «Усильте это». Усилить речь он не смог. Она нашла верный тон. Из Австралии позвонила Кэрол. Мать рассказала ей, что случилось, выразив свой ужас и гнев. «Мы должны теперь победить на выборах, —

воскликнула она. — Мы победим ради Эйри».

Тэтчер выступила по телевидению, особо выделив свою первоочередную цель — сокращение налогов. Но потом она на неделю прервала свою предвыборную кампанию — до похорон Нива. После похорон она устроила его вдову на работу в штаб-квартиру партии. Решение на неделю задержаться с развертыванием избирательной кампании и фактически пожертвовать четвертой частью всего отпущенного на нее времени не было чисто эмоциональным актом. Стратегически консерваторы строили свои расчеты на том, чтобы дать Каллагану вырваться вперед: тогда они смогут критиковать его три года правления вместо того, чтобы увязать в полемике, защищая некоторые из наиболее спорных пунктов политической программы Тэтчер. Тактически же стратеги-тори, и особенно Рис, исходили из опасений иного рода. Их беспокоило, что крайняя воинственность Тэтчер подействует на избирателей раздражающе, если они будут видеть и слышать ее слишком часто. Хотя, по данным опросов общественного мнения, ее перевес над соперником увеличился с 6 до 21 процента, они боялись, что в случае, если она станет держаться слишком вызывающе, ее популярность может быстро и непоправимо упасть. Более того, надежда на возможный промах Тэтчер являлась важной составной частью стратегии лейбористов. При этом почему-то не принимался во внимание тот факт, что она дольше, чем Каллаган, была партийным лидером и что он, несмотря на свой огромный опыт министра, тоже впервые участвовал как лидер партии в общенациональных выборах.

Подобно боксерам, пытающимся нащупать друг у друга слабые места, оба не были уверены, как лучше всего атаковать противника. Каллаган наносил критические удары по ее радикализму с его непредвиденными последствиями, по ее антиюнионизму и неопытности во внешнеполитических делах. Но на первых порах он никогда не называл имени Тэтчер и не велел помощникам чернить ее, опасаясь ответной реакции. Тэтчер тоже остерегалась переусердствовать по части личных нападок. Она испытывала искушение придать кампании совершенно негативный характер, но не хотела, чтобы это вылилось в месячник взаимных поношений. Ведь ее тоже забросали бы грязью, притом еще неизвестно, кто выиграл бы больше. Когда Тим Белл показал ей макет плаката, на котором Каллаган был изображен в виде капитана «Титаника», продающего билеты на следующий рейс, она забраковала его. Рекомендация обвинить Каллагана в том, что у него два дома — это, мол, выглядит странно в глазах сторонников лейбористской партии из менее

обеспеченных слоев рабочего класса, — была сразу отвергнута. «Но, Боже мой, как вы не понимаете! — воскликнула она, обнаруживая свое знакомство с чаяниями избирателей. — Мы хотим, чтобы у каждого было по два дома» {15}.

В 1979 году женщины составляли более половины контингента избирателей. Большинство склонялось отдать свои голоса консерваторам, но выше всего оценивали Тэтчер женщины из рабочей среды. Женщины, принадлежавшие к среднему классу, находили ее слишком напористой и упрямой. Играя на своей популярности в рабочей среде, она частенько позировала перед фоторепортерами, забегая в бакалейно-гастрономические магазины, делая покупки, складывая их в корзину и демонстрируя знакомство домашней хозяйки с ценами на продукты. В одном торговом центре она разыграла такую сценку: помахивая корзиной, доверху наполненной продуктами, в правой руке и держа в левой полупустую корзину, она возгласила: «В правой руке у меня то, что можно было купить на фунт стерлингов при консервативном правительстве в 1974 году; в левой — что можно купить на него при лейбористском сегодня. Если лейбористы пробудут у власти еще пять лет, я смогу унести все, что можно будет купить на фунт, в конверте».

Избиральная кампания длилась недолго, но нагрузка была тяжелой и утомительной. В семь утра она уже находилась в пути и весь день проводила в бесконечной череде предвыборных мероприятий: куда-то добиралась автобусом, поездом, самолетом, автомобилем, выступала на митингах, совершала с избирателями пешие прогулки, пила с ними чай и кофе, устраивала пресс-конференции. Она любила посещать фабрики. Ей нравилось показывать свои знания в технике, особенно если рядом были мужчины. Она побывала на стольких заводах, что «Спектейтор», еженедельник, симпатизирующий консерваторам, пожурил ее: «Промышленный процесс вызывает у нее искреннее любопытство; какая жалость, что она считает необходимым удовлетворить его во время столь короткой трехнедельной кампании».

Почти всегда рядом был Дэнис, готовый прийти ей на помощь. Часто он с неистовым усердием резал речи на абзацы и склеивал их в другом порядке. Теперь у него прибавилось свободного времени. После того как в 1965 году его семейное дело было выкуплено, он стал богатым человеком. Он продолжал работать в новой компании-учредительнице, «Бирма ойл», куда перешел контрольный пакет акций его фирмы, вплоть до 1975 года, когда его жена стала лидером партии, а он ушел на покой, хотя продолжал заседать в разных правлениях. Ну и, конечно, он

активно помогал «боссу». Во время посещения одной фермы, когда Тэтчер, позируя перед фотографами, неловко взяла на руки теленка, Дэнис заметил, что она, как клещами, сдавила несчастному животному горло. «Осторожней, черт возьми, — предупредил он только наполовину в шутку, — не то ты останешься с мертвым теленком на руках».

К ночи она возвращалась на Флад-стрит, хотя порой не раньше двух. Обычно ей оставляли что-нибудь поесть, но во время поздних общих трапез Тэтчер бросалась помогать, носила тарелки, столовое серебро и суетливо следила за тем, чтобы никто не остался голодным. Каждое утро она вставала с рассветом. Свои вещи она укладывала сама, тщательно заворачивая каждое платье в тонкую оберточную бумагу. Если у нее не было запланировано выступление на телевидении, она сама делала себе прическу и макияж. С каждым днем утомительной кампании она, к вящему удивлению публики и ее вконец измотанных сотрудников, выглядела все лучше и лучше. Поднималась она все раньше, спать ложилась все позже, ходила все быстрее и говорила больше, чем кто бы то ни было. Иногда она так уставала и так перевозбуждалась, что не могла заснуть, Однажды она легла в постель на каких-то четыре часа и сказала наутро: «Сна не было ни в одном глазу, я лежала и читала Аристотеля».

Всего один раз она вышла из себя — среди своих, — когда председатель партии Питер Торникрофт предложил, чтобы ради наглядной демонстрации единства партии она появилась перед избирателями вместе с Тедом Хитом. Она взорвалась и выбежала из комнаты, так хлопнув дверью, что ее сотрудники застыли в удивлении. Хит, надо сказать, усердно работал, помогая если не ей, то консервативной партии, настолько усердно, что это дало повод Дэнису Хили язвительно заметить: «Впервые в истории Старый Моряк пришел на помощь Альбатросу» {16} [13].

Тридцатипятимиллионный избирательский контингент Великобритании был поставлен на сей раз перед самым широким философским выбором со времени, когда Эттли бросил вызов Черчиллю. Каллаган ратовал за «государство всеобщего благоденствия», предостерегая, что победа тори означала бы больше привилегий богатым и больше лишений обычной семье. «Социальное обеспечение, процветание, рабочие места и забота о престарелых зависят от получения лейбористами большинства», — пояснял он. Политику Тэтчер он характеризовал как опасную и ведущую к расколу. Рабочие места, обеспечиваемые правительством, будут резко сокращены и районы бедноты превратятся в «пустыни безработицы». «Вам

следует поразмыслить вот над чем, — твердил он избирателям. — Не рискуем ли мы с корнем вырвать все достигнутое?»

Тэтчер, со своей стороны, ясно давала понять, что хочет совершить социальную революцию, не больше и не меньше. «На этих выборах дело идет о будущем Англии, великой страны, которая, как видно, пошла по неправильному пути», — гласил манифест тори, или платформа консервативной партии. Все, что предлагают лейбористы, — это «боевой призыв к праздности и бездействию». «Перемена грядет, — заявляла Тэтчер. — Соскальзывание, скатывание к социалистическому государству будет приостановлено, прекращено, и начнется подъем обратно». Она обещала снизить налоги на всех уровнях; добиться тайного голосования на профсоюзных выборах (и вбить тем самым клин между рядовыми членами и их лидерами, чаще всего стоящими на более левых идейных позициях); обуздать пикетирование из солидарности, чтобы предотвратить распространение забастовок; осуществить всестороннее сокращение государственных расходов, за исключением расходов на оборону и на полицию; приватизировать национализированную промышленность и дать обязательство не вмешиваться в переговоры об уровне заработной платы в частнособственническом секторе промышленности. Все вместе это являло собой платформу частного предпринимательства, подобной которой Англия в этом веке не видывала.

«Если выкачивать все средства у процветающих фирм, чтобы помогать фирмам, хромающим на обе ноги, слишком немногие будут создавать богатство и слишком многие — потреблять его». Нужно стать лидером в мире, ибо в противном случае мы рискуем стать «сноской в книгах по истории, слабым воспоминанием о прибрежном острове, затерянном во мгле веков, как Камелот[14], поминаемый добрым словом за свое благородное далекое прошлое».

Пошла последняя неделя перед выборами, а их исход все еще был неясен. Тэтчер выглядела и говорила как победительница. Она колесила по стране в специально переоборудованном автобусе, за которым следовало еще два, битком набитых дюжинами журналистов, толпами фоторепортеров и десятью съемочными группами телевидения, — идея подобных агитационных поездок была позаимствована у американцев. Каллаган держался старомодного английского метода и без помпы вылетал на места в арендованном правительственном самолете. Представители же прессы, освещавшие кампанию лейбористского лидера, были предоставлены самим себе, никакого транспорта им не предоставлялось. Результат нетрудно

было угадать: Тэтчер уделялось гораздо больше внимания в средствах массовой информации. Но из опросов общественного мнения при всем том следовало, что преимущество, каким она обладала вначале, драматично уменьшилось. Так, согласно опросу, проведенному агентством «Маркет энд опинион рисерч интернэшнл» всего за несколько дней до выборов, тори опережали лейбористов всего на 3 процента. А когда опрос, проведенный газетой «Дейли мейл» в последний день, показал, что лейбористы вышли вперед с перевесом в 1 процент, сотрудники Тэтчер должны были призвать все свое мужество, прежде чем они решились сообщить ей эту новость. Сперва, глубоко задумавшись, она долго молчала, потом вымолвила: «Нет, все-таки я не верю». Она предсказывала, что победит с большинством в сорок мест, достаточным, но не подавляющим. Курс акций и фунта стерлингов на бирже, чувствовавшей себя не столь уверенно, резко упал.

День выборов Тэтчер провела в Финчли. Для того чтобы стать премьер-министром, она должна была победить в своем собственном округе. Потерпи она поражение в Финчли, она бы полностью вышла из игры, даже если бы консервативная партия победила в общенациональном масштабе. Консерваторам пришлось бы выбирать другого лидера. К вечеру она вернулась домой на Флад-стрит и стала ждать закрытия избирательных участков. Нервничая, она попыталась было читать, но не могла сосредоточиться.

Тогда она произвела разборку в ящиках своего письменного стола, прислушиваясь к стуку молотков снаружи: это рабочие сколачивали трибуны для десятков журналистов, начавших заполнять улицу.

В 10 вечера они с Дэнисом вернулись в Финчли узнать результаты голосования. Пока члены избирательной комиссии вручную подсчитывали бюллетени, оба они, склонившись над телевизором, слушали сообщения о первых результатах выборов. Как только избирательная комиссия Финчли объявила о ее убедительной победе большинством почти в 8000 голосов, Тэтчер вернулась в Лондон, в штаб-квартиру партии на Смит-сквер. К часу ночи телевизионные службы новостей Би-би-си и Ай-ти-эн предсказывали победу консерваторов. Однако сведения о результатах подсчета голосов поступили лишь из четвертой части избирательных округов, а наука компьютерного прогнозирования еще не вышла тогда из пеленок, поэтому оба лидера, Тэтчер и Каллаган, воздерживались пока от комментариев. Рис, куривший огромную сигару и потягивавший шампанское, кивком головы показал на экран телевизора: один из ночных прогнозов

предрекал победу консерваторов с большинством в шестьдесят мест.

В 4 часа ночи Тэтчер обратилась к Ронни Миллару: «Вы придумали, что я могла бы сказать на Даунинг-стрит в случае моей победы?» Да, ответил он. Они прошли вдвоем в комнату, где было потише. «Ну, выкладывайте», — потребовала она. Он достал листок и по обыкновению прочел написанное вслух. Это были слова Франциска Ассизского. «Да принесем мы согласие туда, где царит разлад; да принесем мы истину туда, где царит заблуждение; да принесем мы надежду туда, где царит отчаяние». Тэтчер посмотрела на Миллара. Хладнокровие изменило ей. Глаза ее наполнились слезами. Она молча кивнула.

К 5 часам стало ясно, что консерваторы одержат убедительную победу. Каллаган, впрочем, еще не признал своего поражения, поэтому Маргарет с Дэнисом вернулись домой. Флад-стрит была запружена приветствующей толпой, которая скандировала: «Мы за Мэгги!» — и распевала предвыборную песню тори: «Наш символ — синий цвет, наш лидер — Мэгги». Из-за шума на улице и внутреннего возбуждения заснуть было невозможно. Для того чтобы иметь абсолютное большинство в палате общин, в которой было 635 мест, консерваторам требовалось получить 318 мест. К рассвету стали известны итоги голосования лишь по 75 процентам избирательных округов, и, хотя уже не вызывало сомнения, что она получит необходимое большинство, Тэтчер не спешила заявлять о своей победе до получения официального подтверждения. Позавтракав грейпфрутом и яйцом, она вышла из дому, помахала толпе и вернулась в штаб-квартиру партии. Вскоре туда вкатили на тележке огромный шоколадный торт в форме знаменитой двери дома 10 на Даунинг-стрит и с надписью: «История успеха Маргарет Тэтчер».

Тем временем Каллаган вернулся в Лондон из своего избирательного округа в Кардиффе и распорядился вывозить его имущество с Даунинг-стрит. Лишь в середине дня, а точнее — в 2.45 пополудни, консерваторы получили 318-е место. Как только это произошло, Каллаган сел в свой черный «даймлер» и поехал в Букингемский дворец подавать королеве заявление об отставке. Через полчаса королева призвала Тэтчер. Оставив Дэниса дожидаться в прихожей, Тэтчер поднялась по покрытой красной ковровой дорожкой лестнице на второй этаж для традиционной церемонии «целования рук по назначении». В действительности сей древний ритуал не совершается. Вместо этого королева спрашивает у победившего на выборах, может ли он сформировать правительство. После того как Тэтчер ответила

утвердительно, королева попросила нового премьер-министра сделать это. Затем пятидесятитрехлетняя королева жестом пригласила пятидесятитрехлетнюю дочку бакалейщика сесть и выпить с ней чаю — беседа за чаем продолжалась сорок пять минут.

Отсюда Тэтчер проследовала прямо в свой новый дом на Даунинг-стрит, 10, у противоположного конца Сент-Джеймсского парка, менее чем в миле от Букингемского дворца. При виде Тэтчер большая толпа, собравшаяся возле дома, приветствовала ее пением «Потому что она славный малый». Стоя рядом с сияющим супругом у черной входной двери посреди тесного полукольца репортеров, она сказала: «Всем, буквально всем я обязана своему отцу, это действительно так». Вот уже девять лет, как ее отца не было в живых, но и теперь она чувствовала себя такой же близкой ему. «Он с детства учил меня верить во все то, во что я твердо верю поныне, и это как раз те идеалы, с которыми я шла на выборы. Мне безумно интересно, что вещи, которые я постигла в маленьком городе, в доме очень скромного достатка, — это те самые вещи, что обеспечили — я уверена — победу на выборах».

Глава восьмая
РЕВОЛЮЦИЯ НА ДАУНИНГ-СТРИТ

Прежде чем переехать в квартиру на верхнем этаже дома на Даунинг-стрит, ей предстояло заняться более срочными делами: сформировать кабинет, рассеять опасения в отношении ее неопытности и успокоить тех, кто боялся, что правительство совершит крутой поворот вправо, немедленный и бескомпромиссный. Тэтчер знала, что для беспокойства насчет резкого сдвига вправо есть основания. Она обещала сделать это. «Я не провожу политику консенсуса, — провозглашала она. — Я провожу политику убеждений». Слово «консенсус» исполнено в Англии скрытого смысла; говоря о «политике консенсуса», Тэтчер имела в виду послевоенную политику согласования разных точек зрения, которую она ненавидит, усматривая в ней причину непринятия жестких решений, необходимых для того, чтобы повернуть вспять тенденцию к упадку Англии. Компромиссы и средний путь — это не ее стиль. Отзвуки ее политической философии явственно слышались, когда она подбирала членов своего кабинета. «Это должно быть правительство убежденных единомышленников, — настойчиво повторяла она. — Как премьер-министр я не могу тратить время на какие бы то ни было споры внутри кабинета». Поэтому первый свой уик-энд на Даунинг-стрит она провела в беседах с кандидатами в министры и в писании благодарственных писем в промежутках между встречами.

Когда кабинет был сформирован, объявленный ею состав явился в некоторых отношениях сюрпризом. Несмотря на все разговоры о жестком кабинете, составленном из коллег-единомышленников, Тэтчер решила не рисковать. Она не взяла в кабинет ни одной женщины. Единственная женщина в ее теневом кабинете, Салли Оппенгейм, занимавшаяся вопросами окружающей среды, осталась за бортом. В кабинете уже имелась одна женщина, сама Тэтчер, и вторая ей была не нужна. Главное же, Тэтчер не считала ни одну из восьми женщин-тори в парламенте отвечающей требованиям, которые она предъявляла к кандидатам при назначении на кабинетную должность. Почти все посты в кабинете заняли члены унаследованного ею теневого кабинета. Восемнадцать из двадцати двух должностей достались бывшим министрам правительства Хита 1970–1974 годов. Среди большинства политиков, принадлежавших к старому

патерналистскому крылу консервативной партии, затерялась кучка прагматиков — сторонников нового экономического курса.

Стремясь заручиться поддержкой консервативного истеблишмента и подчеркнуть преемственность, Тэтчер ввела в состав кабинета двух самых маститых деятелей партии тори: лорда Хейлшема (в прошлом Квентина Хогга — того самого, за кого она агитировала в Оксфорде в 1945 году; теперь ему шел уже семьдесят второй год) в качестве лорда-канцлера и шестидесятишестилетнего Ангуса Мода, бывшего заместителя председателя консервативной партии, в качестве генерального казначея. Вилли Уайтлоу, который станет духовным наследником Эйри Нива, был назначен министром внутренних дел.

Для назначения министрами столь многих умеренных консерваторов — сторонников консенсуса — имелись веские основания. Тэтчер не была испытанным, опытным премьер министром, она начинала с нуля. Выбранные ею деятели все до одного имели свой собственный круг сторонников в парламенте и среди избирателей. Не ввести их в состав кабинета значило бы без надобности вызвать у них злые, мстительные чувства и предоставить им полную свободу ставить ей палки в колеса. По той же причине она пригласила в свой кабинет Питера Уокера, которому Хит протежировал с 1965 года и который был непосредственным исполнителем неудавшейся попытки бывшего премьера воспрепятствовать выдвижению кандидатуры Тэтчер в лидеры партии. Уокер не имел с Тэтчер ничего общего, но она знала его как способного и умного профессионала, мастера по части общения с людьми. Он тоже мог бы причинить ей немало трудностей, останься он вне кабинета. Поэтому он вошел в его состав в качестве министра сельского хозяйства. (И против всех ожиданий оставался в кабинете десять с лишним лет спустя.) Хиту Тэтчер предложила пост посла в Вашингтоне, что избавило бы ее от его присутствия в Лондоне, но он разгадал истинный смысл этого предложения и отклонил его.

Фрэнсис Пим, еще один умеренный, возглавил министерство обороны. Лорд Каррингтон, министр обороны в правительстве Хита и один из самых умелых государственных деятелей Англии, стал во главе министерства иностранных дел. Таким образом, «старая гвардия» вошла в кабинет, хотя ее представителям достались наименее спорные должности. Ни одна из них не была связана с экономикой, где Тэтчер собиралась произвести революцию. Новая команда, составленная из ее единомышленников, займется инфляцией, государственными расходами, налогообложением и сокращением правительственного вмешательства в сферу частной

промышленности. Кит Джозеф, самый решительный приверженец свободного предпринимательства и минимального вмешательства со стороны государства в промышленную деятельность, получил министерство промышленности. Решительнейшему апостолу уменьшения государственного вмешательства в промышленную сферу предстояло по должности заботиться о поощрении государственного сектора промышленности. Поручить такую работу Джозефу, сострил политический обозреватель Хью Стивенсон, «это в области политики то же самое, что поручить монаху руководить борделем» {1}.

Высшая экономическая должность — должность канцлера казначейства, или министра финансов, — досталась Джеффри Хау, который работал с Тэтчер, когда она была министром образования, а он — генеральным стряпчим. Джон Биффен, назначенный главным секретарем министерства финансов, стал ответственным за проведение в жизнь сокращений бюджета, запланированных Тэтчер. Третью по значению должность в министерстве финансов занял блестящий и категоричный Найджел Лоусон, трезво мыслящий журналист — специалист по финансовым вопросам. Это был авангард войска Мэгги.

«У большинства членов кабинета труды Милтона Фридмена не были настольными книгами», — писал Питер Ридделл, политический редактор «Файненшл таймс». Зато это были настольные книги Тэтчер и ее команды экономистов. Они были убежденными монетаристами, или, по изящному определению Кита Джозефа, сторонниками «денежного воздержания», которые стояли за строгий контроль над денежной массой, фискальными целями, сбалансированностью бюджетов и за трезвый подход к финансовым делам в соответствии с принципом «живи по средствам». Однако идеи Фридмена, американского экономиста, чья популярная книга «Капитализм и свобода» посвящена описанию того, как социализм убивает предприимчивость и инициативу, отнюдь не являлись первоисточником главных экономических убеждений Тэтчер. Свои убеждения она почерпнула непосредственно в бакалейной лавке Алфа Робертса.

Другим важным учителем стал для нее профессор Фридрих фон Хайек, экономист, родившийся в Австрии и принявший британское гражданство, чью книгу «Путь к рабству», написанную в 1944 году, она прочла в Оксфорде. Хайек учил, что государственное вмешательство в рыночную свободу может на время сдержать инфляцию, экономический спад и рост безработицы, но неспособно предотвратить или побороть эти явления. Идеи Хайека противоречили идеям другого британца, Джона Мейнарда Кейнса, может быть, самого влиятельного

экономиста двадцатого столетия. Убеждение Кейнса, что правительства должны расходовать средства на поощрение экономического роста и поддержание высокого уровня занятости, при необходимости закладывая в бюджеты превышение правительственных расходов над доходами, нашло сторонников во всем мире. В Соединенных Штатах Франклин Рузвельт, Джон Кеннеди и Линдон Джонсон — все ссылались на Кейнса, чтобы оправдать превышение государственных расходов над доходами. Клемент Эттли взял на вооружение кейнсианские принципы, чтобы обосновать финансирование английского государства всеобщего благоденствия.

Хайек был убежден в том, что большинство рецептов Кейнса, предписывающих посредничество государства, только ухудшают дело. Основная мысль Хайека, получившего в 1974 году Нобелевскую премию в области экономики, сводилась к тому, что государственное манипулирование экономикой, регулирование финансов по методу нажатия на акселератор и тормоза с неизбежностью ведут к катастрофе и в конечном счете к тоталитаризму. Приводя в пример опыт довоенной Германии, он утверждал, что «возвышение фашизма и нацизма являло собой не реакцию на социалистические тенденции предшествовавшего периода, а неизбежный результат этих тенденций». Этот пассаж в «Пути к рабству» был жирно подчеркнут в экземпляре, принадлежавшем Тэтчер.

Официальное открытие сессии парламента нового созыва состоялось только через двенадцать дней после выборов. Королева, в горностаях и имперской церемониальной короне, украшенной редчайшими драгоценными камнями, прочла подготовленную премьер-министром речь, в которой объявлялась законодательная повестка дня Тэтчер на предстоящую сессию. После паузы, во время которой она рылась в сумочке, доставая очки, королева принялась зачитывать обещания Тэтчер бесстрастным ровным голосом, который ни единой интонацией не выдавал ее собственного отношения к новому премьер-министру и его революционной программе:

— расходы на оборону будут увеличены;

— первоочередное внимание будет уделено укреплению законности и порядка с немедленным ассигнованием 100 миллионов долларов на повышение заработной платы полицейским;

— Англия будет сохранять свои собственные ядерные средства сдерживания, а также увеличит свой вклад в НАТО;

— Англия станет играть «полную и конструктивную роль» в Общем рынке, при том что правительство будет добиваться

лучших условий для ее членства;

— будут внесены законы, ограничивающие свободу действий бастующих пикетчиков и статус «закрытых предприятий», где на работу принимаются только члены определенных профсоюзов;

— будет поощряться выкуп жилья у государства жильцами государственного жилого фонда;

— государственная собственность будет сокращаться;

— будет поощряться частное медицинское обслуживание;

— будут введены более жесткие меры регулирования иммиграции;

— контроль над системами школьного образования будет передан местным властям.

Но гвоздем программы была реформа налогообложения. «Путем снижения бремени прямых налогов и ограничения притязаний государственного сектора на ресурсы страны, — читала королева, — мое правительство приступит к восстановлению стимулов, поощрению производительности и созданию климата, благоприятного для процветания торговли и промышленности».

К тому времени, когда королева, покинув палату лордов с обитыми красным скамьями, возвращалась в церемониальной карете в Букингемский дворец и кони размеренно цокали копытами по Мэлл, политики уже набросились друг на друга, открыв первые дебаты эпохи Тэтчер. Пускай у консерваторов было большинство в сорок три места, достаточное для принятия любого крупного закона, — лейбористская партия, перешедшая в оппозицию, не собиралась позволить себя запугать.

«Что бы ни захотели они сделать, у них есть большинство, — заявил Джеймс Каллаган, теперь лидер оппозиции. — Вопрос только в том, есть ли у них талант». Любое предположение, что программа тори могла бы способствовать увеличению капиталовложений, производительности и занятости, являлось, на его взгляд, «иллюзией». Имея в виду предсказание Тэтчер, что потребуется десять лет, чтобы ее реформы принесли ощутимые результаты, Каллаган съязвил: «Мы слышим намеки, что утопию придется отложить на день-другой». Рой Хаттерзли, бывший лейбористский министр по вопросам цен, нанес прицельный удар: «В конечном счете все ее политические предложения сводятся к тому, чтобы облагодетельствовать имущих за счет неимущих». «У вас был свой шанс, — отпарировала Тэтчер. — Теперь наша очередь».

Не прошло и месяца, как она приступила к осуществлению своих программ, начиная с первого бюджета Джеффри Хау, этого краеугольного камня ее новой экономической стратегии. 12 июня

в короткой для такого случая семидесятипятиминутной речи Хау преподнес один из самых радикальных бюджетов в истории Англии, непосредственно направленный на свертывание социализма и освобождение от оков свободного предпринимательства. Подоходные налоги сокращались почти на 12 миллиардов долларов. Налоговые ставки на самые высокие доходы, выше 50 000 долларов, снижались с 83 до 60 процентов; самые низкие ставки подоходного налога понижались с 33 до 30 процентов. Налог на добавленную стоимость, или налог с оборота, частично возмещал доходы, сократившиеся от снижения подоходных налогов. Ставки этого налога подскочили с 8 и 12,5 процента до единой 15-процентной, что, как ожидалось, должно было увеличить и без того уже 17-процентную инфляцию еще на несколько процентов. В результате увеличения налога на добавленную стоимость цена пинты пива возросла на 10 центов, а цена «роллс-ройса» модели «Силвер шадоу» — на 4000 долларов. Были также обложены повышенными налогами на потребление сигареты, спиртные напитки и бензин. Хау поднял базисную ставку ссудного процента с 12 до 14 процентов, что укрепило фунт, но удорожило английские экспортные товары, сделав их менее конкурентоспособными. Он, кроме того, объявил о планах продажи государственных активов на сумму 2,4 миллиарда долларов. Государственные расходы на жилищное строительство, образование, энергетику, транспорт, иностранную помощь и помощь городам подлежали сокращению на 10 миллиардов долларов, а субсидирование промышленности — на полмиллиарда долларов. Назначение данного бюджета, по словам Хау, состояло в том, чтобы «восстановить стимулы и сделать так, чтобы работать имело смысл» {2}.

По традиции перед министром финансов, представляющим бюджет, ставят стакан с напитком по его выбору; так вот, Хау периодически потягивал джин с тоником, а в палате общин тем временем началось столпотворение. «Измена!» — кричали некоторые парламентарии. Каллаган назвал бюджет «нечестным, несправедливым, инфляционным и безрассудно авантюристическим». А Дэнис Хили, бывший министр финансов, чья политика привела к необходимости принятия Международным валютным фондом срочных мер по спасению Англии, заклеймил программу как «бюджет волчицы в овечьей шкуре… Классический рецепт, чтобы вызвать гиперинфляцию, непомерный рост безработицы и анархию в промышленности». Профсоюзные деятели обозвали его «подлым, дьявольским бюджетом», направленным непосредственно против трудящихся. «Этот бюджет позаботится о том, чтобы богатые богатели, а

бедные беднели», — заявил взбешенный Терри Даффи, лидер профсоюза машиностроителей. Всякая надежда профсоюзов на то, что они смогут поживиться, требуя повышения заработной платы, улетучилась. Они рвали и метали.

Тэтчер и члены ее кабинета знали, что бюджет будет непопулярным. «Это пакет крутых мер, — признал Биффен. — Но необходимость в крутых мерах вызвана тем положением дел, которое мы унаследовали» {3}. Премьер-министра и саму тревожило возможное усиление инфляции в результате резкого увеличения налога на добавленную стоимость, но в общем и целом пакет соответствовал ее обещаниям, и это ее радовало. Она не хотела оставлять какой бы то ни было неясности в отношении своих намерений; ее бюджет был призван сыграть роль холодного душа. Озноб был неизбежен, но наконец-то дело пойдет к спасению Англии. Как заметил Джеффри Хау позже, «мы подавали сигнал, что кавалерия вышла на позиции» {4}.

Большинство, которое консерваторы имели в палате общин, гарантировало принятие бюджета, если только не взбунтуются заднескамеечники, что практически исключалось, каким бы провоцирующим ни был принимаемый закон. Однако в стране ее программа сталкивалась с сильнейшим сопротивлением, и Тэтчер была полна решимости протащить ее без проволочек. Ей это удалось, но дорогой ценой. Правительственный рейтинг упал до 41 процента, при том что всего лишь 33 процента опрошенных поддержали ее экономическую политику. За все послевоенное время ни одно правительство не испытывало такого резкого и такого быстрого падения популярности.

Тэтчер это не смущало, хотя она знала, что ее политика начнет приносить плоды еще не скоро. Не все тори были столь уверены в успехе. Кое-кто из министров, входящих в кабинет, в том числе и некоторые члены старой гвардии, питавшие в глубине души большие сомнения в отношении нового курса, поприкусили языки. «Правительство не уклонится от выполнения своего долга, даже если ему придется трудно, а трудности могут еще возрасти», — заявил Каррингтон.

Тогда как во внутренней политике она взяла радикальный курс, во внешнеполитических делах девизом стало слово «преемственность». В течение своей первой недели в должности премьер-министра Тэтчер, бившаяся над составлением бюджета, выкроила время, чтобы принять двух посетивших Англию глав государств. Ирландский премьер-министр (или, по-ирландски, тишох) Джек Линч заглянул проездом и имел с ней получасовую беседу о Северной Ирландии. Она также встретилась с Гельмутом Шмидтом, который после того, как произошла смена

правительства, предложил перенести на более поздний срок свою давно запланированную поездку в Англию. Ни в коем случае, ответила Тэтчер и настояла на том, чтобы он не ломал своего первоначального графика. В ее намерения не входило упускать шанс угостить и задобрить раздражительного порой западногерманского канцлера. Она с большим уважением относилась к процветающей экономике Германии и часто приводила ее в качестве примера того, чего она хочет достичь в Англии. Кроме того, ей внушал восхищение могучий интеллект Шмидта.

Восхищение восхищением, но интеллектуально подавить себя она не дала. Она предупредила, что Англия будет «крепким орешком» в Европейском сообществе, а также попросила его поддержать ее жесткую антисоветскую линию в вопросе разрядки. «Разрядка хороша, пока это улица с двусторонним движением и пока она действительно происходит, — заявила она. — К разрядке всегда следует подходить с позиции силы в обороне». К удивлению многих — ведь немецкие социал-демократы предпочитали держаться более мягкой линии по отношению к Москве, — Шмидт согласился. Он был в хороших отношениях с Каллаганом, которого называл «мой добрый друг Джим», но решительная, прекрасно подготовленная Тэтчер, похоже, понравилась ему. Он сказал, что она сама «крепкий орешек», но предположил, что они отлично поладят.

Встреча со Шмидтом явилась хорошей разминкой перед двумя международными совещаниями на высшем уровне, значившимися в ее политической повестке дня. Особенно побаивалась Тэтчер первого из них, совещания с главами правительств стран Европейского сообщества в Страсбурге. Она хотела произвести хорошее впечатление, но не собиралась сидеть смирно, как пай-девочка. Ее переполняла решимость приступить к разрешению вечного спора о величине взноса Великобритании в бюджет Общего рынка. По размеру дохода на душу населения Англия занимала в Сообществе, состоящем из десяти членов, шестое место, но из-за своего позднего вступления и из-за наличия на Европейском континенте серьезных антианглийских настроений Англия выплачивала максимальной взнос, почти на 30 процентов выше ее справедливой доли. Тэтчер считала это недопустимым. «В будущем мы просто не станем переплачивать!» — настаивала она.

В Страсбурге ее команда международников затаила дыхание: никто не знал, то ли она ринется в бой, то ли решит сначала прозондировать коллег — членов Сообщества. Она не стала рисковать. Вместо этого она попросила уменьшить процент

взноса, но, обосновывая свою просьбу, продемонстрировала впечатляющую осведомленность в европейских делах. Как всегда, Мэгги тщательно подготовилась. Она не получила того, о чем просила, вся ее просьба была отклонена, но ей удалось превратить совещание в свой личный триумф. Домой она вернулась с хорошими отзывами в печати.

Неделю спустя Тэтчер отправилась в Токио на свое первое экономическое совещание в верхах семи западных держав: главные европейские страны плюс Соединенные Штаты, Канада и Япония. Встреча в Токио внушала ей меньше опасений, чем совещание в Страсбурге. В Токио речь должна была идти о способах выхода из нефтяного энергетического кризиса. Поскольку с разработкой месторождения нефти в Северном море Англия связывала свою независимость от импорта энергоносителей к 1981 году, Тэтчер уже глубоко изучила этот вопрос. По пути ей предстояло еще одно испытание, которое еще больше подымет ее боевой дух, — посадка для дозаправки в Москве.

Советский премьер Алексей Косыгин встретил Тэтчер на поле Внуковского аэропорта, а затем гостеприимно дал в ее честь обед с икрой и шампанским в правительственном зале аэропорта. Он с интересом расспрашивал ее, что она думает о встрече в Токио, они поговорили о советской энергетике, атомной и гидроэлектрической, обсудили состояние мировой экономики. Тэтчер была новичком, но сражалась с искусным и опытным Косыгиным на равных, во всеоружии знания статистики, обмениваясь данными, не говоря ничего лишнего, но и не умалчивая о том, что вызывало у нее недовольство. Она пожаловалась премьеру на советскую агрессивность, наращивание военной мощи и на нарушения в СССР прав человека.

Косыгин был удивлен. «Он просто собственным глазам не верил, — рассказывал министр иностранных дел Каррингтон. — Только уставился на нее и все шире раскрывал глаза от изумления» {5}. Тем не менее по окончании двухчасовых переговоров Косыгин сказал, что он восхищен, и стал настойчиво приглашать Тэтчер посетить СССР с официальным визитом. Она была «железной леди» и недругом, но в свете проявляемой Пекином заинтересованности в приобретении английских истребителей «Харриер» Москва сочла необходимым поддержать и развить свои отношения с новоиспеченным премьер-министром Англии.

Через несколько часов Тэтчер приземлилась в Токио, имея одно непосредственное преимущество перед всеми ее коллегами — главами правительств. Она, единственная из всех, имела самые

последние сведения о позиции Советского Союза. Однако не столько это произвело впечатление на Японию, традиция которой не знала женщин-правительниц, сколько сама Тэтчер. Пресса, восхищенная ее новой прической и высветленными волосами, неистовствовала. Портреты английского премьер-министра были расклеены по всему Токио, статьи о ней помещались на первых полосах газет, на обложках журналов печатались ее фото. Она выделялась, в прямом и переносном смысле, среди руководителей-мужчин. Хотя Тэтчер была самым молодым политическим деятелем, для нее, как для единственной женщины, сделали исключение из правил протокола и поместили в центре группы на традиционной групповой фотографии. На официальном банкете она блистала в потрясающем белом платье на фоне черных смокингов {6}. Тэтчер всегда любила самый центр сцены, и это была самая большая сцена, на какой ей только доводилось блистать до сих пор. Она чувствовала, что здесь ее место.

До этого совещания ее коллеги — главы государств Запада и не знали, какой устрашающе деловитой она может быть. Но тут уж они узнали. Ее подкованность в вопросах, связанных с нефтью, сослужила ей хорошую службу. Она знала все до малейших подробностей, умела убедить других лидеров избежать затяжных и резких споров о квотах и ценах. У нее и на этот раз установились хорошие отношения со Шмидтом и даже с Валери Жискар д'Эстеном — заносчивым французским президентом, которого она уже подвергла небольшой предварительной обработке. Вскоре после своего избрания она летала в Париж и имела с ним неофициальную встречу, во время которой с большой похвалой отозвалась о французской программе использования атомной энергии. Поначалу у Жискара сложилось о ней хорошее впечатление; впоследствии оно сменится презрительным. Прибыл в Токио и Джимми Картер. Когда Тэтчер, будучи лидером оппозиции, посетила его в Вашингтоне и доняла его своими разглагольствованиями, он был от нее не в восторге, но на встрече в верхах президент, окруженный недоброжелательством, оценил ее, найдя в ней родную проамериканскую душу.

Начало международной карьеры Тэтчер складывалось благополучно, хотя не обошлось и без ошибок. Первую ошибку она совершила в самом неожиданном месте. На обратном пути из Токио она сделала остановку в Австралии, чтобы повидаться с Кэрол, и допустила грубый промах, отвечая на вопрос репортера о Родезии[15], самой сложной и запутанной внешнеполитической проблеме Англии. Ее ответ заметно расходился с позицией,

занимаемой ее правительством, и поверг в смятение дипломатических экспертов.

Проблема эта уходила к 1965 году, когда правительство белого меньшинства Яна Смита в одностороннем порядке провозгласило свою независимость от Англии. Лондон в виде наказания тотчас же ввел экономические санкции. Тринадцать лет спустя, за несколько месяцев до избрания Тэтчер, на выборах в Родезии с небольшим перевесом победило правительство черного большинства во главе с епископом Абелем Музоревой, которое сменило правительство Смита. Это побудило правых в консервативной партии оказать сильное давление, добиваясь признания Музоревы и отмены санкций, которые тяжелым бременем ложились на их белых единомышленников в мятежном государстве. Тэтчер была согласна с ними. Она ненавидит санкции — не только потому, что они препятствуют свободе предпринимательства, но и потому, что считает их неэффективными. Ей было известно, что продолжающееся применение санкций к Родезии наносит экономический ущерб Англии.

Но Тэтчер ничего не знала об Африке. Ее взгляды основывались исключительно на инстинктивной реакции да мнениях Дэниса. Ее не интересовали нюансы междоусобной борьбы между различными фракциями националистического движения черных. Тэтчер исходила из того, что, коль скоро Родезия смогла провести выборы и избрать черного главу правительства, Англии пора признать это государство, переименованное в Зимбабве, и возобновить с ним торговые связи. Поэтому в Австралии она выразила «глубокое сомнение» в том, что парламент возобновит санкции, после того как осенью истечет срок их действия.

К сожалению, Музорева был «дядей Томом», прислужником белых, которые с помощью предвыборных махинаций обеспечили его избрание и сохранили за собой ключевые позиции в новом правительстве черных. Два кандидата, которым отдавало предпочтение черное большинство, Роберт Мугабе и Джошуа Нкомо, поклялись продолжать партизанскую войну, которая уже стоила 20 000 жизней. Ни одно из государств черной Африки не собиралось признавать Музореву или отменять санкции, как не собирались делать это ни Соединенные Штаты, всерьез втянувшиеся в дела Юга Африки в годы администрации Картера, ни Европейское сообщество. Советский Союз поддерживал Нкомо, Китай — Мугабе.

«Признать правительство Музоревы было бы сущей катастрофой», — скажет через несколько лет тогдашний министр

иностранных дел лорд Каррингтон {7}. Но именно таково было намерение Тэтчер. Ян Смит посмеивался. Посмеивался и Музорева, который, услышав о поддержке Тэтчер, заупрямился и прекратил переговоры с другими силами черной оппозиции. Месяцы трудных переговоров пошли насмарку.

А через два месяца, 30 июля 1979 года, Тэтчер вылетела на первую в своей практике конференцию стран Содружества в Лусаке, столице Замбии, одного из пограничных государств, где ее позиция в отношении Зимбабве предавалась анафеме. Главной темой, занимавшей собравшихся руководителей сорока семи государств, было Зимбабве и санкции. Перед самым открытием встречи лидеры пяти пограничных государств черной Африки — Танзании, Замбии, Ботсваны, Анголы и Мозамбика — обсуждали вопрос о выступлении единым фронтом против поддержки, оказанной Тэтчер Музореве. Накануне ее прибытия президент Замбии Кеннет Каунда осудил позицию Англии. На следующий день, когда прилетела Тэтчер, заголовок в проправительственной «Таймс оф Замбиа» гласил: «К. К. бичует Тэтчер».

Ее предостерегали о возможной бурной реакции на ее приезд. Каррингтон, летевший вместе с ней на военном самолете, обратил внимание на то, что она вертит в руках солнечные очки со стеклами непомерно большого размера. Поскольку была ночь, министр иностранных дел поинтересовался, зачем они ей. «Я совершенно уверена, что как только я сойду в Лусаке, мне плеснут кислотой в лицо», — объяснила она {8}. У Тэтчер давно был этот страх: что ей плеснут кислотой в лицо. Она никогда не рассказывала о причине этой боязни, но в течение долгих лет носила в сумочке пузырек с водой, чтобы промыть глаза и лицо.

Когда самолет приземлился, Тэтчер прильнула к иллюминатору и увидела рядом с посадочной полосой море черных лиц; люди скандировали, размахивали флагами. Дверца в фюзеляже открылась — внутрь ворвались горячий африканский воздух и громкая разноголосица толпы. Тэтчер встала и пошла по проходу, оставив на сиденье очки.

— А как же очки? — спросил Каррингтон, торопливо догоняя ее.

— Я передумала. Будь я проклята, если покажу им, что боюсь. — Она ринулась в гущу боя.

В день открытия конференции Нигерия, обладающая богатыми нефтяными месторождениями, объявила, что она национализирует свои владения в «Бритиш петролеум», — намек на то, чего следовало бы ожидать Лондону в случае отмены санкций. На приеме в британском представительстве высокого комиссара[16] в Лусаке один бизнесмен-экспатриант, подбодряя

ее, сказал:

— Не давайте себя запугать, премьер-министр!

— Я не поддаюсь запугиванию, — ответила она. Как вскоре выяснилось, она поддалась-таки давлению, только совсем с другой стороны.

Тэтчер выручили собственные ее советники, последовательно приводившие довод за доводом в доказательство того, что она не права. Благодаря их советам она превратила надвигавшееся бедствие в политический триумф. Изменив свою позицию, она призвала к прекращению огня, выработке новой конституции и проведению новых выборов под наблюдением Англии. Ее новообретенное горячее стремление привлечь к урегулированию проблемы Патриотический фронт, антиправительственную партизанскую организацию, не могло не вызвать удивления.

Что же произошло? Каррингтон и другие, упорно и умело сражаясь ее собственным оружием, обрушили на нее лавину фактических данных и подробностей. И Тэтчер пришла к убеждению, что, коль скоро цель Англии состоит в том, чтобы не оказывать поддержки стороне, обреченной в борьбе колонизаторов и националистов на поражение, значит, нельзя допускать, чтобы правительство Музоревы — Смита оттеснило Патриотический фронт. Она также согласилась, чтобы английские войска осуществляли контроль за соблюдением перемирия; ни одно предшествовавшее английское правительство не решалось на этот шаг из опасения оказаться втянутым в африканскую войну.

Ее инициатива получила высокую оценку широкой общественности и даже удостоилась похвалы со стороны пограничных государств, где еще несколько дней назад ее клеймили как расистку. На балу в честь завершения конференции она танцевала с Кеннетом Каундой, и оба улыбались друг другу, скользя, обнявшись, по паркету зала для танцев. Достигнутый Англией компромисс перенес гражданскую войну в Родезии-Зимбабве с полей сражений за стол переговоров в лондонском Ланкастер-хаус[17], а в конечном счете привел к новым выборам и назначению премьер-министром Роберта Мугабе. Это урегулирование, ставшее одним из кульминационных моментов ее первого срока на посту премьера, имело и еще одно важное последствие: изменилось мнение о компетентности Тэтчер в международных делах. Черная Африка ликовала. Джимми Картер был в восторге от того, что Тэтчер нашла дипломатическое решение там, где более вероятным исходом представлялось продолжение братоубийственной гражданской войны. Восхищение ею еще больше возросло в США после того, как она

решительно поддержала Америку в целом ряде вопросов, — таких, например, как осуждение советского вторжения в Афганистан, бойкот Московской олимпиады, захват заложников Ираном и призыв Вашингтона к союзникам по НАТО увеличить расходы на оборону.

В то же время узы, связывающие Англию с Европой, слабели на глазах. Если совещание в Страсбурге прошло успешно, то ко времени второго совещания глав государств и правительств ЕЭС, на этот раз в Дублине, европейские лидеры собирались высказать Тэтчер свое недовольство. Шмидт и Жискар д'Эстен, оба недолюбливавшие Джимми Картера и не выносившие его морализаторства, считали, что Тэтчер слишком тесно сближается с Вашингтоном. Позиция, занятая ею в вопросе об укреплении обороны НАТО, вынуждала их идти на увеличение военных расходов. Подобно тому как де Голль наказывал Макмиллана за его атлантизм — приверженность к тесному сотрудничеству с США, европейские лидеры критиковали Тэтчер за чрезмерный акцент на «особых отношениях» с заокеанским союзником за счет ее европейского мандата.

Причины, по которым Тэтчер восхищалась американцами больше, чем европейцами, были достаточно просты. Соединенные Штаты, показавшие себя верным и преданным другом в годы первой и второй мировых войн, являлись в ее глазах оплотом в противоборстве коммунизму и неутомимым защитником Запада. Столь же важно было и то, что она разделяет американские идеалы. Американцы, подобно Алфу Робертсу и его дочери, рано встают, усердно работают, вознаграждают достойных, ненавидят бюрократию, высоко ценят свободу личности и наделены чудесным даром созидания. И к тому же говорят на понятном ей языке.

Все эти чувства подспудно клокотали в Дублине в ноябре 1979 года и рвались наружу. Нельзя больше терять время даром. «Мы установим, в чем состоят интересы Англии, и решительно станем на их защиту», — поклялась Тэтчер участникам совещания ЕЭС и тут же определила эти интересы. Тэтчер отказалась вступить в Европейскую валютную систему, открыть британские рыболовные зоны для рыболовецких флотилий европейских стран и продавать нефть Северного моря по ценам ниже цен ОПЕК. Что до английской квоты, составляющей 20 процентов бюджета ЕЭС, то ее следует немедленно пересмотреть в сторону понижения {9}. «Я должна внести в это полную ясность. Для Англии неприемлемо нынешнее положение с бюджетом. Оно вызывающе несправедливо, политически несостоятельно. Я не могу разыграть этакую щедрую сестрицу перед Сообществом, в то время как

своим собственным избирателям предлагаю отказаться от улучшений в области здравоохранения, образования, социального обеспечения и всего такого прочего».

То, что она говорила, было важно, но куда важнее было то, как она это говорила. Она кричала. Она вопила. Она снова и снова стучала ладонью по столу. В своей непримиримости она сумела сплотить Европейское сообщество — против себя. «Единственное, о чем мы просим, — это вернуть нам немалую толику наших собственных денег, — настойчиво требовала она, стуча для убедительности по столу и ошеломляя присутствующих. — Верните мне мои деньги!»

«Она, безусловно, была непреклонна, настойчива и, я сказал бы, утомительно однообразна», — заметил ирландский премьер-министр Джек Линч. Жесткость Тэтчер вызывала сравнения с решительными лидерами-мужчинами, что побудило Жискара впоследствии заметить с галльской иронией, что Тэтчер не нравится ему «ни как женщина и ни как мужчина». Однажды во время совещания, когда Тэтчер вошла в раж, Гельмут Шмидт притворился спящим. Выпрямившись потом, словно проснувшись от сна, он сказал ей: если вы добиваетесь настоящего кризиса, «вы можете получить его здесь и сейчас». В холодной ярости он демонстративно покинул зал заседаний, и Дублинское совещание закончилось ничем; участники разъехались, недовольные друг другом. Критики, в том числе и европофил Тед Хит, напустились на Тэтчер, обвинив ее в неумении вести государственные дела и промахах, поставивших ее в невыгодную позицию на переговорах. «Терпение не принадлежит к числу самых очевидных моих качеств, — признавалась она, — но я изо всех сил стараюсь развить его в себе сейчас».

Как бы ни выглядела позиция, занятая Тэтчер, она не была плодом импровизации. Она заранее разработала свою стратегию и перед отъездом в Дублин не преминула проинформировать о своей линии комитет по иностранным делам консервативной партии. Понимая, что сразу Англия не получит того, чего добивается, она была исполнена решимости сдвинуть дело с мертвой точки: разница между тем, что Англия вносила в ЕЭС, и тем, что она получала взамен, составляла более двух миллиардов долларов. Она никогда не согласится с этим несоответствием. Она ни за что не уступит.

Идея, что даже большая драка за круглым столом конференции может положительно сказаться на ходе переговоров, является главным принципом ее подхода. Зачем терять время на перетягивание каната, если, рубанув по нему, скорее достигнешь цели? «Я неуступчива, потому что верю в то, что хочу сделать, —

утверждает она. — Переговоры идут туго, когда кто-то другой так же твердо придерживается иной точки зрения, но необходимо найти выход из положения. Иногда я говорю: у меня нет никакой возможности провести это через мой парламент; нет, я никак не смогу представить это моему парламенту. Сознание того, что дважды в неделю я должна отвечать на вопросы в парламенте, способствует тому, что я гораздо лучше отдаю себе отчет в политических проблемах, затрагиваемых на переговорах, но оно также дает мне большое преимущество перед моими европейскими коллегами» {10}.

Тэтчер неоднократно применяла этот подход по отношению к английским профсоюзам. Во всех странах Европы количество членов профсоюзов в 70-е годы сокращалось, но только не в Англии, где доля объединенных в профсоюзы рабочих выросла с 44 до 53 процентов. К моменту прихода Тэтчер на Даунинг-стрит около двенадцати миллионов англичан, 22 процента населения страны, были членами профсоюзов. Правительство и парламент стали жертвами профсоюзного всесилия и управляли страной в основном с согласия профсоюзов, которые, если что-то вызывало у них недовольство, периодически прекращали работу в стране. В ходе опросов общественного мнения, призванных выявить самого могущественного человека в Англии, таковым снова и снова называли Джека Джонса, бывшего ливерпульского докера, который возглавлял гигантский профсоюз транспортных и неквалифицированных рабочих.

После того как Вильсон победил на выборах Хита в 1974 году, лейбористская партия, действовавшая в согласии с профсоюзами, разочаровалась в своих прежних союзниках. Барбара Касл, талантливая и раздражительная лейбористская деятельница, бывшая министром, ответственным за отношения с профсоюзами, излила свою досаду на страницах дневника. «Мы осыпали их благодеяниями, — записала она в 1975 году, — а они ничего не дали нам взамен». В следующем, 1976 году член парламента — консерватор Норман Синджон Стивас, впоследствии министр по делам искусства в кабинете Тэтчер, в отчаянии писал: «Никакое правительство в Англии не может рассчитывать сегодня на успех, не заручившись доброжелательным отношением профсоюзов».

После «зимы тревоги» 1979 года даже избиратели, традиционно голосовавшие за лейбористов, находили обещания тори обрушиться на профсоюзы все более привлекательными. Тэтчер поспешила воспользоваться этим положением. Она хотела положить предел требованиям профсоюзов и четко обозначить свою позицию. В свете инфляции, уже выросшей до ужасающей величины в 17 процентов, она стремилась ограничить

способность профсоюзов добиваться крупных надбавок к зарплате и тем самым подстегивать дальнейший рост инфляции. С этой целью она поручила министру по делам занятости Джеймсу Прайору безотлагательно обнародовать правительственный план профсоюзной реформы в июле 1979 года. Главными компонентами реформы были запрещение вторичного пикетирования, или пикетирования солидарности, призванного помешать расширению забастовок; попытка разрушить систему «закрытых предприятий», где прием на работу открыт только для членов данного профсоюза; наконец, поощрение процедуры тайного голосования при проведении выборов, с тем чтобы ограничить как принуждение, так и представительное голосование.

Профсоюзы снова рвали и метали. «Брошен серьезный вызов имеющимся у рабочих и у их профсоюзов правам», — заявил генеральный секретарь Британского конгресса тред-юнионов Леон Марри. Но Тэтчер была готова к бою. «Мы имеем абсолютно законный мандат на осуществление этих предложений, — настойчиво утверждала она в ходе жарких дебатов в палате общин. — Они отвечают желанию народа… В значительной мере благодаря этим предложениям мы получили более широкую, чем когда бы то ни было, поддержку со стороны членов профсоюзов».

А тем временем потерпевшая поражение лейбористская партия, которой на ближайшие пять лет пришлось уйти в оппозицию, замкнулась в себе. На выборах она набрала на два с лишним миллиона голосов меньше, чем консерваторы, и исчерпала свой интеллектуальный потенциал; ее мыслители и мудрецы, выдвинувшиеся еще в довоенные времена, поумирали или ушли на покой. К концу 70-х годов в лейбористской партии не было лидеров, которые соединяли бы идеологический энтузиазм с интеллектом. Акции социализма падали, особенно в том, что касалось государственной собственности, и маятник снова качнулся в сторону свободы предпринимательства. Об этом свидетельствовали голоса сотен тысяч членов профсоюзов, отданные в 1979 году Маргарет Тэтчер.

Когда Каллаган потерпел поражение от Тэтчер, он в свои шестьдесят семь лет был человеком выдохшимся и измотанным — измотанным не в последнюю очередь стараниями преодолеть раздоры в рядах своей собственной партии. Не будучи идеологом сам, более того, недоверчиво относясь к любому человеку, одержимому идеологией, он с тревогой взирал на радикальный консерватизм Тэтчер, который, по его убеждению, вел прямо к расколу страны. Зная, что он не сможет и дальше оставаться лидером, Каллаган намеревался уйти, но прежде он хотел

сплотить лейбористскую партию и привести ее в более организованный и боеспособный вид. Идея хорошая, но нереалистичная. Неудивительно, что Каллагану так и не удалось осуществить ее.

Дела у лейбористской партии обстояли из рук вон плохо. Ее членский состав резко сократился, а на уровне местных организаций власть в партии захватили активисты непримиримо левого толка. К числу наиболее известных из них принадлежал Тони Бенн, аристократ, отказавшийся от наследственного титула виконта, а вместе с ним и от своего полного великосветского имени Энтони Веджвуд Бенн. Сторонники Бенна выступали против центристской политики таких умеренных деятелей, как Каллаган и его предполагаемый преемник Хили, почти с таким же пылом, как и против программы Тэтчер. Ко времени, когда в октябре 1979 года партия собралась на свою ежегодную конференцию, позиции противоборствующих сторон уже были четко обозначены. Само же столкновение напоминало бой боксеров-профессионалов.

Бенн и левые обрушили град ударов непосредственно на Каллагана, возлагая на него вину за поражение на выборах. Ораторы обвиняли руководство партии в отступничестве, в замене подлинного и неизменного социалистического учения «разбавленным консерватизмом». Каллаган, сохраняя достоинство, пытался защищаться. Он был прав, утверждая, что в поражении партии виноваты не столько ее принципы и политика, столько «зима тревоги» и забастовки. «Давайте постараемся не тратить критический запал друг против друга, — урезонивал он. — Давайте для разнообразия покритикуем консерваторов». Но с его словами теперь мало считались. Бенн призывал к революции, к широкомасштабному изменению всего государственного строя Англии, не больше и не меньше. Ликвидация «загнивающего капитализма» означает «взятие под контроль деловых и банковских кругов», открыто заявлял он. Партия даже сделала шаг в этом направлении, торжественно пообещав национализировать вновь все отрасли промышленности, к приватизации которых приступила Тэтчер.

Лейбористы рисковали упустить предоставившуюся им великолепную возможность обрушиться с критикой на правительство. После полутора лет пребывания у власти Тэтчер уже столкнулась с серьезными внутриполитическими трудностями и могла бы стать удобной мишенью для выступающей единым фронтом оппозиции. Надвигался экономический спад. Безработица возросла более чем вдвое и перевалила через психологически болезненный двухмиллионный

рубеж. В июле инфляция достигла 21 процента, а процентные ставки поднялись до 16 процентов. Производство же, наоборот, сокращалось, и экономисты-аналитики предсказывали, что в течение года разорятся 7000 фирм. Наконец, точное регулирование денежной массы, это необходимое условие успеха монетаристской политики, совершенно разладилось, дав 30-процентное отклонение от намеченной цифры. Ничто не ладилось.

«Вся экономическая стратегия правительства сталкивается с кризисом доверия, — писала лондонская «Таймс». — Частный сектор, который она обещала возродить к жизни, страдает, тогда как государственный сектор, объект ее атаки, практически не затронут». Но вместо того, чтобы ударить по Тэтчер, лейбористская партия переводила порох, паля по своим. В один из напряженных моментов ежегодной конференции 1980 года левые и центристы учинили драку перед камерами телевидения. Стараясь перекрыть рев 1250 делегатов конференции, председательница Лина Джейгер колотила молотком по столу, пока не покраснела, и во весь голос кричала: «Это не футбольный матч! Мы выставляем себя на посмешище!» Каллаган, словно усталый игрок за чертой поля, наблюдал, бессильный остановить побоище.

Через две недели Каллаган сложил с себя полномочия лидера партии. Он являлся самой популярной политической фигурой в Англии — его рейтинг составлял 47 процентов против 38 процентов у Тэтчер, — но он был человеком вчерашнего дня в своей собственной партии. Пришла пора уступить дорогу новой энергии, новому авторитету. Казалось бы, выбор должен был пасть на Хили, потрудившегося в прошлом и на посту министра финансов, и на посту министра обороны и являвшегося самым опытным человеком в партии после Каллагана. Но Хили, далекий от идеологии, был неприемлем для левых, да и все остальные считали, что с ним будет нелегко иметь дело. Человек блестящих способностей, но резкий в обращении, он нажил себе в продолжение своей карьеры массу врагов, ведя себя как слон в многочисленных партийных посудных лавках.

Когда вопрос о новом лидере был вынесен на голосование, Хили оказался поверженным в прах: резко полевевшая (не настолько, впрочем, чтобы оказать доверие эксцентричному Бенну) партия избрала своим лидером Майкла Фута. Шестидесятисемилетний воинствующий социалист. Фут заседал в парламенте с 1945 года и проявил себя как очень умный, порядочный и мыслящий участник дебатов. Вместе с тем это был подлинный, бескомпромиссный радикал, который для начала

выступил против дальнейшего пребывания Англии в Общем рынке. Он, кроме того, выступал за вывод из Англии всех ядерных ракет и за отправку «обратно в Вашингтон» американских крылатых ракет. Фут победил благодаря своим личным качествам и идеологическим принципам. Добродушный человек, известный своей глубокой порядочностью, он был в глазах парламентариев всех политических направлений популярной личностью, какой никогда бы не мог стать Хили. Он занял второе по числу собранных голосов место в 1976 году, когда Вильсона сменил Каллаган. Но его личное обаяние никак не могло скрыть полного отсутствия административного опыта. Хрупкого вида, с ниспадающими седыми волосами, в очках с толстыми стеклами и в мятом твидовом пиджаке, Фут был похож на благожелательного рассеянного профессора из далекой провинции. При всем своем ораторском искусстве он как-то не внушал доверия — недостаток этот стал особенно очевиден после того, как в первый же день своего пребывания в должности лидера оппозиции он споткнулся в палате общин и сломал ногу в лодыжке.

Ни одна из партий не находилась в хорошей форме, поэтому вопрос в политической области стоял так: у какой из них положение лучше? Лейбористы полагали, что они имеют превосходство, поскольку у них появился новый лидер и поскольку в пассиве у Тэтчер — экономические неурядицы. Результаты опроса общественного мнения, проведенного сразу после избрания Фута лидером лейбористов, показали, что, отвечая на вопрос, кого бы вы предпочли видеть премьер-министром, большинство опрошенных отдало предпочтение Футу, который опередил Тэтчер на пять процентов. Как установило агентство «Маркет энд опинион рисерч интернэшнл», люди считали, что он придерживается «весьма крайних взглядов», но «теснее связан с простыми людьми», чем премьер-министр. Тэтчер, случалось, недооценивали и раньше. Это не подрывало ее решимости, но верным ли курсом ведет она государственный корабль? Экономический спад углублялся, охватив весь мир. Не было никаких признаков того, что проводимая Тэтчер экономическая политика приносит результаты и стабилизирует положение в стране. Критические голоса звучали все громче.

Глава девятая
НА МЕЛИ

Лейбористы не могли бы выбрать более выгодного для Мэгги и ее консервативной партии времени для того, чтобы совершить акт политического самоубийства, оставив нерешенными свои внутрипартийные разногласия и избрав лидером Майкла Фута. Тэтчер, сократившая государственные расходы и отказавшаяся спасать нерентабельные предприятия, с тревогой наблюдала за ростом безработицы. К февралю 1981 года не имело работы более чем 2,4 миллиона англичан, 10 процентов рабочей силы страны — худшего положения не бывало со времен кризиса 1929-го—1930-х годов. Однажды, когда Тэтчер пришла в палату общин в черном костюме, парламентарий-лейборист Уильям Хамилтон спросил у нее: «Не по причине ли трагедии безработицы мой достопочтенный коллега носит траур?» Назавтра, одетая в светло-серый костюм с белым бантом, она показала, что не собирается отступать. Правительства, возглавляемые ее предшественниками, «обращались в бегство», когда положение ухудшалось, но на сей раз этого не будет. «Я не намерена в нерешительности хвататься то за одно средство достижения цели, то за другое», — заявила она {1}.

На Тэтчер оказывалось все более сильное давление с целью убедить ее повернуть назад в своей политике, увеличить налогообложение и повысить государственные расходы, с тем чтобы сократить очереди безработных. Вильсон, Хит, Каллаган — все поступали так. Каждый из них через два года после начала экономической реформы, когда вызванные ею тяготы болезненно затрагивали всю систему, совершал поворот на 180 градусов, и это было одной из причин, почему Англия оказалась в столь тяжелом положении теперь. Тэтчер не желала уступать, и Рональд Миллар написал для нее по этому случаю одну из лучших своих реплик. «Поворачивайте назад, если хотите. Женщину нельзя повернуть вспять» {2} [18]. Эта фраза стала неофициальным девизом ее правительства. Нападки на Тэтчер в парламенте усиливались, но это только поднимало ее боевой дух. Ей нравилось отбивать атаки, и она сама объясняла это так: «Чувствуешь приток адреналина в крови. Они всерьез нападают на меня, и я отвечаю ударом на удар, — рассказывала она. — Я стою там и думаю: «Ну, Мэгги! Давай! Полностью положись на себя. Никто не сможет тебе помочь». И мне это по нраву» {3}.

Твердость и неуступчивость Тэтчер вызывала одобрительные отклики в печати, но консерваторы — члены парламента, министры кабинета и простые избиратели — нервничали. Члены парламента — консерваторы получали мешки писем от своих избирателей, обвиняющих Тэтчер в чрезмерной жесткости и безжалостности. «Вздор, — сказала она в ответ на обвинение, что она лишена сострадания. — Это все равно как сиделка, которая ухаживает за больным. Какая сиделка лучше: та, что изливает на больного свое сочувствие и приговаривает: «Не беспокойтесь, голубчик. Лежите и не двигайтесь. Я позабочусь о вас», — или та, что говорит: «Ну-ка, давайте, встряхнитесь. Я знаю, что вчера вам сделали операцию. Вам пора уже спустить ноги с постели и сделать несколько шагов»? — Кто из них, по-вашему, лучшая сиделка?»

Тэтчер не сомневалась в том, какой ответ правильный, зато другие не были уверены в правильности ее диагноза и ставили под сомнение ее рецепты. Улицы заполнились демонстрациями протеста. Демонстранты скандировали: «Мэгги, Мэгги, Мэгги, — долой, долой, долой!» и несли плакаты с антиконсервативными лозунгами: «Спасем рабочие места; выставим вон тори!», а также «Пусть она убирается» и «Будем вместе бороться с ней». Опросы общественного мнения показывали, что лейбористскую партию со всеми ее трудностями и проблемами поддерживает на 13 процентов больше опрошенных, чем консервативную. Личный рейтинг Тэтчер упал до 31 процента. Ее собственные коллеги консерваторы начали шепотом поговаривать о перевороте. Кое-что из этих разговоров дошло до ее ушей, но она не дрогнула. «Колебаний у меня не было. Никаких, — вспоминала она впоследствии. — Я никогда не сомневалась в правильности нашей политики» {4}.

Из критического положения ее нечаянно вызволила лейбористская партия. Скованная в своих действиях двумя невыполнимыми программными положениями — обещанием выйти из ЕЭС и обязательством отказаться в одностороннем порядке от ядерного оружия, — партия была расколота. Когда же партия согласилась с предложением левых об учреждении коллегии выборщиков, в которой станут задавать тон воинствующие тред-юнионисты и радикалы-активисты, правые вышли из нее. Этот бунт назревал в течение десятка лет.

Возглавили восстание трое бывших министров-лейбористов: Шерли Уильямс, выпускница Самервилла и дочь писательницы-феминистки Веры Бриттейн, в прошлом — министр образования; Дэвид Оуэн, молодой, блистательный, но колкий министр иностранных дел в кабинете Каллагана, и Уильям Роджерс,

министр транспорта у Каллагана. В созданный ими «Совет социальной демократии» вошел бывший заместитель лидера партии Рой Дженкинс, вернувшийся в Англию после четырехлетнего пребывания в Брюсселе в качестве председателя Европейской комиссии. Их тотчас же окрестили «бандой четырех» и облили критическим ядом из лагеря левых. «Вам не мешало бы определиться, — заявил Майкл Фут, обращаясь к Шерли Уильямс. — Если вы хотите вступить в другую партию, совершенно недопустимо, чтобы вы заседали здесь». Через несколько дней Уильямс официально вышла из лейбористской партии, сказав на прощание: «Партии, которую я любила и на которую столько лет работала, больше нет».

Вслед за ней вышли из партии и остальные бунтовщики, а вместе с ними — еще восемь умеренных парламентариев-лейбористов. Они основали социал-демократическую партию, первую значительную новую партию, созданную в Англии после 1932 года, когда Освальд Мосли сколотил британский союз фашистов. Имея 12 мест в палате общин, социал-демократы сразу же стали третьей по величине партией в стране, намного уступающей консерваторам, у которых было 337 мест, и лейбористам с их 255 местами, но опередившей либералов, которые располагали всего 11 местами, несмотря на более чем столетнее существование либеральной партии, выдвинувшей из своих рядов таких премьер-министров, как Гладстон и Асквит. Впоследствии социал-демократическая партия, или СДП, и либералы объединятся в попытке занять позицию «золотой середины» между двумя главными партиями.

Тэтчер, которая презирает центризм как воплощение бесхребетной политики компромиссов, относилась к СДП со смешанным чувством. Она соглашалась с лордом Хейлшемом, заметившим, что «при конфронтации с политикой с позиций силы мягкий центр всегда растекался» {5}. У нее также сложились вполне определенные мнения о членах «банды четырех». Дэвидом Оуэном она восхищается как умным и ясно формулирующим свои мысли политиком, с уважением относится к его призывам укреплять оборону и время от времени выражает сожаление, что он не консерватор. Иного мнения придерживается она о Шерли Уильямс, которую считает человеком с туманными понятиями, верхоглядкой, беспорядочно перепархивающей с одного вопроса на другой. Столь же презрительно относится она и к Рою Дженкинсу, считая его надутым, чванливым интеллектуалом, который смотрит на нее свысока. В публичных своих высказываниях Тэтчер негативно отзывалась о СДП как о разновидности социализма, «сырой» и лишенной корней; в

частных — выражала опасение, как бы умеренные консерваторы, свои собственные «сырые», не откололись от партии и не примкнули к СДП. Председатель партии лорд Торникрофт разослал письмо, призывающее всех тори хранить верность консервативной партии.

Однако во всем этом была и светлая сторона. Поскольку СДП вскоре объединилась с либералами, это означало, что оппозиция теперь расколота. Если избирателю надоест голосовать за тори, он не обязательно проголосует за лейбористов, главную оппозиционную партию. Это сулило консерваторам реальное преимущество на предстоящих выборах. Что до темной стороны, то новоявленные центристы подрывали позиции Тэтчер в краткосрочной перспективе, подчеркивая ее негибкость. СДП стояла за укрепление обороны страны и выступала против одностороннего ядерного разоружения, но руководство новой партии также считало, что правительство с чрезмерной строгостью осуществляет сокращение расходов.

Буквально через несколько дней после образования социал-демократической партии Тэтчер представила парламенту свой второй годичный бюджет. Ее критики выразили недовольство тем, что она продолжала энергично проводить в жизнь революционные преобразования; те, кто возражал против ее первого бюджета, наводившего строгую экономию, пришли в ужас от второго. Вводились новые высокие акцизные сборы. Цена сигарет повышалась на 31 цент за пачку, которая стоила теперь без малого два доллара. На 44 цента больше предстояло платить за галлон бензина, а цена на шотландское виски, любимый спиртной напиток премьер-министра, подскочила почти на 2 доллара за бутылку. Базисная ставка ссудного процента снижалась с 14 до прежних 12 процентов, но в остальном бюджет не содержал приятных новостей для деловых кругов. Новыми налогами облагались нефтяные компании и банки. Даже Хау, совместно с Тэтчер разработавший этот бюджет, говорил о нем оправдывающимся тоном: «Я разделяю то разочарование, которое испытает каждый, но исполнен решимости продолжать проведение твердых мер в борьбе с инфляцией. Изменить курс сейчас было бы гибельно». Тэтчер и не думала оправдываться. Ее задача выходила далеко за рамки бюджета. «Экономика — это только способ, — говорила она. — А цель — изменить душу» {6}.

Оппозиция неистовствовала. «Это серьезнейшая катастрофа для английского народа», — заявил Майкл Фут. Кое-кто из консерваторов был согласен с ним. Недовольство где-то должно было прорваться. Когда это случилось, страна огласилась звоном разбиваемых бутылок с зажигательной смесью, ударами

резиновых дубинок по головам, воем сирен полицейских и пожарных машин. Вспыхнули беспорядки.

В один погожий апрельский субботний вечер — один из тех вечеров, когда люди, уставшие от непогоды долгой зимы и запоздалой весны с ее сереньким небом и моросящим дождем, высыпают на улицы, — двое полисменов остановили и начали допрашивать черного юношу в Брикстоне, закопченном неблагополучном пригороде Лондона со смешанным расовым составом населения, где безработица среди негритянской молодежи приближалась к 70 процентам. Собралась толпа, и вот уже полетели камни, кирпичи и бутылки с бензином. Битва, в которой приняло участие около 600 черных, главным образом выходцев из Вест-Индии, и до 1000 полицейских, бушевала три дня и три ночи. Баталия закончилась арестом 224 нарушителей порядка. Около 165 полицейских получили повреждения; 120 домов сильно пострадали, от 9 домов остались одни развалины. Это были самые крупные расовые беспорядки в истории Англии, но обитатели Брикстона утверждали, что беспорядки не имели под собой расовой почвы. «Мы здесь не затем, чтобы чинить вред белым людям, — заявил один из них. — Каша заварилась из-за рабочих мест и денег. И ни из-за чего больше».

Как оказалось, Брикстон — это цветочки, а ягодки были впереди. Через три месяца беспорядки, распространяясь, как степной пожар, стали охватывать город за городом. Неистовые бесчинства, сопровождаемые грабежами и поджогами, происходили в Ливерпуле, Манчестере, Бирмингеме, Ньюкасл-апон-Тайне и добром десятке районов и пригородов Лондона. «Я помню Ливерпуль в дни второй мировой войны, — рассказывал ливерпулец Билл Досон. — Казалось, те дни вернулись. Дома, превращенные в руины; лавочники, сидящие в слезах на ступеньках своих магазинов».

Тэтчер призывала положить конец насилию, но оставалась при убеждении, что меры по стимулированию экономики лишь задержат наступление лучших дней. «Как вы думаете, неужели мы отвергли бы легкий путь, если бы он сулил шансы на успех? — вопрошала она. — Новая инфляция приведет к еще более высокой безработице, к еще более высоким ценам». Ее упорство не могло не вызвать бурю в парламенте. «Глупая вы женщина! Глупая вы женщина!» — крикнул ей в лицо во время жарких дебатов тучный социалист Эрик Хеффер, левый парламентарий из Ливерпуля. Тед Хит обвинил правительство в том, что своей экономической и социальной политикой оно способствовало взрыву, если не спровоцировало его. Он спрашивал, сколько еще миллионов людей надо будет оставить без работы, прежде чем Тэтчер

справится с инфляцией. Эта экономическая политика, утверждал он, «оказывает губительное воздействие на общественную систему».

Все это побудило Тэтчер действовать с железной непреклонностью. Ее кабинет не обратится к рассмотрению социальных и экономических проблем, послуживших почвой для беспорядков, покуда не спадет волна насилия, сказала она в парламенте. Взяв жесткий курс на восстановление закона и порядка в стране, она объявила, что правительство разрабатывает новый «закон об охране общественного спокойствия и порядка», в соответствии с которым полиция получит право арестовывать любого человека в районе массовых волнений. Она также заявила о своей поддержке решения ливерпульской полиции разгонять бесчинствующие толпы с помощью слезоточивого газа. Ливерпуль стал городом, где впервые в истории Англии во время массовых беспорядков был применен газ. Тэтчер не останавливалась перед тем, чтобы еще больше усилить ответные меры полиции. Если в качестве крайнего средства понадобятся брандспойты и пластиковые или резиновые пули, она готова пойти и на это. Полиция получит все необходимое оснащение и свободу применять его.

Ее реакция на беспорядки была типично тэтчеровской — в самом худшем смысле слова. Ведь в гетто, где жили английские бедняки и черные, царило неподдельное отчаяние. Сложившееся положение дел требовало, чтобы им по меньшей мере выразили сочувствие и понимание. Поступали обоснованные жалобы на жестокость белых полицейских в районах, населенных черными, особенно в Лондоне, где столичная полиция давно уже снискала себе дурную славу в расовом вопросе. Один только факт: в 1981 году в английской полиции, насчитывавшей в своих рядах 117000 человек, служило всего 286 черных и цветных. В своих публичных выступлениях и телевизионной речи, произнесенной в разгар беспорядков, Тэтчер ни слова не сказала о расизме столичной полиции или о сокращении программ социального обеспечения в результате проведения ее политики. Она отказывалась признавать всю сложность этой проблемы.

Расовые отношения часто являются слабым местом политиков правого толка, и Тэтчер не составляет тут исключения. Несмотря на ее речь 1979 года об иммиграции и первоначальную позицию в вопросе об урегулировании в Зимбабве, она не расистка. Однако, подобно бесчисленным сторонникам «Малой Англии», выросшим в провинциальных городках без сколько-нибудь значительных этнических меньшинств, она не имеет опыта межрасового общения. Тэтчер почти не имела личного

контакта с неграми или азиатами, если не считать встреч с руководителями и должностными лицами стран Содружества; нет ни негров ни азиатов и среди персонала ее сотрудников. Она восхищается предпринимательским духом иммигрантов — выходцев из Индии и других стран Азии, заменивших алфов робертсов у прилавков «нации лавочников». Они для нее меритократы.

Во время беспорядков 1981 года Тэтчер взяла на себя роль этакой общенациональной няньки, которая обращалась с участниками беспорядков как с непослушными детьми. Это типично по-тэтчеровски. Когда ее подопечные ведут себя хорошо, Тэтчер добра, готова помочь, никому не желает зла. Но когда они нарушают закон, священный и неприкосновенный в ее глазах, она обрушивает на нарушителей всю силу своего негодования. В данном случае, насколько она понимала, участники беспорядков нарушили правила. Точка. Сперва следует заставить их соблюдать правила и призвать к ответу, а уж потом она займется их делами и заботами.

Когда волна насилия поднималась, ее справедливо упрекали в бестактности. «Она не умеет найти верный тон, когда требуется проявить широту и понимание социальных нужд, — писала в редакционной статье «Таймс». — Как это ни странно, премьер-министр даже не попыталась всерьез обратиться к поколению молодых, черных и белых, которых среди участников беспорядков подавляющее большинство». Более либеральная «Гардиан» предупреждала ее: не надо «отвечать насилием на насилие». Премьер-министру следует отдавать себе отчет в том, писала газета, что «эти вещи являются непосредственным результатом экономической и связанной с ней социальной политики, усиливающей напряжение в слабейшей части общества». Она упрямо не внимала никаким увещеваниям. Ее упорство обернулось непреклонностью. Глухой ропот несогласия в рядах ее сподвижников-консерваторов звучал все громче и оппозиционней.

«Английский народ не будет готов еще сколько-нибудь долгое время терпеть последствия экономического спада, если не увидит ясных признаков того, что его жертвы не были напрасными», — заявил министр обороны Фрэнсис Пим. Он призвал премьер-министра совершенствовать программы профессионального обучения и заняться возрождением обветшавших центральных городских районов. Председатель партии лорд Торникрофт, опровергая утверждения правительства, что экономический спад окончился, публично воскликнул: «Серьезных признаков оживления в экономике нет». Что касается приверженности премьер-министра монетаризму, то он

доказывал, что программа правительства не должна основываться на «той или иной доктринерской экономической политике». Пим и Торникрофт не были одиноки. Умеренные в кабинете объединились, чтобы бросить Тэтчер вызов.

Их беспокоили три вещи: продолжающийся экономический застой; политическая угроза со стороны новоявленных социал-демократов и нежелание самого премьер-министра пойти на компромисс и стимулировать деловую активность при помощи новой, искусственной инфляции. Она против своего желания согласилась выделить дополнительные 1,3 миллиарда долларов на нужды профессионального обучения, но теперь умеренные консерваторы настойчиво просили выделения еще одного миллиарда долларов на взбадривание экономики. Через месяц они получили ответ.

Тэтчер вывела из правительства или перевела на другую должность всех, кроме Пима. Ведь она говорила, что у нее нет времени на внутрикабинетные споры, а слово у нее не расходилось с делом. Она пришла к убеждению, что ей нужен более преданный и надежный внутренний кружок. Сочувствующая консерваторам газета «Сан» сообщила о чистке в статье, озаглавленной: «Резня, учиненная Мэгги в понедельник». Перестановка коснулась сорока правительственных постов. Вылетел Кристофер Сомс, зять Черчилля и крупная величина в консервативной партии, который, по мнению Тэтчер, проявил слишком большую терпимость по отношению к бастующим гражданским служащим. Заместитель министра иностранных дел Иэн Гилмор, надменный аристократ, который терпеть не мог Тэтчер и не признавал монетаризм, полетел с должности, равно как и Торникрофт, выпускник Итона с его традиционной консервативной любовью к более патерналистски ориентированной партии. Джеймс Прайор, министр по делам занятости, считавший, что антипрофсоюзное законодательство Тэтчер чрезмерно сурово и что его следовало бы вводить более осторожно и постепенно, был сослан в Северную Ирландию. Лейбористский лидер Майкл Фут с похвалой отозвался о нем как о «хорошем человеке, попавшем в компанию монетаристов».

Вместо них Мэгги назначила своих людей, верных и преданных, добившихся успеха своими силами, соответствующих ее собственному стилю и образу. Сесил Паркинсон, преуспевающий бизнесмен, сын простого железнодорожника, сменил Торникрофта на посту председателя партии. Норман Теббит, в прошлом гражданский пилот, занимающий бескомпромиссно правые и антипрофсоюзные позиции, был назначен министром по делам занятости — предупреждение, что

в промышленной политике поблажек не будет. Министра по делам образования Марка Карлайла заменил Кит Джозеф. Когда на следующий день и на младшие правительственные посты были назначены сторонники жесткой линии, Шерли Уильямс, представительница социал-демократической партии, заметила: «Она заменила кабинет министров эхо-камерой».

И так думали не только люди, сторонние партии консерваторов. Хит снова подверг премьер-министра резкой критике. «Консервативная партия оказалась в самом критическом положении за последние шестьдесят-семьдесят лет», — заявил он. Допустить, чтобы три миллиона человек в стране остались без работы, — такая политика, по его словам, «не имеет морального оправдания». Другие видные консерваторы, не питавшие к Тэтчер никакой личной вражды, открыто говорили о своих серьезных сомнениях относительно ее лидерства.

Ко времени созыва ежегодной партийной конференции осенью 1981 года ее рейтинг упал до унизительных 28 процентов и продолжал падать. В партии лишь 44 процента членов, меньше половины, хотели, чтобы она оставалась лидером. Только 35 процентов считали, что она сможет победить на следующих выборах, которые должны были состояться не позже мая 1984 года. Даже у Чемберлена в период мюнхенского умиротворения рейтинг был выше. Ни один премьер-министр за всю историю современного института опроса общественного мнения не получал столь низкого рейтинга.

Несмотря на мрачную обстановку и тревогу, появились признаки того, что положение начинает меняться. Хау заметил кое-какие обнадеживающие показатели, но в царившей в тот момент атмосфере уныния все, кроме самых твердокаменных тэтчеристов, отмахнулись от него как от неисправимого оптимиста, который смотрит сквозь розовые очки. И тем не менее правительству удалось договориться с профсоюзами, которые довольствовались половиной того, что запрашивали; количество рабочих дней, потерянных в результате забастовок, приближалось к самой низкой цифре за последние сорок лет; производительность труда выросла почти на 6 процентов. А что, если меры по укреплению экономики и национального духа возымели действие и политика Тэтчер приносит первые плоды? Или же правы критики вовне и внутри партии? Тэтчер чувствовала, что сдвиги реальны, что ход событий начинает меняться. Но поначалу мало кто видел приметы наметившегося перелома. Надо было произойти драматическому столкновению на крохотном архипелаге овцеводов, расположенном в 8500 милях от Англии, чтобы снять политический корабль Тэтчер с

мели.

Глава десятая
ВОЙНА ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ

19 марта 1982 года сорок аргентинцев высадились на острове Южная Георгия, входящем в группу Фолклендских, как их называют англичане, островов, — голый, безлесный, продуваемый сильными ветрами архипелаг неподалеку от побережья Аргентины. Эти острова принадлежат Великобритании с 1833 года. Постоянное население составляет 1800 человек, их называют келперами (от «kelp», названия бурых водорослей, засоряющих холодный океан). На островах 750 000 овец и несколько миллионов пингвинов. И в фигуральном, и в буквальном смысле они являются последним аванпостом империи. Высадившиеся аргентинцы назвались сборщиками металлолома и объяснили, что прибыли сюда, чтобы демонтировать заброшенную китобойную базу. На самом же деле это были военные в штатском, посланные для установления контроля над островом Южная Георгия. Они исполнили национальный гимн и подняли сине-белый флаг Аргентины, давно уже претендовавшей на эти острова, которые аргентинцы называют Мальвинами. Когда Лондон предложил Буэнос-Айресу либо обратиться за разрешением на пребывание рабочих на острове, либо эвакуировать их, Аргентина ответила отказом и изготовилась к битве.

Аргентинское правительство рвалось в бой. Генерал Леопольдо Фортунато Гальтьери, который всего четыре месяца тому назад стал президентом, объявил членам правящей хунты о своем намерении восстановить суверенитет над островами до 3 января 1983 года — полуторастолетней годовщины их оккупации Англией. Гальтьери провозгласил эту акцию делом чести, но вернее было бы назвать ее попыткой спасти свое уже начавшееся давать сбой президентство. Ко времени прибытия на Южную Георгию «сборщиков металлолома» инфляция в Аргентине была больше, чем где бы то ни было в мире, — 130 процентов, безработица достигла наивысшего после второй мировой войны уровня. Когда над Южной Георгией взвился аргентинский флаг, 6000 аргентинцев, и без того возмущенных режимом, нарушающим права человека и ответственным за бесчисленные случаи «исчезновения» граждан, вышли на улицы Буэнос-Айреса, протестуя против суровых мер новой экономической программы. Полиция арестовала 2000 демонстрантов. Две недели спустя,

утром 2 апреля, аргентинские силы вторжения численностью в 2500 солдат и офицеров штурмом взяли крохотное поселение Порт-Стэнли, столицу Фолклендских островов. Толпы ликующих аргентинцев, стекаясь к президентскому дворцу, бурно приветствовали Гальтьери.

На момент поступления первых сообщений о вторжении 60 процентов англичан полагали, что Фолкленды находятся у западного побережья Шотландии. Вся эта история казалась анекдотом. Когда сэр Энтони Парсонс, представитель Англии в Организации Объединенных Наций, пытался 1 апреля, накануне вторжения, убедить Совет Безопасности рассмотреть вопрос о нависшей угрозе нападения, члены Совета решили, что он разыгрывает их. «Некоторые даже подумали, что это первоапрельская шутка и что я их мистифицирую», — рассказывал Парсонс {1}. Чуть ли не во всем мире людей смешила перспектива баталии за овечье пастбище с пингвинами в духе комической оперы Гилберта и Салливана или ее киноверсии, где блистал бы Питер Селлерс, исполняя сразу две главные роли: страдающего диспепсией Джона Булля и разряженного диктатора Руритании {2}. Но скоро стало не до смеха: умирали солдаты и матросы, падали сбитые самолеты, тонули боевые корабли. Через два с половиной месяца около тысячи человек погибло, а политическое положение Маргарет Тэтчер в корне изменилось.

Не соверши Аргентина вторжения, Англия, возможно, отдала бы острова без единого выстрела. Буэнос-Айрес годами оказывал нажим на Лондон, добиваясь передачи островов. Вскоре после своего вступления в должность премьера, Тэтчер направила в Аргентину младшего министра кабинета Николаса Ридли обсудить создавшееся положение. По возвращении он доложил, что у правительства есть несколько вариантов дальнейших действий и в том числе: принять дорогостоящие меры по укреплению британской обороны, продолжать оттягивать решение, передать суверенитет Аргентине с соглашением об обратной передаче в аренду. По условиям соглашения Англия продолжала бы управлять островами от имени келперов, ярых националистов, которые остаются англичанами во всем, вплоть до пабов, кружек горького пива и акцента уроженцев графств, расположенных к юго-западу от Лондона. Ридли и его шеф, министр иностранных дел Каррингтон, отдавали предпочтение варианту с обратной арендой, но Тэтчер оскорбляла самая мысль о возможности уступки Британией суверенитета где бы то ни было. Поступиться частью национального наследия? Пока она премьер, этому не бывать!

За двухнедельный промежуток времени между прибытием

«сборщиков металлолома» и широкомасштабным вторжением выяснилось, что назревает серьезный кризис. Из Лондона в Буэнос-Айрес и из Буэнос-Айреса в Лондон летели телеграммы, Тэтчер отправила в район конфликта атомную подводную лодку. Когда из перехваченных аргентинских телеграмм стало очевидно, что вот-вот произойдет вторжение, Тэтчер вызвала командующего военно-морским флотом сэра Генри Лича и спросила:

— Что можете вы сделать для нас, первый морской лорд?

— Я могу сформировать крупное боевое оперативное соединение в течение трех дней, — ответил он. Именно это она и хотела услышать. До того ей приходилось выслушивать лишь выражение сомнений от начальников сухопутных и военно-воздушных сил.

— Прекрасно, — сказала она. — Формируйте боевое соединение {3}.

Одновременно с этим Тэтчер согласилась обратиться к Соединенным Штатам с просьбой вмешаться и попытаться повлиять на аргентинскую хунту. Она заверила президента, что Англия не предпримет по собственной инициативе ничего, что могло бы способствовать дальнейшему обострению положения, — обещание ни к чему не обязывающее. Ведь аргентинский экспедиционный корпус через двадцать четыре часа готовился высадиться на островах, и Англия не могла помешать этому. Рейган позвонил Гальтьери — ему ответили, что генерала «нет на месте». Через два часа генерал подошел к телефону, и два руководителя пятьдесят минут беседовали через переводчиков. Ни до чего они не договорились. Гальтьери почти все время объяснял предысторию конфликта, что наскучило Рейгану. Президент предложил послать своего представителя для посредничества — кого выберет сам Гальтьери, вплоть до вице-президента Джорджа Буша. Аргентинский руководитель не ответил на это предложение. «Вы собираетесь прибегнуть к силе?» — спросил Рейган. Гальтьери заявил в ответ, что он сочтет себя свободным прибегнуть к любым имеющимся средствам, если Англия в тот же день не признает суверенитет Аргентины над островами {4}.

Рейган сказал, что в случае вторжения Тэтчер наверняка будет воевать. «Я должен получить от вас заверение, что высадки завтра не будет», — настаивал Рейган. Гальтьери промолчал, и Рейган повесил трубку. «Я ясно все растолковал, но, похоже, мои слова не были услышаны», — сказал президент государственному секретарю Александру Хейгу. Тот позвонил английскому послу сэру Николасу Хендерсону и пересказал ему подробности разговора и мрачную оценку Рейгана. В тот момент у посла был

вице-президент, приглашенный на обед. По приходе Буш сказал, что, возможно, ему придется спешно отбыть в Аргентину. Закончив телефонный разговор с Хейгом, Хендерсон сказал Бушу: «Вам не придется лететь в Буэнос-Айрес, Гальтьери не пожелал с вами разговаривать» {5}.

Защита Фолклендских островов с расстояния в 8500 миль представляла для Лондона военную задачу неимоверной трудности. Не было, однако, никакого сомнения в том, что Англия нанесет ответный удар, если Аргентина решится на вторжение. Ведь без боя позволить хунте захватить острова значило бы показать, что Англия бессильна. Правительство бы не удержалось. Лидер либеральной партии Дэвид Стил отмечал: «После неудачных внешнеполитических авантюр премьер-министров заменяют». Инок Пауэлл предсказывал: «На следующей неделе или около того мы узнаем, из какого металла сделана «железная леди». Сама леди не хуже других разбиралась в обстановке. Если не принять мер, сказала она старшим министрам, «мое правительство падет». Они были того же мнения. «Все мы принимали в расчет настроение в стране. Мы должны были послать эскадру, — говорил впоследствии Уайтлоу. — Не отправь мы туда эскадру, нам как правительству не пережить бы уик-энда» {6}.

Англии трудно было рассчитывать на успех. Первая проблема состояла в том, чтобы добраться до театра военных действий и создать коммуникации длиной в треть земного шара. Ближайшая английская база находилась на острове Вознесения в 4000 милях к северу от Фолклендов. Она даже не имела дока для ремонта кораблей. Стихии тоже были не на стороне Англии. К концу июня на британский флот, осуществляющий блокаду, должна была со всей силой обрушиться зима Южного полушария со льдом и штормовым морем.

Длина аргентинских военных коммуникаций от баз на материке до Фолклендов составляла всего 600 миль, притом Аргентина обладала хорошо обученными военно-воздушными силами. Качество подготовки ее сухопутной армии и военно-морского флота вызывало больше сомнений, но если бы им удалось укрепиться, их оборону было бы трудно взломать. Английские вооруженные силы не проходили в предшествующие годы хорошей проверки в боевых условиях. Их последним звездным часом был период второй мировой войны. Но тогда, несмотря на всю их храбрость и доблесть, Англия несла ужасные потери.

Тэтчер не колебалась. Ей была ясна политическая сторона дела, но воевать она хотела не только ради того, чтобы остаться у

власти. Под угрозу в который раз был поставлен первейший принцип: острова принадлежат Англии и Гальтьери пытается незаконно их захватить. Брошен вызов, и дело идет не о нескольких овечьих пастбищах, а о еще одном испытании моральной стойкости Запада.

Сесил Паркинсон, в чьи обязанности входило информировать парламент о решениях военного кабинета, почувствовал, что на первых порах руководители вооруженных сил не были уверены, можно ли воевать под началом женщины. «Эта неуверенность быстро рассеялась, — рассказывал он. — Они увидели, что она очень, очень тверда» {7}. Военачальники, которые вдоволь наползались вместе с ней на коленях, колдуя над расстеленными по полу ее кабинета картами, впоследствии подтвердили это. Тэтчер выделялась среди министров своей непреклонной решимостью. Рассмотрев вместе с главными министрами возможные планы действий, она приняла решение о первых карательных мерах: сокращение экспортных кредитов и импорта и замораживание аргентинских активов в Англии, составлявших около 1,4 миллиарда долларов.

Она приняла также решение впервые за двадцать шесть лет после Суэцкого кризиса созвать заседание палаты общин в субботу. Зал был насыщен эмоциями. Тэтчер тревожилась. Ее политическое положение было ненадежно, в экономике царил беспорядок, ее рейтинг был ужасающе низок, и на поддержку ее доброжелателей рассчитывать не приходилось. Малейшая оплошность — и она могла тотчас же лишиться должности премьера. По счастью, в ее ближайшем окружении было несколько ветеранов второй мировой войны.

Тэтчер придала лицу самое решительное выражение, но из-под маски, надетой для публики, проглядывала озабоченность. Стоя у парламентского стола с курьерским ящиком, она без колебаний объявила о своем решении послать войска. «Правительство твердо намерено принять меры к тому, чтобы освободить острова из-под оккупации и как можно скорее вернуть их под британское управление», — заявила она воинственно настроенному парламенту. Пусть жители островов и «немногочисленны, но они имеют право жить в мире и спокойствии, избирать свой собственный образ жизни и самим решать, чьими им быть подданными».

Лейбористская партия подвергла правительство уничтожающей критике; оно, говорили лейбористы, позволило «ничтожному диктатору», «грошовому Муссолини» унизить себя. Тэтчер обвиняли в том, что она ошиблась в оценке намерений Аргентины, не поддерживала «военно-морского присутствия за

линией горизонта» и не сумела пресечь авантюру Буэнос-Айреса. Критика раздавалась не только со стороны оппозиции. Члены ее собственной партии, раздосадованные потерей Родезии и ощущающие падение международного значения Англии, тоже не щадили нервов премьер-министра. Эдуард дю Канн, влиятельный консерватор, один из тех, кто бросил вызов Хиту, назвал день вторжения «днем унижения Англии». Другие тори-заднескамеечники жаждали крови и мщения. Они требовали скальпа министра иностранных дел лорда Каррингтона, не предвидевшего кризиса. Каррингтон согласился уйти. Сама критика мало его трогала, но он знал, что она способна отвлечь правительство от предстоящей кампании. Правые не могли простить ему Родезии, а также Ближнего Востока, где, по их мнению, он занимал антиизраильскую позицию. Каррингтон знал, что нужен козел отпущения и что самый очевидный кандидат на эту роль — он {8}.

То, что Тэтчер выбрала в качестве его преемника Фрэнсиса Пима, говорило о трудностях, стоявших перед ней внутри партии. Отстраненный за год до этого от должности министра обороны за несогласие с проводимой Тэтчер политикой сокращения расходов, Пим имел в глазах многих репутацию наиболее серьезного соперника Тэтчер в борьбе за руководство партией. И вот теперь он возвращался в кабинет министров, притом на самый престижный пост, занять который он всегда мечтал.

Тем временем кучка солдат английской морской пехоты, несших гарнизонную службу на Фолклендских островах, сражалась с захватчиками, пока английский губернатор Рекс Хант не приказал им сложить оружие. После этого Хант покинул острова, отказавшись пожать руку аргентинскому генералу, командовавшему силами вторжения. Тот назвал оскорбительный жест Ханта «весьма неджентльменским».

Аргентина укреплялась на островах. Транспортные самолеты С-130 летали туда и обратно между авиабазами на материке и взлетно-посадочной полосой в Порт-Стэнли, доставляя продовольствие, боеприпасы, грузовики и солдат. Гальтьери издал приказ о возвращении на военную службу 80 000 недавно демобилизованных призывников. В конечном счете для несения службы на островах будет отправлено 10 000 аргентинских солдат и офицеров. В общем и целом Буэнос-Айрес имел в своем распоряжении военно-морской флот из семнадцати боевых единиц, 130-тысячную постоянную армию и военно-воздушные силы, насчитывавшие 20 000 военнослужащих. Кроме того, под ружье могли быть призваны 450000 резервистов.

Одна британская флотилия, проводившая учения у

Гибралтара, уже взяла курс на Фолкленды, хотя на борту флагмана не было карты островов. «У меня не было и карты Фиджи, — прокомментировал этот факт командир флотилии адмирал сэр Джон Вудворд впоследствии. — Туда нас могли отправить с такой же степенью вероятности» {9}.

Из гавани Портсмута, минуя «Викторию» — флагманский корабль лорда Нельсона в победоносном Трафальгарском сражении 1805 года с франко-испанским флотом, плавно выходили под звуки оркестров на берегу авианосцы «Инвинсибл» и «Гермес», на палубах которых выстроились моряки в сине-белой форме. На набережной стояли, размахивая британскими государственными флагами, сотни англичан; одни выкрикивали слова ободрения, другие плакали. На борту авианосца «Инвинсибл» отплывал двадцатидвухлетний пилот вертолета принц Эндрю, являвшийся вторым по очередности английским престолонаследником.

Выйдя на просторы Атлантики, авианосцы соединились с двумя десятками эскадренных миноносцев, фрегатов и кораблей поддержки, образовав крупнейшую армаду со времен второй мировой войны. А впереди, далеко оторвавшись от надводных судов, шли к островам на скорости 35 миль в час, пеня волну, четыре атомные торпедные подводные лодки. В Саутгемптоне на пассажирском лайнере «Канберра», совершавшем туристские круизы, демонтировали роскошное отделочное оборудование и сооружали две вертолетные площадки, одну — над плавательным бассейном, из которого спустили воду. Готовился к скорому отплытию, после аналогичного переоборудования, и лайнер «Куин Элизабет II», краса и гордость английского гражданского флота.

После того как английская эскадра вышла в море и самые первые решения были приняты, Тэтчер начала обретать большую уверенность. Никаких переговоров о будущем островов не будет, пока Аргентина не выведет свои войска. Ее новым объединяющим лозунгом стало: «Мы должны отвоевать эти острова!» Она напомнила слова королевы Виктории, сказанные в ответ на вопрос восемьдесят три года назад, когда британские войска вели тяжелые бои с бурами в Южной Африке. «Неудача? Всякая возможность исключается!» — сказала она. Это изречение лежало на письменном столе Черчилля в продолжение всей второй мировой войны. «Нам понадобятся весь наш профессионализм, наше чутье, природная хитрость и все наше снаряжение, — говорила Тэтчер. — Действуя спокойно и хладнокровно, мы добьемся успеха». Пим, памятуя о Чемберлене, заявил в палате общин: «Англия не умиротворяет диктаторов». Тэтчер отклонила

последний из прозвучавших призывов к ее отставке со словами: «Нет, теперь время проявить силу и решительность».

Ее страна думала так же. Согласно одному опросу общественного мнения, 83 процента англичан высказались за возвращение Фолклендов. На вопрос, следует вернуть их силой или дипломатическим путем, 53 процента ответили — силой. Настроение общественности упрочило позиции кабинета Тэтчер. Объявляя об установлении вокруг островов 200-мильной запретной зоны, министр обороны Джон Нотт добавил, что любые суда внутри этой зоны станут объектом нападения. «Мы будем открывать огонь первыми, — заявил он. — Мы будем топить их; разумеется, внутри 200-мильного радиуса».

Посреди всех этих военных мероприятий не забывали и о дипломатии, но администрация Рейгана оказалась в весьма щекотливой ситуации. «Положение очень трудное, — говорил Рейган на первых порах, — потому что мы дружим с обеими сторонами». Вашингтон не хотел, чтобы помощь Англии поставила под угрозу его улучшающиеся отношения с Аргентиной. Поначалу позиция Соединенных Штатов выглядела нелепо: создавалось впечатление, что они не могут сделать выбор между Великобританией, своим ближайшим союзником, и Аргентиной, страной, совершившей агрессию на Фолклендах и управляемой военной хунтой.

За этой проблемой стоял серьезный политический раскол в администрации США. Бывший верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО Александр Хейг и министр обороны Каспар Уайнбергер занимали твердую англофильскую позицию. «Если вам чего-то не будут давать, — постоянно говорил Уайнбергер своим друзьям, английским военным, — звоните прямо мне. Все, что у нас есть, — ваше» {10}.

На другой стороне были Джин Киркпатрик, представлявшая Соединенные Штаты в ООН, и Томас Эндерс, помощник государственного секретаря по американским делам, ведавший политикой США в Латинской Америке. Они ратовали за более уравновешенный подход США во имя сохранения добрых отношений Вашингтона с Южным полушарием. Аргентина, твердили они, оказывала Соединенным Штатам важную помощь, поддерживая их политику борьбы с коммунистическими партизанскими движениями в Центральной Америке, в частности против сандинистского режима в Никарагуа. Эти усилия, доказывала Киркпатрик, не должны быть поставлены под угрозу из-за Фолклендов и традиционной близости к Англии. Замешательство администрации, обусловленное внутренним расколом, усугубилось после того, как в день аргентинского

вторжения Киркпатрик дала обед в честь посла Гальтьери в Соединенных Штатах. «Мы не в восторге», — заметил английский посол Хендерсон, услышав об этой трапезе {11}.

Первоначально в США пришли к заключению, что Англия не может победить. Расстояние, растянутость коммуникаций, календарь, соотношение сил — все было против нее. Пытаясь предотвратить военное поражение Англии и сохранить какое-то доверие к США со стороны Латинской Америки, Рейган направил Хейга с челночной миссией в стиле Генри Киссинджера в Лондон и Буэнос-Айрес, с тем чтобы он попробовал добиться решения путем переговоров. Хейг, в прошлом заместитель Киссинджера и большой любитель быть в центре внимания, охотно принял это поручение. Он переговорил с Хендерсоном, который, желая скорей покончить с «беспристрастным подходом», прямо ему сказал, что американские интересы поставлены под удар в не меньшей степени, чем английские. «Коль скоро дело дошло до нарушения границ, суверенитета и территориальной целостности с применением силы, одному Богу известно, чем это может кончиться». Что до переговоров, то Хендерсон ясно дал понять, что Тэтчер не торопится. «Если бы, скажем, была оккупирована или подверглась нападению территория США, вы ведь не приступили бы к переговорам, не восстановив положение военным путем. Ведь не сели США за стол переговоров с Японией на следующий день после Пирл-Харбора» {12}.

В Лондон Хейг прибыл с тревожными мыслями о том, что поражение Англии могло бы, став вторым Суэцем, свалить правительство Тэтчер и подорвать дух нации. «Я не привез с собой в чемодане никакого санкционированного Америкой решения», — заявил он, направляясь прямиком на Даунинг-стрит. Тэтчер встретила его в своем кабинете на втором этаже и показала ему на портреты Веллингтона и Нельсона. Смысл жеста был ясен без слов. Здесь ставка главнокомандующего; о сдаче позиций не может быть и речи. «Настрой у нее был волевой, воинственный, резко категоричный, и право безусловно было на ее стороне», — писал Хейг впоследствии. Во время неофициального делового обеда — бифштекс с картошкой — она с такой силой стучала рукой по столу, что задрожали, едва не опрокинувшись, стаканы с водой. «Не забывайте, — заявила она американскому госсекретарю, — что в 1938 году за этим самым столом сидел Невилл Чемберлен и говорил о чехах как о народе, живущем где-то далеко… а потом была мировая война, погубившая больше сорока пяти миллионов людей». «Может, нам следовало бы спросить у жителей Фолклендов об их отношении к войне?» — вполголоса заметил министр иностранных дел Пим.

Тэтчер чуть не набросилась на него {13}.

Хейг поднял вопрос о возможности создания международных сил по поддержанию мира или временной администрации. Тэтчер не пожелала тратить время на обсуждение этих идей. «Слишком все это неясно. Ал», — отрезала она. Ее последнее слово: «Перестаньте толковать об американской беспристрастности и скажите хунте, чтобы она вывела войска. Только после того, как это произойдет, мы будем готовы разговаривать о будущем островов». Хейг вернулся в свой номер-люкс в фешенебельной «Клариджес» и швырнул пиджак на стул. «Принесите-ка поскорей чего-нибудь выпить, — сказал он, оттягивая мокрую от пота рубашку, прилипшую к коже. — Чертовски упрямая леди!» {14} Он телеграфировал Рейгану, что переубедить Тэтчер невозможно и что она «закусила удила». Больше всего делегацию США поразила сила ее убежденности. Она занимала более жесткую позицию, чем любой другой член ее военного кабинета. Она не поддавалась уговорам. Она была движущей силой.

Проведя еще пять часов в беседах с Тэтчер, Хейг поднялся на борт самолета военно-воздушных сил США и вылетел в Аргентину. По пути он пролетел со скоростью 505 миль в час и на высоте 30000 футов над английской эскадрой в составе сорока пяти кораблей, которая на скорости 18 узлов шла к месту назначения. Встреченный в Буэнос-Айресе 15-тысячной толпой аргентинцев, размахивающих флагами, он проследовал прямо к Каса-Росада, президентскому дворцу и штаб-квартире Гальтьери. Встреча оказалась сущей катастрофой. «Если англичане хотят прийти, пускай приходят. Мы с ними сразимся», — объявил Гальтьери. Вместе с тем Аргентина, которая традиционно поддерживала с Англией теплые отношения, была ошеломлена этим ярым ура-патриотизмом англичан, на котором умело играла Тэтчер. Министр иностранных дел Никанор Коста Мендес, похоже, был озадачен глубиной этого чувства: «Реакция англичан так нелепа, так непомерна».

Аргентинцы не хотели переговоров с Хейгом, да к тому же он точно и не знал, кто в Аргентине имеет полномочия вести их. Англия охотно дала ему шанс попытаться выработать дипломатическое решение, которое позволило бы избежать людских потерь — или потери британского суверенитета над островами. Тэтчер хорошо знала: если она отвергнет попытку дипломатического посредничества, мировое общественное мнение не пощадит Англию. Что до самого Хейга, то Тэтчер и военный кабинет были о нем невысокого мнения. Премьер-министр никогда не питала к Хейгу доверия и считала, что челночной дипломатией он занимается в основном из личных

амбиций. Как сказал один из ближайших ее помощников, «она была уверена, что он вполне способен нанести удар в спину, заключив с аргентинцами сомнительную сделку ради собственной славы» {15}. Кроме того, министры военного кабинета нашли, что американский государственный секретарь неясно выражает свои мысли. Главное же, они не думали, что у него есть мысли, которые можно было бы выразить ясно. Каким образом Хейг создал себе репутацию и ухитрился стать государственным секретарем, было выше понимания Тэтчер и ее советников. «Хейг был совершенно некомпетентен», — заметил другой помощник премьер-министра {16}.

Как бы то ни было, Тэтчер знала, что ей придется иметь с ним дело, и вскоре Соединенные Штаты начали оказывать более существенные услуги. Остров Вознесения, одинокий клочок вулканической суши, затерявшийся в Южной Атлантике, принадлежал Англии, но аэродром на острове арендовали Соединенные Штаты, содержавшие там секретную базу для слежения за советскими спутниками. Вашингтон без лишнего шума возвратил Англии контроль над аэродромом. Соединенные Штаты заправили — и продолжали заправлять — горючим топливные баки военно-морского флота и военно-воздушных сил Великобритании. У Соединенных Штатов не имелось хороших разведывательных спутников над Южной Атлантикой; большинство американских спутников нацелены на Северное полушарие и осуществляют наблюдение за советскими маневрами. Англии пришлось довольствоваться просмотром фотографий, сделанных со спутника погоды «Ландсет», но качество изображения оставляло желать лучшего. На нечетких снимках не были видны ни суда, ни самолеты. Это подчеркивало тот печальный факт, что Англия не имела сколько-нибудь ясного представления о том, в какую она впутывалась переделку. Особенно обескураживало отсутствие у Лондона надежных разведывательных данных о передвижении аргентинских кораблей. «У нас ни черта не было, — говорил впоследствии начальник штаба обороны лорд Луин. — Я сказал своим разведчикам: "Ради бога, пошлите туда кого-нибудь из Парагвая — пусть он заглянет через стену верфи и отправит нам открытку"» {17}.

Когда английские десантники и морские пехотинцы высадились на скалистом берегу острова Южная Георгия, Тэтчер объявила эту новость всей стране. «Радуйтесь, радуйтесь!» — воскликнула она. На следующий день ее приветствовали в парламенте криками одобрения. Высадка, сказала она, «никоим образом не ослабляет решимости правительства сделать все

возможное для достижения решения путем переговоров». Это было сказано неискренне. Она вовсе не стремилась достичь решения путем переговоров. Ведь подобный исход дела потребовал бы совместного суверенитета над островами, создания сил по поддержанию мира, управления под флагами обеих стран. «Получился бы ужасный кавардак», — заметил Уайтлоу {18}. и Тэтчер знала это не хуже него. О переговорах она и не помышляла. Более того, теперь, когда первые английские отряды высадились на берег, тон премьер-министра стал более воинственным. Сравнив фолклендскую стратегию со своим отказом три месяца тому назад разрешить взлет угнанного реактивного самолета из аэропорта Станстед, она заявила: «Только так и можно пресечь воздушное пиратство. Подобным же образом помешать захватчику добиться успеха — значит пресечь дальнейшие захваты и на деле выступить в защиту международного права против анархии». Она последовательно вела свою линию; она проявляла твердость, и, когда Лондон перешел в контрнаступление, страна поддержала ее. Теперь ее политику одобряло уже 76 процентов опрошенных.

Английский бомбардировщик с дельтовидным крылом «Вулкан», взлетевший с аэродрома на острове Вознесения, внезапно атаковал Порт-Стэнли и сбросил на него двадцать одну полутонную бомбу. Следом Порт-Стэнли атаковали «харриеры» — поднявшиеся с авианосцев реактивные истребители с вертикальным взлетом; они разворотили и изрыли воронками 4000-футовую взлетно-посадочную полосу, которую аргентинцы использовали для доставки припасов. Тэтчер была полна решимости закончить этот конфликт к середине июня — сроку, до которого оставалось меньше двух месяцев. Ведь потом, как предупреждал командующий эскадрой Вудворт, ситуация начнет ухудшаться. Кораблям потребуется ремонт, для чего им придется проделать обратный путь до Гибралтара. Наступит зима, задуют пронзительные ветры из Антарктики, и это поставит под угрозу жизни тысяч солдат на судах, раскачиваемых штормовой волной. Эти соображения больше всего тревожили ее, когда парламентское единство начало давать первые трещины. Лидер оппозиции Майкл Фут призвал премьер-министра воздержаться от дальнейших военных действий и передать дело на разрешение Организации Объединенных Наций посредством переговоров. Она ответила отказом: раз Аргентина не выполнила положений резолюции 502 Совета Безопасности ООН о выводе войск, то какой же в этом смысл? Сослалась она и на погодные условия: «Я должна позаботиться об интересах наших парней, которые находятся на тех военных кораблях».

Положение переменилось 2 мая, когда английская подводная лодка «Конкерор», действуя по прямому приказу из Лондона, выпустила две торпеды в борт тяжелого крейсера «Генерал Бельграно» водоизмещением в 13 654 тонны. Второй по величине корабль военно-морских сил Аргентины пошел ко дну. Некоторые критики выражали сомнение в необходимости потопления корабля, находившегося в 36 милях за пределом 200-мильной запретной зоны и, по-видимому, удалявшегося от нее. У Тэтчер и военного кабинета сомнений не было. «Бельграно» обладал большей огневой мощью, чем любой из английских кораблей, и был способен потопить авианосец; к тому же шел он переменным курсом. «Если бы мы, взяв его на прицел, дали ему уйти, а он пустил ко дну авианосец, подвергнув смертельной угрозе тысячи жизней, этому не было бы никакого оправдания», — заявил Сесил Паркинсон {19}. Военно-морское руководство Аргентины, по свидетельству контрадмирала Гальтера Альяры, отнеслось к потоплению менее критически, чем некоторые британцы, и расценило его как правомерный акт, несмотря на тот факт, что оно произошло вне запретной зоны. «Вся Южная Атлантика была театром военных действий для обеих сторон, — резюмировал Гальтер Альяра. — Мы, профессионалы, могли только горько сожалеть о том, что потеряли "Бельграно"» {20}.

Потеря боевого корабля и 368 человек его экипажа явилась большим ударом по престижу хунты и серьезным психологическим потрясением, от которого Аргентина не оправилась. Английская бульварная пресса разжигала ура-патриотические страсти. «Врезали!» — аршинными буквами во всю полосу объявила газета «Сан» о потоплении «Бельграно». Но через два дня ракета «Эгзосе» французского производства, выпущенная истребителем-бомбардировщиком «Супер Этандар» попала в английский военный корабль «Шеффилд»; 22 человека из команды в 270 были убиты. Тэтчер находилась в палате общин, когда ее личный секретарь сэр Клайв Уайтмор передавал ей записку, в которой говорилось, что «Шеффилд» поврежден и горит. Это известие сразило ее. У нее отлила кровь от лица, и она сидела мертвенно-бледная, слушая, как министр обороны Нотт объявляет о происшедшем. Она всегда знала, что потери неизбежны. Уайтлоу, Луин и другие предупреждали ее, что она должна крепиться: будет немало убитых и раненых. Военные руководители в неофициальном порядке предсказывали, что вероятна потеря от шести до десяти кораблей. Этот стал первым.

Дэнис допоздна оставался с нею, пытался поддержать ее и утешить. Она плакала, потом, за полночь, пошла к себе в кабинет писать письма соболезнования семьям погибших моряков с

«Шеффилда». Она не могла предвидеть, как будет реагировать страна на потери убитыми и ранеными. Страна, как показывали опросы, поддерживала войну, но англичане с болью воспринимали гибель людей. По данным опроса, проведенного за четыре дня до повреждения «Шеффилда», 60 процентов англичан сказали, что они не готовы пожертвовать ради защиты Фолклендов жизнью хотя бы одного военнослужащего.

Теперь, когда обе стороны понесли урон, потеряв «Бельграно» и «Шеффилд», Фут снова призывал прибегнуть к посредничеству ООН. Дэнис Хили спрашивал: неужели «можно отдать больше жизней аргентинцев и англичан, чем насчитывается жителей на Фолклендских островах»? Роберт Ранси, архиепископ Кентерберийский и бывший однокашник Тэтчер по Оксфорду, предостерегал: «Учитывать возможный риск на каждой стадии развивающегося конфликта — это не только политический, но и нравственный долг». Отказ Ранси безоговорочно поддержать правительство ознаменовал собой начало длительного периода трений между англиканской церковью и Тэтчер.

Еще большую тревогу, чем ропот несогласных внутри страны, внушали признаки ослабления решимости у государств, оказывавших поддержку Англии. До того как был пущен ко дну «Бельграно», большинство европейских партнеров Англии поддерживали правительство Тэтчер, сократив торговые связи с Аргентиной и наложив жесткие экономические санкции. Теперь же некоторые из них заколебались. Первой откололась Ирландия, выступившая за посредничество ООН. Заявление ирландского министра обороны Патрика Пауэра, сказавшего: «Яснее ясного, что англичане теперь — форменные агрессоры», привело Тэтчер в ярость. Реакция Дублина подкрепила ее врожденную антипатию к ирландцам, которых она считает в большинстве своем людьми неосновательными, лицемерными и — по причине нейтралитета в годы второй мировой войны — бесхребетными.

Новые сомнения высказал Бонн, да и из Парижа приходили плохие вести. Когда разразилась война, французы оказали неоценимую помощь. Так, специалисты Франции передали английским специалистам технические данные ракеты «Эгзосе», что позволило британским ВВС и ВМС принять контрмеры. И впрямь, за время войны в английские корабли попало всего двадцать пять ракет и бомб, из которых разорвалось только одиннадцать, — подтверждение, что подсказки французов сделали свое дело. И теперь растущая озабоченность Франсуа Миттерана в связи с расширяющимся размахом военных действий тревожила Тэтчер.

Досадуя на колеблющихся европейцев, она была полна

решимости не потерять поддержку американцев. Уайнбергер, ускоривший поставку 200 ракет «Сайдуиндер», стал в ее глазах героем. Но для того, чтобы сохранить поддержку Белого дома и известное сочувствие международной общественности, премьер-министр согласилась попытаться еще раз прибегнуть к дипломатии. Политически это был верный и своевременный шаг. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Хавьер Перес де Куэльяр пытался найти дипломатическое решение в течение трех недель, предлагая планы прекращения огня и установления перемирия, поэтапный вывод войск, управление ООН — в сущности, все, что предлагал Хейг, — но ни одна из сторон не уступала ни на йоту.

То, что Аргентина категорически отвергала предложения ООН, в конце концов спасло положение Англии на дипломатическом фронте. Прими Аргентина какие-нибудь из этих предложений, и Соединенные Штаты, по твердому убеждению Тэтчер и членов военного кабинета, потребовали бы, чтобы Англия согласилась вести переговоры на основе новых положений, как потребовал этого Эйзенхауэр от Идена во время Суэцкого кризиса. Поэтому Тэтчер испытывала радость и облегчение, когда Аргентина просто говорила «нет». Значит, не будет никакого неприятного компромисса {21}. Вопрос решится на поле боя.

В ситуации, когда переговоры зашли в тупик, зима надвигалась, а правые консерваторы обвиняли Тэтчер в чрезмерной уступчивости, она отдала приказ о тотальном вторжении. Коммандос — с вычерненными для маскировки лицами и в тяжелых маскхалатах — на десантных судах двинулись к берегу и высадились на слабо защищенных взморьях. Развернувшись веером, десантные части двинулись вперед по продуваемым ветром пустошам. Врожденная способность премьер-министра гнать прочь нерешительность и неуверенность в себе как нельзя лучше отвечала требованиям, предъявляемым к руководителю военного времени. Она теперь лучше выглядела и лучше себя чувствовала. Всеми фибрами души она ощущала: близится финал. На съезде консервативной партии в Перте, Шотландия, она заявила: «За последние несколько дней мы стали свидетелями того, как наша древняя страна единодушно поднялась, чтобы ответить на вызов, который она не может игнорировать. Может быть, мы удивили даже себя и мы удивили, как мне известно, всех тех, кто не ждал этого от нас… Вновь забили источники, питающие чувство гордости за Англию» {22}.

Контрнаступление склонило чашу весов в пользу Англии. К началу июня стало ясно, что вот-вот наступит развязка, и

Соединенные Штаты с Европой принялись проповедовать сдержанность. Хейг призывал Лондон проявить «великодушие» в победе. Тэтчер и слышать об этом не хотела. «Я не употребляю слово «великодушие» в связи с Фолклендами», — отрезала она. Идти на уступки «захватчику, агрессору и военному диктатору» было бы «изменой или предательством». На предложение встретиться с официальными представителями Аргентины для обсуждения вопроса о прекращении военных действий Тэтчер ответила отказом. Она по-прежнему пылала гневом.

Внутри страны ее гнев прорывался наружу. Одной из первых подверглась ее уничтожающей критике Британская радиовещательная корпорация. Управляемая и субсидируемая правительством Би-би-си, которая при всем том изо всех сил старалась беспристрастно освещать идущую войну, вызывала у премьер-министра негодование. Тэтчер считала такую беспристрастность чуть ли не государственной изменой. Она настаивала на безусловной поддержке ее воинов в пропагандистском стиле второй мировой войны. Когда Би-би-си начала передавать интервью с убитыми горем аргентинскими вдовами, Тэтчер взорвалась. «Иной раз создается впечатление, что нас чуть ли не ставят на одну доску с аргентинцами», — возмущалась она, игнорируя тот факт, что Би-би-си создала себе высокую репутацию как раз благодаря тому, что десятилетиями старалась избегать явно пробританской ориентации. Ее стычка с прессой по поводу освещения событий войны явилась лишь прелюдией к длительной распре со средствами массовой информации, которые она обвиняла в «нелояльности».

Через два с половиной месяца после того, как Аргентина захватила острова, 9000 английских солдат и офицеров, занимавших господствующие над Порт-Стэнли высоты, атаковали 7,5-тысячное аргентинское войско, окопавшееся вокруг этой маленькой столицы. Сражение было кровопролитным, перешло в рукопашный штыковой бой, но быстро кончилось. После того как над городом был выброшен белый флаг капитуляции, Тэтчер вышла на Даунинг-стрит. «Сегодня Британия — снова Великобритания, — радостно воскликнула она. — Это великое оправдание всего, что нами сделано. Какой славный вечер для Англии!»

И для Тэтчер, могла бы добавить она. В парламенте ее сообщение о капитуляции Аргентины было встречено громкими криками «ура!» со скамей всех партий. Майкл Фут встал, чтобы поздравить премьера. «Может быть, истоки этого дела и другие вопросы будут вызывать споры, но я понимаю, что в настоящий момент тревога и напряженность, возможно, ослабли, и я

поздравляю ее». Когда она вернулась на Даунинг-стрит, 10, толпы на улице пели под ее окнами «Правь, Британия».

Тэтчер вышла из войны совершенно другим лидером. Ее уверенность в себе стала фактически безграничной. Она отправила на Фолкленды прежнего губернатора Рекса Ханта; его губернаторская шляпа с плюмажем, символизирующая восстановление британского колониального присутствия, должна была напомнить Аргентине, что она осталась с носом. Едва утихли выстрелы, как Тэтчер поднялась на борт реактивного самолета ВВС Великобритании и совершила изнурительный двадцатитрехчасовой перелет на Фолкленды, чтобы посетить свои войска. Окруженная толпой неистовствующих келперов, она с царственным видом награждала медалями военнослужащих. Она самолично выстрелила из артиллерийского орудия, побывала на могилах погибших воинов, походила мимо лавок, торгующих ее фотопортретами, — все это перед объективами камер, фиксирующих впечатляющие образы для ее следующей избирательной кампании.

Теперь она была лидером в победоносной войне, героиней. Далеко от дома, сражаясь в исключительно неблагоприятных, по первоначальной оценке, условиях, Тэтчер и ее солдаты решительно отбили нашествие сил, которые были в ее глазах силами зла. Победила не только сила, победило право. Она, Тэтчер, оказалась тверже всех участников-мужчин и осталась верна основным принципам. «Вспомните-ка тот день, в конце которого вы почувствовали наивысшее удовлетворение. Это вовсе не тот день, который вы провели в праздности и безделье, — говорила она. — Это тот день, когда на вас навалилась гора дел и вы все их переделали. В действительности жизнь — это не просто существование. Жить — значит реализовать все таланты, с которыми вы рождены. И жить так вы сможете только в том случае, если у вас есть правительство, которое тоже считает это целью человеческой жизни» {23}.

Вновь обретенная Тэтчер уверенность в себе, внимание, оказываемое ей на международной арене, ее возродившаяся популярность на родине — все это внесло смятение в ряды оппозиции. Широко распространилось мнение, что Фут слишком слаб, слишком стар и слишком неудачлив. Альянс еще только делал первые шаги. С оппозицией в консервативной партии было покончено. Фолклендская победа заставила замолчать умеренных. Правое же крыло было так довольно успехом ее жесткой линии, что пререкания в нем практически прекратились.

Международный престиж Тэтчер обрел новый масштаб. Если раньше Тэтчер лишь разговаривала как «железная леди», то

теперь она показала твердость характера в бою. Как писал впоследствии Хейг, «боевые действия Англии на Фолклендах, возможно, ознаменовали собой поворотный пункт в истории, конец долгой и опасной ночи пассивности Запада». Поклонники принялись проводить лестные параллели между нею и вереницей исторических деятелей, таких, как Черчилль, королевы Виктория и Елизавета I, Шарль де Голль. Она сделала то, что обещала сделать, и вся Англия гордилась и грелась в лучах славы. Впервые связала она себя эмоциональными и личными узами, вне сферы политики, с народом Англии.

Эти два с половиной месяца полностью изменили ее политическое положение. Практически переменилось не так уж многое. Перед Англией по-прежнему стояли все те проблемы, которые угрожали ей перед диверсией Гальтьери. Однако психологически все стало иным. Изменилось настроение страны, изменилось и отношение к Англии. Рейган увидел Тэтчер в новом свете. Она безошибочно подыгрывала ему, сохраняя поддержку американцев в каждый критический момент и получая от них неоценимую помощь.

Теперь, когда оппозиция была ослаблена, а до конца пятилетнего срока ее правления оставалось полтора года, Тэтчер начала строить планы на второй срок правления, тогда как горячие ее приверженцы восторженно поговаривали и о третьем. Сама Тэтчер таких далеко идущих намерений не высказывала, но после Фолклендов ее шансы быть избранной, ранее практически равные нулю, стали почти стопроцентными. Первый ее срок ушел на усвоение трудных уроков. Второй срок она хотела посвятить применению усвоенного на практике. Всем, готовым ее слушать, она не уставала повторять, что у нее есть твердые убеждения, которые она хочет претворить в жизнь. Теперь она встала в один ряд с известнейшими мировыми лидерами. Однако они, союзники и противники, не оказывали влияния на ее систему взглядов. Ибо ее идеи, продолжала утверждать она, все-таки «зародились в той убежденности, которую я приобрела в маленьком городке благодаря отцу — человеку твердых убеждений».

Глава одиннадцатая
ФОЛКЛЕНДСКИЙ ФАКТОР

Тэтчер рассматривала Фолкленды как свой личный успех, как торжество ее убеждений. Она отдавала должное храбрости солдат, но в подтексте ее похвал угадывалась непоколебимая вера, что она выдержала борьбу в одиночку. «Мы сражались, пользуясь поддержкой многих и многих людей во всем мире, — сказала она, выступая на митинге, — и все же мы сражались в одиночку» {1}. Она имела в виду Англию, но это относилось и к ней самой. Тэтчер никогда не страдала излишней скромностью, даже когда немного скромности, пускай напускной, ей не повредило бы. После Фолклендов она, как всегда, высказывалась с обезоруживающей откровенностью, охотно признавая свою собственную популярность. Будучи спрошена, кто станет премьером после нее, Тэтчер ответила с бесцеремонной самоуверенностью, но вполне серьезно: «После меня? Я».

Теперь перед ней встала задача: не дать растратиться впустую энергии военной поры. Раз страна смогла продемонстрировать свое мужество в войне, то почему бы не использовать то же воодушевление в мирное время? Резкий экономический спад, наступивший после второй мировой войны, не обязательно должен был повториться. И несмотря на все еще высокий процент безработицы, имелись вполне определенные основания для оптимизма. Признаки того, что экономическое положение начинает улучшаться, подтверждались. В течение 1982 года инфляция снизилась с 12 до 6 процентов, бюджетный дефицит был приведен в норму, а в торговом балансе обозначилось активное сальдо — показатель экономического здоровья. Этот сдвиг произошел отчасти по причине краха ОПЕК, организации тринадцати стран — экспортеров нефти, установившей высокие продажные цены на нефть в 70-е годы, а отчасти — благодаря доходам от добычи нефти в Северном море. Сочетание благоприятных симптомов в экономике с победой на Фолклендах вызвало общий духовный подъем в стране. Впервые со времени водворения Тэтчер на Даунинг-стрит исследования общественного мнения констатировали, что в Англии большинство людей смотрят в будущее не с пессимизмом, а с оптимизмом. Премьер-министр истолковала эти настроения как симптом того, что страна больше не желает, чтобы ею помыкали и предъявляли к ней требования. «Мы перестали быть отступающей

нацией». Это была ее надежда, ее долговременная цель, но остановилось ли отступление на самом деле? Судить об этом было еще слишком рано: робкие обнадеживающие признаки не давали полной уверенности. Как заявил Питер Дженкинс, определенно только одно: афишируя себя и Англию в роли победительницы, премьер-министр добилась того, что «фолклендский фактор стал тэтчеровским фактором» {2}.

Поворот к лучшему послужил поводом для предположений и догадок о возможном назначении ею досрочных выборов. Ее срок полномочий истекал только в мае 1984 года, но правительство, которое медлит с назначением выборов вплоть до окончания срока полномочий, часто подвергает себя риску. В последние месяцы своего пребывания у власти оно теряет маневренность, так как больше не может держать оппозицию в напряжении и заставлять ее нервничать.

Для того чтобы воспользоваться победой на Фолклендах и другими благоприятными факторами для получения нового пятилетнего мандата, ей следовало назначить выборы или на июнь, или на октябрь 1983 года. Она склонялась к тому, чтобы назначить выборы на октябрь. Ведь в случае поражения ей пришлось бы — и перспектива эта ей не улыбалась — уйти намного раньше времени. Май представлялся привлекательным месяцем для избирательной кампании: длинные светлые вечера позволяли максимально развернуться с предвыборной агитацией, но при назначении выборов на май получилось, что пребывание правительства у власти едва-едва составит четырехлетний срок, тогда как, по убеждению Тэтчер, чтобы послужить стране с полной отдачей, правительство должно отработать как минимум полные четыре года из пятилетнего срока своих полномочий {3}. Это исключало назначение выборов до мая, но предвыборная лихорадка достигла к началу весны такой интенсивности, что и откладывать их до осени тоже не представлялось возможным. В ожидании неминуемых выборов Майкл Фут подстриг свои спутанные седые лохмы, а Тэтчер, все еще не решившая, какая дата наиболее благоприятна, поставила коронки на зубы — на всякий случай.

В начале мая политические советники Тэтчер настояли на том, чтобы она провела в Чекерсе — своей загородной резиденции — однодневное стратегическое совещание с целью оценки предвыборных шансов. Они констатировали очевидный факт: ее политическое положение превосходно, оно прочнее, чем у любого другого английского лидера со времен второй мировой войны. По данным опроса общественного мнения, проведенного самым надежным английским агентством, консерваторы имели

15-процентный перевес над лейбористами: их поддерживали 49 процентов опрошенных против 34 процентов, поддерживающих лейбористов, тогда как за альянс социал-демократов и либералов собиралось голосовать только 15 процентов. По данным других опросов, тори лидировали с перевесом от 11 до 21 процента. Инфляция снизилась до 4 процентов, самого низкого показателя за последние пятнадцать лет, но, как ожидалось, к осени снова должна была пойти вверх. Единодушный совет собравшихся за столом совещания гласил: «Назначайте выборы», и Тэтчер вынуждена была согласиться.

Решившись, она начала действовать с такой стремительностью, что захватила врасплох заднескамеечников. День выборов был назначен на 10 июня, и у парламента осталось всего три дня на то, чтобы завершить свои дела. В результате правительство должно было отказаться от утверждения некоторых важных законопроектов, в том числе и неудобной рекомендации повысить на 30–50 процентов оклады членам парламента и министрам кабинета. Тэтчер поспешила объявить, что этот законопроект рассмотрит парламент нового созыва, но и она, и члены ее кабинета откажутся от надбавки к своему жалованью, если законопроект будет принят.

Более однобокую избирательную кампанию и более неравноценных соперников трудно было бы вообразить. К моменту начала кампании в рядах лейбористской партии царил хаос. Ее платформа — сорокастраничный манифест, который еле успели отпечатать вовремя, — явилась предметом нескончаемых внутрипартийных споров. Вскоре после публикации этого документа стало ясно, что для партии было бы лучше, если бы его не существовало. Нереалистичный, радикальный и чрезмерно детализированный, он предоставлял консерваторам неисчерпаемые возможности для критики. Претенциозно озаглавленный «Новая надежда для Британии», он содержал обещания увеличить на 17 миллиардов долларов государственные расходы; сократить численность безработных с трех миллионов до одного; вывести Англию из Общего рынка; отказаться от ядерного оружия (в том числе от подводных лодок, оснащенных ракетами «Трайдент», и крылатых ракет); упразднить палату лордов; национализировать новые отрасли промышленности и ренационализировать отрасли, приватизированные консерваторами. Кроме того, лейбористы торжественно обещали вернуть профсоюзам отобранную власть.

«Эта партия обещает луну с неба, но ей придется брать луну в долг, — писала лондонская «Таймс». — Как всегда, расплачиваться должен будет кто-то еще. В этом документе нет

«новой надежды для Британии. В нем нет никакой надежды». Не менее критично отзывались о манифесте и умеренные лейбористы — члены парламента. Питер Шор, весьма уважаемый министр энергетики в теневом кабинете, горько жаловался, что его партия написала «самую длинную записку самоубийцы в мировой истории». Бескомпромиссные социалисты вели к катастрофе то, что еще оставалось от лейбористской партии.

Консерваторам представлялась полная возможность играть наверняка, что они и сделали, Тэтчер не давала широковещательных обещаний и, стремясь к упрочению уже достигнутого, даже умерила некоторые из своих наиболее радикальных предложений, выдвинутых во время первой избирательной кампании, но только не в том, что касалось профсоюзов. Здесь она, напротив, обещала усилить контроль над профсоюзами, и в том числе добиться обязательного переизбрания их лидеров каждые пять лет и положить конец системе пожизненных назначений, выпестовавшей некоторых из наиболее реакционных и неуправляемых боссов. По новому закону, который она собиралась принять, будет предусмотрена гарантия, что забастовки не станут объявляться без предварительного тайного голосования. Это лишит политизированных профсоюзных вожаков возможности принуждать к забастовке рядовых членов, желающих продолжать работу. А поскольку лейбористская партия по-прежнему финансировалась в основном из профсоюзных средств, предлагаемый законопроект являл собой прямой вызов этим прочно укрепившимся на своих местах боссам с мощным политическим влиянием. Тэтчер предлагала также усилить централизованный конроль над свободно расходующими средства муниципальными советами главных городов Англии, в которых чаще всего хозяйничали лейбористы.

После избрания консерваторов на новый срок будет осуществляться дальнейшая приватизация. Намечалось приватизировать государственные компании «Бритиш эруэйз» и «Бритиш телеком». Англия останется в Общем рынке: выйти из него значило бы лишить работы миллионы англичан. Налоги будут и впредь снижаться, а не расти. Что до обороны, то «генерала» Тэтчер переполнял энтузиазм. Она вновь подтвердила свое обещание повысить эффективность самостоятельных английских ядерных средств сдерживания, закупив ракеты «Трайдент» американского производства, запускаемые с подводной лодки. Она, кроме того, обещала разместить на английских базах американские крылатые ракеты — ее позиция вызывала тогда немало возражений в Европе, но Тэтчер

непоколебимо стояла на своем. «Выбор, стоящий перед страной, предельно ясен, — заявила она, открывая избирательную кампанию. — Это либо продолжать наше нынешнее продвижение вперед к экономическому восстановлению, либо взять политический курс, более экстремистский и более губительный, чем все, что когда бы то ни было предлагалось оппозицией в прошлом».

Так же, как и в 1979 году, Тэтчер, изучив соперника, развернула свою предвыборную кампанию через неделю после того, как ее начал Фут, и быстро заняла господствующее положение. Ее военный бюджет в размере 15 миллиардов долларов почти в четыре раза превышал четырехмиллиардный бюджет лейбористов. Прежняя ее команда организаторов избирательной кампании собралась вновь и приступила к работе. Специалист по средствам массовой информации Гордон Рис вернулся из Калифорнии, где он рекламировал компанию «Оксидентал петролеум» и ее главу Арманда Хаммера, и с места в карьер принялся смягчать суровую внешность королевы-воительницы. Он уговорил Тэтчер еще больше смягчить и высветлить волосы и пригласил новых специалистов по постановке дикции, с тем чтобы умерить резкие ноты в ее голосе. Рекламные фото представляли более мягкую Тэтчер. На одном она была изображена в резиновых сапожках, добродушно ступающей по грязи на ферме. Рекламную сторону кампании снова взял на себя Тим Белл из агентства «Саатчи». «Нравится тебе твой манифест, товарищ?» — вопрошало одно рекламное объявление, переходя далее к сопоставлению одиннадцати пунктов в манифесте коммунистической партии с аналогичными программными положениями лейбористской партии.

Тэтчер до такой степени доминировала в правительстве и до таких мельчайших подробностей вникала во все его дела, что это внушало организаторам ее кампании опасение, не слишком ли она напоминает всезнайку школьной поры. Белл и Рис предупреждали ее против «слишком уж назидательного тона школьной директрисы», за который ей не раз публично доставалось от критиков. Премьер-министр и не думала оправдываться. «Я знавала превосходных директрис, чьи наставления помогли их ученикам и ученицам сделать замечательную карьеру, — сказала Тэтчер интервьюеру; переделывать себя не входило в ее намерения. — Какая я есть, такая и есть. Да, я очень твердо верю в определенные вещи. Да, мой стиль — это энергичное руководство. Да, я убеждена в том, что должна постараться убедить людей следовать принципам, в которые сама верю. Мне уже поздно меняться». Принимайте меня

или отвергайте — как вам будет угодно, говорила она. Выбора не было, и она это знала.

Оппозиция пыталась преподнести ее как агрессивную личность, склонную к запугиванию, и нельзя сказать, чтобы это была совсем уж несоответствующая характеристика. Дэнис Хили называл членов ее кабинета «стерильными зомби» и предостерегал, что если премьер-министр победит с большим перевесом, она станет «непереносимой». Рой Дженкинс, вторя Хили, утверждал, что новые пять лет правления Тэтчер, «закутанной в сознание своей непогрешимости», неизбежно приведут страну к расколу. На этом живучем утверждении станет основываться критика Тэтчер в течение всех лет ее правления.

Стиль ее кампании был почти полной копией кампании Рональда Рейгана, победившего в 1980 году Джимми Картера. Сесил Паркинсон бып умелым организатором, хотя в данном случае с делом, наверно, справился бы любой человек старше двенадцати лет. Темы выступлений четко обозначивались, мероприятия тщательно планировались на первую половину дня, с тем чтобы обеспечить наиболее полное их освещение в средствах массовой информации. В отличие от предвыборной кампании 1979 года Тэтчер чаще всего рано возвращалась к себе на Даунинг-стрит и проводила вечер дома, благодаря чему наутро продолжала кампанию отдохнувшей и восстановившей силы. Количество публичных выступлений на сей раз было сокращено, чтобы свести к минимуму шанс случайной оплошности и не пресытить избирателей ее речами. Опять она объезжала вдоль и поперек всю страну в своем «боевом автобусе», этом полностью оборудованном и укомплектованном персоналом офисе на колесах, но редко доводила себя до переутомления. Тэтчер признается, что физическую сторону ведения кампании она находила «просто ужасной» {4}. Это было на руку ее охранникам, которые опасались покушений со стороны ИРА. Впервые служба безопасности играла важную роль в общенациональной избирательной кампании в Англии. На крупные предвыборные мероприятия и в залы, где выступала Тэтчер, пускали только по билетам, выданным местными организациями консервативной партии.

В противоположность этому предвыборная кампания Майкла Фута являла собой зрелище мучительное. Лейбористский лидер, как кузнечик, скакал по стране, делая по десять — двенадцать агитационных остановок на дню, и так изо дня в день. Размахивающий тростью кандидат со спутанными седыми космами и головой, дергающейся в каком-то непонятном ритме, смахивал скорее на какого-нибудь эмигранта — завсегдатая

«Уголка ораторов» в Гайд-парке, чем на профессионального политика. Он мог часами говорить без бумажки, правда, не всегда связно. Цитирующий по памяти пассажи из малоизвестных литературных произведений, то повышая при этом голос до крика, то невнятно бормоча себе под нос (частенько на протяжении одной и той же фразы), Фут не внушал доверия слушателям. Он производил впечатление перманентного беспорядка — впечатление это усугублялось отсутствием у него настоящей организации поддержки. Питер Дженкинс назвал его «ходячим некрологом лейбористской партии». Когда изнемогший Фут плелся к финишной черте, его собственная жена, писательница-феминистка Джилл Крейги, нанесла ему последний удар. Даже если лейбористы победят, заявила она с излишней откровенностью, ее муж скорее всего откажется от лидерства, «потому что пора будет уступить дорогу людям помоложе».

Когда до выборов оставались считанные дни, Тэтчер прервала свою кампанию и улетела в Америку, где в Уильямсберге, штат Виргиния, состоялась ежегодная экономическая встреча глав западных держав. На встрече она доказывала, что в интересах обороны Запада необходимо разместить на территории Европы крылатые ракеты, несмотря на угрозы Москвы принять ответные меры. Союзники поддержали ее и с похвалой отозвались о ее умелом руководстве экономическим восстановлением страны. По ее возвращении в Англию имя Тэтчер не сходило с первых страниц газет. Она вершила важные государственные дела, тогда как оппозиция наносила ей булавочные уколы дома. Она вернулась утомленная, но ободренная поддержкой на самом высоком уровне. «Англия на правильном пути, — говорила она, и каждый знал, что это так. — Не сворачивайте обратно».

Страна соглашалась с ней. «Дейли экспресс» была так уверена в результате голосования, что отважилась предсказать его в день выборов еще до открытия избирательных кабин и аршинными буквами во всю ширину первой полосы возвестила: «Мэгги — победитель». Прошло еще несколько часов, и Тэтчер доказала, что ее неожиданная победа на выборах 1979 года не была просто счастливой случайностью. Она стала первым в XX столетии политиком-тори, победившим на выборах два раза подряд. Причем выиграла она с самым большим преимуществом, которого только добивалась партия-победительница после 1945 года. В состязании трех соперничавших партий она получила только 42 процента голосов, но этот процент преобразовался в огромное большинство в 144 места в палате общин нового состава, насчитывавшей теперь 650 мест. Тэтчер призналась своим ликующим сторонникам, что получить 397 мест против 209

мест, полученных лейбористами, — это «такая большая победа, на которую я не смела надеяться».

Для лейбористов, каким бы предсказуемым ни был их проигрыш, исход выборов явился катастрофой, самым тяжелым поражением после 1918 года. Еспи не считать их оплота — центральных районов Лондона, лейбористы получили всего 3 из 186 мест, которые принадлежат в парламенте преуспевающей южной части Англии. При лидерстве Тэтчер социальная база консервативной партии расширялась по мере разрушения традиционных уз верности той или иной партии. По данным анализа, по-прежнему отдавали свои голоса лейбористам неквалифицированные рабочие, но мало кто еще. Центристский альянс, набравший 25 процентов голосов, едва не обошел лейбористов с их 28 процентами.

Лейбористы, как продемонстрировал исход выборов, стали партией того слоя в Англии, который, сокращаясь, приходил в упадок, а также партией национальных меньшинств. Тэтчер же, напротив, сплотила и повела за собой консерваторов новой формации: обитателей пригородов, нижние слои среднего класса, мелких собственников, рабочих, желающих трудиться на совесть, людей, в чем-то похожих на нее. Еще одним фактором, определявшим новую расстановку сил на выборах, стало бегство англичан из центральных районов городов в пригороды — процесс, который в Соединенных Штатах начался еще за четверть века до этого. Консервативная партия больше не являлась этаким охотничьим заповедником, зарезервированным за дворянским классом джентри, представители которого кончали лучшие школы и проводили конец недели в респектабельных загородных домах. Эти новые тори, точь-в-точь как Тэтчер, были энергичными людьми дела. Как заметил Роберт Уоллер, автор «Альманаха британской политики», результаты выборов 1983 года показали, что в стране «происходят социальные перемены, которые делают консерваторов партией будущего, а лейбористов — партией прошлого».

Было 5 часов утра 11 июня 1983 года; подсчет голосов, празднование и интервью остались позади. Супруги Тэтчер вернулись из штаб-квартиры партии на Даунинг-стрит, и Кэрол поздравила мать.

— Это история! — сказала она.

— История, — ответила Тэтчер после паузы, — когда ты сама ее творишь, как то непохоже на историю. Всегда думаешь об очередных делах. — С этими словами она включила радиоприемник у изголовья постели. — Интересно, нет ли каких-нибудь новостей?5

Глава двенадцатая
ВОЙНА В СОБСТВЕННОМ ДОМЕ

Внушительная победа на выборах 1983 года дала Тэтчер возможность осуществить задуманное и политически настолько развязала ей руки, что некоторые умеренные консерваторы стали опасаться, как бы эта свобода не обернулась наступлением доктринерского догматизма. Было дурное предчувствие, что подвергнется разгрому сфера социальной политики. Критики Тэтчер продолжали высказывать беспокойство, что страна раскалывается на богатых и бедных. Необходимость управлять в течение первого срока с группой тех, кто достался ей в наследство от правительства Хита, выводила Тэтчер из себя: по ее словам, это были люди «не нашего круга». Она считала, что нередко они сдерживали ее, выхолащивали ее начинания. Они не были до конца убежденными тэтчеристами и не были готовы приносить жертвы, необходимые для осуществления ее крестового похода против социализма и за свободное предпринимательство. Некоторых из этих сторонников социальной защищенности ей удавалось дурачить, перебрасывая с одной должности на другую; от иных она смогла освободиться. Но после того, как были подведены итоги июньских выборов, ее власти в партии и большинству тори в парламенте никто уже не мог бросить вызов. Все сдерживающие факторы отпали. Она могла без колебаний делать то, что считала нужным. И она начала с насыщения правительства своими людьми.

В первые же часы после победы министр иностранных дел Фрэнсис Пим был вызван на Даунинг-стрит. Пим понимал, что предстоит не светская беседа. Во время избирательной кампании он, выступая по телевидению, отважился высказать предупреждение, что «сокрушительные победы на выборах, как правило, не приводят к образованию способных добиваться успеха правительств». Тэтчер, разозленная этой дерзкой и неуместной выходкой, дала ему твердый и решительный отпор, заявив: «Думаю, я смогу справиться даже с убедительной победой». Когда Пим прибыл по вызову, ему было сказано без обиняков: «Фрэнсис, мне нужен новый министр иностранных дел» {1}. Пим, влиятельный консерватор и ее наиболее вероятный преемник в случае, если бы она опростоволосилась в фолклендской войне, был убран. Он хорошо действовал во время той войны, и Тэтчер понимала это. Но он не только высказывал

вслух свои сомнения, а был еще и нудным воспитанником Итона, и Тэтчер никогда не чувствовала себя с ним легко.

Отставка Пима не вызвала возражений ни у него самого, ни со стороны умеренных консерваторов. Его уход символизировал происходившую «тэтчеризацию» партии: будучи в составе кабинета, Пим неоднократно вмешивался в те ключевые вопросы политики премьер-министра, которые вызывали беспокойство у умеренных тори. Заботится ли она обо всей стране или же только той, наиболее удачливой ее части, которая, подобно самой Тэтчер, пробивается вверх собственным упорным трудом?

После своего ухода Пим воспользовался медицинской аналогией, высказанной самой же Тэтчер, чтобы показать, чего, по его мнению, недоставало ее подходу. «Когда я болен и обращаюсь к врачу, — сказал Пим, — я надеюсь, что он проявит ко мне какое-то сочувствие. Если такое сочувствие есть, я с куда большей готовностью приму от него неприятное лечение и даже заключение о том, что нужного мне лечения в медицине пока не существует. Но если сочувствия нет, я стану сопротивляться любому лечению, прописанному этим врачом, или не поверю его словам о том, что такого лечения не существует. У меня появится ощущение, что я безразличен врачу, и я сделаю отсюда вывод, что его диагноз недостоверен, а выдаваемые им рецепты — ненадежны» {2}.

Пим был заменен сэром Джеффри Хау, который пришел на этот пост с должности канцлера казначейства[19].

Найджел Лоусон, ранее министр энергетики, занял место канцлера. Уильям Уайтлоу был провозглашен наследным пэром — что было странно, поскольку у него четыре дочери, но нет ни одного потомка мужского пола, который смог бы унаследовать его титул, — и поставлен во главе одной из правительственных программ в палате лордов. Леон Бриттен, блестящий юрист и любимец Тэтчер несмотря на его фатоватые манеры, сменил Уайтлоу в министерстве внутренних дел. Председатель консервативной партии Сесил Паркинсон, отлично организовавший проведение избирательной кампании, получил в награду министерство торговли и промышленности.

Всего Тэтчер произвела более шестидесяти перемен в составе правительства, в том числе двенадцать в кабинете министров, насчитывающем двадцать одного члена. Она утверждала, что эти перемены не означают смещения идеологического баланса еще дальше вправо; но это было явной неправдой. За исключением неперестроившегося и «сырого» Питера Уокера, которого она сохранила, назначив на пост министра энергетики, новое правительство состояло исключительно из людей, целиком и

полностью разделявших ее идеи. Теперь революция могла двигаться вперед.

Но на деле произошло прямо противоположное. Второй срок пребывания Тэтчер у власти начался на ноте какой-то нерешительности, которая, за немногими исключениями, задала тон последующим четырем годам. Изжить социализм оказалось не так-то просто. Экономические предпосылки для этого были заложены. Была сформирована и команда, готовая следовать ее приказам. Однако создавалось впечатление, будто после проведенной перетряски кабинета Тэтчер не представляет себе, каким должен стать следующий этап. Отчасти заминка была связана с ее здоровьем. Тэтчер отличается на удивление крепким здоровьем. Но тем летом, сразу же после победы на выборах, пришлось делать операцию на отслоившейся сетчатке правого глаза, беспокоившего ее во время избирательной кампании; и это снизило ее активность в то лето. Выявилось также, что она не очень хорошо подготовлена ко второму сроку пребывания у власти. Выборы пришлось проводить спешно и раньше, чем хотелось, и она не успела выработать стратегию второго периода. Манифест лейбористов был посмешищем для всех. Но и платформа консерваторов была топорной работы — анемичный документ, не отмеченный ни страстью, ни видением перспективы, которыми был окрашен первый срок.

К тому же в правительстве разразился скандал. «Дитя любви у председателя тори», — вопили заголовки «Дейли миррор». «Я — отец ребенка секретарши», — трубила «Дейли экспресс». Речь шла о любимце Тэтчер — Сесиле Паркинсоне, члене кабинета министров, руководителе ее избирательной кампании и человеке, осуществлявшем в период фолклендской войны связь между военным кабинетом и парламентом. Паркинсон нравился Тэтчер тем, что был убежденным и преданным ее сторонником, организованным и энергичным и в то же время обаятельным в своей вульгарности, приятным и привлекательным внешне человеком. Никто в правительстве не мог подшутить над Тэтчер так удачно, как Паркинсон, который, после смерти Эйри Нива, был одним из наиболее близких к ней и доверенных лиц и одним из очень немногих политиков, кого регулярно приглашали на уик-энды в Чекерс. Паркинсон знал, как от нее можно добиться чего-либо шуткой или уговорами, привлечь ее внимание политическими деталями или сплетнями, польстить ей как женщине. (Френсис Пим признавал, что, поскольку у Тэтчер были мужской ум и мужская должность, он всегда относился к ней как к мужчине. По словам Пима, его жена говорила ему: если бы он относился к Тэтчер как к женщине, он бы не потерял свое место.)

Паркинсон был самой быстро восходившей звездой кабинета, даже несмотря на то, что большинство коллег по кабинету активно не любили его и относились к нему с пренебрежением, считая его ограниченным человеком. Его признание в связи со своей секретаршей означало, что премьер-министр, подумывавшая о назначении его министром иностранных дел — самый важный и престижный пост после премьер-министра, — должна была отказаться от этой мысли. Однако она решила все же поддержать его. Паркинсон был далеко не первым консерватором, замешанным в скандале такого рода. В Вестминстере привычно шутят, что лейбористы попадают в скандалы на почве пьянства, а тори, по традиции, — на почве секса. Тэтчер, в окружении которой и так было не очень много тех, кому она бы доверяла, хотела, чтобы Паркинсон оставался в составе кабинета, тем более что он не намеревался разводиться с женой. «Сесил, как я могу просить тебя покинуть кабинет из-за того, что ты не разводишься с женой, в то время как несколько членов кабинета оставили своих жен? Ты сделал ошибку. Я не осуждаю и не критикую, я констатирую факт» {3}.

Поддержка Паркинсона была естественной для Тэтчер и обнаруживала еще одну грань ее характера: нет союзников более лояльных, чем Тэтчер. Она поддерживала коллег, которых обвиняли в магазинных кражах и гомосексуализме. Она постоянно помогала попавшим в беду. Такое поведение — проявление присущего Тэтчер особого материнского инстинкта, редко оказывающегося в поле зрения наблюдателей. Испытывая мало уважения к собственной матери, она весьма далека от традиционного типа родительницы. Она не обременяла своих детей чрезмерной материнской заботой и управляла Британией отнюдь не в материнском стиле. Но она с готовностью проявляла материнское отношение к политическим союзникам, особенно когда они вели себя как малолетние мальчишки — качество, которое, по ее мнению, способно при первой возможности прорваться наружу у большинства мужчин. Есть в этом ее инстинкте и нечто от няньки. Однажды, например, на заседании кабинета министров она приказала министру финансов Найджелу Лоусону постричься. Но она способна не только воспитывать, но и утешать.

«Она как мать, — говорит Тим Белл. — Вы возвращаетесь домой, в чем-то опростоволосившись, она обнимает вас, прижимает к себе и говорит: "Ну ничего, глупышка!"». Подобная теплота никогда не демонстрируется публично, но, добавляет Белл, «в личных контактах она умеет очаровывать» {4}. Лорд Кинг, председатель правления авиакомпании «Бритиш эрвейз»,

один из самых жестких, непробиваемых и талантливых руководителей английских компаний, менее всего склонный поддаваться такому очарованию, тоже отзывается о премьер-министре подобным же образом. «В конце концов ей почему-то рассказываешь все, и хорошее, и плохое, — как своей матери или лучшему другу. Поговорить с ней, когда у вас есть какие-то трудности, — это все равно что сходить на исповедь: испытываешь потом облегчение, даже если не добился того, чего хотел» {5}. Паркинсон вышел со своей исповеди утешенный и сохранив должность. Он потерял ее неделей позже, после того как его любовница предала гласности дополнительные подробности об их романе, в том числе и то, что он обещал на ней жениться, но взял это обязательство назад, узнав, что она ждет ребенка.

Тэтчер было трудно уволить Паркинсона. Не только из-за грязности самого скандала, но и потому, что в нем оказался замешан человек, который ей нравился и который, возможно, был неравнодушен к ней самой. Нет никаких свидетельств того, что Тэтчер хоть раз дала основания для малейших двусмысленностей на этот счет; но Паркинсон был мужчиной того типа, который нравился Тэтчер. «Она от него без ума, — говорил бывший член кабинета, в течение многих лет непосредственно наблюдавший за их взаимоотношениями. — У него есть все, что ей нравится в мужчине: он преуспевает, добился этого сам, он умен, красив, сексуален и знает, как дать ей почувствовать, что она женщина».

Тэтчер всегда пользовалась своей женственностью. Большинство англичан считает ее бесполой, холодной и отстраненной; и на публике она обычно так и держалась. Но те, кто мог наблюдать ее в неофициальной обстановке, убеждались, что премьер-министр вовсе не Снежная королева. Она очень притягательна, и не только потому, что одевается лучше других. «Мой бог, она настоящая женщина», — сказал как-то одному из своих английских коллег бывший генеральный секретарь НАТО Йозеф Лунс {6}. Ее особым почитателем был король Саудовской Аравии Фахд, а также и президент Мозамбика Самора Машел, который однажды публично бросился обнимать ее так, что и его, и ее помощники застыли от изумления. Франсуа Миттеран, президент Франции, отозвался о Тэтчер так: «У нее глаза Калигулы, а рот — Мерилин Монро». В собственной стране некоторые члены кабинета утверждали, что премьер-министр назначила красавца Робина Лей-Пембертона главой Английского банка не только за его деловые качества, но и по иным соображениям. Умный бизнесмен, Лей-Пембертон, тем не менее, говорил друзьям, что поражен тем, что выбор пал на него. Женский магнетизм премьер-министра распространялся прежде

всего на двоих — Рональда Рейгана и Михаила Горбачева, каждый из которых сам обладал незаурядным обаянием.

Потеря Паркинсона была лишь одной из тех неприятностей, которыми оказался отмечен второй срок пребывания Тэтчер у власти. В 1984 году Лоусон опубликовал проект бюджета, в котором предлагалось сокращение расходов на 750 миллионов долларов[20]. Но это предложение не было предварительно согласовано с министерством обороны, которому пришлось пересматривать оценки своих расходов за двадцать четыре часа до опубликования собственной бюджетной «белой книги». Подобные небрежности Тэтчер считает недопустимыми. Еще более серьезным оказалось то, что в палате общин начала разваливаться партийная дисциплина. Наличие на стороне правительства небольшого большинства способствует сплоченности правительственной партии в парламенте, особенно когда правительство подвергается нападкам. Но огромное большинство в 144 места, которым располагала Тэтчер, означало, что тори могут не опасаться угрозы со стороны других партий. В результате они начинали спорить между собой из-за пустяков, а нередко даже бросали вызов политике премьер-министра.

Тед Хит возглавил один из таких бунтов, в центре которого оказался правительственный законопроект, нацеленный на то, чтобы поприжать местные органы власти. Одна из действительно зубастых программ второго периода, план этот предполагал ликвидацию некоторых городских советов, расходы которых были особенно велики. Подобно Соединенным Штатам, где в местных и региональных органах власти господствуют демократы, в городских советах Великобритании в большинстве случаев доминируют лейбористы. Тэтчер приводило в ярость, что возглавляемое ею общенациональное правительство, которое обеспечивало местным советам более половины их финансовых средств, почти не могло контролировать, как фактически использовались эти деньги. Премьер-министр была преисполнена решимости не допустить того, чтобы лейбористы продолжали выдумывать дорогостоящие программы, оплачивать которые приходилось бы прилежно работающим тори. С ее точки зрения, любителям проехаться за чужой счет должно было быть сказано твердое «нет».

Но эта кампания Тэтчер натолкнулась на лобовую контратаку Хита, положившую конец его пятилетнему гробовому молчанию. Он обвинил премьер-министра в «наивной и упрощенческой» экономической политике, которая углубляла спад и «наносила ущерб структуре нашей экономики». Она слишком круто берет, заявил Хит в эмоциональном выступлении, выразившем точку

зрения центра и предвосхитившем самый унизительный для премьер-министра бунт за все время ее пребывания у власти. «Мы можем позволить себе не быть безразличными, — утверждал он. — По сути дела, мы никогда не могли позволить себе именно безразличия».

Хит, возражала Тэтчер, сдался, как только возникли трудности. Он готов поступиться начатым политическим курсом. Но она не готова, и ее цели остаются прежними. «Я пришла в правительство с одним намерением, — заявила она в феврале 1984 года, — превратить Великобританию из иждивенческого в самообеспечивающееся общество. Из страны, которая вечно чего-то просит, в ту, что способна сама сделать для себя все необходимое. Превратить Великобританию, которая сидит и ждет, в ту, что встает и действует» {7}. Цели действительно не изменились, но энергия, с какой она их добивалась, явно снизилась. Руперт Мэрдок, магнат в сфере средств массовой информации, высказал то, что начинали думать многие англичане: «Из нее вышел пар».

И в это же самое время активность оппозиционных партий возросла. Майкл Фут ушел в отставку с поста лидера лейбористской партии почти сразу же после выборов. Тони Бенн потерял собственное место в парламенте и выпадал из раскладки, будучи не в состоянии бороться за лидерство в партии. Фута это устраивало, у него на примете была своя кандидатура преемника — медноволосый уэльсец Нейл Киннок, который в свои 41 год был почти на тридцать лет моложе самого Фута. Победив с убедительным перевесом в первом же туре голосования на конференции партии в октябре 1983 года, Киннок оставил позади трех самых заслуженных ветеранов и стал самым молодым лидером лейбористской партии за всю ее историю. Но и наименее опытным: проведя в стенах парламента тринадцать лет, он ни разу не занимал никакого поста в правительстве.

Сын шахтера и медицинской сестры, Киннок считал себя кем-то вроде записного скверного мальчишки, жизнерадостным бунтарем. Он не был предрасположен к учебе и гордился тем, что в школе учителям приходилось буквально вдалбливать в него науки — тяжелее, чем в любого другого ученика. Он ухитрился поступить в колледж при Кардиффском университете, однако обнаружил там интерес лишь к регби и политической деятельности — первоначально именно в таком порядке, впоследствии они поменялись местами. Академическими достижениями он не блистал и в университете. Но кое-что компенсировало их отсутствие. Он познакомился с Гленис Пэрри, страстной социалисткой, когда та распространяла листовки

социалистического общества в студенческом городке. Позднее они поженились. Более идеологизированная, чем Киннок, она отказалась принять от него первое обручальное кольцо, потому что то было сделано из южноафриканского золота, — она стала его ближайшим политическим соратником.

Киннок — противоположность Тэтчер. Лидер лейбористов любит непосредственно общаться с избирателями, пожимать руки. С другой стороны, парламентские интеллектуальные пикировки и ожесточенные споры — чем так наслаждается Тэтчер, — для Киннока бремя. Он всего лишь терпит необходимость пребывания в Вестминстере, не более. «Палата общин — это для меня нечто вроде завода, на котором приходится работать», — сказал он как-то. Обладая валлийским даром спеть, пошутить, рассказать анекдот — иногда соленый, — Киннок популярен как оратор на различных званых обедах. Однажды на партийной конференции он вызвал неистовство всего зала, пропев низким басом на мотив «Песни о Миссисипи»: «Этот старик Каллагэн, он что-то знает, но ничего не хочет сделать» {8}. В парламенте, однако, где обаяние и общительность имеют меньшее значение, чем четкость и аргументированность изложения, Киннок оказался куда менее эффективен.

Задачей Киннока было восстановить расколотую лейбористскую партию, что требовало геркулесовых усилий. Не ясно было, хватит ли ему для этого сил. Те, кто не был уверен в его способности на равных противостоять Тэтчер, внутренне сжались от дурных предчувствий, когда во время фотографирования сразу же после его избрания лидером партии в Брайтоне он случайно оступился и, прямо в одежде, свалился с лестницы в прибой. Для тех, кто помнил, как Майкл Фут в первый же день после того, как стал лидером лейбористов, упал и сломал ногу, примета была не вдохновляющей. Приходили и другие сигналы, позволявшие предположить, что партии будет нелегко поправить свои дела.

Сразу же после победы Киннока лейбористы подтвердили свою решимость избавить Англию от ядерного оружия. Активисты партии протащили это решение всего через два дня после того, как общенациональный опрос общественного мнения показал, что принять такое решение было бы равносильно политическому самоубийству. Согласно результатам этого опроса, 74 процента всех англичан, в том числе и большинство сторонников самой же лейбористской партии, считали, что политика, направленная против ядерных вооружений, опасна и плохо продумана. Лишь 24,5 процента англичан поддержали лейбористов — итог, всего на один процент превышавший рекордно низкий за все время

уровень поддержки партии.

Но, за этим исключением, лейбористы в целом добивались успеха. Молодость и энтузиазм Киннока придали партии новую энергию, которой ей остро не хватало. К тому же и в союзе партий оппозиции появилось новое лицо. Лидерство в социал-демократической партии перешло от 62-летнего старомодного Роя Дженкинса к 45-летнему Дэвиду Оуэну, бывшему министром иностранных дел в лейбористском правительстве, — умному, привлекательному внешне и резкому по характеру. Тэтчер высоко ставила политическое мастерство и ум Оуэна и как-то сказала своим коллегам, что он мог бы стать следующим неконсервативным премьер-министром. Если добавить к этому популярного лидера либералов, тоже 45-летнего Дэвида Стила, то Тэтчер — в ее 57 лет, более чем на десятилетие старше любого из новых лиц, — противостояла молодая, дерзкая, телегеничная и опасная команда оппозиции.

Менее чем через год после переизбрания Тэтчер на следующий срок кандидаты консервативной партии потерпели поражение на местных выборах. Но еще более зловещими, чем само поражение, были для тори результаты, показанные Альянсом[21]. Перелив голосов избирателей к новым партиям шел за счет их оттока от консерваторов. Стратеги тори начали пристальнее приглядываться к Альянсу. Если бы центристам удалось только лишь расколоть оппозицию, это облегчило бы дальнейшее политическое продвижение вперед для Тэтчер. Но если бы комбинации социал-демократов и либералов удалось сколотить себе опору среди центристски настроенных избирателей и на этой основе вступить в коалицию с более умеренной под руководством Киннока лейбористской партией, то такой ход событий означал бы для консерваторов серьезные неприятности.

Но в действительности произошло нечто иное, что и дало второму сроку пребывания Тэтчер у власти тот стартовый толчок, который был ей необходим. Разразилась еще одна война, на этот раз в собственном доме. В ней не было увешанных медалями генералов в фуражках с золотыми околышами. Новая война столкнула ее с легионами пропитанных угольной пылью шахтеров Средней Англии, во главе которых стоял капрал, радикальный марксист Артур Скаргилл, руководитель Национального профсоюза шахтеров (НПШ). Шахтеры были самым воинственным, самым трудным, наиболее антиправительственно настроенным из всех профсоюзов Великобритании.

Если бы Тэтчер удалось нанести поражение шахтерам, то

всему профсоюзному движению в стране пришлось бы с ней считаться. Она уже к этому времени кое-чего добилась. С падением объемов производства и распространением автоматизации общее число членов профсоюзов сократилось с 12,2 миллиона человек в 1979 году до 10 миллионов человек к концу 1983 года. Тэтчер выжидала момент, когда она сможет обрушиться на ослабленное руководство профсоюзов. Для нее борьба со Скаргиллом и шахтерами предоставляла очевидную возможность, как и фолклендский кризис, еще одной конфронтации между Добром и Злом. Она увидела шанс положить конец, раз и навсегда, той безответственной воинственности профсоюзов, что привела к падению трех из четырех последних правительств, как консервативных, так и лейбористских.

Проблема отношений с профсоюзами имеет давнюю историю. Антагонизм в них нарастал с конца второй мировой войны. Свою роль в плачевном состоянии этих отношений сыграл и низкий уровень управления на предприятиях. У Англии долгий послужной список скверного администрирования. В безмятежные времена расцвета империи страна определяла мировые стандарты управления, воспитывая великолепных администраторов, способных поддерживать установившийся порядок вещей. Но в 1950-е годы в Англии работало очень немного профессиональных менеджеров. Многие высшие руководители корпораций и промышленности получили эти должности благодаря семейным связям. Контакты между управляющими и трудящимися были очень редки. Классовая принадлежность тех и других затрудняла общение. А принципиальный подход к вопросам промышленного производства, заключавшийся в том, чтобы удерживать стоимость рабочей силы на возможно более низком уровне, не стимулировал инициативу.

К началу 1960-х годов управленческий состав все еще не взял на себя руководящую роль в сфере трудовых отношений. И потому профсоюзы, при поддержке лейбористского правительства Вильсона, ухватились за предоставившуюся возможность и заполнили вакуум лидерства. В отсутствие весомых авторитетов руководители низовых профсоюзных организаций практически поставили под свой контроль функционирование огромного числа фирм. Когда в начале 1970-х годов разразились инфляция и нефтяной кризис, подскочила-то зарплата, но не производительность труда.

На протяжении десятилетий выступлений трудящихся шахтеры оставались профсоюзом, наиболее упорствующим в своем неподчинении правительству. В 1974 году шахтеры после

25 дневной забастовки в угольной промышленности свалили правительство Хита. Тэтчер использовала это поражение, чтобы на следующий год заставить его уйти и от руководства партией. Она хорошо знала шахтеров: низкопроизводительных по сравнению с шахтерами континентальных стран Европы, но никогда не устающих требовать больше и больше. С ее точки зрения, НПШ под руководством Скаргилла, проводившего отпуска на Кубе и в Советском Союзе, олицетворял собой всю гниль, какая накопилась в британской экономике. Тэтчер понимала, что шахтеры воинственны, опасны, и видела свой долг в том, чтобы поставить их под каблук, дабы страна могла идти вперед. Она понимала также, что должна выбрать для этого верный момент: однажды она уже попыталась это сделать и потерпела неудачу.

Тремя годами раньше, в 1981 году, пятьдесят тысяч шахтеров начали забастовку, после того как правительство приняло программу, предусматривавшую закрытие части шахт. Тэтчер, которую забастовка застала врасплох, отступила. На этот раз, однако, у нее за кулисами поджидал своего выхода на сцену Ян Макгрегор. Это шотландец, который в 1940 году, приближаясь к своему тридцатилетию, уехал в поисках карьеры в Соединенные Штаты. Он стал там процветающим банкиром и специализировался по инвестициям вплоть до 1980 года, когда Тэтчер заманила его назад в Англию, соблазнив контрактом на реорганизацию «Бритиш стил», которая терпела многомиллиардные убытки. Сократив 70 тысяч рабочих мест и справившись с профсоюзами сталелитейщиков, Макгрегор превратил компанию в прибыльную. Жесткий бизнесмен, Макгрегор не знает границ в своих похвалах Тэтчер. Обретя опыт сотрудничества с премьер-министром в тот период, когда он пытался спасти «Бритиш стил», Макгрегор заявил: «Великобритания — это единственная из западных демократий, где у руководства стоит профессионал» {9}.

Но и сам Макгрегор произвел столь же большое впечатление на Тэтчер. Она хотела, чтобы он в угольной промышленности сделал то же самое, чего добился в сталелитейной. Она обратилась к нему с просьбой перестроить отрасль, которая в 1983 году обошлась правительству в 1 миллиард долларов субсидий. План был несложен. Он предполагал закрытие сорока неэффективных шахт и отправку на пенсию двадцати тысяч шахтеров. Но в нем был спрятан и крючок. Тэтчер знала, что Скаргилл ждет не дождется драки, и решила заманить его в ловушку. Она знала, что он попадется на этот крючок — несмотря на то, что к 1984 году уже не было дефицита энергии; несмотря на то, что правительство скрытно накопило 20 миллионов тонн

угля, пятимесячный его запас; несмотря на то, что за весной должно было прийти лето и потребности в отоплении сокращались.

Как она и ожидала, Скаргилл принял вызов, как только были объявлены реформы Макгрегора. Скаргилл поднял свой профсоюз, но отказался поставить вопрос о забастовке на голосование, так как опасался, что не сможет собрать 55 процентов голосов, необходимых для принятия решения об общей забастовке в соответствии с уставом НПШ. Этот шаг, вызвавший отрицательную реакцию умеренно настроенной части шахтеров — 40 тысяч которых продолжали работу, а 140 тысяч присоединились к забастовке, — работал прямо в пользу правительства. «Если, возглавляя профсоюз, вы боитесь демократии, вам надо складывать вещички и отправляться домой», — заявил Сидней Уэйхел, бывший руководитель Национального профсоюза железнодорожников. Тэтчер вряд ли бы выразила эту же мысль иными словами.

Между пикетами забастовщиков и полицией началась открытая война. Ежевечерне по национальному телевидению показывались сцены кровавых стычек. К середине лета забастовка обошлась уже более чем в 2 миллиарда долларов, считая по стоимости непроизведенной продукции, а курс фунта стерлингов упал до 1,29 доллара с прошлогодних 1,50. На Тэтчер нарастало давление в пользу какого-то разрешения конфликта; однако она держала в уме куда более значительную цель. Она вообще не собиралась урегулировать этот спор, никогда и ни при каких обстоятельствах. Как не мог быть предметом переговоров суверенитет Англии над Фолклендскими островами, так же невозможно было вести какие бы то ни было переговоры о компромиссе со Скаргиллом. А кроме того, она понимала смысл того, что забастовочные фонды шахтеров истощались, а забастовки поддержки и солидарности закончились неудачей. Она не намеревалась ослабить хватку и дать им уйти с крючка. Движимая примитивным гневом и глубокими убеждениями, Тэтчер строила планы, как раздавить Скаргилла. Он символизировал все то, что она ненавидела.

В конечном итоге борьба продолжалась пятьдесят одну мучительную неделю. К марту 1985 года рядовые члены профсоюза постепенно вернулись на работу, а НПШ прекратил забастовку, ни на гран не поколебав решимости Тэтчер. В краткосрочном плане забастовка обошлась дорого: темпы прироста валового внутреннего продукта упали с трех до двух процентов в год; положительное сальдо торгового баланса сократилось на 2 миллиарда долларов, а бюджетный дефицит

подскочил на ту же величину. Курс фунта стерлингов снизился до рекордно низкой отметки — 1,03 доллара, что вызвало приток в Англию сотен тысяч туристов в погоне за выгодными покупками и сделками.

Но в долговременной перспективе забастовка шахтеров стала для Тэтчер еще одним историческим водоразделом. Фолклендская война заметно подняла моральный дух страны, но не оказала никакого глубинного воздействия на идущие в стране социально-экономические процессы. Забастовка шахтеров сделала именно последнее. «Забастовка была нашим Вьетнамом», — сказал шахтер Майкл Руни {10}. Стало ясно: пока на Даунинг-стрит остается Тэтчер, конфронтационные забастовки, потрясавшие страну в течение двадцати лет, не будут приносить результатов. Когда в 1974 году Тед Хит задал вопрос: «Кто правит Британией?», ответом было — «Профсоюзы!». Десятилетие спустя ответ оказался иной. Управлял снова премьер-министр, или по крайней мере этот премьер-министр. Ее популярность снова резко возросла. Друг за другом потерпели неудачу забастовки, к которым призывали другие профсоюзы: почтовых работников, железнодорожников, гражданских служащих. Профсоюзы, которые организовывали забастовки или угрожали ими в 1960-е и 1970-е годы, добивались значительных увеличений заработной платы и социальных выплат. К концу 1980-х годов прибавки едва поспевали за темпами инфляции.

Результат забастовки шахтеров изменил также и характер отношений между профсоюзами и администрацией фирм и предприятий. Деморализованная администрация уже больше не дрожала в залах заседаний в страхе перед возможностью прекращения работы. Сам облик промышленности быстро менялся. Сокращались старые отрасли, в которых сильны были позиции профсоюзов, — включая сталелитейную и угольную. Новые рабочие места во всем мире, в том числе и в Англии, возникали в чистых, высокотехнологичных отраслях, там были заняты более молодые работники, главным образом «белые воротнички». Этих людей не интересовали призывы к рабочей солидарности и классовой борьбе. «Мы имеем дело с более образованными людьми, на которых не производит впечатления вся эта военная фразеология и ритуалы борьбы», — сказал Джон Эдмондс, руководитель профсоюза муниципальных служащих и работников коммунального хозяйства, в свое время закончивший Оксфордский университет. В новых соглашениях между профсоюзами и администрацией стало уделяться повышенное внимание льготам для среднего класса, в них начали включаться статьи, предусматривающие отказ от забастовок.

Новый рабочий класс не был более тем угнетенным классом, который по традиции представляла лейбористская партия. Большинство населения, писал Андрэ Горц в книге «Прощай, рабочий класс», «принадлежит сейчас к постиндустриальному неопролетариату». Лейбористская партия не может более рассчитывать на то, чтобы монопольно представлять рабочих. Это поле было открыто для соперничества всех. По мере того как нарастала борьба за умы, сердца и голоса рабочего класса, Тэтчер прилагала все усилия, чтобы перетянуть их на свою сторону, обхаживала их так же агрессивно, напористо, как до того боролась с шахтерами. Обаяние способно покорять не хуже, чем сила. Тэтчер хорошо усвоила эту истину и действовала, чтобы консолидировать свою опору во всех группах населения. Одна группа, однако, отказывалась подчиниться, к какой бы тактике ни прибегала Тэтчер. Ирландская республиканская армия доказывала, что она — самый непримиримый противник премьер-министра. В октябре Тэтчер предстояло узнать, как далеко этот противник был готов зайти.

Глава тринадцатая
ИРЛАНДСКИЙ ВОПРОС

Глубокой ночью 12 октября 1984 года Тэтчер еще работала в своих апартаментах в брайтонском «Гранд-отеле», внося последние поправки в текст своего выступления на открывающейся ежегодной конференции консервативной партии. Было 2 часа 50 минут утра. «Порядок, — вздохнула она, обращаясь к руководителю составителей ее речей Рональду Миллару. — Всё. Закончила». Она уже направлялась в ванную комнату, когда ее остановил первый личный секретарь Робин Батлер: «Я знаю, госпожа премьер-министр, как вы устали, но тут еще один документ, по которому от вас ждут ответа завтра» {1}.

Она кивнула, взяла бумаги и направилась к креслу у окна, из которого открывался вид на каменистый пляж и пролив Ла-Манш. Внезапно раздался мощный взрыв, выбивший окна и потрясший все здание отеля. «Прошла мощная волна воздуха и пыли», — вспоминала позднее премьер-министр.

В элегантном, построенном 120 лет назад в неорегентском стиле отеле, в котором размещались более половины членов ее кабинета, возникла рана примерно 35 футов в длину и 15 в ширину[22]. Бетон и стекло обрушились на улицу, и тонны обломков и мусора упали в отделанный деревом вестибюль, в котором всего за несколько часов до этого находились сотни деятелей консервативной партии.

Миллар спускался в это время по лестнице. Взрыв сшиб его с ног и погрузил всю гостиницу во мрак. Председателя партии Джона Селвина Гаммера, который стоял перед входом в комнаты Тэтчер, взрывом перебросило через весь коридор. Тэтчер выглянула за дверь. «Я могу чем-нибудь помочь?» — спросила она. Гаммеру показалось, что выглядела она несколько испуганной, но голос звучал спокойно. Отпрянув назад в комнату, она какое-то время просидела в темноте, пока Миллар не добрался назад до гостиной, стискивая рукой плечо. «По-моему, это была попытка покушения?» — спросила она. Номер Джеффри Хоува был рядом с комнатами Тэтчер. «Не ходи туда», — резко сказала она Миллару, считая, что супруги Хоув погибли. Но им удалось выбраться целыми и невредимыми.

Через несколько минут сотрудник охраны отправил ее в спальню. Дэнис, который ненавидит партийные конференции и пропустил несколько рюмок перед отходом ко сну, проспал взрыв.

Когда его разбудили, он и жена сидели, не двигаясь, в темноте, следуя инструкциям полицейских, обнаруживших какую-то подозрительную фигуру на крыше соседнего здания. Полиция опасалась, что это мог быть снайпер, и распорядилась, чтобы премьер-министр не трогалась с места. Тэтчер никогда не любила темноту; но в этот момент она ее воистину возненавидела. Она ощущала себя угодившей в ловушку и поклялась, что никогда впредь не окажется без света {2}. На следующий день к беспорядку в своей сумочке она добавила карманный фонарь и с тех пор с ним не расставалась.

Когда агенты службы безопасности дали отбой и перевозили чету Тэтчер под надежное укрытие брайтонского полицейского участка, она прихватила с собой две чистые блузки и два кейса. В одном была косметика, в другом — правительственные документы. Затем, принарядившись и даже надев серьги, она вышла из гостиницы вместе с подвыпившим Дэнисом, окруженная охранниками и полицейскими в форме. «Конференция пройдет как обычно, — твердо заявила она, проталкиваясь через толпу. — Нам с Дэнисом очень повезло».

Она едва спаслась. Восьмикилограммовая гелигнитовая бомба взорвалась в десяти метрах от нее, разрушив ванную комнату, в которую направлялась Тэтчер. Пять человек были убиты, включая одного члена парламента. Тридцать четыре человека были ранены, в том числе двое из ее ведущих советников, Норман Теббит и главный парламентский партийный организатор Джон Уэйкхем, которых в течение нескольких часов не могли освободить из-под обломков. Жена Уэйкхема была убита, жена Теббита осталась навсегда парализованной.

Девятью часами позже, позвонив на дублинскую радиостанцию, ответственность за организацию взрыва взяло на себя временное крыло находящейся вне закона Ирландской республиканской армии (ИРА), заявившее, что их целями были «британский кабинет и поджигатели войны — консерваторы».

«Теперь Тэтчер поймет, что Англия не сможет безнаказанно оккупировать нашу страну, пытать наших попавших в плен товарищей и стрелять людей прямо на улицах», — заявил звонивший, предупредив, что последуют новые акты насилия. «Сегодня нам не повезло. Но помните: достаточно, чтобы нам повезло всего один только раз. А вам должно будет везти все время».

Тэтчер, отличающаяся исключительной храбростью, отказалась поддаться на запугивание. Она восприняла это покушение как непосредственный личный вызов и была преисполнена решимости не нарушать работу конференции. ИРА

не получит никакого удовлетворения. Когда через одиннадцать часов после взрыва Тэтчер вышла на трибуну конференции, глаза ее были красны от усталости, но во всем остальном она выглядела как обычно. Ее прическа была отлична, косметика безукоризненна. Покушение, сказала она делегатам конференции, было «попыткой нанести удар по демократически избранному правительству Ее Величества». Любые попытки разрушить демократию посредством терроризма, заявила премьер-министр, обречены на провал. «Мы должны работать как обычно».

Покушение утвердило Тэтчер в жесткости ее подхода, равно как и в ее убеждениях. Она была полна решимости продолжать свой крестовый поход против всех темных сил, в том числе и против ИРА. Провозглашенное ею объявление войны этим силам вызвало в ответ громоподобную восьмиминутную непрекращающуюся овацию, топание ногами. Она смотрела на неистовство зала, воинственно задрав подбородок. На следующий день, отмечая в Чекерсе свое 59-летие, она «приоткрылась» и показала, что была испугана, как и любой другой бы на ее месте. «Никогда не хотела бы пережить такой день», — говорила она, плача, небольшой группе своих доброжелателей.

Взрыв, который мог бы уничтожить английское правительство, был самой дерзкой выходкой за двадцать лет после того, как ИРА возобновила свою затяжную борьбу за изгнание Англии из шести графств Северной Ирландии. «Смута», как ее эвфемистически называют, ведет свой отсчет с 1968 года, когда активисты движения католиков начали кампанию за равноправие при поступлении на работу и найме жилья. Они брали пример с маршей за гражданские права в США в начале 1960-х годов и с антивоенного движения конца шестидесятых. Протесты в Северной Ирландии начались мирно, но очень быстро приняли насильственные формы. В 1969 году, когда начались уличные беспорядки в Лондондерри — втором по величине городе Северной Ирландии и оплоте католического движения, — королевские полицейские силы Ольстера оказались не в состоянии поддерживать порядок. Им на помощь были направлены части британской армии. На следующий год ИРА начала кампанию террора. С тех самых пор Северная Ирландия остается второй по неразрешимости политической проблемой Англии — после больной экономики.

Корни кровавой междоусобной борьбы экстремистов в католическом меньшинстве и католическом большинстве Северной Ирландии уходят далеко в историю Англии и Ирландии. В 1171 году король Генри II вторгся в Ирландию и провозгласил себя ее верховным правителем, тем самым

фактически положив конец независимой гаэльской Ирландии. К 1250 году большая часть Ирландии была завоевана, однако ирландцы продолжали борьбу против англичан и их политического господства. В течение ста пятидесяти лет — с 1338 по 1485 год — внимание английских королей было отвлечено Столетней войной и войной Алой и Белой розы. Но в конце XV века король Генри VII возобновил попытки англофицировать Ирландию, запретив смешанные браки и потребовав обязательного знания английского языка.

В 1541 году Генри VIII провозгласил себя королем Ирландии, однако так и не сумел завоевать страну. Англии не удавалось восстановить полный контроль над Ирландией вплоть до 1558 года, когда на престол вступила Елизавета I, дочь Генри VIII и Анны Болейн. Ее политика включала и попытку обратить ирландцев в англиканство, для чего была образована Ирландская церковь. Однако потребовались четыре войны, чтобы генералы-протестанты, стоявшие во главе армий Елизаветы I, сумели в конце концов нанести поражение силам католиков, возглавлявшимся Хью О'Нейлом и Хью О'Доннеллом. В 1601 году англичане окончательно взяли верх. Среди наиболее упорных и опасных противников, с которыми пришлось сталкиваться англичанам, были вожди ольстерских племен, живших в северной части Ирландии. После поражения многие из их сторонников бежали в католические части Европы.

Реформация усилила межнациональную враждебность. «Среди ирландцев преследуемая церковь разжигала естественное сопротивление покоренного народа. Англичане были еретиками, их власть — незаконной, восстание и выступления против нее — законными, враги англичан были тем самым друзьями Ирландии и Веры, — писали Мэир и Конор Круиз О'Брайен. — Создавался замкнутый круг. Осознание англичанами всех этих чувств порождало у них ощущение неуверенности в прочности их положения (в Ирландии. — *Прим. перев.*). Потребность в безопасности вызывала принятие сильных мер, тем самым укрепляя страсти самих ирландцев, лежащие в основе отсутствия безопасности, и создавая потребность в принятии все более сильных мер» {3}.

В 1607 году король Джеймс I, преемник Елизаветы, усилил нажим на ирландцев. «Вы лишь полуподданные, и потому вам положена лишь половина прав», — говорил он. Эти слова он подкреплял захватом имений ирландских князей-католиков, часть которых еще раньше покинула страну, и раздавая огромные земельные участки, по большей части на севере Ирландии, английским и шотландским поселенцам. На протяжении

последующих тридцати трех лет в северной части Ирландии поселились сто тысяч протестантов, верных английской короне.

В середине XVII века Оливер Кромвель громил ирландцев с особой жестокостью. После завоевания и разрушения графства Клэр Кромвель писал: «Не хватает деревьев для повешенных, воды для утопленников, земли для того, чтобы в ней хоронить». Но поистине переломным моментом стала Битва при Бойне — сражение между силами англичан и ирландцев, произошедшее в 1690 году близ Дрохеды. Ирландскую армию возглавлял Джеймс II, новообращенный католик, стремившийся вернуть себе английский трон. Армию англичан — уроженец Голландии король Вильям Оранжский, протестант. Победа «доброго короля Билли» завершила установление протестантского господства на Севере Ирландии. Три столетия спустя оно все еще существует. Как победители, так и побежденные культивируют стародавние враждебность и ненависть, проводят парады и демонстрации, которые периодически взрываются вспышками насилия.

Дискриминация была еще более усилена английскими законами начала XVIII века, по которым католикам было запрещено занимать политические посты, наследовать или покупать землю. Медленный и сложный процесс пересмотра этих законов начался во время правления Георга III (1760–1820 гг.) и достиг своей кульминации с принятием в 1829 году Акта об освобождении, открывшего католикам возможность вести нормальную гражданскую и политическую жизнь. Но даже и тогда от католиков, занимавших официальные должности, требовалось присягать в верности протестанту-престолонаследнику, отказываться от признания мирской власти папы римского и не предпринимать ничего, что могло бы ослабить власть протестантов. (Ныне действующий британский закон все еще запрещает католикам вступать на трон, а также занимать некоторые другие посты, например, регента, лорда-канцлера и лорда-хранителя Большой печати.)

На протяжении XIX века политические деятели Ирландии, включая Чарльза Стюарта Парнелла — протестанта, возглавлявшего движение крестьян-католиков, — неоднократно пытались добиться для Ирландии самоуправления. Когда кампания за самоуправление наталкивалась на какое-нибудь препятствие, на улицы выходило Ирландское республиканское братство (ИРБ) — предшественники ИРА, — стремившееся добиться независимости Ирландии.

Во время «пасхального восстания» против английских войск в апреле 1916 года «чернокоричневым» удалось захватить главпочтамт и несколько других общественных зданий в Дублине.

Добровольцы ИРБ провозгласили независимую республику и продержались целую неделю, пока армия не начала артиллерийский обстрел почтамта, чем и вынудила их сдаться. Казнь пятнадцати лидеров восстания потрясла страну и вызвала партизанскую войну против англичан, которая длилась в течение пяти последующих лет. В конце 1921 года Лондон наконец согласился на раздел острова. Двадцать шесть католических графств юга образовали независимую Республику Ирландию, а Британия сохраняла контроль над шестью северными графствами, известными под общим названием Ольстер, в которых преобладали протестанты. На протяжении большей части последующих пятидеся ти лет политическая напряженность была невелика, и двум сторонам в Северной Ирландии удавалось сосуществовать относительно мирно.

Хрупкое спокойствие рухнуло в конце 60-х годов, когда Англия ужесточила свой подход к проблеме Ольстера. Гражданское неповиновение английским властям переросло в терроризм в 1970 году, когда «временные» — боевые группы ИРА — начали уличную войну против британских «оккупантов», преемников «черно-коричневых», которых так ненавидели во время гражданской войны. Целью «временных» было вновь разжечь пламя «прекрасных дней» борьбы за независимость Ирландии, добиться ухода британских войск и воссоединить Север и Юг страны. Однако даже самые давние сторонники ИРА были шокированы жестокостью «временных сил». Их мишенью были не только протестанты и британские власти. Католики, отказывавшиеся поддерживать «временных», подвергались крайним жестокостям — весьма распространенным было, например, раздробление коленных чашечек — в результате уличных самосудов. Боевики протестантов отвечали созданием собственных полувоенных формирований и проведением тактики террора.

Англия ответила введением предупредительного задержания и интернирования без суда — мерами, против которых повсеместно и резко выступали католики и участники движений за гражданские права. Правительство Хита ввело дополнительные войска. С нескольких сот человек в 1968 году британский гарнизон в Ольстере вырос до максимума — 22 тысяч человек — к 1972 году. Но и масштабы насилия тоже увеличились. 30 января 1972 года английские солдаты застрелили тринадцать демонстрантов после католического митинга в Лондондерри. С тех пор «кровавое воскресенье» ежегодно отмечается в городе, который католики называют теперь просто Дерри, ненавидя его как оплот британской силы и власти. Этот расстрел задал тон

всему году, наиболее кровавому из всех лет «волнений» — тогда было убито 274 человека. Всего же за период с 1968 до 1990 года в перестрелках и террористических актах погибли почти 3 тысячи человек. Две трети из них были гражданскими лицами, остальные — военнослужащими и полицейскими. Более 30 тысяч человек получили ранения.

Северная Ирландия — преимущественно сельская страна, на всем своем протяжении от северного побережья до Морнских гор, обрывающихся в Ирландское море к югу от Ньюкасла, изумительно живописная. Но двенадцать лет Смуты наложили свой отпечаток на облик городов и некоторых из наиболее буколических деревушек. Полицейские участки в деревнях окружены теперь железобетонными стенами семиметровой высоты, поверх которых натянуты сети и тонкая режущая проволока. Наблюдательные телекамеры просматривают контрольно-пропускные пункты и прилегающие улицы вдоль всей границы между Ольстером и Ирландией. Солдаты и полицейские ежедневно проводят тысячи проверок и досмотров машин в поисках оружия, лиц, подозреваемых в принадлежности к ИРА, и просто в порядке демонстрации силы.

В Белфасте и Лондондерри улицы патрулируются бронетранспортерами, дворы и переулки — пешими военными патрулями. В первые годы после вспышки насилия, когда Англия еще интернировала без суда всех подозреваемых в принадлежности к ИРА, женщины в католических районах, увидев вечером такой патруль, выскакивали на улицы и колотили по мусорным бакам, крича «Черные отряды! Черные отряды!», — предупреждая тем самым своих мужчин о необходимости прятаться.

В Белфасте — городе, где насильственные столкновения были наиболее часты и интенсивны, — целые районы подверглись перепланировке, исходя из соображений безопасности. Над схемами улиц в новых жилых районах работали рука об руку гражданские архитекторы и военные специалисты. В отличие от старых жилых районов, где изобиловали аллеи, неизвестные посторонним проходные дворы, где была масса возможностей скрыться незамеченным, новые микрорайоны строились так, чтобы в них был только один въезд и выезд, что облегчало бы силам безопасности блокирование таких кварталов и проведение в них обысков. Территория между микрорайонами разравнивалась бульдозерами и превращалась в «ничейную землю». Но крайним примером такого военного градостроительства стала «линия мира» — безобразная стена из бетона, кирпича и стали высотой с телеграфный столб. Сплошь

покрытая надписями типа «Да здравствует ИРА!» и «Перебьем папистов!», она отделяет протестантский Шэнкхилл от католического Западного Белфаста {4}.

Подобное военизированное строительство явилось следствием неспособности положить конец открытой вражде, продолжающейся уже в течение жизни целого поколения людей. Британские и ирландские государственные деятели пытались разорвать эту цепь нападений и ответных актов мести как политическими, так и военными средствами; но почти безуспешно. Все предложения о каком-то разделении власти не получили поддержки. На всем протяжении конфликта Англия отказывается выводить свои войска из опасения, что вслед за этим ИРА учинит массовую резню. Просто уйти, отказавшись от английского суверенитета над Северной Ирландией, тоже невозможно, поскольку там остается протестантское большинство, лояльное к Великобритании. Впечатление таково, что логического выхода из создавшегося положения просто не существует.

Политическая ситуация еще более осложняется теми психологическими отношениями, что сложились между Англией и Ирландией. Они непросты, но все же их можно свести к нескольким основополагающим моментам. Во-первых, Ирландия — это небольшая страна, ее население составляет всего 6 процентов от английского. Во-вторых, когда Великобритания чихает, Ирландия заражается насморком. В-третьих, когда чихает Ирландия, Англия чаще всего этого даже не слышит и тем более не утруждает себя пожеланием «Будьте здоровы!». В-четвертых, любой вопрос, касающийся Британии, имеет для Ирландии первостепенное значение. И наконец, в-пятых, Англия обычно реагирует на существенные для Ирландии вопросы лишь тогда, когда в них складывается какой-либо острый кризис.

Отношение Тэтчер к Смуте коренится в ее собственных сильных юнионистских чувствах и, в меньшей степени, в консервативно-методистском воспитании, полученном ею в детстве. Ее отношение сформировалось также и под влиянием отвращения к терроризму и особенно под воздействием шока от убийства Эйри Нива в марте 1979 года. Это злодейство пробудило в Тэтчер абсолютную ненависть к ИРА, еще более укрепившуюся после покушения в Брайтоне.

Через четыре месяца после убийства Нива ИРА организовала новый террористический акт, взорвав около Слиго рыболовную шхуну лорда Маунтбеттена вместе с ее владельцем. Погиб 79-летний герой второй мировой войны, дипломат, прославившийся как архитектор независимости Индии, один из наиболее

заслуженных государственных деятелей и любимец королевской семьи. Тэтчер пробыла к этому времени на посту премьер-министра всего три месяца. В тот же августовский день на мощной мине подорвался английский военный патруль в Южном Армаке. Когда к месту трагедии прибыл спасательный вертолет, взорвалась вторая мина. В этот день, самый кровавый в Ольстере, было убито в общей сложности восемнадцать солдат.

Тэтчер была в ужасе. Но, преисполненная решимости не действовать под влиянием эмоций, она закрылась в кабинете и сама, от руки, написала письма вдовам и семьям всех убитых солдат. Затем, с целью продемонстрировать, что ее не запугать, она полетела в Белфаст и, в окружении охраны и солдат, прошлась пешком по улицам города, выслушивая, что думают его жители об этих убийствах. Последнего правнука королевы Виктории, лорда Маунтбеттена пышно и с соблюдением тщательно, во всех деталях разработанной процедуры похоронили в Вестминстерском аббатстве. После похорон Тэтчер встретилась с премьер-министром Ирландии Джеком Линчем для обсуждения мер по укреплению безопасности. Линч, возглавлявший «Фианна файл», ирландскую партию, у которой исторически были самые тесные связи с ИРА, с отвращением относился к проводимой ИРА тактике террора. «Нынешняя ИРА не имеет ничего общего с той, что существовала в начале 1920-х годов, — заявил он. — Эти люди вовсе не борются за Объединенную Ирландию. Они сохраняют разделение Ирландии, сохраняют тот страх и озлобление, что существуют на Севере страны. Это грубый и ужасный гангстеризм» {5}.

Переговоры Тэтчер и Линча завершились в дружеской атмосфере, но ни им, ни кому-либо другому так и не удалось найти решения. Когда месяцем позже Ирландию посетил папа Иоанн Павел II, он выступил со страстным призывом: «Я на коленях молю вас сойти с пути насилия!». ИРА отвергла эту мольбу: «Мы глубоко убеждены, что только сила способна устранить зло английского присутствия в Ирландии».

Еще до конца 1979 года вынужден был уйти со своего поста Линч. Он стал жертвой постоянных экономических проблем и своих слишком тесных связей с Лондоном. С его уходом начался период, на протяжении которого власть попеременно переходила то к Чарльзу Хоги (избирался в 1979, 1981, 1987 и 1989 г.), то к Гэррету Фитцджеральду (избирался в 1980 и 1983 г.). Хоти приводил Тэтчер в смятение. «Боже, теперь все станет вдесятеро сложнее», — сказал один из членов ее кабинета, когда Хоги сменил Линча {6}. Хоги входил в состав кабинета при Линче в качестве министра здравоохранения и социального обеспечения,

но они давно не терпели друг друга. Весьма опытный политик, занимавший четыре министерских поста и прослуживший двадцать два года в дейле — парламенте Ирландии, Хоги был сильным республиканцем, гораздо более эмоционально относившимся к вопросу об объединении страны, чем прагматичный Линч. «Да, я зеленоватый», — признавал он после вступления в должность. В 1970 году, будучи министром финансов в правительстве Линча, Хоги попал под суд по обвинению в организации снабжения ИРА оружием, но был оправдан. Линч тогда отправил его в отставку, но Хоги, один из самых непотопляемых политиков, которых когда-либо давала «Фианна файл», вскоре уже снова был в высших сферах ирландских властей.

Вступив в 1979 году в должность премьер-министра, Хоги, которому тогда было 54 года (он всего на месяц старше Тэтчер), немедленно заявил, что «моей главной политической целью будет мирное объединение народа Ирландии». Это заявление произвело желаемый эффект: оно показало британскому премьеру, что той предстоит иметь дело с более агрессивным деятелем, нежели был Линч.

Поначалу отношения между Тэтчер и Хоги были холодными, а их подходы к проблеме Северной Ирландии — прямо противоположными. Для Тэтчер дискуссия имеет чисто механический смысл до тех пор, пока ее солдаты не взрываются на минах. На нее не оказывает никакого воздействия перечисление исторических аргументов в споре об Ирландии. Ее мало интересует история вообще, а ирландская история в особенности. Она мало читала по этому вопросу, и у нее нет времени на такое чтение. Поэтому все нюансы и культурные аспекты дебатов по этому вопросу никогда не были ее сильным коньком, как и деяния периода Реформации и гражданская война, явившаяся следствием разделения страны. Для Тэтчер существенны лишь современные реалии: Северная Ирландия является частью Соединенного Королевства, и явное большинство — один миллион протестантов из 1,6 миллиона населения Ольстера — желает, чтобы так было и впредь {7}.

Ей важен и террористический аспект проблемы. Она убеждена, что тем, кто проиграл демократические выборы, нельзя дать победить путем террора, бомбой и пулей, убийствами британских солдат и ни в чем не повинных гражданских лиц. Главнокомандующей вооруженными силами является королева, а не премьер-министр. Но именно Тэтчер нередко приходится встречать возвращающиеся в Англию гробы английских солдат, и очень часто ей трудно сохранять при этом самообладание. Тэтчер

убеждена также, что И РА — лишь часть глобальной проблемы терроризма и решать эту проблему надо, повсеместно противоборствуя ему. Ее волнуют связи ИРА с другими террористическими группами, включая и те, которые поддерживает ливийский лидер Каддафи, поставляющий в Северную Ирландию тонны оружия и взрывчатки. Она, однако, отметает как чепуху утверждения об общности целей ИРА с Организацией освобождения Палестины (ООП) и Африканским национальным конгрессом (АНК).

Тэтчер показала меру своей неуступчивости в 1980 году, когда в Ирландии прошла первая из целой серии голодовок. Голодали заключенные белфастской тюрьмы Мейз, камеры которой объединены в блоки, в плане напоминающие букву «Н». По преимуществу это были члены ИРА, приговоренные за различные уголовные преступления — от вооруженного ограбления до убийства. Они, однако, требовали, чтобы с ними обращались не как с обычными преступниками, но как с военнопленными. Когда управление по делам Северной Ирландии — орган британского правительства, занимающийся административным управлением этой провинцией, — отказало им в таком обращении, они начали голодовку. Отношение Тэтчер было таким, что если голодающие хотят заморить себя до смерти, то это дело их собственного выбора, никак не влияющее на политику, которая остается неизменной. Когда примас всей Ирландии кардинал Томас О'Файэйч попросил ее вмешаться, она отказалась.

«Продолжение этой голодовки будет абсолютно бесполезным», — заявила Тэтчер, назвав ее «смешным поступком». (Во время аналогичной голодовки в 1972 году правительство Теда Хита по рекомендации Вилли Уайтлоу, в то время министра по делам Северной Ирландии, предоставило находившимся в тюрьме боевикам ИРА статус политических заключенных. В 1980 году позицию Тэтчер в этом вопросе еще более укрепило заявление Уайтлоу, в это время уже министра внутренних дел, ответственного за вопросы безопасности, о том, что его решение в 1972 году было неверным.) Голодовка 1980 года продолжалась пятьдесят три дня и завершилась полной капитуляцией семерки заключенных. Тэтчер так и не уступила.

На следующий год в Мейзе разразилась еще одна голодовка. Ее руководителем был Бобби Сэндс, упрямый 27-летний активист ИРА, приговоренный в 1976 году к четырнадцати годам за незаконное владение огнестрельным оружием. Это был уже его второй срок в тюрьме строгого режима. Ранее он отсидел три года за ношение оружия и за два вооруженных ограбления —

традиционный для ИРА способ добывания средств. В марте 1981 года он начал спор с Тэтчер, заявив, что отказывается есть, пока ему не будет предоставлен статус политического заключенного, то есть признание его военнопленным, право носить собственную одежду вместо тюремной и освобождение от работы. Правительство отвергло его требования. «Мы не считаем, что с теми, кто совершил преступление по политическим мотивам, следует обращаться иначе, чем с совершившими его под влиянием каких-то иных мотивов», — заявил любимец Тэтчер Хамфри Эткинс, в то время министр по делам Северной Ирландии.

Тем бы дело могло и кончиться. Однако через четыре дня после того, как Сэндс начал свой пост, умирает член парламента, католик, представлявший избирательный округ, находящийся на границе с Ирландской Республикой. ИРА сумела добиться выдвижения на осводившееся в Вестминстере место кандидатуры Сэндса. К смятению правительства, на промежуточных выборах 10 апреля Сэндс нанес поражение убежденному юнионисту и стал членом парламента. И тем самым, пока Сэндс продолжал слабеть на воде и соляных таблетках, вопрос о его голодовке превратился из частного в крупное политическое дело. На восьмой неделе голодовки три члена ирландского парламента прилетели в Белфаст с целью убедить Сэндса прекратить голодание. Тот отказался. Тогда тройка попыталась встретиться с Тэтчер, но она не пожелала их принять. Вскоре после этого, когда пять английских солдат были убиты в результате взрыва бомбы, Тэтчер обрушилась на участников голодовки, заявив, что, когда убийцы солдат пойдут под суд и будут осуждены, «я надеюсь, никто не станет утверждать, что они имеют право на какие-то особые привилегии».

Сэндс вскоре умер, как и девять других заключенных тюрьмы Мейз. И как еще пятьдесят человек, погибших во вспышке насилия, спровоцированной этим противоборством воль. Со всего мира шли обращения в адрес Тэтчер, призывавшие ее смягчить позицию. Она не поколебалась ни разу. Ее непреклонность в этом вопросе стоила ей какой-то части поддержки за границей, причем особенно в Соединенных Штатах. После смерти Сэндса денежные поступления из США в адрес ИРА утроились. В Нью-Йорке принца Чарльза встречали антибританскими демонстрациями. Вынуждена была отменить свою запланированную поездку в США и принцесса Маргарет, которая еще раньше, вскоре после убийства Маунтбеттена, вызвала взрыв возмущения, якобы отозвавшись во время визита в Чикаго об ирландцах как «свиньях». Голодовка поляризовала общественное мнение, и во

всем мире усилились требования найти политическое решение проблемы Ольстера.

Джеймс Прайор, сменивший в 1981 году Эткинса в министерстве по делам Северной Ирландии, выступил с новой инициативой. Он предложил решение, основанное на идее разделения власти двумя общинами в новой Ассамблее Ольстера. В соответствии с этим планом «постепенного перехода» лоялисты-протестанты и республиканцы-католики должны были работать совместно, получая от Лондона все больше прав и полномочий по мере того, как углублялось бы их согласие друг с другом. Лондон был заинтересован в достижении тут какого-то жизнеспособного соглашения; но в Ольстере мало у кого лежала душа к совместному отправлению власти. Вестминстер принял решение об образовании ассамблеи, в которой должно было быть 78 мест. Но еще до начала выборов в нее стало ясно, что водораздел был слишком широк. Католики заявили, что они станут бойкотировать ассамблею. Протестанты — что они хотят правления большинства, а не разделения власти. Сама Тэтчер оставалась холодна ко всей этой идее в целом. Прайор ушел в отставку, и его идея провалилась, став еще одной из бесконечной череды неудач.

Кровопролитие между тем продолжалось. В июле 1982 года подброшенная ИРА бомба взорвалась в тот момент, когда через Гайд-парк гарцевало подразделение Личной кавалерии Ее Величества, разбросав по улице мертвых и раненых людей и лошадей. Другим взрывом была разрушена сцена в Риджент-парке, когда там выступал военный оркестр. Погибло десять человек, 55 было ранено. Положение еще более осложнилось, когда в разгар мучительного процесса переговоров относительно Ассамблеи Ольстера и сопровождавших его взрывов бомб разразилась фолклендская война и Хоги выступил с осуждением британской агрессии. Тэтчер назвала это заявление непростительным предательством, и отношения между Лондоном и Дублином ухудшились.

На протяжении следующего, 1983 года проблема Северной Ирландии оставалась больной и нерешаемой. Взрыв бомбы в универмаге Хэрродс под Рождество напомнил о ее существовании и способствовал оживлению усилий в поисках урегулирования. В мае 1984 года группа националистически настроенных политиков, представлявших обе стороны межирландской границы, выступила с рекомендациями относительно воссоединения острова, и предотвращения дальнейшего сползания к «насилию, анархии и хаосу». Изложенные в документе, озаглавленном «Отчет форума по Новой Ирландии»,

эти предложения призывали к образованию единого государства со столицей в Дублине; к созданию новой конституции, которая исходила бы не из принципа вероисповедания; и к «необратимым гарантиям защиты и сохранения целостности как юнионистского, так и националистического движений». Националисты считали, что они пошли на серьезные уступки, позволив юнионистам сохранить их связи с Великобританией и призвав к конституции, которая предоставляла бы полные гражданские и религиозные свободы обеим сторонам. В документе предлагались также и еще два возможных решения: создание федеральной системы, при которой каждая столица имела бы собственное правительство, но был бы один общий президент; либо установление совместного суверенитета над Северной Ирландией. Рональд Рейган высоко отозвался об этих предложениях, однако ни один из вариантов не был приемлемым для Тэтчер.

Через месяц после взрыва в Брайтоне Тэтчер и Фитцджеральд провели свою ежегодную встречу в Чекерсе, на которой обсуждали «Отчет форума». На пресс-конференции после этой встречи Тэтчер была потрясающа. Брайтон укрепил ее сравнимое по твердости разве что с алмазом неприятие компромисса по Северной Ирландии, и она отмела предложения и самого Фитцджеральда с той надменной грубостью, которой пользовалась обычно лишь в отношении смертельных врагов. «Я ясно заявила, что объединенная Ирландия — это решение, которое исключено. Другое решение — конфедерация двух государств. Оно также исключено. Третье решение — совместное управление. И оно исключено — это было бы унижением суверенитета». Ее отказ был не просто груб, она еще и унизила Фитцджеральда, одного из наиболее благородных деятелей в мировой политике, человека, глубоко преданного идее мирного решения ирландской проблемы. «Я не поверил ушам своим, когда услышал, что она говорит, — заявил один из министров правительства Тэтчер. — Это было просто ужасно» {8}.

Фитцджеральд, который, в отличие от Хоги, восхищался Тэтчер, был рассержен и в замешательстве. Он охарактеризовал ее заявление как «беспричинно агрессивное» и отправился домой. Но он не сдался. Вместо этого он пошел на прагматический риск: ради того, чтобы возобновить диалог, отложил на время вековое требование Ирландии о восстановлении единства страны. Фитцджеральд знал, что к середине 1980-х годов воссоединение страны не было тем главным требованием, удовлетворения которого добивалась бы вся республика. Если оставить в стороне соображения идеалистического порядка, то большинство южан не хотели иметь никаких связей с Севером. Они знали, что им не по

средствам ни содержать Север, ни даже поддерживать там порядок. Британия затрачивала ежегодно на Северную Ирландию около четырех миллиардов долларов. Для Ирландии, одной из беднейших стран Европы, это была непомерная сумма. Но успех, одержанный на выборах политическим крылом ИРА — партией «Шинн фейн», и в том числе избрание в парламент ее лидера Джерри Эдамса, убедил Фитцджеральда, что нужно что-то делать, пока сторонники силовой политики не добились больших успехов. В Лондоне наиболее преданные Тэтчер коллеги также убеждали премьер-министра, что необходимо возобновить диалог с Фитцджеральдом.

Тэтчер согласилась — отчасти потому, что надеялась доказать этим Рональду Рейгану, что она действительно пытается достичь согласия с Дублином. Она знала, что если не добьется такого впечатления, то не получит никакой помощи в том, чтобы остановить идущий из Северной Америки к ИРА поток оружия и денег или же обеспечить выдворение из США лиц, подозреваемых в принадлежности к ИРА. За решением сотрудничать с Фитцджеральдом последовали интенсивные, продолжавшиеся целый год переговоры, кульминацией которых стало подписание в ноябре 1985 года в замке Хиллсборо, недалеко от Белфаста, англо-ирландского соглашения. Оно включало три важных элемента:

— подтверждало принцип, что большинство должно согласиться с любыми переменами в статусе Северной Ирландии и что нынешнее большинство не желает тут никаких перемен; но в будущем, если бы большинство выступило в поддержку объединения Ирландии, то правительства двух государств берут на себя обязательство содействовать такому объединению;

— включало принцип перехода применительно к политическому решению, что означало постепенную передачу власти от Великобритании местным органам управления;

— для практического решения таких вопросов, как безопасность на границе и правосудие, образовывался британо-ирландский орган, получивший название «Межправительственного совещания». Тем самым Ирландия получала ограниченный, очень ограниченный, консультативный, но все же голос в решении внутренних вопросов Северной Ирландии. Бюрократия обеих стран отметила особо, что впервые обе стороны систематически встречались, и хотя в осуществлении соглашения порой возникала напряженность и трудности, оно все же обеспечивало и продвигало вперед сотрудничество.

Достижение компромисса приветствовалось повсеместно. Исключением стали лишь юнионисты Северной Ирландии. В

США, где примерно тридцать миллионов граждан ведут свое происхождение от выходцев из Ирландии — что почти вдесятеро больше нынешнего населения Ирландской Республики, — самые известные ирландцы страны были в восторге. Президент Рейган назвал достижение этого соглашения «великим прорывом». Спикер палаты представителей конгресса США Томас О'Нейл похвалил Лондон и Дублин за проявленное ими «большое мужество». (В конгрессе США под влиянием факта заключения этого соглашения был образован Международный фонд для Ирландии. К 1990 году США внесли в него 150 миллионов долларов на цели создания дополнительных рабочих мест, поощрения капиталовложений и защиту гражданских прав. Другие страны — еще 30 миллионов долларов.)

Лоялисты-протестанты в Северной Ирландии утверждали, что соглашение в Хиллсборо их предало. Консультативная роль Ирландии, заявляли такие лидеры, как преподобный Ян Пейсли, была началом полной эрозии британского суверенитета над Ольстером. «Тэтчер лжет, когда утверждает, что консультативная роль Ирландии не затронет суверенитета, — обвинял Питер Робинсон из Демократической юнионистской партии. — Нас просто отодвинули в сторону, и мы чувствуем себя преданными» {9}. Другие североирландские лидеры назвали соглашение «чудовищным заговором», имеющим целью продать Ольстер Ирландской Республике.

В течение последующих двух лет юнионисты предпринимали все, что только могли, дабы вынудить Тэтчер отступить и дезавуировать соглашение. Но она не поддалась. Она полагала и надеялась, что коль скоро соглашение заключено, то оно принесет какую-то пользу делу нормализации жизни в Ольстере. А потом, когда Ирландия перенесет центр своего внимания на борьбу с экономическими неурядицами, Тэтчер восстановит обычную английскую позицию в отношении Ирландии — игнорировать ее насколько возможно.

Однако новые вспышки насилия игнорировать было невозможно. Политическая напряженность между Лондоном и Дублином ослабла, а в результате кровопролитие усилилось. ИРА была взбешена тем, что шансы на скорое прекращение английской «оккупации» уменьшились. С 1987 по 1989 год прокатилась новая волна убийств. Специалисты по вопросам безопасности видели причины этого в новом политическом положении и в том, что ИРА удалось накопить огромные запасы оружия. Ее арсенал включал более десяти тонн «симтекса» — мощной, трудной для обнаружения пластиковой взрывчатки чехословацкого производства; более дюжины советских ракет

СА-7 класса «земля — воздух»; целые ящики гранатометов и гранат к ним; и по меньшей мере, пятьдесят тяжелых пулеметов. Оружие было получено тремя морскими доставками из Ливии между 1984 и 1986 годами и спрятано в Ирландской Республике и в Ольстере. Четвертая партия, находившаяся на борту зарегистрированного в Панаме торгового судна «Экзунд», была перехвачена в 1987 году французскими агентами. Таким образом, этот канал поступления вооружений оказался разорван.

Перехват этой партии обнаружил всю глубину проблемы и привел к цепи взаимных убийств. В мае 1987 года Специальная военно-воздушная служба (САС) — антитеррористический полк английской армии — выследила и уничтожила группу боевиков ИРА в составе восьми человек, попытавшуюся взорвать полицейский участок в Логхолле. ИРА в ответ в ноябре организовала взрыв бомбы во время торжественного богослужения в Эннискиллене, в результате чего было убито 11 и ранено 64 человека, в основном женщины и дети. Англия ответила в марте 1988 года в Гибралтаре, на британской части его территории, где взвод САС расстрелял трех боевиков ИРА, которые, как полагали, пытались установить мину с дистанционным подрывом.

Поскольку в тот момент, когда они были убиты, двое мужчин и женщина были невооружены и шли пешком, операция в Гибралтаре сконцентрировала внимание общественности на том, что Англия якобы проводит против ИРА политику физического уничтожения ее членов. Подобные обвинения уже расследовались ранее, когда в 1982 году шесть невооруженных лиц, подозревавшихся в принадлежности к ИРА, были убиты работниками Королевской полиции Ольстера. Расследование проводил тогда хорошо известный и уважаемый офицер полиции, некто Джон Сталкер. В представленном им секретном отчете делался вывод, что несколько старших офицеров Королевской полиции Ольстера должны быть привлечены к суду. Однако отчет, насчитывавший семь томов, был положен под сукно. Когда Джон Сталкер попытался проводить дальше свое расследование самостоятельно, он сам угодил под служебное разбирательство на основе явно сомнительных обвинений: утверждения, что он-де причастен к клевете на кого-то и в попытках скрыть нечто, рассыпались за бездоказательностью. Его временно отстранили от должности заместителя главного констебля Манчестера, потом восстановили в ней. Но власти нервничали и, не желая непрерывных стычек с ними, Сталкер в 1987 году ушел в отставку. Публичный спор о том, ведется или нет против ИРА война на ее уничтожение, вспыхнул вновь уже в связи с

инцидентом в Гибралтаре. На этот раз общественность впервые осознала значение того факта, что не было известно ни одного случая, когда бы член ИРА попал живым в руки САС. Как бы ни обстояло дело на практике, Тэтчер упорно продолжала отрицать, что политика физического уничтожения членов ИРА существует.

Мало кто мог бы — или должен бы был — испытывать хоть какие-то симпатии к ИРА. Через несколько дней после убийства в Гибралтаре два капрала английской армии, находившиеся не при исполнении служебных обязанностей, случайно врезались в проходившую в Белфасте похоронную процессию. Хоронили троих католиков. Капралов вытащили из машины и растерзали на месте. В июне 1988 года ИРА взорвала армейский грузовик в Лисбэрне, погибли шесть солдат. В августе того же года в районе Омагха мина взорвалась под армейским автобусом. Погибли восемь военнослужащих. Убийства продолжались на протяжении всего 1989 года, и никто не мог сказать, наступит ли этому конец и когда. Не было ни малейших шансов на то, что пропасть, разделявшая правительство Тэтчер и ИРА, когда-либо сможет быть преодолена. Их взаимная ненависть шла из самой глубины и чувств и сознания обеих сторон. Один из ближайших помощников премьер-министра, пытаясь объяснить эту взаимную враждебность, сказал как-то: «Они не понимают англичан. Чем сильнее нас задирают, тем тверже мы держимся». Но ни подобное отношение, ни очевидное неравенство сил не сдерживали ИРА.

К началу третьего десятилетия Смуты соотношение военных сил было четко односторонним. В начале 1990 года в Северной Ирландии находились примерно 30 тысяч солдат британских войск безопасности. По оценкам специалистов, им противостояло не более 150 постоянных боевиков ИРА, составляющих ее силовой, ударный стержень, и еще примерно 800 ее сторонников, обеспечивающих явки и разведывательную информацию. Чисто количественное превосходство никогда не было особенно значимым фактором. Англия оказалась неспособной справиться с ИРА именно потому, что боевые группы последней были очень малочисленны и проникнуть в них было крайне трудно. Состоящие из трех-четырех добровольцев каждая, эти группы действуют независимо друг от друга в соответствии с общими политическими указаниями, которые передаются им с соблюдением всех правил конспирации через испытанных, работающих уже в течение длительного времени доверенных лиц. Такие структуры поразительно гибки и жизнестойки.

Тем не менее политически ИРА понесла ущерб и от возобновления насилия, и от своих ортодоксально социалистических взглядов. На проходивших в Ирландской

Республике в июне 1989 года выборах партия «Шинн фейн» получила только 1,2 процента голосов (в 1987 году — 1,9 процента) и не смогла завоевать место в парламенте. На общебританских выборах 1987 года Джерри Адамс добился переизбрания в Вестминстер, но меньшим числом голосов. На всех выборах, проходивших в Северной Ирландии, партия «Шинн фейн» получила в общей сложности менее 12 процентов голосов. Но сочетание отвернувшегося от партии политического везения и значительных запасов оружия оказалось опаснейшей смесью. По словам Джона Хермона, бывшего руководителя Королевской полиции Ольстера, «для них крайне важно держаться на плаву и ради этого поддерживать уровень насилия» {10}. Без постоянного насилия и ИРА, и «Шинн фейн» давно потеряли бы даже то небольшое влияние, которое имели.

Растущее число невинных гражданских жертв привело к тому, что от этой группировки стало отворачиваться даже католическое население. Католический епископ Белфаста Кейхэл Дейли высказался резко критически о том, что он назвал «смертоносным сумасшествием» ИРА. На ежегодной конференции «Шинн фейн» в 1989 году Джерри Адамс признал, что в течение 15 месяцев, непосредственно предшествовавших этой конференции, «добровольцы» ИРА «по ошибке» убили 23 человека — гражданских, невооруженных лиц. Понимая в полной мере, какую политическую цену платит за это ИРА в той самой части населения, которую она якобы стремится освободить, Адамс предупредил убийц: «Вы должны проявлять осторожность и еще раз осторожность» {11}. Мартин Мак-Гиннес, заместитель лидера «Шинн фейн» — по убеждению английских офицеров безопасности, командующий военными операциями ИРА, — тоже высказался критически об убийствах гражданских лиц. «Эти случаи наносят ущерб вооруженной борьбе, — заявил он в конце 1988 года. — Если они будут продолжаться, мы начнем утрачивать поддержку» со стороны населения {12}. Они продолжались, и поддержка слабела.

Но если ИРА теряла базу поддержки, а отношения между Лондоном и Дублином улучшились в результате англо-ирландского соглашения, то почему же и в начале 1990 года не было видно даже признаков конца этому потоку ненависти и насилия? Ненависть, накопившаяся исторически, продолжала существовать. Ее подпитывали и разжигали два десятилетия покушений и убийств. Но свою роль играли и экономические причины.

В период правления Тэтчер Англия добилась значительного прогресса в улучшении жизненного уровня католического

меньшинства в Ольстере. Многие из проблем, которые первоначально стимулировали движение протеста и борьбу за права человека, были разрешены. На различные должности в общественном секторе было принято значительное число католиков, хотя их доля в частном секторе остается еще невелика. В условиях, когда население остается практически неизменным, невысока и текучесть кадров в местах занятости. В тех случаях, когда открывались вакансии и новые рабочие места, многие фирмы — особенно небольшие, не находящиеся под контролем правительства, — сопротивлялись переменам. Поэтому католикам доставалась главным образом работа, не требующая высокой квалификации. В 1989 году, однако, английское правительство ввело в действие новое, более жесткое антидискриминационное законодательство, потребность в котором ощущалась уже давно. Его применение с течением времени должно привести к выравниванию возможностей в сфере занятости. Давление со стороны Соединенных Штатов в пользу принятия принципов Мак-Брайда — жесткого кодекса позитивного поведения, чему Англия сопротивлялась, — способствовало тому, что правительство Тэтчер пошло на введение новых законов в силу.

Но даже несмотря на новое законодательство, экономическое положение в Северной Ирландии в конце 1980-х годов продолжало оставаться худшим по сравнению с любой другой частью Великобритании. Уровень безработицы в Ольстере в целом составлял, по официальным данным, 15 процентов. Но в некоторых католических районах он доходил до 70 процентов, более чем вдвое превышая худшие показатели в протестантских районах. Это неравенство порождало социальное недовольство и прямо вело к насилию. На резко возросшее в это время количество убийств Тэтчер откликнулась тем, что наложила запрет на передачу по радио и телевидению интервью с деятелями партии «Шинн фейн» и с членами ИРА, попытавшись тем самым лишить их «кислорода известности». Это решение вызвало возмущение католической общины, и без того высказывавшей недовольство в адрес английской печати, — стиснутой правительственными ограничениями, — и, по крайней мере в краткосрочном плане, способствовало делу ИРА.

Но в целом подход Англии к проблеме Северной Ирландии за годы правления Тэтчер заметно улучшился. Он начинался с очень низкой стартовой точки. Отягощенная историческим наследием самонадеянности и авторитаризма по отношению к ирландским католикам, Англия, как правило, действовала либо слишком медленно, либо слишком жестко и неразборчиво всякий раз,

когда пыталась утвердить справедливость в Северной Ирландии. Тэтчер как премьер-министр имела все личные и официальные основания для того, чтобы занять жесткую позицию по отношению к ИРА. Но в то же время она продвинула процесс урегулирования положения там в гораздо большей мере, чем правительства Вильсона, Хита или Каллагана. Во многом этому способствовало все то, что она сделала для английской экономики. Лондон оказался в состоянии выделять больше средств на улучшение положения в Северной Ирландии. Это означало что, несмотря на все еще остающиеся напряженности и экономические трудности, повседневная жизнь североирландских католиков все же стала лучше. В 1974 году 25 процентов общественного жилого сектора Белфаста считалось непригодным для проживания. В 1989 году этот показатель составлял уже только 10 процентов — прямой результат того, что начиная с 1981 года на жилищное строительство в городе, преимущественно в районах, населенных католиками, было затрачено 2 миллиарда долларов. Все это, вместе взятое, а также твердое соблюдение новых антидискриминационных законов, направленных на действительное утверждение прав человека, способствовало тому, что в изнуренную насилием провинцию стало возвращаться чувство человеческого достоинства. Тому, что по прошествии трехсот мучительных лет стала размываться поддержка вооруженных боевиков и появилась надежда положить конец непрерывной череде взаимных убийств.

Глава четырнадцатая
РОН И МЭГГИ

Она встает на заре и заканчивает работу далеко за полночь. Он неторопливо входит в кабинет, когда часы бьют девять, и отправляется домой не позднее пяти вечера. Она трудится по выходным и терпеть не может отпуска. Он может уйти в середине рабочего дня, чтобы покататься на лошади, любит смотреть вечерами фильмы и телевизор, по пятницам уходит рано и за время своего президентства провел в общей сложности больше года на отдыхе в Калифорнии. Рассматривая какую-либо проблему, она не упустит ни одной детали. Он предпочитает общую картину, набросанную широкими мазками. Она великолепно помнит документы и ориентируется в них. Он запоминает только отдельные строчки. В составе ее кабинета министров он не продержался бы и двух минут. И тем не менее Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган составили самый прочный политический союз 1980-х годов.

В личном плане это полярно противоположные люди. Иногда они раздражают друг друга. Но их взгляды поразительно схожи. К тому же оба — прекрасные профессионалы, знающие, как использовать друг друга в собственных и совместных целях и таким образом, чтобы от этого выигрывали и каждый из них, и их страны.

Тэтчер была преисполнена решимости добиться, чтобы их тандем заработал. Кроме того, они искренне симпатизировали друг другу. Рейгану просто нравилось быть рядом с ней. На международных конференциях делегации Соединенных Штатов и Соединенного Королевства обычно сидят рядом. По протоколу главы государств и правительств обычно отделены друг от друга министром иностранных дел или государственным секретарем. Но Ронни неизменно переставлял таблички с именами участников конференции так, чтобы самому сидеть рядом с Мэгги. Она отвечала ему взаимностью с присущим ей очарованием. Она всегда как-то акцентировала те моменты, когда они оказывались рядом. Поддерживая его под руку, направляла его в нужную сторону, подсказывая что-то, когда он нуждался в этом, защищала его от прессы, если считала, что он попал в затруднительное положение.

Впервые Тэтчер и Рейган встретились в 1975 году в Лондоне сразу же после того, как она заняла пост лидера консервативной

партии. Тэтчер обратила внимание на Рейгана в 1964 году, когда он выступил в поддержку выдвижения кандидатуры Барри Голдуотера на пост президента США; и после своей поездки в Соединенные Штаты в 1965 году — Рейган вел тогда кампанию за свое избрание в законодательное собрание Калифорнии — следила за его выступлениями в бытность его губернатором. (Тэтчер постоянно следит за статьями и выступлениями видных деятелей консервативного толка. Когда в середине 1980-х годов в Лондон приехал министр образования США Уильям Беннетт, Тэтчер процитировала несколько его выступлений, даже не обращаясь к записям, чем несказанно поразила его.) В 1975 году короткая встреча с Рейганом, о которой договорился его калифорнийский знакомый Джастин Дарт, растянулась в полуторачасовую беседу, проходившую в кабинете лидера консерваторов в помещении палаты общин. Оба были поражены выявившейся общностью взглядов. «Мы обнаружили широкие сферы согласия», — впоследствии отмечал Рейган {1}.

Оба верили в превосходство частного предпринимательства, в классический капитализм, в необходимость сильной обороны против склонных к авантюрам и угрожающих свободе Советов. Рейган был уверен в себе, обладал хорошими манерами, что нравилось Тэтчер. И был очень красив, что ей тоже нравилось.

Они поддерживали контакты. После непродолжительной, но проведенной с достоинством кампании в попытке бросить вызов президенту Джеральду Форду в ходе первичных выборов 1976 года Рейган на какое-то время ушел в тень. К 1979 году, когда Тэтчер переехала на Даунинг-стрит, 10, президентом США был Джимми Картер. Ей пришлось терпеть его целых 18 месяцев. Несмотря на то что первая их встреча прошла негладко, Тэтчер в период президентства Картера оставалась верным другом Соединенных Штатов. Тогда, как и сейчас, она была убеждена, что союз Англии и США должен быть непоколебимым. Но сам Картер ей отнюдь не нравился. «Она считала его слабаком», — вспоминал один из членов ее кабинета {2}.

Состояние, в котором находились Соединенные Штаты в 1979 году, всерьез волновало Тэтчер. Она считала, что США еще не выбрались из морального кризиса, вызванного поражением во Вьетнаме. Она смотрела на Америку как на последнюю и великую надежду свободы и была обеспокоена охватившими американское общество пароксизмами сомнений в себе. Нерешительные, колеблющиеся, ушедшие в себя Соединенные Штаты были опасны. Советы наступали — в Анголе, Юго-Восточной Азии, в Центральной Америке. За те годы, что Тэтчер провела в парламенте, в Соединенных Штатах прошла целая череда

президентств, отмеченных серьезными проблемами. Кеннеди убили. Джонсона выжили под воздействием непопулярной войны[23]. Никсона изгнали с позором. Форд был неизбранным президентом, переходной фигурой. Тэтчер понимала, что Соединенным Штатам нужно твердое руководство.

Но она понимала и то, что Картер вряд ли смог бы его обеспечить. Тэтчер не могла разобраться, во что же он все-таки верит, помимо часто повторяемого им желания вдохнуть моральную силу во внешнюю политику Америки. Она считала его лицемерным ханжой, склонным к пустому празднословию, и нерешительным, противоречивым в его подходах к американской экономике. Политику Картера в вопросах прав человека она считала продиктованной добрыми побуждениями, но «сырой», а его подход к отношениям с Советским Союзом — наивным. По мнению Тэтчер, у Картера не было никакого ясного видения перспективных целей {3}.

Она ждала сильного американского президента — такого, который обладал бы обаянием, но и излучал мощь. Картер же постоянно стремился к компромиссам, искал согласия то с Капитолием, то с иностранными государственными деятелями, то с общественным мнением. У него случались и жуткие провалы, унижавшие достоинство государственного руководителя такого ранга: например, когда он во время одной из поездок попытался сам тащить свой чемодан. Или когда, занимаясь бегом трусцой, упал в обморок. Или когда поцеловал королеву-мать — первый более чем за пятьдесят лет случай, когда подобное позволил себе не член королевской семьи. Тэтчер была шокирована, когда в одном из своих выступлений Картер заявил, что королева-мать напоминает ему его собственную маму. Он пытался быть президентом-популистом, но у него все получалось не так, как надо. Тэтчер сама популистка, стремившаяся сделать свое правительство народным по духу и целям, по методам управления. Но ее никогда не заботила при этом мера ее собственной популярности. Она считала, что Картер не понимает принципиальной разницы между популизмом и популярностью. Кроме того, она считала большим недостатком невысокий рост Картера. Тэтчер отдает предпочтение высоким мужчинам, и единственным исключением в этом плане стал Михаил Горбачев. Она убеждена, что историю способны изменять лишь люди оптимистические, целеустремленные, обладающие сильными убеждениями.

По всем этим причинам приход Рейгана на пост президента был воспринят Тэтчер с удовлетворением. Ростом более 180 сантиметров — у Картера было 162, — обаятельный, умеющий

вести себя так, что в его присутствии каждая женщина испытывала прилив душевных сил, он не пытался целовать королеву-мать, но с ним, единственным из иностранных государственных руководителей, Тэтчер всегда целовалась при официальных встречах и проводах. Он был для нее Рон, она для него — Маргарет, но при этом она всегда помнила, что он — президент Соединенных Штатов, не просто глава государства, но и как бы монарх. Она знала, что, если дойдет до чего-то серьезного, она всегда может уверенно рассчитывать на Соединенные Штаты; но она никогда не принимала такую поддержку как нечто само собой разумеющееся.

В вопросах политики они были единокровными братом и сестрой. Никогда еще президент США и премьер-министр Великобритании не были столь близки в своем миропонимании, в общефилософском взгляде на мир. Оба были убежденными консерваторами, свято верили в необходимость сильной обороны и непреклонного отказа от повышения налогов[24]. На протяжении всех восьми лет пребывания Рейгана в Белом доме между ними царило удивительное согласие. Единственное, что приводило Тэтчер в ужас, — это неспособность Рейгана добиться сокращения государственных расходов и поставить под контроль дефицит федерального бюджета США. Время от времени — как это делает мать, ругающая своего ребенка за глупо потраченные карманные деньги, — она обрушивалась на Соединенные Штаты за то, что те не соблюдают щепетильности в своих финансовых делах. Но что касается всего остального, Тэтчер и Рейган вполне могли бы, обмениваясь текстами, произносить речи друг друга. «Она — Рейган, но с мозгами», — говорили друзья американского президента. «Она — Рейган, но без бюджетного дефицита», — говорили ее английские поклонники.

Но их объединяла не только идеология. Оба были выходцами из небольших провинциальных городов: Диксон, штат Иллинойс, не очень отличался от Грантема, где родилась Тэтчер. Даже в семейной истории Тэтчер и Рейгана было немало сходного. Ни Рейганы-старшие, ни Робертсы не отличались высоким образованием: никто из четырех родителей не перевалил за девять классов школы. Отец Рейгана, Джек Рейган, был, правда, не владельцем продуктовой лавки, а продавал обувь. Несмотря на то что он страдал алкоголизмом, он тем не менее напряженно трудился всю жизнь, приобрел в итоге магазин, в котором работал, и привил своему сыну вкус к предпринимательству и стремление достигнуть чего-то самому в этой жизни. В своей автобиографии Рейган впоследствии напишет, что его отец «был всегда убежден, что человек должен стоять в жизни на

собственных ногах… что судьбу человека определяет он сам».

Джек Рейган был также убежденным патриотом и считал, что при всех обстоятельствах надо стремиться поступать по совести. Но все же внутренним духовным стержнем семьи и источником ее силы была мать — Нелли Рейган, жизнерадостная, трудолюбивая, как бы пришедшая со страниц книг Алфа Робертса. Тэтчер восхищалась сильными мужчинами, каким был и ее отец. Рейган — сильными женщинами, такими, какой была его мать Нелли. И первая, и вторая его жены принадлежали к этому же типу женщин. Рейган, однако, уделял крайне мало внимания своим детям. Тэтчер никогда не держала своих детей на таком удалении от себя, как это делал Рейган; но и она не баловала их чрезмерным вниманием.

Ни Рейган, ни Тэтчер не были ни глубокими мыслителями, ни особенно начитанными в истории, ни идеологами-интеллектуалами. Убеждения обоих восходят, скорее, к испытанным временем истинам и опыту, к природному здравому смыслу и естественным инстинктам человека. Интеллигенция относилась и к той, и к другому с пренебрежением, считая их поверхностными и узколобыми. Такая оценка особенно несправедлива в отношении Тэтчер, которая, работая научным сотрудником и юристом, доказала свою профессиональную компетентность, интеллектуальные способности и пользовалась признанием в академической среде. По-видимому, многих людей оскорбляло в Рейгане и Тэтчер то, что тот и другая были совершенно лишены сомнений в себе и предпочитали действовать, а не предаваться самокопанию. И Тэтчер и Рейган всегда восхищались людьми, способными что-то делать практически. Не то чтобы они не любили мыслителей, нет; но чересчур пространные размышления действуют им на нервы. Оба они убеждены, что почти каждый человек хоть на что-то, но способен. У них самих не было в детстве никаких привилегий и преимуществ; тем не менее они сумели достичь успеха в жизни и потому не понимают и не симпатизируют тем, кто не смог этого сделать. Для них неудача — следствие прежде всего недостаточной целеустремленности, недостаточных усилий, нежелания стоять на собственных ногах. Подобные взгляды вызывают озабоченность у тех людей, кого оскорбляет, что наименее благополучные слои населения при Тэтчер страдают еще больше, а наиболее благополучные при Рейгане еще больше процветают. Премьер-министра подобные обвинения возмущали, президент их спокойно игнорировал.

Оба восхищались упорством друг друга. «У нее хватка настоящего брита», — говорил Рейган {4}. Она отвечала; «Вы

возродили веру в американскую мечту». Оба распространяли свою веру скорее проповедями, нежели речами. Премьер-министр беспредельно восхищалась способностью Рейгана передать свои убеждения американцам. Ей было гораздо сложнее общаться на эту тему со своими избирателями. «Верить в правильные вещи — лишь часть задачи, — говорила она. — Если вы неспособны передать свою убежденность людям, то вас ожидает неудача. С этой точки зрения президент Рейган добился выдающихся успехов» {5}.

Вскоре после того, как состоялась помпезная церемония вступления Рейгана в должность, Тэтчер прибыла в Вашингтон. Она была первым официальным иностранным гостем, принимать которого предстояло новой администрации. Тэтчер была настроена на тот великолепный прием, который обычно ждет генерала, одержавшего важную победу. Хьюго Янг сравнил ее с явлением Иоанна Крестителя мессии Рейгану {6} : Мэгги сокрушала социалистов и мягкотелых вероотступников, этих сторонников консенсуса, воевала против тех же самых неверных, в крестовый поход против которых выступил и Рейган. Президент и многочисленный почетный караул торжественно приветствовали Тэтчер на южной лужайке Белого дома. Было полное впечатление, что Рейган и его кавалерия прибыли, чтобы присоединиться к походу Тэтчер. На ветру полоскались боевые знамена, гремел обтянутый медвежьей кожей барабан. Рейган в своем выступлении предупредил о необходимости быть бдительными по отношению к Москве, где правил тогда больной руководитель советской компартии Леонид Брежнев. «Пока наш противник продолжает вооружаться темпами и в масштабах, далеко превосходящих потребности обороны, — говорил президент, — свободный мир должен предпринимать все необходимое для обеспечения своей безопасности». Тэтчер согласилась искренне, от всей души и принесла клятву верности: «Американские успехи будут нашими успехами. Ваши проблемы будут нашими проблемами. Когда вам потребуется помощь друга, мы всегда будем рядом». В течение двух часов Тэтчер и Рейган вели переговоры в Овальном кабинете Белого дома. Они закрепили свою дружбу, а заодно попробовали примерно 35 сортов из тех леденцов, которые Рейган постоянно держал на своем письменном столе. «Возможно, они и вредны для зубов, но они помогут поднять потребление сахара в Англии», — весело заметила Тэтчер, разгрызая карамельку.

Тэтчер доказала серьезность и искренность своей дружбы. Не в последнюю очередь и тем, что позволила Рейгану осуществить бомбардировку Ливии в апреле 1986 года с баз, расположенных

на территории Англии. Она поддерживала Рейгана в такой мере, что некоторые критики в собственной стране стали обвинять ее в почти религиозном раболепстве перед президентом, а кое-кто даже прозвал ее «пуделем Рейгана»: именно эта собака, как известно, отличается тем, что охотно семенит за хозяином, разве что не путаясь у него в ногах, или покорно лежит у него на коленях, ожидая, когда ее приласкают.

Как карикатура подобное сравнение годится. Но с действительностью оно не имеет ничего общего. Всякий, кто хоть раз имел дело с Тэтчер или просто говорил с ней, не мог не почувствовать, что она не будет ничьим «пуделем». Были также и примеры того, как премьер-министр заставляла президента «семенить» за собой. Тэтчер лишь в редких случаях обрушивала всю силу своих эмоций на самого президента. Но при необходимости она не колеблясь высказывала свое несогласие, в том числе и в резкой форме, таким деятелям американской администрации, как, например, госсекретарь Джордж Шульц, который пользовался ее уважением и благорасположенностью. Для Соединенных Штатов отношения с Лондоном при Тэтчер были отнюдь не улицей с односторонним движением. К концу пребывания Рейгана на посту президента звезда Тэтчер на небосклоне жестких мировых политиков стояла почти столь же высоко, как и звезда самого Рейгана.

Нараставшее в странах Западной Европы беспокойство по поводу внешней политики США также стало одной из причин того, что Тэтчер воспринималась как заложница в руках президента. Когда от Америки исходят волны могущества, европейцы и англичане встречают это с настороженностью. Но когда Соединенные Штаты отступают, в Европе тоже настораживаются. Как слабый, так и сильный доллар вызывает беспокойство за границей. Опасениям по поводу того, что в Западной Европе слишком много американских солдат, в течение многих лет противостоят куда более сильные страхи, что США могут вывести часть этих войск. Большинство европейцев неспособно было понять, почему американцы так восхищаются Рейганом. Его своеобразное обаяние, то успокаивающее психологическое воздействие, которое он оказывал на американцев, просто не воспринимались по другую сторону Атлантики. Многие европейцы считали его опасным идеологом-ортодоксом, неопытным в международных делах, недостаточно интеллигентным для того, чтобы стоять во главе мировой сверхдержавы. Рейган пробыл в должности всего несколько месяцев, и подобные чувства получили мощное подтверждение.

В декабре 1981 года, с подачи Москвы, польские власти ввели

военное положение и обрушились с преследованиями на популярное в народе профсоюзное объединение «Солидарность». Правительство Рейгана, стремясь наказать Москву и Варшаву, но не нанести при этом удара по польскому народу, запретило в ответ выдачу лицензий на экспорт американского оборудования, которое должно было использоваться на строительстве гигантского газопровода Сибирь — Западная Европа. Истоки этого проекта восходили к временам нефтяного кризиса и резкого скачка цен на нефть, организованного странами— членами ОПЕК в 1970-е годы. Европа тогда особенно нервничала, поскольку в удовлетворении своих энергетических потребностей почти полностью зависела от нестабильного Ближнего Востока. Советы, которым нужна была валюта, согласились поставлять в Западную Европу в течение 25 лет по полтора триллиона кубических футов природного газа ежегодно, что составляло бы почти 30 процентов от общих потребностей континента. Западная Европа должна была оплатить строительство газопровода, который протянулся бы на 3300 миль из восточной части СССР до границ Чехословакии и обошелся бы в 15 миллиардов долларов. Осуществление этого проекта обеспечивало бы десятки тысяч рабочих мест. «Катерпиллар», американская компания, производила трубоукладочные машины. Другое необходимое оборудование производилось западноевропейскими филиалами американских фирм или же компаниями, действовавшими на основе американских лицензий.

На переговоры об осуществлении проекта ушли многие годы. Однако Рейган предупредил страны-союзницы всего за пять часов до введения запрета на предоставление любых лицензий. Он также придал своему решению обратную силу, а это означало, что уже изготовленное оборудование не могло быть отправлено в СССР. Контракты на сотни миллионов долларов внезапно оказались подвешенными, а тысячам западноевропейских рабочих грозило увольнение. Под угрозу оказалось поставлено осуществление всего проекта. Но Соединенные Штаты никак при этом не страдали. За исключением «Катерпиллара», решение Рейгана не затрагивало рабочих мест в Америке. Кроме того, Соединенные Штаты не намеревались наказывать Советский Союз непосредственно за то, что было сделано в Польше. Рейган отказался ввести запрет или как-то ограничить огромные поставки американского зерна в СССР. От Западной Европы требовали значительных жертв, тогда как сами США не несли бы никаких издержек {7}.

Западноевропейцы не могли примириться с подобным двуличием Америки. Не могла примириться с ним и Тэтчер. Она

считала, что подход США был в целом неверен. По ее мнению, Рейган не понимал того, что Франция, Западная Германия и Англия — а в каждой из этих стран были размещены крупные заказы, связанные со строительством газопровода, — отвернутся от Вашингтона в этом споре и его эмбарго провалится. Так впоследствии и произошло. Никто не захотел следовать за Рейганом, теряя при этом миллиарды и видя, как тысячи западноевропейских рабочих оказываются безработными. Тэтчер тоже хотела бы наказать коммунистов, но не ценой разрушения при этом экономики Западной Европы. «Политика жестов», — презрительно высмеяла она решение Рейгана {8}.

История с газопроводом позволила Тэтчер увидеть слабые стороны Рейгана. Она поняла, что при всех его немалых личных достоинствах президент не слишком умен. Он отлично действовал там, где надо было повиноваться инстинкту политика. Но детально обсуждать с ним серьезные вопросы было невозможно. Это расстроило ее. Тэтчер была недовольна и тем, что Рейгана всегда окружали помощники, тогда как сама она ездила в сопровождении всего нескольких лиц и была в состоянии обсуждать любые вопросы, не прибегая к чьей-либо помощи. На одной «личной» беседе в Вашингтоне вместе с президентом присутствовали еще тринадцать его помощников. Там Тэтчер ничего не смогла с этим поделать. Но когда Джордж Шульц на личную встречу с ней в Чекерсе привез помощника, который должен был записывать беседу, она отправила того погулять и разговаривала с государственным секретарем действительно один на один.

«Если бы Рейган запоминал суть дела так же хорошо, как он запоминает анекдоты», — мечтательно произнес как-то один из помощников Тэтчер. Анекдоты президент рассказывал всем, и Тэтчер не была исключением. Обычно она улыбалась и терпеливо выслушивала, не желая ранить его чувства. Но когда он повторялся, ей бывало трудно сдерживать свое естественное нетерпение. Во время неофициального обеда на экономической встрече на высшем уровне в Вильямсберге Рейган начал рассказывать: «Маргарет, если бы один из ваших предшественников был немного поумнее…» Дальше он не добрался. Тэтчер, которая уже слышала эту историю, продолжила сама: «Да, я знаю. Если бы он был умнее, то на этой встрече председательствовала бы я». Рейган вначале замолчал, пораженный; потом рассмеялся: они думали настолько одинаково, что она могла продолжать за него его анекдоты.

Во время визита в Вашингтон в 1982 году, после фолклендской войны, Тэтчер надеялась поговорить с Рейганом

относительно газопровода. Но его снова окружали многочисленные помощники. «Они его никогда не выпускают из поля зрения», — пожаловался один из членов английской делегации. Однако Рейган все же высказался по этому вопросу. «Стало практически немедленно ясно, что президент не имел ни малейшего представления о всем значении этого вопроса», — вспоминал один из английских участников переговоров. Вильям Кларк, в то время помощник президента по национальной безопасности, молча стоял рядом в своих ковбойских сапогах. Безучастно наблюдал и Александр Хейг, государственный секретарь, которому предстояло вскоре уйти с этого поста. Как бывший главнокомандующий вооруженными силами НАТО, Хейг должен был бы знать Западную Европу и понимать все значение вопроса, представлявшегося ей столь очевидным.

То, что он явно ничего не рассказал президенту о значении газопровода, укрепило сомнения, которые возникли в отношении него у Тэтчер еще в период войны на Фолклендах. Она пришла к выводу, что Хейг — эмоциональный хвастун, слишком поспешно назначенный на непосильную ему должность {9}.

Пораженная позицией США по вопросу о газопроводе и неуверенная в достаточной подготовленности госсекретаря, Тэтчер испытывала беспокойство также и за самого президента. Беседа неприятно удивила ее. Она поняла, что впредь, когда речь пойдет о тонких и сложных вопросах, она должна будет работать вместе с Рейганом или где-то поблизости от него. Она поняла также, что ей придется за ним присматривать. Тэтчер не сомневалась в том, что Рейган нуждается в таком присмотре. В некоторых случаях президент производил на нее впечатление человека, не понимающего, о чем он говорит. «Не хватает серого вещества?» — удивилась Тэтчер после одной из первых бесед с ним. Тем не менее премьер-министр отказывалась признать очевидное и никогда не критиковала лично президента. «Она просто не хочет признать, что ему не хватает шариков», — сказал как-то ее коллега по кабинету. Глухота Рейгана тоже давала себя знать. Иногда, высказав что-то, Тэтчер смотрела ему в глаза и видела, что в них ничего не отражается. Прежде чем продолжать дальше, ей приходилось повторять то же самое громче и вглядываться, засветился ли на этот раз огонек понимания во взгляде президента.

Со временем установился ритуал встреч Рона и Мэгги, остававшийся почти неизменным. Говорила почти все время сама Тэтчер. «Иногда Рейгану это надоедало, и он пытался вставить слово-другое, но по большей части он ей не мешал, — вспоминает чиновник, которому приходилось часто присутствовать на таких

беседах. — Похоже, ему доставляет особое удовольствие наблюдать, как она сама себя заводит». Но, что бы ни думала Тэтчер о способности Рейгана концентрировать на чем-то внимание, на нее явно производило впечатление умение президента игнорировать многочисленные детали и находить самое важное в сути вопроса.

В 1983 году вторжение на Гренаду подвергло особые отношения между Тэтчер и Рейганом самому трудному испытанию. На этом острове в Карибском море существовало марксистское правительство; однако он все еще был членом Содружества наций. Поскольку остров мал и на нем никогда ничего не происходило, внимание ему уделяли лишь туристы, облюбовавшие местные пляжи. Но в октябре 1983 года руководитель Гренады Морис Бишоп был свергнут и убит левоэкстремистской марксистской группировкой. И тут внезапно остров оказался в центре всеобщего внимания.

Представители соседних с Гренадой государств Карибского моря встретились в Гайайе. На этой встрече они раскололись на две группы. Более крупные страны, поддерживаемые Англией, хотели бы разработать какой-то план, который позволил бы добиться отстранения марксистов от власти на Гренаде. Более мелкие и более близко к Гренаде расположенные островные государства подстрекали Соединенные Штаты к вмешательству. Но США все еще не оправились от потрясения, вызванного произошедшим всего днями ранее случаем, когда водитель-самоубийца ворвался на начиненном взрывчаткой грузовике на территорию американской военной части в Бейруте; в результате взрыва погиб 241 морской пехотинец. В Англии знали, что Вашингтон изучает вариант вмешательства; но англичанам все время говорили, что никакое решение еще не принято. Должностные лица американской администрации утверждали, что значительное военно-морское присутствие США неподалеку от побережья Гренады объясняется лишь тем, что может потребоваться эвакуация американцев с острова. Самый большой англофил в администрации, министр обороны Каспар Уайнбергер хранил молчание.

Удивительно, но правительство Тэтчер недооценило того, в какой мере Рейган сосредоточен на угрозе коммунизма в Центральной Америке и в Карибском море. Президент считал, что Джимми Картер упустил Никарагуа, позволив этой стране стать коммунистической, и был преисполнен решимости не понести подобных потерь самому. Гренада вполне могла стать еще одной Кубой и вместе с Никарагуа образовывала бы третью сторону потенциально дестабилизирующего социалистического

треугольника в непосредственной близости от Соединенных Штатов. В Англии не сумели распознать силы этой убежденности президента. В целях экономии средств британское министерство иностранных дел закрыло многие свои представительства, в том числе в Никарагуа и Сальвадоре. «Удивительно, удивительно, — говорил английский дипломат. — Мы закрываем два маленьких представительства в том самом месте в Центральной Америке, которое представляет наибольший интерес для дружественной нам сверхдержавы» {10}.

Но, возможно, это было и не столь уж существенно. За два дня до начала американского вторжения на Гренаду Тэтчер позвонила Рейгану по телефону. Еще ранее он звонил ей по собственной инициативе, чтобы сообщить, что положение на острове серьезно. Его волновало, что там находится тысяча американцев, в основном студентов. Тэтчер же звонила, чтобы проинформировать его о ходе консультаций в Гайане, за которыми она внимательно следила. «Хорошо, я вам перезвоню», — ответил Рейган. Тэтчер поняла эти слова так, что президент позвонит, прежде чем что-либо предпринимать. Она обедала с принцессой Александрой, когда ей сообщили, что американские войска высадились на Гренаде.

«Тэтчер буквально взорвалась, — вспоминает один из помощников. — Я никогда не видел ее более разгневанной». Вернувшись на Даунинг-стрит, она переговорила с президентом сразу же после того, как тот закончил информировать делегацию конгрессменов, и не скрывала своего гнева. Она обвинила президента в том, что Англию преднамеренно держали в неведении относительно готовившейся операции. Никто не проинформировал королеву Великобритании, формально являющуюся главой государства на Гренаде. Вторжение было незаконно. Тэтчер как юрист даже под угрозой ее собственной жизни не могла бы найти юридического оправдания тому, что во владения британской короны вторгается третья держава и сбрасывает режим, который ей не нравится. Чем подобная акция Соединенных Штатов отличается от советского вторжения в Афганистан или аргентинского на Фолкленды? Подобные инциденты подрубают под корень самые основы социальной морали Запада. Она была столь возбуждена и кричала в трубку так громко, что на другом конце линии Рейгану пришлось держать собственную трубку на расстоянии от уха. Президент извинился и выразил свое сожаление, что не информировал ее раньше; но он не проинформировал и собственный конгресс. Дело не в том, что он не доверял Англии или конгрессу; но он опасался утечки информации, которая могла бы поставить под угрозу

жизни американцев и англичан, находившихся на Гренаде.

Тэтчер ощущала себя униженной. Но ее реакция не тронула Рейгана. Он улыбался, описывая своим помощникам ее возмущение: «Она была великолепна!» Переживет, добавил он, хорошо понимая, что для прагматичной антикоммунистки, какой была Тэтчер, достигнутая цель — уничтожение неприятного социалистического режима — в конце концов перевесит средства, которые при этом были использованы. Рейган был прав. Тэтчер не выразила недовольства итогами операции. Критерием был успех, а проведенная операция позволила вытеснить с первых страниц газет комментарии к взрыву в Бейруте, поскольку вторжение оказалось безусловно успешным. «Она высказала все, что думала, а потом просто забыла об этом деле», — писал посол Оливер Райт. Инцидент никак не повлиял на личные отношения Тэтчер и Рейгана {11}.

Эти отношения принесли Англии и лично Тэтчер немало пользы. В 1982 году Англия получила возможность заменить устаревающие ракеты «Поларис» на своих подводных лодках на «Трайдент» по льготным ценам, не предоставлявшимся никакой другой стране. Когда правительство Соединенных Штатов под давлением конгресса было вынуждено отказаться от планов продажи Саудовской Аравии новейших истребителей, оно посоветовало Эр-Рияду обратиться к Лондону. Англия получила сделку на 12 миллиардов долларов. Рейган также способствовал тому, чтобы были прекращены судебные иски по обвинению в нарушениях антитрестовского законодательства, направленные против английской компании «Бритиш эйруэйз». Эти разбирательства, связанные с вопросами установления цен на трансатлантических рейсах, препятствовали осуществлению планов приватизации авиакомпании, принадлежавшей государству.

В декабре 1984 года, после своей первой встречи с Михаилом Горбачевым, премьер-министр отправилась в Китай и Гонконг. Там предстояло подписание соглашения, по которому эта королевская колония передавалась бы в 1997 году Китаю. Уже находясь на другой стороне земного шара, она решила возвращаться в Лондон через Вашингтон, чтобы попутно обсудить с Рейганом два вопроса: его стратегическую оборонную инициативу (СОИ) и Горбачева. По пути из Гонконга на Гавайи ее самолет сел в три часа утра для дозаправки на военно-воздушной базе Хикхэмфилд. Там она решила, что хочет посмотреть Пирл-Харбор. Разумеется, ответил командующий базой и вызвал машины. «Не надо, — сказала Тэтчер, показывая на водное пространство, видневшееся в противоположном конце

аэродрома. — Вот же он!» С этими словами она запустила руку в свою бездонную сумку, достала оттуда карманный фонарик и, стуча каблучками, направилась прямо по взлетной полосе к кромке бухты. За ней, стараясь не отставать, поспешили встречавшие.

Когда самолет снова взлетел, то оставшуюся часть пути она уже не спала и тем не менее сошла по трапу в Вашингтоне свежая и энергичная. За ней едва плелись измученные, с пепельными лицами помощники. Им с трудом удавалось держать веки разомкнутыми. В 23 часа местного времени, не спав практически двое суток, она появилась в английском посольстве на Массачусетс-авеню, «Так, теперь подведем итоги», — обратилась она к падавшим с ног сопровождавшим лицам. К полуночи подведение итогов завершилось, и она поинтересовалась планом на следующий день. На девять часов утра у нее был намечен завтрак с вице-президентом Бушем.

Хорошо, сказала она, разбудите меня в шесть, парикмахер пусть придет в семь, в восемь проведем короткое рабочее совещание, а потом поедем к вице-президенту. А пока давайте мне свежие документы. С этими словами она поднялась на верхний этаж в отведенные ей комнаты и работала еще два часа. На сон осталось только четыре.

На следующий день после завтрака с Бушем она отправилась вертолетом в Кэмп-Дэвид на встречу с Рейганом. Ее тревожило, что президент слишком тесно связал себя с программой СОИ, получившей название «звездных войн» и ставившей целью раскинуть в космосе над Соединенными Штатами высокотехнологический «зонтик» для защиты от советского ракетного нападения. Во время встречи в Лондоне Горбачев объяснил Тэтчер всю степень озабоченности Советского Союза по поводу СОИ. Он сказал, что если Рейган начнет осуществление этой программы, то у СССР не будет иного выхода, кроме как ответить на эту эскалацию. Его угрозы не произвели на Тэтчер впечатления. Однако подход Горбачева в целом казался ей разумным, а кроме того, у нее были собственные сомнения в отношении идеи «звездных войн»: как ученый она считала эту идею недостаточно обоснованной.

К этому времени Тэтчер уже достаточно хорошо разбиралась в Рейгане. Она считала, что в вопросах СОИ его обычное пренебрежение к деталям может обернуться достоинством. По ее мнению, Рейган просто плыл в этом вопросе по течению и ему оказывали плохую услугу различные соперничающие между собой фракции, ответственные за военно-политические вопросы в его администрации. Именно ей, полагала она, предстояло вывести

Рейгана на ту четкую позицию, которая устраивала бы всех западноевропейских союзников США по НАТО.

Как обычно, на встрече говорила главным образом Тэтчер. В течение полутора часов с прямотой и резкостью, допустимыми лишь в силу их особых личных отношений, она просвещала Рейгана на предмет всех отрицательных сторон и издержек СОИ. С технологической точки зрения в этом плане были серьезные провалы. Стратегически его осуществление создавало бы глубокий дисбаланс сил между Востоком и Западом. Политически и в приложении к Западной Европе реализация СОИ могла бы завершиться расколом в НАТО. Она уговаривала Рейгана не отказываться от Договора 1972 года о запрещении противоракетной обороны. «Этот договор имеет огромную ценность, — настаивала она, — его нельзя отбрасывать» {12}. Тэтчер готова была поддержать необходимость проведения научно-исследовательских работ в русле СОИ, но она была против испытаний и развертывания системы в целом.

«Но Маргарет, — ответил президент, — мы и собираемся заниматься именно исследованиями». Он заверил ее, что намерен придерживаться Договора по ПРО, и признал, что пройдут еще годы, прежде чем станет ясно, осуществима или нет сама идея оборонительной системы космического базирования.

Тэтчер почувствовала облегчение. К тому же на этот случай у нее было кое-что заготовлено. «Она полезла в свою сумку и вытащила оттуда заранее отпечатанное коммюнике, черт бы его побрал», — вспоминал присутствовавший при этом американец. Документ, фиксировавший достигнутое в Кэмп-Дэвиде согласие, включал четыре важных пункта: Запад стремится не к ядерному превосходству, но к равновесию сил в этой области; практическое развертывание СОИ должно стать предметом переговоров; высшая цель этой инициативы, как и действий Запада в целом, — укрепить ядерное сдерживание, а не подорвать его; переговоры о контроле над вооружениями должны ставить своей целью сокращение количества вооружений с обеих сторон.

Президент передал документ Роберту Макфарлейну, своему советнику по национальной безопасности. Тот кивнул головой и передал его госсекретарю Джорджу Шульцу, который тоже одобрил проект. Министр обороны Каспар Уайнбергер, известный жесткостью своих позиций, не присутствовал на встрече. Когда он узнал, что там произошло, он был вне себя. Но еще до того, как он успел это узнать, Тэтчер вернулась в Вашингтон, провела пресс-конференцию и объявила на ней о том, что президент одобрил эти четыре пункта. Она была в восторге. С ее точки зрения, на все обозримое будущее осуществление СОИ было

ограничено лишь сферой научно-исследовательских работ. Тэтчер лично добилась этого, сделала все, что было в ее силах, для сохранения Североатлантического союза. За шесть дней она облетела весь мир и к Рождеству с триумфом возвратилась в Лондон.

Через два года ей предстояло вновь торопиться в Вашингтон со спасательной миссией. В октябре 1986 года в столице Исландии — Рейкьявике — состоялась встреча президента США Рейгана и Генерального секретаря советской компартии Горбачева. Рейган отправился в Рейкьявик в ожидании ненапряженной подготовительной беседы, которая должна была открыть путь к официальной встрече на высшем уровне следующим летом в Вашингтоне. Он даже оставил дома Нэнси. Горбачев, ко всеобщему удивлению, привез свою супругу, Раису, с собой. Но, что было куда существеннее, он застал американцев врасплох, вытащив из своего портфеля принципиальное предложение о полном ядерном разоружении в течение десяти лет.

— Уничтожить все ядерное оружие? — удивленно переспросил Рейган. — Но Михаил, я же все время именно об этом и говорю. Мы этого добиваемся уже давным-давно — полного уничтожения ядерных вооружений. Это всегда было моей целью.

— Тогда так и решим? — спросил Горбачев.

— Прекрасно, — ответил Рейган {14}.

Оставалось, однако, одно «но»: Горбачев связывал полное уничтожение ядерных вооружений с согласием Рейгана на то, чтобы СОИ не выходила за пределы лабораторных исследований. Но этого «но» оказалось достаточно, чтобы потопить всю сделку. Рейган отказался пойти на такую уступку. Горбачев тоже не уступал, и переговоры завершились разочарованием и взаимными обвинениями.

Когда Тэтчер узнала о происшедшем, она пришла в ужас не от того, что соглашение не было достигнуто, но от того, что оно чуть было не состоялось. Неужели же президент не понимал, что означало бы подобное соглашение? Он вышибал почву из-под всей концепции ядерного сдерживания — той первоосновы, на которой стояла оборона всего Запада. Ядерное оружие невозможно, недопустимо уничтожать полностью. «Я полагаю, что мир без ядерного оружия — мечта, — говорила Тэтчер. — Нечто вроде мира без преступности. Невозможно отменить уже полученные знания, и всегда есть опасность, что ими воспользуется и кто-то другой. Поэтому всегда будет существовать необходимость как-то сдерживать подобную

опасность».

Но даже если бы оказалось возможно полное уничтожение ядерных вооружений, Тэтчер убеждена, что подобное решение было бы ошибкой. По ее мнению, наличие фактора ядерного сдерживания — единственное, что предотвратило возникновение новой войны в Европе после 1945 года. Будь то войны ядерной или обычной. Ядерная гарантия наиболее действенна. Кроме того, если бы были устранены все ядерные вооружения, то как бы мог Запад защитить себя против Советского Союза, обладавшего огромным преимуществом в области обычных вооружений? Подобная перспектива была поистине кошмарной.

Премьер-министр поспешила в Вашингтон, чтобы разъяснить свою точку зрения на эти вопросы. На этот раз Тэтчер не стремилась нападать на Рейгана, как во время той встречи в Кэмп-Дэвиде двумя годами раньше. Ее подход был мягче, даже заботлив; но цель оставалась прежней. Сама Тэтчер и Чарльз Пауэлл, ее высший советник по вопросам внешней политики, еще раньше объяснили свои взгляды Шульцу, Уайнбергеру и новому помощнику президента по вопросам национальной безопасности Джону Пойндекстеру. Те поняли, почему Тэтчер так взволновали сообщения о встрече в Рейкьявике. Пауэлл набросал проект совместного заявления, которое предстояло на следующий день показать президенту. Тэтчер повторяла в точности то же самое, что она проделала двумя годами раньше. Если президент не отдавал себе отчета, о чем он говорил, то она была намерена открыть ему истину, перетянуть его на свою позицию, а затем провозгласить эту позицию как их совместную.

Так и произошло. На следующее утро в Кэмп-Дэвиде проект документа был вручен Пойндекстеру. Он вычеркнул два слова и одобрил остальное. Шульц, несколько удивленный тем, что у Тэтчер опять все заготовлено заранее в письменном виде, тоже просмотрел проект заявления. Стратегия НАТО, основанная на ядерном сдерживании, остается неизменной — эти слова не вызвали у Шульца возражений. В кабинете президента государственный секретарь передал проект Рейгану. Тот пробежал взглядом: «Все в порядке». Вернувшись в Вашингтон, Тэтчер зачитала совместное заявление на пресс-конференции в английском посольстве. И таким образом, политика была разъяснена, Рейган — еще раз спасен, Англия получала свои «Трайденты». Спасен был и Североатлантический союз — не в последнюю очередь благодаря особым личным отношениям, установившимся между ней и американским президентом.

Когда Рейган готовился покинуть Белый дом, он в ноябре 1988 года пригласил Тэтчер быть его последним официальным

иностранным визитером — памятуя, что она же была и первым. По прибытии Тэтчер почувствовала себя очень плохо: ей досаждали простуда, а также новая парикмахерша, заменившая на этот раз ту, с которой Тэтчер ездила постоянно. Прическа и цвет лица премьер-министра были неважными; тем не менее она блистала как Самый Первый Друг среди всего того великолепия, которое сумела собрать уходящая администрация. Тэтчер назвала президентство Рейгана «одним из величайших в истории Америки» и подчеркнула, что лишь у трех премьер-министров Англии сроки их пребывания в должности совпали с нахождением у власти в США одного и того же президента: Уильям Питт-младший и Джордж Вашингтон; лорд Ливерпуль и Джеймс Монро; «а третий — это я». Гром аплодисментов, казалось, заполнил собой весь Белый дом. Через полгода такие же аплодисменты гремели в Лондоне: по предложению Тэтчер британская королева Елизавета присвоила Рейгану почетное рыцарское звание.

Всего несколько часов спустя она уже обхаживала нового обитателя Овального кабинета. Отдавая должное Рейгану, Тэтчер придавала большое значение и тому, чтобы постоянно поддерживать Джорджа Буша. Как вы намерены обращаться с Бушем, спросил ее какой-то журналист. «С президентами Соединенных Штатов не обращаются, — ответила она, едва улыбнувшись. — Им предлагают поддержку той политики, которую разделяют».

Тэтчер была весьма довольна, что именно Буш нанес поражение Майклу Дукакису и выиграл президентские выборы 1988 года. В Англии вряд ли много знали о губернаторе Массачусетса; но Тэтчер знала, что он либеральный демократ, и этого было для нее достаточно. В день выборов она не ложилась спать до четверти шестого утра, следя по передачам Си-эн-эн за ходом голосования; а затем, прикорнув всего на сорок пять минут, уже в 6.10 утра по лондонскому времени звонила Бушу, чтобы оказаться первым иностранным государственным руководителем, который поздравил его с победой.

Буш нравится Тэтчер, но ее отношения с ним сильно отличаются от тех, какие были с Рейганом. На протяжении всего времени пребывания Рейгана у власти она внимательно и профессионально следила за Бушем, встречалась с ним всякий раз, когда встречалась и с Рейганом, и в общем хорошо изучила его. Она знает, что Буш намного лучше подготовлен и более внимателен, чем прежний президент; но ему не хватает удивительной способности Рейгана говорить так, чтобы это звучало убедительно. Тэтчер никогда не чувствовала, что от Буша

исходит мощь и великолепие, как это было с Рейганом; но она надеялась, что с годами эта способность придет. Самым большим вопросом для Тэтчер было, есть ли у Буша действительно глубокие убеждения, нечто такое, во что он искренне верит. Такие убеждения были у нее самой и у Рейгана, они-то и стали основой их тесных отношений друг с другом. Премьер-министр не уверена, что такая идеологическая страстность есть у Буша, и подозревает, что он может оказаться одним из тех вечно стремящихся к консенсусу и сделке политиков, к которым она относится с таким недоверием. Она быстро записала в эту категорию нового государственного секретаря Джеймса Бейкера. Тэтчер совершенно не доверяет Бейкеру, но Бушу она готова предоставить испытательный срок. Он друг и союзник, но Тэтчер опасается, что он может оказаться не «одним из нас». Первые четыре месяца пребывания Буша в должности, похоже, подтвердили ее худшие опасения на этот счет. Принятие решений почти по всем вопросам оттягивалось на неопределенное время, а администрация занималась затянувшимся изучением проблем. Тэтчер все это не нравилось.

Рейган был безразличен к частностям, но у него был какой-то внутренний стержень. Первые же недели пребывания в Белом доме Буша вызвали у Тэтчер сомнения, есть ли такой стержень у нового президента. Он, например, легко уступил требованиям Бонна отложить модернизацию ракет ближнего радиуса действия, большая часть которых размещена на территории Западной Германии, до завершения в этой стране общенациональных выборов. Тэтчер возражала против этого, считая, что устаревшая оборона — это уже не оборона. Ее особенно озаботила быстрота, с которой капитулировали США в этом вопросе. Она опасалась, что Запад поддастся искушению разоруженческих предложений Михаила Горбачева и Западная Европа окажется без ядерных вооружений перед лицом громадных обычных вооруженных сил Советского Союза. После встречи в верхах в Брюсселе в мае 1989 года по случаю 40-летия НАТО она почувствовала себя несколько увереннее. Ей понравились широкомасштабные, отмеченные воображением предложения Буша о сокращении вооруженных сил, танков, артиллерии и самолетов в Европе. Правда, у нее вызвала сомнения возможность осуществить все это всего за три года: «Думаю, это несколько оптимистические сроки. Довольно оптимистические. Очень оптимистические».

Буш показал, что он осторожен, но не настолько, чтобы впадать в полный политический паралич. С точки зрения Тэтчер, это добрый признак перемены в хорошую сторону. Но она намерена следить за его готовностью к компромиссам. Но хотя

премьер-министр знает, что отношения с Бушем у нее не такие, как были с Рейганом, — душа в душу, — тем не менее это все же дружба, скрепленная временем и взаимопониманием. На таком фундаменте рабочие отношения могут крепнуть и развиваться.

Похоже, что к осени 1989 года этот процесс начался. Зная, что в сентябре, по пути с международной конференции консерваторов в Токио, Тэтчер встретится в Москве с Михаилом Горбачевым, Буш направил ей пространное письмо. Он просил Тэтчер передать Горбачеву, что подтверждает свои пожелания успеха перестройке и что Соединенные Штаты не будут использовать к своей односторонней выгоде трудности, переживаемые Советским Союзом в Восточной Европе. Тэтчер была рада представившемуся шансу вновь вписаться в уравнение советско-американских отношений и по возвращении в Лондон представила президенту исчерпывающий отчет о своей беседе с Горбачевым. Именно такое свое участие она и рассчитывала сохранить на будущее.

Ее не волновало, что Буш — который гораздо лучше Рейгана чувствовал себя с теми, кто не говорит по-английски, — не станет проводить такую европейскую политику, которая начиналась и заканчивалась бы в Лондоне. Она понимала, что Бушу она не нужна в той мере, в какой была нужна. Рейгану. Но ее устраивало то, что она не окажется где-то за рамками его политики вообще. Тем решительнее стремилась она продемонстрировать союзническую верность Великобритании. Потому-то уже через несколько минут после того, как поступило сообщение, она поддержала американское вторжение в Панаму в декабре 1989 года. В целом она намеревалась вести себя спокойно и не подталкивать Буша ни в какую сторону. Если он хотел, он двигался обычно медленно; но двигался он только когда сам хотел этого. С этим приходилось примириться. Но если президенту понадобилась бы помощь, он всегда мог на нее рассчитывать.

Необходимость в поддержке возникла не сразу. В первые месяцы пребывания в Белом доме президент, занимаясь европейскими делами, обращал внимание прежде всего на Западную Германию. Подмазывали скрипящее колесо, а не верного партнера. После натовской встречи на высшем уровне главную свою речь во время первой поездки по Европе Буш произнес в Германии. Но по дороге домой он остановился в Лондоне. Перед встречей с Горбачевым на Мальте в декабре 1989 года Буш пригласил Тэтчер в Кэмп-Дэвид. Уязвленный обвинениями, будто он бросил Тэтчер ради новых друзей в Бонне, Буш постарался уверить премьер-министра в том, что «особые

отношения» остаются в неприкосновенности. Некоторые англичане — включая и кое-кого из тех, кто критиковал ее за чрезмерную близость с Рейганом, — утверждали, что Буш лишь пытается сделать хорошую мину, чтобы Тэтчер не выглядела как партнер, которого бросили прямо посередине танца.

Она так и не выглядела. Но оркестр явно играл другой танец. Беседуя с Бушем, Тэтчер наслаждалась возможностью обсуждать с новым президентом вопросы во всех деталях и подробностях — с Рейганом это было невозможно. Ее не волновало, что третий президент США, с которым она имеет дело, может пережить ее политически. Она не испытывала ревности и от того, что он уделял свое время и внимание и другим: «Если у вас есть один друг, это не значит, что надо исключать возможность дружбы и с кем-либо еще».

Глава пятнадцатая
В ЭПИЦЕНТРЕ БУРИ

Маргарет Тэтчер умеет настоять на своем. Но и ей случалось попадать в острейшие критические ситуации, каждая из которых любому премьер-министру могла бы стоить его поста. Наиболее ярким примером такого положения была война на Фолклендах. Другим — хотя и совершенно иного рода — был эпизод со взрывом бомбы в Брайтоне. Но был и еще один случай, когда судьба Тэтчер висела буквально на волоске. Самое удивительное, что за пределами Англии этот политический кризис остался почти незамеченным. «Дело Уэстленд» поначалу казалось не более чем легкой тучкой на горизонте. Под конец же оно разрослось до катастрофических размеров, привело к расколу внутри кабинета, до основания потрясло все правительство. Дело это стало «уотергейтом» Тэтчер, самым серьезным ее политическим просчетом, реально поставившим вопрос о возможности ее отставки. «Быть может, к завтрашнему вечеру я уже не буду премьер-министром», — сказала она помощникам 27 января 1986 года {1}.

История эта начиналась настолько просто, что не удивительно было не разглядеть с первых шагов ее потенциального значения. Она казалась вначале несложным финансовым вопросом, касавшимся одной-единственной фирмы — «Уэстленд корпорейшн», единственной в Англии, которая производила вертолеты. В отличие от настоящего Уотергейта, в «деле Уэстленд» не было ничего противозаконного.

В центре него оказалась прежде всего проблема стиля работы Тэтчер и ее методов управления: того, как она использовала данную ей власть или злоупотребляла ею; как строила отношения с кабинетом, ведомствами, личными помощниками; того, не превращаются ли ее слишком тесные союзнические связи с Соединенными Штатами иногда в причину затруднений для самой Англии.

Все началось в конце 1985 года. Расположенная в Сомерсете фирма «Уэстленд» принесла в тот год 140 миллионов долларов убытков и была на грани полного финансового краха. Ее руководство занялось поисками возможных партнеров с тугим кошельком. Находящаяся в штате Коннектикут, США, корпорация «Юнайтэд текнолоджиз» (ЮТ), у которой были давние связи с «Уэстленд», предложила купить часть акций последней. Цель

этого предложения состояла в том, чтобы дочернее вертолетное предприятие ЮТ фирма «Сикорский» получила бы плацдарм для операций в Западной Европе.

Ранее английская сторона предлагала купить акции «Уэстленд» нескольким западноевропейским фирмам, но ни одна из них не проявила заинтересованности. Тем не менее министр обороны Англии Майкл Хизлтайн отрицательно отнесся к предложению ЮТ. Он полагал, что если американская компания поставит под свой контроль исследования и разработки, ведущиеся в лабораториях «Уэстленд», то Англия останется без собственных технологических позиций в этой отрасли промышленности. По его мнению, намечавшаяся сделка грозила стать еще одним звеном в более широком процессе, который в конце концов приводил бы к глубоким переменам в соотношении сил внутри НАТО. Хизлтайн вел в это время переговоры со своим американским коллегой Уайнбергером относительно размещения в Великобритании американских крылатых ракет и распределения контрактов под планы «звездных войн». Его все более волновало, что отношения в сфере обороны между США и Западной Европой были далеко не равными. У Соединенных Штатов были средства, они нанимали лучшие умы, и складывалась опасность того, что в недалекой перепективе Соединенные Штаты станут полностью доминировать в Североатлантическом союзе.

Хизлтайн призывал к более тесному сотрудничеству стран Западной Европы с тем, чтобы противостоять технологическому превосходству Соединенных Штатов. Кое-какого успеха в этом направлении он добился. В начале 1985 года он сыграл ключевую роль в достижении соглашения между пятью западноевропейскими странами в производстве истребителя. Теперь, на фоне предложения ЮТ, Хизлтайн занимался организацией консорциума западноевропейских фирм оборонной промышленности, который мог бы выкупить «Уэстленд». В него входили бы две английские фирмы — «Бритиш аэроспейс» и «Дженерал электрик оф Британ», а также западно-германская «Мессершмидт-Бельков-Блом», итальянская «Аугуста» и французская «Аэроспасьяль».

Но в этой деятельности Хизлтайн сталкивался с трудностью особого рода: Тэтчер не интересовалась перспективами западноевропейского консорциума. Она отдавала предпочтение американцам. Причиной, как и следовало ожидать, было ее непреходящее недоверие к европейцам. Тэтчер никогда не заявляла публично, что предпочла бы американский вариант сделки. Формально она сохраняла нейтралитет, подчеркивая, что

решение касается частной компании и должно быть принято правлением самой «Уэстленд». Но ей доставляло удовлетворение, что фирма склоняется к предложению ЮТ.

Существовала и личная причина, влиявшая на ее позицию по отношению к намечавшейся сделке. Этой причиной был сам Хизлтайн. Тэтчер никогда не доверяла до конца своему министру обороны. Он был слишком независим, не принадлежал ни к какой определенной группировке. И хотя он часто соглашался с ее политикой, он явно не был «одним из нас» — своим в узком кругу ее особо доверенных лиц и единомышленников. Несколькими годами раньше Тэтчер как-то была в ужасе от инцидента, произошедшего в палате общин. Тогда Хизлтайн, раздраженный тем, что во время острых парламентских дебатов депутаты-лейбористы хором затянули песню партии «Красный флаг», впал в ярость и в грубой форме потребовал тишины. Когда его приказ проигнорировали, Хизлтайн схватил церемониальный жезл спикера и раскрутил его над головой подобно пещерному человеку, собирающемуся напасть на мамонта. Эта история, а также густая и длинная рыжая грива принесли Хизлтайну прозвище «Тарзан».

Начав свою жизнь с нуля, Хизлтайн со временем выбился в миллионеры. Но власть интересовала его больше, чем деньги. Тэтчер знала об этой черте министра обороны, и ее это весьма беспокоило. Ее настороженность подкреплялась и тем, что, не будучи по происхождению представителем знатного рода, он всячески подчеркивал свой старомодно-консервативный патернализм, делая особый упор на тему милосердия. К тому же он не упускал возможности продемонстрировать свои достоинства и был крайне амбициозен. Как с потенциального соперника, с него нельзя было спускать глаз. И потому, когда он призвал кабинет поддержать сделку между западноевропейским консорциумом и фирмой «Уэстленд», Тэтчер отказалась это сделать. Хизлтайн проявил неподчинение; но премьер-министр, странно неуверенная в себе — что ей совершенно несвойственно, — не смогла своим авторитетом заставить его замолчать. Солидарность внутри кабинета оказалась нарушенной. В течение целого месяца Хизлтайн беспрепятственно вел арьергардные бои против Тэтчер. В конце концов он с шумом покинул заседание кабинета министров и объявил поджидавшим его на улице журналистам о своей отставке. Заседание кабинета продолжалось в истинно английском стиле: как если бы ничего не произошло {2}.

Но вопрос о судьбе фирмы «Уэстленд» не отпал, а напротив, с уходом Хизлтайна становился все острее по мере того, как

бывший министр обороны, не связанный долее этикой и правилами действующего члена кабинета, начал самостоятельную публичную кампанию в пользу своего варианта сделки. Начал отчасти из принципа, а отчасти и потому, что рассчитывал тем самым заложить фундамент своих будущих притязаний на руководство в партии и в стране. Он обвинил Тэтчер в том, что та отдает будущее Англии на откуп заокеанской державе, не заботится «о будущем Англии как технологически развитой страны». Откровенное предпочтение ею особых отношений с Соединенными Штатами «мешает достойному управлению страной». Тэтчер была в бешенстве, но не знала, как поступить с министром-ренегатом. Между тем дела «Уэстленд» шли все хуже. Руководство компании опасалось, что выступления Хизлтайна могут побудить ЮТ отозвать свое предложение. Тогда «Уэстленд» была бы обречена на участие во второразрядной сделке с западноевропейцами или даже на нечто худшее, если бы сорвался даже и этот вариант.

Хизлтайн обвинил министра торговли и промышленности Леона Бриттена в том, что тот нажимает на «Бритиш аэроспейс», заставляя ее выйти из западноевропейского консорциума. По версии Хизлтайна, Бриттен якобы предупредил эту фирму, что ее поставки военной продукции в США, составлявшие почти полмиллиарда долларов в год, могут оказаться под угрозой. Сбивчивые объяснения самого Бриттена на этот счет и его попытки поддержать версию о нейтралитете премьер-министра не внушали доверия. В палате общин зазвучали голоса, требовавшие его отставки, а парламентские дебаты по вопросу о сделке все более перерастали во взаимные обвинения.

День за днем Бриттена втаптывали в грязь. Удары доставались и Тэтчер. Наконец в январе 1986 года Бриттен подал в отставку. Фактически ему выпала участь козла отпущения, поскольку Тэтчер признала, что Бриттен и некоторые сотрудники ее собственного аппарата санкционировали утечку информации относительно содержания письма одного из высших чиновников министерства юстиции. Информация эта дала возможность дискредитировать Хизлтайна в печати. Но и до этого признания даже самые преданные сторонники Тэтчер не могли поверить в то, что она ничего не знала об этой утечке. Внимание Тэтчер к мелочам широко известно. И потому невероятной казалась сама мысль о том, что ее ближайшие помощники на протяжении нескольких недель ничего не докладывали премьер-министру по вопросу, по которому ее правительство подвергалось непрерывным публичным нападкам. Дело чем дальше, тем больше напоминало «Уотергейт». Уже активно обсуждалась

вероятность того, что правительство преднамеренно скрывает нечто важное. После ухода Хизлтайна и отставки Бриттена в центр разворачивавшегося скандала оказывалась все более втянутой сама премьер-министр.

«Сейчас мы спрашиваем премьер-министра, — говорил в конце января 1986 года перед переполненной палатой общин лидер лейбористов Киннок. — Если она не скажет правду, ей придется уйти в отставку». Тэтчер никогда не любила в чем-либо клясться, но в тот раз ей пришлось к этому прибегнуть. «Прошу достопочтенных джентльменов поверить, что имело место чистое недоразумение», — ответила она. Ее обычная стальная властность куда-то исчезла, уступив место растерянности и неподдельному раскаянию. Но Киннок не был согласен принять подобное объяснение. «Премьер-министр должна открыть истину, — требовал он. — Мы хотим знать все факты, и мы хотим их знать немедленно».

В центре полемики был вопрос, не пытается ли Тэтчер скрыть свою собственную, истинную роль в предпринятой ранее попытке дискредитировать Хизлтайна. Большинство англичан отвечало на этот вопрос утвердительно, но доказать никто ничего не мог. Ее личные сотрудники держались твердо. Кроме того, правительство не соглашалось на то, чтобы эта категория служащих давала показания перед какими-либо комиссиями по расследованию. В палате общин Тэтчер повезло, и она вывернулась. Киннок упустил шанс добиться ее отставки, поддавшись своим инстинктам и набросившись на нее с грубым давлением вместо того, чтобы пригвождать ее продуманными и четко нацеленными вопросами. А потом и Хизлтайн, и Бриттен пришли ей на помощь. Хизлтайн знал, что, если он станет причиной отставки лидера его собственной партии, ему придется навсегда проститься с надеждами самому когда-нибудь занять это место. И поэтому он встал, назвал высказанные Тэтчер сожаления «мужественными» и заявил, что считает вопрос закрытым.

Бриттен, занимавший место на задних скамьях вместе с Хизлтайном, также поддержал данные Тэтчер объяснения и взял на себя всю ответственность за происшедшее. Их вмешательство сплотило консервативную часть палаты и позволило Тэтчер легко выиграть голосование по вотуму доверия. Любопытно, однако, завершение этого дела. Акционеры фирмы «Уэстленд» впоследствии поддержали заключение сделки с американской компанией. Ни один из министров не вернулся в кабинет Тэтчер. Бриттен, однако, получил рыцарский титул и хорошее назначение — представителем Англии в органах Общего рынка в Брюсселе. Но после его отставки с поста министра — отставки, вызванной

исключительно стремлением защитить саму премьер-министра, — Тэтчер практически не общалась с ним. Только через три года после получения этих наград Бриттен нарушил молчание. Личные помощники Тэтчер дали ему совершенно недвусмысленное указание предать гласности письмо, порочащее Хизлтайна. Если бы он рассказал об этом раньше, Тэтчер, вероятнее всего, пришлось бы уйти. Но в день, когда он сделал это признание, в Лондоне находился Михаил Горбачев, и ради переговоров с советским руководителем премьер-министр отменила свои ответы на вопросы в парламенте. На фоне «горбомании» признание Бриттена осталось практически незамеченным {3}.

Хотя Тэтчер и избежала серьезных неприятностей, «дело Уэстленд» сильно повредило ее образу бескомпромиссно честного лидера. Она предстала таким же неискренним и изворотливым политиком, как и все другие. Опрос общественного мнения, проведенный сразу же после завершения дебатов по этому вопросу в парламенте, показал, что 55 процентов англичан не доверяли ее объяснениям, а более половины населения страны полагало, что она должна была уйти в отставку. Даже 20 процентов из числа тех, кто называл себя консерватором, требовали ее отставки. Но Тэтчер не желала прислушиваться к подобным требованиям. Тем не менее ей был нанесен политический ущерб, и она была напугана.

К началу 1986 года ее положение оказалось уязвимым. Причиной стал ее стиль руководства: обнаружилось, что методы работы премьер-министра оставляли желать много лучшего. «Дело Уэстленд» заметно политизировало немалую часть правительственного чиновничества, традиционно аполитичного. Что же касается самой Тэтчер, то на этот раз непреклонная решимость и целеустремленность, обеспечившие ей всеобщее восхищение во время фолклендской войны и забастовки шахтеров, оказались не сильной, а слабой ее стороной. На всем протяжении «дела Уэстленд» ее решимость оборачивалась обычным упрямством, а целеустремленность — нетерпимостью к проявлениям несогласия. Один из старших помощников, непоколебимо поддерживавших ее во всех обстоятельствах, так характеризует это положение: «Ее легко обвинять в автократичности и в том, что она предпочитает управлять с помощью небольшой группы лиц, с которыми ей удобно. Все это не новость. С ней никогда не было просто работать» {4}.

«Дело Уэстленд» продолжало напоминать о себе непрекращающимися протестами и обвинениями Тэтчер в проамериканизме. К тому же оно было не единственным

примером того, что ее критики клеймили как распродажу страны Соединенным Штатам. Тот факт, что английские фирмы более всего покупали у американских компаний, не делал подобную критику слабее. И когда еще одна американская фирма попыталась купить очередную английскую святыню, — всего через несколько дней после того, как «дело Уэстленд» сошло с первых страниц газет, — казалось, сам ад разверзся и обрушился на землю.

На этот раз «Дженерал моторе» желала приобрести «лендровер» и завод по производству грузовиков, принадлежащий «Бритиш лейланд» (БЛ) — крупнейшей в Великобритании компании по выпуску транспортных средств. В течение многих лет БЛ находилась в финансовом прорыве. Национализированная в 1974 году правительством Гарольда Вильсона, она принесла стране с тех пор убытки в миллиарды долларов, в том числе 3 миллиарда было потеряно только на необоснованных планах расширения производства. Тэтчер терпеть не могла, когда что-то приносило убытки, но при 13,2 процента безработицы в стране не хотела идти на сокращение 275 тысяч работников БЛ. Однако когда в 1985 году производство грузовиков принесло еще 85 миллионов долларов потерь, премьер-министр поняла, что надо что-то делать. Она обратилась к иностранным автомобилестроительным компаниям. «Дженерал моторе», получив заверения, что «Лэндровер» станет частью сделки, предложила за весь пакет 375 миллионов долларов. Контракт обещал быть неправдоподобно удачным. «Лэнд-ровер», производивший вездеходы высокого класса, пока еще приносил прибыль, но уже терял свою долю продаж на рынке. Его заводы нуждались в реконструкции и в постановке в производство новых моделей. Все это требовало более значительных затрат, чем готово было предоставить правительство.

Продажа этих фирм «Дженерал моторе» была целесообразной. Правление БЛ одобрило ее, во многом руководствуясь при этом теми же соображениями, исходя из которых ранее правление «Уэстленд» поддержало сделку с ЮТ. Единственным недостатком этого плана было то, что продажа означала бы конец существования последних независимых английских автомобилестроительных фирм. Продажа заводов по производству грузовиков и автобусов не вызывала у общественности особой озабоченности. Но одно предположение, что будет продан «Лэнд-ровер» — эта чисто английская фирма, известная во всех закоулках некогда огромной империи, — чувствительно ударяло по самолюбию нации. «Неужели же не осталось ничего, что не предлагалось бы на продажу?» —

вопрошал Джон Смит, ведавший в лейбористской партии отношениями в промышленности. Дейл Кэмпбелл-Сейвор, член парламента от лейбористов, обвинил правительство в том, что оно «спускает английский флаг и поднимает американский над британской индустрией».

Тот факт, что на протяжении двадцати лет до того, как пошел в производство первый «лэндровер», американская «Дженерал моторе» уже производила автомашины «Воксхолл» в Англии, ничего не значил. Тон задавали лишь представления, сложившиеся в общественном мнении. Если бы в роли покупателя выступали «Мерседес», «Пежо» или «Фиат», дебаты складывались бы по-иному. Общественность не хотела снова оказаться в положении уступающего Соединенным Штатам. Именно это чувство и лежало в основе взрыва эмоций. Было и практическое соображение, заключавшееся в опасении того, что американские владельцы, подсчитав убытки, закроют производство и тем самым ликвидируют рабочие места. В Западном Мидленде, где были сосредоточены многие предприятия БЛ, повышение безработицы могло отозваться ее ростом и в других сферах — в том числе в районах, голосовавших на парламентских выборах за кандидатов от консервативной партии.

С учетом того, что очередные выборы предстояли менее чем через два года, а поддержка правительства консерваторов снижалась, игнорировать настроения избирателей можно было, лишь рискуя проиграть на выборах. Когда выборочные опросы показали, что только 19 процентов англичан были согласны с продажей БЛ Соединенным Штатам, правительство утратило спокойствие и дало задний ход. Фирме «Дженерал моторе» было заявлено, что продажа «Лэнд-ровера» не включается в общий пакет, «Дженерал моторе» в ответ прервала переговоры, заявив, что не будет «Лэнд-ровера» — не будет и сделки. Правительству пришлось пережить унижение. Начало 1986 года складывалось неудачно; но впереди ожидали еще худшие времена, и снова проблемы Тэтчер оказались связанными с Соединенными Штатами.

В ночь с 14 на 15 апреля с баз на территории Великобритании вылетели тринадцать американских бомбардировщиков «Ф-111». Над Средиземным морем к ним присоединились штурмовики А-6, поднявшиеся с авианосцев. Все вместе они нанесли удар по столице Ливии городу Триполи и расположенному на побережье городу Бенгази. Четыре самолета «Ф-111» сбросили шестнадцать тысячекилограммовых бомб непосредственно на казармы Баб-эль-Азиза, в расположении которых находился дом Муамара Каддафи и главный командный

пункт, с которого он руководил деятельностью террористов во всем мире.

Рональд Рейган подготавливал военную акцию против ливийского руководителя на протяжении многих месяцев. Сразу же после Рождества палестинские террористы во время нападений на аэропорты Рима и Вены убили шестнадцать пассажиров. За две недели до удара по Ливии на борту самолета авиакомпании «Транс-уорлд эрвейз», выполнявшего рейс из Рима в Афины, взорвалась бомба. Было убито четверо пассажиров. Еще через три дня произошел взрыв в западноберлинской дискотеке, которую часто посещали американские военнослужащие. Были убиты американский солдат и турок, ранены 230 человек, в том числе 79 американцев. Каддафи отрицал свои связи с этими террористическими актами, но с похвалой отозвался о тех, кто их совершил. Вашингтон заявил, что располагает безусловными доказательствами причастности Ливии к этим акциям. Рейган еще до того начал нажим на Ливию, введя против нее экономические санкции и подведя военно-морские силы ближе к ее побережью. После взрыва в дискотеке общественное мнение в США было накалено до предела, сравнимого, пожалуй, лишь с реакцией общественности страны на захват заложниками в Иране сотрудников посольства США несколькими годами ранее. Снова получалось так, что великая держава фактически зависит от милости полууголовного, террористического государства. Невоенные формы противодействия были раздражающе неэффективны. Военные же, казалось, могли произвести желаемый результат. По крайней мере, в случае их использования и президент, и общественность в США чувствовали бы себя лучше. Рейган все еще находился под впечатлением случившегося в октябре 1985 года. Тогда Соединенным Штатам удалось изловить четырех арабских террористов, ранее захвативших итальянское пассажирское судно «Акилле Лауро» и убивших там пассажира-американца. Рейган был уверен, что военные средства и на этот раз окажутся эффективны.

Перед тем, как нанести удар по Ливии, президент Рейган отправил со специальной миссией специалиста по улаживанию трудных вопросов, постоянного представителя США в ООН Вернона Уолтерса. Его задачей было предложить союзникам принять участие в операции. Франция, Западная Германия, Испания и Италия ответили отрицательно. Франция и Испания отказали даже в разрешении на пролет самолетов над их территориями. Лишь Тэтчер поддержала Рейгана. Еще до того, как прибыл Уолтерс с предложением об участии, она телеграммой на имя президента сообщила о своем согласии. Но

прежде чем согласиться, она все тщательно обдумала. Тэтчер знала, что со стороны своего кабинета она практически не получит поддержки в этом вопросе. Единственным, кто мог бы поддержать ее там, был престарелый лорд Хейлшэм, лорд-канцлер. Поэтому она нуждалась в каком-то оправдании своего решения.

Тремя месяцами раньше ей уже пришлось неодобрительно высказаться в отношении планов применения силы против Ливии. «Должна предупредить вас, что я не верю в полезность ответных ударов, которые противоречили бы международному праву», — заявила она американским журналистам {5}. Такова была ее точка зрения даже несмотря на то, что Ливия постоянно провоцировала английскую сторону. Вооруженный ливиец из окна посольства этой страны, в центре Лондона — на Сент-Джеймс сквер, — убил полицейского. В Англии это произвело такое же впечатление на общественность, как убийство Леона Клингхоффера, пассажира «Акилле Лауро» — в США. В распоряжении британских властей имелись также доказательства того, что Ливия снабжает боевиков ИРА оружием и взрывчаткой. Тем не менее Тэтчер ограничивалась лишь мерами антитеррористического характера на территории самой Англии. «Стоит только начать нарушать межгосударственные границы, — говорила она, — и этому не будет конца. Я твердо намерена придерживаться международного права».

На этом она и продолжала настаивать. Она считала, что американская акция возмездия должна быть предпринята в соответствии со статьей 51 Устава ООН, предусматривающей неотъемлемое право на самооборону «в случае вооруженного нападения», которое, однако, не определено сколь-нибудь четко. Юристы убедили ее, что в случае необходимости в международном праве может быть найдено обоснование практически для каких угодно действий.

Во время официального обеда, который она давала в своей резиденции на Даунинг-стрит, Тэтчер получила информацию о том, что Вашингтон намерен нанести бомбовый удар по Ливии. Министр иностранных дел Джеффри Хоув и министр обороны Джордж Янгер присутствовали на этом обеде и после него направились в кабинет премьер-министра на совет, как отнестись к предложению американцев. Хоув и Янгер были категорически против любого английского участия. Отношение Тэтчер в данном случае было более жестким. И кроме того, она была настроена оказать помощь и поддержку Рейгану, коль скоро это было в ее возможностях. Но она хотела, прежде чем принимать окончательное решение, знать больше. По каким целям будет

наноситься удар? Каковы гарантии, что при этом не пострадает чересчур сильно гражданское население? Какими могут оказаться жертвы среди гражданского населения? Как, по мнению Соединенных Штатов, отреагируют на такой рейд важнейшие ближневосточные государства? Какие, по американским сведениям, советские силы присутствуют в этом районе? Хоув и Янгер высказались в пользу того, чтобы настаивать на предоставлении Вашингтоном развернутого обоснования намечаемой акции. Премьер-министр, склонная скорее доверять, нежели не доверять Рейгану, не согласилась с этим. Ей нужны были только дополнительные разъяснения, и она хотела быть уверена в том, что в Вашингтоне позаботились об обоснованности намечаемой операции с точки зрения применения статьи 51 Устава ООН {6}.

Передав эти вопросы в Вашингтон, она решила подождать с принятием окончательного решения. Но при этом она не колебалась и не сомневалась относительно того, каким будет это решение. В четверть восьмого утра на следующий день она уже была в своем рабочем кабинете. Ответ из Вашингтона еще не поступил, но это не имело значения. Тэтчер уже все решила. «Мы будем участвовать, — сказала она Чарльзу Пауэллу, своему советнику по вопросам внешней и военной политики. — Я думала об этом всю ночь. Такое участие оправданно. Мы союзники Соединенных Штатов, и они держат здесь, в Европе, 350 тысяч своих солдат. Когда нужна наша помощь…» Она не договорила. Телеграмма с согласием была адресована генерал-лейтенанту Колину Пауэллу. Из пяти сменивших друг друга помощников президента Рейгана по национальной безопасности именно этот пользовался наибольшим уважением на Даунинг-стрит. Телеграмма начиналась словами «Дорогой Рон…» и была подписана, как обычно, «Искренне Ваша, Маргарет».

Единственная из всех западноевропейских руководителей, отважилась она на участие в предполагаемой операции. Это решение вызвало волну осуждения и в самой Англии, и по всей Европе. В Лондоне прошли массовые демонстрации протеста. Тэтчер упрекали в том, что она подставляет страну под ответные акты терроризма. По результатам опросов общественного мнения, почти 70 процентов населения считали это решение ошибочным. Против него выступило даже британское министерство иностранных дел, известное своей проарабской позицией. Но Тэтчер исходила из убеждения, что дипломатия — средство проведения политики, а не ее содержание.

Сильный протест, даже со стороны консерваторов, прозвучал в палате общин. Лидер же лейбористов Киннок обвинил Тэтчер в

готовности «лечь костьми ради оказания помощи американскому президенту». Дэнис Хилли назвал это решение «катастрофической ошибкой», лишь подтверждающей, что, «когда Рейган просит госпожу Тэтчер подпрыгнуть, она спрашивает только, как высоко». Лидер либеральной партии Дэвид Стип заявил, что Тэтчер «превращает британского бульдога в рейгановского пуделя». Слово «пуделизм» стало синонимом некритического блокирования с Рейганом, оказания ему по сути автоматической поддержки. Старый противник Тэтчер, Эдвард Хит напомнил, что во время войны на Ближнем Востоке в 1973 году он отказал Ричарду Никсону в просьбе использовать находившиеся на британских военных базах запасы для поддержки Израиля.

Тэтчер держится лучше всего, когда на нее нападают со всех сторон. В частном кругу она высказывала отдельные сомнения. Но публично она подчеркивала, что ради союзников, в число которых входит и Англия, Соединенные Штаты держат в Западной Европе сотни тысяч своих солдат. Поэтому «мне представляется совершенно немыслимым, чтобы мы отказывали американским самолетам и летчикам в возможности защитить их собственных людей». Представление было разыграно как по нотам. Лондонская «Таймс» назвала его «Львица в пещере Даниила».

Но была и еще одна причина этой поддержки действий Рейгана. Премьер-министр постаралась изложить ее на максимально понятном языке. Она напомнила членам парламента, что помощь со стороны Соединенных Штатов оказалась крайне важной в войне на Фолклендах. «Мы получили от США великолепную поддержку, гораздо большую того, чего требовали их обязательства», — сказала она. Высокопоставленный чиновник МИДа высказался еще более откровенно: «Мы были в долгу у Вашингтона. Теперь мы платим по этому долгу». Любопытно, что когда в печати появились предположения, что возможен второй налет на Ливию, поскольку во время первого Каддафи сумел уйти из-под американского удара, английские должностные лица быстро разъяснили американцам и самим журналистам, что Англия не даст своего согласия на повторную попытку {7}. Теперь уже международное право было ни при чем. Английская сторона выполнила свой долг и сейчас несла внутриполитические издержки за свой «пуделизм».

Демонстрация подобной лояльности, притом вопреки мнению министров, сделала Тэтчер еще большей героиней в США, но и еще сильнее изолировала ее в Западной Европе. Однако ее саму это не волновало. «Маргарет привыкла к тому, что она всегда особенная и всегда сама по себе. Похоже, ей это нравится», — сказал один из ведущих членов ее кабинета. Нет, ей не нравились

внутриполитические потери дома, но она понимала, что они неизбежны.

Свое сообщение непосредственно перед началом операции Вернон Уолтерс закончил словами: «Моя работа, госпожа премьер-министр, заседать в ООН. Когда я вернусь туда, я окажусь в самом центре бури».

На что Тэтчер ответила, глядя ему прямо в глаза: «Генерал, когда я предстану перед английскими избирателями, я окажусь в эпицентре бури».

Глава шестнадцатая ПРЕМЬЕР-МИНИСТР И ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО

Двух самых влиятельных женщин Англии по возрасту разделяют всего полгода; но по социальному положению — вековечные классовые барьеры. Тэтчер родилась в октябре 1925 года, королева Елизавета II — в апреле 1926 года. Но королева царствует с 1952 года. Она взошла на трон за 27 лет до того, как на Даунинг-стрит появилась ее восьмой премьер-министр Тэтчер. Отношения между двумя умными и волевыми женщинами непросты. И хотя они более десяти лет одновременно находятся на политической авансцене, об их личных взаимоотношениях известно мало прежде всего потому, что и та, и другая никогда не высказываются об этом публично и крайне редко в частном порядке. Их служебные отношения официальны, и такими они и должны быть. Их объединяет сильно выраженный патриотизм. Во всем же остальном премьер-министр и Ее Величество — абсолютно разные между собой женщины, с весьма различными взглядами на жизнь и с неодинаковыми подходами к проблемам Великобритании.

У них совершенно разный стиль. Всегда с великолепной прической, безукоризненно одетая, Тэтчер более внешне походит на королеву, чем Ее Величество, которая, прогуливая свою любимую собаку, может шлепать по лужам в резиновых сапогах и в наброшенной на голову косынке. Для многих неангличан Тэтчер, твердо занявшая место в списке самых элегантно одевающихся людей, как зримый символ страны вытеснила собой королеву. Когда Тэтчер посетила с официальным визитом Нигерию, многочисленные зеваки на улицах были убеждены, что она и есть королева Англии. После завершения фолклендской войны Тэтчер как главнокомандующая приветствовала возвращавшиеся на родину воинские части. Королева же, просто как мать, встречала лишь принца Эндрю. Когда в лондонском метро случился крупный пожар, Тэтчер прибыла на место происшествия, когда пожарные еще выносили тела 31 погибшего. Несколько младших членов королевской семьи без всякого шума посетили место трагедии днями позже, когда ужас происшедшего спал. Никто из членов королевской семьи не был на траурной службе по 271 погибшему пассажиру рейса 103 авиакомпании

«Пан-Ам» — от подложенной террористами бомбы этот самолет взорвался над Шотландией в декабре 1988 года, а его обломки упали недалеко от местечка Локерби. Премьер-министр посетила место катастрофы и присутствовала на траурном богослужении. В этих, как и многих других, случаях Тэтчер принимала на себя роль своего рода Матери нации. Не будучи официально главой государства, во времена общенациональных трагедий она представляла страну, и делала это с достоинством и грацией. И по мере того, как возрастала видимая роль Тэтчер, будь то в правительстве, во внутренней политике или же на мировой арене, значение королевы в общественном мнении как бы меркло и сжималось.

Природа их власти весьма различна. У королевы нет власти как таковой. Она не может изменять законы, объявлять войну и даже просто публично высказываться по политическим вопросам. Она — символ Великобритании и воплощение преемственности национальных институтов и традиций. Ее власть заключается в том, чтобы воплощать собой тот высший центр, на который фокусируется гражданская лояльность граждан, и успокаивающе влиять на умонастроения народа.

За те сорок лет, что королева Елизавета II находится на троне, в стране произошли огромные социальные перемены. Распалась британская империя, утрачено ее былое влияние. Стала гораздо слабее и уязвимее ее экономика. Появился многочисленный средний класс, и не стало правительства, управляющего на основе общенационального согласия. Но какие бы перемены ни происходили, королева сохраняла в неприкосновенности ритуалы, установленные еще в XIX веке. Переезжала, в зависимости от времени года, из одного замка в другой. Посещала королевские бега в Эскоте. Присутствовала на открытии сессий парламента и отдыхала на своей яхте «Британия». Но, несмотря на свою приверженность этим старомодным привычкам, королева — в полном смысле слова современный монарх. С момента вступления на трон она постоянно и тщательно знакомится со всеми официальными докладами политических партий. Эти доклады не передаются от одного правительства другому, и потому королева лучше представляет себе реальную преемственность политических процессов в стране, чем ее меняющиеся премьер-министры, даже столь долго пробывшие у власти, как Тэтчер. Королеве известны все ключевые фигуры и действующие лица во внутренней политике. Она также и наиболее опытный из английских дипломатов, гораздо лучше информирована по важнейшим международным вопросам, чем самый подготовленный из ее

министров иностранных дел. Она лично знакома с руководителями всех ведущих, а также и большинства других иностранных государств.

У королевы свои четкие политические взгляды и оценки, в том числе и в отношении Тэтчер. Но публичное их высказывание может быть истолковано как вмешательство в политические дела, а это, при худшем повороте событий, может привести к упразднению института монархии. Поэтому королева воздерживается от подобных публичных выступлений. Но она без колебаний использует свое традиционное право давать советы, поощрять либо предостерегать премьер-министра на еженедельных личных встречах. Обычно такие встречи происходят в Букингемском дворце по вторникам в половине седьмого вечера, по тем дням, когда заседает парламент. Они проходят в Зале аудиенций королевы — большой и удобной гостиной с окнами, выходящими в дворцовый парк, — и длятся, как правило, около часа. Это чисто деловые встречи, на которых не подаются никакие напитки. Королева высказывается обычно прямо и конкретно, непосредственно по существу вопроса. Премьер-министр, неспособная долго и молча выслушивать точку зрения других, ценит это качество королевы и выслушивает ее с уважением. Тэтчер легче всего чувствует себя с теми людьми, которые говорят ясным и четким языком. (Это относится и к юристам, язык которых обладает профессиональной четкостью.) Но ее угнетает разговор вокруг да около. Королеву — никогда. Писатель Энтони Сэмпсон высказал как-то наблюдение, которое с тех пор часто цитируется. Он заметил, что от этих встреч «приходит в ужас по крайней мере одна из их участниц» {1}. Но эта оценка приложима скорее к начальному периоду пребывания премьер-министра в должности. Сейчас госпожа Тэтчер и Ее Величество с уважением относятся друг к другу и нашли общий язык, хотя и бытует мнение, что королева считает Тэтчер наименее приятной в общении из всех премьер-министров, с которыми ей пришлось взаимодействовать на протяжении своего правления. Правда, у королевы были некоторые трудности и в общении с Тедом Хитом, но они компенсировались тем, что в этом случае взгляды Ее Величества и премьер-министра чаще всего совпадали. Между же королевой и Тэтчер существуют серьезные политические расхождения.

Как глава королевской семьи, Ее Величество выступает хранительницей традиций. Тэтчер же настроена против чрезмерной верности традициям и стремится форсировать перемены. Королева, первая аристократка по рождению, воспринимает свою роль монарха очень серьезно и в этом своем

качестве одинаково относится ко всем подданным независимо от того, бедны они или богаты, консерваторы они или лейбористы. Тэтчер же всего в жизни добилась сама, и потому она отдает приоритет правам личности, а не коллектива; с презрительным пренебрежением относится к неудачникам; и предпочла бы избавиться от лейбористской партии. Королева убеждена в том, что гражданское общество существует. Тэтчер заявила как-то, что «такого явления, как общество, не существует» {2}. По мнению премьер-министра, нации состоят из стремящихся к достижению собственных целей индивидов, действия которых не укладываются в классовые рамки, а не из каких-либо искусственных групп, слоев и тому подобного.

Между ними немало и других различий. Обе работают много и усердно, хотя трудно представить себе человека, который работал бы больше, чем Тэтчер. Рожденной властвовать, королеве никогда не пришлось самой пробиваться наверх. Она куда более уверена в себе и в безопасности собственного положения, чем Тэтчер, агрессивность которой, по признанию многих ее помощников, скрывает внутреннюю неуверенность. Королева не столь подчинена в своем поведении своему внутреннему голосу, как Тэтчер. И она в гораздо большей степени ценит радости семейной жизни. Королеве нравится, например, смотреть телевизор, причем ее излюбленная передача на протяжении многих лет — «Коронейшн стрит». Ей нравится играть в карты и различные игры. Постоянное место в ее календаре занимают плавания на «Британии» и продолжительные каникулы с внуками, проводимые в замках Бэлморел и Сэндрингхэм. Все это совершенно чуждо Тэтчер, которая редко отдыхает с кем-либо, кроме мужа. Телевидение раздражает ее, игры она просто ненавидит.

Их манеры поведения и окружение тоже очень разнятся между собой. Сдержанная по характеру, королева умеет держаться холодно, но способна и как бы излучать вокруг себя теплоту. Тэтчер может быть весьма эмоциональной и сердечной, но известна своим холодным самоконтролем и умением держать других на расстоянии. Королева окружена фрейлинами, гардеробщицами и гофмейстерами, всем тем, что позволяет сохранять ореол монархии в глазах общественного мнения. Тэтчер никогда не волновали внешние символы и аксессуары власти. Она не придает ни малейшего значения, например, должностям и званиям охраняющих ее лиц. Ее личные запросы минимальны. Если Дэнис отправляется в деловую поездку или на отдых, то он сам сидит за рулем машины, на которой едет в аэропорт. В свои зарубежные поездки Тэтчер берет обычно не

более десятка помощников и сопровождающих лиц. Это американский президент наносит визиты в окружении сотен сопровождающих.

Несмотря на крайнюю экономность Тэтчер, многие англичане обвиняют премьер-министра в том, что она стремится быть большей королевой, чем сама королева. «Она пытается быть царственнее королевы, но у королевы это получается лучше», — говорит баронесса Филипс. Некоторые критики утверждают, что Тэтчер не понимает своего места. Это верно. Тэтчер никогда не желала знать «свое место», иначе бы ей не стать лидером тори и премьер-министром. Она всегда стремилась выкладываться до конца, а это нередко истолковывается как чрезмерность притязаний, причем особенно в Англии. Ее самолюбие страдает от того, что Тэтчер не удается та легкая неформальность в общении, которую принадлежащие к высшим слоям общества англичане связывают с полученным воспитанием, хорошим произношением и наличием старого семейного состояния. «Это классовая черта, — говорит один из таких людей, хорошо знакомый и с королевой, и с премьер-министром. — Госпоже Тэтчер просто не хватает способности английского высшего среднего класса к иронии и самоиронии» {3}. У королевы же, напротив, очень развитое чувство юмора. «Абсолютно согласна с вами, мадам!» — воскликнула как-то королева, когда «роллс-ройс», в котором она ехала, обдал грязью какую-то женщину и та что-то прокричала вслед. «А что она сказала, дорогая?» — спросил сидевший рядом принц Эдинбургский. «Она сказала «Негодяи!» — ответила королева {4}.

Способность иронизировать над собой — черта, совершенно несвойственная Тэтчер. Хотя, обладай она этим качеством, премьер-министр могла бы только выиграть. Ее мужу Дэнису ничего не стоит посмеяться над собой. Премьер-министр же почти никогда не обнаруживает чувств и черт, которые могли бы быть истолкованы как проявление слабости. (Из этого правила, конечно же, бывают и исключения. Одно из заседаний кабинета Тэтчер открыла так: «Времени у нас в обрез, поэтому я сразу же выхожу из себя, настаиваю на своем, и на этом завершим работу».) Она, однако, неспособна к тем тонкостям и нюансам, что так ценятся членами королевской семьи. Ни к тому, чтобы как-то обыграть их самой, ни к восприятию их в свой адрес.

Особое неистовство всех ее критиков вызывает привычка Тэтчер говорить о себе, употребляя королевское «мы». «Мы стали бабушкой», — объявила она в 1989 году, когда на свет появился первый ее внук. Страна, услышав это, буквально заржала. Но мало кто решался сказать прямо, что Тэтчер пытается присвоить

себе роль королевы. Она легко могла бы возразить, что сама мысль об этом представляется ей невероятной. С самого детства она была ярой монархисткой. Она благоговеет перед институтом монархии и скрупулезна — возможно, даже чересчур скрупулезна — в соблюдении всех правил при общении с королевой. На аудиенцию к ней Тэтчер всегда приезжает раньше назначенного времени. Ее поклоны перед королевой ниже и длятся дольше, чем у кого-либо другого, за что некоторые члены королевской семьи даже подшучивают над ней. Ее «заносит», считают некоторые придворные. «Она кланяется как ванька-встанька», — фыркает один из них. Когда в Чекерсе встречают Рождество, Тэтчер непременно устраивает так, чтобы торжественный ужин закончился прежде, чем начнется праздничное выступление королевы по телевидению. И когда оно начинается, по настоянию Тэтчер все присутствующие выслушивают его стоя. Когда во время визита в Кению приветствовавшие ее там женщины стали делать перед ней реверансы, Тэтчер сразу же прервала их словами: «Не нужно. Я всего лишь премьер-министр».

Ежегодно премьер-министр с мужем проводят первый уик-энд сентября с королевой в ее замке Бэлморел в Шотландии. Поначалу это давалось Тэтчер тяжело. Уик-энд в компании аристократов, привыкших ездить верхом, стрелять, заниматься спортом и разными играми, — для Тэтчер это равносильно пытке. Но по мере того, как две женщины лучше узнавали друг друга, ужас Тэтчер перед этими уикэндами спадал. Свою роль сыграл и установившийся ритуал уик-эндов. Тэтчер и ее личный секретарь приезжают утром в субботу и обедают в этот день с главным помощником королевы и ее личным секретарем сэром Уильямом Хизлтайном. После обеда — прогулка, а потом Тэтчер водворяется в замок. Она не принимает участия в тех развлечениях, которые столь нравились некоторым из ее предшественников. Вместо этого она с удовольствием усаживается за свои бумаги. Вечером королева и принц Филип устраивают торжественный и формальный ужин в узком кругу. Больше всего премьер-министру не нравится, когда после ужина королева затевает игру в шарады. Тэтчер чувствует себя скованно при одной мысли о том, что может оказаться в неловком положении перед монархом, по-домашнему неофициальным. Королева понимает это и иногда поддразнивает за это Тэтчер. Как-то на обеде, на котором присутствовали шесть из ее премьер-министров, королева пошутила насчет «игр в Бэлмореле, которые некоторые из вас переносили с таким благородством» {5}.

Королева не только остра на язык, но и с удовольствием воспринимает самый разный юмор. Ей нравились такие премьер-

министры, как Черчилль и Гарольд Вильсон, умевшие развеселить ее. Она способна расхохотаться от самого грубого фарса. На протяжении многих лет принцу Чарльзу нравилась группа комедиантов, называвшаяся «Болваны». Для Тэтчер нет ничего ужаснее, как терпеть примитивный юмор или же высиживать на представлении «Болванов», Она согласна это выносить лишь в присутствии королевы, и то с трудом выдавливая из себя смех. Герцог Гоуэри понимает причины этой скованности Тэтчер: «В конце концов, лишь английский высший свет знает, как держать себя с королевой. Все остальные не имеют об этом никакого понятия» {6}.

Утром в воскресенье чета Тэтчер отправляется вместе с членами королевской семьи в церковь. Иногда за этим следует пикник. Как-то раз королева и принц Филип сами жарили мясо, а потом поразили премьер-министра тем, что закатали рукава и принялись мыть посуду, отвергнув все ее попытки помочь.

Перед отъездом Тэтчер обычно встречается с королевой и королевой-матерью, Елизаветой, за послеполуденным чаем. Среди всех членов королевской семьи именно королева-мать наиболее высокого мнения о Тэтчер. Их общий знакомый говорит: «Королева-мать обожает Тэтчер». «Она такая здравомыслящая», — отзывается старшая королева о премьер-министре. У той и другой — сильная поддержка в одних и тех же слоях общества. Самая популярная в народе из всех членов королевской семьи, королева-мать лучше других чувствует, что может понравиться простому человеку. Менее великосветская по манерам, чем ее ныне царствующая дочь, королева-мать прекрасно чувствует настроения той части общества, которая и составляет главную опору Тэтчер. Этим людям нравится естественность поведения королевы-матери и ее постоянная готовность к шуткам и импровизациям, как и ее острое чувство юмора. Как-то вечером королева-мать позвонила на кухню и, подразумевая, что во дворце работает немало гомосексуалистов, заявила: «Не знаю, чем вы, старушки, там заняты, но старушка здесь хочет джин с тоником»[25].

Несмотря на терпимость к гомосексуалистам, королева-мать придерживается правых взглядов, особенно во всем том, что касается поведения и морали. Она также — сторонница викторианских манер, которые исповедует и Тэтчер. Убеждена она и в необходимости поддерживать конкурентоспособность Великобритании в мире. Ее воззрения очень близки со взглядами самой Тэтчер.

Но не все члены королевской семьи думают так же. Принц Чарльз, который унаследует престол, на протяжении ряда лет

говорил своим друзьям, что он в ужасе от Тэтчер. «Ее подходы поразительно узки и нудны», — отзывался он о ее социальной политике и планах приватизации, которые он считал безжалостными. Он не одобрял сокращения расходов на социальные нужды, на поддержку городов — по его мнению, все это в начале и середине 80-х годов привело к росту безработицы и социальной напряженности, особенно в старых городских районах. Принц Чарльз не соглашался и с ее нравоучительным подходом к управлению страной, и с тем, чтобы вся страна вытянулась по стойке «смирно» и была чистой и ухоженной. Принц Чарльз стремится смотреть вперед, его не вдохновляют достоинства премьер-министров 50-х годов. Что же касается премьер-министра, то она, со своей стороны, давно уже считает принца мягкотелым либералом и не очень умным человеком, не понимающим своего места в жизни.

В последние годы, однако, принц и премьер-министр, больше общаясь друг с другом, нашли некоторые точки соприкосновения. Выяснилось, что оба высоко ценят одного и того же философа — Лоуренса ван дер Поста, принадлежащего к последователям Юнга. В 1988 году, вскоре после трехчасового разговора с Чарльзом, Тэтчер выступила с призывом в пользу охраны окружающей среды — одна из излюбленных тем принца. С тех пор Тэтчер, долгие годы бывшая «врагом № 1» всех энвиронменталистов, многократно высказывалась по различным «зеленым» вопросам, в том числе и по вопросу глобального потепления. По ее инициативе была даже созвана всемирная конференция по вопросу о сохранности озонного слоя; в работе этой конференции приняли участие представители 110 стран.

Принц тоже пошел на уступки — в частности, поддержав выступление Тэтчер в конце 1988 года в Брюггэ, в котором она предупреждала об опасности подчинения Великобритании новой «Европе без границ». И принц, и премьер-министр считают необходимым сохранить присущие Англии специфические ее качества. И потому вполне возможно, что их позиции в будущем сблизятся еще более.

Отношения Тэтчер с принцем несколько облегчаются тем, что тот — мужчина. И наоборот, ее отношения с королевой осложняются как раз тем, что обе они — женщины. Тэтчер обычно испытывает чувство собственного превосходства при сравнении с другими женщинами, и это ощущение передается зачастую другим. В ней есть внутренняя сила, которой нет в других. Она победила в соревновании с жизненными трудностями — другие не смогли этого сделать. Королева сбивает Тэтчер с этой позиции. Премьер-министр не может обходиться с ней так, как она

привыкла обращаться с большинством женщин. По мнению человека, хорошо знающего обеих, «отношения между Ее Величеством и премьер-министром не простые. Возможно, у госпожи Тэтчер сложились бы изумительно легкие отношения с монархом, если бы им был принц Филипп» {7}.

Сама Тэтчер, безусловно, стала бы это отрицать; тем не менее к своим отношениям с королевой она подходит как к своего рода соперничеству. Она уважает монарха и отдает ей должное почтение, однако в то же время убеждена в первостепенности роли премьер-министра. Она готова выслушать монарха, но никогда не станет раболепствовать в вопросах политики, относящихся к сфере компетенции правительства. Несколько лет назад ей довелось смотреть по телевизору дискуссию между королевой и Индирой Ганди, тогдашней премьер-министром Индии. По оценке Тэтчер, дискуссия приняла чересчур политический характер. «Нам в Чекерсе это не очень понравилось», — оценил обеспокоенную реакцию Тэтчер один из наблюдавших ее в тот момент людей {8}. Королеве, как заметил Дэнис Тэтчер, «не следовало бы высказываться подобным образом». Тэтчер согласилась с этим мнением. Вскоре после этого она стала гораздо чаще встречаться с жертвами различных трагедий — прежде это было прерогативой только членов королевской семьи. Перед визитом Михаила Горбачева в Лондон в 1989 году появились слухи, что он пригласит королеву посетить Москву — последнюю из столиц ведущих стран мира, в которой она еще не была. Помощники премьер-министра немедленно торпедировали подобные предположения. Среди причин, выдвинутых в обоснование невозможности для королевы поехать в Москву, было то, что большевики в 1918 году расстреляли Романовых, состоявших в родстве с английской королевской фамилией. На самом же деле причина заключалась в том, что Тэтчер в этот момент вела переговоры. Ей нравился Горбачев, но она хотела добиться от советской стороны максимально возможных уступок. Смысл занятой позиции заключался в том, что Англия пока еще не готова вознаградить Советский Союз визитом королевы. В результате наложенного таким образом вето на поездку королева оказалась в нелепом положении ученицы, обязанной просить разрешения на прогулку до ближайшего городского фонтана. Двор был вне себя от гнева.

В отдельных случаях премьер-министр действовала на основе советов королевы. В середине 80-х годов правительство не торопилось направлять средства и ресурсы на лечение СПИДа и проведение соответствующей разъяснительной кампании среди населения. На обеде в Букингемском дворце в 1986 году королева

спросила лидера оппозиции Нейла Киннока, достаточно ли, по его мнению, делает правительство в вопросах борьбы со СПИДом. Киннок полагал, что нет, недостаточно. Помогло бы делу, если бы я поговорила на эту тему с премьер-министром, спросила королева. Киннок выразил уверенность, что такой разговор оказался бы полезен. Так и поступим, пообещала королева. Месяцем позже правительство образовало при кабинете министров специальный комитет по вопросам борьбы со СПИДом {9}.

Тэтчер и королева как бы ведут постоянный турнир друг с другом на линии, разделяющей их роли и полномочия. При этом и та и другая тщательно избегают какой бы то ни было узурпации прерогатив другой стороны, но и не оставляют ей чрезмерной свободы маневра. Когда и королеве, и премьер-министру предстояло выступить на траурной службе по убитому лорду Маунтбеттену, они заблаговременно обменялись текстами своих речей. Этого требовали приличия. Тэтчер весьма понравился неформальный, трогательный тон проекта речи королевы. Ее собственное выступление, подготовленное лордом Хейлшемом, было написано в стиле Черчилля, от которого Тэтчер становилось дурно. Последовав примеру королевы, она вычеркнула из заготовленного проекта все цветистые фразы, и в результате ее выступление прозвучало как перепев выступления королевы. «Они оказались на равных, — сказал один из близких к Тэтчер людей, знакомый с этим эпизодом. — Но могло бы получиться и иначе. Однако премьер-министр была решительно настроена на то, чтобы избежать любого сравнения. Это была настоящая вспышка соперничества». В другой раз премьер-министр обратилась к королевскому дворцу с вопросом, не следует ли ей и королеве заранее согласовывать друг с другом туалеты в случаях, когда обе они должны появиться на одном и том же мероприятии, с тем чтобы избежать возможного сходства в одежде. В ответ пришла ехидная отповедь: в подобном согласовании, по мнению дворца, не было необходимости — Ее Величество никогда не обращает внимания на то, какие туалеты носит кто-то другой {10}.

Что касается проблем и забот страны, то в этом оценки королевы и премьер-министра имеют между собой много общего. Королева отлично понимала, что когда М. Тэтчер пришла к власти, Англия переживала серьезные трудности. Понимает она и то, сколь многое сделала ее премьер-министр для улучшения экономического положения государства. Она знает также, что премьер-министром движет понимание истинных интересов страны и что обе они — убежденные и страстные патриотки. И тем не менее королева высказывала озабоченность тем, каким

окажется долговременный результат тэтчеровской революции для страны. Не так давно она, в частности, заявила: «Меня волнует, как станут излагать этот период будущие учебники истории» {11}.

Они резко расходятся друг с другом в выборе методов действий. Знающие строй мыслей королевы характеризуют ее как «мягкого тори», консерватора-патерналиста дотэтчеровских времен, неизменно стремящегося к поискам компромисса. Взгляды королевы консервативны, но ей присуще и понимание того, что положение обязывает. Окажись она на месте Тэтчер, она, несомненно, действовала бы мягче и прописала бы менее горькое лекарство для восстановления экономической жизнеспособности Великобритании. Королева не делала секрета из своей обеспокоенности возможными последствиями принятой в 1981 году программы «затягивания поясов», приведшей к тому, что еще более миллиона англичан потеряли работу. Как и многих людей в стране, королеву волновало и то, что жесткие меры экономии усилят разрыв между богатыми и бедными, между Севером и Югом. Тэтчер игнорировала подобные опасения, королева продолжала периодически их высказывать.

Во время забастовки шахтеров в 1984–1985 годах королева дала ясно понять, что, с ее точки зрения, было бы лучше, если бы правительство не упорствовало и пошло на уступки. Тэтчер, преисполненная решимости сокрушить забастовку и ее руководителя Артура Скаргилла, проигнорировала эти советы. Когда на выборах 1988 года лейбористская партия потеряла в Шотландии большое число мест в пользу Шотландской националистической партии, королеве не нужно было долго доискиваться причин. Эти избиратели отвернулись от двух ведущих партий, заявила она, потому что они «ничего не получили» от них и отчаялись добиться какой-либо помощи от Вестминстера.

Самым крупным и самым очевидным предметом разногласий между королевой и премьер-министром в последние годы стал один из вопросов внешней политики, особенно близкий сердцу Ее Величества. Как правило, в делах внешней политики они придерживаются общих воззрений. Единственное исключение из этого правила, однако, — отношение к Содружеству наций. Как символическая глава Содружества и фактическая глава восемнадцати из сорока восьми государств — членов этой организации, королева является страстным сторонником ассоциации бывших британских колоний и зависимых территорий. Ее собственное длительное пребывание на троне дает Содружеству ту первооснову, которой оно бы никогда не

имело как просто неопределенное объединение некоторого числа государств, отдельные из которых временами переживают периоды внутренней нестабильности. Можно сказать, что Содружество — дитя королевы.

Тэтчер же, напротив, считает Содружество вышедшим из моды старьем, для продолжения существования которого мало оснований, будь то политических или экономических. «Она предпочла бы уделять свое время встречам на высшем уровне в рамках «семерки» (наиболее развитых стран Запада) или даже Европейского Сообщества, а не встречам с этими мелкими диктаторами», — считает один из ее ведущих помощников.

Первое столкновение на эту тему произошло вскоре после прихода Тэтчер к власти. Тогда правительство порекомендовало королеве не ездить на встречу глав государств и правительств стран Содружества: проведение встречи в 1979 году должно было состояться в Лусаке, а в соседней Родезии шла в это время гражданская война. Королева Елизавета, однако, не желала признавать подобные аргументы и настаивала, чтобы все шло в соответствии с намеченными планами. Она приехала в Лусаку на два дня раньше Тэтчер, провела встречи со всеми главами делегаций и абсолютно очаровала президента Замбии Кеннета Каунду, который был готов к серьезному столкновению с британским премьер-министром по вопросу о признании режима Музорены (в Родезии. — *Прим. перев.*). Тэтчер надо по праву воздать должное за то, что она пересмотрела свою позицию, и возникший было кризис удалось урегулировать. Но важную роль сыграли и закулисные усилия королевы по смягчению напряженности и расчистке пути к договоренностям. Те, кто непосредственно участвовал во всей этой работе, полагали, что заслуги королевы в данном случае были не меньше заслуг премьер-министра.

Другое столкновение было связано с нежеланием Тэтчер пойти на введение экономических санкций против Южно-Африканской Республики. В 1985 и 1986 годах этот вопрос буквально преследовал премьер-министра и угрожал вызвать раскол в Содружестве. Тэтчер испытывает искреннее отвращение к системе апартеида. По ее указаниям оказывалась помощь ряду африканских прифронтовых государств, часть которых является членами Содружества, — тем из них, которые находились в оппозиции правительству ЮАР. Но премьер-министр убеждена в практической неэффективности экономических санкций. Она считает, что такие санкции в гораздо большей степени вредят черному населению самой ЮАР и граничащих с ней государств, нежели правящему в этой стране белому меньшинству, и что

санкции нанесли бы ощутимый ущерб английской экономике, не оказав при этом ощутимого воздействия на саму ЮАР.

У нее была и чисто прагматическая причина возражать против принятия таких санкций. Английские капиталовложения в ЮАР составляли порядка 18 миллиардов долларов, а годовой товарооборот во взаимной торговле ЮАР и Англии — около 3 миллиардов. При таком объеме экономических связей в случае введения санкций Англия потеряла бы больше, чем любая другая страна, которая поддержала бы санкции {12}. Тэтчер глубоко возмущает положение, когда ее пытаются побудить к каким-то действиям те, кто в случае принятия таких действий сам не понесет серьезных издержек. Критика в ее адрес со стороны Австралии и Новой Зеландии отметалась примерно так же, как отгоняют надоедливых комаров. У Австралии, говорила Тэтчер, вложено в ЮАР лишь 120 миллионов долларов, а Новая Зеландия «вообще не потеряет ни пенса». Она была убеждена, что если Англия пойдет на введение экономических санкций, то другие — например, Япония — займут освободившееся место и наживутся за английский счет.

В июле 1986 года расхождения между королевой и премьер-министром выплеснулись на публику. В роли катализатора оказалась публикация в газете «Санди Таймс», в которой говорилось, что королева в частном порядке высказывает «обеспокоенность» в связи с некоторыми действиями премьер-министра, в частности, ее отказом ввести экономические санкции против ЮАР. В статье — которая, как оказалось, была основана на неофициальной информации, полученной от представителя Букингемского дворца по связям с прессой Майкла Ши, — утверждалось, что, по мнению королевы, положение вокруг этого вопроса может привести к распаду Содружества. В целом, писала газета, «королева считает подход премьер-министра (к этой проблеме. — *Прим. перев.*) непродуманным, конфронтационным и ведущим к расколу в обществе».

Как и следовало ожидать, из дворца последовало немедленное опровержение того, что подобные мысли могли бы быть высказаны кем бы то ни было от имени королевы. Вскоре после этого покинул свой пост Ши, в прочности положения которого ранее ни у кого не возникало сомнений. Но суть высказанного в статье заслуживала доверия, и вся английская пресса начала писать о «конституционном кризисе». Последнее не отвечало действительности. Ни одна из сторон не могла позволить разногласиям дойти до такого кризиса. На Даунинг-стрит статью в «Санди Таймс» назвали «абсолютной чепухой»; в королевском дворце высказались сдержаннее — что статья «не

имеет под собой оснований». Сами королева и Тэтчер сказали и того меньше. Королева Елизавета никогда не дает интервью, а Тэтчер знает, как можно ничего не сказать. В ответ на соответствующий вопрос, заданный ей в парламенте, она сказала: «Я предложила бы следовать доброму примеру моих предшественников и не отвечать на вопросы, прямые или косвенные, касающиеся монарха». Подчеркнуто сдержанная интонация ответа отметала возможность новых вопросов.

Трудно было выбрать худшее время для этого инцидента. Королевская семья готовилась предстать всему миру в своем самом элегантном облике по случаю бракосочетания второго сына королевы принца Эндрю и Сары Фергюсон в Вестминстерском аббатстве. И когда на церемонии бракосочетания Тэтчер досталось — возможно, вполне непреднамеренно с чьей бы то ни было стороны, — место, обзор с которого был гораздо хуже, чем с того, которое досталось популярному певцу Элтону Джону, машина слухов заработала на полную мощность.

Тщательно припоминалось все прошлое, в том числе и конференция стран — членов Содружества в 1985 году в Насау, в центре которой стоял вопрос о мерах против режима апартеида. По телевизору было видно, как королева тепло приветствовала каждого из участников конференции. Но когда она дошла до Тэтчер, ее лицо застыло. Вспоминали и о другой демонстрации в адрес премьер-министра, когда королева лично вручала знаки почетного рыцарства рок-музыканту Бобу Гелдофу, собравшему многомиллионные пожертвования на помощь голодающим в Африке. По протоколу Гелдоф, по национальности ирландец, должен был бы получить эти знаки из рук министра иностранных дел. На другой процедуре такого рода королева, приветствуя вновь посвященных в рыцари, обменивалась краткими репликами с каждым из них. «А где вы служите?» — спросила она очередного награждаемого. «У мадам Тэтчер», — ответил тот. «А…», — сказала королева, сильно ударила его по плечам своим мечом и отпустила, не произнеся больше ни слова {13}.

1986 год оказался самым трудным для премьер-министра. Позднее вопросы Содружества и санкций отошли на задний план. В 1988 и 1989 годах Тэтчер нанесла успешные визиты в страны черной Африки. Она продолжала занимать жесткие позиции по вопросу о санкциях, но тем самым сэкономила Англии многие миллиарды и укрепила уважение к себе в Африке.

Отступала угроза единству Содружества, уходили в прошлое и размолвки с королевой. Когда ранней весной 1989 года прибывший с визитом в Лондон Горбачев пригласил королеву в

Москву, она с удовольствием приняла это приглашение. Тэтчер улыбалась и говорила, что испытывает чувства «счастья и удовлетворения» в связи с этим приглашением со стороны советского руководителя. Королева, поездки которой расписаны на годы вперед, не могла воспользоваться им немедленно. Поэтому впереди было еще достаточно времени, чтобы королева и премьер-министр могли обсудить все его детали на своих традиционных встречах по вторникам, не говоря уж об уик-эндах в Белмореле. Последний из таких уик-эндов, сказала Тэтчер с подкупающей искренностью, был «просто великолепен».

Глава семнадцатая
ОППОЗИЦИЯ РАЗВАЛИВАЕТСЯ

Консерваторы просто провалили 1986 год. Он оказался самым скверным годом для Тэтчер за все время ее пребывания на посту премьер-министра. И приходится только поражаться, что лейбористы не смогли воспользоваться этими обстоятельствами и обеспечить себе отрыв от тори. На протяжении всего года правительство консерваторов находилось практически под непрерывным обстрелом: в связи с делом фирмы «Уэстленд», с крахом «Бритиш Лейланд», с бомбардировкой Ливии, из-за стычек премьер-министра с королевой. Правительство не могло похвастать хорошими новостями и в других вопросах. Экономика несколько приободрилась после фолклендской войны, но до полного ее оживления было еще далеко. Несколько улучшилось положение во внешней торговле. Был взят под контроль дефицит бюджета, начали возрастать капиталовложения. Но 3,3 миллиона англичан — рекордное для истории страны число — все еще оставались без работы. Цена на нефть постепенно снижалась, а это уменьшало поступления от ее добычи в Северном море. Курс доллара по сравнению с фунтом падал, что облегчало импорт в страну. Но безработица, утроившаяся по сравнению с моментом прихода Тэтчер к власти, казалась неразрешимой проблемой.

И по мере того как приближались выборы, которые почти наверняка должны были состояться в 1987 году, единственной хорошей вестью для премьер-министра был развал в лагере оппозиции. Против Тэтчер по-прежнему, как и в 1983 году, совместно выступали официальная оппозиция — лейбористская партия, и Альянс — политический союз либеральной и социал-демократической партий. Но разногласия между ними еще более затрудняли задачу устранения Тэтчер, которая выиграла каждые из двух предшествующих выборов со значительным большинством голосов. Кроме того, каждая из партий оппозиции была еще и внутренне расколота. Все это объективно работало на Тэтчер, которой в этот момент годилась любая возможная помощь.

Первым — правда, непреднамеренно — такую помощь оказал ей Альянс. Центристский и менее идеологичный, чем обе ведущие партии, Альянс либералов и социал-демократов был потенциально опасен для консерваторов тэтчеровского направления, но мог оттянуть часть голосов избирателей и от

лейбористов. В начале 1986 года Альянс — «хорошая партия», как его называли, — получал при опросах общественного мнения до 30 процентов голосов. Но политические разногласия между «двумя Дэвидами» — лидером социал-демократической партии Дэвидом Оуэном и лидером либералов Дэвидом Стилом — привели к тому, что в дальнейшем этот показатель несколько снизился. Оба лидера, хорошие ораторы и опытные политики, отлично понимали, что поставлено на карту. Для того чтобы Альянс мог прочно занять место между консерваторами справа и лейбористами слева, им как его руко водителям следовало свести до минимума разногласия друг с другом. В противном случае Альянс был бы обречен. Стоило только двум ведущим партиям нащупать в нем внутренние разногласия, и Альянс был бы разорван на части. Ни либералы, ни социал-демократы не могли бы порознь обеспечить себе достаточную поддержку среди избирателей. Камнем преткновения для них оказывалась принятая в Англии система непропорционального представительства, при которой партия получает место в парламенте лишь в том случае, если она завоевала его в форме победы конкретного кандидата на выборах. Поэтому достаточно высокая общая поддержка, которая выявилась при опросах общественного мнения, не имела для Альянса практического значения, если бы не удалось трансформировать ее в персональные выигрыши при голосовании и в получение достаточного количества мест в парламенте.

Оуэн и Стил были странной парой. Профессиональный врач, отказавшийся от практики ради того, чтобы стать членом парламента, Оуэн, в 36 лет, поднявшись до поста министра иностранных дел, уходит затем из лейбористской партии. Его выход был в значительной мере вызван несогласием с той политикой в вопросе о ядерных вооружениях, которую проводила лейбористская партия под руководством Майкла Фута. Оуэн был убежден, что Англия не сможет надежно защитить себя, не опираясь при этом на ядерное оружие. Теперь эта позиция подталкивала его к столкновению со Стилом и с либералами, которые считали необходимым отказаться от поддержания небольшого ядерного арсенала страны. Оуэн делал все возможное, чтобы это расхождение во взглядах не привело бы к подрыву и без того непрочного единства Альянса.

Оуэн считал, что на смену устаревающему флоту из четырех подводных лодок, вооруженных ракетами «Поларис» с ядерными боеголовками, должна прийти численно меньшая, но ядерная же альтернатива. Он, однако, не мог бы высказать свои идеи вслух и при этом удержать либералов в Альянсе. Поэтому он предпочитал

высказываться туманно: если сможет быть создано «минимально необходимое европейское сдерживание», которое могло бы включать англо-французское ядерное сотрудничество в той или иной его форме, то тогда он не станет более настаивать на том, чтобы Англия непременно сохранила бы собственные средства сдерживания. Никто не понимал лучше, чем сам Оуэн, что в сформулированной подобным образом позиции была «дыра», в которую проходили бы ракетно-ядерные силы Советского Союза. Но дальше такой формулировки Оуэн пойти не мог, не поступаясь при этом своими убеждениями или не ставя под угрозу интересы единства Альянса.

Стил понимал, что для разработки политики в вопросах обороны, которая была бы приемлема для обеих партий, предстояло проделать еще немалую работу. Он, однако, соглашался с компромиссом, формально поддержал его и попытался добиться его одобрения на конференции своей партии. Он сознавал, что расплывчатая позиция не понравится многим членам партии. Он, однако, к этому моменту уже десять лет как твердо стоял у руля либеральной партии и считал, что сумеет убедить ее последовать за ним в этом вопросе. Но заключительная поправка, внесенная на конференции и состоявшая всего из восьми слов, внезапно вызвала острые дебаты. После трех часов напряженной борьбы вопрос был поставлен на голосование. Руководство партии повело себя при этом достаточно неуклюже. В итоге Стил потерпел унизительное поражение. Большинством всего в 27 голосов — при общем числе голосовавших 1277 — либеральная партия приняла резолюцию, в которой говорилось, что она будет играть более активную роль в поддержке НАТО «при условии, что сдерживающие силы союза будут носить неядерный характер».

Тем самым конференция взорвала тщательно сбалансированную договоренность между либералами и социал-демократической партией. Оуэн был разозлен и тем, как бездарно Стил провел голосование, и его неспособностью управлять собственной партией. Все разногласия, существовавшие внутри Альянса, разом выплеснулись наружу. Ссора оказалась как нельзя кстати для Тэтчер и консерваторов, которым всегда было гораздо труднее противостоять обычно центристскому Альянсу, нежели более левой лейбористской партии.

Пока Альянс залечивал раны, на авансцену выступили лейбористы. На первый взгляд, дела в партии вроде бы складывались неплохо. За те три года, что Нейл Киннок возглавлял партию, он сумел в целом справиться с воинствующим и потому разрушительным ее крылом, вдохнуть в партию новую

жизнь. Он избавился от некоторых устаревших социалистических программных установок, сохранение которых наносило партии политический ущерб.

Он отказался от красного флага как официального символа лейбористов и заменил его более двусмысленной красной розой. При закрытии партийных митингов и съездов делегаты стоя пели теперь не коммунистический «Интернационал», а старый гимн «Иерусалим».

Киннок смог найти удачную линию позитивных нападок на социальную политику Тэтчер, которая повсеместно в стране воспринималась как чрезмерно жесткая по отношению к бедным, больным и престарелым. «Существует моральное большинство, — говорил Киннок. — Оно не узколобо, не эгоистично, не самовлюбленно и не жестоко. У него широкий кругозор, и оно способно к проявлениям сочувствия. Мы обращаемся к этому моральному большинству» {1}.

Кинноку не хватало солидности, опыта и ума. Но когда он останавливался поболтать и пошутить со стариками, это производило впечатление какого-то соболезнования и теплоты, которых так недоставало Тэтчер. Однако одна ошибка, в чем-то сродни той, что парализовала Альянс, обошлась ему очень дорого. На ежегодной конференции лейбористской партии, проходившей осенью 1986 года, делегаты подавляющим большинством голосов подтвердили установку партии на отказ от ядерных средств сдерживания. Сам Киннок был преисполнен решимости избавить Англию от ядерных вооружений. Но большинство англичан вовсе не настроено против ядерного оружия. Учитывая опыт, полученный в двух мировых войнах, англичане верят в полезность Сильной обороны. Даже в теневом кабинете самого же Киннока не было единства по этому вопросу. Поддержка политики отказа от того, что составляло самую сердцевину обороны страны, была сопряжена с очевидным риском. Но когда преемниками Джеймса Каллагана, последнего умеренного лидера лейбористов, партия избрала Майкла Фута и Нейла Киннока, она тем самым отказалась от всякого прагматизма в вопросах обороны.

Призыв лейбористов к одностороннему разоружению вызвал мощную волну критики в их адрес — как в самой Англии, так и со стороны Соединенных Штатов. Каспар Уайнбергер заявил, что план Киннока, предусматривающий постановку на прикол четырех подводных лодок «Поларис», закрытие шести американских ядерных баз в Англии и запрет американским военным кораблям, несущим ядерное оружие, заходить в британские территориальные воды, может привести к ликвидации

союза НАТО. Киннок, утверждал Уайнбергер, опасно играет «со свободой и независимостью народов, с суверенитетом самой Англии и с будущим Европы». Отказаться от ядерного сдерживания значило бы по сути «пригласить другую сторону к нападению». Ричард Пёрл, помощник министра обороны, специалист по вопросам ядерной стратегии и «ястреб», обвинил лейбористов в том, что их политика лишит Запад возможности оборонять Европу. Когда Киннок возразил, что за высказываниями Уайнбергера и Пёрла не стоит авторитет Белого дома, посол США в Англии Чарльз Прайс — доверенный человек Рейгана и очень скрупулезный дипломат — немедленно ответил, что президент разделяет высказанные ими мысли.

Прошли считанные дни, и Тэтчер, разобравшись в фатальных просчетах, которые были в программах главных ее оппонентов, обрушилась на них со всей силой. «В нашей стране сейчас только одна партия проводит политику, способную надежно защитить нацию. Это — консервативная партия!» — заявила она в своем программном выступлении. Тори стоя, громкими криками приветствовали это заявление. Лейбористское правительство превратило бы Англию в нейтральное государство и тем самым обеспечило бы Советскому Союзу «величайшую победу за сорок лет, притом победу без единого выстрела». Премьер-министра не останавливала ни встречная критика в ее адрес, ни плохие показатели в опросах общественного мнения, ни попытка покушения на ее жизнь, ни даже коленка, поврежденная, когда Тэтчер споткнулась на лестнице у входа в конференц-зал. Она продолжала твердить свое. Она была уверена, что лейбористская партия пустила по ветру лучший свой шанс, выпавший ей за многие годы. Тэтчер и министры ее кабинета в своих выступлениях и заявлениях особенно нажимали на тему обороны, делая ставку на приближающихся выборах на настроения антикоммунизма и на сохранение трансатлантических связей. Норман Теббит, председатель консервативной партии и ее самый жесткий оратор, издевался над Киннноком и его сподвижниками: «Похоже, лейбористы более склонны доверять тем, кто вторгся в Афганистан, нежели союзникам Англии, помогающим нам защищать Европу. Но избиратели не дураки. Они чуют падаль, независимо от того, завернута ли она в красный флаг или же спрятана в розах».

Консерваторы создали специальную группу, в задачу которой входило как можно шире пропагандировать позиции лейбористов и Альянса по вопросам обороны. При поддержке этой группы агрессивность самой Тэтчер стала немедленно приносить результаты. Вскоре тори уже почти лидировали в показателях

опросов общественного мнения. В декабре 1986 года Киннок попытался поднять свою популярность и с этой целью отправился в Соединенные Штаты. Однако поездка принесла ему больше вреда, чем пользы. Администрация Рейгана вовсе не намеревалась способствовать кому бы то ни было в том, чтобы подкопаться под человека, известного как лучший зарубежный друг президента. Лидера лейбористов полностью игнорировали, и даже либерально настроенные демократы в конгрессе негативно высказывались в его адрес. В Англию он вернулся в полном отчаянии, сопровождаемый газетными заголовками типа «Киннок против всего мира» (так написала левая «Нью стейтсмен», обычно поддерживающая лейбористов). По словам обозревателя Питера Дженкинса, политику Киннока «невозможно пропагандировать и защищать, ее невозможно будет провести в жизнь, и скорее всего, лейбористская партия не добьется с ней победы на выборах». Главнокомандующий силами НАТО в Европе генерал Бернард Роджерс заявил, что, если эта политика будет принята официально, США могут пойти на вывод из Западной Европы 350 тысяч размещенных там своих военнослужащих.

Возможно, вся эта шумиха постепенно сошла бы на нет. Но 10 декабря Киннок, со свойственным ему упрямством и под влиянием еще более воинственно настроенной жены, сделал новый шаг в прежнем направлении. Он опубликовал «белую книгу» по вопросам обороны, и таким образом его программа в этой области оказалась у всех перед глазами. Документ объемом в десять страниц был самоубийствен. В нем говорилось о намерении демонтировать четыре подводные лодки «Поларис», отказаться от замены их «Трайдентами», потребовать удаления всего американского ядерного оружия с британской земли. Но Англия не собиралась уходить из НАТО подобно тому, как это сделала Франция при де Голле в 1966 году. «Ничего подобного мы не предлагаем», — говорилось в документе. Вместо такого шага лейбористы считали необходимой модернизацию обычных вооруженных сил и вооружений блока.

Логика документа и приведенная в нем аргументация были шаткими. Предполагалось, что средства, сэкономленные за счет отказа от планов перевооружения по программе «Трайдент», смогут быть направлены на иные оборонные цели. Но даже при этом бюджета в 12 миллиардов долларов едва хватило бы для оплаты содержания всего нескольких бригад. А это означало, что не произойдет никаких изменений в соотношении обычных вооруженных сил и вооружений между 38 дивизиями НАТО и 90 дивизиями Варшавского договора. Несколько ранее лейбористы высказали предположение, что размещение на территории ФРГ

противотанковых ловушек, начиненных обычной взрывчаткой, могло бы воспрепятствовать советскому вторжению. Эта идея подверглась таким насмешкам, что в «белой книге» речь шла уже только о возведении «искусственных преград и препятствий». Но и над этими предложениями тоже смеялись. Как социал-демократы ФРГ, так и правящая там консервативная христианско-демократическая партия с первого же взгляда отвергли «белую книгу» Киннока. Содержавшийся в документе призыв к «большей глубине обороны» был, по мнению Бонна, всего лишь эвфемизмом, за которым скрывалась готовность отдать территорию ФРГ на растерзание наступающим силам армий Варшавского Договора ради того, чтобы на этом рубеже оборонять Англию и Францию.

В самой Англии «Файнэншл Таймс», из всех британских газет наименее склонная к демагогии, назвала план Киннока «явной чушью». Некоторые из членов лейбористского теневого кабинета, возглавляемого лидером партии, были в возмущении от этого документа и пытались доказать, что он не отражает действительных взглядов партии, ссылаясь при этом на Гарольда Вильсона, который победил в избирательной кампании 1960 года на платформе ядерного разоружения, но, придя к власти, проигнорировал собственные обещания. Их коллеги — сторонники более жесткой линии — утверждали, что Киннок — не Вильсон и сказал то, что думает на самом деле. «На этот раз мы не обманем», — обещал Лэрри Уитти, генеральный секретарь лейбористской партии {2}.

Но лейбористов ждали и другие дурные вести: в экономике начинался подъем. Данные самого последнего времени показывали, что утверждения лейбористов, будто политика Тэтчер привела к расстройству финансов страны, могут оказаться бездоказательными. В октябре 1986 года безработица сократилась на 96 тысяч человек, — самое большое ее сокращение за пятнадцать месяцев кряду. Если эта тенденция продолжится, то к моменту выборов весной следующего года безработица опустилась бы ниже трехмиллионной отметки, имевшей важное психологическое значение. По мнению министра по делам занятости Кеннета Кларка, «положение с занятостью становится лучше. Есть все признаки того, что экономика Англии снова приглашает людей к рабочим местам». Улучшались и другие экономические показатели: инфляция сократилась до 3 процентов. Расходы потребителей выросли по сравнению с 1985 годом на 6 процентов. Объемы промышленного производства увеличились на 1,2 процента, что стало самым большим квартальным приростом за все время после 1980 года. После

многомесячного дефицита во внешней торговле наконец появилось положительное сальдо в 132 миллиона долларов.

В ожидании экономического подъема Тэтчер использовала свои полномочия и несколько ослабила отдельные из самых жестких своих программ. При всем своем «викторианском стиле» и упоре на то, что «назад мы не повернем», премьер-министр доказала, что она умный и гибкий практик, чутко улавливающий настроения улицы и способный менять тактику игры, когда это отвечает ее интересам и целям. Она пошла на заметное повышение зарплаты государственным служащим, рабочим, занятым в муниципальных службах и коммунальном хозяйстве, а также пожарным. Учителя, которые уже год как погрязли в бесплодных спорах о повышении зарплаты, удовлетворились повышением на 22 процента в течение двух лет. Найджел Лоусон объявил о предполагаемом росте правительственных расходов в течение последующих двух лет на 14,5 миллиарда долларов. Львиная доля этой суммы должна была пойти на нужды образования, здравоохранения и на финансирование социальных программ, то есть в те сферы, за чрезмерное сокращение расходов на которые Тэтчер критиковали особенно сильно. Самые мощные тезисы предвыборной кампании лейбористов отпадали один за другим.

Трудности, испытываемые лейбористами, еще более усугубились после того, как Киннок предпринял попытку еще сильнее урезать влияние воинственного левого крыла партии. Умеренные приветствовали эту попытку. Однако вести кампанию против воинствующей части партии — далеко не то же самое, что избавиться от этой части вообще. Попытка вытеснить их из партии привела к неприятной межфракционной борьбе в рядах лейбористов. И одновременно исчезали последние сомнения в том, что премьер-министр вскоре назначит дату всеобщих выборов.

Ее решение было ускорено результатами промежуточных выборов, которые состоялись в феврале 1987 года в Гринвиче, всего в четырех милях вниз по Темзе от моста у Тауэра. Городок этот более известен как точка, от которой ведется отсчет поясов времени во всем мире. Долгое время место в парламенте от этого городка занимал лейборист. Его кончина потребовала новых выборов. Поначалу опросы свидетельствовали, что кандидат от лейбористской партии уверенно лидировал в этом округе, далеко оторвавшись от кандидатов Альянса и консерваторов. Но подсчет голосов показал, что лейбористы потеряли место, которое они удерживали на протяжении 42 лет. Тысячи умеренных избирателей, ранее голосовавших за лейбористов, на этот раз

поступили иначе в знак протеста против крайне левых позиций кандидата от этой партии. В отличие от своего пользовавшегося популярностью предшественника, Дейдра Вуд поддерживала почти любое предложение о расширении чьих-то прав и привилегий. Так, она разделяла требования сторонников ядерного разоружения и сторонников прав гомосексуалистов. Она призывала местные школы оказывать материальную помощь лагерям палестинских беженцев и предлагала пригласить в Гринвич для выступлений представителей партии «шинн фейн» — стоящего вне закона политического крыла ИРА. Она выступала за прекращение членства Великобритании в НАТО. И в довершение всего, она вела себя вызывающе, временами оскорбительно, что вряд ли можно считать достоинством кандидата в эпоху телевидения. Однако не ее манеры, а ее экстремизм перечеркнул все ее шансы на победу в округе, издавна считавшемся надежно лейбористским.

Избирательная кампания сфокусировала внимание на той роли, которую играло в лейбористской партии ее левое крыло. Выдвижение кандидатуры Вуд продемонстрировало неспособность партии верно оценить настроения избирателей, а также и ее внутреннюю неорганизованность. Уроки этого провала невозможно было не заметить. Казначей лондонской городской организации лейбористской партии Брайан Николсон выразился так: «Избиратели показали, что они не намерены голосовать за лунатиков». Даже Киннок был вынужден признать, что «это очень плохой результат».

Консерваторы отзывались о Вуд и идеологически родственных ей деятелях как о «левых лунатиках». Киннок, стремившийся отделить их от основного ядра членов партии, называл их «чокнутыми». «Они не доминируют в партии, и нет ни малейшего шанса, что они смогут в ней доминировать», — утверждал он. Но само их присутствие в рядах лейбористов обеспечивало Тэтчер и ее команде отличную, легко уязвимую мишень для ударов. Не подлежит сомнению, что они сильно повредили возможностям партии на выборах. В середине января лейбористы опережали консерваторов на 5 процентов. Через два месяца, после того как тори обрушились на «белую книгу» лейбористов по вопросам обороны и на «левых лунатиков», лейбористы неожиданно для себя обнаружили, что они отстают от консерваторов на 6 процентов. Более ответственная, умеренная часть партии, которая с приливом оптимизма поддержала усилия Киннока, направленные на модернизацию лейбористского движения, была поражена внезапностью этого отката назад. Часть сторонников партии начала переходить в Альянс и даже к

консерваторам. По мнению члена парламента от лейбористской партии Джона Эванса, «среди подавляющего большинства членов партии росло осознание того, что настала пора привести политику партии и взгляды ее представителей в соответствие с тем, что думают наши старомодные трудящиеся».

Воинствующие радикалы были немногочисленны. Большинство оценок сходилось на том, что их не больше 5 процентов от общего числа активных членов партии Но в силу партийности британской прессы, прежде всего большинства консервативных газет, именно их взгляды попадали в центр общего внимания. Представители левого крыла, энергично работавшие в муниципальных советах всего лишь двух примерно десятков городов и поселков, отражали интересы небелого населения, иммигрантов, живущих в городских центрах. Некоторые из их требований были, мягко говоря, экзотичны, особенно в сопоставлении со взглядами основной части страны. В Уолтхэм Форест — районе на северо-востоке Лондона — некоторые школы требовали от своих учеников в обязательном порядке изучения языка какой-либо страны «третьего мира» — например, пенджабского или суахили. В Ньюхэме — восточная часть Лондона — над зданием районного совета развевались флаги Африканского национального конгресса — негритянской оппозиционной организации в ЮАР и СВАПО — партизанской группировки в Намибии. Тем самым заявлялась позиция района по отношению к политике апартеида. Район Ламбет, расположенный на другом берегу Темзы, напротив парламента, объявил себя побратимом с поселком в Никарагуа и с одним из пригородов Москвы, «безъядерной зоной» и ввел у себя штатную оплачиваемую должность чиновника «по вопросам мира и ядерным проблемам».

К началу весны 1987 года оппозиция быстро теряла доверие со стороны населения. Тэтчер пожинала плоды, одновременно широко рекламируя и благоприятные сдвиги в сфере экономики. Прошло восемь лет, и вот ее программы начали приносить результаты. Налоги от растущих прибылей корпораций и с увеличивающихся расходов потребителей пополняли счета министерства финансов. Когда в середине марта министру финансов Найджелу Лоусону предстояло сделать доклад об очередном бюджете правительства, в его распоряжении было для раздачи почти 8 миллиардов долларов. Не спеша, за 69 минут, потягивая на трибуне из стакана белое вино, он разъяснил, что правительство сокращает подоходные налоги, правительственные займы и намерено сократить учетные ставки. Самая низкая налоговая ставка уменьшилась с 29 до 27 процентов. Сократились

некоторые другие виды налогов — например, на доходы престарелых и на малые компании, что оставило в карманах населения еще 4 миллиарда долларов. Лоусон не стал раздражать англичан повышением налогов на спиртные напитки, табачные изделия и бензин. Предполагаемые правительственные займы с целью стимулировать капиталовложения со стороны корпораций должны были быть сокращены с 11 до 6 миллиардов долларов. Едва успел он положить на трибуну текст своего выступления, как лондонская биржа немедленно среагировала, показав рекордный прирост деловой активности за день. Курс фунта стерлингов поднялся до доллара шестидесяти центов — самого высокого уровня за последние пять лет.

Англия поднималась с больничной койки. Бесспорно, оставалось еще немало проблем. Безработица еще превышала три миллиона человек, но сокращалась на протяжении семи месяцев подряд. Национальное здравоохранение, система образования, положение в центрах городов[26] требовали принятия серьезных мер. Темпы экономического роста в Англии весной 1987 года составляли, в расчете на год, 3 процента. Это был самый высокий показатель в Европе и вдвое больше, чем когда Тэтчер пришла к власти в 1979 году. Если бы ситуация продержалась так какое-то время, а выборы были бы проведены по возможности быстро, Тэтчер снова оказалась бы непотопляемой.

Прежде всего предстояли серьезные дела во внешней политике. Михаил Горбачев пригласил ее в Москву. В марте прошлого года она встречалась с советским партийным руководителем в Кремле как раз в то время, когда Киннок направлялся в Вашингтон, стремясь подправить свое международное реноме.

Тэтчер снова чувствовала себя уверенно и на коне. Все становилось на свои места. Она не сомневалась, что победит на выборах, на какое бы время она их ни назначила. Прежние разговоры о том, что она пробудет у власти только два срока и затем уйдет, были быстро забыты. Теперь она уверенно планировала себе полный третий срок пребывания у власти. А что потом? Она хорошо понимала, что цыплят считают по осени, и всегда помнила высказывание Гарольда Вильсона: «неделя в политике — большой срок». Но некоторым из своих друзей Тэтчер призналась: да, она всерьез думает не только о третьем, но и о четвертом сроке.

Глава восемнадцатая
МЭГГИ И МИХАИЛ

Одной из причин той уверенности, с которой подходила Тэтчер к своей третьей избирательной кампании, были прочные отношения, сложившиеся у нее с Рональдом Рейганом и Михаилом Горбачевым. У этого «трио» был исторический прецедент: «тройка» Черчилль — Рузвельт — Сталин. Но тогда сотрудничество вынуждалось условиями войны, и участие Сталина в этой группе всегда казалось противоестественным. Нынешняя же американо-советско-британская «триада» никак не вызывала подобных противоречивых ощущений. Умело развивая отношения, проявляя внимание к деталям и просто используя везение, Тэтчер сумела протиснуться в диалог сверхдержав. Зто потребовало от нее определенных усилий, но дело того стоило. Укрепление личных контактов с Горбачевым и Рейганом повысило международный престиж и самой Тэтчер, и Великобритании. Войдя в этот круг избранных, Тэтчер тем самым обеспечила за Англией способность сохранить собственные, столь важные для страны независимые ядерные силы сдерживания. Кроме того, благодаря ухищрениям и кропотливой работе Тэтчер британские взгляды снова обретали вес, а страна — особый статус среди союзников Англии и в Западной Европе.,

Тэтчер никогда не обманывала себя и не пыталась создать у кого-то впечатление, будто она на равной ноге с лидерами двух сверхдержав. Не пыталась она и играть между ними роль какого-то посредника или арбитра. По вопросам отношений между Востоком и Западом она всегда твердо солидаризировалась с Рейганом как верный партнер, помогающий поддерживать решимость, иногда явно недостаточную, среди западноевропейских членов Североатлантического союза. Но Тэтчер обладала способностью честно передавать взгляды одного руководителя другому и некоторыми другими качествами, которые делали дружбу с ней весьма ценной для обоих лидеров. По отношению к Горбачеву Тэтчер обеспечивала уникальный канал двустороннего общения с Западом и, в какой-то мере, была для него своего рода интеллектуальным наставником. Тэтчер и Рейган разделяли одни и те же взгляды и убеждения. Но Тэтчер и Горбачев говорили на одном и том же языке — даже если при этом кричали друг на друга, что случалось нередко.

Горбачев считал Маргарет Тэтчер самой жесткой из всех

руководителей стран Запада. Но с ней не была связана прямая и непосредственная угроза его стране; к тому же она не только была настроена с ним на одну волну, но и, как видный деятель Запада, имела возможность постоянного доступа к Рейгану. То обстоятельство, что при этом она была еще и женщина, облегчало их взаимоотношения. Горбачеву, как и Рейгану, нравятся сильные женщины; и он сам женат на женщине такого типа. Налаживая, а потом и закрепляя отношения с советским президентом, Тэтчер полагалась не только на свои ум и силу, но и на женское очарование и на свою способность к легкому флирту.

В Тэтчер и Горбачеве на удивление много общего. Оба юристы. Оба имеют ученую степень: Тэтчер — в химии, Горбачев — в сельском хозяйстве. Оба выходцы из провинции, в студенческие годы оба активно занимались общественной работой. И оба совершили быстрое восхождение на самую вершину власти вопреки многим противодействующим обстоятельствам. Тэтчер на пять с половиной лет старше Горбачева. Ей было 53 года, когда она стала премьер-министром; Горбачеву исполнилось 54 за несколько дней до того, как он был избран Генеральным секретарем. Оба оказались по-своему первыми: Тэтчер — первой премьер-министром женщиной в обществе с четко выраженной традицией мужского доминирования. Горбачев же — первым после Ленина советским руководителем действительно революционного типа, резким контрастом по сравнению с поколением семидесятилетних. Оба стремились изменить ход событий в странах, переживающих нисходящее развитие; оба пытались найти решение серьезных системных проблем, имея мало на что опереться, кроме собственной решимости и мужества. Обоими гораздо больше восхищались за рубежом, нежели в своей собственной стране.

По мере того как Тэтчер лучше узнавала Горбачева, она укреплялась в мысли, что Запад искренне заинтересован в его успехе. Более доступный в общении и более рациональный, нежели Хрущев, и в то же время более творческий, прагматичный и жесткий, чем Брежнев, Горбачев, с точки зрения Тэтчер, олицетворял собой наилучшие шансы на возможность перемен к лучшему в Советском Союзе. Тэтчер считала, однако, что Запад не должен (в поддержке таких перемен. — *Прим. перев.*) заходить слишком далеко или же поддаваться тому, что она презрительно называла эйфорией от пустых обещаний и необоснованных иллюзий. Тэтчер отказалась поддержать предложение Западной Германии об оказании Горбачеву широкой программы экономической помощи: по ее мнению, этот план давал бы советскому лидеру слишком много и слишком быстро.

Тэтчер готова оказывать помощь и поддержку Горбачеву только на условиях взаимности — если в ответ она получит ощутимое сокращение угрозы Западу, например, или же улучшение положения с правами человека, или более благоприятную атмосферу для экономических и торговых отношений. Она готова поддержать организацию совместных предприятий, оказать помощь в подготовке кадров менеджеров, если все это нужно Советскому Союзу. Но, по ее убеждению, в долговременной перспективе улучшение экономического положения в России должно быть чем-то выгодно Англии. Давать что-то за просто так никогда не было философией Тэтчер — ни в жизни, ни на переговорах.

Реформы, начатые Горбачевым, «могут оказаться обратимы», подчеркивала Тэтчер, «если он не сможет дойти до создания во многом иной политической структуры». Она готова поддерживать его намерения. Но она понимает, что оборона Запада не может строиться только на личности советского руководителя, политическое выживание которого никто не гарантирует. По ее словам, «если Горбачев почему-либо не добьется успеха, а Запад демонтирует оборону, основывая свою политику на надеждах, а не на необходимости защищать свободу, — то могут потребоваться годы, прежде чем мы сумеем снова вернуться к нынешнему уровню безопасности» {1}.

Тэтчер сложно оценивать Горбачева: при всех их спорах и различиях в убеждениях, ей лично Горбачев глубоко симпатичен. Она выделяет его из всех политических руководителей, с которыми ей приходилось общаться, прежде всего за ум и мужество. И похоже, что советский лидер испытывает по отношению к ней сходные чувства. «Личная симпатия», — ответил советский представитель Геннадий Герасимов, когда ему был задан вопрос о том, что лежит в основе отношений между Тэтчер и Горбачевым {2}. Эта симпатия была очевидной начиная с их самой первой встречи в декабре 1984 года. Тэтчер понимала, что ей предстоит познакомиться не с еще одним невменяемым представителем брежневской школы. Она хорошо изучила все, что смогла узнать о Горбачеве заранее. Она знала, что вскоре после того, как в середине 1984 года он стал председателем Комиссии по иностранным делам Верховного Совета СССР, Горбачев присутствовал на похоронах лидера Итальянской коммунистической партии Энрико Берлингуэра и произвел на итальянцев большое впечатление своей откровенностью. «Создавалось впечатление, что он очень критически оценивает положение в Советском Союзе, — вспоминает один из соратников Берлингуэра, Антонио Рубби. — Он говорил, что в стране

слишком далеко зашла централизация». Столь же откровенен был Горбачев и годом раньше во время поездки в Канаду. Когда кто-то упомянул об Афганистане, Горбачев ограничился лишь словами: «Это была ошибка» {3}.

Все эти подробности были в досье, полученном Тэтчер в декабре того года. Как и упоминание о том, что Горбачев любит стихи Пушкина и Лермонтова, может читать их на память (сама Тэтчер читала на память стихи Китса и Киплинга). Тэтчер с детства ненавидела социализм и советскую систему; но в новом советском руководителе она почувствовала большой потенциал. До знакомства с Горбачевым Тэтчер в общем-то плохо представляла себе СССР. Несколько коротких поездок не изменили ее неприязни и недоверия к тому, что Рональд Рейган называл «империей зла». Когда ее впервые избрали премьер-министром, Тэтчер отрицательно относилась ко всему, что поддерживал Советский Союз. Ее не интересовали встречи и даже просто разговоры с официальными лицами из СССР и стран Восточного блока. После советского вторжения в Афганистан в декабре 1979 года она запретила министру иностранных дел лорду Каррингтону наносить запланированный визит в Москву. «Я не разрешаю вам вести какие бы то ни было дела с этими русскими», — были ее слова.

Перемены в отношении Тэтчер к Москве произошли лишь после того, как один за другим скончались несколько советских руководителей. После смерти Генерального секретаря Юрия Андропова в феврале 1984 года Тэтчер задалась вопросом, кто может стать его наиболее вероятным преемником. 8 должность вступил Константин Черненко, но было ясно, что этот больной старик — лишь временная фигура. Внешнеполитические советники назвали премьер-министру три других имени: Григорий Романов, руководитель Ленинградской партийной организации; Виктор Гришин, руководитель парторганизации Москвы; и Горбачев, специалист по сельскому хозяйству, самый молодой из членов Политбюро. Тэтчер хотела разобраться, кто из них имеет наибольшие шансы на приход к власти. В Москву отправились порученцы, сообщившие, что, если советская сторона намерена направлять какую-либо делегацию, в Лондоне были бы рады принять во главе ее Горбачева или Романова.

Руководителем делегации был назначен Горбачев. По словам одного из работников Форин-оффиса, «мы знали, что у него было до этого мало контактов с Западом. Но знали мы и то, что он явно отличался от других и обладал большими потенциальными возможностями». Тэтчер готова была затратить на подготовку любые время и усилия, только бы встреча прошла успешно. Она

сознательно решила принимать его так, как если бы он уже был новым советским руководителем. Как один из знаков внимания, она наметила проведение переговоров в Чекерсе, а не на Даунинг-стрит. Там было уютнее, спокойнее, туда приглашали лишь немногих иностранных гостей. Никто из советских визитеров там никогда не бывал.

С того самого момента, как Горбачев и его жена Раиса вышли из сверкающего ИЛ-62 в аэропорту Хитроу, англичане поняли, что это действительно человек иного, не традиционного плана. Он был одет в отлично сшитый костюм, приветливо улыбался. Раиса, о которой мало что было известно, готовилась к роли «первой леди» Советского Союза. Раньше ей не приходилось принимать участие в официальных визитах.

Горбачевы поразили обычно флегматичных англичан. Он удачно шутил и уверенно чувствовал себя в спорах с депутатами во время встреч в парламенте. Произвело впечатление и то, что он читал «В коридорах власти» Ч. Сноу. Во время посещения Британского музея, в котором Карл Маркс работал над «Капиталом», он пошутил: «Если кому-то не нравится Маркс, это Британский музей виноват». Он заказал несколько костюмов у «Дживса и Хоуке», консервативных и знаменитых портных, которые шьют военную форму нескольким поколениям членов королевской семьи. Серьезной покупательницей оказалась Раиса. Вся бульварная пресса Англии была поражена тем, что она оказалась обладательницей «золотой» кредитной карточки «Американ экспресс», что она купила алмазные сережки стоимостью в 1780 долларов и тем, что отказалась от поездки на могилу Карла Маркса, чтобы вместо этого осмотреть коллекцию корон и королевских драгоценностей в лондонском Тауэре. Тэтчер еще предстояло убедиться, что Раиса — серьезная и умная женщина, правда, иногда высказывающаяся слишком резко и прямолинейно.

Когда Горбачевы прибыли на ужин в Чекерс, Тэтчер встречала их на крыльце. Присутствовавший при этом помощник вспоминает: «С первого же момента он произвел очень сильное впечатление. Он как бы излучал силу, сконцентрированную энергию. Он охотно улыбался, у него очень подвижное лицо — а не маска, как у Громыко, — и он всегда готов пошутить».

Появились фотографы. Тэтчер заботливо расставила всех по местам, в том числе и Горбачева, придерживая его под локоть и указывая ему таким образом, где встать. За обеденным столом она усадила его справа от себя, и разговор — через переводчика — начался немедленно. До еды они оба почти не дотронулись. Отныне это становилось правилом: встречаясь, они каждый раз

настолько увлекались разговором, что на еду не оставалось времени.

После кофе Раиса поднялась наверх осмотреть галерею, которую называли «Длинной» и в которой были собраны бесценные старинные рукописи, первые издания редких книг и письма, написанные от руки самим Наполеоном. Премьер-министр пригласила Горбачева в гостиную, со стен которой смотрели портреты кисти Констебля и Рейнольдса. Они не уселись официально за столом, а пододвинули кресла к камину. Александр Яковлев — бывший послом СССР в Канаде, когда Горбачев посетил эту страну, — устроился с тарелочкой малины на белом диване. Представитель Министерства иностранных дел по связям с печатью, впоследствии ставший советским послом в Лондоне, Леонид Замятин вел запись беседы. Советский посол не присутствовал. Горбачев ни разу не обратился ни к одному из своих помощников. Он вел беседу совершенно самостоятельно, и этот факт не ускользнул от внимания Тэтчер.

С самого же начала Горбачев достал пачку карточек размером примерно семь на двенадцать сантиметров, написанных его рукой и перетянутых резинкой. Он извинился, что его приезд, возможно, нарушил воскресные планы премьер-министра, и рассказал анекдот. На Кавказе, сказал он, местные жители не могут жить без гостей — как без воздуха. Но если гости засиживаются, хозяин начинает задыхаться. Тэтчер улыбнулась: ее время не ограничено.

Говоря, он время от времени обращался к карточкам. Что-то в его записях было жирно подчеркнуто, что-то обведено кружком. Он сказал, что говорит по поручению Черненко; но, упомянув имя больного советского руководителя еще раз, больше не возвращался к нему. Остановившись на вопросах разоружения, Горбачев показал понимание тех тревог, которые волновали Тэтчер. Он подчеркнул, что не ставит своей целью отколоть Англию от Соединенных Штатов, как-то подорвать их взаимоотношения. Он процитировал Пальмерстона — что «у Британии нет вечных друзей, есть лишь вечные интересы» — и сказал, что согласен с этой мыслью. Тэтчер понимала, что, какими бы ни были его слова, на самом деле он забрасывает пробный шар, пытается нащупать расхождения между позициями Англии и США, которыми потом можно было бы воспользоваться. Она, однако, решила не вступать в спор и продолжала слушать дальше {4}.

Позднее они согласились, что бессмысленно пытаться перетянуть другого на свою сторону. Горбачев процитировал некоторые из высказываний Тэтчер, а затем задал ей вопрос, что

она думает о Соединенных Штатах: «Что это за люди? Сможет ли СССР добиться прогресса в делах с таким человеком, как президент Рейган?» Многое из того, что он знал и слышал о Рейгане, вызывало его серьезную озабоченность. К тому же именно в это время были опубликованы документы Совета национальной безопасности США, показывавшие, что в период, когда США сохраняли ядерную монополию в 40-е и 50-е годы, они рассматривали возможность нанесения ндерных ударов по нескольким советским городам.

Премьер-министр ответила, что она хорошо знакома с Рейганом. По ее убеждению, президент США искренне не хочет войны. Он страстно верит в право человека и народов строить свою жизнь по собственному выбору. Рейган разочарован тем, что Брежнев не пошел на переговоры с ним в течение его первого срока пребывания у власти, сказала Тэтчер. Ей нравилась прямота Горбачева. В прошлом встречи с советскими деятелями начинались обычно с долгого вступительного слова, на которое другая сторона отвечала столь же долгим собственным вступлением. Горбачев же говорил кратко, и его вступление заняло всего двадцать минут. Ответ Тэтчер — двенадцать минут, после чего они перешли непосредственно к диалогу. Тэтчер удивило и то, что в высказываниях Горбачева не было пропагандистских клише. Он непредубежденно смотрел на проблемы, диалектически анализировал их, свободно говорил и спорил. Иногда он делал паузу, чтобы обдумать сказанное Тэтчер, а она в этот момент вставала и подбрасывала дрова в камин.

Горбачев высказывал озабоченность по поводу «стратегической оборонной инициативы» США (СОИ), вновь и вновь возвращаясь к этой теме. Тэтчер старалась развеять его опасения. Близилось начало второго срока пребывания Рейгана у власти. По ее мнению, в начинающейся второй части его правления для Рейгана будут особенно важны вопросы контроля над вооружениями и сокращения напряженности в отношениях между Востоком и Западом. На протяжении предшествующих двух-трех лет в этих отношениях возник застой. Теперь же, считала Тэтчер, открывается уникальная возможность для переговоров.

Их беседа не была лишь легкой и приятной. Были вопросы — например, военно-политические или связанные с правами человека, — в которых они, соответственно общим взглядам и убеждениям того и другого, расходились очень резко. Но диалог в Чекерсе положил начало традиции, когда их встречи и беседы оказывались одновременно и очень напряженными, и насыщенными. Ни один не хотел отступать. Оба поочередно

наносили и отражали удары, прощупывали позиции друг друга. Но оба высоко ценили откровенность этих бесед и отличную подготовленность каждой из сторон. «Мне никогда не приходилось беседовать с советским политиком, который был бы похож на него, — вспоминала впоследствии Тэтчер, и ее голос не мог скрыть удивления. — С первого же мгновения мне стало ясно, что Горбачев представлял особое поколение советских политических деятелей. Больше всего бросалась в глаза его колоссальная уверенность в себе. Это было совершенно непривычно. Обычно вы не вступаете в столь откровенный и прямой диалог с кем-то, кого вы видите первый раз в жизни. Но мы с самого начала заговорили именно так».

Их беседа продолжалась три с половиной часа. К огорчению записывающих, они ни разу не прервались — хотя бы для того, чтобы воспользоваться туалетом. Помощники Тэтчер знают, что она способна обходиться без него очень долго — «королевский мочевой пузырь», как они выражаются, — но они не думали, что и советский гость обладает такими же способностями. По прошествии трех часов Тэтчер напомнила: «У вас какая-то следующая встреча в Лондоне». «Неважно, — ответил Горбачев, — я с гораздо большим удовольствием продолжу наш разговор». Когда наконец беседа завершилась, оба выглядели уставшими, опустошенными, но, несмотря на остроту спора, улыбались. Тэтчер высказалась одобрительно: «Мне понравился Горбачев. Мы сможем работать вместе». Вскоре весь мир придет к выводу, что с Горбачевым можно работать вместе. Но Тэтчер поняла это первой, и он не забыл высказанной ею оценки.

Почти сразу же после этой встречи Тэтчер отправилась в кругосветное путешествие, в ходе которого посетила Пекин, Гонконг и Вашингтон. Она подробно рассказала Рейгану о Горбачеве и оставила ему краткую — на трех страничках через один интервал — запись беседы в Чекерсе.

Горбачев еще оставался в Лондоне, когда она уже улетела. Проезжая как-то по Уайтхоллу по пути из парламента, он попросил остановить машину на Даунинг-стрит. Ему не доводилось здесь бывать. Он вошел на узкую улицу, постоял у дома № 10, посмотрел на знаменитую черную дверь с молотком для стука, сделанным в форме львиной головы. И прежде чем сотрудники премьер-министра сообразили, кто это, и выскочили пригласить его в дом, Горбачев уже уехал в своем сверкающем бронированном ЗИЛе ручной работы.

Меньше чем через три месяца скончался Константин Черненко. За последние 28 месяцев это была уже третья смерть высших советских руководителей. У власти встал Горбачев, и

никто на Западе не знал и не понимал его лучше, чем Тэтчер. Ей снова повезло. Она приехала на похороны в Москву и стояла на сильном морозе около Мавзолея Ленина вместе с руководителями других государств. Рядом с ней стоял ее охранник, верзила Рэй Паркер, старший полицейский офицер из Скотланд-ярда. Карманы его пальто сильно оттопыривались. Русские в толпе подталкивали друг друга и перешептывались, явно полагая, что он здорово вооружен. Потом, уже в Кремле, Тэтчер жестом подозвала Паркера, нагнулась, стянула с себя сапоги и протянула руку. Паркер достал из своих карманов пару туфель на высоких каблуках.

Тэтчер отправилась в эту поездку лишь затем, чтобы показать Горбачеву свое уважение. Они беседовали в течение часа, но вместе с Горбачевым были прежние помощники Черненко, в их числе ветеран — министр иностранных дел Андрей Громыко и внешнеполитический советник Брежнева Андрей Александров-Агентов. Встреча принесла мало результатов. К Горбачеву стояла длинная очередь государственных руководителей, съехавшихся из всех стран и стремившихся непременно увидеться с ним. Горбачев пошутил с Тэтчер: взяв ее под руку, провел на удобное для кремлевских фотографов место точно так же, как она сделала это в Чекерсе. Она ответила, что поняла, — и оба рассмеялись, оставив в растерянности помощников, не уловивших смысл шутки.

Рональд Рейган смог лично оценить нового советского руководителя во время встреч на высшем уровне в Женеве в 1985 году и в Рейкьявике в 1986-м. Во время обеих этих встреч беседы президента с Горбачевым были короткими и носили общий характер. Первая же беседа Тэтчер с советским лидером, напротив, была очень продолжительной и детальной. Она с нетерпением ожидала второй встречи, которая должна была состояться в Москве в конце марта 1987 года, всего лишь за два месяца до очередных общенациональных выборов в Англии.

Тэтчер никогда не готовилась к встречам столь тщательно, как на этот раз. «Я нервничала, — признает она. — И это было куда больше, чем просто волнение, потому что предстоящая встреча была очень важна» {5}. Она запросила у советского посольства в Лондоне переводы всех выступлений Горбачева и прочитала их все, делая пометки на полях. Это заняло несколько дней. «Очень длинные выступления, — вздыхала она. — Думаю, английская аудитория их бы не вытерпела». После этого она провела в Чекерсе однодневное совещание со специалистами по Советскому Союзу.

В Москву она прилетела в серый и снежный мартовский день.

На ней была великолепная меховая шляпка. И как всегда, ее сопровождали лишь несколько помощников. Горбачев встретил ее как старого друга, и они сразу же занялись делом. Некоторые из бесед — проходившие за небольшим столом посреди одного из красочных залов Кремля — продолжались без перерыва по четыре часа. На официальные переговоры время почти не тратилось. В беседах участвовали только два лидера, которые обращались друг к другу соответственно «премьер-министр» и «генеральный секретарь», а также по одному переводчику и одному записывающему беседу с каждой стороны. Записывающий с английской стороны, Чарльз Пауэлл потом вспоминал, что беседы напоминали «день английского лета — то гроза, то солнечно». Тэтчер охарактеризовала их как «весьма интенсивные, но всегда корректные». «Когда мы беседуем с Горбачевым, «дипломатических расшаркиваний» не бывает. Мы сразу же начинаем говорить о деле», — уточнила премьер-министр.

Бурные моменты бывали очень бурными. Они орали друг на друга, причем иногда их лица разделяли лишь считанные сантиметры. Записывавшие беседу озабоченно переглядывались между собой: не оборачивается ли дело скандалом? Но когда напряженность достигала предела, именно Горбачев неизменно прекращал спор. За вспышкой страстей следовал взрыв хохота, и накал спадал. Как-то вечером, после переговоров, они присутствовали на балете в Большом театре. Во время антракта в буфете они настолько увлеклись обсуждением проблем сотрудничества между Востоком и Западом в области сельского хозяйства, что второе действие «Лебединого озера» началось с опозданием на двадцать минут — когда они снова заняли свои места в зале. В другой раз на банкете в Кремле они в течение двух часов игнорировали всех прочих гостей и занимались только друг другом, чем-то напоминая любовную пару, не замечающую никого и ничего вокруг. Они брали что-то со своих тарелок и оживленно беседовали, то наклоняясь друг к другу, то отстраняясь, кивая головой, то переходя почти на шепот, то дотрагиваясь — и при этом все время обращаясь друг к другу по официальным титулам. «Потрясающая взаимная симпатия», — заметил представитель премьер-министра по связям с печатью Бернард Ингхэм. Тэтчер опоздала на три часа на ужин в английском посольстве с представителями советской интеллигенции, потому что не хотела прерывать беседу в Кремле.

Во время этой встречи на высшем уровне они разошлись друг с другом по существу во всех вопросах. Тэтчер искренне верит в то, что ядерное оружие — лучшая защита Запада и что именно благодаря ему в Европе после 1945 года царит мир. Поэтому она

постоянно расходится с Горбачевым в вопросах ядерного разоружения. Ее высказывания в частном порядке или за закрытыми дверями полностью совпадают с ее публичными заявлениями. Для Тэтчер такое соответствие — правило, но так бывает не у всех политиков. Выступая с речью в Кремле, она не старалась затушевать разногласия и прямо заявила присутствующим, что «мир без ядерного оружия оказался бы менее стабилен и более опасен для нас всех». Она также оказывала нажим и в вопросах прав человека, пригласив на обед Андрея Сахарова — символ диссидентского движения, а на завтрак — Иосифа Бегуна, одного из наиболее известных евреев-«отказников». И наконец, Тэтчер одержала верх над тремя советскими журналистами в агрессивном и смелом телевизионном интервью, за что ей с равным восхищением аплодировали и ее поклонники в Советском Союзе, и гордые ею соотечественники.

В частной беседе разговор снова повернулся к Рейгану. Горбачев сказал, что две его встречи с американским президентом способны ввергнуть в отчаяние. Он намеревался говорить с Рейганом, а не с американскими экспертами. Но Рейган, сказал Горбачев, не разбирается в деталях политики. Советские участники переговоров имеют хороший контакт с их американскими коллегами и отлично знакомы с позициями США по разным вопросам. У Горбачева же не получилось прямого разговора с президентом, и он хотел бы услышать мнение Тэтчер о намерениях Соединенных Штатов. Он будет также благодарен, если она передаст в Вашингтон его высказывания и оценки. Он ценит ее взгляды. Откровенно льстя ей, он сказал, что понимает, что именно от нее может услышать самые сильные аргументы, которые может выставить Запад. Он мог бы поделиться и некоторыми новыми соображениями, зная, что Тэтчер — чуткий и понимающий слушатель.

Тэтчер была в восторге от предложенной ей роли и хорошо понимала трудности, стоявшие перед Горбачевым. Она-то знала, каково разговаривать с Рональдом Рейганом.

Скандал «Иран-контрас»[27] разразился в ноябре 1986 года, через месяц после неудавшейся советско-американской встречи на высшем уровне в Рейкьявике. Создавалось впечатление, что Рейган выпускает из рук управление, и это беспокоило Тэтчер. Она не сказала об этом Горбачеву; но у нее было ощущение, что Рейган не контролирует ход событий, хотя ему и оставалось еще два года пребывания у власти. Она сознавала, что ему нечего противопоставить притягательному образу Горбачева в глазах общественного мнения Запада. Ей необходимо было вмешаться.

Она была уверена, что интеллектуально, по своему опыту, ораторскому искусству и умению вести спор способна быть на равных с Горбачевым. Она и призвана была продемонстрировать, что у Запада есть конкурентоспособные руководители.

Визит в Москву дал Тэтчер первую реальную возможность оценить и Раису Горбачеву, которой она преподнесла первое издание «Ярмарки тщеславия» Теккерея. Она очень быстро поняла, почему Нэнси Рейган так не нравилась Раиса. Жена советского руководителя имеет ученую степень, она умна, имеет собственное мнение и не колеблясь говорит о том, что знает или думает. Убежденная марксистка, она подходит к дискуссиям диалектически, проповедуя и формулируя закономерность. Как заметил один из английских экспертов, если бы Раиса жила в Англии, она скорее всего стала бы активисткой Движения за ядерное разоружение. «Ее непросто сбить с толку», — заметила как-то Тэтчер. Раиса не отличается такими теплотой и вдумчивостью, как ее муж, и премьер-министр вскоре устала от ее попыток вторгнуться в обсуждение ядерной политики Запада.

В последний вечер ее пребывания в Москве Горбачевы устроили семейный ужин в узком кругу. Правда, Дэнис на нем не присутствовал. Ужин проходил в правительственном особняке приемов, который когда то принадлежал крупному сахарозаводчику, а позднее использовался для встреч между Никсоном и Брежневым. Тэтчер одобрительно отнеслась к попытке Горбачева воссоздать атмосферу встречи в Чекерсе. Она оказалась права, встречая его тогда как будущего лидера. И теперь в Москве ее встречали с тем же, если не большим гостеприимством и радушием. После ужина они сидели у жарко горящего камина, перемежая беседу шутками.

Через восемь месяцев, в декабре 1987 года, Горбачев направлялся в Вашингтон, где должно было состояться подписание Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. По этому соглашению Европа освобождалась бы от целого класса таких вооружений. По пути он остановился в Брайз-Нортоне, на базе королевских ВВС неподалеку от Оксфорда, для краткой беседы с премьер-министром. Это был знак признания Тэтчер как фактического лидера Западной Европы. На пронизывающем и холодном ветру, по сути на морозе, Тэтчер стояла у посадочной полосы, встречая Горбачева. На ней не было ни пальто, ни шляпы. Горбачев вышел на трап в пальто и шарфе, передернулся от холода. Было странно смотреть на премьер-министра, которая явно замерзала, а ее дыхание было хорошо видно в морозном воздухе. Но она преследовала две цели: показать, что ей нипочем такие мелкие неудобства, как мороз и

ветер. А кроме того, она отлично знала, что без пальто смотрится гораздо привлекательнее. Это был просто флирт.

Едва замерли последние звуки «Интернационала» (так в оригинале. — *Прим. перев.*), как переговоры уже начались. Расположившись на заднем сиденье бронированного «даймлера» премьер-министра, два лидера оживленно жестикулировали, продолжив диалог с того места, где они прервали его восемь месяцев назад в Москве. Горбачев проинформировал ее о том, как продвигается вперед перестройка, признав, что осуществление преобразований сталкивается с немалыми трудностями. На ленч было отведено так мало времени — всего двадцать минут, — что было решено обойтись без десерта.

К моменту отъезда Горбачева Тэтчер обуревали смешанные чувства. Она была довольна тем, что ее особые отношения с советским руководителем действуют успешно. Но ее еще сильнее беспокоило, что Горбачев обходит НАТО повсюду: слева, справа и в центре. Его притягательность была поразительна;

Рейган же все еще не мог выбраться из проблем своего самого скверного года за все время пребывания у власти. Тэтчер изо всех сил — и из трудного положения — боролась против идеи безъядерной Европы, которая некоторым союзникам по блоку казалась весьма привлекательной. «С русским медведем легче было иметь дело, когда он и выглядел как медведь», — признавалась она {6}. Горбачев слишком преуспел в создании соблазнительного образа «разумного политика». Она же считала, что на Западе обращают недостаточно внимания на подавляющее преимущество Советского Союза в обычных и химических вооружениях. Ее тревожило, что СССР снова пытается внести раскол в НАТО, и она была преисполнена решимости всячески поддерживать усилия Горбачева в деле внутренних реформ в Советском Союзе, но и одновременно призывать Запад к твердости в вопросах безопасности. По ее мнению, такая жесткая позиция на переговорах могла бы принести наилучшие результаты.

После того как состоялось подписание Договора о ракетах средней дальности, Тэтчер стала добиваться проведения встречи НАТО на высшем уровне. Она ставила своей целью подтвердить единство НАТО в новых условиях, а также уточнить позицию союза в вопросах ядерной обороны. В Рейкьявике Рейган почти согласился на полное устранение ядерных вооружений из Европы. Теперь же НАТО стало свидетелем соглашения, удаляющего из Европы те самые ракеты, за размещение которых европейцы боролись всего пять лет назад. Когда такая встреча на высшем уровне открылась в Брюсселе в марте 1988 года — кстати, всего

лишь седьмая за сорок лет существования союза, — Рейган был в плохой форме. В некоторые моменты переговоров, когда речь шла об очень чувствительных вопросах, создавалось впечатление, что президент не понимает смысла разговора. Тэтчер, как всегда, была рядом в роли надежного друга, который «прикроет» при необходимости. От имени Соединенных Штатов вел переговоры и отвечал на вопросы журналистов государственный секретарь Джордж Шульц. Когда в какой-то момент Рейгану задали вопрос, касавшийся коммюнике по итогам встречи, он не мог даже вспомнить, видел он это коммюнике или нет.

Премьер-министр фактически доминировала на встрече шестнадцати глав государств и правительств в Брюсселе, хотя и не добилась там всего, что хотела. У нее возник спор с канцлером ФРГ Гельмутом Колем относительно того, необходима ли НАТО модернизация ракет ближней дальности. Коль полагал, что в свете ослабления напряженности в отношениях между Востоком и Западом в такой модернизации не было нужды. ФРГ вообще считала целесообразным несколько ослабить усилия в области обороны. Коль, президент Франции социалист Франсуа Миттеран, а также несколько малых неядерных стран — таких, как Дания и Голландия, — полагали необходимым отложить принятие решения о модернизации. Тэтчер заняла совершенно противоположную позицию и призвала к немедленной модернизации. В итоге вопрос был отложен, и руководители согласились с туманной формулировкой, что намерены модернизировать ядерные вооружения союза, «когда в этом будет возникать необходимость». Для Тэтчер такой исход был лучше, чем ничего. По ее оценке, натовская встреча в верхах «положила конец развалу» позиции НАТО в этом вопросе.

По окончании своей последней встречи с Горбачевым в Москве в мае 1988 года Рейган посетил Лондон с последним официальным визитом. Когда президент отбыл, Горбачев направил в Лондон посла по особым поручениям Олега Гриневского, который должен был изложить Тэтчер советскую оценку итогов переговоров с президентом США. Проявленное внимание тронуло Тэтчер. «Будущее представляется в лучшем свете, чем мне первоначально казалось, — заявила она в интервью советскому телевидению в ответ на вопрос о результатах советско-американской встречи на высшем уровне. — Должна сказать, Горбачев выполнил все, что он лично обещал. В этом — новая перспектива, источник надежды для всех нас».

В пятый раз Горбачев и Тэтчер встречались в Лондоне в апреле 1989 года. Его визит пришелся на самую середину того периода, когда администрация Джорджа Буша, только придя к

власти, занималась долгой инвентаризацией всех направлений своей будущей политики. Горбачев с обеспокоенностью говорил Тэтчер о том, что Буш слишком долго тянет с организацией своего правительства и определением своей внешней политики. Горбачев уже встречался с тогда еще только избранным, но не вступившим в должность президента Бушем в декабре 1988 года, во время визита в Соединенные Штаты. Но единственным контактом на высоком уровне между СССР и США после этого стала только встреча в Вене министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе и государственного секретаря Джеймса Бейкера, по сути ставшая их личным знакомством. «Господин Горбачев знает, что мы не тянем преднамеренно время», — заявил Буш в день приезда советского руководителя в Лондон. Но у Горбачева явно было на этот счет иное мнение, и он сказал Тэтчер, что Буш намеренно сбивает темпы процесса ограничения и сокращения вооружений. С точки зрения Горбачева, организованная Бушем длительная пауза по крайней мере отчасти направлена на то, чтобы нейтрализовать инициативы Советского Союза и личные усилия самого Горбачева. Тэтчер попыталась рассеять его подозрения, сказав, что Буш всего лишь стремится выиграть время; она, однако, нашла доводы Горбачева в известной мере обоснованными. Ее и саму волновало то, что внешняя политика, как и природа, не терпит пустоты. Пока Буш отсиживался в кустах, а позиции США по проблемам будущего Европы находились как бы в подвешенном состоянии, вакуум заполнял собой сам Горбачев.

Через два месяца, в конце мая 1989 года, Буш положил конец этой паузе и на натовской встрече в верхах изложил контрпредложения Запада в вопросах сокращения вооружений. Перерыв завершился, и к осени советско-американские отношения снова работали на полных оборотах. В сентябре 1989 года Буш принимал в Белом доме министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе. Была достигнута договоренность о встрече на Мальте в декабре 1989 года — в разгар перемен в Восточной Европе — и о первой для Буша встрече на высшем уровне с Горбачевым в июне 1990 года. В этот же самый день Горбачев принимал в Кремле Маргарет Тэтчер. Это была их шестая встреча, и на этот раз у нее случайно оказалось с собой длинное послание от Джорджа Буша.

Глава девятнадцатая
КОРОННЫЙ НОМЕР

Если поездка Тэтчер в Москву в марте 1987 года, давшая столь сильный импульс ее третьей предвыборной кампании, была парадом победы, то усилия Нейла Киннока, напротив, потерпели полное фиаско. В декабре 1986 года Рейган его отбрил, и теперь Киннок добивался встречи с президентом в марте, чтобы как-то компенсировать предвыборный эффект московского визита Тэтчер. В июне заканчивался четырехлетний рубеж полномочий парламента, и потому было очевидно, что премьер-министр должна будет назвать дату выборов так, чтобы не превысить этого срока. Киннок понимал, что все связанное с ним не попадет в газетные заголовки, если одновременно будут идти сообщения о том, как Тэтчер в первое свое посещение Кремля противоборствует с Горбачевым. Именно такого собственного «выпадения» из новостей он и стремился избежать.

Во время своей декабрьской поездки в Вашингтон Киннок не встречался ни с Рейганом, ни с кем-либо из высших должностных лиц его администрации. Хотя прежде ему и доводилось беседовать с президентом. Рейган принял его на 45 минут в феврале 1984 года, через четыре месяца после того, как Киннок унаследовал лейбористскую партию от Майкла Фута. Наименьшим из разделявших их различий была тридцатилетняя разница в возрасте. Киннок и Рейган были идеологическими противниками. Лидер лейбористов был к тому же активным противником рейгановской программы наращивания вооружений, особенно его программы «звездных войн». Тем не менее их беседа была дружелюбной. Киннок, направляясь из Белого дома в госдепартамент на встречу с государственным секретарем Джорджем Шульцем, охарактеризовал Рейгана как «довольно приятного парня». Беседа в госдепартаменте обернулась критикой политики США в Центральной Америке {1}. Лидер лейбористской партии обвинил Соединенные Штаты в том, что они поддерживают в Сальвадоре «правительство эскадронов смерти». Шульц, рассвирепев, заявил, что Киннок «дезинформирован и, возможно, предубежден». Киннок ответил, что Шульц «сбрендил» во время этого разговора. Американские его участники были еще более изумлены объяснением: Киннок имел в виду, что государственный секретарь просто вышел из себя во время беседы. Шульц позднее говорил своим помощникам, что Киннок

— просто шут и один из наименее располагающих к себе иностранных деятелей, с кем ему доводилось встречаться.

Большинство американских президентов придерживается практики встречаться с лидерами главных оппозиционных партий иностранных государств — особенно Англии, — поскольку те могут в какой-то момент оказаться у власти. Рейган, проигнорировав в декабре просьбу Киннока о встрече, не мог отказывать ему снова. Но лучше бы Киннок вообще не был принят, чем тот прием, который приготовил для него президент в марте. Во-первых, на всю встречу было выделено только тридцать минут, из них десять президент продержал его в ожидании в приемной. Когда Киннок наконец попал в Овальный кабинет, президент — намеренно или нет — запутался в присутствующих. Его смутило присутствие теневого министра иностранных дел лейбористов Дэниса Хили. Президент обращался к нему «господин посол», к гневу и отчаянию сэра Энтони Оклэнда, известного английского дипломата, присутствовавшего здесь же в своем посольском качестве. После беседы и еще до того, как Киннок успел бы публично заявить о ее сердечном характере, Белый дом выпустил холодное и противоречивое сообщение. В нем говорилось, что принятая лейбористской партией политика одностороннего разоружения — это любимое дитя Киннока — нанесла бы ущерб НАТО и «подорвала» бы позиции Запада на переговорах. Кинноку просто сделали выговор. Британская пресса в подробностях расписала происшедшее, а лидер лейбористов вновь вернулся из Вашингтона униженным.

По контрасту с этим возвращение неделю спустя Тэтчер из Москвы сопровождалось в печати заголовками типа «Триумф Мэгги». Все складывалось так, что ее победа над шахтерами в сочетании с улучшающимся экономическим положением и с итогами поездки в Москву делают неизбежной ее третью победу на выборах. 15 апреля, вскоре после возвращения, она провела совещание для определения стратегии и тактики предстоящей избирательной кампании. Тэтчер сознавала, что второй период пребывания у власти получился у нее неровным, что в некоторых случаях правительство допускало ошибки или терпело неудачи. Но она намеревалась сделать еще многое и хотела, чтобы вся страна знала: запасы энергии у премьер-министра не иссякли.

Председатель консервативной партии Норман Теббит считал, что Киннок будет вести свою предвыборную кампанию в американском стиле, выдвигая на первый план свои личные качества, как это делается в президентских кампаниях в США. По его мнению, Киннок должен был не столько выступить сторонником определенного курса, сколько попытаться

представить самого себя как молодого, энергичного человека с хорошей семьей — в общем, создать образ «социализма, который заботится о людях». Тэтчер сомневалась, что Киннок, никогда ранее не участвовавший в общенациональной предвыборной борьбе, сможет построить кампанию вокруг такого образа. Ей вообще трудно было принимать Киннока всерьез. Прежде всего он ей не нравился как человек. Мало того что предлагаемый им курс был для Тэтчер абсолютно неприемлем. Но она не испытывала к нему и того чисто человеческого уважения, которое смягчало ее политическую враждебность к Каллагану и Вильсону {2}. Киннок не казался ей серьезным человеком: он был не слишком умен и не любил затрачивать много времени на черновую подготовительную работу. За исключением происходящих раз в две недели ответов премьер-министра на запросы в парламенте, что является обязательным представлением, она никогда не разговаривала с ним, если только могла избежать этого. Раз в год, на церемонии торжественного открытия очередной сессии парламента, когда Тэтчер и Киннок должны были рядом, плечом к плечу, пройти от палаты общин в палату лордов, где выступала с речью королева, они проделывали этот путь, не обменявшись ни словом, ни взглядом, смотря прямо перед собой, и с каменным выражением лиц. Тэтчер никогда не приглашала Киннока на Даунинг-стрит, если этого не требовал протокол.

Предвыборные кампании в Англии, в отличие от американских, уделяют большее внимание существу вопросов. Именно на существе стоявших тогда проблем тори и решили сконцентрировать внимание. Это представлялось наиболее оправданной стратегией борьбы как против лейбористов, так и против Альянса, позиции которого после выборов в некоторых местных округах казались достаточно сильными. Альянс беспокоил консерваторов, но в нем не было единства по вопросам обороны и налогообложения. Тори считали, что, если оказывать постоянный нажим в этих вопросах, в Альянсе усилятся разногласия, и это можно будет использовать. В качестве резервного варианта консерваторы рассматривали возможность досрочного роспуска парламента перед выборами. Но это приветствовала бы только небольшая часть избирателей.

Продумывая все эти вопросы в конце апреля. Тэтчер получила первый пакет предложений об организации кампании от рекламной фирмы «Саачи и Саачи», которая вела и ее кампании 1979 и 1983 годов. На этот раз предложения ей совершенно не понравились. Фирма «Саачи» добилась в сфере коммерческой рекламы такого же успеха, как и в рекламе политической, и к 1987 году была уже крупнейшей рекламной компанией в мире.

Однако по пути к этому успеху они потеряли Тима Белла, своего бывшего ведущего политического специалиста, организовывавшего прежние кампании. Способный и польстить Тэтчер, и высказать ей что-то без обиняков, он был особенным любимцем премьер-министра. В отсутствие Белла, который бы высказал свое мнение, Тэтчер не испытывала доверия к проекту, представленному фирмой «Саачи». Она заявила Морису Саачи, что хотела бы получить проект, в котором упор делался бы на позитивные моменты. Она не собиралась вести кампанию, построенную на отрицаниях, — несмотря даже на то, что, по мнению специалистов, кампании такого типа более действенны. Она желала похвастаться своими успехами. Фирма приняла ее требования, и к маю машину избирательной кампании можно было уже запускать.

Но Тэтчер все еще колебалась. К выборам 1983 года ее пришлось подталкивать, и сейчас она тоже испытывала колебания, но по иной причине: она себя плохо чувствовала. Поездка в Москву вымотала ее; к тому же донимал больной зуб. И не было уверенности в отношении председателя партии Нормана Тоббита.

В свое время Тоббит не стремился занять этот пост. Он был серьезно ранен во время покушения в Брайтоне, а его жена парализована в результате ранения. За ней требовался теперь постоянный уход, а у него самого периоды относительного выздоровления сменялись очередными операциями. Постом министра промышленности и торговли, который он занимал в момент покушения, Тоббит был удовлетворен. У него не было желания мотаться во время уик-эндов по всей Англии, посещая партийные митинги и приемы. Он явно предпочитал продолжать работать в качестве члена кабинета и иметь возможность постоянно находиться рядом с женой. Но он пользовался в партии репутацией самого жесткого ее политика и острого оратора, который никогда не лез за словом в карман. Тэтчер настаивала на том, чтобы именно он возглавил партию. Наконец он уступил и в сентябре 1985 года, всего за три месяца до «дела Уэстленд», занял пост председателя. Со всех точек зрения это назначение оказалось ошибкой.

Тоббит — агрессивный, самостоятельно пробившийся в жизни человек и убежденнейший консерватор. Все это роднит его с Тэтчер, но их взаимоотношения никогда не были гладкими. Тоббит — одиночка и задира, постоянно готовый ввязаться в драку. К тому же тогда он еще не остыл после брайтонского покушения. Всегда сжатый, как пружина, и исходящий желчью, он производил впечатление человека, готового в любую минуту

взорваться. Отнюдь не склонный поддакивать, он никогда не боялся высказаться прямо, если его мнение не совпадало с мнением премьер-министра — что случалось часто. Он нападал на Тэтчер в самые критические периоды скандала из-за «дела Уэстленд», поначалу требуя, чтобы она не задевала министра обороны Майкла Хизлтайна, а потом неприлично намекая на возможность ее собственного ухода в отставку.

В конце концов Тэтчер поняла, что его назначение — ужасный просчет. До нее дошло, что фактически Тоббит домогается ее места. Но было уже поздно, а попытка избавиться от него могла бы обернуться неприятностями. «Тоббит вас ненавидит, — сказал Тэтчер один из ее политических сторонников, подтверждая одолевавшие ее саму страхи. — Он уверен, что если вы проиграете, он сможет возглавить партию» {3}. Во время избирательной кампании 1983 года Тэтчер безоговорочно доверяла тогдашнему председателю консервативной партии Паркинсону. На этот раз ее доверие к председателю исчезло полностью. У нее появились сомнения и в его способности быть организатором кампании. В политике он обладал прекрасной хваткой, когда надо было взять кого-то за горло. Но премьер-министр все более сомневалась в его организаторских и административных качествах. Не нравился ей и облик Тоббита. Лысеющий, бледный и страшный, как мертвец, с острым пронизывающим взглядом, он выглядел как призрак подкрадывающегося с топором убийцы.

Но, несмотря на все свои сомнения и беспокойства, Тэтчер видела и те мощные доводы и причины, что подталкивали к проведению выборов именно в июне. К началу мая члены парламента уже вовсю готовились к предстоящим предвыборным баталиям. Спикер палаты общин Бернард Уэзерил едва сдерживал депутатов призывами «не поддаваться эйфории» и говорил, что чувствует в парламенте «предвыборную атмосферу». Лейбористская партия выдвинула новый лозунг, с которым готовилась вступить в кампанию, — «Страна вопиет о необходимости перемен!». Сама Тэтчер постоянно намекала на то, что избиратели «очень скоро» будут иметь возможность оценить ее курс.

Но она все еще не была уверена до конца. Не было смысла устанавливать дату общенациональных выборов прежде, чем стали бы известны результаты назначенных на 7 мая выборов в местные советы. В Англии и Уэльсе должны быть избраны 12 тысяч членов таких советов. Профессиональные партийные работники называли предстоявшее голосование «самым крупным в мире опросом общественного мнения». Консерваторы считали,

что лучший барометр невозможно придумать. Если бы результаты этих выборов оказались для них неудачными, Тэтчер могла бы оттянуть общенациональные выборы до осени, дождаться некоторого падения безработицы, пойти на некоторое сокращение налогов и на увеличение социальных ассигнований с тем, чтобы улучшить свои шансы на переизбрание.

Партия, находящаяся у власти, часто показывает плохие результаты на местных выборах. Но на этот раз опасения, что избиратели уйдут к другим, оказались необоснованными. Консерваторы получили больше мест, чем имели раньше. Улучшили свои позиции и партии Альянса. Крупные потери понесли лейбористы. По оценкам Би-би-си, аналогичное распределение голосов на общенациональных выборах означало бы крупную победу консерваторов. В первое же воскресенье после 7 мая команда Тэтчер собралась в Чекерсе. Сидя под портретом первого британского премьер-министра сэра Роберта Уолпола, Тэтчер на протяжении двух часов внимательно изучала обобщенные в компьютерных отчетах итоги голосований на местах. В ожидании общенациональных выборов владельцы тотализаторов уже принимали ставки пари в соотношении 2:13 в пользу тори — они были явными фаворитами, — 4:1 за поражение лейбористов и 25:1 — партий Альянса, тащившихся далеко позади. Опросы общественного мнения, проводимые по заказам самой консервативной партии, показывали, что партия сможет получить в палате общин большинство в 100 мест. Это было бы меньше, чем на выборах 1983 года, когда такое большинство составило 144 места, но все же означало бы уверенную победу.

Теперь сомнения остались позади: Тэтчер готова была назначать общенациональные выборы. На этом воскресном совещании со своей командой Тэтчер, однако, не сказала, что накануне вечером она ужинала с Тимом Беллом, который продолжал оставаться одним из самых близких ей политических друзей. Подобно известному телеобозревателю Гордону Рису или автору ее речей Рональду Миллару, Тим Белл не был членом парламента и потому не представлял для нее угрозы. Поскольку в будущем между ними не могло возникнуть никакого политического соперничества, Тэтчер могла быть с ним предельно откровенна. Она попросила его высказаться о предложенной Тоббитом стратегии предвыборной борьбы, в которой тот считал необходимым сделать упор на противодействие Альянсу. Белл был поражен подобной идеей.

— Абсолютно неверно, — сказал он.

— Почему? — поинтересовалась Тэтчер.

— Чем плохо то, что мы делали в прошлый раз? Та стратегия дала вам большинство в 144 места. Что изменилось с тех пор? Тогда наша партия была у власти. Она и сегодня у власти. Тогда мы получили значительное большинство. Мы и сейчас хотим получить такое же большинство. Тогда мы вели в опросах общественного мнения по сравнению с другими партиями с преимуществом в 10 пунктов. Мы и сегодня ведем с преимуществом в 10 пунктов. Альянс в 1983 году болтался где-то в самом хвосте. Он и сегодня болтается там же. У лейбористов был разброд. У них и сейчас разброд. Если что и изменилось, то только в лучшую сторону: фолклендская война позади, экономическое положение заметно лучше, забастовка шахтеров завершена. Конечно, стратегию, которую мы тогда использовали, надо несколько освежить, осовременить, обновить. Но я не понимаю, почему надо менять ее в корне.

— То есть вы считаете, что на Альянс нападать не надо? — спросила премьер-министр.

— Нападать на Альянс — это сумасшествие, — ответил Белл. — Вы тем самым лишь придадите им преувеличенное значение и укрепите их положение. Это все равно что крупный и известный универмаг начал бы кампанию против маленького местного магазинчика, о котором никто не слышал. Все сразу бы решили, что, если такая фирма нападает на него, в этом магазинчике что-то есть.

— Но все слышали о Дэвиде Оуэне и Дэвиде Стиле, — возразила Тэтчер.

— Неправда. 10 процентов населения до сих пор считает, что премьер-министром у нас Уинстон Черчилль, — парировал Белл {4}.

Проведя совещание со своей командой, Тэтчер попросила Белла изменить планы предстоявшей кампании так, как он считает нужным, но пока никому не говорить об этом. Одновременно она начала политическую игру. Скрытность становилась все более типичной для Тэтчер в последние годы ее пребывания в должности премьер министра, что объяснялось и ее отношением к некоторым из министров, и вполне обоснованными соображениями о том, какая информация и в какой момент должна становиться всеобщим достоянием. Но организация фактически подпольной политической кампании, которую предстояло вести через неофициальные каналы, означала, что склонность к скрытности поднялась на качественно новую ступеньку.

11 мая она заявила членам кабинета, что выборы будут назначены на 11 июня. На день раньше, 10 июня, парламент

отметил бы ровно четырехлетие своей деятельности в том составе. Это означало: избравшие ее в 1983 году получили свое, с них довольно. Проинформировав Букингемский дворец, Тэтчер в своем бронированном «даймлере» вторично за свое премьерство направилась к королеве Елизавете с просьбой о роспуске парламента. Позднее в этот же день она объявила, что предвыборная кампания продлится всего двадцать четыре дня. И через считанные минуты в палате общин зазвучали первые заявления.

«Предстоящие выборы должны спасти нашу страну от упадка в промышленности, от социального раскола и развала муниципальной власти», — заявил Киннок.

«Всем известно, что лейбористы не пользуются поддержкой избирателей и не смогут победить, — утверждал лидер социал-демократической партии Оуэн. — Вопрос в том, захотят ли здравомыслящие избиратели получить еще пять лет неограниченного тэтчеризма».

Тэтчер, похоже, считала, что захотят. «Я преисполнена энергией, — заявляла она. — Нас не спихнуть в сторону. Мы готовы бороться». Однако она отклонила предложение Киннока провести прямые дебаты, заявив, что они вызовут лишь «эмоции и сотрясение воздуха, а не просветление умов». Киннок настаивал на своем предложении, Тэтчер не уступала. «Ищите собственную платформу, — ехидничала она, — я вам ее делать не буду». Тэтчер не тратила времени на мелкие стычки. Для этого она была слишком уверена в себе. «Хотела бы надеяться, что это не последние мои выборы, — говорила она. — Я баллотируюсь всего лишь в третий раз. Надеюсь еще не раз выставить свою кандидатуру». Она не шутила и не хвастала, а вполне точно выразила то, что хотела сказать. Менее очевидным, но столь же серьезным был смысл сказанного по отношению к членам ее собственного кабинета: не торопитесь с планами смены лидера (своей партии. — *Прим. перев.*).

Из предвыборных деклараций, представленных разными партиями, возникал поразительно разный образ Англии. Главной темой у лейбористской партии была обреченность. Они пытались нарисовать картину разобщенной, безрадостной страны, «экономически и социально искалеченной», прозябающей в нищете диккенсовских времен и масштабов. Тэтчер рисовала образ совершенно иной Британии: страны «возрожденного духа и восстановленной репутации», которая вправе гордиться «наиболее быстро растущей экономикой в Европе». Главной темой кампании Тэтчер было «Власть — народу!». Обрушивая водопад статистики, она доказывала, что в период ее руководства число акционеров в

стране почти утроилось; что доля среднего класса в структуре населения возросла с 30 до 50 процентов, а темпы инфляции снизились с 18 до 4 процентов {5}.

Повернуть подобный курс вспять было немыслимо. Тэтчер обещала продолжение приватизации, более широкий выбор в сфере жилищного строительства и образования, рост числа владельцев акций и более высокие пенсии. Она не терпела малейших обвинений в том, будто бы премьер-министр и ее правительство не проявляют должной заботы о людях. «Все порядочные люди заботятся о больных, инвалидах и престарелых», — отрезала она, одновременно обрушиваясь на любителей скулить и выламывать себе руки, всех этих «профессиональных стенателей», способных, по ее мнению, только жаловаться и клянчить.

Альянс, как и ожидалось, избрал среднюю линию, обещая более высокий уровень социальных ассигнований, чем тори, но меньше, чем лейбористы. Партии Альянса решили не касаться в ходе избирательной кампании вопроса о ядерном оружии, дабы создать впечатление единства; но не смогли удержаться от того, чтобы не стукнуть по лейбористам. «В вопросах обороны, — заявил Дэвид Оуэн, — лейбористы продолжают оставаться угрозой по отношению к нашим союзникам и отвечают молитвам русских». Консерваторы тоже выпустили залп в сторону лейбористов, обвинив партию Киннока в том, что она «намерена отказаться от той политики обороны, которую проводили все правительства Великобритании, как лейбористские, так и консервативные, со времени окончания второй мировой войны».

Едва начав свою кампанию, Тэтчер, ко всеобщему удивлению, стала допускать в ней серьезные просчеты. У нее не было ясности в отношении того, какой должна быть новая политика в сфере образования. Создалось впечатление, будто она предлагает, чтобы государственные школы, которые предпочтут выйти из-под государственного управления и начать работать самостоятельно, ввели бы плату за обучение. Тэтчер удалось исправить это впечатление, но ее последующие высказывания оставили отпечаток, что она совершенно равнодушна к сфере образования — области, в которой сконцентрировались серьезнейшие проблемы и по отношению к которой сама Тэтчер допустила существенные ошибки. За период после 1979 года число учащихся в средних школах возросло на 157 тысяч человек. Несмотря на это, правительственные ассигнования в реальном исчислении снизились на 10 процентов и школьная система находилась в тяжелом положении.

Другой просчет Тэтчер был связан с Национальной службой

здравоохранения (НСЗ). Премьер-министру был задан вопрос, почему она пользуется частными врачами и клиниками, а не учреждениями НСЗ. Тэтчер ответила, что частная медицина «позволяет мне обращаться в клинику в тот день, когда я хочу, в то время, в которое я хочу, и к тому врачу, к которому я хочу». Дэвид Оуэн, сам врач по образованию, немедленно обвинил ее в невнимании к тем людям, доходы которых не дают им таких возможностей.

Премьер-министра давно уже критиковали за упадок в сфере здравоохранения, а она энергично отметала все обвинения, подчеркивая, что за первые восемь лет ее пребывания у власти правительственные ассигнования на цели здравоохранения выросли более чем в два с половиной раза. Ей говорили, что качество медицинского обслуживания в Лондоне снижается. Она возражала, что средства направляются в те части страны, где они больше нужны. Тем не менее критика продолжалась, и для нее были основания. В системе НСЗ работал один миллион человек. По численности персонала это самая крупная организация в Европе после Советской Армии. И тем не менее за год до общенациональных выборов в очереди на хирургические операции по всей стране стояли более 700 тысяч человек. Многие больницы находились в плохом состоянии, размещались в темных и грязных помещениях, располагали только устаревшим оборудованием, врачам и медсестрам приходилось отрабатывать смены продолжительностью по 14–16 часов. Вся система была крайне неэффективной. Операция, которую в Соединенных Штатах делают в амбулаторном порядке, в Англии потребовала бы пятидневного пребывания в больнице. Но Тэтчер отказывалась увеличивать ассигнования на НСЗ, считая, что прежде ее необходимо привести в порядок и сделать более эффективной. В первые же дни избирательной кампании проблема эта раскалилась добела, а высказывания Тэтчер насчет ее частных врачей подлили масла в огонь.

Лейбористы весьма удачно начали свою кампанию. 21 мая по телевидению был показан их первый «политический фильм» — одна из трех бесплатных телепрограмм, положенных в ходе выборов каждой партии. Как и предсказывали тори, стратеги лейбористской партии почти полностью сосредоточились на личности самого Киннока. Фильм это подтверждал, а его демонстрация сразу же внесла коррективы в ход кампании. Фильм начинался с кадров стремительно летящего военного самолета, который превращался в набирающую высоту чайку, а его рев постепенно переходил в звуки Четвертой симфонии Брамса, ставшей музыкальной темой кампании лейбористов. Под

эти звуки появлялись кадры Нейла и Гленис Киннноков, идущих, взявшись за руки, по кромке моря. Музыка уступала место голосу Киннока, объяснявшего, как сильные должны помогать слабым. В фильме, поставленном Хью Хадсоном — он известен также по фильму «Огненные колесницы», упор делался на скромное происхождение Киннока и его жизненный путь. Был включен фрагмент, относящийся к 1985 году и преследовавший цель показать жесткость Киннока: эпизод, когда он обрушивался на воинственное крайне левое крыло лейбористов. Вслед за этим шли восхваляющие отзывы родственников и коллег по партии. Сама лейбористская партия на протяжении всего фильма не была упомянута ни разу.

Выполненный в американских традициях, этот рекламный фильм многое позаимствовал из аналогичных роликов о Роне и Нэнси, рассчитанных на сентиментальную, берущую за душу манеру ведения кампании. В Англии такой фильм был в новинку. Личная популярность Киннока взлетела, как чайка в фильме, — на 16 процентов за одну только ночь. Лейбористы воспрянули духом, консерваторы ворчали насчет «явного приукрашивания». Один из консервативных членов парламента с завистью говорил после выборов, что «Киннноки купались в профессионализме и лести, а нам, тори, чаще всего не хватало ни того ни другого».

Дэнис Тэтчер преданно поддерживал премьер-министра, обычно откуда-то со второго плана. В отличие от него Гленис Киннок была известна в стране как один из лидеров кампании против ядерных вооружений. Но эксперты лейбористов решили, что уделить ей слишком заметное место означало бы привлечь внимание избирателей к позициям партии в вопросах обороны и потерять часть голосов. Поэтому Гленис была отведена тщательно продуманная роль. Она сопровождала мужа в его поездках по тем районам севера страны, где на выборах 1983 года лишь несколько голосов разделяли лейбористов и консерваторов. Гленис с одобрением кивала, когда Киннок касался темы «заброшенных городов и людей, брошенных на произвол судьбы». Она поддерживала мужа, когда он изображал Тэтчер как Марию Антуанетту последних дней правления, безразличную к участи сирых и обездоленных.

Такая стратегия приносила свои результаты. Но, к счастью для Тэтчер, вслед за первыми своими успехами Киннок не смог взять барьера в вопросах обороны. В телеинтервью 24 мая, которое вел Дэвид Фрост, Киннок, по-прежнему придерживаясь идеи о необходимости удаления всего ядерного оружия с британской территории, признал, что обычные вооруженные силы страны не смогли бы отразить нападение агрессора,

располагающего ядерным оружием. В случае ядерного нападения, сказал Киннок, наилучшей обороной было бы использование «всех доступных средств для того, чтобы сделать оккупацию невыносимой» для оккупантов. Иными словами, Киннок возлагал надежды на партизанскую войну — войну уже после того, как страна оказалась бы оккупированной.

Почуяв уязвимое место лидера лейбористов, консерваторы устремились в атаку. «Великобритания не намерена жить ни под красным флагом социализма, ни под белым флагом капитуляции», — заявил Тоббит. Вскоре Киннок еще более усугубил свой просчет, заявив, что правительство лейбористов «в считанные недели» вывело бы из эксплуатации подводные лодки с ракетами «Поларис», составляющими важнейшую часть английских независимых ядерных сил сдерживания. «Никогда еще в области контроля над вооружениями столь многое не отдавалось за ничто», — ядовито прокомментировала Тэтчер. Втирая соль в раны, консерваторы выпустили сотни тысяч плакатов, оказавшихся наиболее эффективными в избирательной кампании. На них был изображен поднявший руки вверх английский солдат, а надпись сверху гласила: «Военная политика лейбористов».

Критика в адрес партии Киннока последовала и с других сторон. Открытое письмо, подписанное ста учеными во главе с лордом Блейком, ректором Королевского колледжа Оксфордского университета, предупреждало, что «принятие предложений лейбористской партии в области обороны значительно увеличивало бы вероятность третьей мировой войны и означало бы неприемлемый риск для свободы и безопасности Великобритании». Игнорируя все требования протокола о невмешательстве в ход предвыборной борьбы в других странах, к хору критиков присоединился и Рональд Рейган. Если лейбористы придут к власти, заявил он, Соединенным Штатам придется убедить новое правительство в «крайней ошибочности ядерного разоружения».

По мере того как избирательная кампания набирала обороты, Альянс все более соскальзывал на ее обочину. Силу ему придавали центристы, не поддерживавшие ни одну из двух ведущих партий На выборах 1983 года позиции Альянса улучшились благодаря той части избирателей, которая откололась от Майкла Фута и лейбористов, но не захотела поддержать консерваторов. Киннок, однако, вел более яркую кампанию, нежели Фут, а потому неопределившихся избирателей было меньше. Кроме того, Альянс сталкивался и с другими трудностями.

Самая большая из них заключалась в том, что у него было две головы. Никто не мог с уверенностью сказать, кто же главный: Стил или Оуэн, Твидлди или Твидлдум, как называли двух Дэвидов. Не было ясно и то, кто из них станет премьер-министром, если Альянс добьется победы. Поначалу они вели кампанию вместе, потом разделились. — Нередко складывалось впечатление, что они придерживаются разных подходов к одним и тем же проблемам, — особенно учитывая их шаткий компромисс по военной политике. Если Оуэн вел кампанию против лейбористской партии, то Стил — против консерваторов. Они расходились даже в оценках того, что предпримут, если получат желаемое: примерное равновесие в распределении мест в парламенте между лейбористами и консерваторами, при котором исходы голосований решались бы депутатами от Альянса. Поддержат ли они в этом случае Тэтчер, на стороне которой будет большая часть мест, или же отдадут свою поддержку Кинноку? На все эти вопросы не было никаких ответов.

Несмотря на то что консерваторы неудачно начали свою кампанию, их положение в опросах общественного мнения удерживалось на удивление стабильно. На протяжении всего месяца, что шла предвыборная борьба, Тэтчер и консервативная партия опережали лейбористов на 10–11 процентов. Альянс отставал от лейбористов в среднем на 10 процентов. Опрос, проведенный Институтом Гэллапа 3 июня, внезапно показал, что тори лидируют с отрывом только в 4 процента. Штаб-квартира консервативной партии была в панике. Тэтчер недоумевала: в чем дело? Она стремилась к уверенной победе. Всего за 24 часа — прежде чем были получены результаты следующего опроса — премьер-министр полностью пересмотрела свою стратегию и тактику на остающуюся неделю борьбы.

На протяжении всей кампании у нее не было чувства удовлетворения от предпринимавшихся усилий, и это само по себе изматывало. У нее не было возможности на чем-то выпустить пар — что ей крайне необходимо, — и от этого накапливалась напряженность. Во время кампании 1979 года она просиживала за полночь с Эйри Нивом, потягивая виски. В кампанию 1983 года были такие же ночные бдения с Сесилом Паркинсоном. На этот раз ее главным стратегом должен был быть Тоббит, но с ним у нее не складывались доверительные и дружеские отношения. Дэнис стремился успокаивать ее, но этого было мало. Чтобы обойти Тоббита, она пустила в ход запасную операцию и попросила своих старых друзей — Белла, Паркинсона и Риса — звонить ей ежедневно, утром до 7, а вечером после 11 часов, чтобы обмениваться впечатлениями и идеями. Они так и поступали. Два

ее ближайших помощника, Чарльз Пауэлл и Бернард Ингем, будучи по статусу государственными служащими, не имели права вмешиваться в избирательные дела, но им часто приходилось принимать на себя вспышки настроений премьер-министра.

Кампания лейбористов удивила Тэтчер. Она не ожидала от них таких способностей и профессионализма. Это ее беспокоило, особенно на фоне внутренних раздоров, которыми была отмечена ее собственная кампания. Фирма «Саачи» все еще изготавливала предвыборные материалы по заказам Тоббита. Но другая фракция в консервативной партии обратилась к услугам рекламного агентства «Янг и Рубикэм». Белл, Рис и Паркинсон образовывали третий канал. Тэтчер была не в состоянии за всем проследить, устранить все дублирования, сгладить все острые углы. В результате происходило немало накладок. В конечном итоге выяснилось, что все это не имело никакого значения.

Погода в день выборов, 11 июня, была пасмурной, моросил дождь. Но политическая погода для Тэтчер оказалась ясной. Она не просто выиграла третий срок полномочий, а в итоге избирательной кампании, которая, как показал опыт, фактически почти полностью определялась результатами ее правления и силой ее личности, добилась неожиданно высокого парламентского большинства в 101 место. Это было на 43 места меньше, нежели по итогам выборов 1983 года, но более чем вдвое превышало самые смелые прогнозы, которые делались перед выборами экспертами консервативной партии. В ряде отношений исход кампании даже превзошел победы 1979 и 1983 годов. В 1979 году партия Джеймса Каллагана была ослаблена раздорами с профсоюзами. К тому же после пяти лет бесцветного лейбористского премьерства у избирателей было достаточно причин переметнуться к тори, даже несмотря на то, что партия последних возглавлялась женщиной. В 1983 году некомпетентность кампании Фута и эйфория от победы Англии в фолклендской войне делали выигрыш Тэтчер неизбежным. В 1987 году стоявшие перед лидером консерваторов задачи были гораздо сложнее. Ей приходилось сражаться с избирателями, которые начали уже уставать от нее, и с молодым, энергичным оппонентом. И тем не менее ее победа оказалась подавляющей. Большинство в 101 место было вторым по величине — после ее же рекорда 1983 года, — которое удавалось завоевать любому из лидеров за все время после 1945 года.

Раскол в рядах оппозиции, безусловно, способствовал этому триумфу. Консерваторы получили 42 процента голосов — столько же, сколько и в 1983 году, — а лейбористы и партии Альянса в общей сложности почти 54 процента. Победа подтвердила тот

факт, что, поставленные перед необходимостью выбирать между популярным лидером и тем, кого они уважают, англичане отдают предпочтение последнему. Это было верно и по отношению к Черчиллю, который отличался резкостью, неприветливостью, привычкой командовать и с которым было трудно его коллегам. Он был бульдогом, человеком решительным, но не из разряда тех, кого можно любить. Тэтчер же была помесью терьера, постоянно двигающегося, повизгивающего, что-то выискивающего, и датского дога — подтянутого, быстрого и сильного. Ее привычка повелевать не стала одним из факторов, предопределивших исход третьей ее кампании. Команда Тэтчер не предпринимала никаких специальных усилий для того, чтобы смягчить резкие качества своего кандидата. «Когда Тэтчер впервые пришла к власти, ее властные манеры были проблемой, потому что она еще не заработала на них право. Англичане не любят, когда им читают нотации или ими командуют в манере классной наставницы, которая еще ничем не проявила себя, — вспоминает Тим Белл. — Но по мере того, как она добивалась все новых и новых успехов, такая манера казалась все менее оскорбительной. Содержание начинало перевешивать форму». Джордж Янгер, бывший министр обороны и преданный сторонник Тэтчер, говорил, что при всех трудных сторонах характера Тэтчер сила ее личности делала ее бесспорным победителем: «Избиратели потянутся к ней, как к няньке, из страха перед возможностью худшего».

Третья подряд сокрушительная победа Тэтчер вызвала полный развал в стане оппозиции. Лейбористы проиграли три раза подряд при трех разных лидерах. Было очевидно, что предлагаемая ими политика отвергается избирателями и нуждается в коренном пересмотре. Дэвид Оуэн четко охарактеризовал трудности своей бывшей партии: «Лейбористы проиграли потому, что их политика никуда не годится». Тэтчер победила, добавил он педантично, поскольку олицетворяла собой «целеустремленное, ясное и твердое руководство».

Самой большой жертвой выборов стал Альянс. Его подвела нечеткая, размытая до двусмысленности позиция. За считанные месяцы после выборов Альянс развалился до основания и с выделением массы желчи. Партия, которую всего годом раньше называли второй ведущей силой оппозиции, лежала в руинах.

Но все это было еще неизвестно, когда в половине четвертого ночи с 11 на 12 июня Тэтчер стояла в окне второго этажа штаб-квартиры консервативной партии. Вся сияя, она показывала собравшимся три пальца — символ трех побед, — а многотысячная толпа ее сторонников на улице скандировала: «Еще пять лет!» За ее спиной стоял Дэнис, которого распирало от

гордости; хлопали пробки шампанского. Одержав третью победу подряд, Тэтчер переступила через невидимую, но реальную черту. Отныне она была уже не просто победителем и не только хорошим политиком. Теперь она становилась исторической фигурой.

Глава двадцатая
МЕТАЛЛ НАЧИНАЕТ СДАВАТЬ?

Масштаб и значение одержанной победы вдохнули в Тэтчер новые силы. На протяжении большей части предвыборной кампании она нервничала и проявляла нехарактерные для нее колебания. К тому же она себя неважно чувствовала физически. Теперь все это быстро прошло. Она была одним из признанных лидеров в мире, ее влияние было решающим во внутренней политике, на нее повсеместно молились как на икону. В стране у нее не оставалось политических конкурентов сравнимого с нею масштаба; и в Кремле, и в Белом доме ее принимали как любимого друга. И Рейган, и Горбачев советовались с ней. Тэтчер оказалась на пике своих возможностей. Она понимала это и намеревалась ими воспользоваться.

Она сознавала, что в течение второго срока пребывания у власти снизила напор, потеряла темп движения. Она справилась с шахтерами, добилась расширения приватизации. Во всем же остальном ход реформ разочаровывал. Оставалось еще слишком много сфер, положение в которых требовало ее вмешательства. И она была готова действовать. Пламя ее радикализма разгорелось вновь. Но прежде всего предстояло кое с кем рассчитаться.

Норман Тоббит выражал желание уйти с поста председателя партии. После завершения избирательной кампании такой уход был бы нормален. Необычным, однако, оказался отказ Тэтчер предложить ему какой-либо пост в кабинете. Брошенный на произвол судьбы, разобиженный Тоббит ушел в частную жизнь. Лидер палаты общин и интеллектуальная совесть кабинета, Джон Биффен, положение которого целый год оставалось шатким и неопределенным, был тоже уволен. В мае 1986 года он повторил ошибку, допущенную Френсисом Пимом перед выборами 1983 года; предложил, чтобы премьер-министр придерживалась «сбалансированной», то есть менее жесткой, линии в подходе к организации ее третьей избирательной кампании. Пим был уволен через день после завершения голосования 1983 года; Биффен — на следующий день после выборов.

Освободившись таким образом от необходимости сдерживать себя, накладывавшейся на него пребыванием в правительстве, Биффен вскоре стал гораздо более откровенен в своих публичных выступлениях. Особое недовольство с его стороны вызывали «сталинистский нажим», проявляемый Тэтчер во время

обсуждений в правительстве, и «ее стремление сплясать на могиле оппонентов». Последнее сравнение имело под собой основания. Тэтчер предпочитала не брать в плен, а разделываться со своими противниками раз и навсегда. «Раздавлены как мухи» — такими словами Биффен характеризует самочувствие тех членов кабинета, которые испытали на себе ее расправу. Действуя таким образом, Тэтчер добилась отставки со своих постов некоторых из числа лучших английских политиков и деморализовала тех, кто продолжал служить. Немало примеров тому было в ходе третьего срока ее пребывания у власти, который начинался с больших замыслов и планов, но поразительно быстро сошел на текучку. Ошиблись те, кто полагал, что теперь, когда ее место в истории гарантировано, Тэтчер начнет обращаться с людьми мягче. Наоборот, она стала жестче, чем когда бы то ни было. Один из ее ближайших помощников объясняет это тем, что премьер-министр постоянно испытывала неуверенность в себе и необходимость утверждать себя. «Она удивительно неуверена в себе, — говорит этот человек, один из убежденнейших ее сторонников. — Она — женщина в мужском мире, она никогда точно не знает, как управлять ими в этом мире, и потому она их просто расплющивает».

Биффен оказался последней из таких раздавленных мух. Но то, что перед этим он входил в самое узкое окружение Тэтчер, придавало его критическим выступлениям особую весомость. «Меня больше всего поражало то, — говорил он, — насколько нетерпимо относится она к малейшим проявлениям несогласия». Высказывания Биффена много значили еще и потому, что исходили от твердого приверженца консервативной партии и политики, от человека, который был «тэтчеристом» еще до прихода Тэтчер к руководству и который ни в коем случае не был ее политическим конкурентом. Эти высказывания отражали растущую озабоченность, с какой консерваторы начинали смотреть на собственного лидера, пусть даже и добивающегося успехов. Тэтчер превратилась в «автократа», утверждал Биффен. Осуждая ее за «узость социальных взглядов и недопустимую самоуверенность, проявляемую в отношениях с людьми», Биффен делал вывод: «Должно быть, она считает образцом для себя Оливера Кромвеля — у них так много общего в характерах» {1}.

Для женщины, которую член парламента от консервативной партии Джулиан Критчли непочтительно назвал «prima donna inter pares» тори {2}. Биффен, естественно, был всего лишь человеком вчерашнего дня. Через год она испытает один из худших периодов за всю свою карьеру и будет изо всех сил пытаться остановить головокружительное падение. Но в середине

1987 года Тэтчер еще повелевала, а лейбористская партия и партии Альянса боролись за то, чтобы выжить.

В самом плохом положении оказался Альянс, получивший в 1987 году лишь 22 из 650 мест в палате общин. Он не смог даже повторить собственные результаты 1983 года. Главной причиной тому было исчезновение политического центра. Если четырьмя годами раньше существовала потребность в том, чтобы выставить центристскую альтернативу Тэтчер и Киннoку, только сменившему тогда Майкла Фута, то на этот раз такой потребности не было. Кроме того, в самом Альянсе не было ясности ни относительно существа его центристской линии, ни в вопросах руководства партией. По завершении избирательной кампании Альянсу предстояло либо навести порядок в собственном доме и добиться доверия к себе, либо погибнуть. И он погиб, когда либералы и социал-демократы не смогли договориться друг с другом об официальном объединении их партий. Не прошло и двух месяцев после выборов, как социал-демократы после острых дискуссий проголосовали за позиции, означавшие их консолидацию вокруг Дэвида Оуэна.

Оуэн был против полного слияния, опасаясь, что более многочисленная либеральная партия станет доминировать в таком объединении. Он продолжал резко расходиться с либералами в вопросах отношения к ядерному оружию. Не был он расположен и к тому, чтобы играть вторую роль в объединенной партии, которую ему скорее всего не удалось бы возглавить. Когда лидер либералов Дэвид Стил предпринял мощную и увенчавшуюся было успехом попытку добиться объединения своей партии с социал-демократами, Оуэн отказался от руководства последними и на время отошел в тень. В течение какого-то периода Стил возглавлял начавшийся было процесс объединения, но затем тоже покинул свой пост. В итоге вместо укрепления Альянса все эти попытки и политическая борьба, которой они сопровождались, лишь еще больше расшатали Альянс и лишили его последней привлекательности в глазах избирателей. После того как на место двух прежних лидеров — Стила и Оуэна — пришли никому не известные личности, Альянс практически канул в небытие.

У руля в лейбористской партии оставался Киннок. Он продолжал предпринимать усилия к тому, чтобы модернизировать партию, умерить ее радикальный облик и добиться принятия таких программных установок, которые смогли бы привлечь больше избирателей. Не уставая подчеркивать, что на прошедших выборах против Тэтчер голосовало в общей сложности больше англичан, чем за нее,

Киннок в то же время признавал, что нужна глубокая переоценка всей стратегии лейбористов. «Нам нужна такая лейбористская партия, которая была бы привлекательна для широкого спектра общественности», — говорил он, давая начало далеко идущему пересмотру курса партии в вопросах экономической, военной политики и трудовых отношений. «Истина заключается в том, что у нас нет никакой собственной экономической политики», — признавал Дэнис Хили после поражения 1987 года. «Нам надо отказаться от нынешних позиций в вопросе о ядерном оружии», — добавлял Питер Шор, выражавший взгляды лейбористского центра. Стэн Орме, председатель парламентской фракции лейбористской партии, предупреждал, что, если партия не сместится к центру, «она проиграет следующие выборы и, возможно, никогда не сумеет вернуться к власти в стране» {3}.

Пока оппозиция занималась своими внутренними проблемами и поле для политических действий оставалось открытым, Тэтчер осенью 1987 года начала осуществление целого комплекса инициатив, наиболее радикальных после ее бюджетной инициативы 1979 года. Объектами глубокой перестройки должны были стать сферы образования, налогообложения, социального страхования, коммунальные службы, здравоохранение, адвокатура и даже система, в соответствии с которой пивные в Англии принадлежат пивоваренным компаниям. Это были серьезные заявки на содержание третьего срока полномочий премьер-министра.

Первой сферой, которой суждено было попасть в поле зрения правительства и под его нож, была система образования. Она функционировала на основании принятого еще в 1944 году Закона об образовании, и положение английского студенчества по сравнению с положением студентов в странах континентальной Европы с годами становилось все хуже. Это и был призван реформировать Закон о всеобщей реформе образования, сокращенно названный ГЕРБИЛ[28]. Джон Рай, бывший директор «Вестминстера» — одной из наиболее известных частных школ Великобритании, — выразил свое отчаяние такими словами: «Из всех развитых стран мира в наихудшем состоянии система образования содержится, по-видимому, у нас».

Рай не преувеличивал. Примерно один процент от общего числа учащихся — те, кто посещает престижные частные школы, называемые в Англии публичными, — получает великолепное образование. На университетском уровне эквивалентом таких школ являются Оксфорд и Кембридж. В совокупности они-то и создали высокую репутацию английской системе образования. Но общественная система образования находится в позорном

состоянии и являет собой карикатуру на эту репутацию. В отчете общенациональной Инспекции школ за 1988 год тысяча из четырех тысяч средних школ Англии была признана находящимися в «неудовлетворительном состоянии». Доля учащихся, продолжающих после школы свое образование в колледже, в Великобритании ниже, чем в большинстве промышленно развитых стран мира. Десятки тысяч шестнадцатилетних выпускников школ ежегодно приходят на рынок труда плохо образованными и не имеющими никакой специальности. Лишь 14 процентов выпускников полных средних школ в Англии поступают в колледжи; в Соединенных Штатах — 59 процентов. Такое положение стало одной из причин того, почему после второй мировой войны Великобритании было трудно конкурировать на международной арене.

Тэтчер понимала, что в системе образования требует перемен все: от школьных программ до ответственности университетов за использование средств, выделяемых им правительством. Школьное обучение было бесплатным, но содержание программ контролировалось местными органами власти, Тэтчер хотела положить этому конец и добиться принятия единых общенациональных программ. ГЕРБИЛ был принят парламентом и стал Законом о реформе образования 1988 года. Это был поистине революционный шаг, означавший возврат к первоосновам, установление большего контроля центрального правительства над системой образования и приведение ее в большее соответствие с тем, как организована такая система в континентальной Европе. Родители получали больше прав в выборе школы для своих детей, а сами школы могли по собственному решению выходить из подчинения местным властям и получать ассигнования непосредственно от центрального правительства. Для школ, находящихся на государственном финансировании, устанавливались три уровня общенациональных программ. Финансирование высших учебных заведений ставилось под контроль специальных советов, назначаемых центральным правительством. Для профессоров, избранных после ноября 1987 года, ликвидировалось право пожизненного занятия этой должности в университете. Положения закона, касавшиеся начальной и средней школ, вызвали в стране и среди специалистов меньше разногласий, чем те, что распространялись на 52 университета, и в целом были встречены с одобрением. «Внизу», правда, высказывались опасения, что упор на преподавание английского языка, математики и естественных наук приведет к возрождению тех самых узкоутилитарных программ, которые когда-то были

отвергнуты именно из-за их слишком прикладного характера. Высказывались и опасения, что предоставление родителям права выбирать школу, в которую будут ходить их дети, приведет к оттоку белых из школ со смешанным расовым составом учащихся.

На университетском уровне реакция на реформы была иной. Руководство университетов назвало новый план «рецептом катастрофы». Ликвидация права пожизненного найма, заявил один из руководителей Ассоциации университетских преподавателей Пол Котрелл, «облегчает увольнение ученых» и представляет собой угрозу академическим свободам, поскольку вынуждает ученых подчинять свою работу приоритетам, устанавливаемым правительством, а не интересам свободного научного поиска. Не, как сказал член парламента от консервативной партии и бывший министр высшего образования Джордж Уолден, «групповые интересы, сложившиеся в системе высшего образования, лишали ее способности к самообновлению, и правительство просто вынуждено было вмешаться». Но самое серьезное недовольство было вызвано необходимостью отчитываться за использование выделяемых из бюджета средств.

По мнению Тэтчер, система образования, как и неэффективно работающие отрасли промышленности, была приучена к тому, что правительство вытащит ее из трудностей независимо от того, насколько хорошо или плохо работает сама эта система. Тэтчер считала, что университетская система в целом и Оксбридж[29] в особенности являются оплотом социалистических настроений. Профессора — многие из которых к тому же всего лишь самонадеянные интеллектуалы и леваки — расселись по башням из слоновой кости, преподают никому не нужные курсы, брюзжат и жалуются вместо того, чтобы начать наконец делать что-то полезное. Тэтчер такое положение не устраивало.

Премьер-министр не видела оснований освобождать систему образования от тех же самых требований, которые она предъявила и к большинству других сторон и сфер британского общества. Образование тоже должно было быть поставлено перед необходимостью экономить, соотносить затраты и получаемый результат, приучиться к мышлению рыночными категориями. Без всего этого страна не могла бы вновь обрести конкурентоспособность и удержать ее (в длительной перспективе. — *Прим. перев.*). С начала 1900-х годов правительство выделяло немалые ассигнования университетам страны. Роберт Джексон, который был министром высшего образования в правительстве Тэтчер в момент принятия Закона о реформе 1988 года, указывал, что за этот период расходы на нужды университетов увеличились в восемь раз, а валовой

национальный продукт — лишь втрое. «После того как на протяжении 50-х и 60-х годов в университеты и научные исследования накачивались средства, а ученые говорили: «Дайте нам деньги и ни о чем не спрашивайте», — люди должны были рано или поздно начать задавать вопросы», — говорил Джексон {4}.

Сама Тэтчер в бытность министром образования в 70-е годы пробивала значительные ассигнования на эти цели. Но став премьер-министром, она оказалась в первых рядах тех, кто начал задавать вопросы. В 1981 году она начала сокращать ассигнования — не в абсолютном выражении, но их долю среди других расходов правительства. В 1978 году, например, 75 процентов от общего объема правительственных ассигнований на нужды университетов не сопровождались никакими условиями. Через десять лет доля безусловных ассигнований была уже только 55 процентов. Университеты громко протестовали — можно даже сказать, галдели и хлопали крыльями, как потревоженные гуси. Имя Тэтчер стало ненавистным в кампусах как следствие ее политики в вопросах ассигнований.

Ненависть доходила до того, что в 1985 году Оксфордский университет отказал ей в присуждении почетной степени. Премьер-министры Эттли, Макмиллан, Вильсон и Хит получили такие степени в первый же год своего пребывания в должности; Иден и Дуглас-Хьюм — еще до того, как стали премьер-министрами. Все они были выпускниками Оксфорда, как и Тэтчер. Вопрос о присуждении ей почетной степени рассматривался между 1979 и 1983 годом трижды, но всякий раз комитет не выдвигал ее кандидатуру. Наконец еще двумя годами позже ее кандидатура был выдвинута; тут-то и разразилась буря. 275 деканов колледжей и факультетов выступили с протестом, заявив, что правительство Тэтчер «наносит глубокий и систематический ущерб всей системе общественного образования Великобритании, от детского сада до программ фундаментальных научных исследований». 738 голосами против 319 члены ученого совета высказались против присуждения ей почетной степени, чем повредили скорее университету, нежели премьер-министру. Тэтчер отреагировала с достоинством: «Им решать, кому они хотели бы оказать честь, — я ничего не выпрашиваю» {5}. Но это решение лишь утвердило ее во мнении, что старейшины академического корпуса — всего только узкая группка близоруких интеллектуалов, которые не знают и не хотят знать, по каким законам живет настоящий мир. Она не опустится до подобной узколобости. А кроме того, в ее руках ключи к университетским ассигнованиям в 4 миллиарда долларов, и эти

вожжи она не ослабит.

Последствия ее наступления начали ощущаться очень быстро. К 1988 году в Оксфордском университете было 122 преподавательских вакансии, но выделенные ассигнования позволяли заполнить только 25 из них. Две из самых престижных «королевских» кафедр университета, основанные британскими королями несколько веков назад, в 1989 году оказались без заведующих и без средств. Тысячи преподавателей уехали из Англии в США, соблазненные более высокой зарплатой и большими возможностями для научной работы. Известный философ Бернард Уильямс из Оксфорда и урбанист Питер Холл из Ридингского университета перебрались в Беркли, крупнейший из оксфордских историков Майкл Говард — в Йэйлль {6}.

Тэтчер не сдавалась. Она видела, что британские университеты стонут под бременем огромного числа преподавателей, получивших право пожизненного найма, защищенных системой гарантированной заработной платы государственных служащих, преподающих дисциплины и курсы, нужные лишь им самим. На нее не производили впечатления аргументы, что пользу университетов нельзя мерить критериями эффективности или что курс по истории средневековой литературы, который слушают всего один-два студента, определяет престиж университета. Правительство не могло позволить подобной роскоши. К 1990 году Тэтчер хотела иметь на 35 процентов больше выпускников — специалистов по естественным наукам и на 25 процентов больше инженеров, чем в 1980 году. Студенты, считала она, должны приобретать те специальности, которые необходимы стране для поднятия ее конкурентоспособности. Тэтчер готова была примириться с временной утечкой мозгов за границу как с неизбежным злом, подобно тому как примирилась она с утроением безработицы в течение двух первых сроков ее полномочий. Система нуждалась во встряске.

Когда критики заявляли, что с университетами нельзя обращаться как с заводами, она спрашивала — а почему? Английским университетам никогда не приходилось самим зарабатывать себе на жизнь, как это делают частные университеты в США. Оксфордский университет, например, зарабатывает в год около 12 миллионов долларов; Гарвардский — 4,5 миллиарда. Когда в 1988 году Оксфордский университет, проконсультировавшись у своих коллег в Гарварде и Принстоне, начал кампанию по сбору пожертвований, громче всех это приветствовала Тэтчер. До этого университет никогда не пытался получить никаких пожертвований от 116 тысяч своих

выпускников, многие из которых входят в число самых преуспевающих и богатых людей мира.

Разобравшись с системой образования, Тэтчер решила применить принципы свободного рынка к Национальной системе здравоохранения (НСЗ), этому подлинному бриллианту в созвездии всех тех, кто существует за счет социальных ассигнований правительства. Целью, объясняла премьер-министр, было предоставить врачам и больницам большую свободу действий, одновременно снизив в здравоохранении неоправданные издержки и добившись более экономного расходования государственных средств. Противники Тэтчер в этом вопросе, однако, полагали, что на самом деле она стремится добиться приватизации здравоохранения. Она действительно хотела бы этого, будучи убеждена, что частная медицина окажется более эффективной; но Тэтчер понимала, что страна этого не потерпит. Когда она попыталась ввести частное страхование, в парламенте премьер-министра подвергли настоящей расправе. Ее предварительные и ориентировочные предложения на этот счет Нейл Киннок назвал «дешевой и скверной стратегией дешевого и скверного правительства». Тэтчер отступила, но продолжала дразнить систему. Некоторые больницы начали арендовать рентгеновское оборудование вместо того, чтобы покупать его. Питание больных и организация охраны больниц в некоторых случаях тоже перешли к частным фирмам. Несмотря на то что, по данным опросов общественного мнения, более 90 процентов англичан возражали против таких мер, была введена плата за профилактические осмотры у окулистов и стоматологов. Вместо врачей администраторами в некоторых больницах стали профессиональные менеджеры.

Эти реформы, как и некоторые другие, нацеленные на то, чтобы ввести дух конкуренции, побудить поднять производительность труда, сократить время ожидания в очереди на операцию, были в целом оправданны. Но они вызывали беспокойство у рядовых англичан, считающих, что Тэтчер пытается американизировать национальную систему здравоохранения. Врач по образованию, Дэвид Оуэн высказывался против таких попыток: «Коммерциализация здравоохранения — это верный путь вниз, к тому, к чему уже пришла медицина в Америке: к первоклассному обслуживанию для богатых и десятиклассному — для бедных». Тэтчер возражала: с учетом инфляции ассигнования на НСЗ в период с 1979 по 1989 год выросли на 40 процентов, достигнув уже 47 миллиардов долларов. И тем не менее выросло и количество жалоб на работу здравоохранения, и требования все новых ассигнований. И

потому Тэтчер не сдавалась: «Накачивание денег — не ответ. Необходимо заставить систему работать лучше», — справедливо подчеркивала она. Но сколько бы Тэтчер ни объясняла, как она намерена улучшить работу здравоохранения, ее продолжали обвинять в том, что она стремится разрушить систему с тем, чтобы сэкономить на ассигнованиях.

Менее противоречивыми, но ничуть не менее радикальными были и предложения правительства по дерегулированию адвокатской службы, принятие которых означало бы глубочайшие перемены за всю историю существования в стране этой профессии. В центре реформы была ликвидация обязательного различия между солиситорами — адвокатами, работающими непосредственно с клиентами, — и облаченными в парики барристерами — присяжными поверенными, обладающими монопольным правом представлять дело в суде. В соответствии с предложениями правительства, смысл которых был в том, чтобы через поощрение конкуренции лучше защитить интересы клиента, все адвокаты, сдав квалификационный экзамен, получали бы равные права как на ведение непосредственной работы с клиентами, так и на представление дел в любом суде. Реформа позволяла бы также адвокатам принимать к ведению дела на основах, принятых в американской системе: не выиграл дело — не получаешь гонорара. А чтобы избежать часто встречающейся в американской практике перегрузки некоторых адвокатов, общая сумма получаемых ими гонораров ограничивалась бы.

Лорд-канцлер, назначаемый английским правительством в качестве высшего юридического лица в стране, лорд Маккей охарактеризовал предложения правительства как «неотъемлемую часть правительственной программы, направленной на то, чтобы сделать правосудие доступным для всех». Общественность поддержала их, но барристеры высказались резко против того, что они назвали американизацией адвокатуры, и заявили о своем намерении бороться против их принятия. «Качество отправления правосудия под угрозой, общественность проиграет от этого, — предрекал председатель Британской ассоциации адвокатов Десмонд Феннел. — У нас появится американизированное правосудие с окружными атторнеями и крупными адвокатскими конторами, а результатом будет огромное увеличение издержек и затягивание рассмотрений дел».

К концу первого года третьего срока полномочий Тэтчер практически не оставалось ни одного уголка английской жизни, по которому она не прошлась бы рыночной метлой. Кое-где положение улучшилось, но кое-где и обострилось, особенно в

сфере культуры. В 1988 году директора Национальной галереи, Британского музея, галереи Тэйт, музея Виктории и Альберта и музея естественных наук обратились непосредственно к премьер-министру: их музеи — банкроты. Речь шла не о том, что не на что приобретать новые экспонаты; нечем было платить за текущий ремонт. Некоторые картины покрывали в музеях пластиковой пленкой, чтобы уберечь от протекавшего через потолок дождя. Галерее Тэйт необходимо было на такой ремонт более 40 миллионов долларов. Национальная галерея заявляла, что острая нехватка средств вынуждает ее «ежедневно рисковать» сохранностью находящихся там предметов искусства {7}. Тэтчер упиралась: у правительства нет лишних денег, музеи должны вводить плату за посещения, наладить сборы пожертвований или же продать часть своих коллекций. В Соединенных Штатах сборы пожертвований от частных лиц обеспечивают музеям и галереям большую часть их средств. В Англии же налоговая система не поощряет благотворительность, и поэтому стимулы в пользу пожертвований не столь велики.

Тэтчер могла бы в данном случае сделать какое-то исключение или же как-то стимулировать пожертвования со стороны частного сектора. Но она просто не видит и не понимает проблем культуры, и в этой области ее правительство проводило совершенно неправильную политику. Несмотря на все усилия Алфа и Беатрис в Грантеме и на ее собственные настояния, чтобы близнецов знакомили с культурой, Тэтчер никогда не интересовало искусство — ни изобразительное, ни исполнительское. Премьер-министр редко посещала музеи или спектакли, а когда и делала это, то отдавала предпочтение представлениям, пользующимся коммерческим успехом. Концерты и балеты мало ее интересовали, и хоть она и говорит, что любит оперу, бывает Тэтчер в ней крайне редко.

Деятели культуры склонны считать ее филистеркой. «Это правительство считает субсидии чем-то таким, что вынужденно бросается отрасли, которую надо было прикрыть еще десять лет тому назад, — говорит сэр Питер Холл, бывший директор Национального театра. — Мы пытались убедить его, что субсидии культуре — это капиталовложение в будущее, но оно не соглашается с этим. Оно считает, что культура — только для элиты. Это не так. Для элиты предназначаются лишь наивысшие достижения в области культуры, самые ее сливки. Но к тому же это правительство еще и считает, что на культуре оно дополнительных голосов не получит» {8}. Актер Питер Устинов высказывается столь же критически — как, впрочем, почти все деятели британской культуры:

«Возможно, Англия при Тэтчер и добилась большего процветания; но рыночные ценности — не единственные ценности в этом мире» {9}.

Сфера культуры оказалась не единственной областью, применительно к которой правительству было трудно отвечать на критику. В самом начале третьего срока пребывания Тэтчер у власти были поражения и по другим вопросам — поражения, предвещавшие наступление трудных времен. Осенью 1987 года, в ответ на широкое недовольство общественности недостаточным финансированием НСЗ, правительство было вынуждено добавить более 2 миллиардов долларов в бюджет здравоохранения. К весне 1988 года недовольство, однако, еще более усилилось. Когда Тэтчер попыталась снизить налоги, вспыхнули острые разногласия в партии. В апреле Найджел Лоусон снизил верхний предел ставки налогообложения индивидуальных доходов граждан с 60 до 40 процентов, тем самым резко увеличив покупательную способность наиболее состоятельных слоев. Это шокировало даже некоторых убежденнейших сторонников премьер-министра.

Вопрос о налогообложении, и без того острый, стал в результате болезненным. Но еще более ухудшило положение решение о замене местных налогов на собственность единым общенациональным подушным налогом на всех граждан старше 18 лет. Поступления от этого налога, которые, по расчетам, должны были превысить 300 долларов с человека в год, направлялись бы в бюджеты местных советов, хотя реальная цель заключалась в том, чтобы таким образом поставить эти советы под контроль правительства. Советы избирались главным образом теми, кто не платит налоги или платит по низким ставкам. И Тэтчер хотела отучить эти советы разбрасывать средства, получаемые через налоги с владельцев собственности, для которых налоговые ставки выше. Каждый в состоянии трудиться, считала она, и потому каждый должен вносить свою честную долю в общую копилку.

Планы введения регрессивного подушного налога вызвали бурю критики. Оппоненты, немалое число которых было и в рядах консервативной партии, выступали против налога, по которому те, кто живет на пособие, должны были бы платить столько же, сколько и миллионеры. «Это вызов честности, которой мы привыкли гордиться», — заявил бывший министр обороны Майкл Хизлтайн. При первом голосовании по налогу в 1988 году часть тори взбунтовалась, и большинство в 101 голос, которым располагало правительство в парламенте, вдруг сжалось до 25. Чтобы облегчить прохождение законопроекта, правительство

добавило в него положения, призывавшие более состоятельные местные советы оказывать финансовую помощь там, где относительный уровень расходов был выше. Но эта сомнительная уступка настроила против нового налога даже последних его сторонников, и в итоге его введение поддерживала лишь сама Тэтчер.

Медового месяца на третий срок не вышло. Столкновения по вопросам реформ систем образования и здравоохранения быстро положили конец предположениям, что чем дольше Тэтчер будет оставаться на Даунинг-стрит, тем ровнее пойдет политическая жизнь. Сокращения некоторых налогов в сочетании с планами введения подушного налога, вызванное этим недовольство усилили политическую напряженность в начале 1988 года и потребовали отступлений правительства в некоторых других вопросах. Весной почти полмиллиона медицинских сестер и среднего медперсонала получили 15-процентное повышение зарплаты, что составляло в общей сложности 1,4 миллиарда долларов. Массовые требования об этом повышении возникли после того, как работники этих категорий разобрались, что их годовая зарплата составляет менее 12 800 долларов. Одновременно Тэтчер пришлось отступить и в вопросе о сокращении социальных пособий бедным, престарелым и инвалидам. Атаки в палате общин вынудили ее восстановить в бюджете на эти цели первоначально сокращенные 188 миллионов долларов. Ей пришлось также пойти и на увеличение минимального порога семейных накоплений (ниже которого семья имеет право на уменьшение налоговых ставок и квартплаты) с 11 280 до 15 040 долларов. «Мы поняли, что предусмотренные нами меры оказали бы необоснованно тяжелое воздействие на некоторую часть населения, — объясняла премьер-министр. — Мы решили пересмотреть эти меры». Один из членов парламента от консервативной партии дал иное объяснение этой смене настроений: «Пришла почта от избирателей».

Эта почта становилась все обильнее. Чем настойчивее шла вперед Тэтчер, тем большее сопротивление вызывали ее действия. Помимо ее политического курса, который многим было трудно переварить, для нарастания политической напряженности были и другие причины.

Отставка в январе 1988 года заместителя премьер-министра Уильяма Уайтлоу после перенесенного им сердечного приступа оказалась ударом, от которого Тэтчер, по-видимому, так и не сможет оправиться. Во всяком случае, к началу 1990 года[30] она все еще переживала его уход. Отставка Уайтлоу стала для нее

огромной потерей, большей, чем первоначально считала даже сама Тэтчер. С его уходом у премьер-министра не осталось в кабинете доверенного и высокопоставленного советника, который мог бы сдерживать некоторые ее импульсы, чреватые нарастанием политических конфликтов и противоборств. Уайтлоу не представлял для нее политической угрозы, не был ее соперником. По характеру он был ближе к Эйри Ниву и выполнял функцию наставника, на которого всегда можно было положиться. Но у него были гораздо лучшие, чем у Нива, связи с центристами в партии и с немногочисленными из остававшихся еще ветеранов тори. После того как во время фолклендской войны ушел в отставку Питер Каррингтон, никто не был способен при необходимости так успокоить Тэтчер, заставить ее заново рассмотреть какой-то вопрос, так сгладить тряску на политических ухабах в парламенте и в стране, как это умел делать Уайтлоу.

Тэтчер оказалась жертвой собственных успехов, и это стало другой причиной сгущавшихся грозовых облаков. К весне 1988 года она уже пять лет подряд пользовалась парламентским большинством более чем в сто голосов. Она не чувствовала никаких ограничений. Ее власть не уравновешивалась ни конгрессом, ни Верховным судом — как было бы в США. Она располагала такой свободой рук и таким объемом власти, что, в сочетании с ее жестким догматизмом и природной склонностью к конфликтам, это привело к тому, что она становилась все более властолюбива, высокомерна и деспотична. Не только отколовшиеся от нее люди, вроде Биффена, но и весь ее нынешний кабинет считал, что премьер-министр ведет себя чересчур автократически. «Пим был прав», — заявил один из членов кабинета, вспоминая высказывание бывшего министра иностранных дел насчет побед на выборах и хороших правительств. Прав оказался и Уайтлоу, не раз предупреждавший, что «наличие значительного парламентского большинства и слабость оппозиции сильно затрудняют и консолидацию собственной партии, и процессы управления страной».

Тэтчер стала уделять меньше времени своим «заднескамеечникам». Она действительно была постоянно занята, но это истолковывалось как игнорирование их премьер-министром, которая не испытывает в них более нужды. Когда же такие встречи все же происходили, говорила на них только она, что вызывало еще большее недовольство. Один из помощников премьер-министра пожаловался как-то, что «ее рация постоянно включена на передачу, и никогда — на прием. Это приведет ее к краху». Росло отчаяние тех консерваторов, которые знали, что

при Тэтчер они никогда не получат поста в правительстве. И их разочарование смешивалось с горечью бывших министров, уволенных за эти годы, — а таких набралось больше сотни. Тэтчер, однако, тщательно избегала повторения одной из ошибок Эдварда Хита. Она вознаградила многих потенциальных возмутителей спокойствия почетными званиями пэров и тем самым обеспечила их удаление с опасной для себя дистанции — из палаты общин — на безопасную, в палату лордов.

В мае 1989 года исполнялось десять лет ее пребывания у власти. В день юбилея прошел сильный грозовой дождь; но Тэтчер в любом случае не собиралась отмечать эту дату, которую она назвала «обычным рабочим днем». Возможно, если бы она устроила какое-то торжество, премьер-министр выглядела бы более человечной. Но момент не располагал к празднованиям. Тэтчер вновь переживала полосу политических трудностей. Экономическое положение ухудшалось. Осложнение позиций премьер-министра в середине срока его полномочий — обычное явление, но на сей раз дело было серьезней. Многие британцы были уже по горло сыты Тэтчер. Когда ресторан «Премьер», расположенный на месте бывшей бакалейной лавки Робертсов в Грантеме, организовал праздничные обеды по случаю этой даты, его окна забросали яйцами. Все чаще говорили, что третий срок пребывания ее у власти будет последним. На Тэтчер нападали со всех сторон, она была в осаде, а впереди ждали еще худшие времена.

Но ничто не могло удержать Тэтчер от стремления вперед, от нанесения новых ударов по последним бастионам государства всеобщего благоденствия. Приватизация долгое время была одним из тех направлений в политике правительства, которое пользовалось наибольшей общественной поддержкой. Но положение изменилось, когда ее попытались распространить на водо- и электроснабжение. «Люди начинают отворачиваться от идеи распродажи, — писал журнал «Экономист». — Мало кто убежден в целесообразности продажи в частные руки систем водо- и электроснабжения» {10}. Опросы общественного мнения показывали, что 75 процентов британцев, включая и значительную часть работников разных уровней управления, были против продажи акций национальной системы водоснабжения. «Мне говорят, что есть тори, которые выступают за приватизацию водоснабжения, — заявил один из членов консервативной партии. — Лично я таких не встречал». Аргументом против распродажи было то, что большинство из 54 ранее принадлежавших государству компаний, приватизированных на протяжении первых десяти лет

пребывания Тэтчер у власти, — в том числе «Роллс-Ройс», «Бритиш стил», «Ягуар», «Бритиш эйруэйз» — действовали на свободных рынках и по правилам должны были управляться частным сектором, а не государством. Но с водо- и электроснабжением дело обстояло иначе. Многие считали, что вода повсеместно должна быть бесплатной или почти бесплатной: в Англии ее достаточно. Потребителей беспокоила возможность скачков цен на другие товары и услуги в случае повышения платы за воду; сторонников охраны окружающей среды — то, что правительство должно будет в случае приватизации водоснабжения передать в частные руки и значительное количество общественных земель, а также то, как наладить потом контроль за их использованием. Более естественным представлялось и то, что электроснабжение должно находиться в руках государства. Планы его приватизации были не только чрезвычайно сложны, но предполагали и значительные расходы, и повышение тарифов. Дополнительные вопросы возникали и в связи с тем, как при этом будет управляться атомная энергетика.

Все эти реформы носили драматический характер и были малопопулярны. В лучшем случае их было бы очень трудно осуществить, не понеся при этом значительных политических издержек. Но их реализация еще более затруднялась начавшимся экономическим спадом. Курс фунта стерлингов по отношению к доллару, достигший в конце 1988 года рекордного уровня в 1,85, к октябрю 1989 года снизился до 1,55; но специалисты и этот курс считали завышенным. Дефицит торгового баланса утроился и в сентябре 1989 года достиг рекордной величины в 3,2 миллиарда долларов. Уровень инфляции с начала 1988 года удвоился и в мае 1989 года составлял 8,3 процента, что было самым высоким показателем из всех европейских стран. Чтобы не дать инфляции расти дальше, министр финансов Лоусон поднял учетные ставки с 7,5 до 15 процентов — самого высокого уровня на Западе. В Англии такие ставки были последний раз в период спада 1981 года. Октябрьское падение курса подняло уровень процента по закладным до 17, что практически привело к параличу рынка жилищного строительства. Поскольку уровни 95 процентов всех закладных за дома в Великобритании колеблется в соответствии с колебаниями базовых ставок, жители домов, принадлежащих местным советам, почувствовали себя наиболее ущемленными ростом учетных ставок. Все требовали какого-нибудь облегчения. Лоусон, которого считали чудотворцем британской экономики, превратился в козла отпущения. «Дейли мейл», одна из наиболее проконсервативных газет страны, окрестила Лоусона, вчера еще всеобщего кумира, «канцлером-

банкротом» и потребовала его отставки.

Неудовлетворенность положением в экономике сконцентрировала внимание на одном из наиболее известных секретов Уайтхолла: постоянных и острых разногласиях между премьер-министром и ее министром финансов относительно того, какие меры необходимы в сфере хозяйствования. Они спорили об этом уже на протяжении многих лет, и премьер-министр, официальный титул которой — первый лорд казначейства, не позволяла Лоусону вмешиваться в управление экономикой. Тэтчер была убеждена, что курс фунта стерлингов должен поддерживаться механизмами рынка, а не вмешательством правительства. Лоусон постоянно подчеркивал свою точку зрения: чтобы избежать опасно высокой инфляции, необходимо вмешательство правительства посредством воздействия на учетные ставки. Можно об этом сожалеть, но такова необходимость. Тэтчер и Лоусон расходились также и во взгляде на то, должна ли Великобритания присоединяться к Европейской валютной системе (ЕВС), которая удерживает курсы валют западноевропейских стран в пределах узкого диапазона колебаний. Лоусон поддерживал идею о вступлении, считая, что оно будет способствовать стабильному курсу фунта и тем самым большей уверенности действий правительства и деловых кругов в сфере экономики. Тэтчер, всегда с подозрением относившаяся к любым внешним влияниям, усматривая в них умаление суверенитета Великобритании, не уставала повторять, что время для присоединения к ЕВС «еще не созрело».

По мере того как Европейское Сообщество продвигалось к намеченной на 1992 год экономической и политической интеграции, дебаты в Англии о целесообразности присоединения к ЕВС становились все более оживленными и острыми. Тэтчер была настроена против западноевропейской интеграции. Расширение сферы конкурентной борьбы, меньшее вмешательство правительств в экономику, свободная торговля с Европой — все это она готова была приветствовать. Но она не хотела рисковать возможным ограничением британского суверенитета. Не вызывало у нее поддержки и то, что для управления делами новой Европы потребовалось бы формирование огромной транснациональной бюрократии.

Ее вызов Европе начал набирать обороты в июне 1988 года, когда президент Европейской Комиссии француз Жак Делор провозгласил, что к середине 90-х годов «80 процентов европейских экономических решений будет приниматься в Брюсселе», где располагаются органы ЕС. Тэтчер, которой Делор не нравился и в личном плане, и тем, что он социалист,

охарактеризовала его высказывания как «абсурдные» и «не имеющие под собой никаких оснований». Через три месяца после этого Делор приехал в Англию. Его пригласили на ежегодный конгресс профсоюзов, который овацией приветствовал его слова о «социальной Европе», в которой будут защищены права рабочих. Это были те самые профсоюзы, которые так ненавидит Тэтчер.

В течение трех недель Тэтчер выдерживала паузу. Затем она приняла приглашение в епархию самого Делора, чтобы высказать собственные позиции. Выступая в Европейском колледже в Брюгге, она признала, что для нее рассуждать о будущем Европы — «это все равно что просить Чингисхана высказаться о перспективах мирного сосуществования». Аудитория захихикала, но тут же погрузилась в напряженную тишину, а Тэтчер продолжала разносить концепцию Европейской федерации и по сути объявила войну попыткам «задавить национальную самобытность (западноевропейских стран. — *Прим. перев.*) и сконцентрировать всю власть в центре европейского конгломерата». Она высказалась против ликвидации пограничного контроля, ибо его сохранение облегчает борьбу против терроризма и наркотиков; против введения единых налогов с продаж и на сделки; отказалась ослабить существующие в Англии жесткие карантинные ограничения на ввоз животных и заявила о незаинтересованности в создании Центрального европейского банка.

Проявление подобной неуживчивости фактически приглашало другие западноевропейские государства действовать так, как они сочтут необходимым. В самой Великобритании «задирание носа» ее премьер-министром вызвало некоторую критику. Впрочем, не слишком сильную: рабочий класс и просто не очень состоятельные люди, то есть большинство тех, кто составлял социальную опору Тэтчер на выборах, разделяли недоверие своей избранницы к континентальной Европе. К тому же шел еще 1988 год. К 1989 году положение в британской экономике стало еще хуже, а Западная Германия очаровала нового американского президента Джорджа Буша. Он открывал континент, который Рональд Рейган игнорировал. Внезапно стало казаться, что в рамках Атлантического союза Тэтчер оказалась как бы в изоляции, союз консолидировался, но без Англии. Европейский поезд уже отходил, а она все еще стояла на платформе. Лидеры делового мира, которые на протяжении многих лет более других поддерживали Тэтчер, стали высказывать обеспокоенность, что, если экономическая интеграция на континенте станет нарастать и далее, антиевропеизм Тэтчер может привести к утрате Лондоном его

роли одного из ведущих финансовых центров мира, что обошлось бы компаниям в крупные суммы.

Вместо того чтобы критически переоценить свою позицию, Тэтчер продолжала начатое наступление на протяжении всей кампании по подготовке к выборам в Европейский парламент, которые должны были состояться в июне 1989 года. Она выступила против принятия единых стандартов ЕС на питьевую воду и даже против правил, определявших размеры предупреждения о вреде курения, помещаемого на пачках сигарет. Все это Тэтчер сочла примерами вмешательства во внутренние дела Великобритании. Осудила она и проект декларации ЕС о правах рабочих как «социалистическую хартию, пронизанную ненужными мерами контроля» {11}. Когда были подсчитаны итоги выборов, стало совершенно очевидно, что Мэгги идет не в ногу.

До выборов британские тори имели в Европарламенте — обретающем все больший вес законодательном органе Европейского Сообщества — 45 мест, а лейбористы 32 из общего их числа в 518. После выборов эти цифры поменялись местами. Такой результат был наихудшим у консервативной партии за все время выборов в Европарламент, а кроме того, означал их первое серьезное поражение за время пребывания Тэтчер у власти. Легенда о ее непобедимости была поколеблена. Причем добились избрания именно те консерваторы, которые порвали с позицией премьер-министра и выступали за развитие ЕС и связей Англии с ним. «Вся ответственность за позорно плачевные результаты кампании» лежит на Тэтчер, заявил один из победивших консерваторов Питер Прайс {12}. Газета «Санди телеграф», обычно последовательно поддерживавшая премьер-министра, писала в редакционной статье, что, ассоциировав себя и консервативную партию с антиевропеизмом, Тэтчер совершила «грубейшую ошибку» {13}.

Тэтчер признала, что результаты выборов оказались «разочаровывающими», но охарактеризовала их как несущественные. Итоги голосования, заявила она, никак не повлияют на ее отношение к объединенной Европе. На следующей неделе двенадцать руководителей стран — членов ЕС встречались в Мадриде, и премьер-министр вновь высказывалась там со всей решительностью. Великобритания готова рассмотреть возможность более тесного «валютного сотрудничества», но полный «валютный союз» исключается. Вначале необходимо осуществить гораздо более «практичную и прагматическую» работу.

Франсуа Миттеран обвинил ее в попытке возродить

«идеологические дебаты» по проблемам, которые ЕС решило давным-давно. «Францию не устраи вает весь этот туман», — заявил ее президент. Тэтчер отмела это предупреждение. Среди ведущих лидеров западноевропейских стран она более других уважает Миттерана, интеллект которого она оценивает высоко, но считает его ленивым. Меньше уважения вызывает у нее канцлер Западной Германии Гельмут Коль, по ее мнению, не столь интеллектуальный и политически слабый. Ни тот, ни другой не смогли поколебать ее позиций.

К тому же ей все более не нравилась эволюция Сообщества. Ее озабоченность возрастала по мере того, как ЕС смещалось влево, принимая все новые меры социалистического характера и наращивая масштабы бюрократического контроля, — а слова «социализм» и «бюрократия» она выплевывает как ругательства. Не для того Тэтчер все эти годы боролась в Англии с социализмом, с влиянием бюрократии и как-то пыталась привести британский дом в порядок, чтобы теперь кучка европейцев разрушила все, чего ей удалось достичь.

Сразу же после Мадрида лидеры стран ЕС собрались вновь в Париже на пышные торжества по случаю 200-летия Великой французской революции. Это был момент торжества Миттерана. Но, когда у нее брали интервью, Мэгги ни в чем не польстила ему. Она стремилась преуменьшить значение Французской революции, которая не дотянулась до «Магна карты» — английской хартии прав человека, опередившей эту революцию на пять столетий. Когда ее спросили, видит ли она во Французской революции какой-либо общечеловеческий смысл или урок, Тэтчер ответила совершенно искренне: «Простите, нет, не вижу. За ней последовали террор и Наполеон. А что касается лозунга «Свобода, равенство и братство», то именно братства давно уже нет» {14}. Она напомнила Миттерану, готовому плеваться от досады, что идеи свободы, равенства и братства занимали видное место еще в Десяти заповедях и в Нагорной проповеди, а также в Руннимеде. После чего преподнесла изумленному французскому президенту свой праздничный подарок: переплетенную в кожу книгу Диккенса «Сказание о двух городах», в которой сопоставляются разгул насилия во Франции времен революции со спокойной, размеренной жизнью в Англии {15}.

Французы, которые не любили Тэтчер даже в лучшие времена, на этих празднествах обошлись с ней жестоко. Министр культуры Джек Ланг критиковал «стремящихся убить праздник зануд», которых он, правда, не назвал по имени. Премьер-министр социалист Мишель Рокар вспомнил о «нынешней

склонности британского правительства к проявлениям социальной жестокости». Желтая пресса Англии отвечала в том же ключе. Крупный заголовок в газете «Сан» гласил: «Лягушатники нападают на Мэгги». Газета «Санди экспресс» похвалила Тэтчер за то, что она оказалась «единственным из признанных в мире лидеров, которая проявила смелость и несколько притушила неумеренное хвастовство французского правительства». К завершению торжеств состояние европейского братства было таково, что прощальный банкет пришлось отменить: слишком многие руководители стран предпочли, не дожидаясь его, отправиться по домам {16}.

Но проблемы Тэтчер в Мадриде и во Франции были пустяком по сравнению с политическими и экономическими столкновениями, которые назревали дома. Из пяти лет третьего срока ее полномочий прошли два года. Как и в 1981 и 1986 годах, в середине очередного периода Тэтчер вновь допускала серьезные просчеты и переживала трудности. Она могла не назначать дату следующих всеобщих выборов до июня 1992 года; но, скорее всего, назначила бы их в 1991 году — весной, наиболее предпочтительное для нее время, или самое позднее осенью. В предвидении четвертой попытки переизбрания Тэтчер вскоре после возвращения из Франции предприняла очередную перетряску кабинета, исходя из того, что у новой команды будут впереди еще два года, чтобы войти в бойцовскую форму. Цель перетряски — ее окрестили «ночью длинных шляпных заколок» в память об аналогичной перетряске, предпринятой Макмилланом в 1962 году, — заключалась в том, чтобы создать у общественности впечатление нового вливания сил и энергии в правительство. Это получилось. Но, к сожалению, увольнение или перемещение тринадцати из двадцати двух членов кабинета были осуществлены крайне неуклюже и породили недовольство и упреки в партии. Тэтчер не обращала на все это внимания и шла напролом, считая, что к 1991 году все позабудется. Однако вся эта история вызвала дополнительные сомнения в том, насколько реалистично способна премьер-министр оценивать происходящее.

Самое большое удивление вызвало бесцеремонное удаление одного из самых старших ее коллег, сэра Джеффри Хоува. Он был ее первым министром финансов и шесть лет проработал в должности министра иностранных дел. Но кое-что было и против него. На мадридской встрече руководителей стран — членов ЕС он публично призывал Тэтчер занять более умеренную позицию по вопросу о членстве в ЕВС. Она слегка сдвинулась в сторону большей умеренности, но ощетинилась и затаила злость. Хоув уже не впервые пытался умерить ее подход, особенно к

европейским делам, но всякий раз ее это задевало за живое. Еще важнее было то, что Тэтчер не разделяла распространенное среди его коллег-дипломатов уважение к способностям Хоува. Его высоко ценили за умение вести переговоры, за вдумчивость, осторожность и опыт. Тэтчер, однако, устала от Хоува и считала его нерешительным, слабым и склонным чрезмерно корпеть над мелочами. Он не вписывался в весьма динамичный стиль деятельности премьер-министра. Некоторые члены парламента за глаза звали его «могадон» — по названию популярных успокоительных таблеток. Дэнис Хили высказался как-то так: наскоки на кого-либо со стороны Хоува — это примерно то же самое, что «нападение мертвой овцы». Во внешнеполитических делах Тэтчер больше полагалась на советы своего личного секретаря и помощника Чарльза Пауэлла, которому доставляло удовольствие время от времени выводить ее из равновесия, предлагая варианты более правые, чем позиции самой Тэтчер. Фактическое положение Пауэлла было еще одним унижением для Хоува как опытного министра иностранных дел: Пауэлл был рядовым дипломатом низкого ранга, когда министерство иностранных дел уступило его на время Даунинг-стрит. А там он сумел стать любимцем Тэтчер благодаря своему уму, безупречной лояльности и той исполняемой им роли, которая не превращает его в угрозу для премьер-министра. Люди, входящие в окружение Тэтчер, называют 46-летнего Пауэлла «сыном, которого ей так не хватало».

Судьба Хоува была окончательно решена после того, как он не справился с собственными амбициями, с желанием самому занять место премьер-министра. Однако Тэтчер не уволила его окончательно. Она предложила ему пост министра внутренних дел, который, к сожалению, в тот момент занимал Дуглас Хэрд. Последний был взбешен, когда до него дошли слухи об этом предложении, поскольку Тэтчер ранее заверяла его, что перестановки его не коснутся. Хоув отклонил это предложение и в конце концов согласился занять место заместителя премьер-министра, ранее занимавшееся Уайтлоу, — но только после того, как к этой должности была добавлена в качестве подслащающей пилюли официальная дача, использовавшаяся Лоусоном. Этот поступок вызвал гнев уже министра финансов. Титул заместителя премьера звучит внушительно, фактически же это почетная должность и все влияние находящегося на этом посту человека определяется его личными отношениями с Тэтчер. У Уайтлоу они были отличные. В ситуации с Хоувом помощники Тэтчер быстро дали всем понять, что дело обстоит иначе. Как бы в дополнение ко всем этим травмам и унижениям, на место Хоува Тэтчер

поставила Джона Мейджора, в свое время исключавшегося из школы, не имевшего опыта работы в сфере внешней политики и к моменту назначения проработавшего в системе государственного управления всего два года в качестве помощника министра в министерстве финансов. Мейджор был во вкусе Тэтчер: молодой, одаренный, несмотря на нехватку формального образования, и готовый исполнять приказания начальника, не обсуждая их потом у него за спиной. Теперь становилось ясно, кто же на самом деле управляет английской внешней политикой: лично Тэтчер.

Ломалась мебель; но были и обнадеживающие признаки. Членом кабинета и министром по вопросам окружающей среды был назначен Кристофер Пэттен, один из наиболее многообещающих молодых политиков. 45-летний Пэттен был вновь вознесен наверх после нескольких лет почти полного забвения. Его назначение совпало с новым повышением интереса Тэтчер к проблемам экологии, о чем в стране говорили: «Мэгги зеленеет». Толковый администратор Кеннет Бэйкер, занимавший пост министра образования, ушел на место председателя консервативной партии — верный признак того, что Тэтчер начинала подготовку к следующей избирательной кампании. Но эти толковые назначения не могли развеять общего впечатления, что все перемещения осуществляются в целом непродуманно и неуклюже. Впечатление это еще более усилилось после того, как попросил отставки один из ветеранов кабинета, проработавший в нем десять лет, — министр обороны Джордж Янгер, человек, обладающий очень мягкими манерами в общении. По официальной версии, Янгер оставлял правительственный пост, чтобы занять место директора банка. Но один из его помощников указал и на другую причину: министр «устал от скрипучего догматизма и идеологической непреклонности Тэтчер».

Вся эта история оставила после себя горький осадок и непреходящее ощущение, что если в правительстве Тэтчер когда-то и существовала коллегиальность, то такие времена давно позади. Мэгги выводила из себя почти всех, ударяя по живому и не считаясь с самолюбием людей, — а оно у большинства ее министров было сильно развито. Достаточно было малейшей искры, чтобы вызвать очередной пожар. Но то, с какой скоростью он разгорелся на самом деле, удивило всех.

В октябре 1989 года, всего через три месяца после описанных событий, внезапно подал в отставку Лоусон. Министр финансов, самый старший из нового состава кабинета, умнейший человек и государственный деятель, решительность которого была сравнима с решительностью самой Тэтчер, уходил после ссоры, развернувшейся вокруг вопроса о роли одного из ее личных

советников, Алана Уолтерса. По своим воззрениям Уолтерс был откровенный монетарист, по характеру — человек весьма энергичный.

Раньше он преподавал в США, в университете Джонса Гопкинса в Балтиморе. Во время первого срока пребывания Тэтчер у власти Уолтерс попал на Даунинг-стрит, провел там два года и за это время обрел там репутацию финансового пророка. Министром финансов тогда был Хоув, не склонный к конфронтациям. Потом Уолтерс ушел из правительства и работал все последующие годы преимущественно в Вашингтоне в качестве старшего исследователя в Американском предпринимательском институте и консультанта Всемирного Банка, а с мая 1989 года снова занял прежнюю должность в аппарате британского премьер-министра. После его прихода на это место начались постоянные стычки между Уолтерсом и Лоусоном, особенно в связи с настоятельными призывами Лоусона о присоединении Великобритании к ЕВС. После того как в печати были опубликованы выдержки из книги Уолтерса, в которой идея ЕВС называлась «непропеченной концепцией» и всячески превозносилось «значительное влияние на формирование экономической политики» самого Уолтерса, Лоусон взорвался. Он не намерен был терпеть рядом с собой Уолтерса подобно тому, как Хоув терпел Пауэлла. Самолюбивый министр финансов фактически заявил Тэтчер: «Или он — или я». Она не приняла это заявление всерьез. Выступая в палате общин, Нейл Киннок призвал ее уволить «министра финансов на общественных началах» Уолтерса, которого даже некоторые члены ее собственной партии называли тэтчеровским Распутиным. Тэтчер, которая в любом случае не отступила бы перед нажимом со стороны лидера лейбористов, насмешливо ответила, что «советники советуют, а министры решают», но Лоусона такой ответ не устроил. Разъяренный тем, что премьер-министр не выразила ему недвусмысленной поддержки, он подал в отставку. В прошении о ней, начинавшемся словами «Уважаемая Маргарет», говорилось: «Успешное проведение экономической политики возможно только в том случае, если существует — и очевидно для всех — полное согласие между премьер-министром и канцлером казначейства. События последнего времени подтверждают, что это абсолютно необходимое условие не может быть обеспечено, пока Алан Уолтерс остается Вашим личным экономическим советником».

Тэтчер не могла поверить, что Лоусон на самом деле уходит. За исключением Майкла Хизлтайна, подавшего в отставку в связи с «делом Уэстленд», все ушедшие из правительства министры

были уволены, а не покинули посты по собственному желанию. Тэтчер испытывала гнев и замешательство и в ответном письме Лоусону даже не пыталась скрыть эти чувства: «Особого сожаления заслуживает то, что Вы решили уйти, не завершив возложенной на Вас работы».

Все происшедшее означало для Тэтчер серьезный политический кризис. «В воздухе носится явный запах развала», — писал политический обозреватель Питер Дженкинс {17}. С его мнением соглашалась и газета «Файнэншл Таймс»: «Более чем вероятно, что по прошествии какого-то времени станет очевидно — поведение, которое привело к отставке Лоусона, стало началом конца и для нее самой».

В новом кабинете, всего двумя неделями ранее представленном на ежегодной конференции консервативной партии как «команда, которая приведет Великобританию в будущее», снова начались перестановки. Ведущие деятели консервативной партии в конце концов сумели убедить Тэтчер, что, пока Уолтерс остается на своем месте, никто не сможет работать министром финансов, и она с опозданием уволила своего советника. Джон Мейджор, пробывший министром иностранных дел всего три месяца, был возвращен в казначейство на место Лоусона. На место Мейджора Тэтчер пригласила министра внутренних дел Дугласа Хэрда, который согласился перейти на самую престижную должность в кабинете.

Это были неплохие назначения, и их бы даже приветствовали, если бы все было сделано как следует еще в июле, а Лоусон ушел бы при нормальных обстоятельствах. Теперь же положение Тэтчер оставалось сложным, хотя она и создала более единую и более готовую подчиняться ее требованиям команду. В составе нового кабинета не оставалось тяжеловесов; те, кто пережил все перетряски, были теперь готовы подчиняться указаниям премьер-министра и следовать ее рецептам. Во всем этом не было ничего нового. Высказывания насчет того, что теперь она оказалась в большей самоизоляции, чем когда-либо прежде, были верны, но не имели никакого значения. Тэтчер уже на протяжении десяти лет правила практически единовластно, не испытывая при этом почти никаких сомнений в себе. Пусть другие волнуются по поводу того, что рядом с ней нет никого, кто мог бы при необходимости подействовать на нее как тормоз. Идут разговоры, будто «ее надо спасать от самой себя». Все это пустая болтовня, считала Тэтчер: премьер-министр не нуждалась в спасении. Когда в разгар скандала с Лоусоном ее спросили, не собирается ли она изменить стиль своей работы, Тэтчер ответила: «Конечно же, нет. Я не могу изменить Маргарет Тэтчер».

Переделать себя она, безусловно, не могла, но в помощи нуждалась. Однако было маловероятно, чтобы она получила такую помощь в собственном правительстве. Во время первого и второго сроков полномочий такая помощь приходила ей со стороны. На этот раз было неясно, кто мог бы стать очередным спасителем. В середине третьего срока все показатели складывались плохо. Экономисты все чаще предсказывали, что спад ударит по Англии в середине или во второй половине 1990 года. Если бы это произошло, у нее было бы мало шансов — а возможно, не было бы их совсем — добиться экономического подъема до следующих выборов. В прошлом, когда дело оборачивалось туго, всегда можно было рассчитывать на то, что оппозиция сама подставит себе подножку. Но в начале 1990 года оппозиция выглядела лучше, чем когда-либо за многие последние годы.

Нейл Киннок добился таких успехов в обновлении своей партии, что впервые после 1979 года, когда Тэтчер переехала на Даунинг-стрит, лейбористы представляли собой реальную угрозу. Первые два года после третьего прихода Тэтчер к власти Киннок потратил на тщательнейший пересмотр всех аспектов лейбористского курса. Он уяснил для себя то, что было очевидно всем: британцы более не хотят поддерживать лейбористскую партию старомодно-социалистического образца. Поняв это, Киннок решил действовать. В октябре 1989 года, когда партия собралась на свою очередную ежегодную конференцию, проходившую на этот раз под новым лозунгом — «Ответим на вызов времени, добьемся перемен!», — Киннок добился перемен, выбросив за борт весь старый идеологический багаж.

Отказались от требования одностороннего разоружения — вместо него появился призыв к проведению многосторонних переговоров и достижению соглашений по контролю над вооружениями. Отказались от требований конфискационной налоговой политики, значительных расходов на социальные цели и безоговорочной поддержки профсоюзов — вместо всего этого была провозглашена поддержка рыночной экономики. Отказались от требований ренационализировать предприятия, приватизированные правительством Тэтчер, — вместо этого появился план возвращения под контроль правительства только основных коммунальных служб. Отказались от сомнений в адрес ЕС и интеграции, решительно поддержав вместо этого предложения ЕС по достижению большей степени интеграции после 1992 года. Было ликвидировано влияние в партии «воинствующих» и «левых лунатиков» — из Национального исполкома лейбористов вышел член парламента от этой партии

Кен Ливингстон, символизировавший собой крайне левое ее течение.

Была принята предвыборная платформа, тщательно учитывавшая каждую из обнаруженных Тэтчер слабостей, но и бравшая на вооружение оправдавшие себя начинания ее правительства. Лейбористская партия твердо брала курс на то, чтобы на следующих выборах добиться победы. Тони Бенн жаловался, что лейбористская партия становится близнецом консервативной, а ее политическую программу «пишет доктор Гэллап» {18}. Но Джеймс Каллаган, у которого в свое время Тэтчер отобрала премьер-министерский пост, придерживался более прагматического взгляда: «Перемены были давно необходимы, и хорошо, что они происходят». Опросы общественного мнения фиксировали повышение симпатий к лейбористам, которые в начале 1990 года опережали консерваторов Мэгги на величину от шести до двенадцати процентов.

Лейбористам и раньше удавалось добиваться таких отрывов в середине каждого срока полномочий премьер-министра. Нельзя, конечно, было исключить, что и на этот раз получится так же. Но у Киннока были и другие козыри. Самым существенным из них было то, что оппозиция консерваторам не была более расколота внутренне. Впервые после 1979 года очередная предвыборная борьба должна была проходить в условиях традиционной двухпартийное™. Остаткам либеральной и социал-демократической партий приходилось довольствоваться политической обочиной. Всем, кого не устраивали тори — а таких на двух последних выборах было большинство, — предлагался бы один-единсгвенный выбор: голосовать за лейбористов.

Изменения, происходившие в международной обстановке, тоже работали на лейбористов. Перемены в странах Восточной Европы, демонтаж советской империи делали невозможным и дальше соглашаться с упором на мощную оборону и ограничением ради этого социальных расходов, на чем продолжала настаивать Тэтчер. Тэтчер не смущало то, что она идет не в ногу с Западной Европой — она всегда шла именно так, — но теперь положение менялось. То, что в 50-е годы Великобритания оказалась в стороне от начинавшейся западноевропейской интеграции, со временем нанесло ей же весьма ощутимый ущерб. Теперь страна просто не могла себе позволить остаться за бортом интеграции, намеченной на период после 1992 года. Да и как бы ни был авторитетен лидер Англии, ни Буш, ни Горбачев не проявят к этой стране интереса, если она изолирует себя от новой Европы.

Неожиданные трудности для премьер-министра возникли и в связи с массовым убийством студентов и других сторонников демократии на площади Тяньаньмэнь в Пекине в июне 1989 года. После кровопролития Тэтчер подтвердила, что Англия, несмотря ни на что, будет придерживаться соглашения 1984 года о возвращении Гонконга Китаю в 1997 году. Сознавая, что такое решение может вызвать трудности на национальной почве в Великобритании, она не пошла на предоставление права жительства в Англии 3,3 миллиона китайцев в этой королевской колонии, у которых были британские паспорта. Это вызвало взрыв возмущения в Гонконге, где правительство Тэтчер стали обвинять в попытках уйти от ответственности, лежащей на бывшем центре империи, пусть и распавшейся. Под этим давлением Тэтчер в конце 1989 года согласилась допустить в страну 225 тысяч лиц с высшим образованием, служащих и деловых людей; но спору все равно не было видно конца. Премьер-министру было гораздо легче добиться поддержки в парламенте политики насильственной репатриации вьетнамцев, которые добирались на лодках из своей страны до Гонконга, надеясь получить там политическое убежище. Решение Тэтчер отправить назад тех, кого британское правительство не считало настоящими политическими беженцами, вызвало возмущение во всем мире. Тэтчер отмахнулась, заявив, что колония не сможет справиться с таким притоком населения и что другие страны — в том числе и осуждающие ее политику — тоже отказываются принять этих беженцев. Эти взаимосвязанные вопросы постоянно присутствовали в газетных заголовках, но фактом было и то, что, сколь бы ни была противоречивой позиция Тэтчер о недопущении иммиграции, она никогда не приводила к потере ею голосов на выборах. По этому вопросу, как и по большинству других проблем внешней политики, Тэтчер чутко улавливала настроения избирателей и никогда не заходила слишком далеко, подыгрывая ностальгии по «доброй старой маленькой Англии», воспоминание о которой глубоко засело в национальном характере.

Эта ее внутренняя прочность в сочетании с потрясающей соревновательной злостью, которая движет Тэтчер в трудной борьбе, означают, что при всех трудностях, с какими она столкнулась в третий срок пребывания у власти, мало кто заключил бы сейчас пари, что премьер-министр не выставит свою кандидатуру и на четвертый срок подряд. Поистине, для того чтобы консерваторы проиграли, абсолютно все должно пойти как-то не так. Многие британцы испытывают в отношении своей Мэгги смешанные чувства — высокое уважение, но без особой любви. А это означает, что она никогда не сможет уверенно

рассчитывать на победу. В конце 1989 года переживавшиеся ею трудности были таковы, что возникла непродолжительная и неудачная попытка бросить вызов ее лидерству в рядах самих тори, — первая попытка такого рода за пятнадцать последних лет. Тэтчер не опасалась тогда проиграть малоизвестному «заднескамеечнику» Энтони Мейеру, но она была всерьез обеспокоена возможностью того, что прочность ее позиций будет подорвана нарастанием числа воздерживающихся при голосовании. Угроза эта не стала явью. Отсюда можно было сделать вывод, что, когда дело дойдет до серьезных политических столкновений, партия будет по-прежнему сплачиваться в поддержку единственного лидера, который сумел одержать три победы кряду.

Иной вопрос, станет ли так поступать страна в целом. Однако у тори было одно почти непоколебимое преимущество. Их стоместное большинство в парламенте было так прочно, что для победы лейбористов в 1991 или 1992 году нужен был подлинный переворот в настроениях избирателей, по масштабам сравнимый с тем, что привел к поражению Черчилля в 1945 году. «Если бы у нас было только на 25 мест меньше, чем у консерваторов, нет сомнения, что мы бы выиграли следующие выборы, — заявил в 1989 году заместитель лидера лейбористской партии Рой Хэттерсли, — но с того уровня, с которого мы начинаем, нельзя с уверенностью утверждать, победим ли мы или всего лишь уменьшим этот разрыв» {19}. Перед лейбористами стояло несколько трудностей. Одна заключалась в том, что назначать дату выборов предстояло Тэтчер, и можно было быть уверенным, что по мере их приближения она развернет решительное и мощное наступление. Другой проблемой было то, что, хотя Киннок на посту лидера партии заметно вырос во всех отношениях, никто не рискнул бы даже отдаленно сравнивать его интеллект, силу его внутренней мотивации и авторитет с теми же качествами Тэтчер. И наконец, большая часть принадлежавших тори мест была практически неуязвима. Это была третья трудность, на которую лейбористам приходилось искать какой-то ответ. За исключением собственно Лондона, консерваторы удерживали в 1989 году почти все места в процветающей южной части Англии. Было мало шансов, что лейбористам удастся сколь-нибудь существенно изменить соотношение в этих районах в свою сторону. Однако это не было невозможно, особенно если бы ржавчина, которая коснулась «железной леди» в середине третьего срока, обернулась бы настоящей усталостью металла.

Глава двадцать первая
ТЭТЧЕР И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ИТОГИ И БУДУЩЕЕ

В предназначенном только для членов парламента фойе палаты общин стоят скульптурные портреты крупнейших британских политических деятелей XX века: Уинстона Черчилля, Ллойд-Джорджа и Клемента Эттли. Два постамента пока свободны, и можно не сомневаться, что на одном из них когда-нибудь появится мраморный бюст «железной леди». Как и ее уважаемые предшественники, она по праву может считаться одним из крупнейших национальных политиков. Тэтчер изменила Великобританию, заставив саму страну напряженно работать, а внешний мир — снова считаться с ней. Она сломала длившуюся сорок пять лет, на протяжении всего времени после второй мировой войны, приверженность к государству всеобщей социальной защищенности. Она изменила правила политической игры, добилась усиления роли Великобритании в мире и направила страну на иной путь развития, поставив перед ней новые цели и задачи. После десяти с лишним лет правления она создала то, что можно назвать «Великобританией образца Маргарет Тэтчер».

Не испытывая сомнений ни в себе, ни в своих убеждениях, Тэтчер осуществила революцию, опираясь на одну только силу воли. Она появилась на политическом горизонте как атакующая кавалерия и в самый нужный момент, чтобы спасти страну от экономической катастрофы и политического забвения. Какой была бы сейчас Великобритания, если бы десять лет тому назад она не встретилась бы с Тэтчер, — невозможно представить.

Со времен Суэца значение Великобритании в международных делах не было столь большим, как в 80-е годы. Действия Тэтчер, направленные на то, чтобы способствовать прекращению гражданской войны в Зимбабве, укрепили доверие к Англии в Африке. На Ближнем Востоке лидеры арабских государств, разочарованные отсутствием у администрации Рейгана интереса к поискам мирного урегулирования, обратились за поддержкой к Тэтчер. Кампания на Фолклендах предупредила весь мир: Англию рано списывать со счетов в военном отношении. Если потребуется, она вполне в состоянии организовать успешную операцию.

У Соединенных Штатов не было в 80-е годы более преданного друга, чем тэтчеровская Великобритания. Мэгги, не раздумывая, в первые же минуты поддержала в декабре 1989 года начатое по приказу президента Джорджа Буша вторжение войск США в Панаму. Антисоветизм Тэтчер был хорошо известен и не вызывал сомнений. Поэтому Запад относился к ее политике на советском направлении с таким же доверием, каким пользовался Ричард Никсон при нормализации американо-китайских связей. Именно Тэтчер в 1984 году «открыла» Михаила Горбачева, назвав его человеком, с которым Запад может иметь дело, и он постоянно помнил о том значении, какое имели эти слова Тэтчер. Повышение роли Англии в отношениях между Востоком и Западом на протяжении этого десятилетия стало прямым следствием неуступчивости и жесткости Тэтчер и ее особых отношений с Рейганом и Горбачевым.

При всех успехах, какие ей удалось одержать во внутренней и внешней политике, естественно, она не смогла решить всех проблем и даже создала некоторые новые. 90-е годы ставят перед ней как премьер-министром новые трудные задачи. Окончание холодной войны требовало от одного из ее рыцарей — Тэтчер, — чтобы она сумела приспособиться к новым временам. Иначе — в обстановке, когда разваливающийся советский блок прощался с коммунизмом, — она бы просто осталась позади. Нелегко ей было бы преодолеть и свое глубокое нежелание идти на интеграцию с Европой.

Во внутренней политике тоже предстояло еще много работы, и она бы не переделала ее всю, даже если бы оставалась у руководства до бесконечности. Она бы не возражала проработать и до конца тысячелетия. Это означало бы, что она стала бы премьер-министром, дольше всех пробывшим на своем посту и перекрывшим даже таких, ныне уже легендарных деятелей XVIII века, как Роберт Уолпоул и Уильям Питт-младший. К тому времени ей бы исполнилось 74 — на три года меньше, чем было Рональду Рейгану, когда он уходил со своего поста. Но даже если бы она не победила в четвертый раз и Даже если бы завтра же ее переехал один из знаменитых английских двухэтажных автобусов — по мнению многих британцев, единственный реально возможный сценарий ее ухода с поста премьер-министра, — все равно Тэтчер оставляла бы после себя немалое наследство. Самым значительным из ее достижений было то, что ей удалось до основания потрясти удовлетворенное самолюбование, парализовывавшее страну. Тэтчер сумела предложить Великобритании выбор в то самое время, когда многим казалось, что никакого выбора уже не остается.

Тэтчер сломала ограничения, наложенные на себя самими британцами. Во время Великой депрессии Алф научил ее работать, несмотря ни на что и не надеясь на помощь со стороны правительства или кого-либо еще. Она усвоила этот урок и собственной целеустремленностью доказала, чего может добиться человек. Взрослея в предвоенные годы, наблюдая распространение нацизма, испытав все тяготы послевоенного возрождения и пережив наступление коммунизма, Тэтчер поняла, что выжить в этом мире непросто. Необходима прежде всего сила: страна и ее народ должны быть внутренне крепки, просто чтобы выжить, не говоря уж о том, чтобы процветать. Усталая и сломленная послевоенная Англия не обладала такой силой. Вчерашний Джон Буль начал жить по принципу: «Ничего, сойдет». Тэтчер повидала немало бездельников, да и просто уставших от жизни людей, которые считали, что стремиться к самосовершенствованию, к росту, к богатству пошло и банально. Презирала она и тех самонадеянных представителей «высшего света», что смотрели свысока на усердно работающих, вылезающих вон из кожи предпринимателей. Тэтчер понимала взаимосвязи между словом и делом и умела добиваться результата в том и другом.

Придя к власти, Тэтчер решила круто изменить все. Тем, кто готов был за ней следовать, она предлагала новые возможности и оптимизм.

Если бы не война на Фолклендах — «двое лысых дерутся из-за фасона прически», как выразился писатель Йорге Луис Боргес, — и не слабая и расколотая оппозиция, у Тэтчер никогда не было бы даже шанса сдвинуть с места осуществление своих замыслов. К 1984 году ее почти наверняка бы сменили на выборах. Но обстоятельства сложились так, что длительное пребывание у власти позволило ей начать и осуществить радикальные реформы, закрепить их результаты.

Многое из предпринятого Тэтчер начинали и раньше. Она не первая пыталась провести приватизацию, перейти на монетаристскую финансовую политику, загнать профсоюзы в оборону, уменьшить меру социалистичности в экономике и социальной сфере. Но другие, когда события оборачивались круто, пятились назад. Тэтчер же целеустремленно шла вперед, верная духу фразы, придуманной ею когда-то в детстве: «Начать легко, сумей завершить». Ее предшественников в целом устраивал статус-кво, и потому под их руководством страна шла к упадку. Крестовый поход Тэтчер был направлен именно против статус-кво. Она доказала, что та фактически двухпартийная политика, которая проводилась на протяжении послевоенного периода,

была причиной, а не следствием переживаемых Великобританией трудностей {1}.

Лорд Д'Абернон как-то сказал: «Ум англичанина работает лучше всего, когда уже почти поздно» {2}. Тэтчер поняла, что было уже почти поздно. Она увидела, что нельзя долее размениваться на мелочи; что если Великобритания не хочет скатиться прямиком в «третий мир», то необходимы общенациональные усилия, по масштабам и напряжению сродни, усилиям в годы войны. По сравнению с тем, чем была Англия в прошлом и чем она могла бы быть, страна находилась в состоянии развала и унижения. Тэтчер взялась за дело отнюдь не в мягкой форме и не коллегиально. Но ни то, ни другое ей просто не было нужно. Ее преимуществом оказалось то, что она не принадлежала ни к какому установившемуся мужскому кругу. Тэтчер быстро просчитала, что большинство англичан не будут знать, как вести себя с решительной, требующей своего женщиной. И эту-то линию поведения и избрала к собственному преимуществу, сумев вначале выиграть борьбу за руководство в консервативной партии, а потом удерживать на отдалении и в неуверенности потенциальных соперников как в партии, так и за ее пределами. Нейл Киннок признавал: «Мне гораздо труднее быть в оппозиции госпоже Тэтчер, поскольку она женщина. И как бы я ни пытался освободиться от этого качества, но во мне заложено какое-то внутреннее благоговение перед женщиной, которого просто не существует по отношению к мужчинам» {3}.

Ее линия поведения казалась жесткой еще и потому, что столь слаба была оппозиция ей. Тэтчер знает, что такое настоящая жесткость и какова ее цена. Она читала Макиавелли, в том числе и то место, где князь спрашивает: «Что лучше: чтобы тебя больше любили, чем боялись, или наоборот?…Хотелось бы, чтобы одновременно и любили, и боялись. Но поскольку сочетать эти чувства трудно, то, если не можешь добиться того и другого вместе, гораздо лучше, чтобы тебя боялись, а не любили» {4}. С самого детства Тэтчер мало кому нравилась, еще меньше ее любили; но уважали ее всегда. Она не имеет ничего против, если с ней соглашаются только из чувства страха.

Даже когда она имеет дело с относительно краткосрочными задачами, Тэтчер избегает принятия каких-либо пожарных мер и предпочитает руководствоваться долговременными соображениями. «Я не хочу растрачивать себя на преходящие дела, — говорила она. — Я пришла к власти с целью дать стране правильную долгосрочную перспективу, поставить ее на верный путь к процветанию в будущем» {5}. И она добилась этой цели. Во многих крайне важных отношениях Великобритания заметно

изменилась. Но останется ли страна на этом пути, переживет ли тэтчеризм саму Тэтчер?

В каких-то своих аспектах — безусловно. У революции Тэтчер глубокие корни, они-то и позволяют ей рассчитывать на будущую отдачу. Частная собственность, теперь широко распространившаяся в Англии, придает гражданам страны заинтересованность в успехах всего государства. Миллион новых владельцев муниципальных домов и квартир заинтересованы в приватизированном обществе и не откажутся от этой своей заинтересованности, как бы ни повышались учетные ставки. Сокращение налогов помогло двум категориям британцев: тем, кто на социально-экономической шкале располагается в самом низу и самом верху. Конечно, предстоит совершенствовать и такую налоговую политику. Но никто не хочет возврата назад к тем налоговым ставкам, которые довели почти до нуля и капиталовложения, и темпы экономического роста. Тэтчер разрушила догматический социализм как приемлемую философию, на базе которой могут создаваться и работать правительства, желающие чего-то добиться в этой стране. Ренационализация большинства отраслей — за исключением тех, функционирование которых жизненно важно для всей страны, — уже немыслима. Даже лейбористская партия приняла ключевые элементы тэтчеризма. Страну отличают меньшая жесткость, меньшая сухость и меньший консерватизм, чем те, что присущи лично Тэтчер. Кроме того, есть потребность в Великобритании, чувствующей большую внутреннюю общность и больше заботящейся о каждом из своих граждан. Но движения к тому облику страны, что был слеплен лейбористской партией в 80-е годы, быть не может.

Эти реалии отражают те перемены, которые вошли уже в жизнь. Но и сама Тэтчер — важный фактор в определении того, в какой мере тэтчеризм переживет своего творца. Отражает ли личность Тэтчер типические черты и свойства британского национального характера или же она — отклонение от его нормы, и, когда она перестанет понукать, подгонять, подбадривать и понуждать, страна скатится к прежнему образу жизни? «Было бы трагично, если бы феномен Тэтчер оказался лишь изолированным явлением и после ее ухода Британия снова поплыла бы по течению под влиянием стремления к спокойной жизни и к тому, чтобы не спорить друг с другом», — говорит бывший председатель консервативной партии Норман Тоббит {6}.

Иными словами, является ли Мэгги настоящим британцем, как называл ее Рональд Рейган, идущим во главе упирающейся, но все же готовой следовать за ним «армии» англичан? Или же

она изо всех сил плывет против течения, борясь с ним лишь силой своих убеждений, а за ней следует только небольшая стайка единомышленников, которых смоет течением, как только их лидера не станет?

Тэтчер совершенно не соответствует традиционному образу британца послевоенного периода. Ее ценности, типичные для провинциальной Англии, и готовность бороться до конца за свободу предпринимательства больше напоминают о характерах политиков и промышленников Великобритании XIX века, когда странд вела борьбу за мировое господство. В этом смысле Тэтчер — настоящая британка. Но нельзя путать этот типаж британского прошлого с современностью. Тэтчер очень хотела бы верить, что современные британцы походят на нее, что их можно побудить напряженно работать, соревноваться между собой и стремиться к успеху. Это возможно, но маловероятно.

Тэтчер нарушает многие традиционно британские стандарты. Одна из причин того, что ее столь уважают в Соединенных Штатах, состоит как раз в том, что в ее характере больше воплощены американские, нежели британские черты. Американские ценности очень серьезно повлияли на ее становление как личности. Она способна действовать в автократической манере, но объективно ее действия ведут всегда к демократизации. Энергия, индивидуализм, предприимчивость, готовность идти на риск, прямота, провинциализм, антиэлитизм и антиинтеллектуализм — все эти ее качества больше присущи американцам, нежели ее соотечественникам британцам. (Ошибаются, однако, те, кто считает, что из нее вышел бы неплохой президент США. Она способна подчинить своей воле консервативную партию. Но глава государства — каковым она не является — должен обладать внутренним чувством и способностью к консенсусу, чего Тэтчер не переносит. По ее характеру в США она бы постоянно воевала с конгрессом, с правительствами штатов и местными властями.)

Предприниматель в политике, она пошла на риск для того, чтобы двинуть Великобританию вперед. Англия, однако, до сих пор получает наибольшее удовольствие, когда оглядывается в свое прошлое. Тэтчер соскребла с этого прошлого слои растрескавшейся краски и штукатурки, чтобы обнажить стальной каркас нации. Процесс оказался весьма болезненным, и к тому же англичане не хотели бы докапываться до скелета: они предпочитают костюмы и косметику. Не случайно в Англии всегда было так много талантливых актеров. Британцам нет равных, когда надо создать искусственный характер. И многие из таких персонажей, особенно из числа сильных и власть имущих,

внутренне сложны и неоднозначны. Тэтчер прямолинейна и проста. Британцы всегда высказываются двусмысленно; Тэтчер не делает этого никогда.

Тэтчер постоянно стремится что-то сломать, разнести. «Когда она видит нечто установившееся, ей хочется вдарить по нему своей сумочкой», — как сказал один из консерваторов. И более всего восстает она против консенсуса — особенно ценимого в Англии качества, сформированного всей историей страны. В общественных местах англичане понижают голос и аккуратно выстраиваются в очередь. Это неотъемлемая часть того типа поведения, что направлен на сглаживание острых углов, на достижение совместимости людей на острове, территория которого меньше, чем штат Орегон, а население — почти 60 миллионов человек.

«Нет ничего более несвободного и неблаговоспитанного, чем громкий смех», — писал лорд Честерфилд {7}. Британский разговор может сверкать легким остроумием и чувствительной проницательностью, иногда не вполне приятной для собеседника. Но чаще всего его основа — осторожность. Большинство британцев не любит говорить о самих себе, своих детях и семье, своей работе, вероисповедании и политических взглядах. Все это скорее типично для американцев. Англичане предпочитают безопасные темы разговоров, особенно погоду. Иное дело Тэтчер: она терпеть не может пустые, бессодержательные разговоры. И если настроение ее к этому располагает, она не смущается громко рассмеяться.

Своим сторонникам Тэтчер представляется кем-то вроде Геркулеса: огромным политическим колоссом, который отбросил социализм, лишавший страну жизненных сил, и поставил на его место полные энергии свободу предпринимательства и открытые возможности. Она подорвала силу и влияние профсоюзов, устранила ограничения, накладываемые всепроникающим и всепарализующим правительственным контролем, добилась оживления экономики и восстановила уважение к Великобритании в мире.

Противникам Тэтчер представляется автократом, жестким и безразличным к людям, возрождающим этику стяжательства, раскалывающим страну, разрушающим ее промышленную мощь, отказывающимся признавать общность судеб Англии и Европы и вместо этого распродающим страну Соединенным Штатам.

Тэтчер уже преуспела в разрушении государства всеобщего благоденствия, созданного Эттли. Излечена «британская болезнь» — сила и влияние профсоюзов сошли почти на нет. Больше нет неконтролируемых стихийных забастовок, как нет и безвольной,

трусливой администрации предприятий, не способной принимать решения, диктуемые конкуренцией. Все это в совокупности — самое большое достижение Тэтчер. Некоторые реформы в профсоюзах — например, введение правила об обязательном тайном голосовании перед объявлением забастовки — заслужили одобрение и признание со стороны самих же рабочих. Как следствие, уровень забастовок находится сейчас на минимальной за последние пятьдесят лет отметке. В 1979 году британская промышленность потеряла из-за забастовок 30 миллионов рабочих дней. В 1989 году — менее двух миллионов. По мере того как падало влияние профсоюзов, росла производительность труда. В обрабатывающих отраслях она выросла на 3,5 процента и по темпам роста опередила все страны, даже Японию. Выработка на одного рабочего выросла с 1980 года на 5 процентов — больше, чем в Японии, Германии или в Соединенных Штатах.

Для лиц наемного труда условия жизни в тэтчеровской Англии были неплохи. По сравнению со странами континентальной Европы реальная зарплата была невысока, но она стабильно повышалась после 1979 года. Богатые стали еще богаче. Британские налоговые списки включают сейчас 20 тысяч чистых миллионеров — это в четыре раза больше, чем было пять лет назад. Число людей, владеющих собственными домами, тоже на рекордной отметке. К началу 1989 года 68 процентов британцев имели собственные дома, по сравнению с 53 в 1979 году. Великобритания стоит на втором месте в мире после Японии как страна-кредитор: за рубежом вложено 160 миллиардов долларов.

В вопросах налоговой политики тэтчеризм — это рейганизм, но без дефицитов государственного бюджета. На протяжении ряда лет многие из корпораций и частных лиц, получавших значительные доходы, стремились уехать из Великобритании. В своем самом первом бюджете Тэтчер снизила максимальные налоговые ставки в 83 процента на заработанный доход и 98 процентов на незаработанный доход до единого уровня в 60 процентов. Тем самым начала выправляться проблема налоговой эмиграции. К концу десятилетия прежние эмигранты уже толпой валили назад. К концу 1989 года высшая налоговая ставка была уже 40 процентов, близко к уровню, установленному администрацией Рейгана, — 33 процента, включая местные налоги и налоги штатов. Реформа налогообложения корпораций снизила ставки с 52 до 35 процентов и тем увеличила доходы корпораций от этого снижения с 7 миллиардов долларов в 1979 году до почти 30 миллиардов в 1989 году. Изменилась и корпоративная этика. Еще в середине 80-х годов британские

менеджеры приходили на работу попозже, тратили по три часа в день на обеденные перерывы с выпивкой и уходили с работы пораньше. В начале 90-х годов подобное было уже редкостью. Обычным явлением в Англии стали плотный завтрак, который делает необязательным перерыв на обед, но хорошо заряжает энергией на весь день, обед продолжительностью не более часа и без алкогольных напитков, а также бег трусцой.

Появился и дух предпринимательства. «История воздаст должное госпоже Тэтчер хотя бы за то, что она стимулировала развитие культуры предпринимательства», — говорит Джон Фолдс, исполнительный директор крупнейшей британской венчурной фирмы «Три-айс» {8}. С 1979 по 1990 год в Великобритании был создан миллион новых рабочих мест — больше, чем во всех странах Европейского экономического сообщества, вместе взятых. На протяжении 1987 и 1988 годов каждую неделю открывалось 500 новых предприятий. Вошли в норму график гибкого рабочего времени и предоставление управленческих услуг в аренду. Энергично развиваются корпорации: «Бритиш стил», принесшая 4 миллиарда долларов убытков в 1979 году, в 1988-м заработала 265 миллионов. «Империал кемикл индастриз» имела 2-миллиардную прибыль три года подряд — в 1987, 1988 и в 1989 годах.

За годы правления Тэтчер поднялась и заработная плата высшего управленческого звена, на протяжении многих десятилетий остававшаяся на самом низком среди промышленно развитых стран уровне. Исследование, проведенное лейбористской партией в 1989 году, показало, что число директоров компаний, получающих в год 782 тысячи долларов и больше, увеличилось за 1988 год на 40 процентов. Но эта цифра создает неверное представление. По стандартам оплаты этой категории руководителей, принятым в мире в целом, Великобритания все еще стоит невысоко и особенно отстает от Соединенных Штатов, где помимо собственно оплаты приняты еще различные формы крупных компенсаций и премий. Не исключение и сама Тэтчер. Она получает 82 300 долларов в год, столько же, как и все ее коллеги по кабинету. На протяжении всех этих лет она отказывается получать дополнительные 19 тысяч долларов, положенные ей как премьер-министру.

«Пришло новое поколение», — говорит Джон Бэнхэм, генеральный директор Конфедерации британской промышленности. В 1986 и 1987 годах Великобритания потратила более 40 миллиардов долларов на приобретение предприятий за границей. В ответ она принимала у себя иностранных вкладчиков: с 1979 года иностранные

капиталовложения в стране выросли более чем вдвое. Приток фирм, производящих компьютеры, в район Силикон Глен, недалеко от Эдинбурга, привел к тому, что в вывозе из Шотландии компьютеры опередили сейчас шотландское виски, став ее главным экспортным продуктом.

На юге страны, где процветают обслуживающие отрасли, миллиарды долларов были вложены в Доклэнд — старый, пришедший в упадок район доков и складов, тянущийся вдоль Темзы. Был преображен лондонский район Ист-энд, в котором появился новый аэропорт, расположенный в черте города. Расцвел Сити, лондонский эквивалент Уолл-стрита. Точнее, вначале распустился пышным цветом, потом сбросил лепестки и перешел к более уравновешенному существованию. В переполненных залах шла популярная пьеса «Серьезные деньги». Написанная левым драматургом Кэрил Черчилль, она высмеивала те успехи и провалы, которыми сопровождалось оживление делового мира.

Падала популярность таких традиционных мест проведения отпуска в Англии, как Блэкпул и Брайтон: все больше состоятельных британцев отправлялись отдохнуть в Италию, Грецию и в Соединенные Штаты. Похоже, что за 80-е годы половина Англии побывала в Орландо и Дисней-уорлде. Нейл Киннок признал эти достижения. В 1987 году он заявил, что одной из причин, вынудивших лейбористскую партию пересмотреть ее стратегическую линию, было то, что многие из ее членов имели по два дома и проводили отпуск в Испании.

Большая часть этого процветания приходилась на южные районы страны, хотя и не исключительно на них. Значительно улучшилось положение на северо-западе Англии, в части Шотландии и в Северной Ирландии. «На большей части северо-запада страны сейчас видны признаки возвратившегося и растущего процветания», — писала «Файнэншл Таймс» в начале третьего срока полномочий Тэтчер {9}. Оно пришло также в Манчестер. Был обновлен центр Глазго. Миллиарды фунтов стерлингов были израсходованы в Белфасте и Лондондерри на новое муниципальное жилищное строительство, на сооружение дорог, на проекты создания новых рабочих мест.

У тэтчеровской Великобритании есть и темная сторона. Число бездомных британцев выросло с 1984 по 1989 год на 38 процентов, тогда как общие ассигнования на общественное жилищное строительство, по данным лейбористской партии, сократились на 60 процентов. На переживающем упадок индустриальном севере страны почти два миллиона британцев за это десятилетие перешли на пособие по безработице, тогда как

большая часть новых рабочих мест создавалась на юге. Безработица достигла пика в 3,2 миллиона человек в 1986 году, снизилась к 1990 году до 1,6 миллиона; но это было все же больше, чем 1,3 миллиона, унаследованные правительством Тэтчер в момент прихода к власти. За уровень безработицы и порождаемые ею проблемы консерваторам пришлось в Средней Англии и на севере страны заплатить политическую цену. В Шотландии, одной из беднейших частей Великобритании, тори удерживают сейчас только 10 из 72 мест в парламенте. В Уэльсе, другом экономически бедствующем районе, консерваторы после выборов 1987 года имеют только 8 из 38 мест.

Больше британцев, чем когда-либо, причисляют себя сейчас к среднему классу: их доля поднялась с 33 до 40 процентов. Роберт Уорчестер, директор МОРИ — одного из авторитетных центров опросов общественного мнения, — назвал этот процесс «самым значительным за всю историю страны изменением социальной структуры на протяжении одного лишь десятилетия». Но и число людей, живущих ниже черты бедности, возросло до 9 миллионов, из чего бывший лидер либеральной партии Дэвид Стил сделал вывод, что «наша страна становится социально все более разделенной» {10}. Гарольд Макмиллан, ставший лордом Стоктоном, ответил ему так: «Мое сердце разрывается при виде того, что происходит сейчас в стране. Нельзя допускать долее растущего разрыва между югом и севером». Слова эти были произнесены примерно в самой середине шахтерской забастовки 1984—1985 годов.

Бенджамин Дизраэли, любимый премьер-министр королевы Виктории, полтора столетия назад так определил, что такое разрыв: «Две страны, между которыми нет никакой взаимной симпатии и взаимодействия; которые настолько не знают привычек, мыслей и чувств друг друга, как если бы они были… обитателями разных планет; формируемые разными системами воспитания, питающиеся разной пищей, управляемые в разном стиле и по разным законам» {11}. Общие страдания и частичные победы, вызванные двумя мировыми войнами, породили несколько большее национальное согласие, но полностью разрыв не исчез. Те, кто ставит это в вину Тэтчер, ошибаются: ее целью не было ремонтировать разрыв.

Некоторых беспокоит склонность Тэтчер посягать на определенные основополагающие права — в особенности на право выражать свое несогласие — для того, чтобы избежать ситуаций, способных поставить правительство в неудобное положение. Такая озабоченность откровенно выражалась в 1989 году, когда правительство проталкивало новый закон о

секретности, который должен был осовременить положения закона 1911 года, касающегося предоставления информации, — гораздо более жесткого, чем правила на этот счет, действующие в Соединенных Штатах. Тэтчер нетерпима в вопросах того, что должно быть отнесено к разряду национальной безопасности. Ее нетерпимость лучше всего проиллюстрирована ее же гневными нападками на Би-би-си за интервью, взятые у вдов аргентинских солдат во время фолклендской войны и ее отношением к тому, чтобы позволить Соединенным Штатам бомбить Ливию с баз на британской территории. В ответ на эти политические проколы премьер-министр перетрясла все руководство Би-би-си. Когда через два года после окончания фолклендской войны один из старших чиновников министерства обороны допустил утечку в печать сведений, которые породили сомнения в официальной версии потопления «Белграно», он был отдан под суд — правда, оправдавший его, — в соответствии с Законом о государственных секретах.

Наиболее ярким примером решимости Тэтчер не допустить опубликования информации, потенциально нежелательной для правительства, была знаменитая история с книгой «Охотник за шпионами». На протяжении более чем двух лет правительство пыталось в 1985–1987 годах не допустить публикации мемуаров бывшего работника контрразведки Питера Райта. Тэтчер настаивала на своем, несмотря на то что все, о чем писал в своей книге Райт — включая обвинение, что Роджер Холлис, бывший руководитель британской контрразведки, был советским агентом, — было опубликовано ранее с разрешения правительства. Благодаря начатой Тэтчер кампании против книги она быстро стала бестселлером во всем мире. Но в Англии она оставалась под запретом до тех пор, пока наконец Закон Лордов — британский верховный суд — не отменил запрет, постановив, что правительство не имеет права запереть конюшню после того, как из нее ушла лошадь. Тэтчер была взбешена всей этой историей и утверждала, что ее противодействие никак не связано со свободой слова: ее цель в том, чтобы секреты государственного ведомства оставались бы секретами. Наученная исходом этого дела и стремясь не допустить повторения чего-либо подобного, она провела через парламент новое законодательство, которое расширяет определенные права правительства в отношении некоторых конкретных видов информации. Полную меру значения этого законодательства еще предстоит выявить.

Любовь Тэтчер поиграть мускулами вызвала в Великобритании тяжелое чувство. Некоторые из ее оппонентов опасаются, что подобная техника ведения общественных

отношений в сочетании с возросшим динамизмом жизни способствует формированию более склонного к нечистоплотности и стяжательству общества. Многие британцы высказывают обеспокоенность эрозией чувства общности, которое традиционно помогало поддерживать необходимый уровень сплоченности в обществе. Основания для такой озабоченности есть.

Возрастает число тех, кто не нашел своего места в обществе. В старых городских центрах и в кварталах серых, мрачных муниципальных домов в городах и пригородах появился растущий класс обездоленных. Это не просто инвалиды, слабые, престарелые или бедные люди. Это аутсайдеры, которым нет места в тэтчеровской Великобритании.

Как и во всем мире, возросло употребление наркотиков, а с ним — преступность и насилие. Когда-то страна гордилась тем, что большая часть ее полиции не вооружена. Теперь дело обстоит иначе. Возросло количество насильственных преступлений, а также случаев массовых беспорядков. Городские бунты 1981 и 1985 годов потрясли до основания то, что на протяжении многих поколений казалось благообразным образом жизни британцев. Одним из самых ясных указаний на социальное неблагополучие стал ужасающий рост насилия во время футбольных матчей. Везде в мире сочетание футбола и насилия порождает взрывоопасную смесь, но в последние годы в Англии проблема эта приобрела особые масштабы. В 1985 году на стадионе «Хейсел» в Брюсселе болельщики из Ливерпуля, размахивая металлическими трубами, бросились на места, где сидели болельщики команды из Турина, убив 39 и ранив 425 человек. Почти пять лет спустя английским клубным командам — не шотландским, уэльским или североирландским — было все еще запрещено выступать на стадионах континентальной Европы. В 1988 году британские болельщики подрались с немецкими и голландскими в Дюссельдорфе после окончания европейского чемпионата. На следующий год были задавлены до смерти 95 человек, когда болельщики попытались прорваться на переполненный стадион в Шеффилде. Анализ причин насилия во время футбольных матчей стал в Великобритании процветающим родом занятий. Те, кто ищет простых объяснений, сваливали все на безработицу или на то напряжение, которое внесла Тэтчер в британское общество. Но большинство из тех, кто был арестован во время вспышек такого насилия, не были безработными. Причины не ясны, а значит, не предлагается и решений.

Футбольное насилие — лишь один из симптомов остающихся в Великобритании проблем, умножаемых существующими на острове идиосинкратическими общественными силами,

колебаниями мировой экономики, сложным историческим наследием, которое формировало в прошлом и всегда будет формировать в будущем те ожидания, которые предъявляет Британия к себе самой.

Тэтчер заявляет, что она почувствует, когда ей настанет время уходить со своего поста. Многие сомневаются, так ли это. Многие сомневаются и в том, сможет ли она вообще уйти когда-нибудь по собственной воле. В ноябре 1989 года она заявила, что, вероятно, уйдет в отставку после того, как выиграет на выборах в четвертый раз. Но уже несколько недель спустя она взяла это заявление назад. Подумав, она заявила, что готова возглавлять консерваторов на двух следующих общенациональных выборах. «Я получила столько протестов после того, как сказала публично, что готова работать дальше», — удивлялась она потом {12}. Трудно сказать, насколько серьезными были эти ее заявления. Некоторые консерваторы высказывали предположение, что Тэтчер просто пыталась таким образом избежать отношения к себе как к премьер-министру, который неизбежно уйдет со своего поста.

Ясно одно: она живет ради того, чтобы продолжать переделывать и совершенствовать Британию в соответствии со своими представлениями. Любая другая цель бледнеет рядом с этой. Когда она покинет дом на Даунинг-стрит, 10, то не для того, чтобы, как она выражается, «бренчать на арфе». Ей, несомненно, будет предложено традиционное пэрство. Но трудно представить ее на сонных красных скамьях палаты лордов, а не в палате общин, непременной частью которой она является с 1959 года и где ее сильный голос не раз осуждал и осаживал оппонентов. Трудно представить Маргарет Тэтчер не в роли хозяйки дома на Даунинг-стрит. Норман Тоббит как-то спросил: «Что бы она стала делать, если бы не была премьер-министром? Ее невозможно представить пенсионеркой, копающейся в саду или занимающейся варкой варенья». Действительно, невозможно.

Глава двадцать вторая
ГОВОРИТ МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР

О семье

«Что хорошо для семьи, то хорошо и для Великобритании». — «Санди экспресс», 29 июня 1975 г.

«Нация — не что иное, как большая семья». — Из выступления перед еврейским Обществом Св. Лаврентия, 2 февраля 1981 г.

«Какая сила на самом деле движет обществом? Им движет желание каждого человека добиться лучшей жизни для себя и своей семьи. Как можно улучшить общество? Это можно сделать, если миллионы людей твердо решат, что создадут для своих детей лучшую жизнь, чем они имели сами». — Из выступления в Кардиффе 16 апреля 1979 г.

«Консервативная партия безусловно поддерживает семью, но это не тождественно поддержке увеличения любой статьи ассигнований на социальные нужды». — Из выступления в палате общин 17 января 1980 г.

«Наших отцов и дедов воспитывали без всяких путеводных теорий, и неплохо воспитали». — «Дейли миррор», 25 мая 1978 г.

«Надо объяснять детям, что такое хорошо и что такое плохо. Конечно, нужны какие-то правила, но не ради самих правил: надо объяснять детям, почему следует поступать так, а не иначе. Дети задают бесконечные вопросы и с ними необходимо бесконечное терпение, но объяснять необходимо. Надо пытаться отвечать на их вопросы. Одна из больших проблем сегодня — то, что родители недостаточно общаются со своими детьми. Мне повезло. Мне помогали, когда появились близнецы, и мне объяснили, как важно разговаривать с ними. Когда с ними возишься или когда их купаешь, надо непрерывно что-то говорить. Конечно, матерям всегда некогда и они устают, но надо находить время и объяснять все детям». — Из книги: Патрисия Мюррей. «Портрет Маргарет Тэтчер». 1980 г.

О своем доме

«В моей жизни было мало радостей и счастья. Я стараюсь дать своим детям больше». — Из выступления в женской средней школе Грантема, 6 июня 1980 г.

«Меня воспитывали очень, очень серьезно. Я была очень серьезным ребенком, и нас не баловали особыми развлечениями. Поход в кино был огромным событием». — Из того же выступления.

«Жили не для того, чтобы доставлять себе удовольствие, а чтобы работать и чего-то добиваться. Дом был очень маленький. Помню, как я мечтала о том, что когда-нибудь буду жить в красивом доме, где всего будет больше, чем было у нас. У нас не было горячей воды, а туалет был на улице. Поэтому когда мне сейчас говорят о такой жизни, я понимаю, что это такое». — Из программы Йоркширского телевидения «Женщины — женщинам», 19 ноября 1985 г.

«Думаю, отец был мне ближе. Но моя мать была добрая женщина, весьма практичная, и от нее я научилась многому полезному в жизни. Она научила меня готовить, печь хлеб, шить одежду, украшать дом. Мы всегда сами украшали свой дом, потому что не могли позволить себе пригласить профессиональных декораторов. Мне всегда нравилось делать что-то собственными руками». — Из книги: Патрисия Мюррей. «Портрет Маргарет Тэтчер». 1980 г.

«По воскресеньям я ходила в церковь по четыре раза, и всему, во что я верю, я во многом обязана церкви. Я очень довольна, что получила строгое воспитание». — Из выступления в женской средней школе Грантема, 6 июня 1980 г.

«Бывают моменты, когда я чувствую себя совершенно несчастной и во всем разочарованной… Как говорят, вышибленной из своей тарелки». — «Обсервер», 16 марта 1969 г.

«Бывают времена, когда я прихожу вечером домой, и на меня так сразу все наваливается, что я пускаю слезу — молча и одна. Я часто снимаю напряжение тем, что начинаю гладить или переставляю посуду из сушилки в шкаф. Такие занятия помогают мне расслабиться». — «Вименз уорлд», 21 сентября 1978 г.

«Мне не приходится думать о деньгах. Заниматься политикой — дорогое удовольствие. Надо иметь хорошее воспитание и надо уметь привлекать к себе людей». — «Гардиан», 23 марта 1962 г.

«Я достаточно романтична, чтобы помнить все детали того, как я выходила замуж. Конечно, была и практическая сторона. Помню, я переделала свое свадебное платье в вечернее и носила

его потом долгое время». — «Дейли мейл», 10 сентября 1979 г.

«Я поняла вдруг, что раньше замужество было самым большим событием в жизни человека. Сейчас это не совсем так, и потому люди думают о других вещах». — «Таймс», 11 ноября 1985 г.

«Мне повезло с Дэнисом. Просто повезло. Он всегда поощрял меня, чтобы я не тратила попусту свои таланты. И у нас прекрасная семья. Все хорошо сложилось один к одному». — Из интервью радиопрограмме Би-би-си, февраль 1981 г.

«У него есть друзья, с которыми они вместе ходят на рэгби, а у меня есть круг политических друзей. У нас есть общая жизнь, но у каждого из нас есть и своя жизнь. Я думаю, такое сочетание крайне важно». — «Дейли мейл», 3 мая 1980 г.

«У Дэниса есть своя жизнь и своя работа, и это очень важно для нас обоих. Он — не моя вторая скрипка. Он — первая скрипка в своем собственном оркестре, и даже дирижер этого оркестра». — «Дейли экспресс», 20 февраля 1986 г.

«Наш дом — это и наша опора, и наше убежище. По вечерам мы просто шлепаемся в кресла и разговариваем друг с другом». — «Ньюс оф зе уорлд», 4 мая 1980 г.

«По выходным я все еще прибираюсь в доме, навожу порядок, но не занимаюсь подметанием. Готовлю я сейчас только что-нибудь очень простое — а вообще-то я готовлю неплохо. Несложный пирог, простой омлет, что-нибудь запеченное — ничего сложного». — «Дейли экспресс», 13 августа 1980 г.

«По выходным я люблю подняться в маленькую квартирку на верхнем этаже дома по Даунинг-стрит, 10 и приготовить себе крутое яйцо с тостом». — Из выступления в женской средней школе Грантема, 6 июня 1980 г.

О роли женщин

«Помните эту фразу из поэмы Киплинга: «У всех живых существ самка опаснее самца»? Ни один мужчина не будет защищать своих детей с такой самоотверженностью, как женщина. Думаю, женщины больше интересуются отдаленным будущим, чем мужчины, потому что они думают о мире, в котором предстоит жить их детям». — «Дейли мейл», 18 ноября 1976 г.

«По-моему, женщина вполне может и заниматься домом, и продолжать свою карьеру, если соблюдаются два условия. Во-первых, муж должен поддерживать ее стремление работать. Во-вторых, если речь идет о молодой семье, их общего заработка должно быть достаточно для того, чтобы нанять первоклассную экономку или няньку, которая поддерживала бы порядок в доме в отсутствие жены. Второе условие — ключ к успеху». — «Ивнинг ньюс», 26 февраля 1960 г.

«Я до сих пор готовлю сама… Вбегаю в дом, режу овощи, ставлю сковородку — все это прежде, чем успею снять шляпку. Дома постоянно возникают какие-то срочные дела, которые за день накладываются друг на друга и вырастают в гору забот. Но если есть работа, какие-то интересы вне дома, то подобные срочные дела остаются в приемлемых рамках». — «Дейли телеграф», 18 марта 1966 г.

«Если бы нам оказалась не по карману домработница, я бы завтра же отказалась от карьеры». — «Дейли телеграф», 12 марта 1968 г.

«Мне страшно повезло. Мы жили в Лондоне, и я всегда знала, что, если дома что-то случится, я смогу прийти. Это давало мне огромное психологическое облегчение. Не знаю, как бы я справилась, если бы мой избирательный округ был не в Лондоне». — «Тудей», 27 июня 1986 г.

«Хотелось бы, чтобы в парламенте было больше женщин, потому что тогда можно было бы не так пристально следить за каждым своим шагом или словом. Я бы хотела работать, не попадая постоянно в центр всеобщего внимания». — «Санди экспресс», 16 января 1972 г.

«Многие женщины не используют те возможности, которые у них есть… или слишком легко примиряются с выполняемой работой и не стремятся забраться на дерево повыше… Иногда считают, будто делать карьеру — не женское занятие. Да ничего подобного!» — Из интервью радиопрограмме Би-би-си, 2 марта 1984 г.

«Хотела бы надеяться, что все большее число женщин станут сочетать семейную жизнь и карьеру. Предрассудки, мешающие этому, есть не только у мужчин. К сожалению, очень часто они исходят и от нас самих…Вполне возможно работать, брать непродолжительный отпуск, когда появляются дети, и потом вновь возвращаться к работе. Представления, будто семья при этом пострадает, мне кажутся ошибочными. Карьера на работе стимулирует мозг, она дает освежающий контакт с внешним миром — а в итоге жена оказывается гораздо лучшим партнером и у себя дома». — «Космополитен», май 1983 г.

«Я не замечаю, что я женщина. Я считаю себя премьер-министром». — «Дейли миррор», 1марта 1980 г.

О главах государств — мужчинах

«Они не относятся ко мне снисходительно из-за того, что я женщина. Никто не смотрит на меня сверху вниз». — «Дейли экспресс», 13 августа 1980 г.

«Я совершенно уверена, что изменением законодательства мало что можно сделать для преодоления дискриминации. В конце концов, не думаю, чтобы женщины в последние годы так уж сильно подвергались дискриминации». — Из интервью «Теймз телевижн», 6 января 1981 г.

«Борьба за права женщин в целом выиграна. Время, когда эти права обсуждали или их требовали в экзальтированных тонах, должно навсегда уйти в прошлое. Я надеюсь, что так и будет. Я ненавижу тот экзальтированный тон, который приходится слышать от некоторых сторонников "эмансипации женщин"». — Из выступления в Электротехническом институте, 26 июля 1982 г.

«Феминисты стали чрезмерно экзальтированы и наносят ущерб интересам женщин, пытаясь представить нас чем-то таким, чем мы на самом деле не являемся. Человек продвигается в жизни, если у него есть для этого соответствующие данные». — «Таймс», 10 мая 1978 г.

О внешнем виде

«Вот я стою здесь, в красном шифоновом платье, слегка подкрашенная, с мягко завитыми волосами, — и это «железная леди» западного мира?» — «Санди телеграф», 1 февраля 1976 г.

«Если бы вы увидели меня, когда я пишу речь в четыре часа утра, ненакрашенная, и при этом ерошу волосы рукой, — у вас было бы несколько иное впечатление». — «Дейли экспресс», 13 августа 1980 г.

«Дэнис любит яркие тона. Но они непрактичны. Если люди видели вас, например, в чем-то розовом, они это запоминают и считают, что у вас только одно платье». — «Таймс», 17 ноября 1986 г.

«Дэнис любит, когда все сверкает». — Там же.

«Люблю, когда обо мне все и все время говорят». — «Дейли миррор», 14 февраля 1975 г.

«Меня беспокоит мой образ. Я намерена изменить его. Я хорошо понимаю значение своего образа. Мне не очень нравится, как я смотрюсь по телевидению. Я собираюсь кое-что сделать, и прежде всего в отношении прически. Сейчас у меня какой-то неухоженный вид». — «Дейли мейл», 4 мая 1976 г.

«Мне ужасно нравится красный цвет, но его я могу носить только дома или во время отпуска. Знаете, люди комментируют его по-разному». — «Дейли телеграф», 5 октября 1964 г.

«Я себя чувствую просто виноватой оттого, что не ношу синего. Но вот я прихожу в телестудию, а там задники ярко-бирюзовые. Поневоле приходится надевать что-то коричневое. Нам, женщинам, приходится думать о таких вещах». — «Таймс», 2 апреля 1979 г.

О правительстве и управлении

«Моя политика основывается не на какой-то экономической теории, а на том, в чем были воспитаны я сама и миллионы таких людей, как я: на честном труде за честную оплату, на правиле жить по средствам, на привычке откладывать на черный день, вовремя платить по счетам и уважать полицию». — «Ньюс оф зе уорлд», 20 сентября 1981 г.

«Экономика — это метод. А цель — изменить душу». — «Санди Таймс», 5 мая 1981 г.

«Я пришла к власти с одним четким намерением: изменить Британию. Превратить ее из общества иждивенческого в самостоятельное. Из страны, привыкшей выпрашивать что-то для себя, в страну людей, привыкших добиваться самостоятельно. Из страны, сидящей и ожидающей неизвестно чего, в страну энергично действующих людей». — Из выступления перед Управлением по делам малых предприятий, 8 февраля 1984 г.

«Цель данного правительства — гораздо большее, нежели содействие экономическому прогрессу. Наша цель — обновить моральный дух и солидарность нации». — Из выступления в Кембридже, 6 июля 1979 г.

«Я отчаянно пытаюсь создать такое государство, в котором каждый человек был бы владельцем собственности или имел бы возможность стать владельцем собственности». — «Санди Таймс», 27 февраля 1983 г.

«Не думаю, что страна хотела бы иметь слабое правительство. Не верю, что люди хотели бы от правительства гибкости, граничащей с бесхребетностью. Полагаю, люди предпочитают правительство с характером. Никому не нужно правительство, которое состояло бы из мягких игрушек». — «Сан», 9 июля 1985 г.

«Мы боремся не просто за дееспособность нации. Мы ведем борьбу за самые основы социального порядка. Это крестовый поход, ставящий своей целью не временное ограничение социализма, но прекращение его продвижения вперед раз и навсегда». — «Таймс», 9 октября 1976 г.

«Мы не свернем с избранного курса. Тем, кто, затаив дыхание, ждет разворота назад — пресса так любит эти слова, — могу сказать одно: если хотите, поворачивайте сами. Эта леди не повернет!» — Из выступления на конференции консервативной партии, 10 октября 1980 г.

«Мы не подделываемся под того, с кем разговариваем в данный момент». — «Дейли экспресс», 24 апреля 1987 г.

«Если не будет сильных, то кто же обеспечит слабых?

Искусственно сдерживая добивающихся успеха, вы тем самым наказываете нуждающихся в помощи». — Из выступления на конференции консервативной партии, 13 октября 1978 г.

«Я — вожак стаи. Для чего нужен вожак, как не вести стаю за собой? Естественно, другие следуют за мной. Если бы они шли передо мной, то они были бы вожаками». — Из интервью Лондонскому телевидению, 4 марта 1980 г.

«Запомните: если вы руководитель, то нельзя произносить ничего не значащие приятности или же слушать и ничего не предпринимать. Руководство заключается не в этом». — «Дейли мейл», 3 мая 1980 г.

«Меня изображают каким-то страшным минидиктатором. Но это чепуха. Руководитель всегда с кем-то советуется». — «Таймс», 8 июня 1983 г.

О своих личных качествах

«Я не жесткий человек. Я страшно мягкая. Но я не позволю загонять себя куда-то и не сделаю ничего против своей воли». — «Дейли мейл», 2 февраля 1972 г.

«Я жесткий руководитель, и я управляю людьми. Я не диктатор, но я знаю, чего хочу. Я знаю направление, в котором хочу идти, и пытаюсь противопоставить аргументам — аргументы». — «Дейли экспресс», 20 февраля 1986 г.

«Во мне есть две стороны: неформальная, дружелюбная; и твердая, то, что называют «железной леди». Время от времени необходимо демонстрировать твердость, но это не значит, что ее надо показывать непрерывно». — «Дейли мейл», 3 мая 1980 г.

«Иногда я плачу. А какой обладающий чувствами человек этого не делает? Мужчины тоже плачут. Это нормально, когда есть причина». — «Дейли мейл», 10 сентября 1979 г.

«Власть рождает одиночество. Легкие решения принимают другие, а на твою долю достаются самые трудные». — «Дейли телеграф», 24 марта 1986 г.

«Меня поражает, когда некоторые говорят, что я жесткая или равнодушная к людям, потому что это совершенно неверно. Я не могу говорить об этом, потому что это звучало бы как «я очень скромный человек». В таких случаях никто не верит. Но когда незнакомые люди встречаются со мной, они говорят: «Вы совершенно не такая, какой я вас себе представлял». К сожалению, лично встретиться со всеми невозможно». — «Дейли экспресс», 20 февраля 1986 г.

«Я никогда не сплю больше четырех-пяти часов. Моя жизнь — это моя работа. Некоторые люди работают, чтобы жить. Я живу, чтобы работать». — «Санди дейли мейл», 3 февраля 1985 г.

«Я не люблю сахар. Мне нравятся густой соус с рыбой; фрукты, политые сверху меренгой; мороженое с шоколадной поливкой. Люблю печеную картошку и к ней много-много масла. Надо просто научиться не есть слишком много, а снять корочку с пирога и покопаться, где там начинка». — Там же.

«Мне доставляют удовольствие книги типа тех, что пишет Джон ле-Карр, такое чтение я люблю. Конечно, я читаю и биографическую литературу, и философскую, и кое-что по домоводству. Люблю перелистывать журналы по домоводству и садоводству и разглядывать, что придумывают люди, у которых есть время и деньги на такие занятия». — «Таймс», 5 мая 1980 г.

«Жизнь для меня сейчас неизмеримо дороже (после взрыва бомбы в Брайтоне. — *Прим. автора*). Подобные происшествия

меняют весь взгляд человека на свою жизнь. Вам перестают досаждать и заботить вас всяческие мелочи». — «Дейли телеграф», 13 ноября 1984 г.

«Думаю, астрологические предсказания — это занятно, но я им не верю». — «Сан», 9 июля 1985 г.

О богатстве и предприимчивости

«У нас слишком мало богатых и слишком низкие прибыли». — Из выступления перед исполнительным комитетом Национального консервативного союза, 13 июня 1975 г.

«Путь к возрождению лежит через прибыли». — Из выступления на конференции консервативной партии, 10 октября 1975 г.

«Никто бы не запомнил Доброго Самаритянина, если бы у него были только добрые намерения. Но у него были еще и деньги». — «Уикэнд уорлд», 6 января 1980 г.

«К сожалению, при нашей системе образования молодежь все еще не получает достаточных стимулов идти в промышленность или торговлю, и ее не учат, что честно заработанная прибыль — это хорошо. Молодежи надо говорить, что, если у вас нет прибыли, вы в бизнесе долго не продержитесь, ибо вам нечего будет вложить в дело завтра. А прибыль получают, делая для других что-то полезное: это и есть честная прибыль». — «Директор», сентябрь 1983 г.

«Капитализм — это система, которая дает благосостояние большинству, а не только немногим». — Из выступления на совместном заседании палат конгресса США, 20 февраля 1985 г.

«Общество не может заботиться о своих нуждающихся членах, если для этого не накоплено достаточного богатства. Добрых намерений мало. Нужны еще реальные средства». — Из интервью телевидению Би-би-си, 11 июля 1977 г.

«Большинство людей считают справедливым, чтобы те, кто работает, жили бы лучше, чем те, кто, к несчастью, не смог найти работу». — «Хэнсард», 18 декабря 1982 г.

«Нельзя признать ни моральным, ни ответственным, если правительство расходует больше, чем может позволить себе страна, — даже если это расходы на желательные общественные цели». — Из выступления на конференции членов профсоюзов-консерваторов, 1 ноября 1980 г.

О приватизации

«Когда приносящая прибыль отрасль промышленности передается в общественную собственность, ее прибыльность вскоре исчезает. Курица, которая несла золотые яйца, вдруг впадает в задумчивость. Государственные куры — не очень хорошие несушки». — Из выступления перед избирателями в Финчли, 31 января 1976 г.

О лейбористской партии «Многим из нас представляется, что между политикой коммунистической и лейбористской партий — разница ничтожная». — «Таймс», 12 декабря 1980 г

«Вот чего хочет нынешняя лейбористская партия: передать все жилищное строительство в ведение муниципалитетов; ренационализировать промышленность; политизировать полицейские службы; радикализовать систему правосудия; оживить профсоюзное движение; и самое главное — нейтрализовать нашу оборону. Никогда! Никогда этому не бывать в Великобритании!» — Из выступления на конференции консервативной партии, 10 октября 1986 г.

«Лейбористская Британия была бы нейтральной Британией. Это стало бы самой большой победой, одержанной Советским Союзом за 40 последних лет. И они получили бы эту победу без единого выстрела». — Из выступления на конференции консервативной партии, 10 октября 1986 г.

Об обороне

«У громилы не бывает уважения к слабакам. Единственный способ остановить громилу — не быть слабым. Перевоспитать громилу можно, сказав ему: «Я такой же сильный, как и ты. Все, что ты можешь сделать со мной, я могу сделать и с тобой». Мы — за ядерное и обычное разоружение, но мы за то, чтобы идти к нему правильным путем». — «Уорлд зис уикэнд», 10 января 1982 г.

«Ядерное оружие предотвратило начало новой войны. Поэтому я считаю, что мы должны сохранить ядерное оружие». — Из выступления в палате общин, 15 июня 1982 г.

О том. пойдет ли она на использование ядерного оружия

«Если будет необходимо — да». — Из выступления в палате общин, 15 января 1981 г.

Об отношениях с Соединенными Штатами

«Наша партия — проамериканская». — «Таймс», 13 октября 1984 г.

«Я от всей души поддерживаю подход президента. Как вы знаете, я его самая горячая сторонница». — «Таймс», 18 февраля 1985 г.

«Мы на очень многое смотрим одинаково. Это настоящий резонанс умов. Я без колебаний называю наши отношения особыми, очень особыми». — «Файнэншл Таймс», 23 февраля 1985 г.

«Трудно пожелать Западу лучшего или более мужественного лидера» (чем Рональд Рейган. — *Прим. автора*). — Из выступления на конференции консервативной партии, 1 октября 1985 г.

«Нам очень повезло, что иностранное оружие находится на нашей территории и нацелено на тех, кто сам прицеливается в нас». — «Таймс», 16 февраля 1981 г.

«Американцы могут абсолютно полагаться на меня в вопросах обороны и во всем том, во что я верю». — «Дейли мейл», 7 ноября 1983 г.

«В Соединенных Штатах нет социалистической партии. Социалистическая партия никогда не стояла там у власти. Вот почему эта страна всегда была последним прибежищем всех валют». — «Таймс», 1 июня 1984 г.

«В Соединенных Штатах существуют две партии, опирающиеся на свободное предпринимательство, политические свободы и правосудие. У нас же две ведущие партии разделяют принципиально разные философские убеждения». — «Директор», сентябрь 1983 г.

Об отношениях с Советским Союзом

«Русские стремятся к мировому господству». — «Таймс», 20 января 1976 г.

«Угроза миру исходит от коммунизма, который обладает мощными силами, готовыми напасть на кого угодно. Коммунизм выжидает проявлений слабости. Сильных он не трогает. Поэтому Великобритания должна быть сильной: сильной физически, сильной в своей вере, сильной своим образом жизни». — Из предвыборной листовки Маргарет Робертс во время кампании за место от Дартфорда, 1950 г.

«Они ставят на первое место пушки, а уже потом — масло. У нас же пушки идут после всего остального». — Из выступления в муниципалитете Кенсингтона, 20 января 1976 г.

«Каждый ребенок знает историю о Красной Шапочке и о том, что случилось с ней в доме ее бабушки в лесу. И каким бы ни был новый облик коммунистических партий, как бы мягко они ни говорили, мы должны постоянно помнить о зубах и об аппетите волка». — «Монинг стар», 26 мая 1976 г.

«Коммунизм никогда не дремлет, он никогда не меняет своих целей. И мы тоже не должны этого делать». — «Файнэншл Таймс», 23 мая 1979 г.

«Я — рыцарь холодной войны? Ну, если они так хотят истолковывать то, что я защищаю основополагающие ценности и свободы нашего образа жизни, — тогда да». — Из выступления перед избирателями в Финчли, 31 января 1976 г.

«Есть ли у Кремля совесть? Задаются ли они когда-нибудь вопросом, каков смысл жизни? Для чего она? — Нет. Их кредо лишено совести, оно бесчувственно к доводам добра и зла». — «Таймс», 30 сентября 1983 г.

«Мне нравится Горбачев. Мы сможем с ним работать». — Из высказываний в Чекерсе, декабрь 1984 г.

«Если бы он пообещал мне что-то сделать, я бы поверила его слову». — Из высказываний в Москве, 1987 г.

О социализме

«Государственный социализм совершенно несовместим с британским национальным характером». — «Таймс», 8 июня 1983 г.

«Мне всегда представлялось, что социалисты убеждены, будто другие люди создают все в мире только для того, чтобы они, социалисты, могли бы все это перераспределить». — «Директор», сентябрь 1983 г.

«Марксисты встают рано, чтобы отстаивать свое дело. Мы должны вставать еще раньше, чтобы защищать свои свободы». — «Дейли мейл», 13 июля 1978 г.

«Моя работа заключается в том, чтобы остановить процесс покраснения Британии». — 3 ноября 1977 г.

«Пусть предлагаемый лейбористской партией слева орвеллианский кошмар подтолкнет нас к тому, чтобы мы с новой энергией бросили бы все свои моральные силы на возрождение добрых качеств нашей свободной страны. Если мы потерпим неудачу, эти свободы могут оказаться под угрозой. Так не поддадимся же уговорам слабодушных. Не будем обращать внимания на вопли и угрозы экстремистов. Давайте встанем вместе, исполним свой долг, и тогда нас ждет успех». — Из выступления на конференции консервативной партии, 10 октября 1980 г.

«Боевой клич социалистов всегда один и тот же. Они говорят: «Консерваторы хотят безработицы». Они утверждают: «Сокращения расходов, на которых настаивают консерваторы, удвоят или утроят число людей, потерявших работу». Это чепуха, и надо прямо сказать, что это чепуха». — «Таймс», 9 октября 1976 г.

«Шаг за шагом мы оттесняем назад социализм и возвращаем власть народу». — Из выступления на конференции консервативной партии, 11 октября 1985 г.

«Некоторые люди относятся глубоко враждебно ко всему тому, во что я верю, потому что они не хотят системы свободного предпринимательства. Они хотят создать анархию и хаос, потому что не желают возрождения этой системы». — «Санди Таймс», 3 августа 1980 г.

«Довольно с нас марксизма». — «Вашингтон пост», ноябрь 1988 г.

О национальной гордости британцев

«Куда бы я ни приезжала, мне повсюду предлагают минеральную воду «Перрье». Меня это раздражает, потому что у нас в Великобритании есть ничем не худшая вода в Малверне». — «Сан», 9 июля 1985 г.

О законности и правопорядке

«Лично я всегда выступала за сохранение высшей меры наказания. Думаю, что значительное большинство людей в нашей стране высказалось бы за восстановление смертной казни. Но я вовсе не за ее максимально широкое применение». — «Таймс», 26 апреля 1979 г.

«Тот, кто готов отнять жизнь у другого человека, тем самым перечеркивает собственное право на жизнь». — «Таймс», 16 октября 1984 г.

«Думаю, розге должно быть место в воспитании детей». — «Санди пикториэл», 30 июля 1961 г.

«Нам нужно больше полиции, а не меньше. Они прекрасно выполняют свои обязанности». — «Хэнсард», 26 июля 1981 г.

О Северной Ирландии

«Я понимаю трагедию Северной Ирланлии. Это трагедия того типа, когда небольшая группка, не умея убедить и повести за собой большинство через выборы, пытается принудить его к капитуляции, используя оружие, взрывчатку, насилие и убийства». — «Таймс», 15 мая 1981 г.

О профсоюзах

«В этой стране есть люди-разрушители. Они хотели бы разрушить то свободное общество, которое у нас есть. Многие из таких людей работают в профсоюзах». — Из интервью телекомпании «Теймз телевижн», 24 апреля 1979 г.

«Я не верю, что те, кто бастует в этой стране, отстаивают правое дело». — «Хэнсард», 17 июня 1982 г.

«Не будет никаких трудностей в том, чтобы я сотрудничала с профсоюзами или профсоюзы сотрудничали бы со мной, при условии, что у нас будет общая цель — достижение процветания Британии». — Из интервью телевидению Би-би-си, 23 февраля 1976 г.

Об иммиграции

«Не думаю, что иммиграция может продолжаться нынешними темпами. Должно быть немедленное и значительное сокращение числа приезжающих в эту страну». — Из интервью телевидению Би-би-си, 27 апреля 1977 г.

«Я постоянно пытаюсь ограничить приток иммигрантов… Немалая их часть — это молодые люди, у которых, скорее всего, будут семьи». — Из выступления в палате общин, 5 мая 1981 г.

О тех. кто ее критикует

«Не понимаю, почему на меня нападают. Думаю, я этого не заслужила». — «Санди экспресс», 1 января 1972 г.

«Меня всегда ожесточенно критиковали. Но в конце концов создаешь вокруг себя какую-то броню, потому что знаешь: то, что о тебе говорят, неверно. Думаю, Дэнису труднее, когда ему приходится просто сидеть и выслушивать все это. Когда он видит, что я устала, он спрашивает: «Почему ты не бросишь эту работу?» Думаю, моя самая сильная сторона — что бы ни происходило, я как-то справляюсь». — «Дейли мейл», 2 февраля 1972 г.

«Люди могут быть столь ожесточенны, и если обращать на это внимание, то заработаешь какой-нибудь комплекс. Меня все время пытаются опрокинуть, но из этого ничего не выйдет. Я мало, очень мало читаю о себе. Я знаю, что, если натолкнусь на какое-нибудь ехидное замечание, это может выбить меня из колеи на два-три часа, я не смогу сосредоточиться на необходимом. Поэтому я просто не читаю». — «Дейли экспресс», 13 августа 1980 г.

«Тех — особенно в палате общин, — кто каждый день шипит и кричит на меня, вовсе не волнует, если моя политика потерпит неудачу. Они добиваются изменения моего курса вовсе не по этой причине. Они пытаются сбить меня с моего курса именно потому, что знают, что он принесет успех». — «Дейли мейл», 3 мая 1980 г.

«Должна сказать, у меня прибавляется энергии, когда на меня по-настоящему нападают, а я отбиваюсь и знаю: «Ну, Мэгги, ты сейчас в одиночестве, постоим за себя! Помощи ждать неоткуда». Люблю такие моменты». — «Таймс», 1 декабря 1980 г.

О том, кто придет ей на смену

«Я надеюсь работать, работать и работать». — Из интервью с Джоном Коулом, Би-би-си, май 1987 г.

«Наступит момент, когда свой шанс должен будет получить более молодой человек. Но если бы я сказала об этом с самого начала, все рассуждали бы так: «Мэгги уйдет перед четвертыми выборами, а кто придет, неизвестно». Так вот, я хочу, чтобы это было известно: приду я!» — «Дейли телеграф», 21 мая 1987 г.

«Моя стратегия всегда заключалась в том, что мы должны оставаться у власти достаточно долго, чтобы лейбористская партия наконец поняла, что с ее политикой она никогда не сумеет вернуться к власти снова… Я хочу быть уверена, что достигнутое нами твердо закреплено. Я хочу быть уверена, что оно стало частью привычек и обычаев британцев, настолько прочной, что его не удастся выкорчевать на протяжении многих поколений. Дело не в том, будто я считаю, что никто другой не подойдет на мое место. Просто люди знают, какой я руководитель, и пока я буду находиться в доме № 10, у них не будет возникать сомнений». — «Ивнинг стандарт», 17 марта 1987 г.

«У меня еще долго не появится желания уходить в отставку. Я еще полна энергией». — «Дейли экспресс», 24 апреля 1987 г.

«Конечно, рано или поздно придется уступить место человеку новому, свежему, молодому, динамичному. Нельзя держаться за место до тех пор, пока начнут говорить: "Кто бы подсказал этой старухе, что ей пора уходить?"» — «Стар», 25 июня 1986 г.

«Думаю, премьер-министры — мужчины когда-нибудь снова войдут в моду». — Из интервью 1987 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

Adeney, Martin and Lloyd, John. The Miners Strike, 1984-5: Loss Without Limit. Routledge and Kegan Paul, 1986.

Barnett, Correlli. The Collapse of British Power. Alan Sutton, 1984. Barzini, Luigi. The Europeans. Penguin, 1983.

Bell, David S. The Conservative Government, 1979-84. Croom Helm, 1985.

Blake, Robert. The Conservative Party from Peel to Thatcher. Methuen, 1985.

Bogdanov, Vernon and Skidelsky, Robert. The Age of Affluence, 1951–1964. Macmillan, 1970.

Bradshaw, Kenneth and Pring, David. Parliament and Congress. Constable, 1972.

Bruce-Gardyne, Jock. Ministers and Mandarins. Sidgwick & Jackson, 1986.

Brzezinski, Zbigniew. The Grand Failure. Scribners, 1989.

Burch, Martin and Moran, Michael. British Politics. Manchester University Press, 1987.

Butler, David and Kavanagh, Dennis. The British General Election of 1979. Macmillan, 1980.

— The British General Election of 1983. Macmillan, 1984.

— The British General Election of 1987. Macmillan, 1988. Carrington, Peter. Reflect on Things Past. Collins, 1988.

Castle, Barbara. The Castle Diaries. Weidenfeld and Nicolson, 1980.

Chesshyre, Robert. The Return of a Native Reporter. Viking, 1987; gritty societal look from beyond London.

Childs, David. Britain Since 1945. Methuen, 1979.

Churchill, Winston S. The Second World War 6 vols. Cassell, 1948-54.

Cockerell, Michael. Live from Number 10. Faber, 1988.

Cole, John. The Thatcher years. BBC, 1987.

Coleman, Terry. Thatcher's Britain. Bantam, 1987.

Coleville, John. The Fringes of Power. Hodder and Stoughton, 1985.

Cosgrave, Patrick. Margaret Thatcher: A Tory and Her Party. Hutchinson, 1978.

Crick, Michael. The March of Militant. Faber. 1986.

Daly, Macdonald and George, Alexander. Margaret Thatcher in Her Own Words. Penguin, 1987.

Dimbleby, David and Reynolds, David. An Ocean Apart. Random

House, 1988; a superb account, both scholarly and eminently readable, of the twentieth century relationship between Britain and the United States.

Donoughue, Bernard. Prime Minister: The Conduct of Policy Under Harold Wilson and James Callaghan 1974-79. Jonathan Cape, 1987.

Eatwell, John. Whatever Happened to Britain. Duckworth/BBC, 1982.

Foor, Paul. The Politics of Harold Wilson. Penguin, 1968.

Foote, Geoffrey. A Chronology of Postwar British Politics. Croom helm, 1988.

Gardiner, George. Margaret Thatcher. Kimber, 1975.

Gilmour, Ian. Inside Right: A Study of Conservatism. Quartet, 1977.

Haig, Alexander M., Jr. Gaveat. Macmillan, 1984.

Hanson, A. H. and Walles, Malcolm. Governing Britain. Fontana/ Collins, 1970.

Harris, Kenneth. Thatcher. Weidenfeld and Nicolson, 1988.

Harris, Robert. The Making of Neil Kinnock, Faber, 1984.

Hastings, Max and Jenkins, Simon. The Battle for the Falklands. Michael Joseph, 1986.

Henderson, Nicholas. Channels and Tunnels. Weidenfeld and Nicolson, 1987.

Honey, John. Does Accent Matter? Faber, 1989.

Howard, Anthony and West, Richard. The Making of the Prime Minister. Jonathan Cape, 1965.

Jenkins, Peter. Mrs. Thatcher's Revolution. Jonathan Cape, 1987; original and insightful writing about postwar British politics from one of that nations preeminent commentators.

Johnson, Paul. Modern Times. Harper & Row, 1983.

Joseph, Keith. Stranded on the Middle Ground. Center for Policy Studies, 1976.

Junor, Penny. Margaret Thatcher. Sidgwick & Jackson, 1983; the most detailed look at Mrs. Thatcher's personal life.

Kaiser, Robert G. Cold Winter, Cold War. Stein and Day, 1974.

Kavanagh, Dennis. Thatcherism and British Politics. Oxford University Press, 1987.

Kellner, Peter and Hitchens, Christopher. Callaghan: The Road to Number 10. Cassell, 1976.

Kleinman, Philip. The Saatchi and Saatchi Story. Weidenfeld and Nicolson, 1987.

Kogan, David and Kogan, Maurice. The Battle for the Labour Party. Kogan Rage, 1982.

Lacey, Robert. Majesty. Sphere Books, 1977.

Leapman, Michael. Kinnock. Unwin Hyman, 1987.
Lewis, Flora. Europe. Touchstone, 1987.
Longford, Elizabeth. The Queen. Ballantine, 1983.
MacGregor, Ian. The Enemies Within. Collins, 1986.
Manchester, William. The Last Lion, Alone. Little Brown, 1988.
Mayer, Allan J. Madam Prime Minister. Newsweek, 1979.
McFadyean, Melanie and Renn, Margaret. Thatcher's Reign. Chatto and Windus, 1984.
Messenger, Charles. Northern Ireland: The Troubles. Hamlyn, 1985.
Minogue, Kenneth and Biddiss, Michael. Thatcherism: Personality and Politics, Macmillan, 1987.
Murray, Patricia. Margaret Thatcher. W. H. Allen, 1980; good early-in-office Thatcher interviews.
Newhouse, John. "Profile: The Gamefish." New Yorker, February 10,1986.
O'Brien, Maire and Conor Cruise. A Concise History of Ireland. Rev. ed. Thames and Hudson, 1985.
Owen, David. Our N.HS. Pan, 1988.
Pearce, Edvard. Looking down on Mrs. Thatcher. Hamish Hamilton, 1987.
Pointer, Michael and Knapp, Malcolm G. Bygone Grantham. 6 vols. BG Publications, 1977-87.
Prior, James. A Balance of Power. Hamish Hamilton, 1986.
Pym, Francis. The Politics of Consent. Hamish Hamilton, 1984.
Reagan, Ronald. Where's the Rest of Me? Karz, 1981.
Regan, Donald T. For the Record. Harcourt Brace Jovanovich, 1988.
Riddell, Peter. The Thatcher Government. Basil Blackwell, 1983.
Rose, Richard and Suleiman, Ezra N. Presidents and Prime Ministers. AEI Studies, 1980.
Sampson, Anthony. The Anatony of Britain. Hodder and Stoughton, 1962.
— The Changing Anatomy of Britain. Hodder and Stoughton, 1982; these two volumes, original and updated, are classics; required, but fascinating reading for anyone wishing to understand how Britain works.
Sked, Alan. Britain's Decline. Basil Blackwell, 1987.
Skidelsky, Robert. Thatcherism. Chatto and Windus, 1988.
Stephenson, Hugh. Mrs. Thatcher's First Year. Jill Norman, 1980.
Talbott, Strobe. The Master of the Game. Knopf, 1988.
Tebbit, Norman. Upwardly Mobile. Weidenfeld and Nicolson, 1988.
Thomson, Andrew. Margaret Thatcher, The Woman Within. WH

Allen, 1989.

Thorpe, D R. Sclwyn Lloyd. Jonathan Cape. 1989.

Tyler, Rodney. Campaign! The Selling of the Prime Minister. Grafton, 1987.

Urquhart, Brian. A Life in Peace and War. Weidenfeld and Nicolson, 1987.

Veljanovski, Cento with Mark Bentley. Selling the State. Weidenfeld and Nicolson, 1987.

Walters, Alan. Britain's Economic Renaissance. Oxford University Press, 1986.

Wapshott, Nicholas and Brock, George. Thatcher. Futura, 1983; well-paced firstterm detail.

Whitelaw, William. The Whitelaw Memoirs. Aurum Press, 1989. Young, Hugo. One of Us, Macmillan, 1989; the most detailed Thatcher biography by one of Britain's most thoughtful journalists.

Young, Hugo and Sloman, Anne. The Thatcher Phenomenon. BBC, 1986.

Глава первая НАСЛЕДИЕ

1. Barnett, The Collapse of British Power, p. 72.
2. Manchester, The Last Lion, Alone, p. 46.
3. Heussler, Yesterday's Rulers: The Making of the British Colonial Service (New York: Syracuse University Press, 1963), p. 76; cited in Barnett, p. 64 n.
4. Barnett, p. 63.
5. Ibid., p. 67.
6. Dimbleby and Reynolds, An Ocean Apart, p. 101.
7. Manchester, p. 85.
8. Ibid.
9. Dimbleby and Reynolds, p. 129.
10. Ibid., p. 135.
11. Sked, Britain's Decline, p. 27.
12. Churchill, The Second World War, 4: 583.
13. Manchester, pp. 48–49.
14. Brzezinski, The Grand Failure, p. 9.
15. Childs, Britain Since 1945, p. 31.
16. Ibid., p. 32.
17. Ibid., p. 33.
18. Kaiser, Cold Winter, Cold War, p. 29.
1 9. Childs, p. 36.
20. Sked, p. 28.
21. Childs, p. 39.

22. Blake, The Conservative Party from Peel to Thatcher, pp. 262-64
23. Childs, p. 38.

Глава вторая ДОЧКА БАКАЛЕЙЩИКА

1. Parkhouse, Sunday Express, July 20, 1975.
2. Ibid.
3. Wapshott and Brock, Thatcher, p. 27.
4. Parkhouse.
5. Mayer, Madam Prime Minister, p. 30.
6. Interview with author, January 1989.
7. Ibid.
8. Daily Telegraph, February 5, 1975.
9. Leo Abse, Margaret, Daughter of Beatrice, 1989.
10. Daily Mail, May 25, 1989.
11. Molly Brandreth to Brigid Forster, February 1989.
12. Parkhouse.
13. Junor, Margaret Thatcher, p. 13.
14. Manchester, p. 604.
15. Wapshott and Brock, p. 37.
16. Ibid., p. 47.
17. Ibid., p. 40.
18. Margaret Wickstead to Brigid Forster, February 1989.
19. Wapshott and Brock, p. 40.
20. Ministry of Labor documents, 1943.
21. Parkhouse.
22. Wapshott and Brock, p. 49.
23. Mayer, p. 49.
24. Young and Sloman, The Thatcher Phenomenon, p. 17.
25. Ibid., p. 18
26. Interview with author, November 1988.
27. Young and Sloman, p. 20.
28. Bawden, in My Oxford: Recollections of 12 Oxford Graduates, 18-1971, edited by Ann B. Thwaite, Robson Books, 1977.
29. Junor, p. 20.
30. Dimbleby and Reynolds, p. 170.
31. Murray, Margaret Thatcher, p. 38.
32. Ibid.
33. Ibid.
34. Interview with author, January 1989.
35. Ibid.
36. Junor, p. 26.
37. Mayer, p. 65.

38. Ibid.
39. Junor, p. 26.
40. Interview with author, January 1989.
41. Mayer, p. 66.
42. Murray, p. 43.
43. Wapshott and Brock, p. 56.
44. Ibid., p. 57.
45. Interview with author, January 1989.

Глава третья ЖЕНА И МАТЬ

1. Junor, p. 35.
2. The Times (London), October 5, 1970; cited in McFadyean and Renn, Thatcher's Reign, p. 120.
3. Malcolm Rutherford, Financial Times, March 8, 1986, cited in Young, One of Us, p. 38.
4. The Times (London), October 5, 1970.
5. Gardiner, Margaret Thatcher, p. 46.
6. Interview with author, January 1989.
7. Interview with William Deedes, January 9, 1989.
8. Newhouse, New Yorker, February 10, 1986.
9. Time, August 14, 1989.
10. To Frank Melville, London.
11. Wapshott and Brock, p. 57.
1 2. Junor, p. 34.
13. Mayer, p. 71.
14. Interview with author, January 1989.
15. Ibid.
16. Ibid.
17. Ibid., also Murray, p. 48; Wapshott and Brock, p. 60.
18. Mayer, p. 71.
1 9. Murray, p. 49.
20. Junor, p. 36.
21. Wapshott and Brock, p. 60.
22. Young, pp. 39–40.
23. Gathorne-Hardy, Jonathan, The Unnatural History of the Nanny (Dial, 1973), reviewed in Time, August 13, 1973.
24. Junor, p. 40.
25. Interview with author, January 1989.
26. Junor, p. 49.
27. Daily Express, August 13, 1980.
28. Murray, p. 63.
29. Interview with author, January 1989.

Глава четвертая. В ПАРЛАМЕНТ

1. Thomson, Margaret Thatcher, p. 102.
2. Childs, p. 72.
3. Jenkins, New York Times Book Review, March 5, 1989.
4. Childs, p. 95.
5. Jenkins, citing Macmillan biography by Alistair Horne (Macmillan, 1989).
6. Wapshott and Brock, p. 77.
7. Mayer, p. 79.
8. Ibid., p. 80.
9. Interview with author, December 1988.
10. Wapshott and Brock, p. 79.
11. Ibid., p. 80.

Глава пятая ТЭТЧЕР-МИЛ К СНЭТЧЕР

1. Interview with author, December 1988; also Young and Sloman, p. 23.
2. Ibid.
3. Interview with author, December 1988.
4. Childs, p. 282.
5. Dimbleby and Reynolds, pp. 222-23.
6. Ibid., p. 223.
7. Ibid., p. 259, citing Charles de Gaulle, War Memoirs: Unity, 1942–1944 (Weidenfeld, 1956), p. 227.
8. Macmillan, At the End of the Day, p. 367, quoted in Dimbleby and Reynolds, p. 260.
9. Mayer, p. 84.
10. Honey, Does Accent Matter? p. 142; also cited in Steve Lohr, New York Times, January 31, 1989.
11. Interview with author, December 1988.
12. Junor, p. 69.
13. Wapshott and Brock, p. 85.
14. Geoffrey Parkhouse, unpublished Thatcher interview, 1970.
15. Ibid.
16. Young and Sloman, p. 33.
17. Thames Television, January 6, 1981, cited in McFadyean and Renn p. 111.
18. Junor, p. 62; Wapshott and Brock, p. 270.
19. Wapshott and Brock, appendix, p. 278.
20. Foote, A Chronology of Postwar British Politics, p. 128.
21. Young and Sloman, p. 24.
22. Sampson, The Changing Anatomy of Britain, p. 114.

23. Young and Sloman, p. 26.
24. Junor, p. 72.
25. Cabinet source to author, December 1988.
26. Junor, p. 73; Wapshott and Brock, p. 97.
27. Parkhouse, unpublished.
28. Cabinet source to author, January 1989.
29. Young and Sloman, p. 22.

Глава шестая ПЕРЕВОРОТ

1. Cabinet source to author, January 1989.
2. Interview with author, January 1989.
3. Keith Joseph to author, January 1989.
4. Party source to author, December 1988.
5. Joseph to author.
6. Time. February 10, 1975.
7. James Prior to author, December 1989.
8. Ian Gow to author, January 1989.
9. William Whitelaw to author, December 1988.
10. Wapshott and Brock, p. 126.
11. Murray, p. 104.
12. Cockerell, Live from Number 10, p. 217.

Глава седьмая В ПРЕДДВЕРИИ

1. Whitelaw, The Whitelaw Memoirs, p. 143.
2. Mayer, p. 127.
3. Whitelaw to author, December 1988.
4. Joseph to author, January 1989.
5. Wapshott and Brock, p. 157.
6. Ronald Millar to author, January 1989
7. Junor, p. 107.
8. Ibid.
9. Ibid., p. 109.
10. Mayer, p. 141.
11. Jimmy Carter, Keeping Faith (Bantam, 1982), p. 113.
12. Cabinet sources to author, December-January 1988-89.
13. Tim Bell to author, December 1988.
14. Mayer, p. 174.
15. Bell.
16. Time, April 21, 1979.

Глава восьмая РЕВОЛЮЦИЯ НА ДАУНИНГ-СТРИТ

1. Stephenson. Mrs. Thatchers First Year. p. 12.
2. Time, June 25 1979.
3. Ibid.
4. Geoffrey Howe to author, January 1989.
5. Lord Carrington to author, December 1988.
6. Mayer, p. 203.
7. Carrington.
8. Carrington, Reflect on Things Past, p. 277.
9. Stephenson, p. 89.
10. Interview with author, January 1989.

Глава девятая НА МЕЛИ

1. Time, February 16, 1981.
2. Millar to author, January 1989.
3. Time, February 16, 1981.
4. Interview with author, January 1989.
5. Sampson, p. 96.
6. Sunday Times (London), May 3, 1981.

Глава десятая ВОЙНА ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ

I have relied heavily in this chapter on the extensive coverage of the ten-week war in the international editions of Time magazine, which, between May 10 and May 31, 1982, ran four consecutive cover stories on the Falklands. I owe special thanks for material and recollections provided by London correspondents Bonnie Angelo and Frank Melville and their counterparts in Argentina: Barry Hillenbrand, Bill McWhirter, and Gavin Scott. George Russell, formerly chief correspondent for South America, wrote many of the stories in New York and afforded unique perspective. Top editor Karsten Prager oversaw the effort with exceptional skill.

1. Sunday Times (London), Robert Harris book review, April 9, 1989, citing Speaking Out, by Michael Bilton and Peter Kosminsky (Deutsch, 1989).
2. Haig, Caveat, p. 266.
3. Chief of Defense Staff Lord Lewin to author, December 1988.
4. Haig, p. 265.
5. Nicholas Henderson to author, December 1988.
6. Whitelaw to author, December 1988.
7. Cecil Parkinson to author, December 1988.
8. Carrington to author, December 1988.
9, Fleet Commander Sir John Woodward to author, December

1988.

10. Cabinet sources to author, December 1988.
11. Henderson.
12. Ibid.
13. Haig, p. 272.
14. Source to author, January 1989.
15. Ministerial source to author, November-December 1989.
16. Cabinet source to author, December 1988.
17. Lewin.
18. Whitelaw.
19. Parkinson.
20. Sunday Times (London), citing The Fight for the Malvinas, by Martin Middlebrook (Viking, 1989).
21. Cabinet sources to author, December-January 1988-89.
22. Harris, Thatcher, p. 138.
23. Washington Post, cited in Wapshott and Brock, p. 255.
24. Haig, p. 297.

Глава одиннадцатая ФОЛКЛЕНДСКИЙ ФАКТОР

1. Cheltenham, July 3, 1982.
2. Jenkins, Mrs. Thatcher's Revolution, p. 165.
3. Bernard Ingham to author, June 1987.
4. Butler and Kavanagh, The British General Election of 1983, p. 41.
5. Junor, p. 190.

Глава двенадцатая ВОЙНА В СОБСТВЕННОМ ДОМЕ

1. Рут, The Politics of Consent, intro.
2. Рут, p. 15.
3. Parkinson to author, December 1988.
4. Bell.
5. King to author, January 1989.
6. Cabinet source to author, November 1988.
7. The Times (London), February 9, 1984.
8. Harris, The Making of Neil Kinnock, p. 108.
9. Ian MacGregor to author, December 1988.
10. Time, June 3, 1985.
11. Andre Gorz, Farewell to the Working Class (Pluto Press, 1982), p. 74, cited in Jenkins, p. 236.

Глава тринадцатая ИРЛАНДСКИЙ ВОПРОС

1. Ronald Millar to author, January 1989.
2. Thomson, Margaret Thatcher, p. 187.
3. O'Brien and O'Brien, A. Concise History of Ireland, p. 61.
4. Glenn Frankel, Washington Post, August 14, 1989.
5. Time, November 12, 1979.
6. Ministerial source to author, December 1988.
7. Cabinet and ministerial sources to author, December-January 988-89.
8. Cabinet sources to author, November-January 1988-89.
9. Peter Robinson to author, September 1985.
10. John Hermon to author, September 1988.
11. Time, February 13, 1989, p. 29.
12. Martin McGuinness to author, September 1988.

Глава четырнадцатая РОН И МЭГГИ

1. National Review, May 19, 1989.
2. Cabinet source to author, November 1988.
3. Government sources to author, April 1988.
4. National Review.
5. Interview with author, January 1989.
6. Young, p. 250.
7. Haig, pp. 254-55.
8. Ministerial source to author, November 1988.
9. Cabinet and government sources to author, November-cember 1988.
10. Interview with author, December 1988.
11. Oliver Wright to author, January 1989.
12. Talbott, Master of the Game, p. 207.
13. Participant to author, January 1989.
14. Regan, For the Record, p. 350; Talbott, p. 325.

Глава пятнадцатая В ЭПИЦЕНТРЕ БУРИ

1. Thatcher interview with David Frost, TV-AM, May 7, 1987.
2. Young, p. 447.
3. Sunday Times (London), April 9, 1989.
4. Interview with author, October 1988.
5. News conference with Association of American Correspondents in London, January 17, 1986.
6. Government sources to author, December-January 1988-89.
7. Sources to author, November-January 1988-89.

Глава шестнадцатая ПРЕМЬЕР-МИНИСТР И ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО

1. Sampson, Changing Anatomy of Britain, p. 6.
2. Women's Own radio, October 31, 1987.
3. Interview with author, November 1988.
4. Lacey, Majesty, p. 322.
5. Robert Harris, Observer, November 27, 1988.
6. Earl of Gowrie to author, November 1988.
7. Source to author, November 1988.
8. Source to author, December-January 1988-89.
9. Source to author, January 1989.
10. Harris.
11. Source to author.
12. Time, August 18, 1986.
13. Source to author, January 1989.

Глава семнадцатая ОППОЗИЦИЯ РАЗВАЛИВАЕТСЯ

1. Time, October 13, 1986.
2. Larry Whitty to author, October 1986.

Глава восемнадцатая МЭГГИ И МИХАИЛ

1. Interview with Washington Post, November 28, 1988.
2. Gennady Gerasimov to author. May 1989.
3. Editors of Time, Mikhail S. Gorbachev: An Intimate Biography, 1988. pp. 126-27.
4. Ministerial sources to author, November-January 1988-89.
5. Carol Thatcher. Life, October 1987, p. 32.
6. Time, March 14, 1988.

Глава девятнадцатая КОРОННЫЙ НОМЕР

1. Leapman, Kinnock, p. 79.
2. Ministerial sources to author, 1985-89.
3. Campaign source to author, December 1988.
4. Bell to author, December-January 1988-89.
5. Time, June 1, 1987.

Глава двадцатая МЕТАЛЛ НАЧИНАЕТ СДАВАТЬ?

1. John Biffen to author, December 1988.
2. Gerald Lubenow in Newsweek, January 18, 1988.
3. Time, October 12, 1987.
4. Observer, July 19, 1987.
5. Young, p. 402.
6. Donna Foote in Newsweek, July 17, 1989.

7. Andrew Graham Dixon in Vanity Fair, October 1989.

8. Sir Peter Hall, to the Association of American Correspondents in London, September 2, 1986.

9. Peter Ustinov, to the Association of American Correspondents in London, February 18, 1988.

10. The Economist, September 16, 1989.

11. Graig Whitney in the New York Times, May 23, 1989.

12. David Broder in the Washington Post, June 20, 1989.

13. Sunday Telegraph, June 18, 1989.

14. Time, July 24, 1989.

15. R. W. Apple, Jr., in the New York Times, July 17, 1989.

16. Ibid.

17. The Independent. October 27, 1989.

18. The Economist, October 7, 1989.

19. David Broder in the Washington Post, July 16, 1989.

Глава двадцать первая ТЭТЧЭР И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ИТОГИ И БУДУЩЕЕ

1. Skidelsky, Thatcherism, introduction, p. 14.

2. Barzini, The Europeans, p. 64 (quoting Geoffrey Madan's Notebooks: A Selection).

3. Young and Sloman, p. 39.

4 Anthony King in Skidelsky's Thatcherism, p. 56.

5. Weekend World, June 12, 1988.

6. Tebbit, Upwardly Mobile, p. 268.

7. Quoted in Barzini, p. 51.

8. Business Week, April 6, 1987.

9. Financial Times, October 29, 1987.

10. Time, June 22, 1987.

11. Disraeli, Sybil: The Two Nations, quoted in Time, December 24, 1984.

12. The Times (London), November 24, 1989.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5
Глава первая
НАСЛЕДИЕ 15
Глава вторая
ДОЧКА БАКАЛЕЙЩИКА 39
Глава третья
ЖЕНА И МАТЬ 80

Глава четвертая
В ПАРЛАМЕНТ 111
Глава пятая
ТЭТЧЕР — МИЛК СНЭТЧЕР 128
Глава шестая
ПЕРЕВОРОТ 163
Глава седьмая
В ПРЕДДВЕРИИ 183
Глава восьмая
РЕВОЛЮЦИЯ НА ДАУНИНГ-СТРИТ 222
Глава девятая
НА МЕЛИ 248
Глава десятая
ВОЙНА ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ 260
Глава одиннадцатая
ФОЛКЛЕНДСКИЙ ФАКТОР 283
Глава двенадцатая
ВОЙНА В СОБСТВЕННОМ ДОМЕ 293
Глава тринадцатая
ИРЛАНДСКИИ ВОПРОС 310
Глава четырнадцатая
РОН И МЭГГИ 336
Глава пятнадцатая
В ЭПИЦЕНТРЕ БУРИ 362
Глава шестнадцатая
ПРЕМЬЕР-МИНИСТР И ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО 378
Глава семнадцатая
ОППОЗИЦИЯ РАЗВАЛИВАЕТСЯ 397
Глава восемнадцатая
МЭГГИ И МИХАИЛ 412
Глава девятнадцатая
КОРОННЫЙ НОМЕР 432
Глава двадцатая
МЕТАЛЛ НАЧИНАЕТ СДАВАТЬ? 452
Глава двадцать первая
ТЭТЧЕР И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ИТОГИ И БУДУЩЕЕ 489
Глава двадцать вторая
ГОВОРИТ МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР 507
СНОСКИ 526
БИБЛИОГРАФИЯ 537

notes

Примечания

1

Хорейшио Алджер (1834–1899) — американский детский писатель, автор многочисленных историй о мальчиках-газетчиках или чистильщиках сапог, которые благодаря усердию и прилежанию выбились в люди. — *Прим. перев.*

2

На выборах в 1991 году победил Джон Мейджер.

3

Имеется в виду все та же Маргарет Тэтчер, избранная на второй срок.

4

Карикатурный персонаж, олицетворяющий тупую косность и твердолобый шовинизм.

5

Главные здания парламента построены в первой половине XIX века.

6

Курьерские ящики, где хранятся Библии и тексты присяги, приносимой новыми членами парламента, располагаются по обе стороны парламентского стола, стоящего вдоль прохода.

7

Milk snatcher (англ.) — «похитительница молока», «воровка молока», рифмуется с фамилией Тэтчер, как детская дразнилка.

Принятое в Великобритании название Ла-Манша.

9

У. Гилберт (1836–1911), драматург, и А. Салливан (1842–1900), композитор, — авторы популярных комических опер с элементами социальной сатиры.

10

Одна из четырех корпораций барристеров в Лондоне, пользующихся исключительным правом приема в адвокатуру.

11

Член правительства, фактический заместитель генерального прокурора.

12

Сокр. от миссис, ставится перед фамилией или перед именем и фамилией замужней женщины; — сокр. от миссис и от мисс, ставится перед фамилией женщины, как замужней, так и незамужней, вошло в употребление с 1974 г. по инициативе движения за освобождение женщин.

13

Имеется в виду известная «Поэма о Старом Моряке» С.Т.Колриджа (1772–1834), в которой Старый Моряк убивает Альбатроса.

14

Место, где находился двор легендарного короля Артура.

15

Здесь и далее имеется в виду Южная Родезия, впоследствии Зимбабве.

16

Дипломатическое представительство одной страны Содружества в другой.

17

Правительственное здание в Лондоне, где проходят конференции глав государств и правительств стран Содружества.

18

Фраза The lady's not for turning («Женщину нельзя повернуть вспять») полностью совпадает, за исключением одной буквы, с названием популярной комедии в стихах современного английского драматурга Кристорела Фрая The lady’s not for furning («Женщину нельзя сжигать»).

То есть министра финансов

20

В оригинале «долларов».

21

Избирательный союз, совместная избирательная стратегия трех партий — лейбористской, социал-демократической и либеральной, — направленные против консерваторов.

То есть примерно 12 метров в длину и 5 — в высоту по фасаду здания.

23

Во время президентских выборов 1968 г. под влиянием всеобщего возмущения в стране войной во Вьетнаме Джонсон отказался от попытки переизбрания на второй срок.

24

Один из краеугольных принципов экономического либерализма гласит, что чем меньшую долю доходов забирает через налоги государство, тем больше средств остается в обороте и для капиталовложений у предпринимателей, от чего в конечном счете больше выигрывают и общество, и само государство.

25

Игра слов, В обоих случаях употреблено сочетание «old queen», дословно означающее «старая королева». Но оно же используется гомосексуалистами как форма обращения друг к другу.

26

Застроенные исторически раньше окраин, центры крупных городов стали приходить в физический упадок. Средние и состоятельные слои населения переехали из них в пригороды, что уменьшило местные налоговые поступления. В центрах же стали селиться выходцы из стран Содружества, что резко повысило там потребности в социальных программах, которые финансируются из местных бюджетов; а кроме того, это создало ряд национальных и конфессиональных проблем.

27

Деньги, полученные от незаконных поставок оружия хомейнистскому Ирану, воевавшему в то время с Ираком, использовались администрацией Рейгана для финансирования незаконных же поставок оружия никарагуанским «контрас». То и другое прямо нарушало соответствующие резолюции и решения конгресса США.

28

От слов "Great Education Reform Bill".

29

Принятое в Англии сокращенное обозначение Оксфордского и Кембриджского университетов вместе.

30

Время написания этой книги